

ISSN 0320-4472 (Print)
ISSN 2687-0398 (Online)

Античная древность и средние века

Том 49 ✧ 2021

**ANTICHNAYA DREVNOST'
I SREDNIE VEKA**

2021

VOLUME 49

**АНТИЧНАЯ ДРЕВНОСТЬ
И СРЕДНИЕ ВЕКА**

2021

ТОМ 49

ISSN 0320-4472 (Print)
ISSN 2687-0398 (Online)

**АНТИЧНАЯ ДРЕВНОСТЬ
И СРЕДНИЕ ВЕКА
2021. Т. 49**

Издается с 1960 г.
Основан проф. М. Я. Сюзюмовым
Выходит один раз в год

Учредитель: Федеральное
государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования «Уральский
федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина»
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Издатель: Издательство
Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС7776540 от 09 августа 2019 г.

Журнал индексируется в БД:
SCOPUS; DOAJ; European Reference
Index for the Humanities and the Social
Sciences (ERIH PLUS);
Российский индекс научного
цитирования (РИНЦ)

В журнале публикуются научные статьи и рецензии, посвященные широкому спектру вопросов истории, литературы, культуры и археологии Восточного Средиземноморья в эпоху поздней Античности и Средних веков. Журнал предназначен для ученых и преподавателей, аспирантов и студентов, интересующихся историей и культурой Древнего Рима, Византии и стран византийского культурного круга.

<https://journals.urfu.ru/index.php/adsv>
Адрес редакции:
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

**ANTICHNAYA DREVNOST'
I SREDNIE VEKA
2021. Vol. 49**

Published since 1960
Founded by Prof. M. Ja. Sjuzumov
Yearbook

Founded by Ural Federal University
19 Mira Str., 620002, Ekaterinburg, Russia

Publisher: Ural University Press
4 Turgenev Str., 620000, Ekaterinburg,
Russia

Mass media registration certificate
PI FS7776540 as of August 09, 2019

The Journal is indexed in:
SCOPUS; DOAJ; European Reference
Index for the Humanities and the Social
Sciences (ERIH PLUS);
Science Index (eLibrary)

The Journal publishes academic articles and reviews discussing a wide range of issues of history, literature, culture and archaeology of the Eastern Mediterranean in the Late Antiquity and the Middle Ages. It is addressed for scholars, teachers and university students interested in the history and culture of Ancient Rome and Byzantium and the countries of the Byzantine cultural circle.

<https://journals.urfu.ru/index.php/adsv>
Editorial Office Address:
4, Turgenev Str., 620000 Ekaterinburg,
Russia

© Уральский федеральный университет, 2021
© Ural Federal University, 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Куц Т. В., д. и. н., заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия – *главный редактор*

Айбабин А. И., д. и. н., директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма, Крымский федеральный университет, Симферополь, Россия

Бибиков М. В., д. и. н., профессор, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

Йорданов И., д. и. н., профессор, Университет «Епископ Константин Преславский», Шумен, Болгария

Медведев И. П., академик РАН, д. и. н., профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия

Радич Р., доктор, профессор, Белградский университет, Сербия

Степаненко В. П., д. и. н., профессор, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Цукерман К., доктор, профессор, Практическая школа высших исследований, Парижский университет наук и литературы, Париж, Франция

EDITORIAL BOARD

Tatiana Kushch, Dr Hab. (History), Head of the Ancient and Medieval History Department, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia – *Editor-in-Chief*

Aleksandr Aibabin, Dr Hab. (History), Director of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Mikhail Bibikov, Dr Hab. (History), Professor, Chief Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Ivan Jordanov, Dr Hab. (History), Professor, Konstantin Preslavsky University, Shumen, Bulgaria

Igor Medvedev, Academician of the Russian Academy of Sciences, Dr Hab. (History), Professor, Chief Researcher, St. Petersburg Institute for History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

Radivoj Radić, Dr Hab. (History), Professor, University of Belgrade, Serbia

Valerii Stepanenko, Dr Hab. (History), Professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Constantin Zuckerman, Docteur, Professeur, Ecole pratique des hautes études, Université de recherche Paris Sciences et Lettres, Paris, France

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алексеевко Н. А.</i> Нумизматические раритеты античного Херсонеса: дихалк конца III в. до н. э. с именем Матродора	10
<i>Козлов А. С.</i> О тенденциозности записей в <i>Continuatio Prosperi Hauniensis</i>	19
<i>Завадская И. А.</i> Фигуративные изображения в раннехристианской погребальной живописи Херсонеса	38
<i>Бутырский М. Н.</i> Христос – <i>comes Augusti</i> : к вопросу о нумизматической иконографии Юстиниана II	55
<i>Казанский М. М.</i> Боевой нож с орлиноголовой рукоятью с Боспора Киммерийского	70
<i>Айбабин А. И.</i> Об освоении греческого языка готами и аланами Горного Крыма	79
<i>Науменко В. Е., Герцен А. Г.</i> Сасанидский ложный перстень из раскопок Мангупского дворца: проблемы атрибуции и интерпретации	97
<i>Виноградов А. Ю., Чхаидзе В. Н.</i> Печать Константина, сына протопроедра и эксуснократора всей Алании (ок. 1065–1075 гг.)	115
<i>Кънев Н.</i> Новая византийская свинцовая печать из района средневековой крепости Русокастро (Юго-Восточная Болгария)	135
<i>Степаненко В. П.</i> Арцруниды-Сенахеримы в византийской администрации балканских фем в XI в.	141
<i>Ганцев В. К.</i> Виноградные ножи средневекового Крыма	147
<i>Кирилко В. П.</i> Архитравная плита входа в надвратную церковь Фуны	164
<i>Майко В. В.</i> Византийские элементы материальной культуры Боспора XIII–XIV вв. (на примере раскопа 2018 г.)	176
<i>Хайрединова Э. А.</i> Фрагменты керамики с христианскими граффити из средневековых погребений Крыма	193
<i>Душенко А. А.</i> Сабатон из раскопок дворца Мангупского городища	219

Античная древность и средние века. 2021. Т. 49

<i>Белорусова Т. Е.</i> Интеграционные процессы в полиэтничном обществе Пелопоннеса после византийской реставрации 1262 г.	240
<i>Макаров Д. И.</i> Элементы теории коммуникации в «Памятных записках» Феодора Метохита (гл. 1–26; 71)	254
<i>Пашкин Н. Г.</i> Византия и Запад на пути к Констанцскому собору.	277
<i>Шагинян А. К.</i> Новые изыскания по позднеантичной истории военного дела. .	305
<i>Куц Т. В.</i> К истории советского византиноведения: письма М. Я. Сюзюмова к З. В. Удальцовой	318
Список сокращений	393

CONTENTS

<i>Nikolai A. Alekseenko</i> . Numismatic Rarities of Ancient Chersonese: A Dichalkos from the Late-Third Century BC Featuring the Name of Matrodoros . . .	10
<i>Aleksandr S. Kozlov</i> . On Tendentious Records in the <i>Continuatio Prosperi Hauniensis</i>	19
<i>Irina A. Zavadskaya</i> . Figurative Images in the Early Christian Funeral Paintings of Chersonese	38
<i>Mikhail N. Butyrskii</i> . Christ as <i>Comes Augusti</i> : On the Question of Numismatic Iconography of Justinian II	55
<i>Michel Kazanski</i> . Combat Knife with Eagle-Headed Handle from Cimmerian Bosporos	70
<i>Aleksandr I. Aibabin</i> . How the Goths and Alans of the Mountainous Crimea Assimilated Greek Language	79
<i>Valerii E. Naumenko, Aleksandr G. Gertsen</i> . Sasanian Pseudo-Signet-Ring Excavated at the Palace of Mangup: The Aspects of Its Attribution and Interpretation	97
<i>Andrey Yu. Vinogradov, Victor N. Chkhaidze</i> . Seal of Konstantinos, the Son of the Protoproedros and Exousiokrator of All Alania (ca 1065–1075) . . .	115
<i>Nikolay Kanev</i> . New Byzantine Lead Seal from the Area of the Medieval Fortress of Rusokastro (South-Eastern Bulgaria)	135
<i>Valerii P. Stepanenko</i> . Artsruni-Senaichereim Family in the Byzantine Administration of the Eleventh-Century Balkan Themes	141
<i>Valentin K. Gantsev</i> . Winegrower's Knives in the Mediaeval Crimea	147
<i>Vladimir P. Kirilko</i> . Architrave Slab of the Entrance into the Gate Church of Funa	164
<i>Vadim V. Maiko</i> . Byzantine Elements of the Material Culture of the Thirteenth-Fourteenth Century Bosporos (On the Example of 2018 Excavation Trench)	176
<i>Elzara A. Khairedinova</i> . Ceramic Fragments with Christian Graffiti from Mediaeval Burials in the Crimea	193

Antichnaya drevnost' i srednie veka. 2021. Vol. 49

<i>Anton A. Dushenko.</i> Sabaton Excavated at the Palace of the Ancient Town of Mangup	219
<i>Tatiana E. Belorussova.</i> Integration Processes in the Polyethnic Society of the Peloponnesos after the Byzantine Restoration of 1262	240
<i>Dmitrii I. Makarov.</i> Some Elements of Communication Theory in Theodore Metochites' <i>Memorable Notes</i> (Ch. 1–26, 71)	254
<i>Nikolai G. Pashkin.</i> Byzantium and the West on the Way to the Council of Constance	277
<i>Arsen K. Shahinyan.</i> New Researches on the Late Antique History of Warfare.	305
<i>Tatiana V. Kushch.</i> On the History of the Soviet Byzantine Studies: The Correspondence of M. Ja. Sjuzjumov to Z. V. Udal'tsova	318
List of abbreviations	393

Н. А. Алексеенко

Институт археологии Крыма РАН

Симферополь, Россия

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ РАРИТЕТЫ АНТИЧНОГО ХЕРСОНЕСА: ДИХАЛК КОНЦА III В. ДО Н. Э. С ИМЕНЕМ МАТРОДОРА

Нумизматика античного Херсонеса представлена значительным количеством монетных эмиссий серебра и меди. Разнообразие сюжетов автономного периода под стать количеству известных на монетах имен магистратов, отвечавших за выпуск городской денежной массы. В отдельных случаях имена чиновников-монетариев представлены в сокращенной форме, что затрудняет их расшифровку. В статье рассматривается один из выпусков херсонесских дихалков второй половины III в. до н. э. типа «голова Геракла вправо / бодающий бык влево» с магистратским именем Матр (МАТР), которое всегда передается без расшифровки. Недавно в поле нашего внимания попала одна из монет этой серии с более полной версией имени магистрата – МАТРОΔ, что, безусловно, предполагает имя Матродор. В херсонесской керамической эпиграфике среди местных амфорных клейм, которые датируются последней третью III в. до н. э., известно имя астинома Матродора, сына Лисиппа. Учитывая совпадение редкого для Херсонеса имени, характерный нумизматический тип, а также сами датировки клейм, очевидно, что речь должна идти о деятельности в Херсонесе чиновника-архонта, который в своей служебной карьере последовательно занимал сначала должность астинома, а затем инспектора-монетария в полисной администрации. В этом случае нижняя граница клеймения херсонесских амфор от имени Матродора должна быть близка времени занятия им должности монетного магистрата. Таким образом, датировка этого выпуска монет должна относиться ко времени около последнего десятилетия III в. до н. э.

Ключевые слова: Крым; Херсонес; античная нумизматика; III в. до н. э.; монетные магистраты

Цитирование: *Алексеенко Н. А.* Нумизматические раритеты античного Херсонеса: дихалк конца III в. до н. э. с именем Матродора // Античная древность и средние века. 2021. Т. 49. С. 10–18. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.001>

Поступила в редакцию: 01.07.2021

Принята к печати: 11.10.2021

Nikolai A. Alekseienco

*Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences
Simferopol, Russia*

NUMISMATIC RARITIES OF ANCIENT CHERSONESE: A DICHALKOS FROM THE LATE-THIRD CENTURY BC FEATURING THE NAME OF MATRODOROS

Numismatics of ancient Chersonese comprises a big number of silver and copper coin issues. The variety of scenes on the coinage from the period of autonomy resembles the list of known names of officials featured on the coins as those responsible for the city's mintage. In some cases, the names of mint-makers are abbreviated, which makes the deciphering complicated. In this regard, let us call the attention to an issue of the *dichalkoi* of Chersonese from the second half of the third century BC featuring Herakles' head right / bull butting left, with the official's name "ΜΑΤΡ," always in shortened form. Recently there appeared a coin from the series in question with a more detailed version of the official's name abbreviated as "ΜΑΤΡΟΔ," which certainly supposed the name of "Matrodoros." In the epigraphic inscriptions on ceramic ware from Chersonese, particularly among the local amphorae stamps, there is a name of *astynomos* Matrodoros son of Lysippos dated from the last third of the third century BC. From the coincidence of this name which rarely occurred in Chersonese with specific numismatic type and the chronology of the stamps there are reasons to infer that this case is related to works of the same official of Chersonese, an *archon*, who consequently held positions of *astynomos* and then mint-maker in the *polis* government. If it was the case, the low chronological frame of the stamps on Chersonesan amphorae showing the name of Matrodoros was close to the time when he became the mint-maker. Therefore, the chronology of the coins in question should be close to the last decade of the third century BC.

Keywords: Crimea, Chersonese, antique numismatics, third century BC, monetary officials

For citation: Alekseienco, N. A. (2021). Numizmaticheskie raritety antichnogo Kheresonesa: dikhalk kontsa III v. do n. e. s imenem Matrodora [Numismatic Rarities of Ancient Chersonese: A Dichalkos from the Late-Third Century BC Featuring the Name of Matrodoros]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 49, 10–18. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.001>

Submitted: 01.07.2021

Accepted: 11.10.2021

В древнегреческом обществе существовал целый ряд государственных демократических институтов, ведавший организацией управления внутригородской жизнью: астиномы наблюдали за санитарным состоянием города, метрономы – за правильностью мер и весов, а аго-

раномы – за соблюдением правил рыночной торговли, ситофилаки (хлебные инспекторы) следили за ценами на хлеб и т. д., причем «прежде чем уйти со своего поста после годового исполнения обязанностей, каждый магистрат сдавал отчет или в Народном собрании, или в Совете...»¹. В то же время даже Аристотель в своей «Политике» сетует на уже тогда существовавшую проблему обширности современного ему законодательства и административного аппарата. Древнегреческий ученый в надежде ее решения восклицал: «Правда, Сократ утверждает, что воспитание избавит граждан иметь много узаконений, например касающихся астиномии, агораномии и тому подобного, поскольку воспитание будут получать только стражи»².

Во всем многообразии древнегреческих бюрократических служб одним из институтов полисного административного управления был и магистрат, следивший за чеканкой монет.

Исследователи давно пришли к выводу, что монетной чеканкой в Херсонесе управляла коллегия магистратов, хотя представления об их ведомственной принадлежности и не однозначны³. По мнению В. А. Анохина, в Херсонесе за это отвечала коллегия номофилаков, три члена которой в качестве стражей закона выполняли одну из важнейших функций в государственной системе полиса⁴. С нашей точки зрения, надзор за соблюдением правил монетной чеканки, скорее, более подходит инспекции метрономов или агораномов, нежели стражам-хранителям номофилакам, призванным блюсти существующее законодательство и препятствовавшим всевозможным противозаконным действиям. Рассматривая одну из херсонесских монет с новым именем монетария (ΦΟΡΜΙΩΝΟΣ), мы отмечали, что не исключено, что отдельные херсонесские архонты-магистраты на протяжении их активной общественной деятельности могли занимать разные посты в управлении херсонесского полиса⁵. И как нам представляется, вводимая сегодня в научный оборот еще одна монета античного Херсонеса является дополнительным свидетельством справедливости высказанного выше тезиса.

¹ История Древней Греции / под ред. В. И. Кузищина. М., 1996. С. 169, 173.

² Аристотель. Политика / пер. С. А. Жебелева // Аристотель. Сочинения. М., 1983. Т. 4. С. 412–413.

³ Ср.: *Махов И. И.* Амфорные ручки Херсонеса Таврического // ИТУАК. 1912. Вып. 48. С. 150–183; *Орешников А. В.* Олицетворение общины Херсонеса Таврического // ИРАИМК. 1922. Т. 2. С. 113–121; *Зограф А. Н.* Античные монеты. М., 1951. С. 160; *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев, 1977. С. 42, 43.

⁴ *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса... С. 42, 43.

⁵ *Алексеенко Н. А.* Неизвестный монетный магистрат на монетном дворе античного Херсонеса // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2018 года. М., 2018. С. 21.

Нумизматические раритеты античного Херсонеса

Как известно, нумизматика античного Херсонеса, впрочем, как и многих других древнегреческих полисов, представлена значительным количеством монетных эмиссий серебра и меди (бронзы). Разнообразие сюжетов автономного периода под стать количеству известных на монетах имен магистратов, отвечавших за выпуск городской денежной массы.

На просопографию античного Херсонеса в отечественной библиографии одним из первых обратил внимание В. Н. Даниленко⁶, собравший сведения почти о трех сотнях херсонеситов IV–III вв. до н. э., упоминающихся в различных источниках (лапидарных, эпиграфических, нумизматических). Исследователь пришел к заключению, что в легендах керамических клейм и монет несомненно упоминаются имена магистратов, независимо от того, есть ли указание на название должности или нет. При этом, по мнению ученого, «всегда, или почти всегда, на различные должности избирались лица из числа привилегированной верхушки населения...»⁷ И что для нас наиболее важно – это резюмирующий вывод о том, что упоминание в разных надписях, близких по времени, одинакового имени в большинстве случаев гарантирует нам принадлежность памятника одному и тому же лицу⁸.

Недавно Е. Я. Туровский провел анализ имен, представленных на херсонесских керамических клеймах, и сопоставил их с именами магистратов городских монетных выпусков⁹. Исследователь пришел к заключению, что вполне определенно можно говорить, что существует некая закономерность в преемственности занятия магистратских должностей в администрации полиса IV–III вв. до н. э. в значительной степени одними и теми же персонажами или же близкими родственниками¹⁰. Здесь, как нам представляется, будет уместным привести и напоминание исследователя о существовании в древнегреческих полисах так называемых «профессиональных политиков», которые в ходе своей карьеры последовательно проходили «свой путь славы от младших магистратур (астином, агораном, монетарий) до высших (стратег, жрец)»¹¹. И с этим нельзя не согласиться.

В этой связи хотим обратить внимание на один из выпусков херсонесской меди III в. до н. э., анонсированный в начале и хорошо известный в нумизматике античного Херсонеса.

⁶ Даниленко В. Н. Просопография Херсонеса IV–II вв. до н. э.: по эпиграфическим данным Северного Причерноморья // АДСВ. 1966. Вып. 4. С. 136–178.

⁷ Там же. С. 168.

⁸ Там же. С. 170.

⁹ Туровский Е. Я. Личные имена на херсонесских монетах и керамических клеймах: опыт сравнения // Античный мир и археология. Саратов, 2015. Вып. 17. С. 342–351.

¹⁰ Там же. С. 350.

¹¹ Там же. С. 343.

Речь идет о серии херсонесских дихалков (вес 1,81–2,8 г), на аверсе которых представлена голова Геракла вправо, с накинутым на затылок львиным скальпом, а на реверсе – изображение бодающего быка влево, сверху которого начальные буквы имени города (ΧΕΡ), а внизу под чертой имени магистратов: (ΑΡΧΙΚΛΕΙΟ, ΒΟΛΛΙΩΝΟ, ΜΑΤΡ)¹². Исследователи датируют эти монеты второй половиной III – рубежом III/II в. до н. э. или даже II в. до н. э.¹³

В данном случае нас интересует последнее из магистратских имен – ΜΑΤΡ, не имеющее окончания. На всех известных до последнего времени монетах этого выпуска содержится только такое неполное имя магистрата, что, в свою очередь, несомненно, предусматривало и определенную вариативность в его выборе. В этой связи последнее и передавалось в публикациях без какой-либо расшифровки.

Представленные в генитиве магистратские имена на двух других выпусках этой серии не вызывают никаких сомнений. Здесь безошибочно читаются имена монетариев Архиклея и Боллиона; в легенде отсутствует (сокращена) лишь конечная «ипсилон» в дифтонге ου. Что же касается сокращенной формулы «ΜΑΤΡ», которая, надо полагать, также, согласно традиции, должна отражать представленное в генитиве имя монетария, то здесь, как справедливо отметил Е. Я. Туровский, вряд ли зашифровано имя Матрия (Μάτρις)¹⁴, хорошо известное в керамической эпиграфике Херсонеса IV–II вв. до н. э. в сопровождении сразу нескольких патронимов¹⁵. На основании одной из монет этой серии, к сожалению, не вполне удовлетворительной сохранности, автор предположил, что за этим сокращением может скрываться имя Ματρῶδωρος¹⁶, известное в херсонесской керамической эпиграфике

¹² Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса... С. 144. № 147–149, табл. X, 147–149; *Silloge Nummorum Graecorum*. London, 1993. Vol. IX, Pt. 1 : The Black Sea. Pl. XXXI, 804; Золотарев М. И., Кочеткова Е. М. Монеты Херсонеса Таврического IV в. до н. э. – XIII в. н. э. Коллекция В. Н. Орехова в собрании Национального заповедника «Херсонес Таврический»: каталог. Севастополь, 1999. С. 30. № 31, 32; Туровский Е. Я., Горбатов В. М. Монеты античного и средневекового Херсонеса : каталог-определитель. Симферополь, 2013. С. 102, 103, № 174, 176, 178.

¹³ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса... С. 144. № 149 (210–200 гг. до н. э.); Туровский Е. Я., Горбатов В. М. Монеты античного и средневекового Херсонеса. С. 102. № 178 (260–240 гг. до н. э.); ср.: Зограф А. Н. Античные монеты... С. 150, табл. XXXVI. № 9 (II в. до н. э.).

¹⁴ Туровский Е. Я. Личные имена на херсонесских монетах... С. 348.

¹⁵ Кац В. И. Керамические клейма Херсонеса Таврического : каталог-определитель. Саратов, 1994. С. 103, 104. № 74–77; *Его же*. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. 2007. Вып. XVIII. С. 442, 443. Прил. X (I ХГ. 24; II ХГ. 17; III. ХГ. 7).

¹⁶ Туровский Е. Я. Личные имена на херсонесских монетах... С. 348.

Нумизматические раритеты античного Херсонеса

III в. до н. э.¹⁷ Справедливости ради необходимо отметить научную прозорливость исследователя и безоговорочно согласиться с его наблюдением, поскольку сегодня тому нашлось основательное подтверждение.

Недавно в поле нашего внимания попала одна из монет рассматриваемой серии с более полной версией имени магистрата.

Херсонесский дихалк конца III в. до н. э. с именем магистрата Матродора.
Фото Ю. А. Цепкова

A Chersonesean dikhalkos from the late third century BC showing the name of the magistrate Matrodoros. *Photo: Yu. A. Tsepkov*

Монета находится в частной коллекции, ее диаметр –16 мм; вес – 2,69 г. (см. иллюстрацию)¹⁸.

Аверс. Голова Геракла с надетым на затылочную часть львиным скальпом, вправо. Легенды нет.

Реверс. Бодающий бык на черте, влево. Сверху – начальные буквы имени города: ХЕР; внизу, под чертой, имя магистрата: МАТРОД.

Традиционная реконструкция имени в генитиве – Матрод(όρου).

Благодаря хорошей сохранности оборотной стороны монеты и собственно надписи, содержащей имя магистрата, не вызывает сомнения, что на этом выпуске, несмотря на очередную сокращенную формулу (в конце отсутствует дифтонг родительного падежа ου), представлено имя именно монетария Матродора, которого, как и предполагал

¹⁷ *Кац В. И.* Керамические клейма Херсонеса Таврического. С. 104. № 78; *Его же.* Греческие керамические клейма... С. 442. Прил. X (II ХГ. 45).

¹⁸ Автор выражает глубокую признательность Ю. А. Цепкову за неиссякаемую энергию на поприще изучения крымской античной и средневековой нумизматики, а также неустанный поиск новых типов и разновидностей монет.

Е. Я. Туровский, очевидно, следует отождествлять с известным херсонесским астиномом Матродором, сыном Лисиппа (на херсонесских клеймах представлено в трех вариантах: *Ματροδῶρου τοῦ Λυσίππου* | *ἀστυνομοῦντος*; *Ματροδῶρου ζ | τοῦ Λυσίππου ο | ἀστυνομοῦντ(ος)* или *Ματροδῶρου τοῦ | Λυσίππου ἀστυ | νομοῦντος*)¹⁹.

В соответствии с современной хронологической классификацией херсонесских магистратов-астиномов В. И. Каца, клейма Матродора отнесены к подгруппе Г второй группы и, соответственно, датируются 239–228 гг. до н. э.²⁰ В. Ф. Столба также определяет достаточно близкие хронологические рамки для этой подгруппы клейм – 230–206 гг. до н. э.²¹ В сравнительной таблице предложенных систем клеймения херсонесских амфор данные для группы 2Г в системе В. Ф. Столбы соответствуют группе II ХГ В²². Но так или иначе деятельность рассматриваемого нами персонажа однозначно приходится на последнюю треть III в. до н. э., что вполне согласуется с датировкой монет с именем Матродора.

Совпадение довольно редкого для Херсонеса имени у двух персонажей, представлявших различные городские магистратуры, характерный нумизматический тип, а также предложенные исследователями датировки клейм и монет, очевидно, позволяют говорить о деятельности в городской администрации Херсонеса чиновника, который на протяжении своей служебной карьеры последовательно занимал должность то одного, то другого магистрата. Надо полагать, что пост инспектора-монетария находился на более высокой ступени полисной иерархии. В таком случае нижняя граница клеймения херсонесских амфор от имени Матродора должна быть близка времени занятия им должности монетного магистрата, т. е. около последнего десятилетия III в. до н. э.

Таким образом, по нашему мнению, нельзя согласиться с датировкой этой серии монет, предложенной Е. Я. Туровским, – 260–240 гг. до н. э.²³ А вот отнесение этого выпуска ко времени около 210–200 гг. до н. э.²⁴, напротив, оказалось верным и практически полностью коррелируется с данными керамической эпиграфики.

¹⁹ *Кац В. И.* Керамические клейма Херсонеса Таврического. Табл. XXXIV, 1–78, 1–3.

²⁰ *Кац В. И.* Греческие керамические клейма... С. 442. Прил. X. № 45; ср.: *Его же.* Керамические клейма Херсонеса Таврического. С. 104. № 78 (здесь – группа 2Б).

²¹ *Stolba V. F.* Hellenistic Chersonesos: Towards Establishing a Local Chronology // *Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 BC / ed. V. F. Stolba, L. Hannestad.* Ahrhus, 2005. P. 155, 170.

²² *Кац В. И.* Греческие керамические клейма... С. 326. Табл. 20.

²³ *Туровский Е. Я., Горбатов В. М.* Монеты античного и средневекового Херсонеса. С. 102. № 178.

²⁴ *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса... С. 144. № 149.

Нумизматические раритеты античного Херсонеса

Однако вопрос о наименовании должности монетного магистрата по-прежнему остается в разряде дискуссионных. Как уже было отмечено, В. А. Анохин полагал, что за монетное дело в Херсонесе отвечали номофилаки. В то же время хочется отметить, что еще в начале XX столетия И. И. Махов высказал мнение, что имена на монетах принадлежали городским астиномам²⁵. Правда, с точки зрения Е. Я. Туровского, сопоставление списков имен, известных на монетах, со списком имен астиномов показывает невозможность существования такой практики в Херсонесе. Действительно, многие монетные магистраты не находят параллелей в керамической эпиграфике. Однако нам доподлинно так и не известно, кто из административного аппарата отвечал за выпуск монеты. Понятно, что, в отличие от клейм и иных эпиграфических источников, маленькое поле монеты не позволяло разместить никакой другой информации, кроме имени монетария. Но, очевидно, его было достаточно, чтобы понимать, кто из полисных магистратов несет ответственность в случае возникновения каких-либо проблем с монетным производством.

Не исключено, что в античном Херсонесе, в отличие от Афин, могла существовать и некая объединенная коллегия архонтов, осуществлявшая общий метрологический надзор в полисе, и в юрисдикцию городских астиномов могли входить не только надзор за чистотой и порядком, но и контроль за мерами весов, объемов, монетой и правилами торговли. И, как представляется, Матродор сын Лисиппа на постах астинома и монетария в этом смысле являет один из таких возможных примеров.

REFERENCES

Alekseienko, N. A. (2018). Neizvestnyi monetnyi magistrat na monetnom dvore antichenogo Khersonesa [Unknown Mint Magistrate at the Mint of Antique Chersonesos]. *Numizmaticheskie chteniia Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia 2018 goda* [Numismatic Readings of the State Historical Museum in 2018] (pp. 19–21). Moscow: State Historical Museum.

Anokhin, V. A. (1977). *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n. e. – XII v. n. e.)* [Mining of Chersonesos (IV century BC – XII century AD)]. Kiev: Naukova dumka.

Aristotle. *Politika* [Aristotle. Politics] (1983). In S. A. Zhebelev (Ed.), *Aristotel' . Sochineniia* [Aristotle. Essays] (Vol. 4, pp. 376–644). Moscow: Mysl'.

Danilenko, V. N. (1966). Prosopografia Khersonesa IV–II vv. do n. e.: po epigraficheskim dannym Severnogo Prichernomor'ia [Prosopography of Chersonesos of Fourth–Second Centuries BC: According to the Epigraphic Data of the Northern Black Sea Region]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 4, 136–178.

Kats, V. I. (1994). *Keramicheskie kleima Khersonesa Tavricheskogo: katalog-opredelitel'* [Ceramic Stamps of Tauric Chersonesos: Definitive Catalog]. Saratov: Saratov State University Press.

²⁵ Махов И. И. Амфорные ручки Херсонеса Таврического. С. 151. Прим. 1.

Kats, V. I. (2007). Grecheskie keramicheskie kleima epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniia) [Greek Ceramic Stamps of the Era of Classics and Ellinism (an Experience of Complex Study)]. *Bosporskie issledovaniia*, 18, 521–526.

Kuzishchin, V. I. (Ed.). (1986). *Istoriia Drevnei Gretsii* [History of Ancient Greece]. Moscow: Vysshiaia shkola.

Makhov, I. I. (1912). Amfornye ruchki Khersonesa Tavricheskogo [Amphora Handles of Tauric Chersonesos]. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 48, 150–183.

Oreshnikov, A. V. (1922). Olitsetvorenienie obshchiny Khersonesa Tavricheskogo [The Personification of the Community of Tauric Chersonesos]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii istorii material'noi kul'tury*, 2, 113–121.

Turovsky, E. Ya. (2015). Lichnye imena na khersonesskikh monetakh i keramicheskikh kleimakh: opyt sravneniia [Personal Names of the Chersonesus Coins and Ceramic Stamps: Comparison Experience]. *Antichnyi mir i arkheologiia* (Iss. 17, pp. 342–351). Saratov: Saratov State University.

Turovsky, E. Ya., & Gorbatov, V. M. (2013). *Monety antichnogo i srednevekovogo Khersonesa: katalog-opredelitel'* [Coins of Ancient and Medieval Chersonesos: Definitive Catalog]. Simferopol: DIAIPI Publ.

Silloge Nummorum Graecorum (Vol. IX, Pt. 1: The Black Sea) (1993). London: British Museum.

Stolba, V. F. (2005). Hellenistic Chersonesos: Towards Establishing a Local Chronology. In V. F. Stolba, & L. Hannestad (Eds.), *Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 BC* (pp. 153–178). Aarhus: Aarhus University Press.

Zograf, A. N. (1951). *Antichnye monety* [The Ancient Coins]. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences.

Zolotaryov, M. I., & Kochetkova, E. M. (1999). *Monety Khersonesa Tavricheskogo IV v. do n. e. – XIII v. n. e. Kolleksiia V. N. Orekhova v sobranii Natsional'nogo zapovednika "Khersones Tavricheskii": katalog* [Coins of Tauric Chersonesos Fourth Century BC – Thirteenth Century AD. Collection of V. N. Orekhov in the Collection of the National Reserve "Chersonesos Tauric": Catalog]. Sevastopol: Dizain-studiia "Kalamo".

Алексеевко Николай Александрович

Dr. Etudes médiévales

(Paris IV Sorbonne),

кандидат исторических наук,

ведущий научный сотрудник

Институт археологии Крыма РАН

295007, Симферополь,

пр. Вернадского, 2

E-mail: AlekseyenkoNikolaj@gmail.com

Alekseienko, Nikolai Aleksandrovich

Dr. Etudes médiévales

(Paris IV Sorbonne),

PhD (History), Leading Researcher

Institute of Archeology of the Crimea

of the Russian Academy of Sciences

2 Vernadsky Ave, 295007, Simferopol,

Russia

Email: AlekseyenkoNikolaj@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-1992-680X>

Scopus AuthorID: 56525277400

А. С. Козлов

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

О ТЕНДЕНЦИОЗНОСТИ ЗАПИСЕЙ В *CONTINUATIO PROSPERI HAUNIENSIS*

Исследование раскрывает признаки идейно-политической и отчасти социальной направленности составленных в Италии (скорее всего вскоре после 636 г.) анонимных компиляций, известных как *Continuatio Prosperi Hauniensis*, но представляющих собой смешение летописи, дубликата отрывков из ряда консульских списков Римской империи, а также краткого обзора правления остготских и лангобардских королей. Внимание сосредоточено на составе той части «Продолжения Проспера», которая ведет изложение с событий середины V в. Показано, что записи сохранили все признаки хроники поздней Античности, хотя содержание документа обнаруживает явные признаки недоработки и путаной, незавершенной редактуры (особенно в разделах, посвященных описанию исчезновения императорской власти на Западе). Сообщения, касающиеся лангобардского времени, наоборот, четки и последовательны в своей концептуальности. Данные этого раздела записей явно скомпонованы одним автором, работавшим в VII в. скорее всего в Павии (основной резиденции лангобардских королей) и стремившимся своим сочинением отразить необходимость примирения италийской верхушки того времени с верхушкой завоевателей-варваров. Стабильность положения в Италии, по мысли этого анонимного компилятора, уже зависит не от империи, а от правителей варваров, которые в большинстве своем являются умелыми и прагматичными воинами и политиками. В отличие от ряда других хронистов и историков VI–VII вв., компилятор не разделяет взглядов Григория Турского, Исидора Севильского и Иоанна Бикларского, ратовавших за применение силы как основного средства для достижения стабильности. Ему ближе политика «умиротворения», олицетворяемая папой Григорием Великим.

Ключевые слова: источниковедение поздней Античности; позднеантичные хроники; Проспер Аквитанский; *Continuatio Prosperi Hauniensis*

Цитирование: Козлов А. С. О тенденциозности записей в *Continuatio Prosperi Hauniensis* // Античная древность и средние века. 2021. Т. 49. С. 19–37. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.002>

Поступила в редакцию 06.06.2021
Принята к печати 11.10.2021

A. C. Козлов

Aleksandr S. Kozlov

*Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia*

ON TENDENTIOUS RECORDS IN THE *CONTINUATIO PROSPERI HAUNIENSIS*

This research reveals the features of ideological, political, and partly social orientation of the anonymous compilations formed in Italy (most likely shortly after 636 AD) and known as *Continuatio Prosperi Hauniensis*, which were the mixture of a chronicle, a duplicate of excerpts from numerous consular lists of the Roman Empire, and a brief overview of the rule of the Ostrogothic and Lombard kings. The author's attention is focused on the composition of the part of the "Continuation of Prosper" beginning with the events of the mid-fifth century. It is shown that the records saved all the features of a late antique chronicle, though the content uncovers obvious signs of imperfection and confused and incomplete editing (especially in the sections describing the disappearance of the imperial power in the West). On the contrary, the notes on the Lombard Period are clear and consistent in conceptuality. The data in this section of the records are definitely compiled by a single author who worked in the seventh century, most likely in Pavia (the main residence of the Lombard kings), and sought to reflect in his work the need to reconcile contemporary Italian elite with the leaders of barbarian conquerors. According to this anonymous compiler, the stability of the situation in Italy no longer depended on the empire, but rather on the barbarian rulers, who were mostly skilled and pragmatic warriors and politicians. In contrast to a number of sixth and seventh century chroniclers and historians, the compiler does not share the views of Gregory of Tours, Isidore of Seville, and John of Biclar, who advocated the use of force as the main means to achieve stability. He was closer to the "pacification" policy personified by Pope Gregory the Great.

Keywords: source studies of the Late Antiquity; Late Antique chronicles; Prosper of Aquitaine; *Continuatio Prosperi Hauniensis*

For citation: Kozlov, A. S. (2021). O tendentsioznosti zapisei v *Continuatio Prosperi Hauniensis* [On Tendentious Records in the *Continuatio Prosperi Hauniensis*]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 49, 19–37. <https://doi.org/10.15826/adv.2021.49.002>

Submitted: 06.06.2021

Accepted: 11.10.2021

О тенденциозности записей в *Continuatio Prosperi Hauniensis*

Хроникальные, в основном компилятивные записи, содержащиеся в Копенгагенском манускрипте № 454 Королевской библиотеки Дании (датированном обычно XII в.)¹, Т. Моммзен, включивший их в свой знаменитый компендиум *Consularia Italica*, назвал *Continuatio Prosperi Hauniensis*². Название это, кроме всего прочего, в определенной степени отражает сложность и запутанность указанных записей как компиляции³ (см. об этом ниже). Актуальность данного документа прежде всего в том, что он фиксирует рефлексию части италийской знати VII в. на два крупных явления: исчезновение императорской власти на Западе в 470-е гг. и приспособление этой знати к завоеванию значительной части Италии лангобардами⁴. Однако понимание этой рефлексии, а значит, и специфики использования компилятором (или компиляторами?) своих источников, как правило, до сих пор ставит под сомнение стремление завершителя свода такого рода записей (назовем его, вслед за Моммзеном, Продолжателем) создать из их материала определенную цельность, дабы скомпоновать полноценную хронику знаковых событий V–VII вв. На вопрос о какой-то другой цели компилятора, о наличии у него какого-то исторического видения специалисты, как правило, отвечали отрицательно.

Превалировало мнение первого издателя и комментатора документа, Г. Хилле, заявлявшего: «Не может ускользнуть от чьего-либо внимания то, что вещи, почерпнутые у Иеронима, Проспера и Исидора, не имеют никакой пользы, кроме как для правки их же сообщений, ибо ломбардские дела лучше и точнее описаны Павлом Дьяконом, а немногое сообщаемое о папах и императорах едва ли обладает каким-то серьезным весом, – так что единственное, что достойно более тщательного

¹ Лучшее описание манускрипта см.: *Mommsen Th. Consularia Italica* // MGH, AA. Berolini, 1882. Т. IX. Vol. 1. P. 266–267; *Muhlberger S. Heroic Kings and Unruly Generals: The “Copenhagen” Continuatio of Prosper Reconsidered* // *Florilegium*. 1984. Т. 6. P. 67–70.

² *Continuatio Prosperi Hauniensis* / rec. Th. Mommsen // MGH, AA. Berolini, 1882. Т. IX. Vol. 1. P. 298–305, 307–309, 311, 313, 317, 319, 321, 331, 333, 337–339 (далее в качестве ссылок на источник используются сокращения, принятые для обозначения его разделов в соответствии с их названиями, данными Т. Моммзеном).

³ Речь, разумеется, идет прежде всего о компиляции знаменитой «Хроники» Проспера Аквитанского (ум. 460 г.). В статье используется классическое издание труда Проспера: *Prosperi Tironis Epitoma Chronicon* / ed. Th. Mommsen // MGH, AA. Berolini, 1892. Т. XI. Vol. 1. P. 385–499 (далее – Prosper). О запутанности, композиционном несовершенстве и незавершенности редакторской работы над той частью документа, которая касается фиксации событий до 523 г., см.: *Козлов А. С. Особенности состава записей в Continuatio Prosperi Hauniensis* // АДСВ. 2020. Т. 48. С. 24–38.

⁴ См. об этом: *Holder-Egger O. Untersuchungen über einige analytische Quellen zur Geschichte des fünften und sechsten Jahrhunderts*, II // *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichte*. 1876. Bd. 1. S. 213–368; *Mommsen Th. Consularia Italica*. P. 266–267; *Cessi R. Studi sulle fonti dell'età Gotica e Longobarda*. II: *Prosperi Continuatio Hauniensis* // *Archivio Muratoriano*. 1922. Т. 22. P. 585–641; *Wes M. A. Das Ende des Kaisertums im Westen des römischen Reichs*. 's-Gravenhage, 1967. S. 57–63; *Muhlberger S. Heroic Kings*... P. 50–70.

рассмотрения, это то, что вытекает из данных Равеннского Анонима (т. е. Комментатора, о котором ниже. – А. К.)»⁵. Не удивительно, что, начиная с Г. Хилле, все работы с текстом Продолжателя сосредоточивались на реконструкции материалов, связанных с V в., и освобождением их от более поздних наслоений. При этом сам последний компоновщик документа (он же его последний редактор, он же Продолжатель), живший в VII в., подвергался резкой критике. Даже Р. Чесси, сделавший наиболее заметный вклад в анализ Копенгагенского документа, оценил Продолжателя и его вклад в историографию раннесредневекового Запада весьма негативно и назвал его человеком, неспособным к оригинальности, часто омрачающим свои источники скверной риторикой или фантастическими толкованиями, проистекающими из вопиющего невежества в истории⁶.

Можно понять ригоризм исследователей, ищущих в Копенгагенском своде хоть какие-то литературные достоинства или реалии, обогащающие наши знания об Италии V – начала VII в. Ибо Продолжатель, работая в VII в., оказался, как выразился С. Малбергер, «непреодолимым барьером» между этими исследователями и использованными им оригинальными источниками⁷, – в то время как недостатки его собственного оригинального труда весьма очевидны. Его проза рутинна и претенциозна, а его знание истории, как верно заметил Р. Чесси, весьма ограничено. Лишь С. Малбергер, сосредоточив внимание на специфике эвристики, применяемой Продолжателем к своим источникам (в том числе к его примечательным компилятивным приемам), сумел выявить в финальном разделе *Continuatio* стремление идейно-политически оправдать аккомодацию части италийского общества к последствиям лангобардского господства⁸.

Мне кажется, что наблюдения С. Малбергера можно существенно скорректировать, расширить, показать, что тенденциозность последнего компилятора записей (так называемого Продолжателя) намного сложнее и более явная, чем полагали и полагают многие. Но для этого надо учитывать не только текст записей, касающихся событий VI–VII вв., но и характер Копенгагенского документа в целом и, прежде всего, его композиции.

Она распадается на три объемных раздела, из которых легко идентифицируются первые два. Первый раздел, самый объемный, включает пассажи «Хроники» Иеронима, содержащей сообщения до 378 г.; откло-

⁵ Hille G. *Continuator Prosperi anni 641 ex Codice Hauniensi // Prosperi Aqvitani Chronici continuator havniensis* / ed. G. Hille. Berolini, 1866. P. 12.

⁶ Cessi R. *Studi sulle fonti...* P. 624–625.

⁷ Muhlberger S. *Heroic Kings...* P. 55–56.

⁸ Ibid. P. 62–63.

нения от текста оригинала «Хроники» здесь невелики: есть несколько добавлений, взятых «из труда Исидора», из более развернутой версии «Хроники Проспера» и из трактата *De viris illustribus* самого Иеронима. Второй раздел базируется на тексте продолжения Проспером (до 455 г.) «Хроники» Иеронима. В издании Моммзена эта часть носит название *Additamenta ad Prosperum Hauniensia* (далее – AdPH). Следует подчеркнуть, что кодекс содержит текст сочинения Проспера Аквитанского в полном виде, а его хронология приводимых консулатов подменяет хронологию Иеронима, основанную на царствованиях. В то же время составитель VII в. существенно дополнил работу Проспера, включив в нее две записи Исидора, а также выписки из многих утраченных (преимущественно летописных) сочинений V в. В нескольких местах основного текста, на полях и даже в тексте менее исторически точной, но более литературной записи Проспера Копенгагенская компиляция добавляет точные даты и топонимы, заимствованные из одной или нескольких версий консулярий V в. Точно так же она включает в текст Проспера несколько более пространных эсцерптов из какого-то более подробного источника.

Здесь следует оговориться, что составитель (или составители) записей Копенгагенского манускрипта, как и многие другие скрипторы своего времени, разумеется, обращался с исходным материалом в соответствии с конкретными целями. В частности, у него имелись четкие взгляды на упадок Рима и складывание новых государств в Италии, – взгляды, не лишённые значимости. В то же время эти записи отличает крайняя запутанность. Сам кодекс, созданный в XII или XIII вв., был небрежно скопирован со сложного и неполного протографа, отчего некоторые пассажи были опущены, а некоторые искажены. Ошибки создателя протографа исправлялись либо им самим, либо современниками как в самом тексте, так и добавлениями в виде маргиналий на полях. В результате записи под 458–474 гг. отсутствуют, а события 475–489 гг. дважды (хотя и несколько по-разному) презентуются в основном тексте и один раз в редакции маргиналий⁹. Однако, несмотря на некачественную структуру и ряд признаков более поздних интерполяций, текст документа наглядно демонстрирует представления его последнего по времени автора, работавшего в VII в., о фиксируемых событиях.

Еще раз следует обратить внимание на сложность самой компиляции, так же как и кодекса, ее содержащего. Ибо самым интересным и самым сложным разделом компиляции является третий. За своеобразие презентации исторических сведений Т. Моммзен охарактеризовал его автора как «уникального Копенгагенского Продолжателя Проспе-

⁹ Учитывая текстологические особенности трех групп такого рода маргиналий, Т. Моммзен назвал их *Auctarii Huniensis Ordo prior*, *Auctarii Huniensis Ordo priorposterior* и *Auctarii Huniensis Ordinis posterioris margo* (далее соответственно – АНОпр, АНОpost, АНОpm).

ра)¹⁰. Первая часть этого раздела, названная Т. Моммзенем *Auctarii Prosperum Hauniensis* (далее – АРН) и охватившая период 455–523 гг., была создана уже в VII в. на базе разных источников, из которых известны лишь некоторые. Из «Хроники» Исидора Севильского, которая сама была сочинением VII в., был взят список императоров, правивших со времен Проспера по время составителя, плюс записи, касающиеся истории готов, империи и церкви. К хронологии понтификатов пап, презентуемой Проспером, здесь был добавлен материал неизвестного, но весьма точного списка понтификатов¹¹. Однако основными источниками летописи, по крайней мере для фиксации событий до 523 г., были тексты, использовавшие данные консульских фаст, по-видимому, те же, что были взяты для *Additamenta* к Просперу. Они дали возможность автору (авторам) VII в. не только презентовать списки консулатов и совершавшихся при них событий (главный метод идентификации происходящего в те годы), но и добавить чисто исторические пассажи, включая его (их) собственное повествование о событиях времен лангобардов и Равеннского экзархата. Это повествование составило вторую часть раздела, которую Т. Моммзен назвал *Auctarii Hauniensis* (далее – АН). Природа этих источников, ранее уже отметившихся во втором разделе Копенгагенских записей, здесь выступает более рельефно. Некоторые из кратких, шаблонных, точно датированных пассажей характерны для консульских анналов, и очевидно, что здесь компилятор имел в своем распоряжении одну или несколько версий консулярий.

Другой источник записей данного раздела, хотя и базирующийся на пассажах хроник, гораздо интереснее. Это безапелляционная, хорошо оперирующая фактами история событий в Италии в V в., включая поражение Одоакра¹². Работа этого комментатора событий V в. (в дальнейшем будем называть его Комментатором) является той частью («Продолжения», которая заслужила наибольшее внимание исследователей¹³. Характер компиляции здесь меняется еще раз, так как переписчик опускает списки консулов. Что касается труда так называемого Комментатора, то с констатацией поражения Одоакра в 493 г. сей труд либо

¹⁰ *Mommsen Th. Consularia Italica*. P. 267.

¹¹ Мною использован содержащийся в Копенгагенском кодексе *Laterculus pontificum romanorum ex Codice Hauniensis* (далее – LPRCH), см.: *Mommsen Th. Consularia Italica*. P. 270–271.

¹² Комментарий относительно содержания данного источника см.: *Wes M. A. Das Ende des Kaisertums...* S. 66. Ann. 2.

¹³ *Everett N. Literacy in Lombard Italy, ca 568–774*. Cambridge, 2003. (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought. Fourth Series 4 ; Vol. 53). P. 86–87; *Lo Monaco F. Dai Fasti a Fredegario // I Longobardi e la storia: Un percorso attraverso le fonti / ed. F. Lo Monasco, F. Mores*. Rome, 2012. (Altomedioevo, 7). P. 75–104; *Borri F. Romans Growing Beards: Identity and Historiography in Seventh Century Italy // Viator*. 2014. Vol. 45, No 1. P. 45–49.

завершился, либо перестал интересовать компилятора. Консульский список, использованный Продолжателем, заканчивался на 523 г. Без этих двух документов сообщения Продолжателя как о хронологии событий, так и о самих событиях демонстрируют скудость и неточности. Хотя компиляция и продолжала презентовать списки императоров и пап, но уже не была способна привязать события к конкретным датам. Здесь компилятор, очевидно, работал с весьма ограниченным числом источников (узнаваем лишь краткий текст Исидора) и опирался на собственную память. Иначе говоря, у него было мало материала для фиксации событий периода от смерти Теодориха Великого до кампаний византийского полководца Нарсеса. Однако с констатации вторжения лангобардов записи становятся более полными, пока не завершаются описанием восшествия на престол и десятилетнего правления короля Адалоальда (616–625). Все эти особенности данной части записей, по форме разительно отличающейся от предыдущих частей, побудили в свое время Т. Моммзена назвать пассажи, фиксирующие события после 523 г., *Auctarii Hauniensis Extrema* (далее – АНЕ).

Следует учесть, что записи, содержащиеся в Копенгагенском манускрипте, естественно, легче всего описывать в рамках той терминологии, которую компиляция заимствовала у своих источников. Однако в этих пассажах есть и намеки на субъектность составителя. Он, несомненно, был италийцем и лучше всего знал историю Северной Италии и историю лангобардов¹⁴. Его отличающиеся деталями сведения о Павии и особый интерес к Лигурии, где располагался этот город, побудили Р. Чесси предположить, что Продолжатель Проспера был как-то связан с Павией, являвшейся в начале VII в. одним из основных центров королевства лангобардов¹⁵.

По поводу датировки окончательного оформления записей специалистами было предложено две версии. Многие приняли в качестве даты 641 г., так как пассаж, фиксирующий воцарение императора Ираклия (610–641), соотносится с тридцатым годом его правления. Т. Моммзен, однако, убедительно доказывал, что это замечание является интерполяцией и составление записей завершилось около 625 г. Списки пап и лангобардских королей завершаются в «Продолжении» примерно в том же году, и последующие события, происходившие либо в Италии, либо где-то еще, в «Продолжении» не отражены¹⁶.

¹⁴ *Borri F. Romans Growing Beards...* P. 46–47.

¹⁵ О. Хольдер-Эггер (*Holder-Egger O. Untersuchungen...* S. 266. Anm. 2) и Р. Чесси (*Cessi R. Studi sulle fonti...* P. 625. No 2) независимо друг от друга предполагали, что Продолжатель происходил из Милана, хотя Чесси оговорился о предпочтительности Павии как места работы хрониста. Аргументация, приведенная ими на этот счет, представляется весьма нестройной.

¹⁶ *Mommsen Th. Consularia Italica.* P. 267. Ср.: *Muhlberger S. Heroic Kings...* P. 62.

Можно привести еще один аргумент в пользу более ранней даты, нежели 641 г., поскольку в некоторых важных моментах восприятие Продолжателем недавнего прошлого, по-видимому, отражает начало царствования Ираклия, а не его конец¹⁷.

Специально стоит отметить, что интерес Продолжателя к борьбе ортодоксии с иноверием, особенно с арианством, а также круг и содержание его образованности позволяют предполагать, что он был священнослужителем. Несмотря на незнание многих конкретных событий, он был хорошо знаком с христианской летописной традицией и явно стремился писать в ее рамках. Подобно Иерониму, Просперу и Исидору, он поместил историю своего времени в христианский контекст: недавняя история была частью истории спасения, последним звеном в цепи событий, восходящих к временам апостолов и патриархов, к самому Творению¹⁸.

Наконец, Продолжатель был автором с некоторыми литературными и историческими амбициями. Там, где в его тексте труд Иеронима смыкался с сочинением Проспера, и там, где текст Проспера переходил в текст самого Продолжателя, т. е. в тех местах, где хронисты традиционно могли заявить о своем творчестве, компилятор претендует на собственный вклад в «предание». В сочинении Проспера по подобному поводу (возможно, анонимным переписчиком) отмечалось: «До сих пор Иероним упорядочивал предшествующие годы; теперь к тому, что следует, было добавлено как описание последующих [за этими годами. – А. К.] дел весьма религиозным и ученым Проспером, были приложены кое-какие дополнительные замечания, результат нашего собственного изыскания (*studiura*)»¹⁹. В заключительной части «Продолжения» отмечено: «До сих пор святой Проспер продолжал историю, хотя мы и связали с ней некоторые вещи, которые он упустил, благодаря нашему изысканию в прошлых веках: то, что следует как наши собственные изыскания, насколько было возможно, было проделано с большим трудом»²⁰. Продолжатель открыто признает свою зависимость от авторитетов прошлого, но в то же время презентует себя как скромного и одновременно слегка хвастливого их последователя, как эдакого добросовестного школьника, скомпоновавшего более полную историю из доступного ему материала.

¹⁷ Ср.: *Mommsen Th. Consularia Italica*. P. 267.

¹⁸ О роли хрониста как вдумчивого конструктора формы повествования в середине V в. рассуждал Идасий: *Hudatii Lemici Continuatio chronicorum Hieronymorum ad a. CCCCLXVIII preface* / ed. Th. Mommsen // MGH, AA. Berolini, 1894. T. XI. Vol. 2. P. 13–14.

¹⁹ Цит. по: *Mommsen Th. Consularia Italica*. P. 266.

²⁰ *Ibid.*

Конечно, в компиляции немало примеров использования одного источника для дополнения другого. Но в ней налицо и попытки (пусть слабые) придать написанному хотя бы видимость литературной целостности. Наиболее очевидным свидетельством в данном случае является использование в заключительной части «Продолжения» словесных реминисценций и топосов, взятых из использованных источников. Примечательным примером является дескрипция *homo instructus bellicis rebus* («человек, хорошо обученный военному делу»). Этот предикат высказан в отношении Одоакра и, по-видимому, как таковой в первый раз возник в тексте второго раздела «Продолжения». В следующей части Копенгагенских записей эта формулировка и близкие к ней вариации повторяются для характеристики нескольких других видных военных (АНОрг. а. 476.2; АНОpost. а. 476.2; е АНОрм. а. 476)²¹. Другой топос был заимствован у Проспера, который, говоря о семидесятидневной узурпации власти Петроном Максимом, подчеркнул ее вопиющую незаконность словами: *sed temerae usurpationis audacia non diu potitus est* («но в дерзости своей он не мог долго проявлять подобную несдержанность»)²². Автору VII в. эта формулировка настолько понравилась, что он еще раз использовал ее для характеристики узурпации власти Элевтерием, экзархом Равенны, провозгласившим себя императором в 619 г. «Продолжение» подытоживает деяние экзарха словами *sed temerae usurpationis audacia non diu potitus est* («но в дерзости своей он недолго удерживал эту узурпированную власть»)²³. Но еще более показательным суждением документа о лангобардской угрозе Риму во времена папы Григория Великого. Согласно нашему автору, король Агилульф подошел к Риму со всеми своими силами для осады города, но повернул назад, когда папа встретил его на ступенях собора Св. Петра, смягчил его своими молитвами и глубоко взволновал своей мудростью и святостью (АНЕ. 17).

Никакой другой документ не упоминает об этом событии, и достоверность рассказа резонно ставится под сомнение; однако эта запись — прекрасная демонстрация того, как автор следовал своим источникам при создании собственного повествования. Образцом для него в дан-

²¹ Та же терминология используется для характеристики Велисария (AdPH. 28; ср.: *Mommsen Th. Consularia Italica*. P. 309) и лангобардского герцога Сундария (АНЕ. 22); аналогичные качества приписаны Пиерию, комиту Одоакра (АН. а. 491.1: *qui bellicis rebus praeerat*) и Теодориху (АН. а. 490: *expertus bellicis rebus*).

²² Prosper. 1375; ср.: АНЕ. 23. В связи с этим обращают на себя внимание замечания автора VII в. о королеве Розамунде, которая, убив своего мужа, не смогла сделать своего любовника королем, а затем бежала с ним в Равенну (АНЕ. 5: «но недолго они там оставались в живых, обходясь без воинской защиты»).

²³ АНЕ. 17. Ср.: *Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire*. Cambridge, 1992. Vol. III: AD 527–641. P. 435–436.

ном случае был Проспер, чьи самые драматические эксцерпты демонстрируют, как папа Лев Великий лично спас Рим от Аттилы и смягчил разорение города Гейзериком (Prosper. 1367, 1375).

Пробелы в знании Продолжателем исторической конкретики, близкие к только что отмеченной аберрации италийской действительности V в., проявляются в изображении реалий близкого к нему VI в. Например, он сообщает, что когда готы были изгнаны из Италии Нарсесом, то они захватили Испанию, а Тотилу, последнего короля остготов, сменил вестгот Левиغيلд (АНЕ. 33)²⁴. Еще более поразительно его неведение относительно хода готских войн. Он знает, что отвоевание Апеннинского полуострова Нарсесом было вторым из двух крупных походов византийцев против готов, но он почти ничего не знает о первом походе кроме того, что он был вначале успешен, но кончился провалом. Продолжатель знал о Велисарии только благодаря Исидору, который описывал полководца лишь как победителя персов и вандалов, а потому, наверное, и не было оснований связывать Велисария с готской войной. Видимо, поэтому деяния Велисария в Италии оказались в *Continuatio* приписаны военачальнику Асбаду, известному нам по нескольким пассажам Прокопия, а Продолжателю – по эпитафии Асбаду в церкви Св. Назария в Павии. Надпись эта, полностью цитируемая Продолжателем, приписывала Асбаду изгнание *gentes* и передачу «Готских Альп под руку Лациуму». Видимо, она была для Продолжателя единственным источником информации о первых десятилетиях готских войн и, естественно, представляла ему весьма искаженную картину событий первой трети VI в. (АНЕ. 1–3)²⁵.

Однако если в историографии *Continuatio*, начиная с Г. Хилле, источникам и ошибкам Продолжателя уделялось-таки внимание, то, как правило, не делалось акцента на том, что он – один из немногих свидетелей происходившего в Италии в VII в. Как-никак, но он был по меркам того времени образованным человеком и начитан лучше иных хронистов. Потому и следует взглянуть на то, как он обрабатывал и толковал исторические данные, которые компилировал.

²⁴ Моммзен считает это огрехом более позднего компилятора, но такой вывод вряд ли корректен. Эта ошибка не более вопиюща, чем приписывание хронистом VII в. деяний Велисария Асбаду. См.: *Cessi R. Studi sulle fonti...* P. 622; *Muhlberger S. Heroic Kings...* P. 59.

²⁵ Ср.: *Cessi R. Studi sulle fonti...* P. 610–611. Прокопий сообщает, что Асбад, гепид на римской службе, в разное время был телохранителем Юстиниана, командиром гарнизона во Фракии и одним из подчиненных Нарсеса во время его успешной кампании против Тотилы. Асбаду приписывают нанесение смертельной раны Тотиле. См.: *Martindale J. R. The Prosopography...* P. 133. Об идентификации Асбада и подобных ему военнослужащих как органичной части имперского общества V–VI вв. см.: *Amory P. People and Identity in Ostrogothic Italy, 489–554.* Cambridge, 2009. P. 190–192, 288, 319.

Здесь прежде всего бросается в глаза то, что *Continuatio* компоновалось как нечто большее, нежели нейтральная фиксация фактов. Примечательно уже то, что Продолжатель, обращаясь к теме поражений империи начала этого столетия, ориентирован на самую важную летопись Проспера и на труд Комментатора V в. Как известно, Аквитанец считал главной причиной бед империи гражданские войны и интриги, затеянные неуправляемыми военачальниками. Личные амбиции подорвали военную мощь Рима, а ранее компетентные полководцы либо уже плохо верили в свой долг, либо развратились²⁶. Анонимный комментатор V в., видимо, придерживался схожего взгляда на события после исчезновения императорской власти на Западе: варвары захватили Италию благодаря внутренним разногласиям римлян. Тщеславие Непота и честолюбие Ореста открыли путь к власти Одоакру и Теодориху, которые, в отличие от римских предшественников, были умелыми военачальниками²⁷. Компилятор VII в. принял эту концепцию и положил в основу своего взгляда на римскую историю.

Историю двух предыдущих столетий он описывал исключительно в рамках военной тематики и в военных терминах. Там, где опытные и энергичные полководцы, там всегда победа; правители и государства, лишённые воинских доблестей, обречены. Интересен в этом плане образ Одоакра, ибо он и победитель, и побежденный²⁸. Впервые он зафиксирован в записи под 476 г. как лидер нелегитимного выступления герулов-федератов, охарактеризованных как лживые союзники. Однако критика не касается самого Одоакра, наоборот, он преподнесен как «человек, серьезный и по возрасту, и по благоразумию, и хорошо обученный военному делу». Имеет место неподчеркнутый текстом контраст между ним и римскими лидерами Непотом и Орестом, обладающими амбициями, но не имеющими способностей и рассудительности²⁹. Одоакр быстро победил Ореста и ряд лет правил твердой рукой, подавляя внутренних соперников, завоевывал земли иноземных правителей, «расширяя свое господство битвой и мечом». Но Одоакр научился страху, когда Теодорих вступил в Италию, и таким образом утратил свою власть. Не одолев вторгшегося короля при Изонцо, Одоакр бежал и заперся со своим войском в Вероне. Компилятор дает понять, что это не было поступком истинного

²⁶ Prosper. 1278, 1286, 1294, 1310 (сообщения о папе Бонифации), 1335 (упоминание папы Литория), 1342 (сообщение о папе Себастьяне).

²⁷ АНОрп. а. 475.1; АНОрп. а. 475.1; АНОрп. а. 475, 2; а. 476, 1–2; АН. а. 490.

²⁸ Из последних работ по данному сюжету см.: *Caliri E. Praecellentissimus Rex. Odoacre tra storia e storiografia*. Messina, 2017. P. 151–160.

²⁹ АНОрп. а. 475.1; АНОрп. а. 475.1; АНОрп. а. 475, 2; а. 476, 1–2; АН. а. 490.

правителя. Зато Теодорих преподносится как «человек с духом, испытанным в воинском деле, и способный к триумфальной славе», который понимал, что нечего бояться врага, бежавшего после первого же поражения, и знал, что может победить, если будет преследовать соперника, надеявшегося больше на защиту стен, нежели на твердость своих людей (АН. а. 490). Хотя последующая запись показывает, что у Одоакра оставались еще душевные силы, но инициативу он так и не вернул. Причина этого – удача и мужество покидали его в решающие моменты, доверенные помощники погибли в сражениях, и сам он был вынужден заключить мир с Теодорихом, который при первой же возможности убил побежденного.

Примечательно, что никакой другой сюжет в документе не содержит подобных подробностей. Однако важность воинской доблести, а также позитив хорошей обученности военному делу подчеркиваются не раз. Велисарий, «человек, хорошо обученный в военном деле», как уже отмечалось, так подавил персов, «что одновременно вернул империю к ее изначальному состоянию и оставил врага в страхе». Затем «он также был послан в Африку и уничтожил вандалов вместе с их королем» (AdRH. P. 269, no 28). Асбад и Нарсес играют аналогичную роль в Италии, только с большим эффектом: они не только рушат власть готов, но и восстанавливают в Италии гражданскую жизнь. Такими примерами автор VII в. явно подчеркивает, что безопасность и благополучие страны зависят от успеха компетентных полководцев; он также намекает, что такие люди в мирное время могут стать и лучшими правителями. Ведь «Асбад восстановил многие города Италии, и главным образом те, что в Лигурии»; затем цитируется упомянутая эпитафия Асбада, где говорится, что «благодаря тебе разные города с разрушенными стенами радуются возвращению своей первоначальной чести» (АНЕ. 1, 2). Смерть Асбада нарушила сей труд, но, к счастью, Нарсес оказался лидером схожего склада. Изгнав готов вторично и возвратив страну под руку империи, «он вернул людям всей Италии их изначальную отраду». В частности, он «восстановил города и стены в их первоначальном достоинстве и лелеял народ со справедливостью и благоразумием» (АНЕ. 3, 4). Очень важен тезис относительно того, что римляне давно не производили на свет таких лидеров.

Такого рода идейно-политический позитив явно контрастирует с последующим негативом, ибо козни положили конец благодетельному правлению Нарсеса и впустили в Италию лангобардов (АНЕ. 4), а чуть позже узурпация Фоки ослабила империю и открыла ее не только для последующих набегов лангобардов, но и для вторжений гуннов (имеются в виду авары) и персов. На глазах завершителя хроники римляне потеряли огромные территории и превратились в данников. Этот

тезис был позаимствован у Исидора³⁰ точно так же, как понятие «муж, хорошо обученный воинскому делу» было взято у Комментатора. Однако данный тезис органично вписался в контекст сочинения и даже получил развитие. Логика безупречна: персы вырвали из-под римской власти и сделали своими данниками многие провинции; нападения аваров были отражены не сражениями, а золотом и дарами. Император Ираклий изображен стоящим под защитой стен и откупающимся от гуннов, угрожавших Константинополю. Его надежда на стены, а не на людей явно намекает на последние дни Одоакра (АНЕ. 10, 11, 13, 19, 20)³¹.

Поражения Византии на Востоке явно повлияли на мировоззрение Продолжателя, но его, естественно, больше интересовали события в собственной стране. Ибо основной пример слабости римской власти взят им из италийской истории – рассказ о миссии Элевтерия, посланного императором Ираклием защитить византийские владения в Италии от лангобардов. Элевтерий потерпел поражение и был вынужден платить варварам трибут в обмен на мир. Умиротворив таким образом лангобардов, Элевтерий обратил свои полномочия во зло, провозгласил себя императором, но был убит солдатами (АНЕ. 21–23).

Подобная презентация материала – явное свидетельство того, что для автора VII в., обладателя узкого италийского кругозора, ослабление распадающейся империи – лишь последствие проявления обыденных пороков. В этом Продолжатель не одинок. Проспер Аквитанский также считал, что гражданские войны и интриги привели к падению Галлии, потере Карфагена и разграблению Рима вандалами. Еще более последовательно компилятор VII в. следует за суждениями Комментатора V в., утверждавшего, что распря 470-х гг. позволила герудам под руководством Одоакра создать королевство в Италии. Таким образом, составитель Копенгагенского документа полагал, что на его глазах повторяется одна и та же история. Со времен Нарсеса, но особенно начиная с мятежа Фоки, империя приходила в упадок. Главная причина этого

³⁰ Isidori Iunioris episcopi Hispaliensis Chronica Maiora / ed. Th. Mommsen // MGH, AA. Berolini, 1896. T. XI. Vol. 2 (далее – Isidor). P. 478; АНЕ. 10, 13. По мнению С. Малбергера, тезис Т. Моммзена о том, что оба автора взяли эти пассажи из общего италийского источника, неубедителен. См.: *Muhlberger S. Heroic Kings...* P. 65. No 26.

³¹ Здесь стоит обратить внимание на способы, с помощью которых в документе подчеркивается совпадение внутренних и внешних невзгод, как это было в связи с событиями 476 г. (АНОрт. а. 476, 1: «В то время как опасные и неожиданные катастрофы постигают римских мужей внутри самого государства, против него восстают внешние народы, претендовавшие якобы на дружбу с римлянами»; ср. сообщение о восстании Фоки: АНЕ. 11: «Римляне, в то время как умножаются всяческие войны, в которых приходится серьезно сражаться, наносят ущерб государству, ибо в то время как внешний враг одолеть [их] не в состоянии, разжигают внутри себя пожар, способный развалить страну». См. также: АНЕ. 13: «В то время как это происходит внутри государства, волне против него возбуждаются персы».

состояла в том, что римляне растратили военную мощь, которая у них оставалась, на борьбу друг с другом, в то время как их правители перестали опираться на доблестных солдат, а полагаться стали на подкуп своих врагов (АНЕ. 16, 22).

Очевидно, что Продолжатель считал возрождение Рима маловероятным. В обстановке многих поражений империи лангобардские короли и их военачальники (один из которых – противник Элевтерия) явно называются людьми, «хорошо обученными военному делу» и «одерживающими значительные победы» (АНЕ. 16, 17)³². Хронист не видит в этом ничего предосудительного: рассказывая (опираясь на память современников) о планировании римских городов при короле Агилульфе, он словно намекает на то, что города, управляемые лангобардами, безопаснее, нежели города византийской Италии. В связи с этим достойно внимания замечание о короле Аутари (584–590): «...благодаря своим способностям и благоразумию он восстановил силу лангобардов, которые были разбиты в Галлии, и победил франков, которые повсеместно опустошали Италию» (АНЕ. 8). Надо отметить, что какой-либо враждебности к присутствию лангобардов *Continuatio* не обнаруживает. Продолжатель упоминает «готскую свирепость» (не подтверждая ее фактами), но лангобардов не осуждает никогда, в отличие, например, от Григория Великого³³, назвавшего их жестоким и отвратительным народом (АНЕ. 2)³⁴. Даже Альбоина, возглавлявшего вторжение в Италию, документ аттестует как короля, правившего 33 года, в течение которых его народ после сражений в спокойной обстановке оседал в Италии (АНЕ. 5).

Намеренный контраст между воинственными и успешными лангобардами и разобщенными, деморализованными римлянами – актуальный прием Продолжателя. Такого рода подбор и подача материала показывает, что присутствие лангобардов на Апеннинях рассматривается в *Continuatio* не просто как важнейшее явление того времени. В самом деле, констатируя приход лангобардов, он удивительно мало пишет о византийской Италии, а когда сообщает о событиях на территории

³² Ср. сообщение о победах герцога Сундария, «который устроил воинские дела при Агилульфе» (АНЕ. 22).

³³ *Gregorii papae registrum epistolarum* / ed. O. Ewald, L. M. Hartmann // MGH, Ep. Berolini, 1891. Т. 1 (далее – *Gregorius*. Ep.).

³⁴ *Ibid.* Ep. 5. 38 (сборщики налогов названы еще более жестокими, чем самые отвратительные лангобарды); ср.: *Ibid.* 7. 23. По поводу дискуссии об отношении Григория к негативным (на его взгляд) явлениям в италийском и имперском обществе, а также к лангобардам см.: *Richards J. Consul of God: The Life and Times of Gregory the Great: The Life and Times of Gregory the Great*. London, 1980. P. 81–94. Важно учесть, что хотя Григорий и не считал лангобардов безнадежным для христианского мира народом, он оценивал их как очень жестоких и вероломных людей. В Копенгагенском документе нет и намек на такие оценки.

О тенденциозности записей в *Continuatio Prosperi Hauniensis*

экархата или Пентаполя, то лишь в связи с каким-то лангобардским сюжетом. Например, если вернуться к пассажию об Элевтерии, то видно, что интерес автора к лангобардам явно повлиял на презентацию рассказа. Из *Liber Pontificalis* мы знаем, что не все современники считали Элевтерия неудачником. Согласно этому документу, главной заботой Элевтерия было восстановление законной власти на италийской территории Византии, и прежде чем возвратиться, он устранил убийц своего предшественника на этом посту и тирана, установившего контроль над Неаполем. И вообще Элевтерию приписывается восстановление мира во всей Италии³⁵. Но для *Continuatio* все это не имеет значения; важно то, что Элевтерий не смог справиться с вызовом лангобардов из-за своего неуместного честолюбия.

Церковные сюжеты в записях Продолжателя столь же избирательны. В частности, сравнение его текста с текстом Исидора Севильского обнаруживает некоторые поразительные упущения. Исидор много говорит о религиозных спорах VI в., и одним из его источников была хроника Виктора Туннунского, откровенного защитника решений Халкидонского собора от нападков императора Юстиниана³⁶. Ни один из этих материалов не нашел места в Копенгагенском документе, хотя те проблемы, которые волновали Виктора, глубоко затронули и Италию. Ни единым словом Продолжатель не упоминает о церковных расколах, стимулированных Юстинианом, при котором Рим и ортодоксальные приходы были наособицу от католических кафедр Северной Италии, оказавшихся под лангобардами³⁷. Желание Продолжателя избежать острых углов может объяснить такого рода лакуны в сочинении. Но все-таки умалчивание подобных фактов хорошо вписывается в осознанную лапидарность сообщений о византийской Италии.

Другое дело – проблема арианства, имевшая принципиальное значение для лангобардов и их италийских подданных. Продолжатель не упускает возможности разоблачить ложь арианской церкви или порадоваться

³⁵ *Libri Pontificalis. Pars I* / ed. Th. Mommsen // MGH, *Gesta pontificum Romanorum*. Berolini, 1898. Vol. 1. P. 166, 168. Весьма примечательна полная независимость *Liber Pontificalis* и *Continuatio* друг от друга даже в вопросах хронологии понтификатов.

³⁶ См. презентацию Исидором церковных споров V–VI вв.: Isidor. 357, 381, 384, 385, 386a, 389a, 389b, 394a, 397a, 397b.

³⁷ Этот раскол, как известно, был результатом спора о Трех Главах и продлился до конца VII в. Кроме всего прочего он осложнил усилия Григория Великого по обращению лангобардов в католичество, поскольку некоторые видные лангобардские католики, вроде королевы Теуделинды, привлекали советников из числа такого рода схизматиков. Об этом споре см.: *Amann E. Trois-Chapitres* // *Dictionnaire de théologie catholique*. Paris, 1950. T. 15. Pt. 2. Col. 1868–1924. Если Продолжатель действительно был подданным Лангобардского королевства, то раскол, возможно, повлиял на его взгляды на империю, см.: *Goffart W. Rome, Constantinople, and the Barbarians* // *American Historical Review*. 1981. Vol. 86, No 2. P. 300–301.

ее поражению в Африке и Испании. Однако когда речь заходит об арианской вере лангобардов, тактика автора меняется. Он даже не намекает на ее существование. Более того, он восхваляет благочестие королевы Теуделинды, баварской принцессы, вышедшей замуж за двух ломбардских королей, родившей третьего и являвшейся самой влиятельной католичкой в королевстве³⁸. Молчание летописца о спорах, разделявших римских священнослужителей, и отсутствие акцента на том, что разделяло «варваров» и католиков в королевстве лангобардов, поразительны, но согласуются с характером презентации материала в других местах сочинения.

При всей своей римской учености и явной привязанности к римской церкви (особенно когда он восхваляет Григория Великого как человека невероятной духовной силы³⁹) Продолжатель относится к империи почти равнодушно. Действительно, скорее всего он полагал, что Римская держава пережила свое время и что появление лангобардов было сигналом какого-то иного будущего. Недаром в значительном пассаже он называл византийскую Италию «той частью Италии, которая еще не занята лангобардами» (АНЕ. 21). Как уже говорилось, завершение записей в *Continuatio* следует относить к 625 г., когда на востоке империю теснили персы, а ответные походы Ираклия, несмотря на первоначальную эффективность, вот-вот должны были кончиться крахом. Свидетельства истории, насколько они были доступны Продолжателю, и собственный опыт лишали его имперского оптимизма. Имперская политика в Италии, несмотря на стабильность Равеннского экзархата, должна была казаться вялой, но презрение Продолжателя, например, к уплате империей трибута кому-либо выглядит как ошибочная позиция, ибо такие выплаты часто гарантировали империи внешнеполитический успех.

Однако следует учитывать, что акцент *Continuatio* на силе лангобардов и на слабости империи тогда не был оригинален. На рубеже VI–VII вв. духовные интеллектуалы Запада уже не только примирились с варварскими правителями, но и стали ценить их как королей-воинов. И если более ранние поколения образованных священнослужителей, реагируя на беды V в., принижали ценность мирских побед и проповедовали смирение (с заключением мирных соглашений), то их преемники к VII в. уже практиковали новый вид уважения к воинским добродетелям и к варварам, воплощавшим эти качества⁴⁰. Подобную

³⁸ О взаимоотношениях папы Григория и Теуделинды см.: *Richards J. Consul of God...* P. 181, 191–94.

³⁹ См.: *LPRCH. P. 270. No 55.*

⁴⁰ Орозий, Проспер, Евгиппий и Эннодий Павийский являлись наиболее яркими авторами VI в., отвергавшими военные меры как способ решения проблем своего времени. Более «милитаристский настрой» можно увидеть у Григория Турского, Иоанна Бикларского и Исидора Севильского (*Goffart W. Rome, Constantinople, and the Barbarians...* P. 300–301).

О тенденциозности записей в *Continuatio Prosperi Hauniensis*

переориентацию мы видим, например, в трудах Исидора Севильского. Как известно, Исидор оценивался тогда как ценитель и пропагандист классических наук, но он же в своих исторических трудах оправдывал готов как защитников Испании и положительно оценивал их усилия по изгнанию войск Византии из страны⁴¹. Составителю *Continuatio* до Исидора было далеко – и по мастерству, и по эрудиции. Однако во взглядах этих людей есть весьма сходные моменты, касающиеся причин процветания империи, даже когда победителями были варвары и еретики. Каждый в своем историческом труде вспоминал достижения римского прошлого, но был почти равнодушен (а то и враждебен) к империи VII в. Исидор был восторженнее в восхвалении готов, нежели италиец в описании лангобардов, но у Исидора было больше причин для удовлетворенности. При его жизни вестготы создали относительно единую, в общем католическую Испанию. Составитель *Continuatio*, возможно, мечтал о такой же судьбе для Италии⁴². Естественно, он не мог знать, что это будет не под силу лангобардам.

Таким образом, самое интересное в тексте Продолжателя – то, как он отражает трансформацию определенных срезов идеологии части верхушки италийского (и, вероятно, западноевропейского) общества первой четверти VII в. Еще исследования XIX в. показали стремительный рост феодальности и соответствующей милитаризации как лангобардской, так и византийской Италии того времени. Специфика бесхитростного труда Продолжателя – сохранение основных черт тогдашнего мышления, когда позднеантичная гражданская знать Италии была окончательно подавлена и в значительной мере вытеснена новыми элитами⁴³. Образы, заполнившие его записи, оказываются воплощениями

⁴¹ Наиболее четко это видно из контекста *Historia Gothorum* Исидора, но то же самое отношение просматривается и в последних частях его «Хроники», см.: Isidor. 403, 415, 416b.

⁴² Озабоченность Продолжателя благополучием Италии в целом отражается в его тексте повсюду, но особенно в первых пассажах *Auctarii Hauniensis Extrema* (АНЕ. 3–4). Неоднократное использование выражения *totiusque Italiae* здесь особенно показательно. *Tota Italia, omnis Italia* и другие варианты подобного понятия явились топосами италийской политической мысли VI–IX вв., указывающими на континуитет осознания исторического единства страны и, возможно, стремления к его восстановлению. Интересно отметить, что текст *Libri Pontificalis*, как указывалось выше, в унисон с мыслями Продолжателя, оценивает победы Элевтерия над узурпаторами как «принесшие мир всей Италии» (*Libri Pontificalis*... P. 166). По этому вопросу см.: *Classen P. Italien zwischen Byzanz und dem Frankenreich // Nascita dell'Europa ed Europa carolingia: un'equazione da verificare*. Spoleto, 1981. (*Settimane di Studi del Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo* ; 27). S. 920, 961–966. Ср.: «После него глубоко верующий король Свинтила начал войну против остальных римских городов и быстрой победой первым достиг единовластия над всем королевством Гиспани» (Isidor. 416b).

⁴³ *Wickham Ch. Early Medieval Italy: Central Power and Local Society 400–1000*. Ann Arbor, 1989. P. 71–72.

типов благоразумных, умелых воинов, олицетворяющих позитив того века, а также типов малодушных людей, побежденных и вытесненных ими. Но поскольку Продолжатель судил о прошлом по меркам своего времени, то история для него в основном состояла из эпизодов доблести и малодушия, побед и поражений. В этом отношении его можно считать в некоторой степени одним из предтеч тех, кто в Средневековье будет переосмысливать историю падения Рима в понятиях моралистической героики.

REFERENCES

- Amann, E. (1950). Trois-Chapitres. In *Dictionnaire de théologie catholique*, 15(2) (pp. 1868–1924). Paris: Letouzey et Ané.
- Amory, P. (2009). *People and Identity in Ostrogothic Italy, 489–554*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Borri, F. (2014). Romans Growing Beards: Identity and Historiography in Seventh Century Italy. *Viator*, 45(1), 39–71.
- Caliri, E. (2017). *Praecellentissimus Rex. Odoacre tra storia e storiografia*. Messina: DICAM.
- Cessi, R. (1922). Studi sulle fonti dell'età Gotica e Longobarda. II: Prosperi Continuatio Hauniensis. *Archivio Muratoriano*, 22, 585–641.
- Classen, P. (1981). Italien zwischen Byzanz und dem Frankenreich. In *Nascita dell'Europa ed Europa carolingia: un'equazione da verificare* (pp. 919–967). Spoleto: Presso la sede del Centro.
- Everett, N. (2003). *Literacy in Lombard Italy, ca 568–774*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ewald, O., & Hartmann, L. M. (1891). Gregorii papae registrum epistolarum. In *Monumenta Germaniae Historica. Epistolae, I*. Berolini: Apud Weidmannos.
- Goffart, W. (1981). Rome, Constantinople, and the Barbarians. *American Historical Review*, 86(2), 275–306.
- Hille, G. (1866). Continuator Prosperi anni 641 ex Codice Hauniensis. In G. Hille (Ed.), *Prosperi Aqvitani Chronici continuator havniensis* (pp. 12–37). Berolini: Apud Weidmannos.
- Holder-Egger, O. (1876). Untersuchungen über einige analistische Quellen zur Geschichte des fünften und sechsten Jahrhunderts, II. *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichte, I*, 213–368.
- Kozlov, A. S. (2020). Osobennosti sostava zapisei v *Continuatio Prosperi Hauniensis* [Features of the Composition of Records in *Continuatio Prosperi Hauniensis*]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 48, 24–38.
- Lo Monaco, F. (2012). Dai Fasti a Fredegario. In F. Lo Monaco, & F. Mores (Eds.), *Longobardi e la storia: Un percorso attraverso le fonti* (pp. 75–104). Rome: Viella.
- Martindale, J. R. (1992). *The Prosopography of the Later Roman Empire* (Vol. III: AD 527–641). Cambridge: Cambridge University Press.
- Mommsen, Th. (Ed.). (1882a). Consularia Italica. In *Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi*, 9(1), 249–339.

О тенденциозности записей в *Continuatio Prosperi Hauniensis*

Mommsen, Th. (Ed.). (1882b). *Continuatio Prosperi Hauniensis*. In *Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi* (T. 11, Vol. 1, pp. 298–339). Berolini: Apud Weidmannos.

Mommsen, Th. (Ed.). (1882c). *Prosperi Tironis Epitoma Chronicon*. In *Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi* (T. 11, Vol. 1, pp. 385–499). Berolini: Apud Weidmannos.

Mommsen, Th. (Ed.). (1894a). *Hydatii Lemici Continuatio chronicorum Hieronymorum ad a. CCCCLXVIII*. In *Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi* (T. 11, Vol. 2, pp. 1–36). Berolini: Apud Weidmannos.

Mommsen, Th. (Ed.). (1894b). *Isidori Iunioris episcopi Hispaliensis Chronica Maiora*. In *Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi* (T. 11, vol. 2, pp. 391–488). Berolini: Apud Weidmannos.

Mommsen, Th. (Ed.). (1898). *Libri Pontificalis. Pars I*. In *Monumenta Germaniae Historica. Gesta pontificum Romanorum* (T. 1, pp. 1–454). Berolini: Apud Weidmannos.

Muhlberger, S. (1984). Heroic Kings and Unruly Generals: The “Copenhagen” Continuation of Prosper Reconsidered. *Florilegium*, 6, 50–70.

Richards, J. (1980). *Consul of God: The Life and Times of Gregory the Great: The Life and Times of Gregory the Great*. London: Routledge and Kegan Paul.

Wes, M. A. (1967). *Das Ende des Kaisertums im Westen des römischen Reichs*. 's-Gravenhage: Staatsdrukkerij.

Wickham, Ch. (1989). *Early Medieval Italy: Central Power and Local Society 400–1000*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Козлов Александр Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории Древнего мира
и Средних веков

Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: alarich@yandex.ru

Kozlov, Aleksandr Sergeevich

PhD (History), Associate Professor
Ancient and Medieval History
Department

Ural Federal University
51 Lenin Ave, 620000, Ekaterinburg,
Russia

Email: alarich@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9203-9169>

И. А. Завадская

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
Симферополь, Россия*

ФИГУРАТИВНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В РАННЕХРИСТИАНСКОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ ХЕРСОНЕСА

Росписи одиннадцати раннехристианских склепов Херсонеса, воссоздававших картину райского сада, соответствуют традициям позднеантичного искусства. Фигуративные изображения встречаются в них очень редко и не все они были должным образом интерпретированы. Сохранившиеся на стенах трех склепов (1853/1905 г., 1909 г. и в так называемом склепе на земле Н. И. Тура) изображения одиночных мужских фигур имеют важное значение для определения времени и путей проникновения данной художественной традиции в раннехристианский Херсонес. Сравнительный анализ погребальных росписей, происходящих из разных регионов Восточной Римской империи, позволяет определить функциональную нагрузку упомянутых мужских изображений в росписи этих склепов и объяснить их происхождение в раннехристианских погребениях. Судя по сохранившимся фрагментам, все три фигуры юношей похожи между собой по одежде и позе. Вероятно, все они держали в руках горящую свечу, изображение которой сохранилось только в склепе 1909 г. Данные изображения сопоставимы с фигурами слуг из ряда гробниц, обнаруженных на территории Балкан, Малой Азии, Северной Африки и Леванта. Внешне наиболее близкими херсонесским юношам являются образы слуг-мужчин из гробниц на территории Болгарии и Сербии. Приведенные в статье аналогии позволяют интерпретировать фигуры юношей в трех склепах Херсонеса как изображения слуг, образы которых были широко распространены в античном искусстве и использовались также в погребениях христиан до конца IV в. н. э. Появление этих фигур в росписях Херсонеса скорее следует связывать с восточно-балканской художественной традицией.

Ключевые слова: Херсонес Таврический; Восточная Римская империя; Фракия; раннехристианские погребальные росписи; образы слуг

Благодарности

Статья выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

Цитирование: Завадская И. А. Фигуративные изображения в раннехристианской погребальной живописи Херсонеса // Античная древность и средние века. 2021. Т. 49. С. 38–54. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.003>

Поступила в редакцию: 11.07.2021

Принята к печати: 11.10.2021

Irina A. Zavadskaya

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russia*

FIGURATIVE IMAGES IN THE EARLY CHRISTIAN FUNERAL PAINTINGS OF CHERSONESE

The paintings of the 11 early Christian burial vaults of Chersonese uncovering the image of the Garden of Eden fully correspond to the traditions of the Late Antique art. There figurative images are very rare, and not all of them have been interpreted properly. Single man's figures preserved in the painting of three vaults (of the years 1853/1905, 1909 and in the vault on N. I. Tur's land) are of particular interest for the determination of the time and ways of penetration of this artistic tradition into early Christian Chersonese. A comparative analysis of funeral paintings from different regions of the Eastern Roman Empire makes it possible to determine the function of the mentioned images of men in the painting of these tombs and to explain their origin in early Christian burials. According to the fragments that survived, all three figures of young men are very similar in dress and posture. Probably, they all held a burning candle in the hands, the image of which survived only in the vault of the year 1909. These images are comparable to the figures of servants from a number of tombs discovered in the Balkans, Asia Minor, North Africa, and Levant. The young men from Chersonese are most close to the images of male servants from the tombs in Bulgaria and Serbia. From the analogies given in this paper there are reasons to interpret the figures of young men in the three vaults of Chersonese as images of servants. Figures of servants were widespread in ancient art and also in Christian burials to the end of the fourth century. Most likely, these figures appeared in the paintings of Chersonese under the influence of the Eastern Balkan artistic tradition.

Keywords: Tauric Chersonese; Eastern Roman Empire; Thrace; early Christian funeral paintings; images of servants

Acknowledgements

This paper was carried out in the framework of the state assignment no. FZEG-2020-0029 *The Byzantine Empire's Influence on Historical Processes in Mediaeval Crimea* supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

For citation: Zavadskaya, I. A. (2021). *Figurativnye izobrazheniia v rannekhristsianskoi pogrebal'noi zhivopisi Khersonesa* [Figurative Images in the Early Christian Funeral Paintings of Chersonese]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 49, 38–54. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.003>

Submitted: 11.07.2021

Accepted: 11.10.2021

Введение. Среди наиболее ранних христианских памятников Херсонеса Таврического самыми известными и неизменно привлекающими внимание специалистов являются полихромные росписи одиннадцати склепов, находящихся на разных участках городского некрополя. Подробное описание и научный анализ восьми из них, открытых в начале XX в., составили отдельный раздел в монографии М. И. Ростовцева, ставшей хрестоматийным изданием и, учитывая утрату большинства из этих памятников, главным источником информации о них¹. М. И. Ростовцев впервые указал на общность стиля и декоративной системы росписи этих склепов, считая их «одним неразрывным целым». Он не сомневался в их христианской принадлежности и отнесил время их появления ко второй половине IV в. Еще три склепа с очень близкой по стилю росписью открыты в 1998–1999 и 2003–2006 гг.²

Практически во всех склепах, в которых живописный слой на момент фиксации сохранился относительно полно, прослеживается достаточно четко соблюдаемая декоративная система, объединяющая имитацию мраморной облицовки в нижней части стен и расположенные вверху в разных сочетаниях изображения деревьев, цветов, виноградной лозы, растительных гирлянд, плодов и птиц, которые создают в совокупности картину райского сада. Подобная декоративная система, а также ее элементы были чрезвычайно популярны в позднеантичном искусстве и получили широкое распространение в областях, находившихся под влиянием греко-римской художественной традиции. Растительные мотивы и мраморировка достаточно часто использовались в качестве фона для фигуративной живописи, представленной как отдельными персонажами, так и многофигурными мифологическими и библейскими сюжетами. В росписи же херсонесских склепов основной темой является райская декорация, зачастую в сочетании с мраморной инкрустацией, тогда как изображения людей встречаются крайне редко. По словам М. И. Ростовцева, в этих росписях «человеческая фигура почти совершенно исключена из области изображений»³.

Тем не менее, образы людей сохранились в трех склепах Херсонеса. По одной мужской фигуре было в склепах 1853/1905 г., 1909 г.

¹ *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. Т. 1 : Описание и исследование памятников. СПб., 1914. С. 449–507.

² *Зубарь В. М., Хворостяный А. И.* От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI в.). Киев, 2000. С. 144–154. *Ступко М. В., Туровский Е. Я., Филиппенко А. А.* О судьбах расписных склепов первых христиан Херсонеса // *Sacrum et Profanum III. Небесные патроны и земные служители культа.* Севастополь, 2007. С. 189–192.

³ *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись... 1914. С. 486.

Фигуративные изображения в живописи Херсонеса

и в склепе на земле Н. И. Тура. Последний склеп украшала также сюжетная композиция с изображениями мужчины и женщины⁴. Если в отношении данной композиции высказано немало мнений и предложены различные интерпретации, то одиночные мужские изображения долгое время оставались без особого внимания исследователей, а их роль в росписи склепов не получала должного объяснения. Между тем, данные изображения представляют особый интерес для определения времени и путей проникновения позднеантичной художественной традиции погребальной декорации в этот отдаленный центр раннехристианского мира.

Методы. За сто лет, минувших после издания классического труда М. И. Ростовцева, открыто и опубликовано достаточно большое количество памятников с погребальной росписью из разных регионов греко-римского мира. Их изучение позволяет в определенной степени проследить развитие позднеантичной и раннехристианской погребальной живописи, ее отдельных мотивов и сюжетов, выявить особенности, характерные для разных областей, и найти наиболее близкие аналогии херсонесским росписям. Сравнительный анализ этих памятников дает возможность интерпретировать смысл многих изображений в росписи склепов Херсонеса, в частности, определить функциональное назначение упомянутых мужских образов и интерпретировать их появление в раннехристианских погребениях.

Анализ. *Склеп 1853/1905 г. (№ 2114)* впервые открыл граф А. С. Уваров в 1853 г. около загородного крестообразного храма на южном некрополе Херсонеса. Детальное исследование фресок было проведено в 1905 г.⁵ К. К. Косцюшко-Валюжиничем по просьбе М. И. Скубетова, который подробно описал остатки живописи и сделал рисунок росписи правой стены и потолка⁶. В 1911 г. М. В. Фармаковский снял копии всех

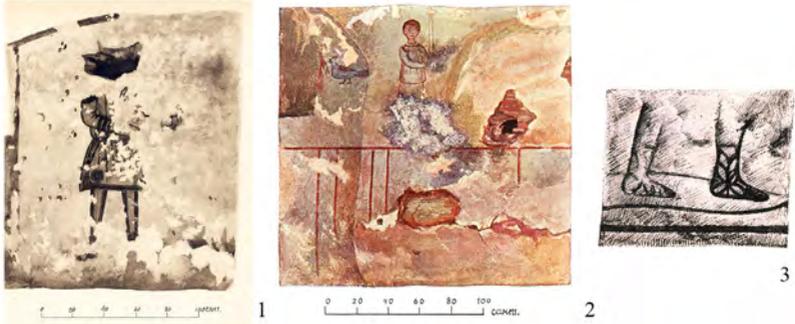
⁴ *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись... 1914. С. 454–455, 468, 474–478.

⁵ В монографии М. И. Ростовцева годом повторного изучения склепа назван 1904 г., который указывается и в названии склепа: «склеп 1904 (1853) года» (Там же. С. 453–458, 506–507). В дальнейшем, следуя М. И. Ростовцеву, все исследователи, включая автора данной статьи, упоминали именно этот год в истории и названии склепа. Однако в действительности этот склеп под № 2114 исследован К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1905 г., о чем свидетельствует его отчет о раскопках за этот год, план раскопанного участка некрополя, а также приложения к отчету М. И. Скубетова с описанием фресок в склепах № 2086 и № 2114 (*Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г. // ИИАК. 1907. Вып. 25. С. 123–124. Табл. II).

⁶ *Скубетов М. И.* Проект реставрации фресок в склепе № 2114 // ИИАК. 1907. Вып. 25. С. 168–169; *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись... С. 452, 455. Рис. 86; *Завадская И. А.* Декоративно-символическая система росписи херсонесских христианских склепов: проблемы хронологии и генезиса // МАИЭТ. 2005. Вып. 11. С. 278–279. Рис. 22.

остатков фресок, в том числе мужской фигуры на входной стене⁷. Самое полное описание склепа оставил М. И. Ростовцев, который посетил его в 1905 г.⁸ К настоящему времени росписи полностью утрачены⁹.

Единственное изображение человеческой фигуры в этом склепе находилось на правом простенке входной стены. Фигура высотой чуть больше метра (1,02 м) представляла собой молодого мужчину *en face*, в полный рост, со слегка выступающей левой ногой и руками, вытянутыми влево (к входу) (ил. 1, 1).

Ил. 1. Изображения слуг в склепах Херсонеса: 1 – склеп 1853/1905 г. (по: *Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись... 1913. Табл. CVI, 1*); 2 – склеп 1909 г. (по: Там же. Табл. CV, 2); 3 – склеп на земле Н. И. Тура (по: *Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись... 1914. Рис. 88*)

Fig. 1. Images of servants from the burial vaults of Chersonese: 1 – vault of the year 1853/1905 (after: *Rostovtsev M. I. Antichnaia dekorativnaia zhivopis... 1913. Tabl. CVI, 1*), 2 – vault of the year 1909 (after: *Ibid. Tabl. CV, 2*), 3 – vault on N. I. Tur's land (after: *Rostovtsev M. I. Antichnaia dekorativnaia zhivopis... 1914. Fig. 88*)

Он был изображен «в желтой тунике с длинными рукавами, не достигающей до колен и подпоясанной в талии», и в узких желтых штанах¹⁰. В вытянутых руках он держал предмет, изображение которого вместе с частью рук и тела не сохранилось. Утрачены также голова и нижняя часть ног. Фигура находилась около правой стены, единственной в склепе полностью расписанной, включая внутренние стены расположенной в ней ниши и лицевую поверхность пяти закладных плит.

⁷ *Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России : атлас. СПб., 1913. Табл. CVI, 1.*

⁸ *Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись... 1914. С. 452–458.*

⁹ *Рішняк О., Садова О., Туровський Є., Філіпенко А. Некрополь Херсонеса Таврійського. Нові сторінки в історії досліджень. Львів, 2012. С. 101.*

¹⁰ *Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись... 1914. С. 455.*

Фигуративные изображения в живописи Херсонеса

Роспись представляла уже описанную систему, сочетающую мраморировку и растительные мотивы (дерево с шишками и плодами или виноградная лоза, на плитах – деревца с круглыми плодами). Внутри ниши на продольной стене был изображен пышный лавровый венок с цветами и шишками, на правой боковой стене – птица (павлин?). Наиболее значимой в данном склепе была роспись потолка: в центре в лавровом венке была помещена монограмма Христа с буквами А и Ω, от венка к углам потолка протянуты четыре лавровые гирлянды с разноцветными лентами. По мнению М. И. Ростовцева, вся роспись склепа была связана с погребением в нише правой стены особо почитаемого христианина, а возможно, и мученика¹¹.

Во многом похожей на данную была и роспись в *склепе, открытом в 1909 г.* вблизи четвертой куртины оборонительной стены, с северо-запада от городища. Сразу после открытия М. И. Скубетов описал и зарисовал остатки росписи. В 1910 г. М. В. Фармаковский сделал цветные копии¹². Записи М. И. Скубетова и собственные наблюдения М. И. Ростовцев использовал для описания склепа и его росписей в своей монографии, которая остается единственным опубликованным источником информации об этом памятнике¹³. Схема оформления потолка практически та же, что и в склепе 1853/1905 г., но дополненная изображениями павлина, канфара и виноградной ветви. Заполнение центрального венка не сохранилось, хотя не исключено, что и в нем была хризма. Изображение фигуры молодого человека находилось на задней (напротив входа) стене слева от ниши, заложенной кирпичными рядами и являвшейся, вероятно, главной в склепе. На момент фиксации хорошо сохранилась верхняя часть тела юноши, одетого в подпоясанную белую тунику с длинными рукавами. Лицо округлое, с короткими рыжими волосами¹⁴. В вытянутых влево (к главной нише) руках юноша держал большую зажженную свечу (ил. 1, 2). Склеп украшали также изображения двух голубей, по одному около ниш на правой и левой боковых стенах, а также прямоугольники, имитирующие квадраты в нижней части стен.

Склеп на земле Н. И. Тура находился в частном владении на расстоянии более 400 м к юго-западу от городища¹⁵. Описание склепа и росписи на правой стене оставил Н. М. Печенкин, по заказу которого

¹¹ *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись... 1914. С. 457–458.

¹² *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись... 1913. Табл. CV, 1, 2; CIX, 2.

¹³ *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись... 1914. С. 466–469.

¹⁴ Там же. С. 468.

¹⁵ *Скубетов М.* Древнехристианский фамильный склеп IV в. с фресковой декоративной росписью близ Херсонеса (на земле Н. И. Тура), окончательно доследованный в ноябре 1912 г. // ИТУАК. 1916. № 53. С. 177.

был сделан цветной рисунок этой росписи¹⁶. М. И. Скубетов, впервые увидевший склеп в 1894 г., провел его расчистку и детальное исследование в 1912 г. Он сделал план, разрезы и рисунки всех сохранившихся фрагментов росписи и подробно их описал¹⁷. М. И. Ростовцев, посетивший склеп вместе с М. И. Скубетовым, проанализировав материалы предшественников, составил наиболее полное описание архитектуры и росписей склепа¹⁸. В настоящее время точное местонахождение данного склепа не известно.

На момент фиксации росписи от сюжетной композиции на правой стене склепа частично сохранились две стоящие рядом фигуры – женщина *en face* и мужчина, повернутый вправо, по направлению к схематично изображенному городу с крепостными стенами в верхней части росписи. Нижняя часть росписи практически не сохранилась. С обеих сторон картину обрамляли растительные мотивы (вероятно, дерево, заросли тростника, цветы). Большие утраты не позволяют точно реконструировать эту композицию. Тем не менее, существуют разные интерпретации ее сюжета. По версии Н. М. Печенкина, на ней была представлена сцена из жития св. Феодора Стратилата, поразившего змея-дракона, остатки изображения которого якобы находились в нижней части фрески¹⁹. М. И. Скубетов видел на этом месте фрагменты павлиньего хвоста, а крепость он, так же как и А. Л. Бертье-Делагард, считал схематичным изображением Херсонеса, которое, по их мнению, указывало на то, что в этом склепе был похоронен «крупный стеностроитель или крепостной начальник»²⁰. М. И. Ростовцев предполагал, что на росписи мог быть изображен «какой-нибудь эпизод из библейской или евангельской истории», из жизни святого или мученика, или же обыкновенного христианина в райском саду²¹. Изображение города, по его мнению, могло быть как реалистическим (изображение Херсонеса), так и символическим. В. М. Зубарь, учитывая мнение М. И. Ростовцева, допускал, что на росписи представлены Мария и Иосиф, идущие в Вифлеем²². Не отрицая эту версию, С. Б. Сорочан предположил, что картина могла быть «изображением умерших, направляющихся к небес-

¹⁶ Печенкин Н. Роспись христианской катакомбы, находящейся близ Херсонеса, на земле Н. И. Тура // ИТУАК. 1912. № 48. С. 145–149.

¹⁷ Скубетов М. Древнехристианский фамильный склеп... С. 177–189; Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись... 1913. Рис. 87–90.

¹⁸ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись... 1914. С. 472–480.

¹⁹ Печенкин Н. Роспись христианской катакомбы... С. 148.

²⁰ Скубетов М. Древнехристианский фамильный склеп... С. 184–185.

²¹ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись... 1914. С. 479, 480.

²² Зубарь В. М., Хворостяный А. И. От язычества к христианству... С. 80.

Фигуративные изображения в живописи Херсонеса

ному Граду Господню, то есть в Рай», или «иллюстрацией к молитве за богоспасаемый город, в котором жили»²³. По мнению Л. Г. Хрушковой, на росписи были изображены «усопшие и, независимо от них – город», в котором она согласна видеть Херсонес²⁴.

Таким образом, все высказанные гипотезы сводятся к двум основным версиям: изображение либо связано с умершими и похороненными в этом склепе, либо является иллюстрацией житийного или библейского рассказа. Обе версии вполне допустимы, поскольку имеют немало аналогов в погребальной живописи в других регионах позднеантичного мира. Однако в кругу известных херсонесских склепов такая сюжетная роспись является единственной в своем роде, что позволило М. И. Ростовцеву назвать ее «не чисто гробничной, а полуцерковной росписью»²⁵. Учитывая уникальность для Херсонеса этой росписи и самого склепа, который на каком-то этапе, после совершившихся в нем захоронений, был перестроен в небольшую «церковку»²⁶, можно предположить, что картина на правой стене появилась в связи с преобразованием склепа в молельню. В таком случае сюжет мог быть связан с именем святого или мученика, в память которого и трансформировали склеп.

Остальные изображения в склепе на земле Н. И. Тура принадлежали периоду, когда он служил местом погребений и в полной мере соответствуют тематике росписей других раннехристианских склепов Херсонеса. Главную нишу, находившуюся в задней стене склепа и позже переделанную в своего рода алтарь, украшали два павлина, державших в клювах пышную лавровую гирлянду. На правой стене этой ниши были изображены голуби²⁷. Под нишей в левой стене фиксировались остатки, вероятно, пальмового венка²⁸. Скорее всего, и в этом склепе на потолке были нарисованы диагональные лавровые гирлянды и венок в центре²⁹. На правом простенке входной стены сохранилось изображение нижней части ног обутого в сандалии мужчины в направлении к входу (ил. 1, 3)³⁰.

²³ *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. С. 845.

²⁴ *Хрушкова Л. Г.* О живописи раннехристианских склепов в Крыму: сто лет после Михаила Ивановича Ростовцева // ТГЭ. 2008. Т. 42. С. 126.

²⁵ *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись... 1914. С. 479.

²⁶ Там же. С. 473–474. *Скубетов М.* Древнехристианский фамильный склеп... С. 188.

²⁷ *Скубетов М.* Древнехристианский фамильный склеп... С. 181.

²⁸ Там же. С. 182. *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись... 1914. С. 476.

²⁹ Там же. С. 478.

³⁰ Там же. С. 478. Рис. 88, 5; *Скубетов М.* Древнехристианский фамильный склеп... С. 186.

Изображения трех фигур молодых мужчин (юношей) в упомянутых склепах очень похожи друг на друга, на что указывал и М. И. Ростовцев³¹. По сохранившимся фрагментам можно реконструировать их обобщенный облик. Скорее всего, все они были одеты в короткие (выше колен) туники с длинными рукавами и узкие штаны. В склепе на земле Н. И. Тура сохранился рисунок обуви – сандалии с ажурным плетением. Поза фигур, скорее всего, также была сходной: голова и корпус – анфас с вытянутыми влево руками, ноги повернуты влево – ко входу или к нише. Только в склепе 1909 г. в руках юноши сохранилось изображение горящей свечи. М. И. Ростовцев допускал, что в склепе 1853/1905 г. юноша мог держать блюдо или два предмета в каждой руке, но считал более вероятным, что фигуры из всех трех склепов держали в руках свечи³².

Внешнее сходство фигур юношей указывает на единообразие их функций в декоративных программах упомянутых склепов. М. И. Ростовцев связывал образы людей со свечами так же, как и рисунки просто зажженных свечей, с символикой погребального культа³³. Однако, подробно описывая фигуры в херсонесских склепах, он не конкретизирует их роль. Тем не менее, в его обзоре известных в то время памятников упомянуты мозаика из Туниса и фрагмент коптской ткани с изображениями фигур со свечами, которые, по мнению ученого, были призваны возжигать свечи для покойных или святых и таким образом почитать их³⁴. Отметим, что по одежде и позе мужчина, изображенный на коптской ткани, очень похож на юношей из херсонесских склепов.

Явно подчиненная роль подобных персонажей исключает вероятность того, что они могли быть «условным портретом» погребенных, как об этом пишет А. Е. Филиппов³⁵. Сохранившиеся на позднеантичных погребальных росписях изображения умерших имеют свои иконографические особенности. Их портреты занимали в гробнице наиболее важные места, как правило, на главной стене, в центре ниши или в аркосолии. Они изображались всегда в дорогой нарядной одежде строго фронтально в полный рост либо погрудно в венке или в медальоне. На некоторых росписях погребенные представлены в позе оранты в окружении райского сада, как, например, в гробницах IV в. в Верии (Северная Греция) и в Констанце/Томас (гробница Оронт, Румыния)³⁶.

³¹ *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись... 1914. С. 455, 469, 479.

³² Там же. С. 455, 479.

³³ Там же. С. 486.

³⁴ Там же. С. 490–491. Рис. 91.

³⁵ *Филиппов А. Е.* Росписи раннехристианских склепов Херсонеса Таврического в контексте художественной традиции: синтез с архитектурой, символика, литургическая основа // *Очерки по истории христианского Херсонеса* / отв. ред. С. А. Беляев. СПб., 2009. С. 262.

³⁶ *Valeva J.* La peinture funéraire dans les provinces orientales de l'Empire Romain dans l'Antiquité tardive // *Hortus Artium Medievalium*. 2001. Vol. 7. P. 188–189. Fig. 54, 55.

Иногда их фигуры окружали святые, как в погребальной часовне V–VI вв. в Антинополе (Египет), где умершая Феодосия изображена с поднятыми руками между коптским святым Колуфой и Богородицей³⁷. Также в позе оранты в роскошных нарядах запечатлены Феотекн с женой и дочерью в аркосолии первой половины VI в. катакомб св. Януария в Неаполе (Италия). На росписях ряда гробниц IV в. умершие держат в руках предметы, несущие определенную символику. Вероятно, надежду на вечную жизнь выражали ветви лавра в руках христиан Флавия и Аурелии Евсторгии в гробнице Фессалоник первой половины IV в.³⁸ В гробнице V в. в Силистре (Болгария) погребенный изображен со свитком в руках, который так же, как и его костюм, указывает на высокий титул, полученный им при жизни от императора, а цветок в руках его жены, нарисованной рядом с ним, символизирует счастливую семейную жизнь³⁹. Со свитком в руках и в венке на голове изображена Элия Арисут, богатый портрет которой был помещен на продольной стене ниши в ее гробнице второй половины IV в. в Гаргареше (Северная Африка)⁴⁰. Погрудные портреты умерших родственников в круглых медальонах сохранились в семейных гробницах III в. в Пальмире («Гипогей трех братьев», Сирия) и в Ор-ха-Нере (Израиль)⁴¹.

Судя по этим примерам, гробницы с портретами погребенных принадлежали состоятельным людям из аристократических кругов общества. В росписи некоторых из них помимо фигур погребенных представлены также изображения их слуг. Одеты значительно скромнее, они держат в руках предназначенные для своих хозяев разного рода предметы и, как правило, направлены в сторону их изображений. Именно с этими персонажами можно соотнести юношей на росписях херсонесских склепов.

Изображения слуг с подношениями хорошо известны в позднеантичном искусстве по сценам банкетов в росписях и мозаиках римских домов⁴². Особенно популярна эта тема была в погребальных декорациях. Сюжет с погребальной трапезой, в котором слуги изображались стоящими рядом с умершими хозяевами, возлежащими на ложе перед накрытым

³⁷ Valeva J. La peinture funéraire... P. 189. Fig. 53.

³⁸ Μαρκή Ε. Η νεκρόπολη της Θεσσαλονίκης στους υστερορωμαϊκούς και παλαιοχριστιανικούς χρόνους (μέσα του 3ου έως μέσα του 8ου αι. μ.Χ.). Αθήνα, 2006. Σ. 138–140.

³⁹ Atanasov G. Late Antique Tomb in Durostorum-Silistra and its Master // Pontica. 2007. Т. 40. P. 447–458. 28; Valeva J. La peinture funéraire... P. 181.

⁴⁰ Bianchi-Bandinelli R. Rome. La fin de l'art antique. Paris, 1970. P. 264. Fig. 242–243.

⁴¹ Фармаковский Б. В. Живопись в Пальмире // ИРАИК. 1903. Т. 8. С. 180. Табл. XXIII–XXVI; Michaeli T. The Pictorial Program of the Tomb near Kibbutz Or-ha-Ner in Israel // Assaph Studies in Art History. 1998. Vol. 3. P. 37–76.

⁴² Dunbabin K. M. D. The Waiting Servant in Later Roman Art // American Journal of Philology. 2003. Т. 124. P. 445–449.

столом, отражен на многих погребальных стелах и саркофагах, а также в гробничных росписях. Как убедительно показала болгарская исследовательница Ю. Валева, со II–III вв. иконография этого сюжета постепенно трансформируется⁴³. Фигуры слуг, ранее подчеркнута небольших размеров, значительно увеличиваются и достигают, а иногда и превышают размеры своих патронов, примером чему служит изображение виночерпия в сюжете погребальной трапезы известной росписи склепа Сорака в Керчи⁴⁴. В гробницах конца III – начала IV в. в Анемуриуме (гробница В. I 16, Турция) и Пловдиве (Болгария) сцена трапезы с возлежащими умершими еще сохраняется, но слуги с подношениями (еды, напитков, цветов) уже помещены за ее рамками, на боковых стенах, а в Пловдивской гробнице – в отдельных прямоугольных рамах-ортогостах⁴⁵. В утраченной гробнице в Фессалонике, вблизи больницы св. Димитрия, вероятно, был похожий сюжет с двумя возлежащими перед круглым столом сотрапезниками на западной стене и тремя слугами с блюдами в руках на южной стене⁴⁶.

В IV в. появляются гробницы, в росписи которых больше нет стола и клине, а хозяйева, как и их слуги, изображаются стоя, как правило, в отдельных рамах. В их числе уже упомянутая гробница в Силистре, где к центральному двойному портрету высокопоставленного чиновника и его жены обращены расположенные на трех стенах слуги – четыре девушки с туалетными принадлежностями госпожи и четыре юноши с деталями аристократического костюма своего хозяина (ил. 2, 1–3)⁴⁷. Очень близкий сюжет обнаруживается в гробнице последней трети IV в. в Оссеново (Болгария), роспись которой выполнена в примитивном графическом стиле⁴⁸. Все фигуры размещены в арочных рамах: жена в позе оранты и муж на западной главной стене, две служанки с подношениями на южной стене, со стороны хозяйки, и трое солдат в шлемах с щитами и копьями на северной стене, со стороны хозяина, очевидно, имевшего отношение к воинской службе. В росписи сербской гробницы в Бешке помимо трех слуг и служанки, обращенных к хозяину и его жене, присутствовали три богини судьбы (Парки)⁴⁹. В Виминачиуме (Сербия) известны две гробницы IV в. с изображениями слуг.

⁴³ *Valeva J.* La peinture funéraire... P. 180–185.

⁴⁴ *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись... 1913. Табл. LXXV, 4.

⁴⁵ *Alföldi-Rosenbaum E.* Anamur Nekropolis: the Necropolis of Anemurium. Ankara, 1971. P. 112–113; *Corpus der Spätantiken und Frühchristlichen Wandmalereien Bulgariens* / ed. R. Pillinger, V. Popova, B. Zimmermann. Wien, 1999. S. 42–45.

⁴⁶ *Μαρκή Ε.* Η νεκρόπολη... Σ. 141.

⁴⁷ *Atanasov G.* Late Antique Tomb... P. 448–450.

⁴⁸ *Corpus der Spätantiken und Frühchristlichen Wandmalereien*... P. 13–16.

⁴⁹ *Popović I.* Wall Painting of Late Antique Tombs in Sirmium and its Vicinity // *Starinar*. 2011. Vol. 61. P. 238–239; *Valeva J.* La peinture funéraire... P. 182–183.

Фигуративные изображения в живописи Херсонеса

Ил. 2. Росписи со слугами в гробницах Болгарии и Сербии: 1–3 – изображения слуг из гробницы в Силистре (Corpus der Spätantiken und Frühchristlichen Wandmalereien... Taf. 55–56), 4 – портрет госпожи и слуги из гробницы в Виминациуме (Grašar J. A., Tapavički-Ilić M. Mural Painting...), 5 – изображение слуги из гробницы в Бешке (Popović I. Wall Painting of Late Antique Tombs... Fig. 20)

Fig. 2. Paintings with servants in the tombs in Bulgaria and Serbia: 1–3 – images of servants from the tomb in Silistra (Corpus der Spätantiken und Frühchristlichen Wandmalereien... Taf. 55–56), 4 – portrait of a mistress and a servant from the tomb in Viminacium (Grašar J. A., Tapavički-Ilić M. Mural Painting...), 5 – image of a servant from the tomb in Beshka (Popović I. Wall Painting of Late Antique Tombs... Fig. 20)

В одной из них госпожа в костюме римской аристократки и слуга с хлебом на подносе в руках изображены на противоположных узких стенах (ил. 2, 4)⁵⁰. В «гробнице с купидонами» слуга и служанка, вероятно, были обращены к несохранившемуся портрету хозяев⁵¹.

⁵⁰ Grašar J. A., Tapavički-Ilić M. Mural Painting of a Roman Lady from Viminacium: From Roman Matron to the Modern Icon. URL: <https://exarc.net/issue-2015-2/int/mural-painting-roman-lady-viminacium-roman-matron-modern-icon> (дата обращения: 05.07.2021); Valeva J. La peinture funéraire... P. 182–183.

⁵¹ Grašar J. A., Nicoljić E., Rogić D. “Tomb with Cupids” from Viminacium: a Contribution to Research of Construction, Iconography and Style // Starinar. 2013. Т. 43. P. 83–84. <https://doi.org/10.2298/STA1363073A>

Сюжет с процессией слуг был также в росписи ряда других несохранившихся погребальных сооружений, в частности, в Сирмии (Сербия), Констанце (Румыния) и Сидоне (Ливан)⁵².

Как уже отмечалось, фигуры слуг в погребальной росписи вполне сопоставимы между собой и их статус легко определяется по одежде, позе и выполняемой ими роли. Внешне наиболее близкими херсонесским юношам являются образы слуг-мужчин из гробниц Силистры, Виминациума и Бешки, одетых в похожие подпоясанные туники длиной до колен с длинными рукавами (ил. 2). Однако в отличие от этих персонажей юноши из склепов Херсонеса держали горящие свечи. Фигуры слуг с большими горящими свечами в подсвечниках представлены по обе стороны ниши с портретом аристократки Элии Арисут в уже упоминавшейся гробнице в Гаргареше⁵³. Ее роспись значительно богаче и живописнее херсонесских памятников, что исключает прямую связь между ними. Тем не менее, присутствие в них персонажей с одинаковой функциональной нагрузкой свидетельствует о распространенности этих образов в позднеантичной погребальной живописи. В этой связи следует упомянуть также гробницу Нимф в Ашкелоне (Израиль) середины III в., в которой с обеих сторон от входа сохранились нижние части двух мужских фигур, одетых в короткие туники и плащи и обутых в сандалии⁵⁴. Обе фигуры направлены к входу, чем напоминают юношей из херсонесских склепов. Так же, как и в случае с херсонесскими изображениями, допускается, что фигуры из гробницы Нимф могли держать в руках факелы (свечи)⁵⁵. Подтверждением этому служит практика изображать у входа горящие свечи в некоторых погребальных сооружениях, в числе которых упомянутые гробницы в Силистре и в Ор-ха-Нере⁵⁶.

Выводы. Приведенные аналогии позволяют достаточно уверенно интерпретировать фигуры юношей из трех склепов Херсонеса как изображения слуг. Образы слуг и сюжеты с их участием были широко распространены в античном искусстве. Их присутствие в декоративных программах гробниц служило демонстрацией высокого социального статуса и роскошной жизни погребенных и, возможно, выражало надежду на такое же благополучие в загробном мире. На раннем этапе формиро-

⁵² *Popović I.* Wall Painting... P. 223–249; *Valeva J.* La peinture funéraire... P. 183–184.

⁵³ *Bianchi-Bandinelli R.* Rome. La fin de l'art antique. P. 264. Fig. 242.

⁵⁴ *Michaeli T.* The Iconographic Programme and Symbolism of the Tomb of the Nymphs at Ashkelon // La peinture funéraire antique IVe siècle av. J.-C. – IVe siècle ap. J.-C. Actes du VIIe Colloque de l'Association Internationale pour la Peinture Mural Antique (6–10 Octobre 1998, Saint-Romain-en-Gal – Vienne). Paris, 2001. P. 168. Fig. 10.

⁵⁵ *Ibid.*

⁵⁶ *Atanasov G.* Late Antique Tomb... P. 463. Fig. 4, 6. *Michaeli T.* The Pictorial Program... P. 40. Fig. 1.

Фигуративные изображения в живописи Херсонеса

вания христианского искусства сюжеты со слугами так же, как многие другие популярные изобразительные мотивы и символы, использовались и в росписи погребений приверженцев новой веры. Свидетельством этому являются херсонесские склепы, декорация которых включала и фигуры юношей-слуг, и монограмму Христа. Среди других упомянутых росписей с изображениями слуг только в гробнице Оссеново была начертана хризма (в круге над входом)⁵⁷. Однако фигуры слуг, так же как и некоторые другие символы земной роскоши (например, имитация мраморной облицовки), в христианской погребальной живописи не встречаются позднее IV в.⁵⁸ Скорее всего, конец IV в. является *terminus ante quem* и для создания росписей Херсонеса, включавших данные мотивы⁵⁹.

Как уже отмечалось, фигуры херсонесских юношей наиболее близки по стилю исполнения изображениям слуг из гробниц придунайских провинций. Скорее всего, появление этих образов в Херсонесе следует связывать с восточно-балканской художественной традицией⁶⁰. Сцена с шествием или процессией слуг была наиболее популярна на территории Фракии. Так же как и в Херсонесе, там сравнительно мало гробниц, в росписи которых есть изображения людей. Кроме погрудных изображений четырех архангелов в софийской гробнице № 9 и двух орант в райском саду в гробнице Констанцы⁶¹, остальные фигуры во фракийских гробничных росписях – это участники погребальной трапезы (Пловдив, Констанца) или шествия слуг (Силистра, Оссеново).

В херсонесских росписях от таких многофигурных процессий остается лишь одиночное изображение слуги. Скорее всего, херсонесские росписи с данными персонажами можно рассматривать как заключительный этап в трансформации сюжетов погребальной трапезы и шествия слуг. Отличие от упомянутых аналогов состоит и в том, что вместо подношений херсонесские юноши держали в руках горящие свечи. Как источник искусственного света, свечи имели глубокий символический смысл в греко-римском погребальном обряде, откуда они, наделенные новым значением, перешли и в христианскую культуру⁶².

⁵⁷ Corpus der Spätantiken und Frühchristlichen Wandmalereien... S. 14. Taf. 1. Abb. 2; Taf. 51. Abb. 3.

⁵⁸ Valeva J. La peinture funéraire... P. 181.

⁵⁹ Завадская И. А. Декоративно-символическая система росписи... С. 277.

⁶⁰ Завадская И. А. О происхождении раннехристианских росписей в склепах Херсонеса // ВДИ. 2021. Т. 81/2. С. 453–458.

⁶¹ Миятев К. Декоративната живопись на Софийския некропол. София, 1925. С. 86–106; Valeva J. La peinture funéraire... P. 188. Fig. 54.

⁶² Michaeli T. Funerary Lights in Painted Tombs in Israel: from Paganism to Christianity // Actas del IX Congreso Internacional de la Association Internationale pour la Peinture Murale Antique. Zaragoza – Calatayud, 21–25 septiembre 2004. Zaragoza ; Lausanne, 2007. P. 203–208.

Фигуры юношей-слуг, встречающих своих хозяев с горящими свечами в руках, были призваны освещать им загробный мир. Евангельское сопоставление света с Христом (Ин. 8:12) позволяет предположить, что изображения свечей в христианских гробницах могли символизировать божественный свет в Царствии Небесном.

REFERENCES

Alföldi-Rosenbaum, E. (1971). *Anamur Nekropolü: the Necropolis of Anemurium*. Ankara: Türk Tarih Kurumu.

Atanasov, G. (2007). Late Antique Tomb in Durostorum-Silistra and its Master. *Pontica*, 40, 447–468.

Bianchi-Bandinelli, R. (1970). *Rome. La fin de l'art antique*. Paris: Gallimard.

Dunbabin, K. M. D. (2003). The Waiting Servant in Later Roman Art. *American Journal of Philology*, 124, 443–468.

Farmakovskiy, B. V. (1903). Zhivopis' v Palmire [Painting in Palmyra]. *Izvestiia Russkogo arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole*, 8, 172–198.

Filippov, A. E. (2009). Rospisi rannekhristsianskikh sklepov Khersonesa Tavricheskogo v kontekste khudozhestvennoi traditsii: sintez s arkhitekturoi, simvolika, liturgicheskaiia osnova [Painting of the Early Christian Tombs of Tauric Chersonesos in the Context of Artistic Tradition: Synthesis with Architecture, Symbolism, Liturgical Basis]. In S. A. Belyaev (Ed.), *Ocherki po istorii khristianskogo Khersonesa* [Essays on the History of Christian Chersonesos] (pp. 193–318). St Petersburg: Aleteia.

Grašar, J. A., Nicolčić, E., & Rogić, D. (2013). “Tomb with Cupids” from Viminacium: a Contribution to Research of Construction, Iconography and Style. *Stariinar*, 63, 73–100. <https://doi.org/10.2298/STA1363073A>

Grašar, J. A., & Tapavički-Ilić, M. (2015). *Mural Painting of a Roman Lady from Viminacium: From Roman Matron to the Modern Icon*. Retrieved from <https://exarc.net/issue-2015-2/int/mural-painting-roman-lady-viminacium-roman-matron-modern-icon>

Khrushkova, L. G. (2008). O zhivopisi rannekhristsianskikh sklepov v Krymu: sto let posle Mikhaila Ivanovicha Rostovtseva [On the Paintings in Early Christian Tombs in the Crimea: One Hundred Years after Mikhail Rostovtsev]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 42, 121–132.

Kostsiushko-Valiuzhinich, K. K. (1907). Otchet o raskopkakh v Khersonese Tavricheskom v 1905 g. [Report on Excavations in Tauric Chersonesos in 1905]. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii*, 25, 67–165.

Marki, E. (2006). *He nekropole tes Tkhessalonikes stus husteroromaikus kai palyaiokhristianikus khronus (mesa tu 3u eos mesa tu 8u ai. m.kh.)* [The Necropolis of Thessaloniki in the Late Roman and Early Christian Periods (from the Middle of the Third Century to the Middle of the Eight Century AD)]. Athens: Tameio Archaio-logikwn Porwn kai Apallotriwsewn.

Michaeli, T. (1998). The Pictorial Program of the Tomb near Kibbutz Or-har in Israel. *Assaph Studies in Art History*, 3, 37–76.

Michaeli, T. (2001). The Iconographic Programme and Symbolism of the Tomb of the Nymphs at Ashkelon. In *La Peinture Funéraire Antique IVe siècle av. J.-C.* –

Фигуративные изображения в живописи Херсонеса

IVe siècle ap. J.-C. Actes du VIIe Colloque de l'Association Internationale pour la Peinture Mural Antique (6–10 Octobre 1998, Saint-Romain-en-Gal – Vienne) (pp. 163–170). Paris: Edition Errance.

Michaeli, T. (2007). Funerary Lights in Painted Tombs in Israel: from Paganism to Christianity. *Actas del IX Congreso Internacional de la Association Internationale pour la Peinture Murale Antique. Zaragoza – Calatayud, 21–25 septiembre 2004* (pp. 203–208). Zaragoza; Lausanne: Edición científica de Carmen Guiral Pelegrin.

Miyatev, K. (1925). *Dekorativnata zhivopis na Sofiyskiya nekropol* [Decorative Painting of the Sofia Necropolis]. Sofia: Pridvorna pechatnitsa.

Pechenkin, N. (1912). Rospis' khristianskoi katakomby, nakhodiashcheisia bliz Khersonesa na zemle N. I. Tura [The Painting of a Christian Catacomb Located Near Chersonesos, on the Property of N. I. Tur]. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 48, 145–149.

Pillinger, R., Popova V., & Zimmermann, B. (Eds.). (1999). *Corpus der Spätantiken und Frühchristlichen Wandmalereien Bulgariens*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften.

Popović, I. (2011). Wall Painting of Late Antique Tombs in Sirmium and its Vicinity. *Starinar*, 61, 223–249.

Rishnyak, O., Sadova, O., Turovsky, E., & Filippenko, A. (2012). *Nekropol' Khersonesa Tavriyskogo. Novi storinky v istorii' doslidzhen'* [Necropolis of Chersonesos Tauric. New Pages in the History of Research]. Lviv: [s. n.].

Rostovtsev, M. I. (1913). *Antichnaia dekorativnaia zhivopis' na iuge Rossii. Atlas* [Antique Decorative Painting in the South of Russia. Atlas]. St Petersburg: Izdanie Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii.

Rostovtsev, M. I. (1914). *Antichnaia dekorativnaia zhivopis' na iuge Rossii. T. I: Opisanie i issledovanie pamiatnikov* [Antique Decorative Painting in the South of Russia. Text. Vol. 1: Description and Researches of the Monuments]. St Petersburg: Izdanie Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii.

Skubetov, M. I. (1907). Proekt restavratsii fresok v sklepe No 2114 [Restoration Project of Frescoes in the Tomb No 2114]. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii*, 25, 168–169.

Skubetov, M. I. (1916). Drevnekhristsianskii familnyi sklep IV v. s freskovoi dekorativnoi rospisiu bliz Khersonesa (na zemle N. I. Tura), okonchatel'no dosledovannyi v noiabre 1912 g. [An Ancient Christian Family Tomb of the Fourth Century with Decorative Fresco Painting near Chersonesos (on the Property of N. I. Tur) Studied in November 1912]. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 53, 177–189.

Sorochan, S. B. (2005). *Vizantiiskii Kherson (vtoraia polovina VI – pervaiia polovina X vv.). Ocherki istorii i kul'tury* [Byzantine Cherson (Second Half of the Sixth to the First Half of the Tenth Century). Essays on the History and Culture]. Kharkov: Maidan Publ.

Stupko, M. V., Turovsky, E. Ya., & Filippenko, A. A. (2007). O sud'bakh raspisnykh sklepov pervykh khristian Khersonesa [On the Fate of the Painted Tombs of the First Christians of Chersonesos]. *Sacrum et Profanum III. Nebesnye patrony i zemnye sluzhiteli kulta* [Sacrum et Profanum III. Heavenly Patrons and Earthly Ministers of Religion] (pp. 189–192). Sevastopol: Maksim.

И. А. Завадская

Valeva, J. (2001). La peinture funéraire dans les provinces orientales de l'Empire Romain dans l'Antiquité tardive. *Hortus Artium Medievalium*, 7, 167–208.

Zavadskaya, I. A. (2005). Dekorativno-simvolicheskaia sistema rospisi khersonesskikh khristianskikh sklepov: problemy khronologii i genezisa [Decorative–Symbolic System of Painting in Chersonesos Christian Tombs: Aspects of Chronology and Genesis]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 11, 258–288.

Zavadskaya, I. A. (2021). O proiskhozhdenii rannekhristianskikh rospisei v sklepakh Khersonesa [On the Origin of the Early Christian Paintings in Chersonesos Tombs]. *Vestnik drevney istorii*, 81 (2), 439–462. <https://doi.org/10.31857/S032103910010623-8>

Zubar, V. M., & Khvorostiani, A. I. (2000). *Ot iazychestva k khristianstvu. Nachalnyy etap proniknoveniia i utverzhdeniia khristianstva na iuge Ukrainy (vtoraia polovina III – pervaiia polovina VI v.)* [From Paganism to Christianity. The Initial Stage of Penetration and Confirmation of Christianity in the South of Ukraine (the Second Half of the Third – the First Half of the Sixth Centuries)]. Kiev: Institut arkheologii Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy.

Завадская Ирина Анатольевна
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Крымский федеральный
университет им. В. И. Вернадского
295007, Симферополь,
пр. Вернадского, 4
E-mail: zavadskaya_irina@mail.ru

Zavadskaya, Irina Anatol'evna
PhD (History), Leading Researcher
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
4 Vernadsky Ave, 295007, Simferopol,
Russia
Email: zavadskaya_irina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3915-136X>
ResearcherID: Y-8383-2018
Scopus AuthorID: 57216349062

М. Н. Бутырский

Государственный музей Востока

Москва, Россия

ХРИСТОС – *COMES AUGUSTI*: К ВОПРОСУ О НУМИЗМАТИЧЕСКОЙ ИКОНОГРАФИИ ЮСТИНИАНА II

В данной работе сопоставляются примеры иконографии «образа власти» на римских монетах императора Аврелиана (чеканка Сердики 274–275 гг.) и византийских при императоре Юстиниане II (чеканка Константинополя и ряда западных провинциальных денежных дворов 705–711 гг.). Разновременные монетные типы демонстрируют принципиальную близость идейного замысла и образного решения, утверждавшего божественную власть над земной империей в языческий и христианский периоды ее существования. Это было достигнуто за счет новизны иконографического языка: погрудные бюсты *Sol* и Христа, обоюдно титулованных *dominus*, размещены на лицевой стороне монет, их божественные черты приближены к облику правящего монарха, чей портрет либо фигура в полный рост перенесены на обратную сторону монетного кружка. Делается вывод, что иконография солнечного божества *Sol* на монетах Аврелиана, названного «Господином Римской империи», предвосхитила иконографию Христа – «Господа и Царя царствующих» на монетах Юстиниана II; последняя же, в редакции 705–711 гг., наследует дохристианскую традицию образов-двойников на римских монетах III–IV вв., демонстрирующих «личную унию» между правителем и копирующим его внешность спутником-божеством.

Ключевые слова: Римская империя; Византия; нумизматика; иконография; *Sol Invictus*; *Rex regnantium*; *dominus*; образ власти; полиморфизм божества

Цитирование: Бутырский М. Н. Христос – *comes Augusti*: к вопросу о нумизматической иконографии Юстиниана II // Античная древность и средние века. 2021. Т. 49. С. 55–69. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.004>

Поступила в редакцию 22.06.2021

Принята к печати 11.10.2021

М. Н. Бутырский

Mikhail N. Butyrskii

The State Museum of Oriental Art
Moscow, Russia

CHRIST AS *COMES AUGUSTI*: ON THE QUESTION OF NUMISMATIC ICONOGRAPHY OF JUSTINIAN II

This paper compares iconography of the “image of power” on Roman coins of Emperor Aurelian (minted in Serdica, minted in 274–275) and Byzantine pieces of Emperor Justinian II (Constantinople and several Western provincial mints, 705–711). Not synchronous coin types demonstrate the similarity of the idea and image, which affirmed the divine power over the earthly empire in the pagan and Christian periods of its existence. This was achieved due to the novelty of the iconographic language: the half-length images of Sol and Christ, both titled “dominus”, are placed on obverse, with their physiognomy close to the appearance of the ruling emperor showed as a portrait or standing figure on reverse. The iconography of sun deity Sol called the “Lord of the Roman Empire” on the coins of Aurelian anticipated the iconography of Christ as the Lord and “Rex regnantium” on the coins of Justinian II; the latter, in the version from 705–711, inherited pre-Christian tradition of paired images of emperor and his deity-patron on the Roman coins (third and fourth centuries), demonstrating a “personal union” of the ruler and the deity.

Keywords: Roman empire, Byzantium, numismatics, iconography, *Sol Invictus*, *Rex regnantium*, *dominus*, image of power, polymorphic deity

For citation: Butyrskii, M. N. (2021). Khristos – *comes Augusti*: k voprosu o numizmaticheskoi ikonografii Iustiniana II [Christ as *Comes Augusti*: On the Question of Numismatic Iconography of Justinian II]. *Antichnaya drevnost i srednie veka*, 49, 55–69. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.004>

Submitted: 22.06.2021

Accepted: 11.10.2021

Концепция христианского мироустройства признавала римского императора – главу *orbis romana* – «наместником» или временным «заместителем» Божественного Всецаря, которому одному принадлежит высшая и безусловная власть «на небе и на земле» (Мф. 28:18). На этом настаивало Писание: «Агнец... есть Господь господствующих и Царь царей» (Откр. 17:14; 19:16); «...блаженный и единый сильный Царь царствующих и Господь господствующих» (1 Тим. 6:15).

В нумизматике идея божественного всевластия, с VI в. получившая художественное воплощение на таких памятниках, как аворий Барберини или апсидальная мозаика равеннской церкви Сан-Витале (ил. 1–2), впервые нашла свое выражение в чеканке Юстиниана II Ринотмета (685–695; 705–711).

Ил. 1. Диптих Барберини. Лувр, VI в. URL: https://it.wikipedia.org/wiki/File:Diptych_Barberini_Louvre_OA9063_whole.jpg (дата обращения: 20.05.2021)

Fig. 1. Barberini Diptych. Louvre, sixth century. URL: https://it.wikipedia.org/wiki/File:Diptych_Barberini_Louvre_OA9063_whole.jpg (accessed: 20.05.2021)

Изображения Христа и царя, разведенные по обеим сторонам золотых солидов (а также серебряных гексаграмм, битых общими с солидами штемпелями), слагаются в единый иерархизованный «образ власти», в котором император уступил лидирующую роль Христу¹. Насильствен-

¹ Эти монетные типы были обязательны также для фракций солида семисов и тремиссов (с изменениями рисунка креста на оборотной стороне), чеканенных на денежных дворах столицы и других центрах империи. Первая из эмиссий Юстиниана Ринотмета данного типа относится к 692–695 гг. (DOC 2. 2. Class III, 7–8), вторая – 705 г. (DOC 2. 2. Class I, 1), третья – 705–711 гг. (DOC 2. 2. Class II, 2). Об этом чекане в целом: *Breckenridge J. D. The Numismatic Iconography of Justinian II (685–695, 705–711)*. New York, 1959.

ное прерывание царствования Юстиниана в 695 г. обусловило длительную паузу в его чеканке, возобновившейся с возвращением императора к власти в 705 г. Идеологическая матрица прежнего «образа власти» в монетных типах второго правления (705–711) была сохранена, однако существенные перемены, затронувшие портретный облик и титулатуру Христа и правителя, а также стилистику исполнения обоих, не могли не повлиять на расстановку акцентов (ил. 3–4).

Ил. 2. Церковь Сан-Витале. Равенна, 547 г. Фото автора

Fig. 2. San Vitale Church. Ravenna, 547 AD. Photo: the author

Монеты первого правления Юстиниана (эмиссия около 692–695 гг.²) несут изображение Христа Средовска с длинными волосами и бородой (в иконографии, близкой каноническому для зрелой византийской традиции типу Пантократора-Вседержителя), в кольцевой легенде его имя дополнено эпитетом *Rex regnantium*. Выпуски второго правления показывают Христа с короткими курчавыми волосами и короткой бородой (так называемый сиро-палестинский иконографический тип, именовавшийся также историческим). Сопутствующий образу эпитет повторен, но имя Спасителя теперь предварено

² Обоснование датировки выпуска 690/691 г. (четвертым годом индикта) и его вероятных мотивов см.: *Morrison C., Prigent V. L'empereur et le calife (690–695). Réflexions à propos des monnayages de Justinien II et d'Abd al-Malik // Topoi. 2013. Suppl. 12. P. 571–592.*

К вопросу о нумизматической иконографии Юстиниана II

Ил. 3. Юстиниан II. Сольд. Константинополь, ок. 692–695 гг. URL: <https://www.acsearch.info/image.html?id=7473210> (дата обращения: 20.05.2021)

Fig. 3. Justinian II. Solidus. Constantinople, ca 692–695 AD. URL: <https://www.acsearch.info/image.html?id=7473210> (accessed: 20.05.2021)

Ил. 4. Юстиниан II. Сольд. Константинополь, ок. 705–706 гг. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Файл:INC-3024-а> Сольд. Юстиниан II. Ок. 685—686 гг.png (дата обращения: 20.05.2021)

Fig. 4. Justinian II. Solidus. Constantinople, ca 705–706 AD. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Файл:INC-3024-а> Сольд. Юстиниан II. Ок. 685—686 гг.png (accessed: 20.05.2021)

аббревиатурой D[ominus] N[oster]. Оба варианта изображения Господа различаются также стилистикой исполнения: первый в значительной степени антикизирован за счет пластической проработки телесной формы, второй по сравнению с ним условен и схематичен. Эти изменения затронули только лик, прочие детали изображения – слагаемые погрудного бюста анфас: облачение, кодекс в левой руке и благословляющая десница, а также крест без нимба за головой – абсолютно идентичны.

Портретная двойственность Христа и способы ее художественного выявления на монетах Юстиниана II в научной литературе объяснялись противопоставлением бытия Господа в вечности (которое маркирует «образ Божий» в иконографическом типе Вседержителя) Его пребыванию в земной истории («зрак раба» по «историческому» сиро-палестинскому типу). Выбор последнего для монет VIII в. предопределил, в силу жанровой специфики ранневизантийского искусства, сближение «земного», «исторического» облика Всевышнего с весьма условно трактованным портретом действующего монарха³. Иными словами, полиморфизм Христа на монетах Юстиниана II виделся способом раскрытия утвердившихся представлений о Его собственном бытии, подобно тому, как это происходило в других видах изобразительного искусства Византии.

Однако, по сравнению с ними, область нумизматики предъявляет иные, более специфические требования к иконографии образа Господа, помещая его в контекст идеологизированного «образа власти»; последний же на римских и византийских монетах традиционно постулировал суть взаимоотношений между земным властителем и божеством.

Монеты обоих правлений Юстиниана II впервые указали подданным василевса на его личную связь с Богом, однако использование двух резко отличающихся друг от друга монетных типов обозначило демонстративную разницу в характере этой связи. Погрудный бюст Христа с эпитетом *Rex regnantium* на лицевой стороне солида и гексаграммы 692–695 гг. явил собою образ высшей безусловной власти, стоящей над земными правителями и руководящей ими. Перенос фигуры императора с эпитетом *servus Christi* на оборотную сторону монетного кружка знаменовал официальное признание такого порядка вещей

³ По словам Э. Китцингера, «обычный способ стилистического отличия портретов живущих современников от изображений святых – придание им (портретам) большей степени абстрагированности и упрощения». Далее Э. Китцингер говорит о том, что стилистическая «мода» служила не только для разделения различных категорий портретируемых, но также выражала различные уровни их бытия, и в этой связи портреты Христа второго правления и царя равно взяты «из жизни» (*Kitzinger E. Some Reflections on Portraiture in Byzantine Art // ЗРВИ. 1963. Т. 8. P. 185–193.*)

К вопросу о нумизматической иконографии Юстиниана II

и подчинение ему⁴. Выбранная иконография образа Спасителя – лик с длинными прядями волос, разделяемыми надвое надо лбом, достаточно длинной бородой и усами – к концу VII в. уже полагалась древней и, вероятно, наиболее приемлемой для утверждения вечности и абсолютного всевластия Бога. Цветовая условность медальерной пластики оставляет открытым вопрос о возрастных характеристиках Христа – Средовека либо Старца – в этих эмиссиях.

Монеты повторного правления Юстиниана Ринотмета несут такой же погрудный бюст Спасителя, но с иными, как бы «омоложенными» и стилизованными чертами портрета: короткими курчавыми волосами, короткими, «в линию», усами и бородой, треугольным абрисом лица. Имя Господа предварено буквами DN (*Dominus noster*), при этом император, чье имя сопровождают инициалы той же титулатуры, более не называется *servus Christi*. Уравнение изображенных по статусу дополнено очевидным сходством обоих портретных типажей – Божественного и царского, благо на монету в VIII в. был возвращен погрудный бюст Юстиниана. Это сходство было неоднократно отмечено исследователями, однако вопрос о причине его решался без определения первоисточника в паре, где один портрет выступал в качестве образца для второго. Априори за него принимался лик Господа, чего, казалось бы, требовали и нормы христомимесиса: император следовал в подражании Христу, обратное воздействие не предполагалось. Но так ли это в действительности?

По свидетельствам письменных и изобразительных источников, короткие курчавые волосы могли рассматриваться как отличительный признак исторической (или сиро-палестинской) иконографии Спасителя, которая получила некоторое распространение в ранневизантийский период (миниатюры Евангелия Рабулы, синайская икона, предметы торевтики VI–VII вв. и др.)⁵. Однако в нумизматической сфере почти полный набор деталей Божественного облика – треугольный абрис лица, короткие усы и борода, почти не выходящая за пределы лицевого контура, линейно-плоскостная стилистика исполнения – точно соответствует типу императорского портрета, сложившемуся на начальном этапе чеканки Юстиниана II (около 687–692 гг.) (ил. 5) и в окончательной редакции утвердившемуся при Тиверии III (698–705) (ил. 6). Именно тогда была создана стилистика, в рамках которой резчик штемпелей впервые наделил монарший лик выразительными признаками иконного образа: линейной

⁴ На оборотной стороне монеты император показан в рост и, следовательно, фигура его мала по сравнению с погрудным бюстом Христа на лицевой стороне. Трудно сказать, имелся ли сознательный расчет на это противопоставление, но очевидный эффект его соотносится с идейным посылом монетного типа: разность масштабов как бы отдаляла от зрителя императора и приближала лик Божества.

⁵ Об этой иконографии Христа существует обширная литература. См.: *Белтинг Х.* Образ и культ. История образа до эпохи искусства. М., 2002. С. 160–163.

М. Н. Бутырский

четкостью абриса (при этом личной контур до уровня бровей замыкался короткой, как бы подвешенной и опоясывающей его бородой), сглаженным рельефом поверхности, строгой симметрией и равновесием деталей лица⁶. Более ранние типажи, сменявшие друг друга на протяжении VII в., воспроизводили условные черты облика правящих монархов, однако сохраняли индивидуальные различия в проработке всех деталей лица, вплоть до приемов моделировки глаз. Напротив, с эмиссией Тиверия III и Юстиниана II в византийской нумизматике наступает период унификации портретного типажа, который будет длиться до конца IX в.

Ил. 5. Юстиниан II. Солид. Константинополь, ок. 685–692 гг. URL: <https://www.acsearch.info/image.html?id=175361> (дата обращения: 20.05.2021)

Fig. 5. Justinian II. Solidus. Constantinople, ca 685–692 AD. URL: <https://www.acsearch.info/image.html?id=175361> (accessed: 20.05.2021)

Следовательно, иконография образа Христа 705–711 гг. была выстроена из совмещенных элементов *исторического* портретного типа Спасителя и унифицированного царского портрета, с целью создания на лицевой стороне монеты (солида) образа-двойника правящего монарха, чей погрудный бюст был возвращен на ее оборотную сторону. Их зримая сомасштабность и физиогномическая близость дополнялись символическим уравниванием статуса, для чего Христос первый и единственный раз в истории византийской нумизматики был, подобно василевсу, титулован *Dominus noster*.

⁶ Бутырский М. Н. Портретное творчество в византийской нумизматике (конец VII – начало VIII вв.): традиции и новаторство // Искусство византийского мира. Индивидуальность в художественном творчестве : сб. ст. в честь О. С. Поповой / ред.-сост. А. В. Захарова, О. В. Овчарова, И. А. Орецкая. М., 2021. С. 34.

Ил. 6. Тиверий III. Солид. Константинополь, 698–705 гг. URL: <https://www.acsearch.info/image.html?id=609317> (дата обращения: 20.05.2021)

Fig. 6. Tiberius III. Solidus. Constantinople, 698–705 AD. URL: <https://www.acsearch.info/image.html?id=609317> (accessed: 20.05.2021)

В портретных типах монет второго правления Юстиниана Ринотмета мы видим оживление давней традиции образов-двойников, ведущей свое происхождение из римской нумизматики начальной поры домината. Она возникла благодаря особенностям религиозных воззрений поздней Античности, где император мог рассматриваться как воплощение, своего рода аватар избранного божества, хранимый и сберегаемый тем⁷. Однако в их парных портретах «ведущим» являлся именно правитель, «ведомым» – божество, что подтверждалось его эпитетом *comes Augusti* («спутник Августа»), включавшимся и в состав монетных легенд. Лик бессмертного спутника-покровителя земного монарха наделялся сходством с императорским, что выводило связь между ними на уровень индивидуальной, почти родственной близости. Взаимовыгодным патроном императора в дохристианском Риме становились Юпитер, Геркулес⁸, но наиболее часто им избирался *Sol Invictus* (Непобедимое Солнце), изображенный двойником-напарником Августа на монетах Проба (276–282)⁹

⁷ Об этом см.: Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М., 2005. С. 445–447.

⁸ Постум, ауреус (Кельн, 266 г.). Л. с.: Постум и Геркулес (RIC V.2. Pl. XIII, n. 9–11).

⁹ Проб, AR медальон (Сердика, ок. 281 г.). Л. с.: Проб и Соль (*Gnecchi F. I Medaglioni Romani*. Bologna, 1912. P. 119, cf. 33; Pl. 121, 3); Проб, AN ауреус (Сердика, 281–282 гг.). Л. с.: Проб и Соль SOL COMES PROBI AVGVSTI. О. с.: Соль SOLI INVICTO COMITI AVGVSTI (RIC V. 2. No 829); Проб, антониниан (Сердика, 279 г.). Л. с.: Проб и Соль SOL COMES PROBI AVGVSTI (RIC V. 2. No 835).

М. Н. Бутырский

(ил. 7) и Константина (306–337)¹⁰ (ил. 8). С этим божеством в римской чеканке связан уникальный прецедент нумизматических новаций Юстиниана II.

Ил. 7. Проб. Медальон. Сердика, ок. 281 г. URL: https://hu.m.wikipedia.org/wiki/Fájl:Probus_sol.jpg (дата обращения: 20.05.2021)

Fig. 7. Probus. Medallion. Serdica, 281 AD. URL: https://hu.m.wikipedia.org/wiki/Fájl:Probus_sol.jpg (accessed: 20.05.2021)

Ил. 8. Константин I. Мультисолид. Тицидум, ок. 313 г. (по: *Канторович Э. Два тела короля. М., 2005. Ил. 32f*)

Fig. 8. Constantine I. Multi-solidus. Ticinum, ca 313 AD (after: *Kantorowicz E. The King's Two Bodies. Princeton, New Jersey. 1985. Fig. 32f*)

¹⁰ Константин I, AN мультисолид (Тицидум, 313 г.). Л. с.: парные бюсты Константина и Соля INVICTUS CONSTANTINUS MAX AVG (*Babelon E. Un nouveau médaillon en or de Constantin le Grand // Melanges Boissier. Paris, 1903, 49–50*); солид (Тицидум, 315 г.). Л. с.: парные бюсты Константина и Соля COMIS CONSTANTINI AVG (RIC V. 2, No 32, 53).

К вопросу о нумизматической иконографии Юстиниана II

Кульτ Непобедимого Солнца усиленно насаждался в правление Аврелиана (270–275), который видел в этом средство оздоровления римской державы, находившейся в глубоком кризисе¹¹. На «ассах» (или двойных антонинианах) Аврелиана чеканки Сердики 274–275 гг. единственный раз в истории римской нумизматики солярное божество было титуловано Господином Римской империи: *Sol dominus imperi Romani*¹². При этом бюст Непобедимого Солнца был помещен на лицевой стороне монеты, вытеснив императорскую фигуру на оборотную сторону (Аврелиан стоит у алтаря, в тоге, наброшенной на голову, либо в доспехах; легенда: AVRELIANUS AVG[ustus] CONS[ecravit/ervator]).

Древнее солярное божество на этих монетах Аврелиана обретает неожиданные черты полиморфизма: в одной эмиссии оно сохраняет свой традиционный эллинистический облик (трехчетвертной разворот бюста, лучевая корона, длинные локоны), в двух других его полностью утрачивает (профильный ракурс, отсутствие короны, слегка вьющиеся недлинные волосы или курчавая шевелюра, плотно прилегающая завитками к голове) (ил. 9–11).

Ил. 9. Аврелиан. «Асс», или двойной антониниан. Сердика, 274–275 гг. URL: <https://www.acsearch.info/image.html?id=2157248> (дата обращения: 20.05.2021)

Fig. 9. Aurelianus. As, or double antoninianus. Serdica, 274–275 AD. URL: <https://www.acsearch.info/image.html?id=2157248> (accessed: 20.05.2021)

¹¹ *Hijmans S.* The Sun Which Did Not Rise in the East. The Cult of Sol Invictus in the Light of Non-Literary Evidence // *Bulletin Antieke Bbeschaving*. 1996. Bd. 71. P. 115–150.

¹² RIC V. 2. No 319–320. В это же время (ок. 274 г.) и вновь на монетах Сердики титул *dominus* впервые был дан самому Аврелиану: IMP(eratori) DEO ET DOMINO AVRELIANO AVG(usti), см.: *Wienand J.* Deo et domino: Aurelian, Serdica und die Restitutio orbis // *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte*. 2015. Bd. 65. S. 63–99.

Ни один из этих последних вариантов в точности не соответствует портрету самого императора, единообразный узнаваемый тип которого тиражирован на огромном количестве монет Аврелиана. Однако индивидуальная, почти реалистическая выразительность обоих «портретов» Солнца, уравненного в статусе с императором, подтверждает их создание в русле той же традиции, что заставляла претерпевать подобные метаморфозы образ Христа на монетах Юстиниана II: сменивший иконографию Пантократора-Вседержителя сиро-палестинский тип наиболее соответствовал конкретно-историческому бытию небесного Владыки империи, подчеркнутому титулом D[OMINUS] N[OSTER].

Ил. 10. Аврелиан. «Асс», или двойной антониниан. Сердика, 274–275 гг. URL: <https://www.acsearch.info/image.html?id=1896430> (дата обращения: 20.05.2021)

Fig. 10. Aurelianus. As, or double antoninianus. Serdica, 274–275 AD. URL: <https://www.acsearch.info/image.html?id=1896430> (accessed: 20.05.2021)

Лики Непобедимого Солнца (на двойных антонинианах 274–275 гг.) и Христа (на солидах 705–711 гг.) являлись бесспорными двойниками императорского портрета, повторяющими типологические особенности прототипа: в одном случае его живую физиогномику, в другом – набор условных лицевых признаков. Объявленные титулярными главами империи, они становились партнерами, спутниками (*comes Augusti*)¹³ и личными покровителями действующих монархов, породненными с ними портретным сходством и стоящими вровень по властному рангу.

¹³ Nock A. D. The Emperor's Divine Comes // Journal of Roman Studies. 1947. Vol. 37. P. 102–116.

Ил. 11. Аврелиан. «Асс», или двойной антониниан. Сердика, 274–275 гг. URL: <https://www.acsearch.info/search.html?id=1175469> (дата обращения: 20.05.2021)

Fig. 11. Aurelianus. As, or double antoninianus. Serdica, 274–275 AD. URL: <https://www.acsearch.info/search.html?id=1175469> (accessed: 20.05.2021)

Таким образом, дважды в истории разновременные нумизматические источники засвидетельствовали официальный статус двух богов – Непобедимого Солнца и Христа, власть которых была готова признать Римская держава. Видимые формы этого признания оказались настолько близки между собой, что можно сделать вывод об их универсальности, определившей неизменность понятийно-иконографического аппарата на протяжении четырехсот лет. Вместе с тем византийские монеты VIII в. неожиданно выявили устойчивость дохристианской модели представлений о «личной унии» между божеством и правителем, отчасти трансформировавшейся в византийскую теорию и практику христомимесиса¹⁴.

Можно констатировать, что христианская парадигма власти получила свой зримый прототип задолго до утверждения самого христианства и первых императоров, признавших Христа как Господа и Владыку всех. Культ Непобедимого Солнца облегчил принятие христианского монотеизма и опробовал некоторые формы его демонстрации.

¹⁴ В византийском искусстве наиболее выраженную форму этот принцип получил на мозаике XII в. в Адмиральской капелле в Палермо: лики Христа и короля Рожера II Сицилийского на ней отмечены бросающимся в глаза сходством, при этом Христос изображен без отступления от иконографической традиции и канона (*Kitzinger E. The Mosaic of St. Mary's of the Admiral in Palermo. Washington D.C., 1990. P. 196–197*). Э. Канторович прямо говорит об «удвоении» лика Господа в изображении короля (*Канторович Э. Два тела короля. С. 62–63*).

Но в той мере, в которой иконография Солнца – Владыки империи на монетах Аврелиана предвосхитила нумизматическую иконографию Христа – Царя царствующих на монетах Юстиниана II, эта последняя, во второй своей креации 705–711 гг., выдает неожиданное тяготение к прежней, дохристианской традиции образов-двойников, популярных на рубеже III–IV вв., «инверсируя» понятие христомимесиса по формуле Э. Канторовича: *Deus imago regis* вместо «христианской максимы» *rex imago Dei*.

REFERENCE

- Babelon, E. (1903). Un nouveau médaillon en or de Constantin le Grand. In *Melanges Boissier* (pp. 49–55). Paris: Albert Fontemoing.
- Bellinger, A. R., & Grierson, Ph. (Eds.). (1993). *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks collection and in the Whittemore Collection* (Vol. 2, Pt. 2). Washington D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.
- Belting, H. (2002). *Образ и кул'а* [Likeness and Presense]. Moscow: Progress-Traditsia.
- Breckenridge, J. D. (1959). *The Numismatic Iconography of Justinian II (685–695, 705–711)*. New York: American Numismatic Society.
- Butyrskii, M. N. (2021). Portretnoe tvorcestvo v vizantiiskoi numizmatike (konets VII – nachalo VIII vv.): traditsii i novatorstvo [Creating Portraits in Byzantine Numismatics (Late Seventh – Early Eighth Centuries)]. In A. V. Zakharova, O. A. Ovcharova, & I. A. Oretskaya (Eds.), *Iskusstvo vizantiiskogo mira. Individual'nost' v khudozhestvennom tvorcestve; sbornik statei v chest' O. S. Popovoi* [Art of Byzantine World. Individuality of Artistic Creativity: In Honour of Olga Popova] (pp. 31–39). Moscow: Gosudarstvennyi institut iskusstvoznaniia.
- Gnecchi, F. (1912). *I Medaglioni Romani* (Vols. 1–3). Bologna: Ulrico Hoepli.
- Hijmans, S. (1996). The Sun Which Did Not Rise in the East. The Cult of Sol Invictus in the Light of Non-Literary Evidence. *Bulletin Antieke Beschaving*, 71, 115–150.
- Kantorowicz, E. (2005). *Dva tela korolia* [Two King's Body]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara.
- Kitzinger, E. (1963). Some Reflections on Portraiture in Byzantine Art. *Zbornik radova Vizantoloskog instituta*, 8, 185–193.
- Kitzinger, E. (1990). *The Mosaic of St. Mary's of the Admiral in Palermo*. Washington D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.
- Mattingly, H., & Sydenham, E. A. (Eds.). (1972). *The Roman Imperial Coinage* (Vol. 5, Pt. 1). London: Spink & Son.
- Morrisson C., & Prigent, V. (2013). L'empereur et le calife (690–695). Réflexions à propos des monnayages de Justinien II et d'Abd a-Malik. *Topoi*, 12, 571–592.
- Nock, A. D. (1947). The Emperor's Divine Comes. *Journal of Roman Studies*, 37, 102–116.
- Wienand, J. (2015). Deo et domino: Aurelian, Serdica und die Restitutio orbis. *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte*, 65, 63–99.

К вопросу о нумизматической иконографии Юстиниана II

Бутырский Михаил Николаевич
старший научный сотрудник
Государственный музей Востока
119019, Москва, Никитский бульвар,
12а
E-mail: chalkites@mail.ru

Butyrskii, Mikhail Nikolaevich
Senior Researcher
State Museum of Oriental Art
12A Nikitskiy Boulevard,
119019, Moscow, Russia
Email: chalkites@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9982-1850>

М. М. Казанский

Национальный центр научных исследований

Париж, Франция

БОЕВОЙ НОЖ С ОРЛИНОГОЛОВОЙ РУКОЯТЬЮ С БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО

В Римско-германском музее в Кельне (коллекция Дьергардта) находится боевой нож, происходящий с Боспора Киммерийского. Его рукоять украшена бронзовым изображением орлиной головы. Цель данной публикации – привлечь внимание к этому предмету, который остается практически неизвестным для восточноевропейских археологов. Рукояти мечей, украшенные орлиными головами, для римского времени хорошо известны в первую очередь по иконографическим данным. Обращает на себя внимание изображение на серебряной чаше из Авиньона (так называемая чаша Брисейды), датируемая IV в. Здесь изображено оружие с довольно коротким клинком и бутеролью в форме U, все это напоминает боспорский боевой нож. В позднеримское время мечи с орлиноголовой рукоятью хорошо представлены на изображениях «статусных» персон, что, вероятно, свидетельствует об их знаковой роли как символа власти. Орел в целом хорошо представлен во властной символике поздней Империи, например, на консульских жезлах или щитах с эмблемами воинских частей, упомянутых в *Notitia Dignitatum*. Рукояти мечей с птичьими головами существовали в позднеримское время и за пределами Империи: об этом свидетельствует изображение сасанидского шаха Шапура II на блюде из Турушевой. В «вождеской» культуре восточно- и центральноевропейского Барбарикума и Северного Причерноморья эпохи Великого переселения народов инкрустированный декор в виде орла или птичьих голов хорошо известен на оружии, в том числе на мечах и на конском снаряжении. В Барбарикуме здесь, вероятно, проявляется хорошо известный феномен *imitatio imperii*.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский; боевой нож; позднеримское время; символика власти

Цитирование: Казанский М. М. Боевой нож с орлиноголовой рукоятью с Боспора Киммерийского // Античная древность и средние века. 2021. Т. 49. С. 70–78. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.005>

Поступила в редакцию: 02.06.2021

Принята к печати: 11.10.2021

Боевой нож с орлиноголовой рукоятью с Боспора Киммерийского

Michel Kazanski

National Centre for Scientific Research (CNRS)
Paris, France

COMBAT KNIFE WITH EAGLE-HEADED HANDLE FROM CIMMERIAN BOSPOROS

In the Romano-Germanic Museum in Cologne (Diergardt collection) there is a combat knife originating from Cimmerian Bosporos. Its hilt is decorated with a bronze image of eagle's head. The purpose of this publication is to call attention to this artifact almost not known to Eastern European archaeologists. The handles of swords decorated with eagle's heads from the Roman Period are well known primarily from iconographic data. Noteworthy is the image on a silver bowl from Avignon (the so-called "Briseis Cup") dated to the fourth century. It depicts a weapon with a rather short blade and a U-shaped chape; all these features resemble the Bosporan combat knife. In the Late Roman Period, swords with eagle-headed hilts were well represented in the images of the persons of status, probably indicating their prominent role of a symbol of power. Generally, eagle is well represented among the symbols of power of the Late Empire, for example, on consular rods or shields with the emblems of military units mentioned in the *Notitia Dignitatum*. In the Late Roman Period, sword hilts featuring bird's head also occurred outside the Empire. This is evidenced by the image of the Sassanian Shah Shapur II on a plate from Turusheva. In the "chieftain" culture of the Eastern and Central European Barbaricum and the Northern Black Sea Area from the Great Migration Period, the inlaid patterns showing eagle or bird's heads is well known on weapons, including swords and horse trappings. In the Barbaricum, there probably appeared the well-known phenomenon of *imitatio imperii*.

Keywords: Cimmerian Bosporos; combat knife; Late Roman Period; symbols of power

For citation: Kazanski, M. (2021). Boevoi nozh s orlinogolovoi rukoiat'iu s Bospora Kimmeriiskogo [Combat Knife with Eagle-Headed Handle from Cimmerian Bosporos]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 49, 70–78. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.005>

Submitted: 02.06.2021

Accepted: 11.10.2021

В Римско-германском музее в Кельне находится боевой нож, происходящий с Боспора Киммерийского. Цель данной публикации – привлечь внимание к этому предмету, который остается практически неизвестным для восточноевропейских археологов (ил. 1, 1). Это оружие происходит из коллекции И. Дьергардта¹. Довольно короткий однолез-

¹ *Fremersdorf* F. Goldschmuck der Völkerwanderungszeit. Ausstellung der Sammlung Diergardt des Römisch-Germanischen Museums Köln. Köln, 1953. S. 17. Taf. 17, D687.

вийный клинок находится в ножнах с серебряным декорированным устьем и бутеролью в форме U, рукоять украшена бронзовым изображением орлиной головы. Оружие идентифицировано как происходящее с Боспора Киммерийского², вероятно, это информация от торговцев древностями. Разумеется, без детального анализа этого артефакта невозможно сказать, в самом ли деле все его детали принадлежат одному предмету, или же это плод «реставрационной» деятельности торговцев, что уже отмечалось для мечей из коллекции Диергардта³. Судя по характеру Г-образного устья ножен, этот нож относится к эпохе Великого переселения народов⁴.

Рукояти мечей, украшенные орлиными головами, для римского времени известны в первую очередь по иконографическим данным. Пожалуй, единственная археологическая находка – это спата из частной американской коллекции (ил. 1, 4), с бронзовой рукоятью и с клинком типа «Старубинг Нидам», типичным для позднеримского времени, точнее для III в. Происхождение этого меча неизвестно, по сведениям торговцев, он якобы происходит из Испании или из какой-то испанской коллекции⁵.

Что же до изображений клинкового оружия с декором из птичьих голов на рукоятях, то они хорошо известны в римское время⁶, уже на колонне Траяна (113 г. н. э.)⁷, а также на фрагментах статуй с германского лимеса, например, из Мюрхардта (Murrhardt) и Райнау-Далкинген (Rainau-Dalkingen) (возможно, статуя Каракаллы, 211–217 гг.) (ил. 1, 2, 3). Орлиноголовые рукояти клинкового оружия хорошо представлены на изображениях для позднеримского времени (ил. 1, 5–9). Обращает на себя внимание изображение на серебряной чаше из Авиньона (так называемая чаша Брисейды) (ил. 1, 9), датируемая IV в.⁸ Здесь изображено оружие с довольно коротким клинком и бутеролью в форме U, все это напоминает боспорский боевой нож.

² *Vorgeschichte der deutschen Stämme. Germanische Tat und Kultur auf deutschem Boden.* Bd. III : Ostgermanen u. Nordgermanen / Hrsg. H. Reinerth. Leipzig, 1940. Taf. 498.

³ *Menghin W.* Schwerter des Goldgriffspathenhorizonts im Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin // *Acta Praehistorica et Archaeologica.* 1995. Bd. 26/27. S. 184, 185.

⁴ Об этом подробнее: *Kazanski M., Mastykova A., Périn P.* Byzance et les royaumes barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne // *Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonaureaum* / Hrsg. J. Tejral. Brno, 2002. P. 175. Fig. 12,4,7; 13,10,14.

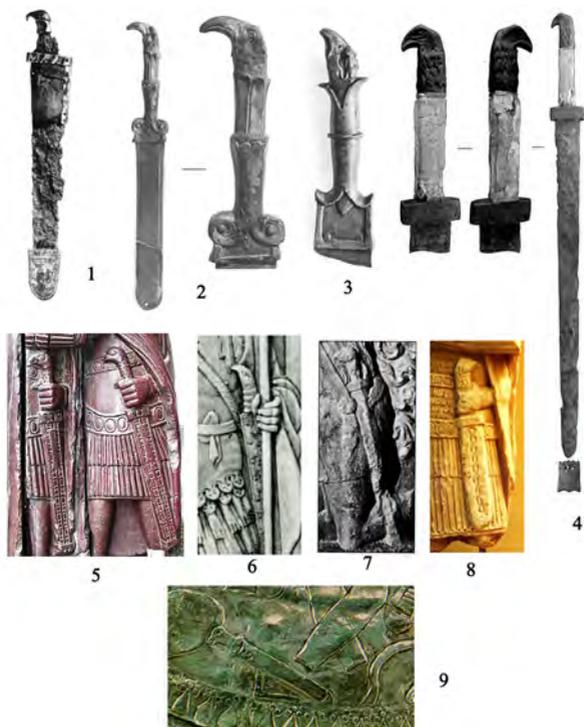
⁵ *Miks C.* Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit. Bd. 1 : Text; Bd. 2 : Katalog und Tafeln. Rahden, 2007. S. 589. Abb. 33,4. Taf. 67, A203.

⁶ *Ibid.* S. 589; *Biborski M.* Rzymskie miecze obosieczne z rękojeściami w kształcie głowy orła // *Barbaricum.* 2015. T. 11. S. 51–64.

⁷ *Ibid.* Abb. 33, E, F.

⁸ *A l'aube de France. La Gaule de Constantin à Childéric.* Paris, 1981. No 51.

Боевой нож с орлиноголовой рукоятью с Боспора Киммерийского

Ил. 1. Мечи с рукоятью, украшенной головой орла: 1 – Боспор Киммерийский (по: *Fremersdorf F. Goldschmuck...* Taf. 17 (D 687)); 2 – Мюрхардт (по: *Die Römer in Baden-Württemberg* / Hrsg. P. Filtzinger, D. Planck, B. Cämmere. Stuttgart, 1976. Abb. 305, Taf. 15, c); 3 – Райнау-Далкинген (по: *Ibid.*); 4 – происхождение неизвестно, частная коллекция (по: *Miks C. Studien zur römischen Schwertbewaffnung...* Abb. 33, A, Taf. 67, A203); 5 – статуя тетрархов, Венеция (*фото А. В. Мастыковой*); 6 – консульский диптих Проба Аниция (по: *Grabar A. L'âge d'or de Justinien. De la mort de Théodose à l'Islam.* Paris, 1966. Fig. 329); 7 – Бишапур, изображение императора Валериана (по: *Miks C. Studien zur römischen Schwertbewaffnung...* Taf. 336, D); 8 – Константинополь / Стамбул-Едикюле. Стамбул, Археологический музей, № 1094Е (*фото М. М. Казанского*); 9 – Авиньон, «чаша Брисеиды» (по: *A l'aube de France...* No 51. Fig. 28)

Fig. 1. Swords with the hilt adorned with an eagle's head: 1 – Cimmerian Bosphoros (after: *Fremersdorf F. Goldschmuck...* Taf. 17 (D 687)); 2 – Murrhardt (after: *Die Römer in Baden-Württemberg* / Hrsg. P. Filtzinger, D. Planck, B. Cämmere. Stuttgart, 1976. Abb. 305, Taf. 15, c); 3 – Rainau-Dalkingen (after: *Ibid.*); 4 – unknown origin, private collection (after: *Miks C. Studien zur römischen Schwertbewaffnung...* Abb. 33, A, Taf. 67, A203); 5 – statue of the tetrarchs, Venice (*photo A. V. Mastykova*); 6 – consular diptych of Probus Anicius (after: *Grabar A. L'âge d'or de Justinien. De la mort de Théodose à l'Islam.* Paris, 1966. Fig. 329); 7 – Bishapur, an image of the Emperor Valerian (after: *Miks C. Studien zur römischen Schwertbewaffnung...* Taf. 336, D); 8 – Constantinople / Istanbul-Edikule. Istanbul, Archaeological Museum, no. 1094E (*photo the author*); 9 – Avignon, the “Briseis Cup” (after: *A l'aube de France...* No 51. Fig. 28)

В целом клинковое оружие с рукоятью, украшенной птичьими / орлиными головами имеет давнюю традицию и известно на Ближнем Востоке уже во II тысячелетии до н. э., вплоть до эллинистического времени, где такие клинки зафиксированы, например, на изображениях в храме Афины в Пергаме или же на греческих погребальных стелах⁹.

В позднеримское время мечи с орлиноголовой рукоятью хорошо представлены на изображениях «статусных» персон, что, вероятно, свидетельствует об их знаковой роли как символе власти. В качестве примера можно назвать изображение пленного римского императора Валериана на сасанидском рельефе из Бишарура (260–272 гг.) (ил. 1, 7) или статую тетрархов из Венеции (около 300 г.), привезенную крестоносцами из Константинополя (ил. 1, 5), а также некоторые консульские диптихи (ил. 1, 6). Скорее всего, какому-то значимому персонажу (император, тетрарх?) принадлежит и происходящая из Константинополя статуя с изображением меча с головой орла на рукояти (ил. 1, 8). Впрочем, встречаются такие мечи и на изображениях рядовых солдат¹⁰. Надо отметить, что орел в целом хорошо представлен во властной символике поздней Империи, например, на консульских жезлах (ил. 2, 1,2) или щитах с эмблемами воинских частей, упомянутых в *Notitia Dignitatum* (ил. 2, 3). Похоже, что рукояти мечей с птичьими головами существовали в позднеримское время и за пределами Империи. Об этом свидетельствует, как полагает К. Микс, изображение сасанидского шаха Шапура II на блюде из Турушевой¹¹ (ил. 3).

В «вождеской» культуре восточно- и центральноевропейского Барбарикума и Северного Причерноморья эпохи Великого переселения народов инкрустированный декор в виде орла или птичьих голов хорошо известен на оружии, в том числе на мечах (например, Апахида, Керчь, Концешты) (ил. 2, 4, 6, 9) и на конском снаряжении (накладки седла и конской сбруи из Апахиды (Apahida) в Трансильвании (ил. 2, 11), удила из Былым-Кудинетово в Кабардино-Балкарии (ил. 2, 8), ременные накладки из Сегед-Надьсекшос (Szeged-Nagyszéksós) в Венгрии (ил. 2, 7)). В то же время изображения орлов известны на престижных элементах одежды, таких как большая птицевидная фибула из Петроссы¹² (ил. 2, 10) или инкрустированные пряжки из Керчи (ил. 2, 5).

⁹ Miks C. Studien zur römischen Schwertbewaffnung... S. 210.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

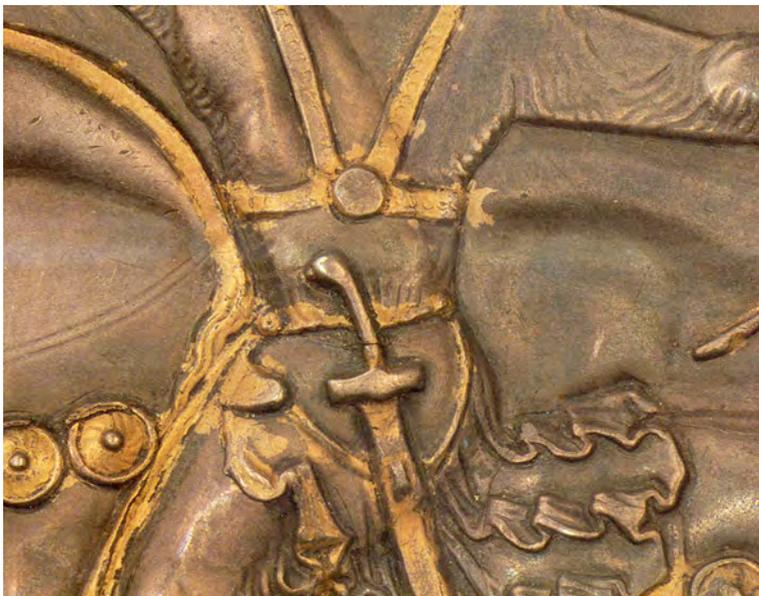
¹² О «мужской» атрибуции фибулы см.: Harhoiu R. La Romania all epoca degli Ostrogothi // I Goti. Milano, 1994. Fig. III.10.

Боевой нож с орлиноголовой рукоятью с Боспора Киммерийского

Илл. 2. Орел в военной и властной символике позднеримского времени и эпохи переселения народов: 1 – консульский диптих Магнауса (по: *Grabar A. L'âge d'or de Justinien...* Fig. 326); 2 – консульский диптих Ареобинда (по: *Ibid.* Fig. 320); 3 – изображения декора щитов в *Notitia Dignitatum* (по: *L'Or des princes barbares...* P. 22, 25, fol. 110 v, fol. 74 v); 4, 11 – Апахида, погр. 2 (по: *L'Or des princes barbares...* Cat. No 29, 3, 29); 5 – Керчь, контекст находки неизвестен; 6 – Керчь, склеп 163. 1904 г.; 7 – Сегед-Надьсекшош (по: *Kürti B. Fürstliche Funde der Hunnenzeit aus Szeged-Nagyszéksós / Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit / Hrsg. W. Menghin, T. Springer, E. Wamers. Nürnberg, 1987. Taf. 5, III, 3–47*); 8 – Былым-Кудинетово (фото *A. В. Мастыковой*); 9 – Концешти (after: *Menghin W. Schwerter des Goldgriffspathenhorizonts...* Kat. Nr. I. 5. 1); 10 – Петроаса (фото *P. Хархою*)

Fig. 2. Eagle in the military and power symbols from the Late Roman and the Great Migration Periods: 1 – consular diptych of Magnus (after: *Grabar A. L'âge d'or de Justinien...* Fig. 326); 2 – consular diptych of Areobindus (after: *Ibid.* Fig. 320); 3 – images of the shield decorations in the *Notitia Dignitatum* (after: *L'Or des princes barbares...* P. 22, 25, fol. 110 v, fol. 74 v); 4, 11 – Apahida, burial no. 2 (after: *L'Or des princes barbares...* Cat. No 29, 3, 29); 5 – Kerch, the find context is unknown; 6 – Kerch, burial vault 163 of the year 1904; 7 – Szeged-Nagyszéksós (after: *Kürti B. Fürstliche Funde der Hunnenzeit aus Szeged-Nagyszéksós / Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit / Hrsg. W. Menghin, T. Springer, E. Wamers. Nürnberg, 1987. Taf. 5, III, 3–47*); 8 – Bylym-Kudinnetovo (photo: *A. V. Mastykova*); 9 – Concești (after: *Menghin W. Schwerter des Goldgriffspathenhorizonts...* Kat. Nr. I. 5. 1); 10 – Petroasa (photo: *R. Harhoiu*)

Ил. 3. Рукоять меча Шапура II на блюде из Турушевой (по: Тревер К. В., Луконин В. Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III–VIII веков. М., 1987. Табл. 8)

Fig. 3. The handle of Shapur II's sword on a plate from Turusheva (after: Trever K. V., Lukonin V. G. Sasanidskoe srebro. Sobranie Gosudarstvennogo Ermitazha. Khudozhestvennaia kul'tura Irana III–VIII vekov [Sasanian Silver. Collection of the State Hermitage Museum. The Artistic Culture of Iran of the Third-Eighth Centuries]. Moscow, 1987. Table 8)

Несомненно, значительная часть этих вещей, судя по технике перегородчатой инкрустации, происходит из позднеримских / византийских мастерских¹³. В Барбарикуме здесь, вероятно, проявляется хорошо известный феномен *imitatio imperii*. Орлиная символика тем более была понятна германцам, что в их мифологии («Младшая Эдда», «Видение Гюльви») мудрый орел живет в ветвях мирового древа Иггдрасиль, а кроме того на севере живет великан по имени Пожиратель Трупов – бог ветра, в образе орла¹⁴. При этом надо отметить, что мотивы орлиных голов известны не только у германцев, но и у других находившихся

¹³ Подробнее см.: Arrhenius B. Merovingian Garnet Jewellery. Stockholm, 1985.

¹⁴ Младшая Эдда / ред. О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. СПб., 2005. С. 23, 25.

Боевой нож с орлиноголовой рукоятью с Боспора Киммерийского в контакте с Империей варваров, например, у аланов Северного Кавказа (ил. 2, 8) или гуннов (ил. 2, 7).

Об особой роли орла в символике власти, одинаково понятной как римлянам, так и варварам, свидетельствуют и сообщения древних авторов. Так, например, Прокопий Кесарийский рассказывает, что когда будущий император Маркиан (392–457 гг., у власти в 450–457 гг.) в Ливии попал в плен к вандалам, то его в толпе военнопленных от палящего солнца прикрывал орел, парящий в небе. Вандальский король Гизерих усмотрел в этом знак судьбы и отпустил Маркиана из плена, взяв с него обещание, что когда Маркиан будет властвовать, он никогда не будет поднимать оружия против вандалов¹⁵.

Вне всякого сомнения, эта символика изображений орла была хорошо известна и на Боспоре Киммерийском. Поэтому боевой нож из коллекции Дьергардта может быть отнесен к элементам «вождеской» / «воинской» культуры Боспора конца Античности или самого начала Средневековья.

REFERENCES

À l'aube de France. La Gaule de Constantin à Childéric (1981). Paris: Editions de la Réunion des musées nationaux.

Arrhenius, B. (1985). *Merovingian Garnet Jewellery*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.

Biborski, M. (2015). Rzymskie miecze obosieczne z rękojeściami w kształcie głowy orła [Roman Double-Edged Swords with Handles in The Shape of an Eagle's Head]. *Barbaricum*, 11, 51–64.

Chekalova, A. A. (Ed.). (2001). *Prokopii Kesariiskii. Voina s persami. Voina s vandalami. Tainaia istoriia* [Procopius of Caesarea. The Persian War. The Vandal War. Secret History]. St Petersburg: Aleteia.

Filtzinger, P., Planck, D., & Cämmere, B. (Eds.). (1976). *Die Römer in Baden-Württemberg*. Stuttgart: K. Theiss.

Fremersdorf, F. (1953). *Goldschmuck der Völkerwanderungszeit. Ausstellung der Sammlung Diergardt des Römisch-Germanischen Museums Köln*. Köln: Römisch-Germanisches Museum.

Grabar, A. (1966). *L'âge d'or de Justinien. De la mort de Théodose à l'Islam*. Paris: Gallimard.

Harhoiu, R. (1994). La Romania all epoca degli Ostrogothi. In *I Goti* (pp. 154–163). Milano: Electa Lombarda.

Kazanski, M., Mastykova, A., & Périn, P. (2002). Byzance et les royaumes barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne. In J. Tejral (Ed.), *Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonaauraum* (pp. 159–194). Brno: Archeologický ústav AV ČR Brno.

¹⁵ Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / пер. с греч., вступ. ст., коммент. А. А. Чекаловой. СПб., 2001. Война с вандалами, I. IV.2–10.

М. М. Казанский

Kürti, B. (1987). Fürstliche Funde der Hunnenzeit aus Szeged-Nagyszéksós. In W. Menghin, T. Springer, & E. Wamers (Eds.), *Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit* (pp. 163–170). Nürnberg: Verlag des Germanischen Nationalmuseums.

Menghin, W. (1995). Schwerter des Goldgriffspathenhorizonts im Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin. *Acta Praehistorica et Archaeologica*, 26/27, 140–192.

Miks, C. (2007). *Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit. Vol. 1: Text. Vol. 2: Katalog und Tafeln*. Rahden: Verlag Marie Leidorf.

Reinerth, H. (Ed.). (1940). *Vorgeschichte der deutschen Stämme. Germanische Tat und Kultur auf deutschem Boden. Vol. 3: Ostgermanen u. Nordgermanen*. Leipzig: Bibliographisches Institut.

Smirnitskaya, O. A., & Steblin-Kamensky, M. I. (Eds.). (2005). *Mladshaia Edda* [Younger Edda]. St Petersburg: Nauka.

Treuer, K. V., & Lukonin, V. G. (1987). *Sasanidskoe serebro. Sobranie Gosudarstvennogo Ermitazha. Khudozhestvennaia kul'tura Irana III–VIII vekov* [Sasanian Silver. Collection of the State Hermitage Museum. The Artistic Culture of Iran of the Third-Eighth Centuries]. Moscow: Iskusstvo.

Казанский Михаил Михайлович

хабилированный доктор (docteur habilité), ведущий научный сотрудник Национальный центр научных исследований (CNRS), исследовательская лаборатория 8167 «Восток и Средиземноморье», Коллеж де Франс 52, rue du Cardinal Lemoine, 75231 Paris, France
E-mail: michel.kazanski53@gmail.com

Kazanski, Michel

Dr. Hab. (Archaeology), Leading Researcher National Centre for Scientific Research (CNRS; UMR-8167 “Orient et Méditerranée”), Collège de France 52, rue du Cardinal Lemoine, 75231 Paris, France
Email: michel.kazanski53@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-0306-0936>
ResearcherID: N-9288-2015

А. И. Айбабин

Институт археологии Крыма РАН

Симферополь, Россия

ОБ ОСВОЕНИИ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА ГОТАМИ И АЛАНАМИ ГОРНОГО КРЫМА

Готы и аланы поселились в Горном Крыму около середины III в. Восточная Римская империя для укрепления северной границы проводила политику интеграции приграничных варваров. В Горном Крыму готы и аланы в результате политического и идеологического взаимодействия, а также торговли с Херсоном и другими городами Восточной Римской империи освоили греческий язык. В регионе ранними надписями на греческом языке являются дипинты на изготовленных в Геракле Понтийской в IV – начале V в. светлоглиняных узкогорлых амфорах типа F по классификации Д. Б. Шелова. Согласно текстам жития возглавлявшего антихазарское восстание св. Иоанна Готского, переписки Феодора Студита с архимандритом Готии и официальных церковных документов, с момента создания Готской епархии греческий язык был единственным языком богослужения в храмах и монастырях Готии. Клирики и монахи способствовали распространению греческого языка у готы и аланов. В VIII–XIII вв. в захоронениях в храмах и устроенных рядом с ними некрополях повсеместно эпитафии начинались с одной из типичных для Византии формул: Φῶς ζωῆ («Свет – жизнь»), Κύριε, βοήθει... («Господи, помоги...»), Ἰησοῦς Χριστός νῆκᾶ («Иисус Христос побеждает»), Ἐκοιμήθη («упокоился, почил») и др. Рассмотренные материалы дают основание говорить о том, что к IX в. готы и аланы освоили греческий язык, который в IX–XIII вв. доминировал в Готии. В нескольких письменных источниках зафиксировано сохранение в первой половине XIII в. также готского и аланского языков. В середине XVI в. готы Горного Крыма говорили в основном на греческом языке. Письменные источники фиксируют ограниченные функции крымско-готского диалекта в XVI в. и начало его вымирания.

Ключевые слова: Византия; Юго-Западный Крым; Эски-Кермен; Бакла; готы; аланы; греческий язык; граффити; эпитафия

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и новое время».

Цитирование: Айбабин А. И. Об освоении греческого языка готами и аланами Горного Крыма // Античная древность и средние века. 2021. Т. 49. С. 79–96. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.006>

Поступила в редакцию: 19.07.2021

Принята к печати: 11.10.2021

А. И. Айбабин

Aleksandr I. Aibabin

*Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences
Simferopol, Russia*

HOW THE GOTHS AND ALANS OF THE MOUNTAINOUS CRIMEA ASSIMILATED GREEK LANGUAGE

The Goths and Alans settled in the Mountainous Crimea about the mid-third century. The Eastern Roman Empire pursued the policy of integrating barbarians on the frontier in order to strengthen its northern borders. In the mountainous Crimea, the Goths and Alans assimilated Greek language in result of political and ideological interaction and trading with Cherson and other cities and towns of the Eastern Roman Empire. The earliest in this area Greek inscriptions were dipinti drawn on the light-clay narrow-neck amphorae of D. B. Shelov's type F, which were produced in Herakleia Pontike. According to the life of St. John of Gothia who led a revolt against Khazar domination in Gothia, the correspondence of Theodore of Stoudios with the archimandrite of Gothia, and official church documents, Greek was the only language of worship in the churches and monasteries of Gothia from the establishment of the Gothic bishopric on. The priests and monks contributed to the spread of Greek language among the Goths and Alans. From the eighth to thirteenth centuries, there appeared numerous epitaphs in church burials and in cemeteries located around these churches starting with a typical Byzantine phrase: Φῶς ζωή ("Light – life"), Κύριε, βοήθει... ("Lord, help..."), Ἰησοῦς Χριστὸς νηκᾶ ("Jesus Christ conquers"), Ἐκοιμήθη ("Deceased" or "passed away"), and so on. From the materials examined there are reasons to state that, by the ninth century, the Goths and Alans assimilated Greek language, which from the ninth to thirteenth centuries predominated in Gothia. There are several written sources documenting the preservation of Gothic and Alan languages in the first half of the thirteenth century. In the mid-sixteenth century, the Goths of the mountainous Crimea spoke mostly Greek. According to written sources, the functioning of Crimean Gothic dialect was restricted and started disappearing from the sixteenth century on.

Keywords: Byzantium; south-western Crimea; Eski-Kermen; Bakla; Goths; Alans; Greek language; graffiti; epitaph

Acknowledgements

This study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 20-18-00076 *The Evolution of the Towns on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages and Modern Period.*

For citation: Aibabin, A. I. (2021). Ob osvoenii grecheskogo iazyka gotami i alanami Gornogo Kryma [How the Goths and Alans of the Mountainous Crimea Assimilated Greek Language]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 49, 79–96. <https://doi.org/10.15826/adv.2021.49.006>

Submitted: 19.07.2021

Accepted: 11.10.2021

Об освоении греческого языка готами и аланами Горного Крыма

Введение. Готы и аланы около середины III в. впервые поселились в Горном Крыму между форпостом Восточной Римской империи на полуострове Херсонесом и примыкающим к горе Северная Демерджи регионом Южного Берега¹. Для укрепления северной границы Восточная Римская империя проводила политику интеграции приграничных варваров. Изданные в 380 и 381 гг. императором Феодосием I эдикты стимулировали учреждение в Херсонесе епархии², которая с конца IV в. проводила целенаправленную миссионерскую политику обращения пограничных народов. В Горном Крыму готы и аланы в результате политического и идеологического взаимодействия, а также торговли с Херсонесом и другими городами Восточной Римской империи освоили греческий язык. Однако в научной литературе эта проблема не рассматривалась.

Метод. Для воссоздания истории овладения греческим языком жителями региона важны все происходящие из Горного Крыма надписи. В. В. Латышев в 1896 г. опубликовал первый свод христианских греческих надписей из региона³. В корпусе византийских надписей А. Ю. Виноградов дополнил корпус В. В. Латышева новыми надписями⁴. Рецензенты корпуса обоснованно критиковали неубедительность аргументации А. Ю. Виноградовым датировки средневековых надписей и граффити только по палеографическим признакам⁵. Для обоснования хронологии распространения у готов и аланов греческой письменности в Горном Крыму важно системное изучение стратиграфии строительных сооружений и связанных с ними археологических комплексов, содержащих находки с надписями.

Анализ. В заселенном готами и аланами регионе ранними надписями на греческом языке являются дипинты на изготовленных в Герacleе Понтийской в IV – начале V в. светлоглиняных узкогорлых амфорах типа F по классификации Д. Б. Шелова⁶. Однотипные амфоры многочисленны в погребениях аланов и готов в Инкермане, Дружном, Тас-Тепе, Суворово,

¹ Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Крымские готы страны Дори (середины III–VII в.). Симферополь, 2017. С. 33–41.

² Айбабин А. И. Ранневизантийский Херсонес–Херсон // ТГЭ. 2010. Т. 51 : Византия в контексте мировой культуры. С. 358–359.

³ Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.

⁴ Виноградов А. Византийские надписи Северного Причерноморья // Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. V. Лондон, 2015. URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/5/toc-ru.html> (дата обращения: 13.03.2021).

⁵ Курьшева М. А., Фонкич Б. Л. К палеографической интерпретации греческих граффити Мангупской базилики // СВ. 2017. Вып. 78(3). С. 169–178.

⁶ Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 18–19, рис. 7; 10.

Красный Мак и др.⁷ В амфорах из Гераклеи перевозили вино или масло⁸. Производители на сосудах указывали красной краской название и объем их содержимого, место происхождения товара или имя торговца⁹. На однотипных амфорах с Афинской агоры и из склепа 1 из Дружного написано *τρυγία*¹⁰. По заключению Э. И. Соломоник, *τρύξ*, *τρυγός* означает «молодое вино или отстой вина», тогда как М. Лэнг отмечала использование *τρυγία* для обозначения как масла, так и вина¹¹. Судя по анализам органических остатков из некоторых сосудов, в них содержалось вино¹². Э. И. Соломоник интерпретировала дипинти ЕΥΛΟΓΙ на одной из амфор из Инкерманского могильника как христианский термин *εὐλογία* – «благословение»¹³. В Инкермане найдены еще две амфоры с надписью ЕΥΛΟΓΓ¹⁴. Возможно, в амфорах с дипинти *εὐλογία* привозили вино для богослужения в первых христианских общинах варваров.

В правление Юстиниана I (527–565) принадлежавший готам и аланам Горный Крым Прокопий Кесарийский именовал областью *Δόρυ* (Дори), а его жителей *ἔνσπονδοι* (энспондами) – союзниками империи¹⁵. Информация Прокопия о строительстве в области Дори по повелению императора «Длинных стен» подтверждается строительной надписью с упоминанием императора Юстиниана I на обломке плиты, найденной в поздней плитовой

⁷ Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. 1. С. 14, рис. 2,6; 4,4; *Его же*. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 253, табл. XII, 3; Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Крымские готы страны Дори... С. 46–47, рис. 45, 2, 6, 9–11; Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III–IV вв. н. э.). Lublin, 2002. Рис. 194, 2.

⁸ Abadie-Reynal C. Les amphores romaines en mer Noire // Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire. Actes du colloque internationale d'Istanbul, 25–28 mai 1994 / ed. Y. Garlan. Aix-en-Provence, 1999. P. 256, fig. 1f; *Οραιφ Α. Pontic Wine in the Athenian Market // Κεραμική της ύστερης αρχαιότητας από τον Ελλαδικό Χώρο* (3ος–7ος αι. μ. Χρ.): επιστημονική συνάντηση (Θεσσαλονίκη, 12–16 Νοεμβρίου 2006). Θεσσαλονίκη, 2010. Σ. 111, 116–117.

⁹ Соломоник Е. И. Написи на крымских амфорах перших століть нашої ери // Археологія. 1993. № 2. С. 104–106; Соломоник Э. И. Две группы надписей на керамических сосудах из Крыма первых веков нашей эры // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма / ред. Ю. М. Могаричев, И. Н. Храпунов. Симферополь, 1995. С. 40.

¹⁰ Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Крымские готы страны Дори... Рис. 45, 11.

¹¹ Соломоник Е. И. Написи на крымских амфорах... С. 111–112, рис. 4; Lang M. Graffiti and Dipinti. Athens, 1976 (The Athenian Agora; Vol. XXI). P. 80, He 32.

¹² Ильяшенко С. М. Стандартные dipinti на узкогорлых светлоглиняных амфорах Танаиса и его округа III–IV вв. н.э. // Боспорские исследования. 2013. Вып. 29. С. 107.

¹³ Соломоник Э. И. Две группы надписей на керамических сосудах... С. 42, № 10.

¹⁴ Ильяшенко С. М. Стандартные dipinti... С. 206, № 76; 223, № 151.

¹⁵ Procopius. On Buildings / transl. by H. B. Dewing, G. Downey. Cambridge, MA, 1940. (Loeb Classical Library: No. 343). VII,13–14; Айбабин А. И. О локализации области Дори // МАИЭТ. 2015. Вып. 20. С. 312.

Об освоении греческого языка готами и аланами Горного Крыма

могиле у базилики на Мангупе¹⁶. Скорее всего, надпись сообщала о возведении одной из «Длинных стен» в балке Каралез у подножия плато¹⁷.

Прокопий не знал, исповедовали ли готы-тетраакситы ортодоксальное христианство или арианство¹⁸. В правление императора Маврикия (582–602) область Дори присоединили к Херсонскому дукату и разделили на архонтии, в которых не ранее 590 г. построили для аланов и готов крепости на плато Мангуп (Дорос), Эски-Кермен, Бакла и Чуфут-Кале. Во второй половине VII в. архонтии также именовали климатами¹⁹. В перечисленных крепостях византийские инженеры одновременно с укреплениями возвели большие базилики. Подпись участвовавшего в 692 г. в Трулльском вселенском соборе епископа Херсона Георгия Γεώργιος ἀνάξιος ἐπίσκοπος Χερσῶνος τῆς Δόραντος фиксирует подчинение возникших в стране Дори приходов епископу Херсона²⁰.

Во второй половине VI–VII вв. жители архонтий (климатов) носили византийские перстни с греческими монограммами, кресты, амулеты с изображением святых всадников Сисиния, Мины и др.²¹ На щитке перстня конца VI – первой четверти VII в. из захоронения в склепе № 42 из Лучистого справа от профиля ангела погрудно изображен ангел и прорезана греческая монограмма Μ, Ι, Χ, Α, Η, Λ, образующая имя Μιχαήλ – Михаил²². На щитке перстня из одновременного женского захоронения в склепе № 154 из того же некрополя изображен равноконечный крест с поперечными черточками на концах, совмещенный с христограммой из инициалов имени Христа – Ϊ(ησοῦς) Χ(ριστός)²³.

¹⁶ Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России // ИАК. 1918. Вып. 65. С. 18–19; Моисеев Л. А. Раскопки в Мангупе // Отчет Археологической комиссии за 1913–1915 годы. Петроград, 1918. С. 74–75.

¹⁷ Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма... С. 114; *Его же*. О локализации области Дори... С. 312–313.

¹⁸ Procopius. History of the Wars. Gothic War. Books VII.36–VIII / transl. by H. B. Dewing. Cambridge, MA, 1962. (Loeb Classical Library: No. 217). Book VIII, IV, 9–11; Айбабин А. И. О локализации области Дори... С. 311, 312, 318.

¹⁹ Айбабин А. И. О реформе системы управления владениями Византии в Крыму в последней четверти VI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, № 5. С. 42.

²⁰ Айбабин А. И. Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2006. Вып. 12. С. 617.

²¹ Хайрединова Э. А. Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2007. Вып. 13. С. 151–179; *Ее же*. Медальоны с изображением Святого Всадника из могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. 2014. Вып. 19. С. 171–181.

²² Хайрединова Э. А. Перстни с изображением архангела Михаила конца VI–VII в. из Крыма // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 6. С. 34, рис. 1, 9.

²³ Хайрединова Э. А. Перстни с изображением креста второй половины VI–VII в. из Юго-Западного Крыма // АДСВ. 2019. Т. 47. С. 93–94, рис. 5, 2.

Со второй половины VI в. в Горный Крым привозили украшения с крестограммой $\phi\acute{\omega}\varsigma$, $\zeta\omega\acute{\eta}$ («Свет – жизнь»). По мнению П. Пердризе, в VI–VII вв. $\phi\acute{\omega}\varsigma$ $\zeta\omega\acute{\eta}$ использовали для символического обозначения Христа вместо изображения распятого Иисуса²⁴. Крестограммы $\Phi\Omega\text{C}$ $Z\Omega\text{H}$ выгравированы на щитках сделанных в Константинополе перстней из более поздних захоронений второй половины VII в., защищенных на некрополях Лучистое и Эски-Кермен²⁵. Высеченные на камне кресты с надписью $\Phi\Omega\text{C}$ $Z\Omega\text{H}$ найдены в Херсоне на некрополе²⁶, а фрагмент мраморной плитки с врезанным крестом с буквами крестограммы $\Phi\Omega\text{C}$ (Z) ΩH обнаружен в помещении 22 в квартале XVII в слое с инвентарем IX–X вв.²⁷ Приведенные факты указывают на длительный период использования крестограммы в регионе.

Во второй половине VI в. христиане Юго-Западного Крыма восприняли популярное в Византии обращение к Богу $\text{K}(\acute{\upsilon}\rho\iota)\epsilon$ $\beta\omicron\eta\theta(\epsilon\iota\ \dots)$ («Господи, помоги...»)²⁸. На найденном у апсиды базилики в балке Каралез камне граффити, начинающееся с формулы $\text{K}(\acute{\upsilon}\rho\iota)\epsilon$ $\beta\omicron\eta\theta(\epsilon\iota\ \dots)$, вырезано одновременно с крестограммой $\Phi\Omega\text{C}$ $Z\Omega\text{H}$ ²⁹. Граффити с $\Phi\omicron\zeta$, $\zeta\omega\acute{\eta}$. $\text{K}\acute{\upsilon}\rho\iota\epsilon$, $\beta\omicron\eta\theta\epsilon\iota$ $\tau\acute{\omicron}\nu$ $\acute{\upsilon}\kappa\omicron\nu$ $\tau\omicron\upsilon\theta\tau\omicron\nu$, $\acute{\alpha}\mu\eta\eta$ («Свет, Жизнь. Господи, помоги дому сему. Аминь») вырезано и поверх рельефного изображения римского периода на мраморном надгробии, обнаруженном в 1853 г. в Херсонесе у южной стены Уваровской базилики³⁰, построенной в начале VII в.³¹

²⁴ *Perdrizet P.* Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Égypte par G. Lefebvre, 1907 // *Revue des études anciennes.* 1911. Т. 13, No 2. P. 235.

²⁵ *Хайрединова Э. А.* Византийские перстни с надписью « $\Phi\Omega\text{C}$ $Z\Omega\text{H}$ » из погребений крымских готов // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения.* 2018 Т. 23, № 5. С. 88–94, рис. 1, 1–2; 2, 2–3.

²⁶ *Латышев В. В.* Эпиграфические новости из южной России // ИАК. 1906. Вып. 18. С. 123–124, № 38; *Ego же.* Эпиграфические новости из южной России // ИАК. 1908. Вып. 27. С. 32–33, № 28.

²⁷ *Белов Г. Д., Якобсон А. Л.* Квартал XVII (раскопки 1940 г.) // МИА. 1953. № 34: Археологические памятники Юго-Западного Крыма. С. 125, рис. 18, б.

²⁸ *Guillou A.* Recueil des inscriptions grecques médiévales d'Italie. Rome, 1996. P. 69, 72–73, 76–79, 142, 148, 193, 246; *Feissel D., Morisson C., Cheynet J.-Cl.* Trois donations byzantines au Cabinet des Médailles. Paris, 2001. P. 31, № 8; *Byzantine Women and Their World* / ed. I. Kalavrezou. New Haven ; London, 2003. P. 288–289, № 168–169; *Asdracha C.* Inscriptions protobyzantines et byzantines de la Thrace Orientale et de l'Île d'Imbros (IIIe–XVe siècles). Athènes, 2003. P. 485–486; *Евдокимова А. А.* Византийские надписи Крыма, формулы и лингвистические особенности // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока / ред. А. Д. Васильев. М., 2019. С. 98.

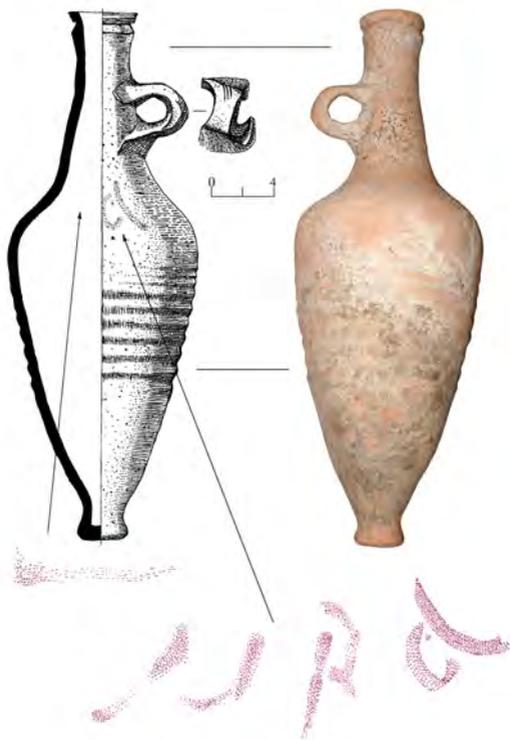
²⁹ *Sidorenko V.* Funde aus dem Umfeld des Mangup // *Byzanz. Pracht und Alltag. Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland.* Bonn, 26. Februar bis 13. Juni 2010 / Hrsg. R. Fleck, F. Daim. München, 2010. S. 313.

³⁰ *Латышев В. В.* Сборник греческих надписей христианских времен... С. 23–24, № 12.

³¹ *Айбабин А. И.* Ранневизантийский Херсонес–Херсон... С. 359–360.

Об освоении греческого языка готами и аланами Горного Крыма

В Лучистом в захоронении второй половины VII в. в склепе № 36 найден амфориск с дипинти (ил. 1), изготовленный в Эфесе или Сардах, типа LRA 3B Carthage³² из светлой глины с обильными включениями слюды. На верхней части тулова красной краской нанесено однострочное дипинти $\mu\rho\alpha$ ³³.

Ил.1. Афориск из склепа 36. Лучистое

Fig. 1. Amphoriskos from burial vault 36. Luchistoe

³² *Pieri D.* Les importations d'amphores orientales en Gaule méridionale durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen Age (IVe–VIIe s. apr. J.-C.). Typologie, chronologie et contenu // Importations d'amphores en Gaule du Sud, du règne d'Auguste à l'Antiquité tardive. Actes du Congrès d'Istres (21–24 mai 1998) / ed. L. Rivet, S. Saulnier. Marseille, 1998. P. 101, fig. 4, B1; *Bezeczky T.* The Amphorae of Roman Ephesus. Vienna, 2013. (Forschungen in Ephesos ; Bd. XV/1). P. 164–167.

³³ *Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Могильник у села Лучистое. Т. I : Раскопки 1977, 1982–1984 годов. Симферополь ; Керчь, 2008. С. 104, табл. 116, 3.

Возможно, это сокращение названия сильно благоухающей смолы миррового дерева – *mirra* – «мирра, мирро, смирна». В древности мирра употреблялась для благоухания – окуривания одежд и комнат, врачевания, а также для бальзамирования и помазания тел умерших³⁴.

В начале VIII в. хазары, воспользовавшись своим военным превосходством в регионе, захватили климаты Херсона. Каган объединил климаты (архонтии) Горного Крыма в новую провинцию Готию со столицей в Доросе. Византия в первой половине VIII в. учредила в захваченном хазарами регионе Готскую епархию³⁵. В агиографических источниках упомянуты функционировавшие в Готии монастыри. Один из них в Партенидах основал св. Иоанн Готский³⁶. В написанном между 821 и 826 гг. ответном письме архимандриту Готии Феодор Студит писал о своем обращении к архиерею Филарету и обличал нарушителей правил монашеской жизни в монастырях Готии³⁷. В созданном в 816 г. житии поборника иконопочитания св. Стефана Нового регион близ Херсона назван среди областей, где после собора 754 г. Стефан Новый советовал монахам искать убежище³⁸. А. А. Васильев и А. Л. Якобсон используют данные свидетельства для доказательства массовой эмиграции в период иконоборчества монахов-иконопочитателей в Готию и связывают с этим событием возникновение в горах новых пещерных монастырей в Шулдане, Качи-Кальоне и др.³⁹ Однако дата основания этих монастырей до настоящего времени не обоснована. Как показала М.-Ф. Озепи, текст жития Стефана Нового весьма приблизительно отражает ситуацию времени его написания⁴⁰.

В результате археологических раскопок зафиксировано возведение новых храмов в городах и поселениях на территории Готской епархии. О времени сооружения храма на поселении в 600 м от подножия Баклы следует судить по инвентарю из защищенных близ храма и внутри гробниц, сложенных из грубо обтесанных блоков местного известняка, и из плито-

³⁴ *Бажанов А. М. (Архимандрит Никифор)*. Иллюстрированная полная популярная Библейская энциклопедия. М., 1892. Вып. III. С. 33.

³⁵ *Айбабин А. И.* Топоним Климаты в средневековом Крыму // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 6. С. 9.

³⁶ *Васильевский В. Г.* Житие Иоанна Готского // *Его же*. Труды. СПб., 1912. Т. 2. Вып. 2. С. 420–422.

³⁷ *Theodori Studitae Epistulae / rec. G. Fatouros*. Berolini, 1992. (Corpus fontium historiae Byzantinae; Vol. 31. Ser. Berolinensis). Т. 2, № 486. С. 443–444, 714–716.

³⁸ *La Vie d'Étienne le Jeune par Étienne le Diacre / introd., éd. et trad. M.-F. Auzépy*. London, 1997. (Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs; 3). P. 125, § 28, 219.

³⁹ *Vasilev A. A.* The Goth in the Crimea. Cambridge, MA, 1936. P. 88–89; *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым. М.: Л., 1964. С. 32–33.

⁴⁰ *Auzépy M.-F.* L'hagiographie et l'iconoclasme byzantin: Le cas de la Vie d'Étienne le Jeune. Aldershot, 1999. (Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs; 5). P. 273–275, 283.

Об освоении греческого языка готами и аланами Горного Крыма

вых могил. В сооруженной внутри храма гробнице и в зачищенных рядом плитовых могилах лежали салтовские вещи⁴¹ второй половины VIII – IX в. В изученной мною вместе с И. А. Барановым в 1984 г. на храмовом некрополе гробнице на блоках ее боковой стены вырезано граффити⁴²: + Ὑπὲρ μνήμης (καὶ) ἀναπαύσεως τοῦ δούλου σου Θεωδῶρου (καὶ) τῆς συβίου αὐτοῦ Τζᾶλ βανδᾶ, ἀμήν («+ Ради памяти и вечного покоя раба твоего Феодора и жены его Чал мастерил. Аминь!»). На другом блоке из гробницы вырезаны буквы двухстрочного граффити...ΟΤΑΧΙ... ΜΑΝ... и фигура лошади. На полу лежали кости четырех погребенных по христианскому обряду, фрагменты стеклянного бокала, бронзовые салтовские поясные пряжка, наконечник и бляшка второй половины VIII–IX в.⁴³ и другие вещи, типичные для готов и аланов. В склепе, несомненно, погребены местные аланы.

А. Л. Якобсон отнес к VIII в. постройку храмов на поселениях Пампук Кая и Гончарное⁴⁴. В Гончарном на храмовом некрополе нашли круглую верхнюю часть надгробия из известняка с вырезанными крестом и буквами NI, Φ, Φ, Χ, Χ, Π⁴⁵. Там же в могиле № 41 лежал обломок черепицы с процарапанным крестом и буквами I X N K⁴⁶, образующими формулу IC XC NIKA («Иисус Христос побеждает»). Вариантом этой же формулы является граффити Ἴς νικᾷ, вырезанное поверх граффити ΦΩΣ ΖΩΗ на упомянутом выше камне из каралезской базилики⁴⁷. Формула Ἰ(ησοῦ)ς Χ(ριστοῦ)ς νηῖν вырезана на происходящей с Эски-Кермена плите со строительной надписью конца VIII – первой половины IX в.⁴⁸, в которой сообщается о возведении храма в правление кагана и тудуна⁴⁹. В Византии изображения креста с формулой IC XC NI KA – Ἰ(ησοῦ)ς Χ(ριστοῦ)ς Ν(ικ)Α появились при императоре иконоборце Льве III (717–741) и были распространены в более позднее время⁵⁰.

⁴¹ Рудаков В. Е. Христианские памятники Баклы. Храмовый комплекс X–XIII вв. // АДСВ. 1984. Т. 21. С. 40.

⁴² Сидоренко В. А. Средневековая надпись с именем Τζᾶλ из баклинского склепа // МАИЭТ. 1997. Вып. 6. С. 642–643.

⁴³ Айбабин А. И. Салтовские поясные наборы из Крыма // СА. 1977. № 1. С. 225, 238, рис. 1, 1–2.

⁴⁴ Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168. С. 111, 113, 125–132.

⁴⁵ Там же. С. 141, рис. 92, 1.

⁴⁶ Там же. С. 140, рис. 91, 1.

⁴⁷ Виноградов А. Византийские надписи Северного Причерноморья... № V 186.

⁴⁸ Айбабин А. И. Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. 2010. Вып. 16. С. 219–220.

⁴⁹ Виноградов А. Византийские надписи Северного Причерноморья... № V 226.

⁵⁰ Frolow A. IC XC NI KA // BS. 1956. Vol. 17, № 1. P. 98–113; Walter C. IC XC NI KA the Apotropaic Function of the Victorious Cross // REB. 1997. T. 55. P. 194–196.

Судя по текстам жития возглавлявшего антихазарское восстание св. Иоанна Готского, переписки Феодора Студита с архимандритом Готии и официальных церковных документов, с момента создания Готской епархии греческий язык был единственным языком богослужения в храмах и монастырях Готии. Клирики и монахи способствовали распространению греческого языка у готов и аланов. Со второй половины VIII в. на готских и аланских сельских кладбищах устанавливали надгробия с христианской символикой и эпитафиями на греческом языке с формулами, заимствованными из молитв. Например, в эпитафии на надгробии из грунтовой могилы № 3 VIII–IX вв. с некрополя «Сахарная головка» содержится обращение к Богу: +Κ(ύρι)ε(?)α[.]ματ[.] [.] ον τὴν ψυχὴν Φωτίου («Господи (упокой?) душу Фотина»)⁵¹. В Скалистом в 1960 г. на территории некрополя конца IV–IX вв. из южного отвала извлекли вывороченный скрепером из одного из склепов обломок известнякового надгробия (№ 1929 по коллекционной описи) с вырезанными буквами ΚΕΒΗ (ил. 2), означающими Κ(ύρι)ε, β(ο)ή(θει), а также обломок надгробия с буквой γ (№ 1928 по коллекционной описи).

Ил. 2. Надгробие из раскопок могильника Скалистое (№ 1929)

Fig. 2. Tombstone excavated at the cemetery of Skalistoe (no. 1929)

⁵¹ Соломоник Э. И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. 1986. Т. 47. С. 215–216, № 6.

Об освоении греческого языка готами и аланами Горного Крыма

В середине IX в. империя восстановила свое правление в Готии⁵². После восстановления в 843 г. иконопочитания возросло влияние церкви во всех сферах общественной жизни византийской Готии. В X–XII вв. на территории Византии повсеместно сооружают квартальные однонефные храмы. В результате археологических раскопок на плато Эски-Кермен и Бакла выявлена начавшаяся с X в. перепланировка всех городских кварталов для постройки квартальных храмов, принадлежавших одной семье или роду⁵³. Строительные надписи отображают активную церковную жизнедеятельность в центре Готской епархии на плато Мангуп в первой трети XIII в. В надписи на южной стене пещерного храма в верховьях Табана-Дере⁵⁴: «В 6733 году. Строится ныне... господином [таким-то...] все...ейшим иеромонахом и...», возможно, идет речь о сооружении неким иеромонахом пещерного храма⁵⁵. В другой надписи из того же пещерного комплекса: + Ἐτ(ου)ς [ϛ]ψκθ' («В [6]729 году»), прочитана дата 1221 г.⁵⁶ или 1220–1221 гг.⁵⁷

Археологические раскопки выявили многочисленные свидетельства усвоения готами и аланами в поздневизантийский период греческого языка.

В слое разрушения на плато Эски-Кермен найдены книжные застёжки, а в одной из плитовых могил первой половины XIV в. – костяное стилос⁵⁸.

В Горном Крыму в захоронениях в храмах и устроенных рядом с ними некрополях повсеместно эпитафии начинались с одной из типичных для Византии формул: Φῶς ζῶν, Κύριε, βοήθει..., Ἰησοῦς Χριστὸς νῆκῃ, Ἐκοιμήθη («упокоился, почил!») и др.

Буквы крестограммы ΦΩС ΖΩΗ⁵⁹ вырезаны на престольной плите из квартального храма X–XIII вв., раскопанного в 1936 г. на плато Эски-Кермен у западной оборонительной стены⁶⁰.

⁵² Айбабин А. И. Некоторые аспекты истории Готской епархии... С. 615–618; *Его же*. Гордище на плато Эски-Кермен в период господства хазар... С. 214–215.

⁵³ Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Квартальные храмы средневекового города на плато Эски-Кермен // АДСВ. 2020. Т. 48. С. 323–324.

⁵⁴ Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России // ИАК. 1918. Вып. 65. С. 21, № 6.

⁵⁵ Виноградов А. Византийские надписи Северного Причерноморья... № V 174.

⁵⁶ Латышев В. В. Заметки к христианским надписям из Крыма // ЗООИД. 1897. Т. 20. С. 154, № 49а.

⁵⁷ Виноградов А. Византийские надписи Северного Причерноморья... № V 196.

⁵⁸ Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Плитовые могилы XIV в. на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2019. Вып. 24. С. 256.

⁵⁹ Виноградов А. Византийские надписи Северного Причерноморья... № V 220.

⁶⁰ Репников Н. И. Отчет о работах на Эски-Кермене в 1936 г. // Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1: 1936. Д. 268. Л. 5; Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Квартальные храмы средневекового города... С. 312, ил. 1, 1; 3.

С формулы Κύριε, βοήθει на плато Эски-Кермен начинаются граффити на внешней облицовке стены южной апсиды главной базилики: Κ(ύρι)ε, βο[ο]ήθει τὸν δοῦλό[υ...]) («Господи, помоги рабу Твоему...»)⁶¹ и на наличнике окна квартального храма X–XIII вв.: +Κ(ύρι)ε, βοίθι μονάχος...⁶², эпитафия на надгробии с одного из храмовых некрополей Баклы: Κ(ύρι)ε, βοήθη τὸν δ[οῦλόν...]) («Господи, помоги рабу Твоему»)⁶³, а также граффити на стенах полупещерного храма, расположенного в шести километрах от Баклы в ущелье Глубокий Яр⁶⁴.

С Ἐκυμή(θη) начинается эпитафия X в. из карстовой пещеры на хребте Басман: + Ἐκυμή(θη) ὁ δ[οῦ-]λως τοῦ θε(ο)ῦ [Ἰο] ἀνου ΠΡ [τ]ῆς Χερσαικείας+. Э. И. Соломоник расшифровала монограмму ΠΡ как ΠΡΕΣΒΥΤΕΡΟΣ или ΠΡΩΤΟΠΑΠΑΣ и перевела ее так: «Почил раб божий Иоанн, пресвитер (?) Херса(й)кеи»⁶⁵. С той же формулы начинаются эпитафии из Эски-Кермена из квартального храма № 4 X–XIII вв.⁶⁶ и на надгробии из раскопок ГАИМКа в 1937 г.⁶⁷

Формула Ἰ(ησοῦ)C Χ(ριστὸ)C νικᾷ вырезана на арке из раскопанного Д. Л. Талисом на Бакле храма XII–XIII вв.⁶⁸

На некрополях Готии во многих могилах X–XIV вв. в христианском погребальном обряде, так же как и в поздневизантийское время XIII – середины XV в. на территории Греции⁶⁹, помещали фрагменты керамики с прочерченными крестом и формулой ΙC ΧC ΝΙΚΑ («Иисус Христос побеждает»). На Эски-Кермене фрагменты черепицы с прочерченными крестом и формулой ΙC ΧC ΝΙΚΑ обнаружены: в квартале 1 – в костнице под апсидой квартального храма X–XIII вв.; в квартале 2 – в гробнице, пристроенной к южной стене однефного храма X–XIII вв.; а также в одной из могил XIII в., открытых на участке кладбища около храма «Трех всадников». Фрагменты гончарных сосудов

⁶¹ Виноградов А. Византийские надписи Северного Причерноморья... № V 186.

⁶² Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. 17. С. 428, рис. 24.

⁶³ Виноградов А. Византийские надписи Северного Причерноморья... № V 113

⁶⁴ Там же. № V 134

⁶⁵ Соломоник Э. И. Несколько новых греческих надписей... С. 214–215.

⁶⁶ Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Квартальные храмы средневекового города... С. 319, ил. 1, 2; 5.

⁶⁷ Виноградов А. Византийские надписи Северного Причерноморья... № V 224

⁶⁸ Соломоник Э. И. Новые греческие лапидарные надписи Средневекового Крыма // Византийская Таврика / ред. П. П. Толочко. Киев, 1991. С. 173–174.

⁶⁹ Poulou-Papadimitriou N., Tzavella E., Ott J. Burial Practices in Byzantine Greece: Archaeological Evidence and Methodological Problems for its Interpretation // Roma, Constantinople and Newly-Converted Europe / eds. M. Salamon, M. Wołoszyn, A. Musin, P. Špehar. Krakow, 2012. P. 377, 407, 413, fig. 20, 3.

Об освоении греческого языка готами и аланами Горного Крыма

или черепицы с прочерченными крестами выявлены в погребениях и на других крымских памятниках средневекового времени⁷⁰.

А. А. Евдокимова считает встречающиеся в погребальных и молитвенных надписях Крыма формулы свидетельствами хорошей образованности авторов⁷¹.

Греческий язык использовали торговцы и ремесленники, маркировавшие черепицу греческими буквами⁷² и наносившие граффити на гончарные сосуды и пифосы.

Результаты. Рассмотренные материалы дают основание говорить о том, что к IX в. готы и аланы освоили греческий язык, который в IX–XIII вв. доминировал в Готии. В нескольких письменных источниках зафиксировано сохранение в первой половине XIII в. также готского и аланского языков. Посетивший в 1253 г. Сугдею Гийом де Рубрук пересказал услышанные в городе от купцов слухи о живших в горных крепостях готах, говоривших на *teutonicum*, и других, говоривших на своем языке народах⁷³. В «Аланском послании» епископ Феодор повествует об аланском селении близ Херсона⁷⁴. Как писал в первой половине XV в. о готах и аланах Иософато Барбаро: «...ввиду смешения одного племени с другим, они и называют себя готоаланами. И те, и другие следуют обрядам греческой церкви»⁷⁵. В середине XVI в. готы Горного Крыма говорили в основном на греческом языке⁷⁶. Письменные источники фиксируют ограниченные функции крымско-готского диалекта в XVI в. и начало его вымирания⁷⁷.

⁷⁰ Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Плитовые могилы XIV в. на плато Эски-Кермен... С. 256.

⁷¹ Евдокимова А. А. Византийские надписи Крыма... С. 101.

⁷² Завадская И. А. Строительная керамика из раскопок центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. // Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. / ред. А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова. Симферополь, 2021. (Материалы Эски-Керменской экспедиции ; вып. I). С. 298, 300.

⁷³ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / ред., вступ. ст. и прим. Н. П. Шастиной. М., 1957. С. 90.

⁷⁴ Кулаковский Ю. А. Епископа Феодора «Аланское послание» // ЗООИД. 1898. Т. 21. С. 17.

⁷⁵ Барбаро и Контарини о России / пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 157.

⁷⁶ Rousseau A. Esquisse d'une histoire du gotique de Crimée. Le role de Busbecq // Sur les traces de Busbecq et du gotique / ed. A. Rousseau. Lille, 1991. P. 153–162.

⁷⁷ Шалыга Д. А. Язык крымских готы // МАИЭТ. 2015. Вып. 20. С. 307; Ее же. Приложение: Язык крымских готы // Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Крымские готы страны Дори... С. 314.

REFERENCES

- Abadie-Reynal, C. (1999). Les amphores romaines en mer Noire. In Y. Garlan (Ed.), *Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire. Actes du colloque internationale d'Istanbul, 25–28 mai 1994* (pp. 255–263). Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence.
- Aibabin, A. I. (1977). Saltovskie poiasnye nabory iz Kryma [Saltov Belt Sets from Crimea]. *Sovetskaia arkheologiia*, 1, 225–239.
- Aibabin, A. I. (1990). Khronologiia mogil'nikov Kryma pozdnerimskogo i rannesrednevekovogo vremeni [The Chronology of the Cemeteries in the Crimea in the Late Roman and Early Byzantine Periods]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 1, 5–86.
- Aibabin, A. I. (1999). *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma* [Ethnic History of the Early Byzantine Crimea]. Simferopol: Dar.
- Aibabin, A. I. (2006). Nekotorye aspekty istorii Gotskoi eparkhii v Iugo-Zapadnom Krymu [Some Aspects of the History of Gothic Diocese of the South-Western Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 12, 615–626.
- Aibabin, A. I. (2010a). Gorodishche na plato Eski-Kermen v period gosподства khazar v Krymu [Site on the Plateau of Eski-Kermen during the Period of Khazars' Predominance in Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 16, 214–239.
- Aibabin, A. I. (2010b). Rannevizantiiskii Chersones-Cherson [Early Byzantine Chersonesos-Cherson]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 51, 353–379.
- Aibabin, A. I. (2015). O lokalizatsii oblasti Dori [On the Location of the Region of Dory]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 20, 311–332.
- Aibabin, A. I. (2017). O reforme sistemy upravleniia vladeniiami Vizantii v Krymu v poslednei chetverti VI veka [On the Reform of the Administrative System of Byzantium's Possessions in the Crimea in the Last Quarter of the 6th Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorii. Regionovedenie. Mezh-dunarodnye otnosheniia*, 22(5), 38–45. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.4>.
- Aibabin, A. I. (2019). Toponim Klimaty v srednevekovom Krymu [Toponym Klimata in the Medieval Crimea]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorii. Regionovedenie. Mezh-dunarodnye otnosheniia*, 24(6), 6–17. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.1>
- Aibabin, A. I., & Khairedinova, E. A. (2008). *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. I: Raskopki 1977, 1982–1984 godov* [Burial Ground Near the Village of Luchistoe. Vol. 1: Excavations of the 1977, 1982–1984]. Simferopol; Kerch: ADEF.
- Aibabin, A. I., & Khairedinova, E. A. (2011). Pozdnesrednevekovaia chasovnia na plato Eski-Kermen [Late Medieval Chapel on Eski-Kermen Plateau]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 17, 422–457.
- Aibabin, A. I., & Khairedinova, E. A. (2017). *Krymskie goty strany Dori (sere-dina III–VII v.)* [Crimean Goths in the Region of Dory (Mid-Third to Seventh Century)]. Simferopol: Antikva.
- Aibabin, A. I., & Khairedinova, E. A. (2019). Plitovye mogily XIV v. na plato Eski-Kermen [Fourteenth-Century Slabbed Graves at Eski-Kermen Plateau]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 24, 250–276.

Об освоении греческого языка готами и аланами Горного Крыма

Aibabin, A. I., & Khairedinova, E. A. (2020). Kvartal'nye khramy srednevekovogo goroda na plato Eski-Kermen [Quarter Churches of the Mediaeval Town atop Eski-Kermen Plateau]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 48, 310–326.

Asdracha, C. (2003). *Inscriptions proto-byzantines et byzantines de la Thrace Orientale et de l'Île d'Imbros (IIIe–XVe siècles)*. Athènes: Caisse des Recettes Archéologiques.

Auzépy, M.-F. (Ed.). (1997). *La Vie d'Étienne le Jeune par Étienne le Diacre*. London: Ashgate Publishing Limited.

Auzépy, M.-F. (1999). *L'hagiographie et l'iconoclasme byzantin: Le cas de la Vie d'Étienne le Jeune*. Aldershot: Ashgate Publishing Limited.

Bazhanov, A. M. (Arkhimandrit Nikifor). (1892). *Illustrirovannaia polnaia populiarnaia Bibleiskaia entsiklopediia* [Illustrated Complete Popular Bible Encyclopedia] (Vol. 3). Moscow: Tipografiia A. I. Snegirevoi.

Belov, G. D., & Yakobson, A. L. (1953). Kvartal XVII (raskopki 1940 g.) [Quarter XVII (excavations 1940)]. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 34, 109–159.

Bezczky, T. (2013). *The Amphorae of Roman Ephesus*. Vienna: Austrian Academy of Sciences Press.

Dewing, H. B. (Trans.). (1962). *Procopius. History of the Wars. Gothic War. Books VII. 36–VIII*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Dewing, H. B., & Downey, G. (Trans.). (1940). *Procopius. On Buildings*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Evdokimova, A. A. (2019). Vizantiiskie nadpisi Kryma, formuly i lingvistiicheskie osobennosti [Byzantine Inscriptions of Crimea, Formulas and Linguistic Features]. In A. D. Vasiliev (Ed.), *Istoricheskie, kul'urnye, mezhnatsionalnye, religioznye i politicheskie sviazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka* [Historical, Cultural, Interethnic, Religious and Political Relations of the Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East] (pp. 95–104). Moscow: Institut vostokovedeniia.

Fatouros, G. (Ed.). (1992). *Theodori Studitae Epistulae*. Berolini: Novi Eboraci.

Feissel, D., Morisson, C., & Cheynet, J.-Cl. (2001). *Trois donations byzantines au Cabinet des Medailles*. Paris: Bibliothèque Nationale de France.

Frolow, A. (1956). IC XC NI KA. *Byzantinoslavica*, 17(1), 98–113.

Guillou, A. (1996). *Recueil des inscriptions grecques médiévales d'Italie*. Rome: École française.

Ilyashenko, S. M. (2013). Standartnye dipinti na uzkogorlykh svetlogliniiankykh amforakh Tanaisa i ego okrugii III–IV vv. n.e. [Standard Dipinti on Narrow-Necked Light Clay Amphorae from Tanais and its Vicinity in the Third–Fourth Centuries AD]. *Bosporskie issledovaniia*, 29, 3–285.

Jakobson, A. L. (1964). *Srednevekovi Krym* [Medieval Crimea]. Moscow; Leningrad: Nauka.

Jakobson, A. L. (1970). *Rannesrednevekove sel'skie poseleniia Iugo-Zapadnoi Tavriki* [Early Medieval Rural Settlements of Southwestern Tavrika]. Leningrad: Nauka.

Kalavrezou, I. (Ed.). (2003). *Byzantine Women and Their World*. New Haven; London: Yale University Press.

Khairedinova, E. A. (2007). Rannesrednevekoveye kresty iz Iugo-Zapadnogo Kryma [Early Medieval Crosses from the South-Western Crimea]. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii*, 13, 151–182.

Khairedinova, E. A. (2014). Medal'ony s izobrazheniem Sviatogo Vsadnika iz mogil'nika u s. Luchistoe [Medallions with the Image of Holy Rider from the Necropolis near the Village of Luchistoye]. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii*, 19, 147–210.

Khairedinova, E. A. (2018). Vizantiiskie perstni s nadpis'iu “ΦΩC ZΩH” iz pogrebenii krymskikh gotov [Byzantine Finger Rings with the Inscription ΦΩC ZΩH from Burials of the Crimean Goths]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia*, 23(5), 88–104. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.5.8>

Khairedinova, E. A. (2019a). Perstni s izobrazheniem arkhangela Mikhaila kontsa VI–VII v. iz Kryma [Finger Rings with the Image of Archangel Michael of the Late 6th–7th Centuries from Crimea]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia*, 24(6), 32–46. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.3>

Khairedinova, E. A. (2019b). Perstni s izobrazheniem kresta vtoroi poloviny VI–VII v. iz Iugo-Zapadnogo Kryma [Finger Rings with the Image of the Cross from the Second Half of Sixth and Seventh Centuries from the South-western Crimea]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 47, 88–109.

Khrapunov, I. N. (2002). *Mogil'nik Druzhnoe (III–IV vv. n.e.)* [Burial Ground Druzhnoye (III–IV Centuries AD)]. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.

Kulakovskiy, Yu. A. (1898). Episkopa Feodora “Alanskoe poslanie” [Bishop Theodore Alan Epistle]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, 21, 11–27.

Kuryшева, M. A., & Fonkich, B. L. (2017). K paleograficheskoi interpretatsii grecheskikh graffiti Mangupskoi baziliki [To the Paleographic Interpretation of Greek Graffiti of the Mangup Basilica]. *Srednie veka*, 78 (3), 167–179.

Lang, M. (1976). *Graffiti and Dipinti*. Athens: American School of Classical Studies.

Latyshhev, V. V. (1896). *Sbornik grecheskikh nadpisei khristianskikh vremen iz Iuzhnoi Rossii* [Collection of Greek Inscriptions of Christian Times from Southern Russia]. St Petersburg: Imperial Russian Archaeological Society.

Latyshhev, V. V. (1897). Zametki k khristianskim nadpisiam iz Kryma [Notes on Christian Inscriptions from Crimea]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, 20, 149–162.

Latyshhev, V. V. (1908). Epigraficheskie novosti iz iuzhnoi Rossii [Epigraphic News from Southern Russia]. *Izvestiia Arkheologicheskoi komissii*, 27, 15–41.

Latyshhev, V. V. (1918). Epigraficheskie novosti iz iuzhnoi Rossii [Epigraphic News from Southern Russia]. *Izvestiia Arkheologicheskoi komissii*, 65, 9–21.

Moiseev, L. A. (1918). Raskopki v Mangupe [Excavations in Mangup]. In *Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1913–1915 gody* [Report of the Archaeological Commission for 1913–1915] (pp. 72–84). Petrograd: Deviatiaia gosudarstvennaia tipografiia.

Об освоении греческого языка готами и аланами Горного Крыма

Opaif, A. (2010). Pontic Wine in the Athenian Market. In *Keramiki tis ysteris tis Archeotitas apo ton Elladiko Khoro (3–7 eonas m. Khr.) Epistimoniki Synantisi (Thessaloniki, 12–14 Novembriu 2006)* [Pottery of Late Antiquity from Greece (Third–Seventh Centuries AD): Scientific Meeting (Thessaloniki, 12–16 November 2006)] (pp. 108–130). Thessaloniki: Archeologiko Instituto Makedonikon kai Thrakikon Spudon.

Perdrizet, P. (1911). Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Égypte par G. Lefebvre, 1907. *Revue des études anciennes*, 13(2), 233–236.

Pieri, D. (1998). Les importations d'amphores orientales en Gaule méridionale durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen Age (IVe–VIIe s. apr. J.-C.). Typologie, chronologie et contenu. In L. Rivet, & S. Saulnier (Eds.), *Importations d'amphores en Gaule du Sud, du règne d'Auguste à l'Antiquité tardive. Actes du Congrès d'Istres (21–24 mai 1998)* (pp. 97–106). Marseille: Sorbonne universite.

Poulou-Papadimitriou, N., Tzavella, E., & Ott, J. (2012). Burial Practices in Byzantine Greece: Archaeological Evidence and Methodological Problems for its Interpretation. In M. Salamon, M. Wołoszyn, A. Musin, & P. Špehar (Eds.), *Roma, Constantinople and Newly-Converted Europe* (pp. 377–428). Krakow: Poligrafia inspektoratu towarzystwa salezjańskiego.

Rousseau, A. (1991). Esquisse d'une histoire du gotique de Crimée. Le role de Busbecq. In A. Rousseau (Ed.), *Sur les Traces de Busbecq et du gotique* (pp. 143–166). Lille: Presses Universitaires du Septentrion.

Rudakov, V. E. (1984). Khristianskie pamiatniki Bakly. Khamovyi kompleks X–XIII vv. [Christian Monuments of Bakla. Church Complex of the X–XIII Centuries]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 21, 35–57.

Shalyga, D. A. (2015). Iazyk krymskikh gotov [The Language of the Crimean Goths]. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii*, 20, 303–310.

Shalyga, D. A. (2017). Prilozhenie: Iazyk krymskikh gotov [Appendix: Language of the Crimean Goths]. In A. I. Aibabin, & E. A. Khairedinova, *Krymskie goty strany Dori (seredina III–VII v.)* [Crimean Goths in the Region of Dory (Mid-third to Seventh Century)] (pp. 310–322). Simferopol: Antikva.

Shastina, N. P. (Ed.). (1957). *Puteshestviia v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travel to the Eastern Countries of Plano Karpini and Rubruk]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury.

Shelov, D. B. (1978). Uzkogorlye svetloglinianye amfory pervykh vekov nashei ery. Klassifikatsiia i khronologiia [Narrow-Necked Light-Lined Amphorae of the First Centuries AD. Classification and Chronology]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhologii AN SSSR*, 156, 16–21.

Sidorenko, V. (2010). Funde aus dem Umfeld des Mangup. In R. Fleck, & F. Daim (Eds.), *Byzanz. Pracht und Alltag. Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland. Bonn, 26. Februar bis 13. Juni 2010* (pp. 313–314). München: Hirmer.

Sidorenko, V. A. (1997). Srednevekovaia nadpis' s imenem Tζάλ iz baklinsko-go sklepa [The Medieval Inscription with Name Tζάλ from the Cemetery Bakla]. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii*, 6, 642–645.

Skrzhinskaya, E. Ch. (Ed.). (1971). *Barbaro i Kontarini o Rossii* [Barbaro and Contarini about Russia]. Leningrad: Nauka.

А. И. Айбабин

Solomonik, E. I. (1986). Neskol'ko novykh grecheskikh nadpisei srednevekovogo Kryma [Several New Greek Inscriptions of Medieval Crimea]. *Vizantiiskii vremennik*, 47, 210–218.

Solomonik, E. I. (1991). Novye grecheskie lapidarnye nadpisi srednevekovogo Kryma [New Greek Lapidary Inscriptions of the Medieval Crimea]. In P. P. Tolochko (Ed.), *Vizantiiskaia Tavrika* (pp. 172–179). Kiev: Naukova dumka.

Solomonik, E. I. (1993). Napisi na krims'kikh amforakh pershikh stolit' nashoi eri [Inscriptions on Crimean Amphorae of the First Centuries AD]. *Arkheologiya*, 2, 102–116.

Solomonik, E. I. (1995). Dve gruppy nadpisei na keramicheskikh sosudakh iz Kryma pervykh vekov nashei ery [Two Groups of Inscriptions on Ceramic Vessels from Crimea of the First Centuries AD]. In Yu. M. Mogarichev, & I. N. Khrapunov (Eds.), *Problemy arkheologii drevnego i srednevekovogo Kryma* [Problems of Archeology of the Ancient and Medieval Crimea] (pp. 38–46). Simferopol: Tavriia.

Vasil'evsky, V. G. (1912). Zhitie Ioanna Gotskogo [The Life of John of Gothia]. In V. G. Vasil'evsky, *Trudy* [Works] (Vol. 2, Iss. 2, pp. 351–427). St Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk.

Vasiliev, A. A. (1936). *The Goth in the Crimea*. Cambridge, MA: The Medieval Academy of America.

Vinogradov, A. (2015). Vizantiiskie nadpisi Severnogo Prichernomor'ia [Byzantine Inscriptions of the Northern Black Sea Region]. In *Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae* (Vol. V). Retrieves from <https://iospe.kcl.ac.uk/5/toc-ru.html> (date of access: 15.05.2021).

Walter, C. (1997). IC XC NI KA the Apotropaic Function of the Victorious Cross. *Revue des études byzantines*, 55, 193–220.

Zavadskaya, I. A. (2021). Stroitel'naia keramika iz raskopok tsentral'noi chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2018–2020 gg. [Building Ceramics from Excavations of the Central Part of the City on the Eski-Kermen Plateau in 2018–2020]. In A. I. Aibabin, & E. A. Khairedinova (Eds.), *Itogi arkheologicheskikh issledovaniï tsentral'noi chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2018–2020 gg.* [The Results of Archaeological Research of the Central Part of the City on the Eski-Kermen Plateau in 2018–2020] (pp. 290–325). Simferopol: Antikva.

Айбабин Александр Ильич

доктор исторических наук,
профессор, главный научный
сотрудник
Институт археологии Крыма РАН
295007, Симферополь,
пр. Вернадского, 2
E-mail: aleksandraibabin@rambler.ru

Aibabin, Aleksandr Il'ich

Dr. Hab. (History), Professor, Chief
Researcher
Institute of Archeology of the Crimea
of the Russian Academy of Sciences
2 Vernadsky Ave, 295007, Simferopol,
Russia
Email: aleksandraibabin@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4116-8198>
ResearcherID: Y-8384-2018
Scopus AuthorID: 57214235725

В. Е. Науменко

А. Г. Герцен

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, Россия

САСАНИДСКИЙ ЛОЖНЫЙ ПЕРСТЕНЬ ИЗ РАСКОПОК МАНГУПСКОГО ДВОРЦА: ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В 2006 г. в ходе раскопок дворца правителей княжества Феодоро (1425–1475) в центральной части Мангупского городища (Юго-Западный Крым), был обнаружен уникальный для памятника перстень из желтоватого халцедона, изготовленный в VI – начале VII в. на территории Сасанидского Ирана. находка относится к числу так называемых ложных перстней-печаток (*мухр*), имеет эллипсоидную форму (сплюснутая полусфера) с узким каналом для подвешивания на шею, запястье или пояс. На щитке перстня представлено изображение горного барана (*архар*) с круто загнутыми рогами, лежащего влево с поджатыми ногами. Его сопровождает ряд официальных символов правящей династии в государстве Сасанидов: царский бант *ашхараванд* (обязанная лента на одной из передних ног животного), полумесяц рогами вверх (молодая Луна, один из символов династии) и аташдан (зороастрийский храмовый алтарь с пылающим огнем). Композиция изображения восходит к легенде об основателе династии Сасанидов царе Ардашире I (224–240), которому одержать победу над последним парфянским правителем Артабаном V (213–224) и взойти на престол помогло божество царской власти, победы, могущества, удачи и славы *Фарр*, воплощенное в образе горного барана. Таким образом, первый владелец находки входил в состав по крайней мере привилегированной части сасанидского общества, а перстень использовался им в роли подписи или знака собственности при опечатывании личных документов и предметов торговых операций. Рассматривая обстоятельства обнаружения сасанидского перстня в культурном слое одной из крупнейших византийских крепостей в Таврике, построенной, очевидно, в конце правления императора Юстиниана I (527–565), вряд ли стоит серьезно рассматривать версии прямой официальной переписки между местной византийской администрацией и кем-то из иранских корреспондентов или присутствия здесь воинских контингентов из Персии. Скорее всего, находка является обычным трофеем византийского офицера, принимавшего участие в одной из многочисленных византийско-сасанидских военных кампаний второй половины VI – первой трети VII в. и затем продолжившего службу в составе гарнизона Мангупа-Дороса.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым; Мангуп; Византия; Сасанидский Иран; дворец; ложный перстень; зороастризм

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №19-09-00124 «Дворцовый комплекс

В. Е. Науменко, А. Г. Герцен

Мангупского городища – резиденция правителей княжества Феодоро в Юго-Западном Крыму. Проблемы хронологии, планировки и архитектурной реконструкции памятника».

Цитирование: Науменко В. Е., Герцен А. Г. Сасанидский ложный перстень из раскопок Мангупского дворца: проблемы атрибуции и интерпретации // Античная древность и средние века. 2021. Т. 49. С. 97–114. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.007>

Поступила в редакцию 04.08.2021

Принята к печати 15.10.2021

Valerii E. Naumenko
Aleksandr G. Gertsen

V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russia

SASANIAN PSEUDO-SIGNET-RING EXCAVATED AT THE PALACE OF MANGUP: THE ASPECTS OF ITS ATTRIBUTION AND INTERPRETATION

In 2006, the excavation of the palace of the rulers of the Principality of Theodoro (1425–1475) in the central area of the ancient town of Mangup (south-western Crimea) uncovered a unique at this site signet-ring of yellowish chalcedony made in the sixth or early seventh century in Sasanian Iran. This find belongs to a group of the so-called pseudo-signet-rings (*muhr*); it shows an ellipsoidal shape (flattened hemisphere) with a narrow channel for hanging on the neck, wrist, or belt. On the shield of the signet-ring there is an image of a mountain sheep (*arhar*) with steeply curved horns, lying to the left, with the legs tucked. It was accompanied with a number of official symbols of the ruling dynasty in the Sassanian State: the royal bow *ashkharavand* (of a ribbon tied round a front leg of the animal), a crescent with the horns upward (a young Moon, one of the symbols of the dynasty), and *atashdan* (Zoroastrian temple altar with burning fire). The composition of this image goes back to the legend about the founder of the Sassanian dynasty King Ardashir I (224–240), who defeated the last Parthian ruler Artaban V (213–224) and ascended the throne with the help from the deity of royal power, victory, might, luck, and glory *Farr* embodied in the mountain ram. Therefore, the first owner of the signet-ring was a member of the privileged part of the Sassanian society, using the ring to make signature or as a sign of ownership when sealing personal documents and items of trade transactions. Considering the circumstances of the discovery of the Sassanian ring in the cultural layer of one of the largest Byzantine fortresses in Taurica obviously constructed at the end of the reign of Emperor Justinian I (527–565), it is hardly worth thinking of direct official correspondence between the local Byzantine administration and someone from Iranian correspondents or the presence of the military contingents from Persia. Most likely, the find in question was simply a trophy of a Byzantine officer who took part in one of the many Byzantine-

Сасанидский ложный перстень из раскопок Мангупского дворца

Sassanian military campaigns of the second half of the sixth or the first third of the seventh centuries and then continued his service in the garrison of Mangup-Doros.

Keywords: south-western Crimea; Mangup; Byzantium; Sassanian Iran; palace; pseudo-signet-ring; Zoroastrianism

Acknowledgements

This study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-09-00124 *The Palace Complex of the Mangup Settlement – the Residence of the Rulers of the Principality of Theodoro in the South-West Crimea. Problems of Chronology, Planning and Architectural Reconstruction of the Monument.*

For citation: Naumenko, V. E., & Gertsen, A. G. (2021). Sasanidskii lozhnyi persten' iz raskopok Mangupskogo dvortsa. Problemy atributsii i interpretatsii [Sassanian Pseudo-Signet-Ring Excavated at the Palace of Mangup: The Aspects of Its Attribution and Interpretation]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 49, 97–114. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.007>

Submitted: 04.08.2021

Accepted: 15.10.2021

Введение. Начиная с 2006 г., основным объектом исследований Мангупской археологических экспедиции Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского является дворец правителей княжества Феодоро (1425–1475) в центральной части Мангупского городища. За последние годы, помимо установления точной хронологии и планиграфии, к числу наиболее важных результатов систематических раскопок памятника относится открытие в его стратиграфии культурных горизонтов и ярусов застройки додворцового и постдворцового времени, что свидетельствует об использовании данного участка городища на протяжении всех основных этапов истории Мангупа, в том числе в ранневизантийский (середина VI – конец VIII в.), фемный (середина IX – середина XI в.), золотоордынский (конец XIII в. – около 1395 г.), феодоритский (XV в., до 1475 г.) и османский (1475–1792) периоды¹. Такая степень изученности археологического объекта позволяет с уверенностью исключить «случайность» присутствия в культурном слое отдельных артефактов, на первый взгляд, не вписывающихся в извест-

¹ Об итогах раскопок дворца см.: Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А. Княжеский дворец Мангупского городища. Стратиграфия участка исследований 2006–2017 гг. (предварительное сообщение) // X Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис»: материалы науч. конф. / отв. ред. Н. А. Алексеенко. Севастополь, 2018. С. 53–58; *Их же*. Основные итоги и перспективы исследований княжеского дворца Мангупского городища // XX Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований»: материалы Междунар. науч. конф. / ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь, 2019. С. 139–148.

ный историко-археологический контекст, и в ходе реконструкции комплексов находок соответствующего исторического периода привлекать к анализу даже «переотложенные» археологические материалы.

Многолетние раскопки дворца сформировали целый массив новых археологических источников по истории и культуре Мангупа, которые постепенно вводятся в научный оборот. Среди них особое место занимают находки из так называемой группы *small finds*, характеризующие не только различные стороны повседневной жизни населения средневековой крепости, но и являющиеся зачастую основанием для рассмотрения малоизученных либо совершенно новых сюжетов из истории памятника².

Сасанидский ложный перстень из раскопок Мангупского дворца, халцедон, вторая половина VI – первая треть VII в. (2006, Южный участок исследований, квадрат № 2)

Sasanian pseudo-signet-ring excavated at the palace of Mangup; chalcedony; second half of sixth to the first third of the seventh centuries (2006; southern research area; grid no. 2)

К числу таких предметов, безусловно, относится и обнаруженный еще в 2006 г. сасанидский перстень-печатка из халцедона, на щитке кото-

² См., например: Науменко В. Е. «Латиняне» на Мангупе. Уникальный западноевропейский крест-энколпион из раскопок княжеского дворца Мангупского городища: проблемы атрибуции и датировки // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 6. С. 100–115.

Сасанидский ложный перстень из раскопок Мангупского дворца

рого вырезано изображение лежащего горного барана в сопровождении ряда символов правящей династии в государстве Сасанидского Ирана (см. иллюстрацию)³. Неординарность находки заключается не столько в отсутствии каких-либо аналогий ей на памятниках раннесредневековой Таврики и крайней редкости подобных, но не идентичных и всегда индивидуальных изделий сасанидской глиптики на территории Восточной Европы, сколько в содержании сюжета изображения на печати, которое ясно указывает на принадлежность ее владельца к привилегированной части сасанидского общества. Означает ли это, что интересующий нас перстень, происходящий из культурного слоя одной из крупнейших византийских крепостей в Таврике, является материальным свидетельством неизвестной по данным письменных источников официальной переписки между местной администрацией и одним из иранских высокопоставленных корреспондентов или даже присутствия здесь воинских контингентов из Персии? На наш взгляд, нет. Как показывает приведенный ниже анализ находки, скорее всего, речь идет об обычном военном трофее одного из участников многочисленных византийско-сасанидских военных кампаний второй половины VI – первой трети VII вв., который затем продолжил службу в составе гарнизона Мангупа-Дороса.

В любом случае, публикация уникального сасанидского перстня из раскопок Мангупского дворца пополняет археологический комплекс находок ранневизантийского времени, связанных с функционированием участка жилой застройки крепости второй половины VI – начала VIII в. на месте будущей резиденции правителей княжества Феодоро.

Атрибуция и датировка. Перстень из раскопок Мангупа изготовлен из желтоватого халцедона с прожилками серого и темно-коричневого цветов. Он относится к типу так называемых сасанидских анэпиграфных ложных перстней-печаток (*мухр*), имеет эллипсоидную форму (сплюснутая полусфера) с узким просверленным каналом для подвешивания на шее, запястье или поясе⁴. Размеры шинки перстня – 2,63 x 2,10 см, ее толщина – 1,74 см, диаметр «ложного» канала-отверстия – 0,74 см. Внешняя поверхность изделия гладкая, полированная, украшена глубокими концентрическими и волнообразными линиями.

Плоский щиток перстня имеет овальную форму (размеры – 1,77 x 1,40 см), подчеркнутую невысокой гранью. Его центральная часть

³ Предварительная публикация находки: Герцен А. Г. Сасанидский перстень из раскопок Мангупа // Небесные патроны и земные служители культа : тез. докл. и сообщ. IX Междунар. Крымской конфер. по религиоведению (г. Севастополь, 15–19 мая 2007 г.). Севастополь, 2007. С. 18–19.

⁴ Ritter N. C. Gemstones in Pre-Islamic Persia: Social and Symbolic Meanings of Sasanian Seals // Gemstones in the First Millennium AD: Mines, Trade, Workshops and Symbolism / ed. A. Hilgner, S. Greiff, D. Quast. Mainz, 2017. P. 277.

занята изображением горного барана (*архар*) с круто загнутыми гладкими рогами, лежащего влево с поджатыми ногами, выполненным в технике объемно-выемчатой резьбы. Отмечаем общую реалистичность и высокое качество выполненного изображения: все линии четкие, законченные, с закругленными краями; соблюдена пропорциональность между отдельными частями тела животного; хорошо видны глаз и ухо барана; складки шерсти и кожи на его шее и туловище правдоподобно подчеркнуты зонами почти горизонтальных и вертикальных линий; заостренный кончик короткого хвоста опущен вниз. Как известно, все перстни-печатки в Сасанидском Иране изготавливались индивидуально, на заказ, без дубликатов; качество изделия указывало на мастерство резчика и финансовые возможности его заказчика и владельца⁵.

О высоком социальном статусе владельца нашего перстня также свидетельствует ряд вырезанных вокруг основного изображения официальных символов правящей династии в государстве Сасанидов: царский бант *аихараванд* (обвязанная лента на одной из передних ног животного), полумесяц рогами вверх (молодая Луна, один из символов династии) и *аташдан* (зороастрийский храмовый алтарь с пылающим огнем)⁶. Огонь *аташдана* изображен в виде сплошного факела пламени, а не нескольких его языков, что привычнее. Из-за этого на печати видны лишь нижняя горизонтальная плита алтаря и частично его столб-основание, верхняя же часть культового сооружения (обычно в виде одной или двух плит перекрытия) не просматривается.

Композиция изображения на мангупской печати восходит к легенде об основателе династии Сасанидов царе Ардашире I (224–240), которому одержать победу над последним парфянским правителем Артабаном V (213–224) и взойти на престол помогло божество власти, победы, могущества, удачи и славы *Фарр*, воплотившееся в образе горного барана⁷. Официальная версия легенды приведена в «Книге деяний

⁵ Малахов С. Н. К истории алано-иранских этнокультурных контактов в раннем средневековье (сасанидская гемма из ст. Алексеевской Краснодарского края) // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 45; Ritter N. C. Gemstones in Pre-Islamic Persia... P. 100.

⁶ Об их содержании на памятниках сасанидской глиптики см.: Борисов А. Я., Луконин В. Г. Сасанидские геммы. Л., 1963. С. 36–37; Brunner Ch. J. Sasanian Stamp Seals in the Metropolitan Museum of Art. New York, 1978. P. 119–120, 128.

⁷ О символике и функциях божества Фарр (Фарн, Хварна, Хварно, Хварра, Хварена) см.: Литвинский Б. А. Кангуйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). Душанбе, 1968. С. 46–58; Чунакова О. М. Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. М., 2004. С. 228–230; Дмитриев В. А. Рога барана и крылья сокола: к вопросу о религиозной символике в оформлении царских корон Сасанидов // ПИФК. 2012. № 1(35). С. 146–150; Шенкарь М. А. Об иконографии х'агэһаһ и его роли в идеологии древних иранцев // Последний энциклопедист: к юбилею Б. А. Литвинского. М., 2013. С. 427–442.

Сасанидский ложный перстень из раскопок Мангупского дворца

Ардашира сына Папака», одном из важнейших произведений средневековой персидской литературы, созданном не позднее второй половины VI в. на основе более ранней письменной и устной традиции⁸. Начиная с IV в., образ барана, как символ царского *фарра*, воинской доблести и военной удачи, получил в Сасанидском государстве и персидском искусстве широкое распространение, а рога барана стали даже символом военного костюма сасанидских правителей. В зороастрийских религиозных представлениях он также ассоциировался не только с *фарром*, но и с одним из наиболее почитаемых культов небесного воина *Веретрагны* (*Вэртрагны*, *Варахрана*, *Бахрама*), имя которого прочно вошло в царскую антропониимику Сасанидов⁹. Таким образом, все это свидетельствует о том, что заказчик нашего перстня принадлежал по крайней мере к привилегированной части сасанидского общества.

Надежная сасанидская атрибуция ложного перстня-печатки из раскопок Мангупского дворца, владелец которого, еще раз подчеркнем, имел основания использовать на нем официальную символику правящей династии, не избавляет нас от трудностей при установлении более точной датировки изделия.

Современная историография показывает высокую степень изученности разнообразных сасанидских каменных печатей (перстневых пластин-вставок, перстней-печаток и их оттисков на глиняной поверхности). Опубликованы более 10 тысяч печатей, обнаруженных на территории от Западной Европы до Юго-Восточной Азии и ныне хранящихся в собраниях музеев и частных коллекциях¹⁰. Правомерен вывод о том, что печати, наряду с монетами, являлись средствами распространения массовой информации в пределах Сасанидского государства, а также материальными маркерами его торговых коммуникаций и культурных контактов с народами сопредельных и отдаленных областей. Выпускаясь в массовом количестве на территории Сасанидского Ирана, они

⁸ Книга деяний Ардашира сына Папака / пер., введ., коммент. О. М. Чунаковой. М., 1987. С. 70–71 (IV).

⁹ Дмитриев В. А. Рога барана и крылья сокола... С. 146–147, 150.

¹⁰ Борисов А. Я., Луконин В. Г. Сасанидские геммы. С. 72–194; Lerner J. A. Sasanian Seals in the Department of Medieval and Later Antiquities of the British Museum // JNES. 1976. Vol. 35, No 3. P. 183–187; Brunner Ch. J. Sasanian Stamp Seals in the Metropolitan Museum of Art. P. 19–39; Spier J. Ancient Gems and Finger Rings: Catalogue of the Collections. Malibu, 1992. P. 164–166; Смирнова Н. М. Глиптика Сасанидского Ирана // Мир в миниатюре. Геммы из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина : каталог. М., 2012. С. 50–81; и др. О результатах современного этапа изучения сасанидских печатей см.: Ritter N. C. On the Development of Sasanian Seals and Sealing Practice: A Mesopotamian Approach // Seals and Sealing Practice in the Near East. Developments in the Administration and Magic from Prehistory to the Islamic Period: Proceedings of an International Workshop at the Netherlands-Flemish Institute in Cairo on December 2–3, 2009 / ed. I. Regulusky, K. Duistermaat, P. Verkinderen. Leuven ; Paris ; Walpole, 2012. P. 99–112; Idem. Gemstones in Pre-Islamic Persia... P. 277–287. Там же основная библиография работ и перечень опубликованных каталогов печатей.

использовались повсеместно в роли подписей или знаков собственности своих владельцев, для ведения официальной и частной переписки, подтверждения налоговых и торговых операций, а также в качестве амулетов, талисманов, украшений и погребального инвентаря¹¹. Однако такой важный вопрос, как разработка общепринятой классификации сасанидских печатей, с ясными критериями для установления узкой датировки для отдельных изделий, остается нерешенным.

Предпринятые в свое время попытки систематизировать, прежде всего, на материалах крупных музейных коллекций, сасанидские печати типологически и хронологически сейчас могут быть признаны успешными лишь для небольшой группы предметов, имеющих надписи и хорошо узнаваемые «царские» портреты; при этом основанием для их датировки остаются все-таки данные палеографии и содержание эпиграфических текстов¹². Большинство же печатей являются анепиграфными. Они сильно стандартизированы по материалу, технике изготовления, форме и иконографическим сюжетам; однообразны, без каких-либо региональных и хронологических особенностей, на протяжении всей истории Сасанидского государства, от III до середины VII в.; использовались в обиходе представителями разных социальных и этноконфессиональных групп империи, в зависимости от их религиозных и иных убеждений¹³. В этой ситуации, безусловно, могли бы помочь детальные исследования условий обнаружения музейных предметов и материалы археологических раскопок. Однако подавляющее большинство сасанидских печатей из собраний музеев приобретены у антикваров либо переданы частными коллекционерами, и поэтому не имеют такой информации. Археологические же находки, особенно современные, хорошо документированные, как правило, вступают в противоречие с результатами искусствоведческих штудий. Показательной в этом смысле является публикация коллекции сасанидских анепиграфных каменных ложных перстней-печаток (всего 22 экземпляра) из раскопок поселений и курганных некрополей джеты-асарской археологической культуры в Средней Азии, где они были найдены в комплексах III–IV и IV–V вв., хотя должны были, следуя общепринятым критериям, датироваться позднесасанидским периодом (около 531–651 гг.)¹⁴.

¹¹ Ritter N. C. *Gemstones in Pre-Islamic Persia...* P. 278–284.

¹² Борисов А. Я., Луконин В. Г. Сасанидские геммы. С. 12–19; Brunner Ch. J. *Sasanian Stamp Seals in the Metropolitan Museum of Art*. P. 8–9.

¹³ Ritter N. C. *On the Development of Sasanian Seals and Sealing Practice...* P. 100, 109; *Idem*. *Gemstones in Pre-Islamic Persia...* P. 277, 284.

¹⁴ Левина Л. М., Никитин А. Б. Об одной группе иранских резных камней из Восточного Приаралья // ВДИ. 1991. № 3. С. 53–65; Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья: I тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э. М., 1996. С. 237–243.

Сасанидский ложный перстень из раскопок Мангупского дворца

Тем не менее, для установления точной хронологии сасанидского перстня из раскопок Мангупского дворца возможными являются только археологические основания. При этом важно отметить, что уже отмеченная хорошая сохранность находки, очевидно, свидетельствует как о коротком периоде его использования по назначению, так и о том, что дата его изготовления на территории Сасанидского Ирана и обстоятельства, по которым печать оказалась в культурном слое Мангупа, не сильно удалены между собой по времени.

Интересующий нас сасанидский перстень обнаружен в 2006 г. при выборке верхнего культурного слоя на площади археологического квадрата № 2 на так называемом Южном участке исследований Мангупского дворца. Культурный горизонт оказался насыщен разновременными археологическими материалами – от ранневизантийского периода до XVIII в., – попавшими в него в результате различных этапов строительной активности на памятнике в эпоху Средневековья, а также в ходе раскопок Е. В. Веймарна в 1974 г. Тем не менее, как уже говорилось, с учетом современных знаний о стратиграфии и периодизации дворца, все эти материалы нельзя рассматривать как случайные и не имеющие отношения к разновременным ярусам выявленной застройки додворцового, дворцового и постдворцового времени на данном участке городища. В таком случае сасанидский перстень может быть надежно соотнесен с ранним этапом истории поселения второй половины VI – начала VIII в. в этой части Мангупа, возникшего с момента строительства византийской крепости на Мангупском плато в конце правления императора Юстиниана I (527–565)¹⁵.

Наиболее показательными для археологического комплекса находок этого поселения являются фрагменты привозных византийских амфор и местной лепной керамики, византийские монеты, с преобладанием номиналов времени Юстиниана I¹⁶, а также отдельные предметы из группы *small finds*, в том числе византийские бронзовые экзагии VI в.¹⁷, дополнительно свидетельствующие о включении крепости в состав Византийской империи и принятой здесь монетно-весовой системе, и детали повседневного костюма местных жителей, следовав-

¹⁵ Науменко В. Е., Набоков А. И. Детали костюма ранневизантийского времени из раскопок Мангупского дворца // XIII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис» : материалы науч. конф. / отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь, 2021. С. 202, 205.

¹⁶ Душенко А. А. Нумизматический комплекс Мангупского княжеского дворца (раскопки 2006–2018 гг.): статистический обзор // XII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис» : материалы науч. конф. / отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь, 2020. С. 93.

¹⁷ Душенко А. А. Византийские разновесы из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2018. Вып. 23. С. 255–268.

ших распространившейся моде на определенную гарнитуру и аксессуары в одежде на территории империи и сопредельных областей¹⁸.

Обнаруженный сасанидский перстень, с учетом хорошо известных контактов Византии и Ирана в эпоху раннего Средневековья, не выглядит совершенно изолированным в окружении доминирующего для этого времени на Мангупе и в целом в Крыму круга византийских древностей. Еще в конце XIX в., к примеру, Т. В. Кибальчицем были приобретены на полуострове несколько десятков сасанидских гемм, колец-печаток и ложных перстней, девять из которых были затем опубликованы в коллекции Государственного Эрмитажа¹⁹. К сожалению, точные обстоятельства их обнаружения остаются для нас неизвестными. Тем не менее, периодические находки сасанидских печатей на территории Крыма, среди которых рассматриваемый мангупский перстень отличается своим ясным археологическим контекстом, определенно свидетельствуют о существовавших в ранневизантийскую эпоху каких-то до конца пока не понятных связях между населением отдаленной византийской провинции в Северном Причерноморье и крупнейшей империей Ближнего Востока.

Исторический контекст и интерпретация находки. Сасанидский перстень на Мангупе, имеющий самое непосредственное отношение к ранней истории этой крупной византийской крепости в Таврике, построенной в середине VI в., расширяет наши представления о географии таких находок в Восточной Европе.

подавляющее большинство из них (165 предметов по каталогу Ю. А. Прокопенко) обнаружено на территории Северного Кавказа в ходе исследований археологических памятников Центрального Предкавказья (в основном, на территории Северной Осетии) и Дагестана²⁰. Их рассматривают прежде всего как свидетельство интенсивных контактов населения региона с Ираном в период активизации военных конфликтов между Византией и Сасанидской империей в VI – начале VII в. Важным представляется наблюдение о том, что предметы сасанидской глиптики, оказавшиеся здесь в иной этнокультурной среде,

¹⁸ Науменко В. Е., Набоков А. И. Детали костюма... С. 203–206.

¹⁹ Борисов А. Я., Луконин В. Г. Сасанидские геммы. С. 5, 80, 101, 118, 136, 165, 168, 177, 179–180. № 40, 154, 271, 403, 609, 634, 696, 708, 721.

²⁰ Прокопенко Ю. А. Сасанидские геммы (и инталии) и подражания им на памятниках Северного Кавказа // Из истории культуры народов Северного Кавказа : сб. науч. ст. Ставрополь, 2009. Вып. 1. С. 39–50. См. также: Гаджиев М. С. Памятники сасанидской глиптики из Дагестана // Художественная культура средневекового Дагестана : сб. ст. Махачкала, 1987. С. 139–151; Малахов С. Н. К истории алано-иранских этнокультурных контактов... С. 43–44; Коробов Д. С. Новый комплекс из могильника Мокрая Балка I // Древности Северного Кавказа : сб. ст. / под ред. В. И. Марковина. М., 1999. С. 161–164; Гаджиев М. С. Сасанидские геммы со среднеперсидскими надписями из Дагестана // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. М., 2004. С. 100–112.

Сасанидский ложный перстень из раскопок Мангупского дворца

использовались не по своему прямому назначению, а в качестве амулетов, талисманов и украшений, будучи максимальной адаптированными к существовавшим здесь религиозным культам и представлениям. Показательными являются находки многочисленных подражаний сасанидским геммам и печатям и заготовок для них (аналогичной формы, но без изображений), изготовленных местными мастерами из камня и цветного стекла (перстневые вставки, так называемые литики)²¹.

К северу от Кавказа находки сасанидских печатей единичны. Нам известны лишь четыре таких примера: случайная находка ложного перстня-печатки из халцедона на месте салтово-маяцкого Нижнелубянского катакомбного могильника VIII–IX вв. в Верхнем Подонье²², два халцедоновых ложных перстня из культурного слоя X–XI вв. на древнерусских памятниках – Гнездовском поселении и Ростове Великом²³, и, наконец, наиболее северная находка – сасанидская гемма, которая входила в состав ожерелья из погребения эпохи викингов в Уппланде (Северная Швеция)²⁴. Во всех случаях печати рассматриваются как случайные находки, оказавшиеся на территории Восточной Европы в результате эпизодических контактов с народами Северного Кавказа и Ирана в эпоху раннего Средневековья, как сувениры из дальних путешествий либо как военные трофеи участников военных походов эпохи викингов.

Рассматривая обстоятельства обнаружения сасанидского перстня на Мангупе и сопоставляя их с находками на Северном Кавказе и на территории Восточной Европы, следует признать, что они были, очевидно, разными. Слишком отличается исторический фон событий, происходивших в эпоху раннего Средневековья во всех перечисленных регионах и в Таврике. При этом происхождение мангупской печати также

²¹ Перечень заготовок см.: *Прокopenko Ю. А.* Сасанидские геммы... С. 50. См. также недавние публикации десятков литиков с изображениями птиц и животных, которые связываются с зороастрийской символикой в сасанидской глиптике, из раскопок могильника Мамисондон VIII в. в Северной Осетии и уникального перстня-печатки из агата с изображением лежащего оленя и среднеперсидской надписью «Асай, князь Алан» (IV–V вв.): *Lerner J. A.* An Alan Seal // *Bulletin of the Asia Institute.* 2009. Vol. 19. P. 83–86; *Албегова З. Х., Верещинский-Бабайлов Л. И.* Раннесредневековый могильник Мамисондон: результаты охранных археологических исследований 2007–2008 гг. в зоне строительства Зарамагских ГЭС. М., 2010. (Материалы охранных археологических исследований ; т. 11). С. 92–93.

²² *Афанасьев Г. Е.* Сасанидская гемма из Нижнелубянского могильника // *РА.* 2016. № 3. С. 121–130. Рис. 2, 1.

²³ *Вешнякова К. В.* Сасанидская печать из Гнездова // *Древние культуры и технологии: новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга / отв. ред. В. М. Массон, Д. Г. Савинов.* СПб., 1995. С. 64–69. Рис. 1; *Леонтьев А. Е.* Сасанидская печать из Ростова Великого // *КСИА.* 2016. Вып. 245. С. 37–41. Рис. 2, 1–2.

²⁴ *Пушкина Т. А.* Сувениры Аустрвег // *У истоков русской государственности: историко-археологический сборник: к 30-летию археологического изучения Новгородского Юрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции / ред.-сост. А. Е. Мусин.* СПб., 2007. С. 329. Рис. 2, 2.

может иметь различные версии, что заставляет нас искать среди них лишь наиболее вероятную.

Прежде всего, сразу стоит отказаться от наиболее простой гипотезы появления сасанидского перстня-печатки на Мангупском городище в результате прямой официальной переписки между местной византийской администрацией и кем-то из иранских высокопоставленных корреспондентов или присутствия здесь воинских контингентов из Персии. Для этого у нас нет никаких оснований как для периода второй половины VI – первой половины VII в., если следовать установленной раскопками дате основания Мангупской крепости и общей хронологии существования Сасанидского государства, так и для более позднего времени²⁵. Предложенная в свое время У. Тредголдом, со ссылкой на Продолжателя Феофана, гипотеза военной реформы в конце правления императора Феофила (829–842), сутью которой стало расселение около 839 г. в 15 византийских фемах, в том числе и в византийской Таврике, отрядов персов-хуррамитов численностью по две тысячи человек, бежавших от преследований в Арабском халифате, не получила дальнейшей поддержки в историографии²⁶. И поэтому рассматривать перстень на Мангупе как некий ценный талисман такого выходца с территории Ирана в первой половине IX в. нет никакой возможности.

Также маловероятной выглядит пока гипотеза о принадлежности владельца нашего перстня группе населения, переселившейся в Таврику в VI–VII вв. из региона с устойчивыми политическими связями с Сасанидским Ираном, и которая, одновременно, являлась родственной в этнокультурном смысле жителям Юго-Западного Крыма. Такими, безусловно, могут считаться аланы Центрального Предкавказья, с учетом важнейшей роли аланского компонента в этногенезе населения области Дори, начиная с середины III в.²⁷ Однако случаи мигра-

²⁵ См. примеры персидских военных подразделений из числа военнопленных и перебежчиков в составе византийской армии на протяжении всего периода взаимоотношений Византии и Сасанидского государства: *Назаров А. Д.* Персидские иммигранты в вооруженных силах ранней Византии // *Вестник Волгоградского государственного университета.* Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 6. С. 201–207.

²⁶ *Treadgold W.* The Byzantine Revival, 780–842. Stanford, 1988. P. 282–283, 312–319. Ср.: *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсон // *БИАС.* Симферополь, 1997. Вып. 1. С. 316. По Е. А. Мехмадиеву, созданные Феофилом турмы персов-хуррамитов исполняли службу в фемах Армениак, Анатолик и Халдия, но отнюдь не в Таврике: *Мехмадиев Е. А.* Персы-хуррамиты на службе в византийской армии в 833–839/840 гг.: военный ранг и функции персидских войсковых подразделений // *Вестник Волгоградского государственного университета.* Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 6. С. 212–218.

²⁷ Об археологической культуре населения области Дори в VI–VII вв. см.: *Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Крымские готы страны Дори (середина III–VII вв.). Симферополь, 2017. С. 149–171.

Сасанидский ложный перстень из раскопок Мангупского дворца

ции северокавказских аланов на территорию Крыма в интересующий нас период времени неизвестны. Интригующая же в рамках такой версии событий проблема соотношения разновременных аланских (готов-аланских) некрополей в округе Мангупской крепости – раннего, в балке Алмалык-дере (IV–VI вв.), и более поздних, Южный I, Южный II и Адым-Чокрак (второй половины VI – VIII в.), – пока еще серьезно не рассматривалась в историографии.

В связи с этим еще раз акцентируем внимание на собственно иранском происхождении и элитарном характере сасанидского перстня, найденного на Мангупе, и полагаем, что его, скорее всего, следует интерпретировать как обычный трофей византийского офицера, принимавшего участие в одной из многочисленных византийско-сасанидских войн второй половины VI – первой трети VII в. и затем продолжившего службу в составе гарнизона Мангупа-Дороса²⁸. Установить более точную дату этих событий практически невозможно, но нельзя не отметить при этом огромную добычу, которую получили византийцы во главе с императором Ираклием (610–641) при разграблении нескольких резиденций Сасанидов в Северном Иране (Дезеридан, Руса, Беклал, Дастагерд и др.) в ходе военной кампании 627–628 гг.²⁹ Тем более, что это была едва ли единственная военная кампания за всю историю противостояния Византии и Сасанидского Ирана, театр боевых действий которой находился на территории последнего.

Основные результаты исследования. Обнаруженный в ходе раскопок Мангупского дворца сасанидский перстень принадлежит к числу типичных ложных перстней-печаток эллипсоидной формы, изготовленных из халцедона на территории раннесредневекового Ирана, скорее всего, в позднесасанидское время. Композиция изображения на щитке печати – лежащий горный баран в сопровождении официальных символов правящей династии в государстве Сасанидов, – восходящая к легенде об основателе этой династии царе Ардашире I, ясно свидетельствует о высоком социальном статусе ее первоначального владельца.

Среди множества причин, по которым такая находка могла оказаться на Мангупе, наиболее вероятной является версия о военном

²⁸ В целом о византийском аспекте истории Сасанидского Ирана и византийско-иранских войнах второй половины VI – первой трети VII в. см.: The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars. Part II: AD 363–630. A Narrative Sourcebook / ed. G. Greatrex, S. N. C. Lieu. London ; New York, 2005. P. 135–228; *Garsoian N.* Byzantium and the Sasanians // The Cambridge History of Iran. Vol. 3 (1): The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods / ed. E. Yarshater. Cambridge, 2006. P. 568–592; *Rubin Z.* Eastern Neighbours: Persia and the Sasanian Monarchy (224–651) // The Cambridge History of Byzantine Empire, c. 500–1492 / ed. J. Shepard. Cambridge, 2008. P. 130–155.

²⁹ Свод основных византийских и армянских источников о событиях 627–628 гг. см.: The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars... P. 209–225.

трофее византийского офицера, принимавшего участие в византийско-иранских конфликтах второй половины VI – первой трети VII в. и затем продолжившего службу в составе гарнизона одной из крупнейших крепостей в Таврике. В таком случае, в нашем распоряжении появляется первое достоверное свидетельство о более сложной, чем представлялось ранее, структуре византийского воинского контингента в Доросе-Мангупе, включавшего не только союзных Византии варваров (готов и аланов), обитавших здесь, но и византийских кадровых военных офицеров, направленных сюда из других регионов империи.

REFERENCES

- Aibabin, A. I., & Khairedinova, E. A. (2017). *Krymskie goty strany Dori (seredina III–VII vv.)* [Crimean Goths in the Region of Dory (Mid-Third to Seventh Century)]. Simferopol: Antikva.
- Albegova, Z. H., & Vereshchinskii-Babailov, L. I. (2010). *Rannesrednevekovyi mogil'nik Mamisonдон: rezul'taty okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy 2007–2008 gg. v zone stroitel'stva Zaramag'skikh GES* [Early Medieval Burial Ground Mamisonдон: Results of Protective Archaeological Research 2007–2008 in the Construction Zone of Zaramag'skikh Power Station]. Moscow: Institut arkheologii RAN; TAUS.
- Afanasyev, G. E. (2016). Sasanidskaia gemma iz Nizhnelubyanskogo mogil'nika [A Sasanid Gem from Nizhnelubianskii Semetery]. *Rossiiskaia arkheologiya*, 3, 121–135.
- Borisov, A. Ya., & Lukonin, V. G. (1963). *Sasanidskie gemmy* [Sasanian Gems]. Leningrad: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha.
- Brunner, Ch. J. (1978). *Sasanian Stamp Seals in the Metropolitan Museum of Art*. New York: Publication of Metropolitan Museum of Art.
- Chunakova, O. M. (1987). (Ed.). *Kniga deianii Ardashira syna Papaka* [The Book of the Deeds of Ardashir's Son Papak]. Moscow: Nauka.
- Chunakova, O. M. (2004). *Pekhleviiskii slovar' zoroastriiskikh terminov, mificheskikh personazhei i mifologicheskikh simvolov* [Pahlavi Dictionary of Zoroastrian Terms, Mythical Personages and Mythological Symbols]. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Dmitriev, V. A. (2012). Roga barana i kryl'ia sokola: k voprosu o religioznoi simbolike v oformlenii tsarskikh koron Sasanidov [Ram's Horns and Falcon's Wings: Religious Symbolism in Sasanian Kings' Crowns]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 1(35), 144–152.
- Dushenko, A. A. (2018). Vizantiiskie raznovesy iz raskopok Mangupa [Byzantine Weights Excavated at Mangup]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 23, 255–268.
- Dushenko, A. A. (2020). Numizmaticheskii kompleks Mangup'skogo kniazheskogo dvortsa (raskopki 2006–2018 gg.): statisticheskii obzor [The Numismatic Assemblage of the Prince's Palace at Mangup (2006–2018 Excavations): Its Statistical Review]. In N. A. Alekseenko (Ed.), *XII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii Seminar*

Сасанидский ложный перстень из раскопок Мангупского дворца

“*Khersonos themata: imperiia i polis*”: *materialy nauchnoi konferentsii* [XII International Byzantine Seminar “ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Empire and Polis”: Materials of the Scientific Conference] (pp. 91–98). Simferopol: Kolorit.

Gadzhiev, M. S. (1987). Pamiatniki sasanidskoi gliptiki iz Dagestana [Monuments of Sasanian Glyptics from Dagestan]. In *Khudozhestvennaia kul'tura srednevekovogo Dagestana: sbornik statei* [Art Culture of Medieval Dagestan: Collection of Articles] (pp. 139–155). Mahachkala: Dagestanskii filial AN SSSR.

Gadzhiev, M. S. (2004). Sasanidskie gemmy so srednepersidskimi nadpisi-ami iz Dagestana [Sasanian Gems with Middle Persian Inscriptions from Dagestan]. In *Problemy drevnei istorii i kul'tury Severnogo Kavkaza* [Problems of Ancient History and Culture of the North Caucasus] (pp. 100–117). Moscow: Institut arkhologii RAN.

Garsoïan, N. (2006). Byzantium and the Sasanians. In E. Yarshater (Ed.), *The Cambridge History of Iran. Vol. 3(1): The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods* (pp. 568–592). Cambridge: University Press.

Gertsen, A. G. (2007). Sasanidskii persten' iz raspokop Mangupa [Sasanian Ring from the Excavations of Mangup]. In N. A. Alekseenko, & T. Yu. Yashaeva (Eds.), *Nebesnye patrony i zemnye sluzhiteli kul'ta: tezisy dokladov i soobshchenii IX Mezhdunarodnoi Krymskoi konferentsii po religiovedeniuiu* [Heavenly Patrons and Earthly Ministers of Worship: Abstracts of Reports of the IX International Crimean Conference on Religious Studies] (pp. 18–19). Sevastopol: Intersfera.

Gertsen, A. G., Naumenko, V. E., & Dushenko, A. A. (2018). Kniazheskii dvorets Mangupskogo gorodishcha. Stratigrafiia uchastka issledovaniia 2006–2017 gg. (predvaritel'noe soobshchenie) [Prince's Palace at the Ancient City of Mangup. Stratigraphy of the 2006–2017 Research Area (A Preliminary Communication)]. In N. A. Alekseenko (Ed.), *X Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar “Khersonos themata: imperiia i polis”*: *materialy nauchnoi konferentsii* [X International Byzantine Seminar “ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Empire and Polis”: Materials of the Scientific Conference] (pp. 53–58). Sevastopol; Simferopol: Kolorit.

Gertsen, A. G., Naumenko, V. E., & Dushenko, A. A. (2019). Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniia kniazheskogo dvortsa Mangupskogo gorodishcha [The Main Results and Prospects of Research of the Princely Palace of the Mangup Settlement]. In V. N. Zin'ko, & E. A. Zin'ko (Eds.), *XX Bosporskie chteniia “Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniia”*: *materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [XX Bosporan Readings “Bosporus of Cimmeria and the Barbarian World in the Period of Antiquity and the Middle Ages. The Main Results and Prospects of Research”: Materials of the International Scientific Conference] (pp. 139–148). Simferopol; Kerch: IP Kifnidi Georgii Ivanovich.

Greatrex, G., & Lieu, S. N. C. (Eds.). (2005). *The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars. Part II: AD 363–630. A Narrative Sourcebook*. London; New York: Routledge.

Korobov, D. S. (1999). Novyi kompleks iz mogil'nika Mokraia Balka I [New Complex from the Mokraya Balka I Burial Ground]. In V. I. Markovin (Ed.), *Drevnosti Severnogo Kavkaza: sbornik statei* [Antiquities of the North Caucasus: Collection of Articles] (pp. 161–168). Moscow: Institut arkhologii RAN.

Leontyev, A. E. (2016). Sasanidskaia pechat' iz Rostova Velikogo [A Sasanian Stamp Seal from Rostov Velikii]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii, 245*, 37–43.

Lerner, J. A. (1976). Sasanian Seals in the Department of Medieval and Later Antiquities of the British Museum. *Journal of Near Eastern Studies, 35*(3), 183–187.

Lerner, J. A. (2009). An Alan Seal. *Bulletin of the Asia Institute, 19*, 83–89.

Levina, L. M. (1996). *Etnokul'turnaia istoriia Vostochnogo Priarial'ia: I tysiacheletie do n. e. – I tysiacheletie n. e.* [Ethnic and Cultural History of the Eastern Priaralye: First Millennium BC – First Millennium AD]. Moscow: Vostochnaia literatura.

Levina, L. M., & Nikitin, A. B. (1991). Ob odnoi grupe iranskikh reznykh kammei iz Vostochnogo Priarial'ia [About One Group of Iranian Gems Found East of the Aral Lake]. *Vestnik drevnei istorii, 3*, 53–65.

Litvinsky, B. A. (1968). *Kangiuisko-sarmatskii farn (k istoriko-kul'turnym sviaziam plemen Iuzhnoi Rosii i Srednei Azii)* [Kangyui and Sarmatian Farn (to the Historical and Cultural Ties of the Tribes of Southern Russia and Central Asia)]. Dushanbe: Donish.

Malakhov, S. N. (1988). K istorii alano-iranskikh etnokul'turnykh kontaktov v rannem srednevekov'e (sasanidskaia gemma iz st. Alekseevskoi Krasnodarskogo kraia) [To the History of Alano-Iranian Ethnocultural Contacts in the Early Middle Ages (Sassanian Gem from the Alekseevskaya Station of the Krasnodar Region)]. In *Metodika issledovaniia i interpretatsiia arkheologicheskikh materialov Severnogo Kavkaza* [Methodology of Research and Interpretation of Archaeological Materials of the North Caucasus] (pp. 43–50). Ordzhonikidze: Ir.

Mekhamadiev, E. A. (2020). Persy-khurramity na sluzhbe v vizantiiskoi armii v 833–839/840 gg.: voennyi rang i funktsii persidskikh voiskovykh podrazdelenii [Persians-Khurramites in the Bizantium Military Service during 833–839/840: Military Rank and Functions of Persian Military Units]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriiya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya, 25*(6), 212–221.

Naumenko, V. E. (2020). “Latiniane” na Mangupe. Unikal'nyi zapadno-evropeiskii krest-enkolpion iz raskopok kniazheskogo dvortsa Mangupskogo gorodishcha: problemy atributsii i datirovki [The “Latins” on Mangup. Unique Western-European Cross-Enkolpion from the Excavations of Prince's Palace in Ancient Mangup: Problems of Attribution and Dating]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriiya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya, 25*(6), 100–115.

Naumenko, V. E., & Nabokov, A. I. (2021). Detali kostiuma rannevizantiiskogo vremeni iz raskopok Mangupskogo dvortsa [Early Byzantine Costume Details Excavated in the Palace of Mangup]. In N. A. Alekseenko (Ed.), *XIII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar “Khersonos themata: imperiia i polis”: materialy nauchnoi konferentsii* [XIII International Byzantine Seminar “ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Empire and Polis”]: Materials of the Scientific Conference] (pp. 201–210). Simferopol: ARIAL.

Nazarov, A. D. (2020). Persidskie immigranty v vooruzhennykh silakh rannei Vizantii [Persian Immigrants in the Armed Forces of Early Byzantium]. *Vestnik*

Сасанидский ложный перстень из раскопок Мангупского дворца

Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya, 25(6), 201–210.

Prokopenko, Yu. A. (2009). Sasanidskie gemmy (i intalii) i podrazhaniia im na pamiatnikakh Severnogo Kavkaza [Sasanian Gems (and Intaglios) and Imitations of them on the Monuments of the North Caucasus]. In *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza: sbornik nauchnykh statei* [From the Cultural History of the Peoples of the North Caucasus: a Collection of Scientific Articles] (Iss. 1, pp. 39–60). Stavropol: Grafa.

Pushkina, T. A. (2007). Suveniry Austrveg [Souvenirs from Austrvegr]. In A. E. Musin (Ed.), *U istokov russkoi gosudarstvennosti: istoriko-arkheologicheskii sbornik: k 30-letiiu arkheologicheskogo izucheniia Novgorodskogo Riurikova Gorodishcha i Novgorodskoi oblastnoi arkheologicheskoi ekspeditsii* [At the Origins of Russian Statehood: Historical and Archaeological Collection: to the 30th Anniversary of the Archaeological Study of the Novgorod Rurik Settlement and the Novgorod Regional Archaeological Expedition] (pp. 325–331). St Petersburg: Dmitrii Bulanin.

Ritter, N. C. (2012). On the Development of Sasanian Seals and Sealing Practice: A Mesopotamian Approach. In I. Regulusky, K. Duistermaat, & P. Verkinderen (Eds.), *Seals and Sealing Practice in the Near East. Developments in the Administration and Magic from Prehistory to the Islamic Period: Proceedings of an International Workshop at the Netherlands-Flemish Institute in Cairo on December 2–3, 2009* (pp. 99–114). Leuven; Paris; Walpole: Uitgeverij Peeters en Department Oosterse Studies.

Ritter, N. C. (2017). Gemstones in Pre-Islamic Persia: Social and Symbolic Meanings of Sasanian Seals. In A. Hilgner, S. Greiff, & D. Quast (Eds.), *Gemstones in the First Millennium AD: Mines, Trade, Workshops and Symbolism* (pp. 277–292). Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums.

Rubin, Z. (2008). Eastern Neighbours: Persia and the Sasanian Monarchy (224–651). In J. Shepard (Ed.), *The Cambridge History of Byzantine Empire, c. 500–1492* (pp. 130–155). Cambridge: University Press.

Shenkar', M. A. (2013). Ob ikonografii x'arənah i ego roli v ideologii drevnikh iranecv [About the Iconography of x'arənah and Its Role in the Ideology of the Ancient Iranians]. In *Poslednii entsiklopedist: k iubileiu B. A. Litvinskogo* [The Last Encyclopedist: to the Anniversary of B. A. Litvinsky] (pp. 427–451). Moscow: Institut vostokovedeniia RAN.

Smirnova, N. M. (2012). Gliptika Sasanidskogo Irana [Glyptic of Sasanian Iran]. In *Mir v miniatiure. Gemmy iz sobraniia Gosudarstvennogo Muzeia izobrazitel'nykh iskusstv im. A. S. Pushkina: katalog* [The World in Miniature. Gems from the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts: Catalog] (pp. 50–81). Moscow: Izdatel'stvo GMII im. A. S. Pushkina.

Spier, J. (1992). *Ancient Gems and Finger Rings: Catalogue of the Collections*. Malibu: The J. Paul Getty Museum.

Treadgold, W. (1988). *The Byzantine Revival, 780–842*. Stanford: Stanford University Press.

Veshnyakova, K. V. (1995). Sasanidskaia pechat' iz Gnezdova [Sasanian Seal from Gnezdovo]. In V. M. Masson, & D. G. Savinov (Eds.), *Drevnie kul'tury i tekhnologii: novye issledovaniia molodykh arkheologov Sankt-Peterburga* [Ancient

В. Е. Науменко, А. Г. Герцен

Cultures and Technologies: New Research by Young Archaeologists of St Petersburg] (pp. 64–70). St Petersburg: IIMK RAN; SPbGU.

Zukerman, K. (1997). К вопросу о ранней истории фемы Kherson [To the Question of the Early History of the Kherson Theme]. In *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik* [Bakhchisarai Historical and Archaeological Collection] (Iss. 1, pp. 312–323). Simferopol: Tavriia.

Науменко Валерий Евгеньевич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории древнего
мира и средних веков
Крымский федеральный
университет им. В. И. Вернадского
295007, Симферополь,
пр. Вернадского, 4
E-mail: byzance@rambler.ru

Герцен Александр Германович

кандидат исторических наук, декан
исторического факультета
Крымский федеральный
университет им. В. И. Вернадского
295007, Симферополь,
пр. Вернадского, 4
E-mail: gertsenag@yandex.ru

Naumenko, Valerii Evgen'evich

PhD (History), Associate Professor
Ancient and Mediaeval History Department
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
4 Vernadsky Ave, 295007, Simferopol,
Russia
Email: byzance@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2590-6314>
ResearcherID: W-7627-2018
Scopus AuthorID: 57214230180

Gertsen, Aleksandr Germanovich

PhD (History), Dean
Faculty of History
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
4 Vernadsky Ave, 295007, Simferopol,
Russia
Email: gertsenag@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1586-5886>
ResearcherID: AAU-9228-2020

А. Ю. Виноградов

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия*

В. Н. Чхаидзе

*Институт археологии РАН
Москва, Россия*

ПЕЧАТЬ КОНСТАНТИНА, СЫНА ПРОТОПРОЕДРА И ЭКСУСИОКРАТОРА ВСЕЙ АЛАНИИ (ок. 1065–1075 гг.)

В статье предлагается исправленное чтение печати, происходящей из раскопок Анакопии (Абхазия), которая принадлежала Константину, сыну протопроедра и эксусиократора всей Алании. Палеография печати позволяет датировать ее второй половиной XI в., но исторический контекст и титул протопроедра сужают эту дату до интервала 1065–1075 гг. Находка может быть связана с византийско-грузинским конфликтом, произошедшим из-за Анакопии, вероятно, с переговорами о ее возвращении грузинскому царю, которые произошли вскоре после 1074 г. Узкая хронология печати говорит в пользу идентификации аланского эксусиократора как Дорголела (упомянутого в 1068 г.), что исключает возможность того, что Константин – владелец печати и Константин Алан, упомянутый в 1045–1047 гг., являлись одним и тем же лицом. Владелец печати Константин, возможно, наследник Дорголела, мог быть братом Ирины, жены протопроедра Исаака Комнина, и присуждение того же высокого титула его отцу в 1065–1075 гг. указывает на византийско-аланский союз, который позволил сделать возможным брак Ирины и Исаака Комнина в 1072 г. и участие 6 000 аланских всадников в подавлении восстания Русселя де Байё в 1073–1074 гг. Уникальный титул «эксусиократор всей Алании», засвидетельствованный на печати и в списке митрополитов Болгарии, вероятно, может быть отражением борьбы аланского правителя против центробежных тенденций в его владениях в течение XII в.; его последующее исчезновение предполагает, что титул мог быть разовой, ситуативной инвенцией Дорголела.

Ключевые слова: Византия; византийская сфрагистика; просопография; Анакопия; Алания; Грузия

Цитирование: *Виноградов А. Ю., Чхаидзе В. Н.* Печать Константина, сына протопроедра и эксусиократора всей Алании (ок. 1065–1075 гг.) // Античная древность и средние века. 2021. Т. 49. С. 115–134. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.008>

Поступила в редакцию: 27.06.2021

Принята к печати: 11.10.2021

A. Ю. Виноградов, В. Н. Чхайдзе

Andrey Yu. Vinogradov

*National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russia*

Victor N. Chkhaidze

*Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia*

**SEAL OF KONSTANTINOS, THE SON
OF THE PROTOPROEDROS AND EXOUSIOKRATOR
OF ALL ALANIA (ca 1065–1075)**

This paper offers a correct reading of a lead seal excavated at Anakopia which belonged to Konstantinos, the son of the protoproedros and exousiokrator of all Alania. Although the palaeography of the seal dates it to the second half of the eleventh century, the historical context and the title of protoproedros makes the chronology narrow, as 1065–1075. This find can be linked to the Byzantine-Georgian conflict over Anakopia and probably to the negotiations on returning the town to the Georgian king which happened shortly after 1074. The narrow chronology of the seal speaks in favour of the identification of the Alanian exousiokrator as Dorgholel (mentioned in 1068), thus excluding the possibility that Konstantinos of the seal and Konstantinos Alanos (mentioned in 1045–1047) were the same person. The former Konstantinos, a possible heir to Dorgholel, might be a brother of Irene, the wife of protoproedros Isaak Komnenos, so the same high title given to his father in 1065–1075 points to a Byzantine-Alan alliance which made possible the marriage of Irene and Isaak Komnenos in 1072 and the participation of 6,000 Alanian horsemen in suppressing Rousset de Bailleul's revolt in 1073–1074. The unique title of “exousiokrator of all Alania” attested on the seal and in the list of the metropolitans of Bulgaria possibly reflected the struggle of the Alanian ruler against centrifugal tendencies in his domain during the twelfth century; its later disappearance suggests that this title was a Dorgholel's situational invention.

Keywords: Byzantium; byzantine sigillography; prosopography; Anakopia; Alania; Georgia

For citation: Vinogradov, A. Yu., & Chkhaidze, V. N. (2021). Pechat' Konstantina, syna protoproedra i eksusiokratora vsei Alanii (ok. 1065–1075 gg.) [Seal of Konstantinos, the Son of the Protoproedros and Exousiokrator of All Alania (ca 1065–1075)]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 49, 115–134. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.008>

Submitted: 27.06.2021

Accepted: 11.10.2021

Печать Константина

В 2015 г. при раскопках привратной башни Анакопийской крепости был обнаружен и вскоре введен в научный оборот византийский моливдовул¹. Однако ошибка в прочтении и излишне вольная интерпретация исторического контекста печати заставляют обратиться к повторной публикации этого памятника (см. иллюстрацию). Диаметр печати – 27 мм, толщина пластинки – ок. 4 мм, вес – 24,5 г.

Аверс. Изображение св. Георгия в рост, с нимбом, безбородого, с пышными, волнистыми волосами. Святой в доспехах и плаще, через правое плечо пропущен ремень; в правой руке держит копье, а левой рукой опирается на щит с острым вытянутым умбоном. По сторонам колончатая надпись:

ΟΑ-ΓΙ-ΟC || ΓΕ-ΩΡ-ΓΙ-Ο = Ὁ ἅγιος Γεώργιος(ς) – Святой Георгий.

Реверс. Семистрочная надпись в ободке:

+KĒR,Θ, | ΤΩCΩΔΥ, | ΚΩΝΤΩCΩ | ΤΥΑΠΡ,ΕΔΡ, | CΕΙΥC,ΚΡΑ | ΤΩΡ,ΠΑCΗC | ΑΛΑΝΙ, | √ ∴ √ = † Κ(ύρι)ε β(οή)θ(ει) | τῷ σῶ(δο)ύ(λω) | Κων(σταντίνω) τῷ υ(ι)ῷ | τοῦ (πρωτο)πρ(ο)έδρ(ου) | (καὶ) ἐξουc(ιο)κρά- | τωρ(ος) λάcηc | Αλανί(ας) – + Господи, помоги Своему рабу Константи-
ну, сыну протопроедра и эксусиократора всей Алании.

Печать Константина, сына протопроедра и эксусиократора всей Алании
(ок. 1065–1075 гг.). Музей Абхазского царства, Новый Афон. 2015

A Seal of Konstantinos, the son of the protoproedros and exousiokrator of all Alania
(ca 1065–1075). Museum of the Abkhazian Kingdom, New Athos. 2015

¹ *Аргун А. Г.* Вислая печать из привратной башни Анакопийской крепости // VI «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа «Проблемы изучения погребального обряда народов Западного Кавказа в древности и средневековье». Краснодар, 2016. С. 4–8. Рис. 2, 1.

По палеографии моливдовул датируется второй половиной XI в. С 1033 г. Анакопия перешла в руки византийцев и была центром фемы («Сотириуполя и Анакопии»²), пока вскоре после 1074 г. крепость не вернул грузинский царь Георгий II (1072–1089)³. Появление здесь византийской печати XI в. следует связывать с фемным периодом, так как после этого Анакопия теряет свое политическое значение и в источниках долгое время больше не упоминается.

В публикации А. В. Аргуна слово υ(ι)ϕ «сыну» пропущено, и печать приписана самому эксусиократору Алании по имени Константин, что привело к неверной ее интерпретации.

Обратимся к персонажам печати – «протопроедру и эксусиократору всей Алании» и его сыну Константину.

Иоанн Скилица под 1045 г. упоминает командующего византийскими войсками под Двином, магистра Константина Алана⁴; он же в 1047 г. в должности стратига командовал войсками в Иверии⁵. Судя по всему, это тот же Константин Алан, имя которого в ранге проедра, в виде круговой надписи выгравировано на дне серебряной чаши византийского круга XI в. († Κ(ύρι)ε βοήθει Κωνσταντίνω προέδρω τῷ Αλανῷ), происходящей из клада в Татар Пазарчике (Болгария). По мнению опубликовавших клад исследователей, его владельцем являлся тот же Константин Алан⁶. Личная печать Константина Алана, без указания титулов (вторая половина XI в.), происходит из крепости Петрич (совр. Асеновград, Болгария)⁷; еще одна, аналогичная, –

² *Seibt W., Jordanov I.* Стратηγὸς Σοτηριουπόλεως καὶ Ανακοπίας. Ein mittelbyzantinisches Kommando in Abchazien (11. Jahrhundert) // SBS. 2006. Vol. 9. S. 234–235.

³ Карглис Цховреба. История Грузии / гл. ред. Р. Метревели. Тбилиси, 2013. С. 154.29–35, 156.5–8, 163.29–30; *Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю.* Храмовая архитектура Анакопийской крепости // Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости. СПб., 2011. С. 82–84; *Seibt W.* The Byzantine Thema of Soteriupolis–Anakopia in the 11th Century // Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences. 2012. Vol. 6. № 2. P. 174–176.

⁴ *Ioannis Scylitzae.* Synopsis Historiarum. Editio Princeps / rec. I. Thurn. Berlin, 1973 (Corpus Fontium Historiae Byzantinae; Vol. V). P. 437.37–38, 439.59; ср.: *Малахов С. Н.* Алания и Византия. Источниковедческие аспекты политических и церковных связей. М., 2015. С. 158.

⁵ *Regesten der Kaiserurkunden Oströmisches Reiches von 563–1453.* 2. Teil / bearb. von F. Dölger. 2 Aufl. München, 1995. № 882.

⁶ *Ballian A., Drandaki A.* A Middle Byzantine silver treasure // Μουσείου Μπλενάκη. 2003. Т. 3. P. 65. Fig. 22; *Йорданов И.* Относно притежателя на сребърния сервиз от Величково, Пазарджишко // Известия на Националния археологически институт. XLI. In honorem professoris Георги Кузманов. София, 2013. С. 521–535. Обр. 1.

⁷ *Йорданов И. I.* Jordanov. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria; in 3 vols. Sofia, 2003, 2006, 2009. Addenda et Corrigenda (2) // България в европейската култура, наука, образование, религия. Шумен, 2015. Ч. 1. С. 261–262. № 96 (1811a). Обр. 96.

из крепости Акве Калиде (Фермополис) (совр. Бургас, Болгария)⁸. Помимо этого, в собрании Dumbarton Oaks хранится еще одна личная печать Константина Алана, без указания титулов, а также печать неизвестного по имени проедра из рода Аланов: оба моливдовула датируются второй четвертью XI в.⁹

Если наша печать принадлежала этому Константину Алану, то, судя по отсутствию титула, она должна датироваться ранним этапом его карьеры, до 1045 г., что, однако, менее вероятно по палеографическим и – особенно – историческим соображениям (см. ниже). Существует также вероятность, что имя Алан у этого Константина не этническое, а родовое – в истории Византии существует немало примеров, когда первый представитель «варварского» семейства, поступив на византийскую службу, носил лишь собственное или же этническое имя, но его потомки затем присоединяли его к своим именам в качестве патронима¹⁰. Известны печати следующих людей с фамильным (?) именем Аланы¹¹:

Γρηγόριος υἱὸς Δαυὶδ (τῷ Ἀλανῶ) – Григорий Алан, сын Давида (X в.)¹²;

Σεργίῳ τοῦ Ἀλανοῦ – Сергей Алан, протоспафарий (первая половина XI в.)¹³;

Νικέταν τὸν Ἀλανόν – Никита Алан (вторая половина XI в.)¹⁴;

Γριγορίῳ τῷ Ἀλάνῳ – Григорий Алан (вторая половина XI в.), *cursus honorum* которого представлен следующим образом: патрикий

⁸ Тодоров Т. Византийские печати от Акве Калиде – Термополис // In Honorem 6. ANTIXAPISMATOS EΠIΣΦPAΓIΣIE. Юбилеен сборник въ чест на 70-годишната на проф. д.и.н. Иван Йорданов / отв. ред. Т. Тодоров. Шумен, 2019. С. 459, 460. № 2. Обр. 2.

⁹ Seibt W. Metropoliten und Herrscher der Alanen auf byzantinischen Siegeln des 10.–12. Jahrhunderts // Сфрагистика и история культуры : сб. науч. тр., посвящ. юбилею В. С. Шандровской. СПб., 2004. С. 56. Fußnotes 48–49; Йорданов И. I. Jordanov. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria... С. 262.

¹⁰ Ср.: Алексеевко Н. А. Инородцы на службе Византии (по данным херсонских моливдовулов) // XXIX чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто «Восточная Европа в древности и средневековье. Античные и средневековые общности» : материалы конф. / отв. ред. Е. А. Мельникова. М., 2017. С. 10.

¹¹ Чхаидзе В. Н. Византийско-абхазские и византийско-аланские связи по данным памятников сфрагистики // Средневековые искусства и ремесла : К 90-летию Т. И. Макаровой. М., 2021. С. 75–80. Рис. 2, 1–14.

¹² Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. 3. Sofia, 2009. P. 602–603. No 1811; Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. История и искусство христианской Алании. 2-е изд., испр. М., 2021. С. 26. Рис. 2.

¹³ Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-C. Sceaux de la collection George Zacos au Musée d'art et d'histoire de Genève. Milan, 2016. P. 218. No 193.

¹⁴ Йорданов И. I. Jordanov. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria... С. 262. № 97 (1812в). Обр. 97.

и стратиг¹⁵, анфипат и катепан¹⁶, протопроедр и дука¹⁷; известны и две частные печати этого функционера¹⁸;

Νικηφόρῳ τῷ Ἀλανῶ – Никифор Алан, вестарх и катепан Херсона и Хазарии (вторая половина XI в.)¹⁹;

Λεοντίῳ τοῦ Ἀλανοῦ – Леонтий Алан, протоспафарий и ипат (третья четверть XI в.)²⁰;

Γεωργίου τῷ Ἀλανῶ – Георгий Алан (последняя треть XI в.)²¹.

Хотя перечисленные выше персонажи с именем Алан или их предки и были, конечно, выходцами из Алании, большое их число показывает, что вряд ли все они были детьми аланского эксусиократора. Поэтому и совпадение распространенного имени Константин у византийского военачальника Константина Алана и сына эксусиократора Алании может быть случайным. Следует отметить также именование последнего не аланским, а только христианским именем, известное нам для двух аланских эксусиократоров – Давида и Гавриила (см. ниже). Именование владельца греческой печати лишь сыном эксусиократора, без перечисления собственных византийских титулов или должностей, показывает, что он не состоял на службе империи, подобно самим аланским эксусиократорам, и представляет себя на моливдобуле как независимого от Византии сына и, возможно, наследника аланского правителя.

Указание на то, что владелец печати являлся «сыном такого-то» (υἱοῦ τοῦ...; τῷ υἱῶ...), в легендах византийских печатей встречается не часто, однако, как в нашем случае, известны написания с сокращением «Йоты»²².

¹⁵ *Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. 2 : Byzantine Seals with Family Names. Sofia, 2006. P. 46–47. No 21–22; Idem. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. 3. P. 501. No 1524–1525.*

¹⁶ *Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-C. Sceaux de la collection George Zacos... P. 102. No 84.*

¹⁷ *Seibt W. Metropoliten und Herrscher der Alanen... S. 56. Fußnote 47; Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. 2. P. 47.*

¹⁸ *Seibt W. Metropoliten und Herrscher der Alanen... S. 56. Fußnote 46; Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. 2. P. 47.*

¹⁹ *Алексеевко Н. А., Цепков Ю. А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // XC. 2012. Вып. 17. С. 8–10. Рис. 1; Алексеевко Н. А. Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики. 1. Чиновники Херсона VIII–XI вв. Севастополь, 2017. С. 166, 424–426. № IV. 1.1.*

²⁰ *Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-C. Sceaux de la collection George Zacos... P. 214. No 189.*

²¹ *Seibt W. Metropoliten und Herrscher der Alanen... S. 56. Fußnote 50; Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-C. Sceaux de la collection George Zacos... P. 218. Note 6.*

²² *Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals. Vol. 1. Basel, 1972. P. 1504. No 2713; Zacos G. Byzantine Lead Seals. Vol. 2. Berne, 1984. P. 442. No 1002; Stavrakos Ch. Die byzantinische Bleisiegel mit Familiennamen aus der Sammlung des Numismatischen Museums Athen. Wiesbaden, 2000. S. 405; Wassiliou A.-K., Seibt W. Die byzantinische Bleisiegel in Österreich. Teil 2 : Zentral- und Provinzialverwaltung. Wien, 2004. S. 98. No 73; Wassiliou-Seibt A.-K. Corpus der byzantinischen Siegel mit metrischen Legenden. Teil 1 : Einleitung, Siegellegenden von Alpha bis inclusive My. Wien, 2011. S. 614. No 1462.*

Существуют и печати, владельцы которых без указания на свои титулы и должности раскрывают родственные отношения – здесь особо показательны печати ряда членов рода Комнинов²³. Особо отметим датированную 1081–1091 гг. печать Иоанна Комнина, сына севастократора, происходящую из Симеиза (Крым), с легендой: Κ(ύρι)ε βοήθ(ε)ι τῷ σῶ δ(οῦ)λῳ Ἰω(άννη) Κομνηνῷ τῷ υ(ί)ῳ τοῦ σεβαστοκράτορος²⁴. Владелец печати – Иоанн Комнин (1073 – до 1136), сын протопроедра, а затем севастократора Исаака Комнина и Ирины Аланской (см. ниже), племянник императора Алексея I Комнина (1081–1118)²⁵.

Ближе всего к нашему моливдовулу стоит найденная в Антиохии печать Ирины протопроедриссы, дочери эксусиократора Алании (Θ(εοτό)κε β(οή)θ(ε)ι τῇ σῇ δούλῃ Ἠρήνῃ (πρωτο)προεδρί(σ)σα, τῇ θυγατρὶ τοῦ ἐξουσιοκράτορος(ος) Ἀλλανίας). Дата печати установлена в пределах 1072–1077 гг., так как в это время супруг Ирины – Исаак Комнин – носил титул протопроедра и был направлен в качестве дуки в Антиохию. Печать Ирины была использована для совместного послания (второй оттиск) с Михаилом Таронитом, куропалатом – ее зятем (мужем золовки)²⁶. Указание Никифора Вриенния²⁷, что Ирина была дочерью «архонта Алании» и двоюродной сестрой

²³ Шандровская В. С. Родственные связи по данным византийских печатей // МОСХОВΙΑ. Проблемы византийской и классической филологии. К 60-летию Б. Л. Фонкича. М., 2001. С. 474–478; Византийская сфрагистика в трудах В. С. Шандровской / под ред. Е. В. Степановой. СПб., 2019. С. 185–195.

²⁴ Алексеенко Н. А. Печать аристократа Иоанна Комнина с Южного берега Крыма: новые данные к сфрагистической карте // МАИЭТ. 2013. Т. 18. С. 405–410. Рис. 1.

²⁵ См.: Βαρζός Κ. Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν. Θεσσαλονίκη, 1984. Т. 1. Σ. 68–71, 174–176.

²⁶ Theodoridis D. Ein byzantinisches Bleisiegel mit zwei Prägungen aus dem 11. Jahrhundert // SBS. 1990. Vol. 2. S. 61–65; Cheynet J.-C., Theodoridis D. Sceaux byzantins de la collection D. Theodoridis. Les sceaux patronymiques. Paris, 2010. P. 210–211. No 201; Шандровская В. С. Печать аланской принцессы // Spicilegium Byzantino-Rossicum : сб. ст. к 80-летию члена-корреспондента РАН И. П. Медведева. М. ; СПб., 2015. С. 339, 342–343. Ил. 2; Византийская сфрагистика в трудах В. С. Шандровской... С. 285–289. Ил. 2. В собрании Fogg Museum of Art находится еще одна печать (но другой пары матриц) Ирины протопроедриссы, дочери эксусиократора [Алании] (McGeer E., Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 5 : The East (continued), Constantinople and Environs, Unknown Locations, Addenda, Uncertain Readings. Washington, 2005. P. 151–152. No 116.1; Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. История и искусство христианской Алании... С. 33. Рис. 8).

²⁷ Nicéphore Bryennios. Histoire / introd., texte, trad. et notes par P. Gautier. Bruxelles, 1975. P. 143, 183.

(ἐξάδελφή)²⁸ Марии Аланской²⁹, жены Михаила VII Дуки (1071–1078)³⁰, а затем Никифора III Вотаниата (1078–1081)³¹, которая была дочерью Борены – сестры аланского правителя Дорголела, заставляет видеть в Ирине дочь последнего – «великого царя овсов»³² (или, что менее вероятно, его брата, также правителя Алании)³³.

При всем сходстве двух печатей – вплоть до пары титулов протопродр и эксусиократор – следует обратить, однако, внимание на одно важное различие: если Ирина названа на своей печати «дочерью эксусиократора Алании», то Константин – «сыном протопроедра и эксусиократора всей Алании», т. е. у их анонимного отца / отцов различаются как византийский, так и «аланский» титулы. Это обстоятельство заставляет предположить, что либо речь идет о двух разных эксусиократорах Алании, либо печати различаются по времени или статусу, либо на печати Ирины дополнительные титулы опущены из-за недостатка места.

²⁸ Ее племянницей – другое значение слова ἐξάδελφή – Ирина быть не могла, так как брат Марии, сын Баграта, вряд ли стал правителем алан, и уже тем более не мог «архонтом Алании» именоваться грузинский царь Георгий II (как в: Prosopography of the Byzantine World, Georgios 63). Против этого говорит и замужество Ирины и Марии в один и тот же год. Неясно также, на каком основании В. Зайбт (*Seibt W. Metropolit und Herrscher der Alanen... S. 54*) считает ее аланкой-севойтой, любовницей Константина IX Мономаха (1042–1055) (о ней см.: *Малахов С. Н. Алания и Византия... С. 149–153*), ведь только со смерти последнего до 1072 г. прошло 17 лет. По хронологии та годится скорее в дочери эксусиократору Гавриилу (*Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. История и искусство христианской Алании... С. 33. Сноска 162*).

²⁹ Известна ее печать, датированная 1071–1081 гг. с легендой: *Μαρία εὐσε[βαστάτη αὐτοῦστα]* (*Seibt W. Zukunftsperspektiven der byzantinischen Siegelkunde – Auf welchen Gebieten sind die bedeutendsten Wissenszuwächse zu erwarten? // "Πλειρόνδε. Proceedings of the 10th International Symposium of Byzantine Sigillography. Ioannina, 2011. S. 30. Abb. 8*).

³⁰ Известна их совместная печать, датированная 1071–1078 гг. (*Cheyne J.-C., Gökylürüm T., Bulgurlu V. Les sceaux byzantins du Musée Archéologique d'Istanbul. Istanbul, 2012. P. 64–65. No 1. 39*).

³¹ О ней см.: *Нодия И. М. Грузинские материалы о византийской императрице Марфе-Марии // Византиноведческие этюды. Тбилиси, 1978. С. 146–155; Цулая Г. В. Абхазия и абхазы в контексте истории Грузии (Домонгольский период). М., 1995. С. 129–130; Garland L., Ripp S. Mary of "Alania": Woman and Empress between Two Worlds // *Byzantine Women: Varieties of Experience 800–1200 / ed. L. Garland. London, 2006. P. 91–124*.*

³² Картлис Цховреба. *История Грузии... 154.27–28, 161.37–40*.

³³ *Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Нижний Архыз и Сенты – древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Кавказа. М., 2011. С. 56; Их же. История и искусство христианской Алании... С. 33; ср.: Малахов С. Н. Алания и Византия... С. 82.*

Печать Константина

Эксусиократор – устойчивое византийское титулование правителей Алании в середине X – середине XII в., впервые встречающееся у Константина Багрянородного³⁴ около 950 г.

О Давиде, эксусиократоре Алании, и Марии эксусиократиссе сообщает строительная надпись 965 г. в Сентинском храме в долине р. Теберда (Δα(υι)δ̅ ἐξουσιωκράτορ(ος) Ἀλανίας κ(αι) Μαρίας ἐξουσιωκράτορίσσης). Оба, по всей видимости, супруги, в других источниках не встречаются³⁵.

Давно известна датированная 1030-ми – началом 1040-х гг. печать Гавриила, эксусиократора Алании († Γαβριήλ ἐξουσιοκράτορ(ος) Ἀλανίας)³⁶. Судя по датировке печати, Гавриил являлся предшественником (отцом?) уже упомянутого Дорголела³⁷.

Эксусиократор Росмик (Ἀλανὸς Ῥωσμίκης... τὸν ἐξουσιοκράτορα Ῥωσμίκην) упомянут Анной Комниной под 1107/1108 г., когда он в качестве союзника императора участвовал в боях против норманнов в Эпире³⁸. Известна печать Росмика (начало XII в.), в легенде которой он предпочитает именовать себя высоким византийским титулом севаста († Κ(ύρι)ε β(οή)θ(ει) τῷ σῶ δ(ούλω) σεβαστ(ῶ) ὁ Ῥωσμίκη(ς))³⁹. Вероятно, христианским именем Росмика было Андрей: на аверсе печати помещено изображение апостола Андрея в рост⁴⁰.

³⁴ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / ed. G. Moravcsik. 2nd ed. Washington D. C., 1967. P. 62, 64; Constantin VII Porphyrogenete. Le Livre des ceremonies. (Ch. 1–92) / ed. A. Vogt. Paris, 1935–1939. T. 2. P.688; Малахов С. Н. Византийский титул правителя Алании // Славяне и их соседи. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы : тезисы XIV конференции. М., 1995. С. 19–20.

³⁵ Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Нижний Архыз и Сенты... С. 44, 241–245; *Их же*. История и искусство христианской Алании... С. 26. Рис. 3.

³⁶ Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire Byzantin. Paris, 1884. P. 429–431; Лухачев Н. П. Историческое значение итало-греческой иконописи. Изображения Богоматери в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых православных русских икон. СПб., 1911. С. 77. Рис. 162; Seibt W. Metropoliten und Herrscher der Alanen... S. 54. Abb. 3; Шандровская В. С. Печать аланской принцессы... 339–340. Ил. 3; Византийская сфрагистика в трудах В. С. Шандровской... С. 285–289. Ил. 3.

³⁷ Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Нижний Архыз и Сенты... С. 54–55; *Их же*. История и искусство христианской Алании... С. 31. Рис. 6.

³⁸ Annae Comnenae. Alexias. Editio Princeps / rec. D. R. Reinch, A. Kambylis. Berlin, 2001 (Corpus Fontium Historiae Byzantinae ; Vol. XL). P. 41, 53.

³⁹ Seibt W. Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. 1. Teil. Kaiserhof. Wien, 1978. S. 311–312. No 170; *Idem*. Metropoliten und Herrscher der Alanen... S. 54–55. Abb. 4; Seibt W., Zarnitz M.-L. Das byzantinischen Bleisiegel als Kunstwerk : Katalog zur Ausstellung. Wien, 1997. S. 133–135. No 3.2.11.

⁴⁰ Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Нижний Архыз и Сенты... С. 56–57; *Их же*. История и искусство христианской Алании... С. 33–34. Рис. 9; Малахов С. Н. Алания и Византия... С. 77.

Последнее упоминание титула эксусиократора встречается на печати середины XII в. Иоанна Хотеситана, эксусиократора Алании (Ἰω(άννη) ἐξουσιοκράτορι Ἀλανίας τῷ Хотеситάνη)⁴¹. Этого персонажа можно отождествить с упоминаемым под 1153/1154 г.⁴² овским царем Худданом (Худаданом), на чьей дочери Бурдухан (ум. в 1172 г.) был женат грузинский царь Георгий III (1156–1184)⁴³.

Анализ эпитета πάσης перед топонимом на византийских печатях показывает, что на протяжении конца X – первой половины XII в. в империи существовало различие в обозначении территорий и областей на печатях их правителей. С одной стороны, добавление πάσης в случае с Западом (πάσης Δύσεως), Востоком (πάσης Ανατολῆς) (или вместе с этими областями – πάσης Ανατολικῶν καὶ Δύσεως), Азией (πάσης Ασίας), Болгарией (πάσης Βουλγαρίας) и Хазарией (πάσης Χαζαρίας) было связано с какими-либо экстраординарными событиями на этих территориях, требовавшими не только назначения туда энергичных функционеров, но и расширения их полномочий, причем как с большим территориальным охватом – подчинением им всех соответствующих фем, так и с широким привлечением административных и военных ресурсов⁴⁴.

С другой стороны, за пределами империи узус употребления этого эпитета может варьироваться. Так, митрополичий титул πάσης Οὐγγροβλαχίας⁴⁵ просто указывает на власть его носителя над всей новоучрежденной Угровлахийской митрополией. Напротив, титул πάσης Ρωσίας появляется на печати Всеволода Ярославича, вероятно, после распада «триумvirата Ярославичей» и его вокняжения в Киеве в 1076 г.⁴⁶, а на печатях киевских митрополитов – с Константина II (1167–1169), при котором был окончательно преодолен раскол Русской церкви, спровоцированный «неканоничным» избранием на престол Клима

⁴¹ Seibt W. Metropoliten und Herrscher der Alanen... S. 55. Abb. 5.

⁴² Картлис Цховреба. История Грузии... С. 228.

⁴³ Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Нижний Архыз и Сенты... С. 59–60; *Их же*. История и искусство христианской Алании... С. 35–36. Рис. 10; Малахов С. Н. Алания и Византия... С. 145.

⁴⁴ Чхаидзе В. Н. «Хазария» XI века: к вопросу о локализации (по данным византийских моливдовулов). М., 2016. С. 17–20.

⁴⁵ Das Register des Patriarchats von Konstantinopel. 3. Teil. Edition und Übersetzung der Urkunden aus den Jahren 1350–1363 / Hrsg. J. Koder, M. Hiterberger, O. Kresten. Wien, 2001. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae; Vol. XIX/3). S. 414, 416.

⁴⁶ Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals... P. 1474. No 2694; Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 1 : Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea. Washington, 1991. P. 192. No 85.1; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 3 : Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М., 1998. С. 20–21, 114. № 22а.

Смолятича⁴⁷. В таком контексте следовало бы предполагать разделение Алании до упомянутого в нашей печати эксусиократора «всей Алании», как минимум, на две части, что действительно прослеживается для XII в.⁴⁸ Проблема здесь заключается, однако, в том, что и до, и после второй половины XI в., к которой относится наша печать, все аланские правители титулуются в своих надписях и на своих печатях до середины XII в. просто «эксусиократорами Алании», без добавления слова «всей» (Давид и Гавриил – до, Росмик и Иоанн Хотеситан – после, отец Ирины – одновременно).

Эту ситуацию осложняют еще два обстоятельства. Во-первых, под актами Константинопольского собора 1347 г. стоит такая подпись Аланского иерарха: Ὁ ταπεινὸς μητροπολίτης πάσης Ἀλανίας καὶ Σωτηριουπόλεως καὶ ὑπέρτιμος Λαυρέντιος («Смирренный митрополит всей Алании и Сотиириуполя и ипертим Лаврентий»)⁴⁹. Правда, здесь преемственность со светской титулатурой XI в. весьма сомнительна: скорее, причиной появления аналогичного титула стало выделение из Аланской митрополии ок. 1317 г. Кавкасийской митрополии, которая могла быть присоединена обратно как раз в 1347 г.⁵⁰, ибо в других документах того же времени упоминается просто «митрополит Алании».

Во-вторых, в списке митрополитов Болгарии мать Иоанна-Адриана Комнина – уже известная нам Ирина – названа τῆς θυγατρὸς τοῦ πανευγενεστάτου ἐξουσιοκράτορος πάσης Ἀλανίας («дочь всеблагороднейшего эксусиократора всей Алании»)⁵¹. М. В. Бибиков видит за этим титулом то, что «Алания представляется крупным

⁴⁷ *Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'Empire Byzantin. T. 5 : L'église. Paris, 1963. P. 606–607. No 790; Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1 : Печати X – начала XIII в. М., 1970. С. 49–52, 175–176. № 51.1–3; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2000 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 2001. Вып. 15. С. 182, № 51.4; Их же. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2002 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 2003. Вып. 17. С. 354. № 51. 5; ср.: Купчанис А. А. Датированные печати иерархов Русской церкви (домонгольский период) // Церковная археология. СПб., 1998. Вып. 4. С. 155.*

⁴⁸ *Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Нижний Архыз и Сенты... С. 58–62; Их же. История и искусство христианской Алании... С. 36–37.*

⁴⁹ *Das Register des Patriarchats von Konstantinopel. 2. Teil. Edition und Übersetzung der Urkunden aus den Jahren 1337–1350 / Hrsg. H. Hunger, O. Kresten, E. Kislinger, C. Supane. Wien, 1995 (Corpus Fontium Historiae Byzantinae ; Vol. XIX/2). S. 382; Антонин [Капустин], архим. Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // ЗООИД. 1867. Т. 6. С. 472; ср.: Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992. С. 117.*

⁵⁰ *Капитанов Д. В. Кавкасийская митрополия // Православная энциклопедия. М., 2012. Т. 29. С. 67–68.*

⁵¹ *Stiennon L. Notes de titulature et de prosopographie byzantines: Adrien (Jean) et Constantin Comnène, sébastes // REB. 1963. T. 21. P. 180.*

государственным образованием, возможно, даже политическим объединением различных социальных единиц»⁵². С. Н. Малахов, напротив, интерпретирует его в смысле полноты власти эксусиократора, но предполагает здесь почему-то влияние церковной титулатуры на светскую⁵³, хотя церковный титул «митрополит всей Алании», как мы видели, появляется только в 1347 г.⁵⁴

Для нас же важно, что титул «эксусиократор всей Алании» оказывается применен, причем дважды, именно к Дорголелу и потому не может быть случайным совпадением: очевидно, что тот действительно его использовал. Остается лишь гадать, что именно заставило Дорголела принять этот вскоре (уже при Росмике) вышедший из употребления титул. В любом случае, таким титулом Дорголел и вслед за ним Константин подчеркивают высокий статус аланского эксусиократора и его реальную (в случае Константина – будущую) власть над всей Аланией, на что дополнительно указывает и титул протопроедра.

Титул «протопроедр» появляется в конце 1050-х – начале 1060-х гг. и вплоть до 1080-х гг. сохраняет статус очень высокого почетного титула, который присваивался небольшому количеству лиц – в основном близким родственникам императора, а также самым высокопоставленным сановникам империи. В 1080–1090-е гг., в связи с реформой византийской ранговой иерархии, осуществленной Алексеем I Комниным, титул протопроедра постепенно девальвируется⁵⁵.

Для соединения византийского почетного титула с обозначением иностранного правителя (протопроедр и эксусиократор) на печати можно привести близкую аналогию – моливдовул конца XI в. Константина, протосеваста и эксусиаста Диоклеи и Сербии⁵⁶.

Выводы. По палеографии наша печать датируется второй половиной XI в., но исторический контекст ее появления в Анакопии (период фемы) позволяет сузить эту датировку до третьей четверти этого столетия. Более того, появление византийского придворного титула протопроедр только в конце 1050-х гг. и его пожалование иностранному правителю сужает датировку моливдовула до второй половины 1060-х – первой половины 1070-х гг. Учитывая тесные политические и династи-

⁵² Бибииков М. В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1980 год. М., 1981. С. 140. Прим. 91; С. 144.

⁵³ Малахов С. Н. Алания и Византия... С. 83–84.

⁵⁴ Ср.: Seibt W. Metropolit und Herrscher der Alanen... S. 51–54.

⁵⁵ Кънев Н. Византинобългарски студии. Велико Търново, 2013. С. 169–199.

⁵⁶ Cheynet J.-C. La Place de la Serbie dans la Diplomatie Byzantine à la fin du XIe siècle // ЗРВИ. 2008. Т. 45. P. 90–96; Cheynet J.-C., Gökyıldırım T., Bulğurlu V. Les sceaux byzantins... P. 292–293. № 3.54.

Печать Константина

ческие связи аланских эксусиократоров как с Византией, так и с Грузией, появление ок. 1065–1075 гг. в Анакопии печати сына аланского эксусиократора можно осторожно связать с византийско-грузинским конфликтом из-за этого города: это могли быть как переговоры о возвращении грузинскому царю блокированной им крепости, которую византийцам трудно было удерживать, особенно после катастрофического для империи поражения при Манцикерте в 1071 г. и потери большей части Малой Азии, так и отчаянная попытка империи сохранить при помощи алан свой ключевой форпост в Восточном Причерноморье.

На роль отца Константина формально могут претендовать два известных нам аланских эксусиократора XI в.: Гавриил (упом. в 1030-е – начале 1040-х гг.) и Дорголеп (упом. в 1068 г.), но узкая хронология печати говорит, скорее, в пользу второго варианта, исключая одновременно возможность отождествления нашего Константина с Константином Аланом (упом. в 1045–1047 гг.). В таком случае наш Константин оказывается, вероятно, братом Ирины, жены протопроедра Исаака Комнина, а пожалование его отцу аналогичного высокого титула протопроедра во второй половине 1060-х – первой половине 1070-х гг. (аналогичное пожалованию титула севаста Баграту IV в 1060 г.), – вероятно, после печати Ирины – оказывается связано с неким византийско-аланским союзом. Плодами этого союза стали, очевидно, брак дочери аланского эксусиократора Ирины с Исааком Комнином в 1072 г. и участие 6 000 аланских всадников в подавлении восстания Русселя де Байё 1073–1074 гг.⁵⁷ Концентрация этих событий около 1072 г. может указывать на их связь с воцарением в том же году Георгия II и, за год до этого, – Михаила VII, что привело к возобновлению византийско-грузинского союза, подкрепленного пожалованием новому грузинскому царю титула новелиссима⁵⁸, реализацией давно задуманного династического брака его сестры с новым византийским императором⁵⁹ и, возможно, возвращением через несколько лет грузинскому царю Анакопии.

Упомянутый на печати уникальный титул «эксусиократора всей Алании» не имеет однозначного толкования. С одной стороны, он может подчеркивать борьбу аланского эксусиократора с центробежными тенденциями в его государстве, реализовавшимися в XII в. и, вероятно, проявившимися уже в XI столетии. С другой стороны, полное исчезновение такого важного титула после нашей печати говорит, скорее,

⁵⁷ *Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю.* Нижний Архыз и Сенты... С. 54–55; *Их же.* История и искусство христианской Алании... С. 31–32; *Малахов С. Н.* Алания и Византия... С. 93, 161.

⁵⁸ *Капанадзе Д. Г.* Грузинская нумизматика. М., 1955. С. 56. Табл. III, 45.

⁵⁹ *Seibt W.* Byzantine Imperialism Against Georgia in the Later 10th and 11th Centuries? // *Georgian Diplomacy.* Vol. 16. Tbilisi, 2013. P. 112–113.

в пользу того, что он являлся не столько устойчивой частью титулатуры аланского эксусиократора, сколько разовой, ситуативной инвенцией Дорголела (подобно титулу митрополита Лаврентия в 1347 г.), призванной подчеркнуть статус его самого (и – на нашей печати – его сына), наряду с высоким византийским титулом протопроедра (как аналогичный титул мужа на печати его дочери Ирины и титул севаста на печати его преемника Росмика)⁶⁰.

REFERENCES

Alekseenko, N. A. (2013). Pechat' aristokrata Ioanna Komnina s luzhnogo berega Kryma: novye dannye k sfragisticheskoi karte [The Seal of the Aristocrat John Komnenos from the Southern Coast of the Crimea: New Data to the Sphragistic Map]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 18, 405–414.

Alekseenko, N. A. (2017a). Inorodtsy na sluzhbe Vizantii (po dannym khersonskikh molivdovolov) [Foreigners in the Service of Byzantium (According to the Cherson Lead Seals)]. In E. A. Mel'nikova (Ed.), *Vostochnaia Evropa v drevno-*

⁶⁰ Первый вариант этой работы был написан в 2017 г. В том же году и в 2019 г. были опубликованы также посвященные данной печати две статьи С. Н. Малахова (*Малахов С. Н. Печать протопроедра и эксусиократора всей Алании Константина: проблемы атрибуции и датировки // Аланское православие: история и культура : сб. материалов VI Свято-Георгиевских чтений «Православие. Этнос. Культура». Владикавказ, 2017. С. 103–114; Его же. Православные властодержцы Алании: антропонимы и небесные покровители // Аланское православие: история и культура : сб. материалов VII Свято-Георгиевских чтений «Православие. Этнос. Культура». Владикавказ, 2019. С. 55–82*). В своих работах С. Н. Малахов приходит к схожим с нашими выводам о датировке моливдовула (1068–1078), не тождестве владельца печати и Константина Алана и о значении титула «всей Алании». Однако, вслед за первым публикатором печати А. Г. Аргуном, как и ранее в случае с казусом печати епископа Феодора «из Алании» (см.: *Малахов С. Н. Моливдовул епископа Феодора из Алании // СТРАТНГОС : сб. ст. в честь Владимира Васильевича Кучмы. Армавир, 2008. С. 187–190*), он ошибочно отнес имя Константина к самому протопроедру и эксусиократору всей Алании, а не к его сыну, что полностью дезавуировало его исторические выводы о месте этого эксусиократора среди правителей Алании. Вместе с этим в 2018 г. один из авторов настоящей статьи отправил текст работы для ознакомления историку из г. Владикавказ А. А. Туаллагову. Последний, не являясь специалистом ни в византийской сфрагистике, ни в среднегреческой лингвистике, но имея известный багаж работ по средневековой истории и археологии, только в одном 2019 году выпустил под своим именем по меньшей мере три статьи (правда, ссылаясь на нашу рукопись), в которых без должной компетенции используются практически все наработки, изложенные в настоящем исследовании А. Ю. Виноградова и В. Н. Чхаидзе, в том числе и верное прочтение печати. В свою очередь, С. Н. Малахов, ознакомившись через статьи А. А. Туаллагова с правильным прочтением нами легенды печати, в одной из своих последних работ (*Малахов С. Н. Аланы в Византии в X–XIV вв. // XII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис» : материалы науч. конф. Симферополь, 2020. С. 189*), пользуясь приемом «избирательного цитирования», опускает этот факт и приводит верное прочтение печати, но ссылается при этом на свою же работу 2019 г.

sti i srednevekov'e. Antichnye i srednevekovye obshchnosti. XXIX chteniia pamiatii chl.-korr. AN SSSR. V. T. Pashuto [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. Ancient and Medieval Communities. 19 Memory Readings of V. T. Pashuto] (pp. 8–11). Moscow: Institute of General History of the RAS.

Alekseenko, N. A. (2017b). *Vizantiiskii Kherson VI–XIII stoletii v pamiatnikakh sfragistiki. 1. Chinovniki Khersona VIII–XI vv.* [Byzantine Cherson of the Sixth–Thirteenth Centuries in the Monuments of Sphragistics. 1. Officials of Cherson of the Eighth–Eleventh Centuries]. Sevastopol: Kolorit.

Alekseenko, N. A., & Tsepko, Iu. A. (2012). *Katepanat v Tavrike: legendarnye svidetel'stva ili istoricheskie realii* [Catepanate in Tavrika: Legendary Testimonies or Historical Realities]. *Khersonesskii sbornik*, 17, 7–17.

Antonin [Kapustin], arkhim, (1867). *Drevnie akty konstantinopol'skogo patriarkhata, odnosiaschiesia k novorossiiskomu kraiu* [Ancient Acts of the Patriarchate of Constantinople Relating to the Novorossiysk Territory]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, 6, 445–474.

Argun, A. G. (2016). *Vislaia pechat' iz privratnoi bashni Anakopiiskoi kreposti* [The Hanging Seal From the Gatehouse of the Anakopian Fortress]. In *VI "Anfimovskie chteniia" po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. Problemy izucheniiia pogrebal'nogo obriada narodov Zapadnogo Kavkaza v drevnosti i srednevekov'e* [6 "Anfimov Readings" on the Archeology of the Western Caucasus. Problems of Studying the Funeral Rite of the Peoples of the Western Caucasus in Antiquity and the Middle Ages] (pp. 4–10). Krasnodar: IP Smorodin.

Ballian, A., & Drandaki, A. A (2003). Middle Byzantine silver treasure. *Mouseiou Benaki*, 3, 47–80.

Beletsky, D. V., & Vinogradov, A. Yu. (2011a). *Khramovaia arkhitektura Anakopiiskoi krepost* [The Temple Architecture of the Anakopian Fortress]. In *Iskusstvo Abkhazskogo tsarstva VIII–XI vekov. Khristianskie pamiatniki Anakopiiskoi kreposti* [The Art of the Abkhazian Kingdom of the Eighth–Eleventh centuries. Christian Monuments of the Anakopian Fortress] (pp. 17–86). St Petersburg: Izdatel'stvo RHGA.

Beletsky, D. V., & Vinogradov, A. Yu. (2011b). *Nizhnii Arkhyz i Senty – drevneishie khramy Rossii. Problemy khristianskogo iskusstva Alanii i Kavkaza* [Nizhny Arkhyz and Senty – the Oldest Temples in Russia. Problems of Christian Art in Alanya and the Caucasus]. Moscow: Indrik.

Beletsky, D. V., & Vinogradov, A. Yu. (2021). *Istoriia i iskusstvo khristianskoi Alanii* [History and Art of Christian Alanya]. (2nd ed.). Moscow: Institute of General History of the RAS.

Bibikov, M. V. (1981). *Vizantiiskie istochniki po istorii Rusi, narodov Severnogo Prichernomor'ia i Severnogo Kavkaza* [Byzantine Sources on the History of Russia, the Peoples of the Northern Black Sea Region and the North Caucasus]. In *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniia. 1980 god* [The Oldest States on the Territory of the USSR. Materials and Research. 1980] (pp. 5–151). Moscow: Nauka.

Campagnolo-Pothitou, M., & Cheynet, J.-C. (2016). *Sceaux de la collection George Zacos au Musée d'art et d'histoire de Genève*. Milan: 5 Continent Editions.

Cheyne, J.-C. (2008). La Place de la Serbie dans la Diplomatie Byzantine à la fin du XIe siècle. *Zbornik radova Vizantoloshkog institute*, 45, 89–98.

Cheyne, J.-C., Gökyıldırım, T., & Bulgurlu, V. (2012). *Les sceaux byzantins du Musée Archéologique d'Istanbul*. Istanbul: Araştırmaları Enstitüsü.

Cheyne, J.-C., & Theodoridis, D. (2010). *Sceaux byzantins de la collection D. Theodoridis. Les sceaux patronymiques*. Paris: ACHCByz.

Chkhaidze, V. N. (2016). “Khazaria” XI veka: k voprosu o lokalizatsii (po dannym vizantiiskikh molivdovulov) [“Khazaria” of the Eleventh Century: on the Issue of Localization (According to the Byzantine Lead Seals)]. Moscow: Institut arehologii RAN.

Chkhaidze, V. N. (2021). Vizantiisko-abkhazskie i vizantiisko-alanskie sviazi po dannym pamiatnikov sfragistiki [Byzantine-Abkhazian and Byzantine-Alanian Relations According to the Data of Monuments of Sphragistics]. In *Srednevekoye iskusstva i remesla. K 90-letiiu T. I. Makarovo* [Medieval Arts and Crafts. To the 90th Anniversary of Tatiana I. Makarova] (pp. 72–90). Moscow: Institut arkhologii RAN.

Dölger, F. (Ed.). (1995). *Regesten der Kaiserurkunden Oströmisches Reiches von 563–1453. 2. Teil*. München: C.H. Beck.

Garland, L., & Ripp, S. (2006). Mary of “Alania”: Woman and Empress between Two Worlds. In L. Garland (Ed.), *Byzantine Women: Varieties of Experience 800–1200* (pp. 91–124). London: Ashgate.

Gautier, P. (Ed.). (1975). *Nicéphore Bryennios. Histoire*. Bruxelles: Byzantion.

Hunger, H., Kresten, O., Kislinger, E., & Cupane, C. (Eds.). (1995). *Das Register des Patriarchats von Konstantinopel. 2. Teil. Edition und Übersetzung der Urkunden aus den Jahren 1337–1350*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften.

Jordanov, I. (2006). *Corpus of Byzantine Seals From Bulgaria. Vol. 2. Byzantine Seals with Family Names*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences.

Jordanov, I. (2009). *Corpus of Byzantine Seals From Bulgaria. Vol. 3*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences.

Jordanov, I. (2013). Otnosno pritezhatelia na srebniia serviz ot Velichkovo, Pazardzhishko [About the Owner of the Silver Service Velichkovo, Pazardzhishko]. In *Izvestiia na Nacionalniia arheologicheski institut, XLI. In honorem professoris Georgi Kuzmanov* [Notifications of the National Archaeological Institute. XLI. In honorem professoris by Georgy Kuzmanov] (pp. 521–535). Sofia: Blgarska Akademiia na Naukite.

Jordanov, I. (2015). I. Jordanov. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Volume 1–3, Sofia, 2003, 2006, 2009. Addenda et Corrigenda. *Bulgaria v evropeiskata kultura, nauka, obrazovanie, religiiia, 1*, 223–305.

Kanev, N. (2013). *Vizantinobgarski studii* [Byzantine-Bulgarian Studies]. Veliko Trnovo: Sv. sv. Kiril i Metodij.

Kapanadze, D. G. (1955). *Gruzinskaia numizmatika* [Georgian Numismatics]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.

Kashtanov, D. V. (2012). Kavkasiiskaia mitropoliia [Metropolis of Caucasus]. In *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia] (Vol. 29, pp. 67–68). Moscow: Pravoslavnaia enciklopediia.

Печать Константина

Koder, J., Hiterberger, M., & Kresten, O. (Eds.). (2001). *Das Register des Patriarchats von Konstantinopel. 3. Teil. Edition und Übersetzung der Urkunden aus den Jahren 1350–1363*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften.

Kupranis, A. A. (1998). Datirovannye pečati ierarkhov Russkoi tserkvi (domongol'skii period) [Dated Seals of the Hierarchs of the Russian Church (Pre-Mongol Period)]. In *Istorskovaia arkhologiiia* (Vol. 4, pp. 153–168). St Petersburg: Izdatel'stvo IIMK.

Kuznetsov, V. A. (1992). *Očerki istorii alan* [Essays on the History of the Alans]. Vladikavkaz: Ir.

Laurent, V. (1963). *Le Corpus des sceaux de l'Empire Byzantin. Tome V: L'église*. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique.

Likhachev, N. P. (1911). *Istoricheskoe znachenie italo-grecheskoi ikonopisii. Izobrazheniia Bogomateri v proizvedeniakh italo-grecheskikh ikonopistsev i ikh vliianie na kompozitsii nekotorykh pravoslavnykh russkikh ikon* [The Historical Significance of Italian-Greek Icon Painting. Images of the Mother of God in the Works of Italian-Greek Icon Painters and Their Influence on the Compositions of Some Orthodox Russian Icons]. St Petersburg: IRAO.

Malakhov, S. N. (1995). Vizantiiskii titul pravitelia Alanii [The Byzantine Title of the Ruler of Alania]. In *Slaviane i ikh sosedi. Imperskaia ideia v stranakh Tsentral'noi, Vostochnoi i Iugo-Vostochnoi Evropy: tezisy XIV konferentsii* [Slavs and Their Neighbors. The Imperial Idea in the Countries of Central, Eastern and South-Eastern Europe: Abstracts of the XIV Conference] (pp. 18–21). Moscow: Institut russkoj istorii RAN.

Malakhov, S. N. (2008). Molivdovul episkopa Feodora iz Alanii [Lead Seal of Bishop Theodore from Alanya]. In *Strategos: sbornik statei v chest' Vladimira Vasil'evicha Kuchmy* [Strategos: Collection of Articles in Honor of Vladimir Vasilyevich Kuchma] (pp. 187–190). Armavir: AGPU.

Malakhov, S. N. (2015). *Alaniia i Vizantiia. Istoschnikovedcheskie aspekty politicheskikh i tserkovnykh sviazei* [Alania and Byzantium. Source-based Aspects of Political and Church Relations]. Moscow: SEM.

Malakhov, S. N. (2017). Pechat' protoproedra i eksusiookratora vsei Alanii Konstantina: problemy atributsii i datirovki [The Seal of the Protoproedros and Exusio-cratoros of All Alania Konstantin: Problems of Attribution and Dating]. In *Alanskoe pravoslavie: istoriia i kul'tura: sbornik materialov VI Sviato-Georgievskikh chtenii "Pravoslavie. Etnos. Kul'tura"* [Alan Orthodoxy: History and Culture: Collection of Materials of the VI St. George Readings "Orthodoxy. Ethnic Group. Culture"] (pp. 103–114). Vladikavkaz: Vladikavkazskaia i alanskaia eparkhiia.

Malakhov, S. N. (2019). Pravoslavnye vlastoderzhtsy Alanii: antroponimy i nebesnye pokroviteli [Orthodox Rulers of Alanya: Anthroponyms and Heavenly Patrons]. In *Alanskoe pravoslavie: istoriia i kul'tura: sbornik materialov VII Sviato-Georgievskikh chtenii "Pravoslavie. Etnos. Kul'tura"* [Alan Orthodoxy: History and Culture. Collection of Materials of the VII St. George Readings "Orthodoxy. Ethnic Group. Culture"] (pp. 55–82). Vladikavkaz: Vladikavkazskaia i alanskaia eparkhiia.

Malakhov, S. N. (2020). Alany v Vizantii v X–XIV vv. [Alans in Byzantium in the Tenth–Fourteenth Centuries]. In N. A. Alekseenko (Ed.), *XII Mezhdunarodnyi*

Vizantiiskii seminar "Khersonos themata: imperia i polis": materialy nauchnoi konferentsii [XII International Byzantine Seminar "ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Empire and Polis": Materials of the Scientific Conference] (pp. 187–192). Simferopol: Institut arkeologii Kryma RAN.

McGeer, E., Nesbitt, J., & Oikonomides, N. (2005). *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 5. The East (continued), Constantinople and Environs, Unknown Locations, Addenda, Uncertain Readings*. Washington: Dumbarton Oaks.

Metreveli, R. (Ed.). (2013). *Kartlis Tskhovreba. Istoriia Gruzii* [History of Georgia]. Tbilisi: Artanudzhi.

Moravcsik, G. (Ed.). (1967). *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio*. Washington D.C.: Dumbarton Oaks.

Nesbitt, J., & Oikonomides, N. (1991). *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 1. Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea*. Washington: Dumbarton Oaks.

Nodiya, I. M. (1978). Gruzinskie materialy o vizantiiskoi imperatritse Marfe-Marii [Georgian Materials About the Byzantine Empress Martha–Maria]. In *Vizanti-novedcheskie etudy* [Byzantine Studies] (pp. 146–155). Tbilisi: Metsniereba.

Reinch, D. R., & Kambylis, A. (Eds.). (2001). *Annae Comnenae Alexias*. Berlin: De Gruyter.

Schlumberger, G. (1884). *Sigillographie de l'Empire Byzantin*. Paris: E. Leroux, éditeur.

Seibt, W. (1978). *Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. 1. Teil. Kaiserhof*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften.

Seibt, W. (2004). Metropoliten und Herrscher der Alanen auf byzantinischen Siegeln des 10.–12. Jahrhunderts. In *Sfragistika i istoriia kul'tury: sbornik nauchnykh trudov, posviashchennyi iubileiu V. S. Shandrovsckoi* [Sphragistics and Cultural History. Collection of Scientific Papers Dedicated to the Anniversary of V. S. Shandrovsckaya] (pp. 50–59). St Petersburg: Izdatelstvo Gosudarstvennogo Ermitazha.

Seibt, W. (2012a). The Byzantine Thema of Soteriupolis-Anakopia in the 11th Century. *Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences*, 6(2), 174–178.

Seibt, W. (2012b). Zukunftsperspektiven der byzantinischen Siegelkunde – Auf welchen Gebieten sind die bedeutendsten Wissenszuwächse zu erwarten? In *Ἡπειρώδης. Proceedings of the 10th International Symposium of Byzantine Sigillography* (pp. 17–36). Ioannina: Harrassowitz Verlag.

Seibt, W. (2013). Byzantine Imperialism against Georgia in the later 10th and 11th centuries? *Georgian Diplomacy*, 16, 103–114.

Seibt, W., & Jordanov, I. (2006). Stratigos Soteroupoleos kai Anakoupias. Ein mittelbyzantisches Kommando in Abchazien (11. Jahrhundert). *Studies in Byzantine Sigillography*, 9, 231–239.

Seibt, W., & Zarnitz, M.-L. (1997). *Das byzantinischen Bleisiegel als Kunstwerk. Katalog zur Ausstellung*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften.

Shandrovsckaya, V. S. (2001). Rodstvennye svyazi po dannym vizantiiskikh pechatei [Kinship Relations According to the Byzantine Seals]. In *Moschovia: Problemy*

vizantiiskoi i klassicheskoi filologii. K 60-letiiu B. L. Fonkicha [MOСXOBIA: Problems of Byzantine and Classical Philology. To the 60th Anniversary of B. L. Fonkich] (pp. 469–480). Moscow: Indrik.

Shandrovskaya, V. S. (2015). Pechat' alanskoi printsessy [The Seal of the Alanian Princess]. In *Spicilegium Byzantino-Rossicum: sbornik statei k 80-letiiu chlena-korrespondenta RAN I. P. Medvedeva* [Spicilegium Byzantino-Rossicum: Collection of Articles for the 80th Anniversary of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences I. P. Medvedev] (pp. 339–345). Moscow; St Petersburg: Indrik.

Stavrakos, Ch. (2000). *Die byzantinische Bleisiegel mit Familiennamen aus der Sammlung des Numismatischen Museums Athen*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

Stepanova, E. V. (Ed.). (2019). Vizantiiskaia sfragistika v trudakh V. S. Shandrovskoi [Byzantine Sphragistics in the Works of V. S. Shandrovskaya]. St Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha.

Stiernon, L. (1963). Notes de titulature et de prosopographie byzantines: Adrien (Jean) et Constantin Comnène, sébastes. *Revue des Études byzantines*, 21, 179–198.

Theodoridis, D. (1990). Ein byzantinisches Bleisiegel mit zwei Prägungen aus dem 11. Jahrhundert. *Studies in Byzantine Sigillography*, 2, 61–65.

Thurn, I. (Ed.). (1971). *Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum. Editio Princeps*. Berlin: De Gruyter.

Todorov, T. (2019). Vizantiiski pechati ot Akve Kalide – Termopolis [Byzantine Seals from Akve Kalide-Thermopolis]. In T. Todorov (Ed.), *In Honorem 6. Antiharismatos Episfragisis. Iubileen sbornik v" chest na 70-godishnata na prof. d.i.n. Ivan Iordanov* [Antiharismatos Episfragisis. Jubilee Collection of Entries for the 70th year of the Candidate for Prof. Ivan Yordanov, Doctor of Historical Sciences] (pp. 458–464). Shumen: Nauchent centr “Preslavska knizhovna shkola”.

Tsulaya, G. V. (1995). *Abkhaziia i abkhazy v kontekste istorii Gruzii. (Domongol'skii period)* [Abkhazia and the Abkhazians in the Context of the History of Georgia. (Pre-Mongol Period)]. Moscow: Institut etnologii i antropologii.

Varzos, K. (1984). *He genealogia ton Komnenos* [Genealogy of the Komnenos] (Vols. 1–2). Thessaloniki: Kentron byzantinon ereunon.

Vogt, A. (Ed.). (1935–1939). *Constantin VII Porphyrogenete. Le Livre des ceremonies (Ch. 1–92)*. (Vols. 1–2). Paris: Les Belles Lettres.

Wassiliou, A.-K., & Seibt, W. (2004). *Die byzantinische Bleisiegel in Österreich. 2. Teil. Zentral- und Provinzialverwaltung*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften.

Wassiliou-Seibt, A.-K. (2011). *Corpus der byzantinischen Siegel mit metrischen Legenden. Teil 1. Einleitung, Siegellegenden von Alpha bis inclusive My*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften.

Zacos, G. (1984). *Byzantine Lead Seals* (Vol. 2). Berne: Benteli Publ.

Zacos, G., & Veglery, A. (1972). *Byzantine Lead Seals* (Vol. 1). Basel: J. J. Augustin.

Yanin, V. L. (1970). *Aktovye pechati Drevnei Rusi X–XV vv. T. 1: Pechati X – nachala XIII v.* [Assembly Seals of Ancient Russia of the Tenth–Fifteenth Centuries. Vol. 1: Seals of the Tenth – Beginning of the Thirteenth Century]. Moscow: Nauka.

А. Ю. Виноградов, В. Н. Чхаидзе

Yanin, V. L., & Gaidukov, P. G. (1998). *Aktovye pečhati Drevnei Rusi X–XV vv. T. 3: Pečhati, zaregistrirovannye v 1970–1996 gg.* [Assembly Seals of Ancient Russia of the Tenth–Fifteenth Centuries. Vol. 3: Seals Registered in 1970–1996]. Moscow: INTRADA.

Yanin, V. L., & Gaidukov, P. G. (2001). Drevnerusskie vislye pečhati, zaregistrirovannye v 2000 g. [Old Russian Lead Seals Registered in 2000]. In *Novgorod i Novgorodskaja zemlia. Istorii i arkheologii* [Novgorod and the Novgorod Land. History and Archeology] (Vol. 15, pp. 179–197). Novgorod: Novgorod Museum.

Yanin, V. L., & Gaidukov, P. G. (2003). Drevnerusskie vislye pečhati, zaregistrirovannye v 2002 g. [Old Russian Lead Seals Registered in 2002]. In *Novgorod i Novgorodskaja zemlia. Istorii i arkheologii* [Novgorod and the Novgorod Land. History and Archeology] (Vol. 17, pp. 350–374). Novgorod: Novgorod Museum.

Виноградов Андрей Юрьевич

доктор филологических наук,
кандидат исторических наук, доцент
ведущий научный сотрудник
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики»
105066, Москва, ул. Старая
Басманная, 21/4, стр. 3
E-mail: auvinogradov@hse.ru

Vinogradov, Andrey Yurievich

Dr. Hab. (Philology),
PhD (History), Associate Professor
Leading Researcher
National Research University Higher
School of Economics
Building 3, 21/4 Staraiia Basmannaia Str.,
105066, Moscow, Russia
Email: auvinogradov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9516-6534>
ResearcherID: H-3012–2015
Scopus AuthorID: 57190752637

Чхаидзе Виктор Николаевич

кандидат исторических наук
научный сотрудник
Институт археологии РАН
117292 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
E-mail: chkhaidze.v@yandex.ru

Chkhaidze, Victor Nikolaevich

PhD (History), Researcher
Institute of Archaeology of the Russian
Academy of Sciences
19 Dmitriia Ul'ianova Str.,
117292, Moscow, Russia
Email: chkhaidze.v@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2478-8926>
ResearcherID: J-2246–2018
Scopus AuthorID: 56157265500

Н. Кънев

*Великотърновский университет им. Святых Кирилла и Мефодия
Велико-Търново, Болгария*

НОВАЯ ВИЗАНТИЙСКАЯ СВИНЦОВАЯ ПЕЧАТЬ ИЗ РАЙОНА СРЕДНЕВЕКОВОЙ КРЕПОСТИ РУСОКАСТРО (ЮГО-ВОСТОЧНАЯ БОЛГАРИЯ)

Статья посвящена анализу хранящейся в Региональном историческом музее города Бургас (Болгария) византийской свинцовой печати, которая была найдена в 2019 г. Печать происходит из района средневековой крепости Русокастро, расположенной в современной Юго-Восточной Болгарии. Согласно легенде, она принадлежала византийскому чиновнику Михаилу, занимавшему должности (императорского) протонотария и судьи. На лицевой стороне печати находится погрудное изображение в анфас св. Архангела Михаила с нимбом и в кольчуге, которое вписано в ободок, образованный точками. Изображение обрамлено частично сохранившейся непрерывной окружностью. В правой руке Архангел Михаил держит копье, верхняя часть которого частично стерта по причине механического повреждения. С правой стороны копья хорошо читается буква М, а с левой стороны изображения, там, где начинается стертая приплюснутая часть поля, можно увидеть сравнительно хорошо сохранившуюся букву Х, т. е. знаки сокращения имени св. Архангела Михаила. На оборотной стороне помещена четырехстрочная надпись, которая в развернутом виде гласит: «+ Господи, защити Михаила, (императорского?) протонотария и судью». Печать датируется X – началом XI в.

Ключевые слова: византийская сфрагистика; Русокастро; Болгария; Византия; Архангел Михаил; протонотарий

Цитирование: *Кънев Н.* Новая византийская свинцовая печать из района средневековой крепости Русокастро (Юго-Восточная Болгария) // Античная древность и средние века. 2021. Т. 49. С. 135–140. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.009>

Поступила в редакцию: 06.06.2021

Принята к печати: 11.10.2021

Н. Кънев

Nikolay Kanev

St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo
Veliko Tarnovo, Bulgaria

NEW BYZANTINE LEAD SEAL FROM THE AREA OF THE MEDIEVAL FORTRESS OF RUSOKASTRO (SOUTH-EASTERN BULGARIA)

This paper analyses a Byzantine lead seal discovered in 2019 and now residing in the Regional Historical Museum in Burgas (Bulgaria). According to the legend, it belonged to a Byzantine official Michael by name, who held the position of (imperial) *protonotarios* and judge. This seal originates from the area of the medieval fortress of Rusokastro located in south-eastern Bulgaria. The obverse depicts facing bust of St. Archangel Michael, nimbate, wearing mail armour, which is encircled with the border of dots. The image is framed with a partially preserved continuous circle. Archangel Michael holds a spear in his right hand, with its top part partially worn off by mechanical damage. To the right of the spear is well legible letter M, and to the left of the image, at the worn off flattened area of the field, there is a relatively well-preserved letter X, i. e. abbreviations of the name of St. Archangel Michael. On the reverse is an inscription in four lines reading: “+ Lord help Michael, (imperial?) *protonotarios* and judge.” The seal dates from the tenth to the early eleventh century.

Keywords: Byzantine sigillography; Rusokastro; Bulgaria; Byzantium; Archangel Michael; protonotarios

For citation: Kanev, N. (2021). Novaia vizantiiskaia svintsovaia pechat' iz raiona srednevekovoi kreposti Rusokastro (Iugo-Vostochnaia Bolgariia) [New Byzantine Lead Seal from the Area of the Medieval Fortress of Rusokastro (South-Eastern Bulgaria)]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 49, 135–140. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.009>

Submitted: 06.06.2021

Accepted: 11.10.2021

В 2019 г. в фонды Регионального исторического музея города Бургас поступила новая византийская свинцовая печать, найденная в районе средневековой крепости Русокастро (Бургасская область, Юго-Восточная Болгария). Эта печать была обнаружена в 2019 г. местными жителями деревни Желязово и передана исследовательской группе, которая проводила археологические изыскания на крепости Русокастро¹. Моливдовул был найден случайно во время сельскохозяйственных работ на поле, расположенном в 830 м северо-восточнее от цитадели.

¹ О проведенном археологическом исследовании крепости Русокастро в 2019 г. см.: *Николов М.* Археологическо проучване на средновековната крепост Русокастро, сектор «Цитадела» // Археологически открития и разкопки през 2019 г. София, 2020. Кн. 2. С. 1171–1175.

Участок, на котором была обнаружена печать, находится вдоль левого берега Русокастренской реки. Здесь еще в 2008 г. археологами, исследующими крепость Русокастро, было зафиксировано поселение, существовавшее в эпоху эллинизма (IV–I вв. до н. э.), в римское время (II–V вв.), а также в период Средневековья (XI–XIII вв.)². Предложенная датировка жизнедеятельности этого поселения установлена на основании найденных на участке археологических материалов, в основном керамики, а также на основе находок, которые передало местное население – монеты Аполлония, монеты позднеримской эпохи, анонимные фоллисы X–XI вв. и скифаты XII–XIII вв. Именно на территории этого многослойного поселения и была обнаружена печать, анализу которой посвящена данная статья.

Диаметр печати составляет 22 мм. Она плохо центрирована, что не так заметно на лицевой стороне, но зато хорошо видно на оборотной стороне. Левая треть поля аверса и, соответственно, правая треть реверса приплюснуты и практически полностью стерты, однако, это не слишком сильно повредило изображение и легенду, так как использованное для изготовления свинцовое ядро, очевидно, было больше диаметра матрицы. Кроме того, большая часть стертой поверхности (особенно реверса) попадает в то пространство, которое осталось пустым в результате плохого центрирования отпечатка. В верхней части печати, у канала для шнура, целостность нарушена более серьезно и поэтому при неправильном хранении она могла бы расколоться на две половинки. Кроме того, в самой нижней своей части моливдовул насквозь пробит.

На аверсе (ил. 1) помещено погрудное изображение в анфас св. Архангела Михаила с нимбом и в кольчуге. Изображение вписано в ободок из точек. За правым его плечом просматривается верхняя часть правого крыла небесного архистратига. Так как самая верхняя левая часть изображения, как упомянуто выше, была приплюснута и стерта, то от левого крыла остался лишь незначительный след. В правой руке Архангел Михаил держит копье, верх которого частично стерт механическим повреждением целостности этой части поля. С правой стороны от копья очень хорошо видна буква М, а с левой стороны от изображения, как раз там, где начинается стертая и приплюснутая часть поля, можно разглядеть, хотя и с трудом, сравнительно хорошо сохранившуюся букву Х. Эти знаки (М – Х) являются сокращением имени св. Архангела Михаила: Μ(ι)χ(αή)λ как часть Ὁ Ἀρχάγγελος Μιχαήλ.

² См.: *Дражева Ц., Николов М.* Археологически проучвания на ранновизантийската и средновековна крепост Русокастро в м. Русин камък край с. Русокастро, община Камено, Бургаска област // Археологически открития и разкопки през 2008. София, 2009. С. 672–674; *Их же.* Археологически проучвания на крепостта Русокастро // Археологически открития и разкопки през 2009. София, 2010. С. 540–542.

Ил. 1. Печать Михаила. Аверс

Fig. 1. Seal of Michael. Obverse

Ил. 2. Печать Михаила. Реверс

Fig. 2. Seal of Michael. Reverse

На реверсе – четырехстрочная надпись (ил. 2):

— —	
+ ΚΕΡ,Θ,	+ Κ(ύρι)ε β(οή)θ(ει)
ΜΙΧΑΗΛ	Μιχαήλ
—	
ΑΝΟΤ. Ξ	(βασιλικῶ?) (πρωτο)νοτ(αρ)[ι]ου
ΚΡΙΤ	(καὶ) κριτ(ῆ)

Начало третьей строчки легенды приходится на приплюснутую часть, поэтому первая буква, хотя она частично сохранилась и ее можно разглядеть, похожа на подчеркнутую сверху *альфу* (т. е. на сокращенное *прото-*), но возможно, что вначале там была написана открытая *вита* (β) – сокращенное написание βασιλικῶ. В таком случае, первая из должностей, которую Михаил указывает на этой своей печати, могла бы читаться как «императорский нотариус», «императорский протонотариус» или только «протонотариус», что кажется наиболее вероятным. С учетом состояния моливдовула, однако, окончательное разрешение этого вопроса будет возможным только при обнаружении другого, параллельного экземпляра печати с хорошо сохранившейся легендой или хотя бы с хорошо сохранившимся началом ее третьей строчки. Что касается предпоследней буквы третьей строчки, то она практически стерта, но оставшиеся еле заметные следы подсказывают, что по всей вероятности это *йота* (Ι). Предпоследняя и последняя буквы на четвертой строчке частично повреждены ударом, но все-таки хорошо видно, что речь идет о *йоте* (Ι) и *тау* (Τ).

Новая византийская свинцовая печать

В развернутом виде и в переводе легенда на реверсе гласит:
+ Κύριε βοήθει Μιχαήλ (βασιλικῶ?) πρωτονοταρίῳ καὶ κριτῇ («Господи, защити Михаила, (императорского?) протонотария и судью»).

Датировка печати: X – начало XI в. Известных параллелей нет.

Михаил не указал на своей печати ведомства и/или административной единицы, на которые распространяются его функции протонотария и судьи. Это позволяет предположить, что, раз он не счел необходимым указать данные сведения, информации, имеющейся в легенде на реверсе, было достаточно для того, чтобы его адресаты понимали, от кого пришла корреспонденция, скрепленная такой печатью, тем более что ее владелец имел очень распространенное имя. Вероятно, эта печать использовалась в основном при отправке писем в ту область, которая попадала под юрисдикцию прямых служебных правомочий Михаила в качестве протонотария и судьи, где его адресаты вполне распознавали его только на основании сравнительно ограниченной информации на его печати. Это, с учетом местонахождения моливдовула и его датировки, позволяет сделать обоснованное предположение, что функции Михаила в качестве протонотария и судьи вероятнее всего были связаны с фемной администрацией Фракии (или, хотя и менее вероятно, с фемой Македония)³.

Публикуемый византийский моливдовул увеличивает количество средневековых сфрагистических находок в районе Русокастро, которые относятся к бесспорно широкому хронологическому диапазону – со второй половины VIII в. до рубежа XI–XII столетий⁴. Указанные выше сфрагистические находки, бесспорно, добавляют важные штрихи к нашему представлению о роли и значении Русокастро и прилегавшего к нему района, а также о жизни в этом регионе в эпоху Средневековья.

REFERENCES

Drazheva, Ts., & Nikolov, M. (2009). Arheologicheski prouchvaniia na rannovizantiiskata i srednovekovna krepost Rusokastro v m. Rusin kamak kray s. Rusokastro, obshtina Kameno, Burgaska oblast [Archaeological Excavations

³ Учитывая датировку печати, нельзя исключить вариант принадлежности судьи и протонотария Михаила к администрации какой-нибудь из недолго существовавших в регионе Фракии византийских административных единиц или административных объединений (см.: *Кънев Н.* Византинобългарски студии. Велико Търново, 2013. С. 139–143), как, например, объединение Фракии и Иоанопола.

⁴ О сфрагистических находках в районе Русокастро см.: *Кънев Н., Николов М.* Непубликувани ранносредновековни оловни печати от крепостта Русокастро и прилежащият ѝ район // Плиска – Преслав. Т. 13 : В памет на професор Тотю Тотев (1930–2015). София, 2018. С. 407–413; *Jordanov I.* Corpus of the Byzantine Seals from Bulgaria. Sofia, 2009. Vol. 3. No 385; *Кънев Н., Николов М.* Нови оловни печати от района на Русокастро, постъпили в колекцията на Регионален исторически музей – Бургас // Laurea. Сборник в чест на 80-годишнината на доц. д-р Владимир Попов. Велико Търново, 2021. С. 223–230.

of the Early Byzantine and Medieval Fortress of Russokastro in the Area of Russin kamak near the Village of Russokastro, Kameno Municipality, Region of Burgas]. In *Arheologicheski otkritiia i razkopki prez 2008 g.* [Archaeological Discoveries and Excavations in 2008] (pp. 672–674). Sofia: Bulgarian Academy of Sciences.

Drazheva, Ts., & Nikolov, M. (2010). *Arheologicheski prouchvaniia na krepostta Rusokastro* [Archeological Excavations of the Fortress of Russokastro]. In *Arheologicheski otkritiia i razkopki prez 2009 g.* [Archaeological Discoveries and Excavations in 2009] (pp. 540–542). Sofia: Bulgarian Academy of Sciences.

Jordanov, I. (2009). *Corpus of the Byzantine Seals from Bulgaria* (Vol. 3). Sofia: Bulgarian Academy of Sciences: National Institute of Archaeology with Museum.

Kanev, N. (2013). *Vizantinobalgarski studii* [Byzantino-Bulgarian Studies]. Veliko Tarnovo: Saint Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo Press.

Kanev, N., & Nikolov, M. (2018). *Nepublikovani rannosrednovekovni olovni pechati ot krepostta Rusokastro i prilozhashtiiat i raion* [Unpublished Early Medieval Lead Seals from the Fortress of Rusokastro and its Vicinity]. In *Pliska – Preslav* (Vol. 13: *V pamet na profesor Totyu Totev (1930–2015)*) [In Memory of Professor Totyu Totev (1930–2015)], pp. 407–413). Sofia: Bulgarian Academy of Sciences.

Kanev, N., & Nikolov, M. (2021). *Novi olovni pechati ot raiona na Rusokastro, postapili v kolektsiata na Regionalen istoricheski muzei – Burgas* [New Lead Seals from the Area of the Medieval Fortress of Rusokastro, Acquired by the Regional Historical Museum in Burgas]. In *Laurea. Sbornik v chest na 80-godishninata na dots. d-r Vladimir Popov* [Laurea. Collection in Honor of the 80th Anniversary of Assoc. Dr. Vladimir Popov] (pp. 223–230). Veliko Tarnovo: Saint Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo Press.

Nikolov, M. (2020). *Arheologicheskoto prouchvane na srednovekovnata krepost Rusokastro, sektor “Tsitadela”* [Archaeological Excavations of the Medieval Fortress of Russokastro, the Citadel Area]. In *Arheologicheski otkritiia i razkopki prez 2019 g.* [Archaeological Discoveries and Excavations in 2019] (Vol. II, pp. 1171–1175). Sofia: Bulgarian Academy of Sciences.

Николай Кънев

PhD, доцент, декан исторического факультета

Великотърновский университет
им. Святых Кирилла и Мефодия
5003, Велико-Търново, България
ул. им. Феодосия Търновского, 2
E-mail: kan-nikolay@yandex.ru

Kanev, Nikolay

PhD, Associate Professor, Dean
of the Faculty of History
St. Cyril and St. Methodius University
of Veliko Tarnovo
2 Theodosiy Tarnovskiy Str.,
5003 Veliko Tarnovo, Bulgaria
Email: kan-nikolay@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0570-8078>
ResearcherID: AAW-2948-2020

В. П. Степаненко

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

АРЦРУНИДЫ-СЕНАХЕРИМЫ В ВИЗАНТИЙСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ БАЛКАНСКИХ ФЕМ В XI в.

В 2009 г. В. С. Шандровская издала моливдовул Севаты Сенахерима, протоспафария и стратига фемы Сервия, датировав его концом X – началом XI в. А. С. Мохов же датировал этот моливдовул второй половиной 980-х гг. Кроме того, он, основываясь на сообщении Иоанна Скилицы, согласно которому Никифор Ксифий по приказу Василия II Болгаробойцы разрушил и сровнял с землей все крепости в областях Сервии и Соска, утверждает, что разрушение крепости Сервии и ликвидация фемы произошли в 1018 г. В статье оспариваются данные выводы. Автор статьи считает, что наличие в патрониме Севаты родового имени Сенахерим противоречит предложенным А. С. Моховым датировкам. Сенахеримы ведут происхождение от царя Васпуракана (Армения) Сенекерима Арцруни. Он и его семейство появились в Византии в 1021 г. Его потомки могли стать Сенахеримами только после смерти его около 1024 г. Таким образом, правление Севаты в Сервии может быть датировано 1020-ми гг., а фема Сервия вряд ли была ликвидирована в 1018 г.

Ключевые слова: Византия; Балканы; фема Сервия; Васпуракан; Сенахерим; сфрагистика

Цитирование: *Степаненко В. П.* Арцруниды-Сенахеримы в византийской администрации балканских фем в XI в. // Античная древность и средние века. 2021. Т. 49. С. 141–146. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.010>

Поступила в редакцию 22.07.2021

Принята к печати 11.10.2021

В. П. Степаненко

Valerii P. Stepanenko

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

ARTSRUNI-SENAICHEREIM FAMILY IN THE BYZANTINE ADMINISTRATION OF THE ELEVENTH-CENTURY BALKAN THEMES

In 2009, Valentina S. Shandrovskaia published a seal of Sebatas Senaichereim, *protospatharios* and *strategos* of the *theme* of Servia and dated it from the late of the tenth to the early eleventh centuries. Anton S. Mokhov dated this *molybdoboullon* to the second half of the 980s. Additionally, the latter used John Skylitzes's account that Nikephoros Xiphias, following the order of the Emperor Basil II the Bulgar Slayer, destroyed and razed to the ground all the fortresses in the regions of Servia and Soska to claim that the destruction of the fortress of Servia and the liquidation of this *theme* date to 1018. This paper doubts the said interpretations. The paper's author considers that the family name of Senaichereim included into the patronymic of Sebatas contradicts the dates proposed by Anton S. Mokhov. The Senaichereim family descended from the king of Vaspurakan (Armenia) Senekerim Artsruni. He and his family appeared in Byzantium in 1021. His descendants could become the Senaicheriem family only after his death ca 1024. Therefore, Sebatas' reign in Servia possibly dates to the 1020s, and the *theme* of Servia could hardly be liquidated in 1018.

Keywords: Byzantium; Balkans; theme of Servia; Vaspurakan; Senaichereim; sigillography

For citation: Stepanenko, V. P. (2021). Artsrunidy-Senakherimy v vizantiiskoi administratsii balkanskikh fem v XI v. [Artsruni-Senaichereim Family in the Byzantine Administration of the Eleventh-Century Balkan Themes]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 49, 141–146. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.010>

Submitted: 22.07.2021

Accepted: 11.10.2021

В 2009 г. В. С. Шандровская издала моливдовул Севаты Сенахерима, протоспафария и страгига фемы Сервия, датировав его концом X – началом XI в.¹ Город Сервия находился в Южной Македонии на границе с Фессалией, занимал важное стратегическое положение на дороге Веррия – Сервия – Ларисса и играл большую роль в период византийско-болгарских войн X–XI вв., в особенности в правление императора Василия II². Исто-

¹ Шандровская В. С. Неизвестный страгиг фемы Сервия // АДСВ. 2009. Т. 39. С. 209–218.

² См.: Кекавмен. Советы и рассказы: Поучение византийского полководца XI века / подгот., пер., коммент. Г. Г. Литаврина. СПб., 2003. С. 191–193, 271; Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / rec. I. Thurm. Berolini, 1973. P. 344–345, 364.

рию Сервии подробно исследовал А. С. Мохов³. Первоначально этот район входил в состав фемы Фессалоника, затем здесь была создана самостоятельная малая фема, время возникновения которой неизвестно. Но известны печати стратигов Сервии: это Михаил Авксентиот, вестарх и стратиг, и Николай Дермокаит, протоспафарий и стратиг фемы Сервия, по мнению исследователя, свидетельствующие в пользу того, что фема действительно просуществовала недолго. Как кажется, более определенной является предложенная им дата ликвидации фемы – 1018 г. со ссылкой на сообщение Скилицы о том, что после завоевания Болгарии в 1018 г. по приказу Василия II Никифор Ксифий «разрушил и сровнял с землей все крепости в областях Сервии и Соска»⁴. А. С. Мохов полагает, что причиной этого явилась «утрата Сервией ее значения в оборонительной системе вокруг Фессалоники, так как границы империи были резко отодвинуты на север к Дунаю»⁵. Как следствие, именно поэтому «в 1018 г. Никифор Ксифий разрушил крепостные сооружения Сервии»⁶. Появление в Сервии в качестве стратига Севаты Сенахерима датируется автором второй половиной 980-х гг., что, по его мнению, было связано с переселенческой политикой Василия II и давлением, оказываемым Византией на государства Закавказья, резко усилившимся после аннексии владений Багратида Давида Куропалата в Тао (1000)⁷. Свидетельством этого стали поход византийских войск вдоль границ армянских государств и встреча императора Василия II с царями Вананда и Васпуракана, поспешившими ему навстречу. Давление на последнего усилилось накануне разгрома Византией Болгарии, когда исход войны был predetermined. В 1014 г. к границам Васпуракана были отправлены болгарские контингенты⁸.

Датировка правления Севаты в Сервии второй половиной 980-х гг., по моему мнению, вряд ли возможна, как и время расформирования фемы в 1018 г. Разрушение крепостей в области Сервии или не коснулось крепости (фемы), или же произошло несколько позже, в пользу чего свидетельствует патроним Севаты – Сенахерим. В. С. Шандровская закономерно отметила, что Сенахеримы – это потомки царя Васпу-

³ Мохов А. С. Микроструктуры византийской военно-административной системы в X–XI вв.: фема Сервия // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2010. № 3 (79). С. 19–30.

⁴ Ioannis Scylitzae... P. 364. 67–68.

⁵ Мохов А. С. Микроструктуры византийской военно-административной системы... С. 26.

⁶ Там же.

⁷ Юзбашян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX–XI вв. М., 1988. С. 141–142.

⁸ См.: Бартикян Р. М. О болгарском войске в Васпуракане и последних годах царства Арцруни // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1973. Вып. 10. С. 191–198.

ракана Сенекерима Арцруни⁹. Переселение царя с семейством и семьей его брата и соправителя, к этому времени умершего, в Византию, произошло в 1021 г., что общепризнанно¹⁰. Известны две группы армянских источников, датировавших переселение Арцрунидов около 1016 г. или около 1021 г.¹¹ в связи с тюркскими набегами на Васпуракан и растущим давлением Византии. Вопрос решается в пользу 1021/1022 г. упоминанием Яхъей Антиохийским передачи Сенекеримом Васпуракана Василию II в контексте событий зимы 1021/1022 г.¹² Царь получил сан магистра или патрикия, пост стратига Каппадокии и «Севастию, Лариссу, Авару и много других владений» (καὶ κτήσεις ἀντιλαβὼν τάσδε τὰς πόλεις, τὴν Σεβάστειαν, τὴν Λάρισσαν, τὴν Ἀβαραν, καὶ ἄλλας κτήσεις πολλὰς)¹³. Его жена Хушуш, дочь шаханшаха Ширак-Анийского царства Гагика I, получила сан зосты патрикии¹⁴. Старший сын Давид получил сан магистра, младшие сыновья Атом, Абусахл и Константин стали проедрами¹⁵. Известны печати Абусахла и Константина как куропалатов¹⁶. Вместе с Сенекеримом переселился и его племянник Дереник, о котором больше ничего не известно. Так как переселение Арцруни датируется 1021 г., то Севата мог быть стратигом Сервии только после этой даты и даже позже. Но тогда и свидетельство Скилицы вряд ли можно трактовать в пользу тотального разрушения крепости Сервии в 1018 г. Датировать его более ранним временем невозможно, так как Арцруни стали Сенекеримами-Сенахеримами только после переселения их в Византию и даже позже, после смерти царя. Патроним этот известен по печатям вдовы и сыновей царя – Атома и Абусахла. В надписи печати Хушуш названа не супругой царя, но матерью магистра Давида Сенакерима. Дата смерти царя не известна. Традиционно называ-

⁹ Шандровская В. С. Неизвестный стратиг... С. 215.

¹⁰ Подробнее см.: Юзбация К. Н. Армянские государства... С.150–155, 179–182. По предположению Р. М. Бартикяна, переговоры об обмене владениями могли начаться в 1016 г., см.: Бартикян Р. М. О болгарском войске в Васпуракане... С. 195.

¹¹ Агаджанов С. Г., Юзбация К. Н. К истории тюркских набегов на Армению в XI в. // ПС. 1965. Вып. 13. С. 146–149.

¹² Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского / изд. В. Р. Розен. СПб., 1883. С. 62.

¹³ Ioannis Scylitzae... P. 354. 94–355. 6.

¹⁴ Seibt W. Armenische personlichkeiten auf byzantinischen Siegeln // Armenian Perspectives. 10th Anniversary Conference of the Association Internationale des Etudes Arméniennes / ed. N. Awde. Richmond, 1997. S. 270.

¹⁵ Cheynet J.-Cl. De Tziliapert à Sébastè // SBS. 2006. T. 9. P. 223; Seibt W. The Sons of Senek'erim Yovhannes, the Last King of Vaspurakan, as Byzantine Aristocrats // REArm. 2016–2017. T. 37. P. 119–133.

¹⁶ SPINK Auction 132. Byzantine Seals from the Collection of George Zacos, Part II with Ancient and Gaulish Coins. London, Tuesday 25 May 1999. № 121.

ют 1026 г. То есть Севата мог стать Сенахеримом не ранее 1021–1026 гг. Но тогда Сервия как фема или не была уничтожена, или была довольно быстро восстановлена¹⁷.

REFERENCES

Agadzhanov, S. G., & Yuzbashyan, K. N. (1965). K istorii tiurkskikh nabegov na Armeniiu v XI v. [On the History of the Turkic Raids on Armenia in the Eleventh Century]. *Palestinskii sbornik*, 13, 146–149.

Alekseienko, N. A., & Stepanenko, V. P. (2020). Senakherimy v Vizantii: novaia pechat' Feodora Senakherima iz Bolgarii [Senacherims in Byzance: New Seals of Theodoros Senacherim from Bulgaria]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 25(6), 142–149.

Bartikyan, R. M. (1973). O bolgarskom voiske v Vaspurakane i poslednikh godakh tsarstva Artsruni [About the Bulgarian Army in Vaspurakan and the Last Years of the Kingdom of Artsruni]. *Vestnik obshchestvennykh nauk AN Armianskoi SSR*, 10, 191–198.

Cheyne, J.-Cl. (2006). De Tziliapert à Sébastè. *Studies in Byzantine Sigillography*, 9, 213–226.

Litavrin, G. G. (2003). *Kekavmen. Sovety i rasskazy: Pouchenie vizantiiskogo polkovodtsa XI veka* [Kekaumenos. Tips and Stories: The Teachings of a Byzantine Commander of the Eleventh Century]. St Petersburg: Aleteia.

Mokhov, A. S. (2010). Mikrostruktury vizantiiskoi voenno-administrativnoi sistemy v X–XI vv.: fema Serviiia [Microstructures of the Byzantine Military-Administrative Dystem in the Tenth–Eleventh Centuries: Themes of Servia]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*, 3, 19–30.

Rozen, V. R. (Ed.). (1883). *Imperator Vasilii Bolgaroboitsa. Izvlecheniia iz letopisi Yakh'i Antiokhiiskogo* [Emperor Basil the Bulgar Slayer. Extracts from the Chronicle of Yahya of Antioch]. St Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk.

Shandrovskaya, V. S. (2009). Neizvestnyi stratig femy Serviiia [Unknown Strategos of the Theme of Servia]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 39, 209–218.

Seibt, W. (1997). Armenische personlichkeiten auf byzantinischen Siegeln. In N. Awde (Ed.), *Armenian Perspectives. 10th Anniversary Conference of the Association Internationale des Etudes Arméniennes* (pp. 269–272). Richmond: Curzon Press.

Seibt, W. (2016–2017). The Sons of Senek'erim Yovhannes, the Last King of Vaspurakan, as Byzantine Aristocrats. *Revue des Etudes Armeniennes*, 37, 119–133.

¹⁷ Что касается Сенахеримов, то представители рода известны в Византии вплоть до XIII в. Показательно, что проедр Федор Сенахерим, известный по актовому материалу и по данным сфрагистики, в 1083 г. явно принадлежал к администрации нового императора Алексея I Комнина, см.: *Алексеевко Н. А., Степаненко В. П. Сенахеримы в Византии: новая печать Феодора Сенахерима из Болгарии // Вестник ВолГУ. Серия 4. История, регионведение, международные отношения. 2020. Т. 25, № 6. С. 142–149.*

В. П. Степаненко

SPINK Auction 132. Byzantine Seals from the Collection of George Zacos, Part II with Ancient and Gaulish Coins. (1999, 25 May). London: [s. n.].

Thurm, I. (Ed.). (1973). *Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum*. Berolini: Novi Eboraci.

Yuzbashyan, K. N. (1988). *Armianskie gosudarstva epokhi Bagratidov i Vizantiia IX–XI vv.* [Armenian States of the Bagratid Era and Byzantium of the Ninth–Eleventh Centuries]. Moscow: Nauka.

Степаненко Валерий Павлович

доктор исторических наук,
профессор кафедры истории
Древнего мира и Средних веков
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: v.stepanenko49@mail.ru

Stepanenko, Valerii Pavlovich

Dr. Hab. (History), Professor
Ancient and Medieval History Department
Ural Federal University
51 Lenin Ave, 620000, Ekaterinburg,
Russia
Email: v.stepanenko49@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8399-5530>
Scopus AuthorID: 57214225646

В. К. Ганцев

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, Россия*

ВИНОГРАДНЫЕ НОЖИ СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА

В статье рассматриваются археологические данные, свидетельствующие о развитии в средневековом Крыму виноградарства как специализированной отрасли сельского хозяйства. Упоминания в научной литературе о местах высадки виноградных лоз (урочище Димитраки, округа Сүйреньской крепости, Мангула и др.) не сопровождаются необходимым описательным и иллюстративным материалом. Поэтому к числу достоверных археологических источников следует отнести, прежде всего, находки специальных виноградных ножей, имеющих изогнутую («луновидную») форму лезвия. Выделено три зоны их распространения – Юго-Западный (округа Херсона, Эски-Кермен, Мангуп и округа Сүйреньской крепости), Юго-Восточный (Тепсень и Кордон-Оба) и Южный Крым (Исар-Кая и округа крепости Фуна). Хронология их бытования приходится на период VIII–XIII вв. На основании морфологических признаков выделено две основные группы виноградных ножей: к группе 1 отнесены черешковые ножи, к группе 2 – ножи с втулкой. В каждой группе выделено по две подгруппы, в зависимости от наличия или отсутствия на обратной стороне лезвия специального трапециевидного выступа – «топорика». Иконографические материалы демонстрируют, что в поздневизантийское время имели распространение виноградные ножи подгруппы 1Б – черешковый виноградный нож с подпрямоугольным «топориком» на обратной стороне лезвия. Изображения на западноевропейских позднесредневековых миниатюрах демонстрируют функциональное использование виноградных ножей подгруппы 1А – небольшие черешковые ножи без «топорика», предназначенные для обрезания гроздей винограда.

Ключевые слова: Византия; средневековый Крым; виноградарство; виноградный нож; классификация

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-90005 «Средневековое виноделие Юго-Западного Крыма по археологическим данным».

Цитирование: *Ганцев В. К.* Виноградные ножи средневекового Крыма // Античная древность и средние века. 2021. Т. 49. С. 147–163. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.011>

Поступила в редакцию 01.07.2021

Принята к печати 11.10.2021

В. К. Ганцев

Valentin K. Gantsev

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russia*

WINEGROWER'S KNIVES IN THE MEDIAEVAL CRIMEA

This paper addresses the archaeological evidence of the development of viticulture in the mediaeval Crimea as a specialized branch of agriculture. Although the scholarship mentions the areas where vines were planted (Dimitraki hollow, the vicinity of the castle of Siuren', Mangup, etc.), these publications do not provide any appropriate descriptions or illustrations. Therefore, reliable archaeological sources include primarily the finds of special winegrower's knives with a curved (crescent-shaped) blade. There are three zones of their distribution in the south-western (vicinity of Cherson, Eski-Kermen, Mangup, and the vicinity of the castle of Siuren'), south-eastern (Tepsen' and Kordon-Oba), and southern Crimea (Isar-Kaia and the vicinity of the castle of Funa). Their chronology covers the period from the eighth to thirteenth centuries. There are two main groups of winegrower's knives determined according to their morphological features: group 1 comprises tanged knives and group 2 socketed knives. Each group is divided into two subgroups, depending on the presence or absence of a special trapezoidal protrusion, or "axe", on the back of the blade. The iconographic materials demonstrate that winegrower's knives of subgroup 1B occurred in the Late Byzantine Period (tanged winegrower's knife with a sub-rectangular "axe" on the back of the blade). Western European Late Mediaeval miniatures demonstrate the functional use of winegrower's knives of subgroup 1A (small tanged knives with no "axe") intended for cutting bunches of grapes.

Keywords: Byzantium; mediaeval Crimea; viticulture; winegrower's knife; classification

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR, project No 20-39-90005 *Mediaeval Wine-Making in the South-Western Crimea According to Archaeological Data*.

For citation: Gantsev, V. K. (2021). Vinogradnye nozhi srednevekovogo Kryma [Winegrower's Knives in the Mediaeval Crimea]. *Antichnaya drevnost i srednie veka*, 49, 147–163. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.011>

Submitted: 01.07.2021

Accepted: 11.10.2021

Виноградные ножи средневекового Крыма

Введение. В Средние века основной экономики Крымского полуострова, как, впрочем, и многих других регионов Европы, являлось сельское хозяйство¹. Одной из его специализированных отраслей было виноградарство и виноделие, распространенное на полуострове с эпохи Античности².

Изучение средневекового виноградарства и виноделия в Таврике до сих пор находится на стадии формирования источниковой базы. О масштабном экспортном характере виноделия на полуострове в это время свидетельствуют прежде всего зафиксированные в округе или непосредственно на территории большинства «пещерных городов» Юго-Западного Крыма (Мангуп, Эски-Кермен, Качи-Кальон, Кыз-Кермен и др.) стационарные скальные виноградодавильни³. В крымских природных условиях они функционировали исключительно как устройства, предназначенные для первичной переработки винограда⁴. С учетом этого факта, мы можем констатировать, что одновременно с виноделием в средневековом Крыму получило развитие виноградарство. К сожалению, археологических свидетельств культивирования винограда в регионе немного.

Упоминания в специальной научной литературе о местах высадки в средневековую эпоху виноградных лоз в урочище Димитраки близ Судака, на мысе Ай-Фока, на северном склоне холма Кордон-Оба⁵, в округе Сюйреньской крепости (восточные склоны северных отрогов горного массива Чердаклы-Баир)⁶, на территории заброшенного раннесредневекового некрополя Эски-Кермена⁷ и южного

¹ Статья является развернутым вариантом доклада, представленного на XII Международном Византийском семинаре «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис» (Балаклава, 2020): *Ганцев В. К.* Виноградные ножи в средневековом Крыму: опыт классификации // XII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис»: материалы науч. конф. / отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь, 2020. С. 77–84.

² *Винокуров Н. И.* Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья. Симферополь; Керчь, 2007.

³ *Ганцев В. К.* Итоги и перспективы исследований средневековых памятников виноградарства и виноделия в Юго-Западном Крыму // Материалы Международной научной конференции «XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья» / ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь, 2019. С. 132–137.

⁴ В средиземноморском районе подобные прессы использовали не только для отжима сока из винограда, но и для прессования оливок с целью получения масла.

⁵ *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев, 1990. С. 72.

⁶ *Даниленко В. Н.* Монастырское хозяйство в Крыму // Проблемы истории и археологии Крыма / ред.-сост. Ю. М. Могаричев. Симферополь, 1994. С. 131.

⁷ *Айбабин А. И.* Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 1991. Вып. 2. С. 49.

склона Мангупа⁸ требуют дополнительной проверки на местности. Сведения о месторасположении средневековых виноградников не сопровождаются необходимым описательным и графическим материалом, в том числе не указаны размеры лунок от черенков виноградной лозы, расстояние между лунками, сопутствующие датирующие находки, если таковые имеются, что в итоге затрудняет их анализ и интерпретацию. Редкими являются палеоботанические исследования на средневековых крымских памятниках, которые были связаны с выращиванием винограда и производством вина⁹. Принимая во внимание вышесказанное, следует признать, что к числу немногочисленных, но достоверных археологических источников, свидетельствующих о работе на винограднике, безусловно, следует отнести находки так называемых виноградных ножей¹⁰, имеющих изогнутую («луновидную») форму.

Методы. Железный виноградный нож состоит из двух основных частей – изогнутого дугообразного лезвия (заостренного с одной или реже с двух сторон) и рукоятки (черешковой или втульчатой). Лезвие может иметь с внешней стороны специальный прямоугольный или трапециевидный выступ, называемый «топориком» или секатором¹¹. Легкие ножи применялись для обрезки виноградной лозы, высохших побегов, спелых гроздей, сглаживания ран на лозе, прививок. Более массивные ножи могли использоваться не только на виноградниках, но также в саду для обрезки веток плодовых деревьев.

В настоящей работе мы попытаемся обобщить все известные находки подобных средневековых ножей в регионе и дать их классификацию с привлечением известных византийских и западноевропейских иконографических материалов.

Анализ. Общее количество известных на сегодняшний день виноградных ножей, найденных на памятниках средневекового Крыма, невелико – всего 12 экземпляров (ил. 1; 2, 1–5, 8–14).

⁸ Герцен А. Г., Науменко В. Е. К изучению истории Мангупа VIII–XI вв. Состояние источниковой базы и перспективы исследований // МАИЭТ. 2018. Вып. 23. С. 627.

⁹ В пробах грунта из Херсонеса (культурные напластования X и XIII вв.) были выявлены семена культурного винограда *vitis vinifera*, см.: Паукевич Г. А. Современное состояние палеоэтноботанических исследований Херсонеса // ХС. 2006. Вып. 15. С. 175.

¹⁰ В зарубежной литературе для виноградных ножей могут использовать термин *kladeteurion*, см.: Bryer A. Byzantine Agricultural Implements: the Evidence of Medieval Illustration of Hesiod's "Works and Days" // The Annual of the British School at Athens. 1986. Vol. 81. P. 78; Λιβερη Α. Βυζαντινά γεωργικά εργαλεία και μηχανές // Δελτίον της Χριστιανικής Αρχαιολογικής Εταιρείας. 2000. Τ. 21. Σ. 282.

¹¹ В античной сельскохозяйственной литературе данный выступ называли *secures* («топор»). Frolec V. Tradiční vinařství na Moravě. Brno, 1974. S. 37.

Виноградные ножи средневекового Крыма

Ил. 1. Места находок средневековых виноградных ножей в Крыму: 1 – поселение на правом берегу Камышевой бухты (земельный надел № 32); 2 – городище Эски-Кермен; 3 – поселение у подножия мыса Кулле-Бурун (округа Сюйреньской крепости); 4 – городище Мангуп; 5 – укрепление Исар-Кая; 6 – поселение, расположенное в округе крепости Фуна; 7 – поселение Кордон-Оба; 8 – поселение Тепсень

Fig. 1. Findspots of mediaeval winegrower's knives in the Crimea: 1 – a settlement on the right bank of Kamyshovaia Bay (land plot 32); 2 – ancient town of Eski-Kermen; 3 – settlement at the foot of Kulle-Burun promontory (in the vicinity of the castle of Siuiren'); 4 – ancient town of Mangup; 5 – fort of Isar-Kaia; 6 – a settlement in the vicinity of the castle of Funa; 7 – settlement of Kordon-Oba; 8 – settlement of Tepsen'

1. Один виноградный нож найден в хозяйственном помещении, входившем в состав средневековой усадьбы, расположенной в северо-западной части Гераклеийского полуострова, на правом берегу Камышевой бухты (античный земельный надел № 32)¹² (ил. 1, 1; 2, 8). Данная усадьба, перепланированная в конце VI – первой четверти VII в., функционировала вплоть до первой половины X в. или даже XI в.¹³ Сузить датировку интересующей нас находки, к сожалению, не представляется возможным. Предложенная Т. Ю. Яшаевой общая хронология усадьбы в историографии вызывает сомнения¹⁴.

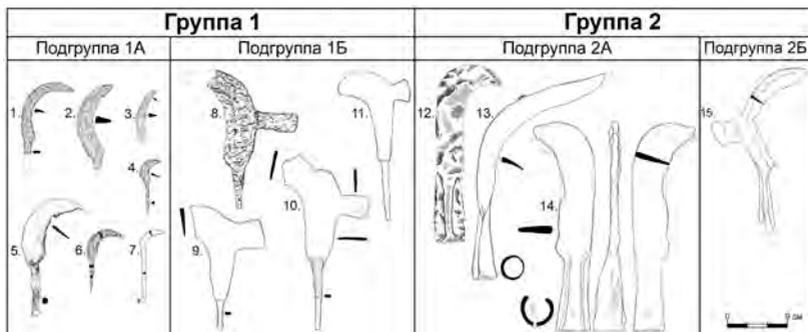
2. Наибольшая коллекция опубликованных виноградных и садово-виноградных ножей происходит из раскопок Эски-Кермена (4 экз.)¹⁵. Все ножи обнаружены в слое пожара конца XIII в. (ил. 1, 2; 2, 9, 10, 13, 14).

¹² Яшаева Т. Ю. Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклеийском полуострове // ХС. 1999. Вып. 10. С. 351. Рис. 8, 5.

¹³ Там же. С. 354–355.

¹⁴ Голофаст Л. А., Евдокимов П. А. К вопросу о времени бытования амфор с мелким зональным рифлением (по материалам раскопок в Фанагории) // МАИЭТ. 2019. Вып. 24. С. 192.

¹⁵ Айбабин А. И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. 19. С. 243. Рис. 14: 5, 6; Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Византийский сельскохозяйственный инвентарь из раскопок на Эски-Кермене // ТГЭ. 2015. Т. 74. С. 363–364. Ил. 5, 1, 2; 6; 7, 1, 2.

Ил. 2. Типология средневековых виноградных ножей, найденных на памятниках Крыма и Хазарского каганата: 1–2 – Кордон-Оба; 3 – Тепсень; 4 – поселение в округе крепости Фуна; 5 – Мангуп; 6 – Маяцкое городище; 7 – округа поселения Сухая Гомольша; 8 – поселение на берегу Камышевой бухты (Гераклейский полуостров); 9–10, 13–14 – Эски-Кермен; 11 – поселение в округе Сюйренской крепости; 12 – Исар-Кая; 15 – Правобережное Цимлянское городище

Fig. 2. A typology of the mediaeval winegrower's knives discovered at the Crimean and Khazar Khanate sites: 1–2 – Kordon-Oba; 3 – Tepsen'; 4 – a settlement in the vicinity of the castle of Funa; 5 – Mangup; 6 – Maiaki settlement; 7 – vicinity of the settlement of Sukhaia Gomol'sha; 8 – a settlement on the shore of Kamyshovaia Bay (Gerakleiskii Peninsula); 9–10, 13–14 – Eski-Kermen; 11 – a settlement in the vicinity of the castle of Siuren'; 12 – Isar-Kaya; 15 – Pravoberezhnoe Tsimlianskoe ancient town

3. Один виноградный нож найден при раскопках раннесредневекового поселения, расположенного у северного подножия мыса Кулле-Бурун (округа Сюйренской крепости, юго-западная окраина с. Большое Садовое)¹⁶ (ил. 1, 3; 2, 11). Он происходит из культурного слоя XIII–XV вв.¹⁷ Морфологическое сходство сюйренского виноградного ножа с эски-керменскими экземплярами позволяет предположительно сузить его датировку до XIII в.

4. Один виноградный нож найден во время раскопок жилой застройки Мангупского городища в верховьях балки Гамам-Дере вблизи церкви Св. Константина (ил. 1, 4; 2, 5)¹⁸. находка происходит из культурного горизонта (слой № 2), сформировавшегося в процессе функционирования строительного яруса турецкого времени (вторая половина XVII – начало XVIII в.). Авторами публикации материалов раскопок подчеркивается,

¹⁶ Выражаю признательность Л. А. Омельковой за возможность публикации материалов раскопок памятника.

¹⁷ Омелькова Л. А. Отчет о раскопках и разведках в Бельбекской долине в 1979 г. // НА ИА НАНУ. Ф. 9481. Д. 1979/127. Л. 11.

¹⁸ Выражаю признательность А. Г. Герцену и В. Е. Науменко за возможность самостоятельной публикации материалов раскопок памятника.

Виноградные ножи средневекового Крыма

что бо́льшая часть обнаруженных в нем вещественных предметов относится к более раннему времени, т. е. является «переотложенным» археологическим материалом¹⁹. В таком случае наша находка, скорее всего, относится ко второй половине IX – середине XI в., когда на Мангупе получило развитие виноделие²⁰ и сопутствующее ему виноградарство.

5. Один виноградный нож найден в помещении многокамерной постройки у северной оборонительной стены укрепления Исар-Кая (XII–XIII вв.)²¹ (ил. 1, 5; 2, 12).

6. Один виноградный нож найден при раскопках средневекового поселения, расположенного в 1,35 км к востоку от крепости Фуна у юго-западного подножия г. Южная Демерджи²² (ил. 1, 6; 2, 4). Материалы раскопок поселения не опубликованы. В краткой заметке об итогах археологических работ приведена дата памятника: конец IX – начало X в.²³

7. Два виноградных ножа найдены на поселении Кордон-Оба, расположенного у пос. Курортное²⁴ (ил. 1, 7; 2, 1, 2). По мнению И. А. Баранова, поселение функционировало в VIII – первой половине X в. Детальной информации о контексте обнаружения интересующих нас находок и сопутствующем археологическом материале в опубликованных материалах не содержится.

8. Фрагмент лезвия виноградного ножа найден во время раскопок дома № 14 на Тепсеньском городище, расположенном у современного пос. Коктебель²⁵ (ил. 1, 8; 2, 3). Слои функционирования дома № 14 датирован В. В. Майко второй половиной VIII – первой половиной X в.

Картографирование мест находок виноградных ножей, позволяет выделить две основные зоны их распространения – территория Юго-Западного (округа Херсона, Эски-Кермен, Мангуп, округа Суйренской крепости) и Юго-Восточного Крыма (Тепсень и Кордон-Оба) (ил. 1). Предварительно выделим третий регион – Южный Крым (Исар-Кая и округа крепости Фуна). Следует признать, что только дальнейшее обна-

¹⁹ Герцен А. Г., Науменко В. Е., Иванова О. С., Смокотина А. В. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки // МАИЭТ. 2007. Вып. 13. С. 244.

²⁰ Герцен А. Г., Науменко В. Е., Ганцев В. К. Скальные виноградодавилини Мангупа // XI Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис»: материалы науч. конф. Симферополь, 2019. С. 83.

²¹ Мыц В. Л. Средневековое укрепление Исар-Кая // СА. 1987. № 2. С. 238. Рис. 7, 12.

²² Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев, 2004. С. 228. Рис. 130, 3.

²³ Кирилко В. П., Мыц В. Л. Средневековая Фуна: замок, поселение, некрополь // Археологічні дослідження в Україні: 1991 р. Луцьк, 1993. С. 41.

²⁴ Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья... С. 71. Рис. 27, 2; Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень... С. 226, 229. Рис. 130, 1, 2.

²⁵ Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень... С. 225. Рис. 130, 6.

ружение виноградных ножей на средневековых памятниках Крыма позволит сузить или укрупнить выделенными нами географические зоны.

Привлекает внимание факт обнаружения виноградных ножей на ближайших к Крыму памятниках салтово-маяцкой культуры: Маяцкое городище²⁶, округа поселения Сухая Гомольша (Харьковская обл.)²⁷, Правобережное Цимлянское городище²⁸ (ил. 2, 6, 7, 15). Археологические доказательства развития в Подонье хазарского времени виноградарства дополняются письменными источниками²⁹. Напротив, письменных данных о средневековых виноградниках в Таврике в нашем распоряжении нет³⁰.

Датировка многих рассматриваемых артефактов остается открытой. Лишь ножи из раскопок Эски-Кермена, поселения у подножия мыса Кулле-Бурун, Исар-Кая и Тепсеньского поселения имеют ясный археологический контекст. Наиболее ранней из них является находка виноградного ножа на Тепсене, которая датируется, скорее всего, второй половиной VIII – первой половиной X в. К XIII в. относятся ножи из Эски-Кермена, округа Сюйренской крепости и Исар-Кая. Остальные известные находки происходят из «переотложенных» культурных горизонтов (Мангуп) либо условия их обнаружения остаются пока неясными (Кордон-Оба, Фуна, округа Херсона). Что касается находок виноградных ножей на памятниках Подонья, в опубликованных материалах не содержится подробной информации о месте и контексте обнаружения ножей³¹, в целом их датируют VIII–X вв.

Обратимся теперь к классификации рассматриваемой нами группы археологических предметов. В историографии есть несколько вариантов типологического деления виноградных ножей, предложенных В. Фролем³²

²⁶ Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985. С. 42, 128. Рис. 19, 8.

²⁷ Колода В. В. Еще одна группа салтовских артефактов из Сухой Гомольши // Салтово-маяцкая археологічна культура: проблеми та дослідження. 2012. Вып. 2. С. 31.

²⁸ Плетнева С. А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. 1994. Вып. 4. С. 323, 384. Рис. 47, 8.

²⁹ См.: Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень... С. 225–226.

³⁰ Недавнее прочтение на карнизе с Мангупской базилики готских надписей, среди которых упоминается «виноградарь (?)» на данный момент является довольно спорным. См. об этом: Шальга Д. А. К вопросу о письменности крымских готов // МАИЭТ. 2016. Вып. 21. С. 314; *Виноградов А. Ю.* Основные проблемы и вопросы изучения эпиграфики Мангупа // МАИЭТ. 2017. Вып. 22. С. 286, 298; *Курьшиева М. А., Фонкич Б. Л.* К палеографической интерпретации греческих граффити Мангупской базилики // СВ. 2017. Вып. 78, № 3. С. 167–179.

³¹ Исключением является виноградный нож в составе клада, найденного в округе поселения Сухая Гомольша. См. об этом: *Колода В. В.* Еще одна группа салтовских артефактов... С. 30–31.

³² *Frolec V.* Tradiční vinařství na Moravě... S. 42–48. На основании типологии В. Фролема во многом построена классификация Н. И. Винокурова, см.: *Винокуров Н. И.* Виноградарство и виноделие... С. 92. Рис. 40.

Виноградные ножи средневекового Крыма

и И. Хеннингом³³. Следует отметить, что классификация данной группы памятников не увязана со временем их бытования³⁴, а основана на морфологических признаках или функциональном применении ножей (виноградные или садово-виноградные). Виноградные ножи, имеющие различную форму рукоятки и лезвия, использовались населением зоны сельскохозяйственного культивирования виноградной лозы повсеместно, начиная с эпохи Античности³⁵ и вплоть до изобретения в конце XVIII в. Б. Мольвилем более продуктивного механического секатора³⁶.

Основываясь на существующих классификациях, обнаруженные в средневековом Крыму виноградные ножи можно разделить на две типологические группы – виноградные ножи с черешковой рукояткой (группа 1) и виноградные ножи с рукояткой-втулкой (группа 2). В каждой группе выделяются по две подгруппы инструментов: у лезвия ножа подгруппы А отсутствует дополнительный выступ – «топорик»; соответственно, у подгруппы Б с внешней стороны лезвия этот прямоугольный или трапециевидный «топорик» присутствует (ил. 2).

К подгруппе 1А относятся черешковые виноградные ножи без «топорика» из Кордон-Обы (размеры лезвия первого из них $8,6 \times 1,4$ – $1,9$ см (ил. 2, 1); размеры лезвия второго – $10,8 \times 2,4$ см (ил. 2, 2)), Тепсея (размеры фрагмента лезвия $7,4 \times 1,2$ см) (ил. 2, 3), Фуны (размеры его черенка – $5,0 \times 0,5$ см, лезвия – $3,0 \times 1,3$ см) (ил. 2, 4), Мангупа (размеры его черенка – $7,8 \times 1,4$ см, лезвия – $9,5 \times 3,4$ см) (ил. 2, 5), Маяцкого городища (размер его черенка – $4,8 \times 0,7$ см, лезвия, заостренного с двух сторон, – $4,4 \times 1,6$ см.) (ил. 2, 6) и округа поселения Сухая Гомольша (размер его черенка – $5,4 \times 0,5$ см (имеет на конце выступ), лезвия – $5,3 \times 0,9$ см) (ил. 2, 7). Подгруппа 1А нашей классификации близка к форме G3 по И. Хеннингу³⁷; основным периодом их использования в Балкано-Карпатском регионе исследователь считает VIII–X вв.

К подгруппе 1Б относятся черешковые виноградные ножи с «топориком» из усадьбы надела № 32 (размеры его черенка – $6,0 \times 0,9$ – $1,8$ см,

³³ *Henning J. Südosteuropa zwischen Antike und Mittelalter: Archäologische Beiträge zur Landwirtschaft des I. Jahrtausends u. Z. Berlin, 1987. S. 95–96.*

³⁴ И. Хеннингом предпринята попытка датировки виноградных ножей, основанная на хронологии кладов железных предметов, обнаруженных в Балкано-Карпатском регионе, в составе которых были найдены рассматриваемые нами предметы. На современном уровне археологических знаний предложенная И. Хеннингом датировка требует корректировки и уточнения. См.: *Бутарски И., Иваншиевич Б. Раносредневековна остава гвоздених предмета из Рујковца и слични налази са подручја Централног Балкана // Старинар. 2013. Т. 63. С. 139–145; Curta F. New Remarks on Early Medieval Hoards of Iron Implements and Weapons // Studien zur Archäologie Europas. 2011. Vol. 14. P. 309–332.*

³⁵ *Frolec V. Tradiční vinařství na Moravě... S. 34; Винокуров Н. И. Виноградарство и виноделие... С. 93.*

³⁶ *Bryer A. Byzantine Agricultural Implements... P. 78.*

³⁷ *Henning J. Südosteuropa Zwischen Antike und Mittelalter... S. 213. Taf. 38.*

сохранившейся части лезвия – $14,0 \times 4,5$ см, «топорика» вытянутой прямоугольной формы – $6,02 \times 2,84$ см) (ил. 2, 8), Эски-Кермена (размеры сохранившейся части лезвия первого из них – $14,0 \times 5,0$ см, «топорика» прямоугольной формы – $4,3 \times 4,3$ см (ил. 2, 9); размеры черенка второго ножа – $9,6 \times 0,8$ – $1,5$ см; лезвия – $15,0 \times 6,0$ см, «топорика» трапециевидной формы – $4,2 \times 3,3$ см (ил. 2, 10)) и округи Сюйреньской крепости (размеры его черенка – $8,8 \times 1,0$ см, лезвия – $13,4 \times 4,5$ см, «топорика» трапециевидной формы – $3,4 \times 2,6$ см) (ил. 2, 11).

К подгруппе 2А относятся виноградные ножи с втулкой и лезвием без «топорика» из Исар-Кая (размер втулки этого ножа – $9,6 \times 4,5$ см, лезвия – $16,5 \times 4,5$ см) (ил. 2, 12) и Эски-Кермена (размер втулки первого из них – $11,5 \times 1,8$ – $3,7$ см, лезвия – $19,0 \times 3,0$ см (ил. 2, 13); размер втулки второго – $10,8 \times 3,8$ – $4,8$ см, лезвия – $20,0 \times 5,3$ см (ил. 2, 14)).

Виноградные ножи с втулкой и лезвием с «топориком» (подгруппа 2Б) на памятниках Крыма неизвестны, ближайшим местом находки ножа такого типа является Правобережное Цимлянское городище (размер его втулки – $8,7 \times 1,4$ – $2,3$ см, лезвия – $15,5 \times 2,2$ см, «топорика» прямоугольной формы – $4,0 \times 3,6$ см) (ил. 2, 15).

Обязательным элементом любого из рассматриваемых нами виноградных ножей является деревянная ручка, которая удлиняла металлический инструмент. На рукоятке сюйреньского ножа зафиксированы остатки дерева³⁸, а на одном из эски-керменских ножей сохранились остатки гвоздика, которым ручка крепилась внутри втулки³⁹ (ил. 2, 14).

Иконографических изображений виноградных ножей сохранилось не очень много. Виноградные ножи подгруппы 1А изображены на средневековых западноевропейских миниатюрах из манускрипта второй половины XIV в. (ил. 3, 1) и XV в. (ил. 3, 2), Псалтыря Алиеноры Аквитанской (ок. 1185 г.) (ил. 3, 3), календаря XII–XIII вв. (ил. 3, 4). Обращают на себя внимание сцены обрезки спелых гроздей винограда, на которых изображены ножи этой подгруппы (ил. 3, 1–3), что находит подтверждение и в этнографических данных⁴⁰. Виноградные ножи подгруппы 1Б изображены на византийской миниатюре середины XI в. (ил. 4), поздневизантийской миниатюре из Типикона афонского монастыря Ватопед (1346) (ил. 5, 1) и зарисовках на полях рукописи поэмы Гесиода «Труды и дни»⁴¹

³⁸ *Омелькова Л. А.* Отчет о раскопках и разведках в Бельбекской долине... С. 11.

³⁹ *Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Византийский сельскохозяйственный инвентарь... С. 363.

⁴⁰ *Henning J.* Südosteuropa zwischen Antike und Mittelalter... S. 96.

⁴¹ Рукопись, содержащая поэму Гесиода «Труды и дни», является довольно сложным палеографическим памятником, так как ее отдельные листы датируются от XII до XV в., но в целом рукопись относится к поздневизантийскому времени. См.: *Bryer A.* Byzantine Agricultural Implements... P. 61–78.

Виноградные ножи средневекового Крыма

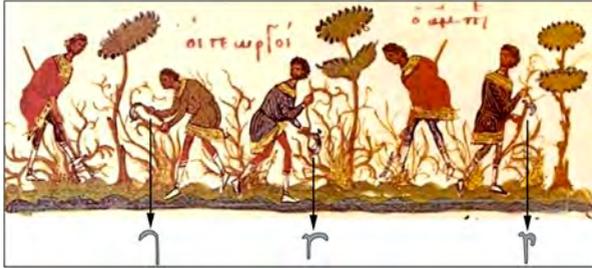

Ил. 3. Изображение виноградного ножа на миниатюрах: 1 – рукопись второй половины XIV в. Национальная библиотека Франции, гр. 1403 (URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84522015/f25.double> (дата обращения: 30.03.2021)); 2 – манускрипт XV в. Библиотека Мазарини (Париж, Франция), гр. 0502, ф. 154 (URL: <https://portail.biblissima.fr/fr/ark:/43093/mdatab878ab3fb316642cd8a92a5a0664449db021c84c> (дата обращения: 30.03.2021)); 3 – Псалтырь Алиеноры Аквитанской (ок. 1185 г.). Национальная библиотека Нидерландов, гр. 76, ф. 13 (URL: <https://galerij.kb.nl/kb.html#/en/psalter/page/7/zoom/1/lat/-59.17592824927136/lng/-229.921875> (дата обращения: 30.03.2021)); 4 – календарь XII–XIII вв. Библиотека Фонда Мартина Бодмера (Кельн, Германия) (URL: <http://www.e-codices.unifr.ch/en/fmb/cb-0030/3r> (дата обращения: 30.03.2021)). Прорисовка виноградных ножей автора

Fig. 3. Winegrower's knife on miniatures: 1 – a second half of the fourteenth century manuscript. French National Library, Gr. 1403 (URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84522015/f25.double> (accessed: 30.03.2021)); 2 – a fifteenth-century manuscript. Mazarini Library (Paris, France), Gr. 0502, f. 154 (URL: <https://portail.biblissima.fr/fr/ark:/43093/mdatab878ab3fb316642cd8a92a5a0664449db021c84c> (accessed: 30.03.2021)); 3 – Psalter of Eleanor of Aquitaine (ca. 1185). National Library of the Netherlands, Gr. 76, f. 13 (URL: <https://galerij.kb.nl/kb.html#/en/psalter/page/7/zoom/1/lat/-59.17592824927136/lng/-229.921875> (accessed: 30.03.2021)); 4 – twelfth-thirteenth-century calendar. Library of the Foundation Martin Bodmer (Cologne, Germany) (URL: <http://www.e-codices.unifr.ch/en/fmb/cb-0030/3r> (accessed: 30.03.2021)). Line-drawing of the winegrower's knives by the author

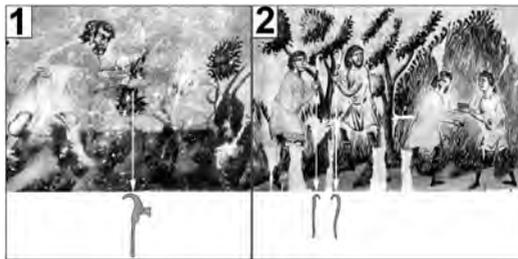
(ил. 6, 1–5). Отметим изображение черешкового виноградного ножа с «топориком» (группа 1Б) в левой руке св. Трифона (роспись церкви Св. Димитрия конца XIV в.) (ил. 6, б), являющееся неоспоримым доказательством использования данной группы ножей на работах в винограднике.

На о. Крит св. Трифон был покровителем виноделия и виноградарей; 1 февраля, в день этого святого, следовало начинать обрезку виноградных лоз⁴². Виноградно-садовые ножи подгруппы 2А изображены на поздневизантийской миниатюре из рукописи XIII в. (ил. 5, 2).

Ил. 4. Виноградные ножи на миниатюре из рукописи середины XI в., Национальная библиотека Франции, гр. 74, ф. 39 (по изданию: Λιβερη Α. Βυζαντινά γεωργικά εργαλεία και μηχανές // Δελτίον της Χριστιανικής Αρχαιολογικής Εταιρείας. 2000. 21. Σ. 281, εκ. 7). Прорисовка виноградных ножей автора

Fig. 4. Winegrower's knives on a miniature from the mid-eleventh-century manuscript, French National Library, Gr. 74, f. 39 (after: Λιβερη Α. Βυζαντινά γεωργικά εργαλεία και μηχανές // Δελτίον της Χριστιανικής Αρχαιολογικής Εταιρείας. 2000. 21. Σ. 281, εκ. 7). Line-drawing of the winegrower's knives by the author

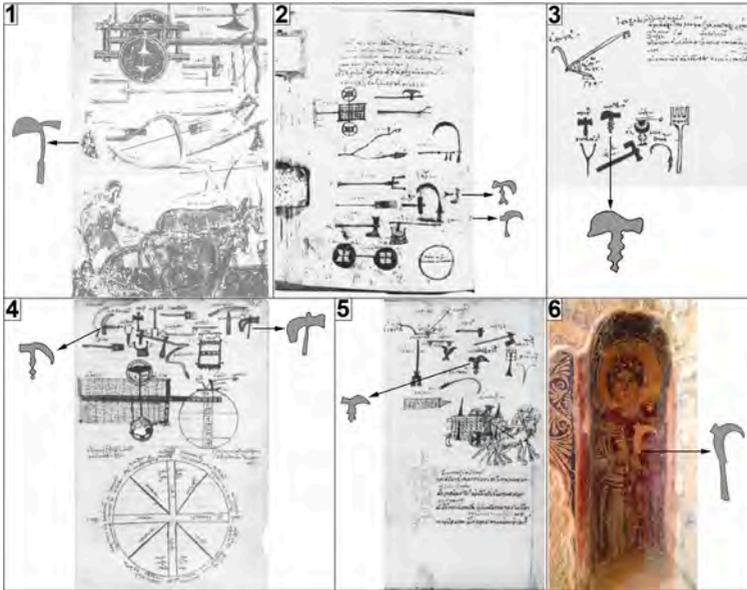

Ил. 5. 1 – виноградный нож на миниатюре из Типикона афонского монастыря Ватопед (1346), гр. 1199, ф. 89; 2 – садово-виноградные ножи на миниатюре из рукописи XIII в., афонский монастырь Ватопед (по изданию: Λιβερη Α. Βυζαντινά γεωργικά εργαλεία και μηχανές. Σ. 282–283, εκ. 10, 11). Прорисовка виноградных ножей автора

Fig. 5. 1 – winegrower's knife on a miniature from the *Typicon* of the Vatopedi Monastery on Athos (1346), Gr. 1199, f. 89; 2 – gardener's or winegrower's knives on a miniature from a thirteenth-century manuscript from the Vatopedi Monastery on Athos (after: Λιβερη Α. Βυζαντινά γεωργικά εργαλεία και μηχανές. Σ. 282–283, εκ. 10, 11). Line-drawing of the winegrower's knives by the author

⁴² Gerstel Sh. E. J. Rural Lives and Landscapes in Late Byzantium. Art, Archaeology, and Ethnography. New York, 2015. P. 121–123.

Виноградные ножи средневекового Крыма

Ил. 6. 1–5 – виноградные ножи на миниатюрах из поздневизантийской рукописи поэмы Гесиода «Труды и дни» (по изданию: *Bryer A. Byzantine Agricultural Implements: The Evidence of Medieval Illustration of Hesiod's "Works and Days"* // *The Annual of the British School at Athens*. 1986. Vol. 81. Fig. 10, 11, 13, 14, 16); 6 – виноградный нож в руке св. Трифона, изображение конца XIV в. в церкви Св. Димитрия (Крит) (по изданию: *Gerstel Sh. E. J. Rural Lives and Landscapes in Late Byzantium*. Art, Archaeology, and Ethnography. New York, 2015. Fig. 91).
Прорисовка виноградных ножей автора

Fig. 6. 1–5 – winegrower's knives on the miniatures from a Late Byzantine manuscript of Hesiod's poem *Works and Days* (after: *Bryer A. Byzantine Agricultural Implements: The Evidence of Medieval Illustration of Hesiod's "Works and Days"* // *The Annual of the British School at Athens*. 1986. Vol. 81. Fig. 10, 11, 13, 14, 16); 6 – winegrower's knife in St. Tryphon's hand on a late-fourteenth-century image in St. Demetrios's Church (Crete) (after: *Gerstel Sh. E. J. Rural Lives and Landscapes in Late Byzantium*. Art, Archaeology, and Ethnography. New York, 2015. Fig. 91). Line-drawing of the winegrower's knives by the author

Результаты. Виноградарство, являвшееся довольно перспективным сельскохозяйственным занятием, способным приносить солидный доход⁴³, получило развитие и в Крыму средне- и поздневизантийского

⁴³ *Maniatis G. The Byzantine Winemaking Industry* // *Byz.* 2013. Vol. 83. P. 229.

времени. Детальный анализ такой группы археологических предметов, как виноградные ножи, позволяет сказать, что местное население занималось виноградарством не только в Юго-Западном Крыму, но и в юго-восточной и южной части полуострова. Разнообразие форм виноградных ножей свидетельствует о высоком уровне развития культуры возделывания винограда, когда для различных видов лозы («лоза, стелющаяся по земле», или «лоза, плетущаяся по дереву») применялся различный по форме и удобству инструментарий. Виноградный нож во время обрезки урожая был незаменимым инструментом, его воровство каралось законом⁴⁴. Период сбора винограда был довольно важным в сезонном цикле виноградаря⁴⁵, от результата которого зависело его материальное благополучие. Виноградные ножи подгруппы 1Б, 2А и 2Б могли использоваться не только в винограднике, но и в саду.

Вопрос датировки большей части рассмотренных виноградных ножей остается открытым. Предварительно можно сделать вывод, что в средневековой Таврике данная группа археологических предметов бытовала в период VIII–XIII вв. При этом более вероятной датой распространения виноградных ножей на крымских памятниках подгруппы 1А является VIII–XI вв.; для подгруппы 1Б и 2А – XIII в. Анализ иконографических изображений в целом подтверждает сделанное наблюдение о том, что ножи подгруппы 1Б были распространены в поздневизантийское время.

REFERENCES

Aibabin, A. I. (1991). *Osnovnye etapy istorii gorodishcha Eski-Kermen* [The Main Stages in the History of Eski-Kermen Settlement]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2, 43–51.

Aibabin, A. I. (2014). *Gorod na plato Eski-Kermen v XIII v.* [City on the Plateau of Eski-Kermen in the Thirteenth Century]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 19, 240–277.

Aibabin, A. I., & Khairedinova, E. A. (2015). *Vizantiiskii sel'skokhoziaistvennyi inventar' iz raskopok na Eski-Kermene* [Byzantine Agricultural Implements from Excavations at Eski-Kermen]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 74, 352–368.

Baranov, I. A. (1990). *Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ia (saltovomaiatskaia kul'tura)* [Tauria in the Early Middle Ages (Saltovo-Mayaki Culture)]. Kiev: Naukova Dumka.

Bryer, A. (1986). Byzantine Agricultural Implements: the Evidence of Medieval Illustration of Hesiod's "Works and Days". *The Annual of the British School at Athens*, 81, 45–80.

⁴⁴ Византийский земельный закон / текст, исслед., коммент. Е. Э. Липшиц, И. П. Медведев, Е. К. Пиотровская; ред. И. П. Медведев. Л., 1984. С. 104.

⁴⁵ В Дигестах Юстиниана закреплено, что во время жатвы или сбора урожая человека не следует вызывать в суд, а дело следует отсрочить: Дигесты Юстиниана. Т. 1. Кн. I – IV / пер. с лат.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М., 2008. С. 243.

Виноградные ножи средневекового Крыма

Butarski, I., & Ivanishevich, B. (2013). Ranosredn'ovekovna ostava gvozdenikh predmeta iz Rujkovtsa i slichni nalazi sa podruclia Tsentralnog Balkana [Early Medieval Remains of Iron Objects in Rujkovac and Similar Finds are in the Central Balkans]. *Starinar*, 63, 131–152.

Curta, F. (2011). New Remarks on Early Medieval Hoards of Iron Implements and Weapons. *Studien zur Archäologie Europas*, 14, 309–332.

Danilenko, V. N. (1994). Monastyrskoe khoziaistvo v Krymu [Monastic Economy in Crimea]. In Yu. M. Mogarichev (Ed.), *Problemy istorii i arkheologii Kryma* [Problems of History and Archeology of the Crimea] (pp. 127–145). Simferopol: Tavriia.

Frolec, V. (1974). *Tradični vinařtvi na Moravě* [Traditional Viticulture in Moravia]. Brno: Universita JE Purkyně Publ.

Gantsev, V. K. (2019). Itogi i perspektivy issledovaniu srednevekovykh pamiatnikov vinogradarstva i vinodelia v Lugo-Zapadnom Krymu [Winegrower's Knives in Mediaeval Crimea: An Essay on the Classification]. In V. N. Zin'ko, & E. A. Zin'ko (Eds.), *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii XX Bosporskie chteniia "Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i sredneveko'ia. Osnovnye itogi i perspektivy issledovani"* [Materials of the International Scholarly Conference "XX Bosporan Readings. Cimmerian Bosphorus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Main Results and Prospects of Research"] (pp. 132–137). Simferopol; Kerch: IP Kifnidi G. I. Publ.

Gantsev, V. K. (2020). Vinogradnye nozhi v srednevekovom Krymu: opyt klassifikatsii [Winegrower's Knives in Mediaeval Crimea: An Essay on the Classification]. In N. A. Alekseenko (Ed.), *XII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar "Khersonos themata: imperiia i polis": materialy nauchnoi konferentsii* [XII International Byzantine Seminar "ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Empire and Polis": Materials of the Scientific Conference] (pp. 77–84). Simferopol: Kolorit.

Gerstel, Sh. E. J. (2015). *Rural Lives and Landscapes in Late Byzantium. Art, Archaeology, and Ethnography*. New York: Cambridge University Press.

Gertsen, A. G., & Naumenko, V. E. (2018). K izucheniiu istorii Mangupa VIII–XI vv. Sostoianie istochnikovoi bazy i perspektivy issledovaniu [For the Study in the History of Mangup from the Eighth–Eleventh Century: the Condition of Sources and Perspectives for Research]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 23, 615–640.

Gertsen, A. G., Naumenko, V. E., & Gantsev, V. K. (2019). Skal'nye vinogradodavil'ni Mangupa [The Rock-Cut Wine Presses at Mangup]. In N. A. Alekseenko (Ed.), *XI Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar "Khersonos themata: imperiia i polis": materialy nauchnoi konferentsii* [XI International Byzantine Seminar "ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Empire and Polis": Materials of the Scientific Conference] (pp. 79–86). Simferopol: Kolorit.

Gertsen, A. G., Naumenko, V. E., Ivanova, O. S., & Smokotina, A. V. (2007). Arkheologicheskie issledovaniia v raione tserkvi Sv. Konstantina (Mangup): I gorizont zastroiki [Archaeological Research in the Area of the Church of St. Constantine (Mangup): I Development Horizon]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 13, 233–298.

Golofast, L. A., & Evdokimov, P. A. (2019). K voprosu o vremeni bytovaniia amfor s melkim zonal'nym refreniem (po materialam raspokov v Fanagorii) [On the Chronology of the Amphorae with Fine Corrugation Zones (According to the Ex-

cavations in Phanagoreia)]. *Materialy po istorii, arkhologii i etnografii Tavrii*, 24, 186–216.

Henning, J. (1987). *Südosteuropa zwischen Antike und Mittelalter*. Berlin: Akademie Verlag.

Jashaeva, T. Yu. (1999). Rannesrednevekovoe poselenie v predmest'e Kherzona na Gerakleiskom poluostrove [Early Medieval Settlement on the Outskirts of Kherson on the Heracles Peninsula]. *Khersonesskii sbornik*, 10, 349–360.

Kirilko, V. P., & Myts, V. L. (1993). Srednevekovaia Funa: zamok, poselenie, nekropol' [Medieval Funa: Castle, Settlement, Necropolis]. *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini: 1991 r.* [Archaeological Research in Ukraine: 1991] (pp. 41–42). Lutsk: Nadstir'ia.

Kofanov, L. L. (Ed.). (2008). *Digesty Iustiniana* [Digests of Justinian]. Moscow: Statut.

Koloda, V. V. (2012). Eshche odna gruppa saltovskikh artefaktov iz Sukhoi Gomol'shi [Another Group of Saltov Artifacts from Sukhaya Gomolsha]. *Saltovomaiats'ka arkhologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennia*, 2, 30–36, 108–113.

Kuryshva, M. A., & Fonkich, B. L. (2017). K paleograficheskoi interpretatsii grecheskikh graffiti Mangupskoi baziliki [Southeast Europe between Antiquity and the Middle Ages]. *Srednie veka*, 78(3), 167–179.

Libere, A. (2000). Byzantina georgika ergaleia kai mechanes [Byzantine Agricultural Tools and Machines]. *Deltion ths Christianikh Arhaiologikh Etairias*, 21, 275–286.

Maiko, V. V. (2004). *Srednevekovoe gorodishche na plato Tepsen' v Iugo-Vostochnom Krymu* [Medieval Settlement on the Tepsen Plateau in the South-Eastern Crimea]. Kiev: Akadempriodika.

Maniatis, G. (2013). The Byzantine Winemaking Industry. *Byzation*, 83, 229–274.

Medvedev, I. P. (Ed.). (1984). *Vizantiiskii zemledelcheskii zakon* [Byzantine Agricultural Law]. Leningrad: Nauka.

Mikheev, V. K. (1985). *Podon'e v sostave Khazarskogo kaganata* [The Don Region in the Composition of the Khazar Kaganate]. Kharkov: Vishcha shkola.

Myts, V. L. (1987). Srednevekovoe ukreplenie Isar-Kaia [Medieval Fortification of Isar-Kai]. *Sovetskaia arkhologiya*, 2, 228–245.

Pashkevich, G. A. (2006). Sovremennoe sostoianie paleoetnobotanicheskikh issledovaniy Khersonesa [The Current State of Paleo-Ethnobotanical Research in Chersonesos]. *Khersonesskii sbornik*, 15, 165–180.

Pletneva, S. A. (1994). Pravoberezhnoe Tsimlianskoe gorodishche. Raskopki 1958–1959 gg. [Right-Bank Tsimlyansk Settlement. Excavations 1958–1959]. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii*, 4, 271–396.

Shalyga, D. A. (2016). K voprosu o pis'mennosti krymskikh gotov [Revisiting the Writing of the Crimean Goths]. *Materialy po istorii, arkhologii i etnografii Tavrii*, 21, 312–316.

Vinogradov, A. Yu. (2017). Osnovnye problemy i voprosy izucheniia epigrafiki Mangupa [The Main Reserch Problems and Questions of Researches in Byzantine Epigraphy of Mangup]. *Materialy po istorii, arkhologii i etnografii Tavrii*, 22, 278–298.

Виноградные ножи средневекового Крыма

Vinokurov, N. I. (2007). *Vinogradarstvo i vinodelie antichnykh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ia* [Viticulture and Winemaking of the Ancient States of the Northern Black Sea Region]. Simferopol; Kerch: ADEF-Ukraina.

Ганцев Валентин Константинович
аспирант кафедры истории древнего
мира и средних веков
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского
295007, Симферополь,
пр. Вернадского, 4
E-mail: valentin.gancev@mail.ru

Gantsev, Valentin Konstantinovich
Postgraduate Student, Ancient and
Mediaeval History Department
V. I. Vernadsky Crimean Federal
University
4 Vernadsky Ave, 295007, Simferopol,
Russia
Email: valentin.gancev@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6097-1923>
ResearcherID: AAR-6599-2020

В. П. Кирилко

Институт археологии Крыма РАН
Симферополь, Россия

АРХИТРАВНАЯ ПЛИТА ВХОДА В НАДВРАТНУЮ ЦЕРКОВЬ ФУНЫ

Надвратный храм феодоритского замка у селения Фуна появился в 1459 г. и действовал до 1778 г. Затем, оставшись без присмотра, он быстро обветшал и начал активно разрушаться, окончательно превратившись в руины после землетрясения 1927 г. Выводы специалистов о его происхождении основываются главным образом на характерных чертах архитектоники и резного убранства сооружения, соотносимых с традициями армянского зодчества и сельджукской орнаментикой. Самой изысканной архитектурной деталью здания является большая плита с рельефным узором, перекрывавшая снаружи дверной проем южного входа. Впервые публикуются два иконографических источника с новой информацией о ней, а также результаты предметного изучения крупного фрагмента самого изделия, недавно случайно найденного за пределами укрепления. Уцелела почти половина композиции, украсившей крайнюю часть архитрава. Утраченная середина поддается надежной реконструкции благодаря снимку Н. Н. Клепинина и рисунку Д. М. Струкова. Орнаментальный мотив плиты принадлежит к числу наиболее востребованных в средневековом искусстве и является характерным для восточной декоративной традиции. Установить происхождение и точную дату архитрава, использовавшегося в церкви 1459 г. вторично, пока не представляется возможным. Стилистически, конструктивно и технологически он сопоставим с резными архитектурными деталями ряда главных сооружений столичного Феодоро, возведение которых приходится на 1420-е гг., а следовательно, вполне соотносим с ними по времени, но мог быть изготовлен и раньше.

Ключевые слова: средневековый Крым; армянская архитектура; портал; архитектурная деталь; резной наличник; каменная пластика; сельджукский стиль

Благодарности

Благодарю А. В. Лысенко, обратившего мое внимание на сообщение туристического форума о случайной находке в окрестностях Фуны неизвестной архитектурной детали, и Н. Б. Майко, оказавшую бесценную помощь в работе с архивными материалами из фондов Центрального музея Тавриды (Симферополь).

Цитирование: *Кирилко В. П.* Архитравная плита входа в надвратную церковь Фуны // Античная древность и средние века. 2021. Т. 49. С. 164–175. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.012>

Поступила в редакцию: 28.06.2021

Принята к печати: 11.10.2021

Vladimir P. Kirilko

*Institute of Archeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences
Simferopol, Russia*

ARCHITRAVE SLAB OF THE ENTRANCE INTO THE GATE CHURCH OF FUNA

The gate church of the Theodorite castle near the village of Funa appeared in 1459 and existed to 1778. Left unattended later on, it became decayed, quickly dilapidated, and finally turning into ruin after the earthquake of 1927. The experts' conclusions concerning its origin are based mainly on the typical features of the architectonics and carved decoration of the structure, correlated with the traditions of Armenian architecture and Seljuk ornamentation. The most exquisite architectural detail of the building is the large slab with relief ornamentation that overlapped from outside the doorway of the south entrance. Two iconographic sources are published for the first time to supply new information about the slab in question along with the results of a substantive study of a large fragment of the artefact which was found by chance outside the castle short time ago. Almost a half of the composition that adorned the outermost part of the architrave survived. Its completely lost middle part can be reconstructed reliably by the photograph taken by N. N. Klepinin and the drawing by D. M. Strukov. The ornamental motif of the slab is one of the most popular in mediaeval art, being typical of the eastern decorative tradition. It is still not possible to discover the origin and exact date of the architrave which was secondary used in the church of 1459. Stylistically, structurally, and technologically it is comparable with carved architectural details of many main buildings of the capital town of Theodoro, which were erected in the 1420s. Therefore, the slab in question possibly has the same chronology, but still it could be made even earlier.

Keywords: mediaeval Crimea; Armenian architecture; portal; architectural detail; carved door casing; plastic stone art; Seljuk style

Acknowledgements

I am grateful to Alexander V. Lysenko, who called my attention to a touristic forum message about the discovery of an unknown architectural detail in the vicinity of Funa and Natalia B. Maiko who provided me with invaluable assistance in working with archival materials from the collection of the Central Museum of Taurida.

For citation: Kirilko, V. P. (2021). Arkhitravnaiia plita vkhoda v nadvratnuiu tserkov' Funy [Architrave Slab of the Entrance into the Gate Church of Funa]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 49, 164–175. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.012>

Submitted: 28.06.2021

Accepted: 11.10.2021

Надвратный храм феодоритского замка у селения Фуна появился в 1459 г. и оставался действующим до 1778 г. Затем, оставшись без присмотра, он быстро обветшал и начал активно разрушаться, окончательно превратившись в руины после землетрясения 1927 г.¹ Выводы специалистов о его происхождении основываются главным образом на архитектонике и декоративном убранстве сооружения и представлены несколькими точками зрения. А. Л. Бертье-Делагард определял храм как строение «весьма поздних времен, не ранее XV в., ибо все украшения вокруг входа и креста совершенно магометанского, турецко-татарского, стиля»². Позже ученый стал называть постройку «церковью явно армянского стиля», аналогично трактуя и орнаменты резной плиты над входом в здание – «все это явно турецко-армянское»³. О. И. Домбровский считал, что в конструкциях и орнаментах храма «заметны армяно-малоазийские, восточновизантийские элементы»⁴. По мнению К. К. Когонашвили и О. А. Махневой, в архитектуре церкви «явственно прослеживается сочетание романских форм с декоративной отделкой и орнаментикой так называемого сельджукского стиля (наличник окна, форма столбов портала, рисунок капителей, орнамент над входом)»⁵. С выводами предшественников категорически не согласился А. Л. Якобсон, заявивший, что «абсолютно ничего армянского и византийского в здании и его декоре нет». Сам храм он трактовал так: «поздняя (скорее всего, XVII в.) постройка, эклектически сочетающая в себе различные местные и малоазийские элементы в позднейшей переработке», которые, по сути, являются «позднейшими реминисценциями крымской орнаментики»⁶.

Несмотря на определенную противоречивость мнений, каждое из упомянутых суждений так или иначе свидетельствует о главном – явной стилиевой неоднородности архитектоники и декоративного убранства строения. При этом отмечаемое специалистами наличие признаков, характерных именно для армянской строительной культуры, в значительной мере подтверждается также материалами предметного изучения уцелевших остатков здания. Более того, результаты исследо-

¹ Кирилко В. П. Крепостной ансамбль Фуны (1423–1475 гг.). Киев, 2005. С. 12–34.

² Бертье-Делагард А. Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. 1886. Т. 14. С. 211.

³ Бертье-Делагард А. Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. 1918. № 55. С. 25–26.

⁴ Домбровский О. И. Средневековые поселения и «исары» Крымского побережья // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма / отв. ред. С. Н. Бибииков. Киев, 1974. С. 43–44.

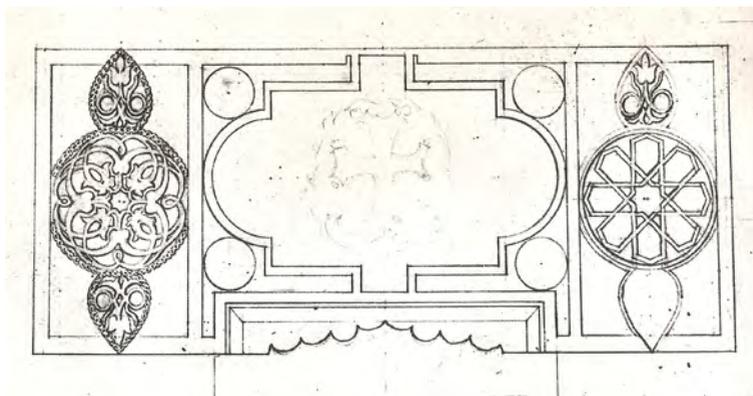
⁵ Когонашвили К. К., Махнева О. А. Средневековая Фуна // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма / отв. ред. С. Н. Бибииков. Киев, 1974. С. 117–118.

⁶ Якобсон А. Л. Рец. на кн.: Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев, 1974, 216 с. // Византийский временник. 1977. Т. 38. С. 198, 202.

Архитравная плита входа в надвратную церковь Фуны

ваний позволяют предполагать непосредственное участие армянских мастеров в возведении храма⁷.

В декоративном убранстве сооружения основное место однозначно принадлежало большой резной плите, перекрывавшей снаружи дверной проем южного входа. В отличие от целого ряда других архитектурных деталей, которые позднее удалось найти при археологических раскопках памятника, она после землетрясения исчезла бесследно. Отчасти поэтому в 2005 г. при подведении итогов изучения церковного здания представление о ней получилось составить лишь на основании иконографических источников, главным образом, обмерного чертежа А. Л. Бертье-Делагарда, датированного 1889 г. (ил. 1): «Архитравная плита входа явно вторичного использования. Ее происхождение неизвестно. В настоящее время она утрачена. Приблизительные габариты детали – 0,78 × 1,80 м. Судя по наличию профильного обрамления с ложной аркой, представляющего собой верхнюю часть собственно наличника, данная плита изначально была архитравной, но раньше перекрывала проем со значительно меньшим просветом (около 0,60 м)»⁸.

Ил. 1. Резная плита над входом в храм. Обмер 1889 г. Чертеж А. Л. Бертье-Делагарда (по: Кирилко В. П. Крепостной ансамбль Фуны... Рис. 19)

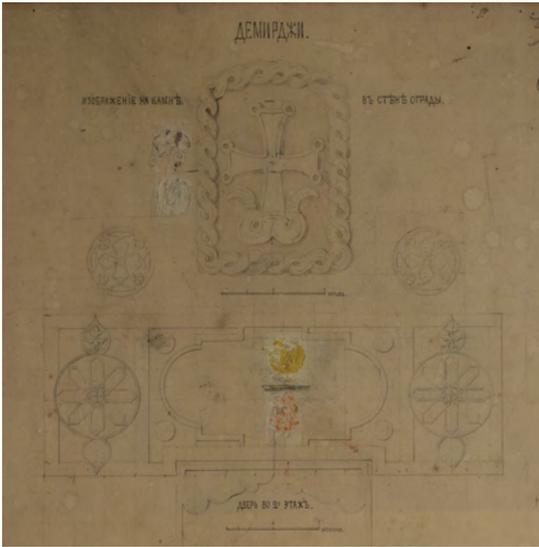
Fig. 1. Carved slab above the entrance to the church. Measured in 1889. Drawing: A. L. Bert'e-Delagard (after: Kirilko, V. P. Krepostnoi ansambl' Funy... Fig. 19)

⁷ Кирилко В. П. Надвратная церковь средневекового укрепления Фуна. Датировка и атрибуция // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. / отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. Ростов н/Д, 1989. С. 72; *Его же*. Крепостной ансамбль Фуны... С. 179–183; *Его же*. Каменные кровли в архитектуре средневекового Крыма // *Stratum plus*. 2017. № 6. С. 57–58, 60–61.

⁸ Кирилко В. П. Крепостной ансамбль Фуны... С. 169–170.

Целью исследования является введение в научный оборот новых сведений об этой архитектурной детали и выяснение ее исторического контекста.

В настоящее время известно всего четыре графических изображения плиты, представляющих собой обычные ортогональные проекции, и два старых фотоснимка, с разных сторон запечатлевшие артефакт *in situ*, еще до разрушения здания. В большинстве своем они опубликованы⁹, но отдельные документы пока не изданы. Один из них, датированный 1871 г., был выполнен Д. М. Струковым и хранится в папке под названием «Рисунки древних памятников христианства в Тавриде», которую удалось обнаружить А. Н. Лариной в фондах Отдела изображений Российской государственной библиотеки (Москва)¹⁰.

Ил. 2. «Демерджи». Фрагмент. Обмер 1871 г. Чертеж Д. М. Струкова (Отдел изображений Российской государственной библиотеки (Москва)). «Рисунки древних памятников христианства в Тавриде». Л. 38)

Fig. 2. “Demerdzhi”. Fragment. Measured in 1871. Drawing: D. M. Strukov (Russian State Library. Collection of Visual Art Publications (Moscow)). “The Drawings of Ancient Monuments of Christianity in Taurida.” F. 38)

⁹ Кирилко В. П. Крепостной ансамбль Фуны... Рис. 9, 11, 19, 22.

¹⁰ Ларина А. Н. Находка альбома Д. М. Струкова «Рисунки древних памятников христианства в Тавриде» // Москва – Крым : историко-публицистический альманах / под ред. В. Ф. Козлова. М., 2002. С. 328, 330.

Архитравная плита входа в надвратную церковь Фуны

Делагардом, чей обмер по праву может считаться самым лучшим, они не отмечены. Как ни парадоксально, но по сравнению с коллегой Д. М. Струков более достоверно вычертил и крестообразную розетку, дополнявшую декоративное убранство входа сверху, причем полагал, что та была парной. Масштаб рисунка дан в вершках. Согласно ему, плита имела следующие размеры: высота – 0,60 м, ширина – 1,75 м, просвет проема – 0,70 м.

Еще один документ, прежде также не привлекавшийся исследователями для изучения памятника, представляет собой фотографию 1912 г. (?), автором которой являлся Н. Н. Клепинин. На снимке крупно запечатлено всё декоративное убранство южного входа в храм – архитравная плита дверного проема и расположенная над ней резная крестообразная розетка (ил. 3). Изображение архитектурной детали почти фронтальное, с незначительными ракурсными искажениями и исключительно четкое, что позволяет предельно обоснованно судить о достоверности и точности всех остальных иконографических источников, известных к настоящему времени, равно как получить ценные сведения для ее реконструкции.

Воистину знаменательным событием стало неожиданное обнаружение крупного обломка самого изделия, которое издавна считалось безвозвратно утерянным. Уцелевший фрагмент архитектурной детали весной 2020 г. случайно был

Ил. 3. «Орнамент в греческой церкви, бл. с. Демерджи». Вид с юга. Снимок 1912 г. Фото Н. Н. Клепинина (Центральный музей Тавриды (Симферополь). № 11462/3. Ф-4023)

Fig. 3. “An Ornament in a Greek Church, near the village of Demerdzhi.” Viewed from the south. 1912. Photo: N. N. Klepinin (Central Museum of Taurida. no. 11462/3. F-4023)

найден жителем с. Лучистое по имени Сергей вблизи грунтовой дороги у старого татарского кладбища (на расстоянии около 1,5 км от храма), о чем тот под ником SHEG1972 сообщил на туристическом форуме, сопроводив информацию любительской фотографией¹¹. Заслуживающий уважения поступок местного краеведа и участие посетителей сайта, оказавшихся равнодушными к дальнейшей судьбе находки, позволили не только спасти раритет от неизбежной утраты, но и способствовали тому, что в конце концов он поступил на хранение в государственное музейное учреждение. В настоящее время артефакт экспонируется в лапидарии Алуштинского краеведческого музея.

Фрагмент представляет собой верхний левый угол массивной плиты с частично сохранившимися гранями и остатками резного декора спереди (ил. 4–6). Размеры обломка: высота – 38 см, ширина – 39 см, толщина – 26 см. Материал – нуммулитовый известняк.

Ил. 4. Фрагмент архитравной плиты. Вид спереди. Снимок 2020 г. *Фото автора*

Fig. 4. Architrave slab fragment. Front view. 2020. *Photo: the author*

Лицевая сторона изделия гладкая. Первоначально она была выровнена зубаткой, затем ее поверхность подверглась шлифованию. Уцелела почти половина рельефа, украшавшего эту часть архитрава. Орнамент, имевший симметричную форму с четко выраженными продольной (вертикальной) и поперечной (горизонтальной) осями, находится внутри прямоугольной рамки, которую на стыках частично перекрывает (ил. 7). Основным элементом композиции

является расположенный в центре большой круглый диск, плотно заполненный изысканным растительным узором из переплетенных между собой восьми радиально ориентированных побегов с чередующимися цветами и листьями. Сверху и снизу к нему примыкают одинаковые каплевидные выступы, декорированные изящным изображением распу-

¹¹ Надписи, символы, рисунки. URL: <http://eurotourist.club/viewtopic.php?f=83&t=52967&start=120> (дата обращения: 18.06.2021).

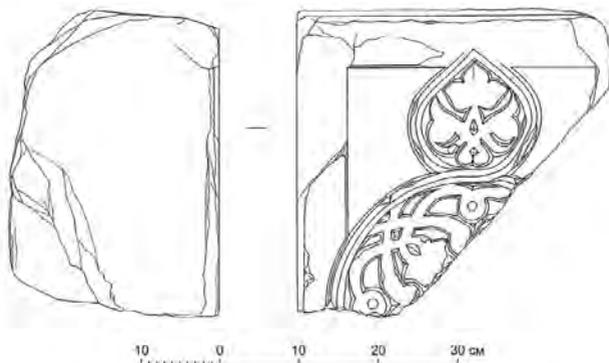
Архитравная плита входа в надвратную церковь Фуны

скающегося бутона. Рельеф плоский с равномерно заглубленным фоном, боковины скошены. Исключение составляет лишь непрерывная желобчатая лента, по внешнему обводу объединившая все три части орнамента в цельную композицию. Она была однополосной, имела треугольную в сечении выемку. А. Л. Бертье-Делагард ошибочно изобразил ее как цепочку (ил. 1). Полностью утраченная середина рельефа поддается надежной реконструкции благодаря снимку Н. Н. Клепинина (ил. 3) и рисунку Д. М. Струкова (ил. 2). Центр композиции был украшен рельефным крестом в круге, который гармонично вписан в пространство между стеблями, переплетенными здесь в виде восьмиконечной звездчатой фигуры (ил. 7). Высота архитрава составляла 73,5 см. Ширина обрамления – 6 см, в нижней части за счет бокового скоса она увеличивается до 6,5 см. Диаметр диска – 34,7 см. Глубина выемок: орнамента – 0,5 см, поля – 0,8 см. Размеры желобка – $1,6 \times 0,4$ см.

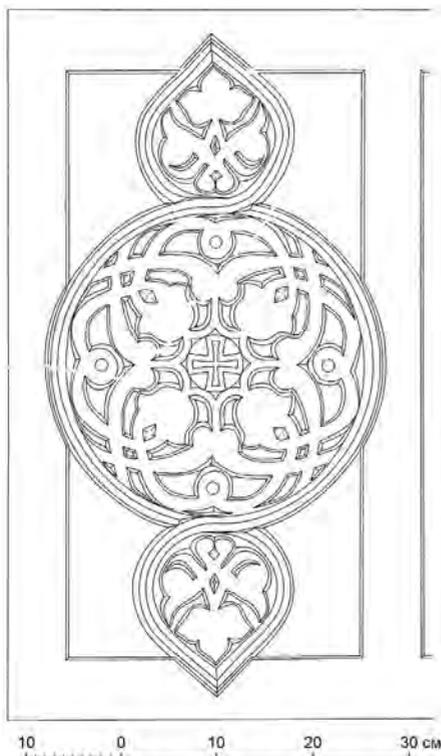
Ил. 5. Фрагмент архитравной плиты. Вид сбоку. Снимок 2020 г. *Фото автора*

Fig. 5. Architrave slab fragment. Side view. 2020. *Photo: the author*

Ил. 6. Фрагмент архитравной плиты. Виды спереди и сбоку. Обмер 2020 г. *Чертеж автора*

Fig. 6. Architrave slab fragment. Front and side views. Measured in 2020. *Drawing: the author*

Ил. 7. Орнамент левой части архитравной плиты. Реконструкция 2021 г. *Чертеж автора*

Fig. 7. Ornament in the left area of the architrave slab. Reconstruction drawing of 2021. *Drawing: the author*

На лицевой грани изделия внутри уцелевшего каплевидного выступа отчетливо видна графья в виде прямой короткой черты, которой во время предварительной разметки архитектурной детали мастер обозначил продольную ось композиции, причем середина самого рельефа с ней немного не совпадает. Орнаментальный мотив архитрава принадлежит к числу наиболее востребованных в средневековом искусстве, обычно используется в различных вариантах и является характерным для восточной декоративной традиции. В частности, в Крыму он представлен примерами нескольких мусульманских памятников золотоордынского времени, обнаруженных при раскопках Солхата: подобные плетенки нашли при менение для украшения замкового камня, соотносимого с медресе 1333 г., а также двух надгробий – Инджи-бек Хатун 1371 г. и Ир-Султан 1429 г.¹² Точные аналогии фунского изделия пока неиз-

вестны ни на территории полуострова, ни за его пределами. Вместе с тем наличие четко выраженных крестов внутри медальонов однозначно указывает на то, что данная архитектурная деталь изначально предназначалась для размещения в христианской постройке.

Не менее важными для правильной интерпретации находки являются форма плиты и характер обработки ее остальных поверхностей.

¹² Золотая Орда и Причерноморье. Уроки чингисидской империи : каталог выставки / авт. конц. М. Г. Крамаровский. М., 2019. С. 350, 372, 373. № 285, 286, 350.

Архитравная плита входа в надвратную церковь Фуны

Боковая грань плоская, тщательно выровнена зубаткой (ил. 5). По отношению к передней стороне архитрава она расположена под углом 88° . Было ли это связано с необходимостью обеспечить более плотное примыкание к облицовке смежной части конструкции или обуславливалось иными (например, чисто техническими) причинами, неизвестно.

Верхняя грань состоит из двух плоскостей, отличающихся между собой характером обработки (ил. 5). Первоначально она вчерне была выровнена заостренным концом камнетесного инструмента, оставившего после себя часто расположенные глубокие бороздки. Затем поверхность изделия подверглась корректировке, в результате чего вдоль внешнего ребра появилась дополнительно скошенная наружу гладкая полоска шириной 3,5–4 см. Угол между передней стороной плиты и основной частью верхней грани составляет 96° , на стыке за счет подтески он увеличивается до 104° . Судя по наличию специально выровненной кромки, эта архитектурная деталь должна немного выступать из плоскости стены. На самом деле, архитрав находился заподлицо с поверхностью кладки и местами был затерт раствором (ил. 3), что наряду с характерными повреждениями изделия (в частности, множественными сколами по внешнему краю) и отсутствием остальных частей наличника свидетельствует о его вторичном использовании.

Тыльная сторона изделия бугристая с редкими округлыми выбоинами. Местами камень имеет гладкую поверхность, сохранившую свой естественный вид. Данное обстоятельство немаловажно, поскольку в других монументальных постройках феодоритов, синхронных надвратной церкви, для изготовления резных архитектурных деталей в качестве сырья обычно применялись надгробия, которые перелицовывались¹³. Фунской находке подобное не свойственно.

Установить происхождение и точную дату архитрава, равно как и ряда других декоративных изделий вторичного использования, например, восьмигранных колонн со сталактитовыми капителями, обрамлявших нижний проем в западной стене строения, пока не представляется возможным. Стилистически, конструктивно и технологически они сопоставимы с резными архитектурными деталями двух основных сооружений столичного Феодоро, возведение которых приходится на 1420-е гг.: дворца 1425 г. и восстановленной в правление Алексея главной церкви города – Большой базилики¹⁴, – а следовательно, вполне соотносимы с ними также по времени, но могли быть изготовлены и раньше, в пределах второй половины XIV – первых десятилетий XV в.

¹³ Кирилло В. П. Крепостной ансамбль Фуны... С. 178–179, 192–212, 227–229.

¹⁴ Кирилло В. П. Архитектура Золотоордынского Крыма // Мирас – Наследие. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах : в 3 т. / сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдииков. Казань, 2016. Т. 1. С. 480–483.

В. П. Кирилко

REFERENCES

Berthie-Delagarde, A. L. (1886). *Ostatki drevnikh sooruzhenii v okrestnostiakh Sevastopolia i peshchernye goroda Kryma* [Remains of Ancient Buildings in the Neighborhood of Sevastopol and the Cave Cities of Crimea]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, 14, 166–279.

Berthie-Delagarde, A. L. (1918). Kalamita i Feodoro [Kalamita and Theodoro]. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komisii*, 55, 1–44.

Dombrovskii, O. I. (1974). Srednevekoveye poseleniia i “isary” Krymskogo poberezh’ia [Medieval Settlements and “Isars” of the Crimean Coast]. In S. N. Bibikov (Ed.), *Feodal’naia Tavrika. Materialy po istorii i arkheologii Kryma* [Feudalistic Taurica. Materials on the History and Archeology of Crimea] (pp. 5–56). Kiev: Naukova dumka.

Jakobson, A. L. (1977). Review of the book: *Feodal’naia Tavrika. Materialy po istorii i arkheologii Kryma* [Feudalistic Taurica. Materials on the History and Archeology of Crimea]. Kiev, 1974, 216 p. *Vizantiiskii vremennik*, 38, 197–206.

Kirilko, V. P. (1989). Nadvratnaia tserkov’ srednevekovogo ukrepleniia Funa. Datirovka i atributsiia [The Gate Church of Funa’ Medieval Fortification. Dating and Attribution]. In G. A. Fedorov-Davydov (Ed.), *Severnoe Prichernomor’e i Povolzh’e vo vzaimootnosheniakh Vostoka i Zapada v XII–XVI vv.* [North Black Sea Region and the Volga Region in the Relationship between East and West in the Twelfth–Sixteenth Centuries] (pp. 62–73). Rostov-on-Don: Rostov University Publishing House.

Kirilko, V. P. (2005). *Krepostnoi ansambl’ Funa (1423–1475 gg.)* [Fortress Ensemble of Funa in 1423–1475]. Kiev: Stilos.

Kirilko, V. P. (2016). Arkhitektura Zolotoordynskogo Kryma [Architecture of the Golden Horde Crimea]. In S. G. Bocharov, & A. G. Sitdikov (Eds.), *Miras – Nasledie. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoi kul’tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godakh* [Miras – the Heritage. Tatarstan – the Crimea. Bolgar City and Studies on the Tatar Culture in Tatarstan and the Crimea in 1923–1929]. (Vol. 1, pp. 420–496). Kazan: Aster Plus.

Kirilko, V. P. (2017). Kamennye krovli v arkhitekte srednevekovogo Kryma [Stone Roofs in Medieval Architecture of the Crimea]. *Stratum plus*, 6, 53–62.

Kogonashvili, K. K., & Mahneva, O. A. (1974). Srednevekovaia Funa [Medieval Funa]. In S. N. Bibikov (Ed.), *Feodal’naia Tavrika. Materialy po istorii i arkheologii Kryma* [Feudalistic Taurica. Materials on the History and Archeology of Crimea] (pp. 111–123). Kiev: Naukova dumka.

Kramarovskii, M. G. (Ed.). (2019). *Zolotaia Orda i Prichernomor’e. Uroki chingisidskoi imperii: katalog vystavki* [The Golden Horde and the Black Sea Region: Exhibition Catalogue]. Moscow: Mardjani Foundation.

Larina, A. N. (2002). Nakhodka al’boma D. M. Strukova “Risunki drevnikh pamiatnikov khristianstva v Tavride” [Find of the Album of D. M. Strukov “Drawings of Ancient Monuments of Christianity in Taurida”]. In V. F. Kozlov (Ed.), *Mosk-*

Архитравная плита входа в надвратную церковь Фуны

va – Krym: istoriko-publitsisticheskii al'manakh [Moscow – Crimea: Historical and Journalistic Almanac] (Iss. 4, pp. 324–334). Moscow: “Moskva–Krym” Foundation; Moskvovedenie.

Nadpisi, simvol, risunki [Inscriptions, Symbols, Drawings]. Retrieved from <http://eurotourist.club/viewtopic.php?f=83&t=52967&start=120>

Кирилко Владимир Петрович

кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник
Институт археологии Крыма РАН
295007, Симферополь,
пр. Вернадского, 2
E-mail: kir.vlad33@gmail.com

Kirilko, Vladimir Petrovich

PhD (History), Senior Researcher
Institute of Archeology of the Crimea
of the Russian Academy of Sciences
2 Vernadsky Ave,
295007, Simferopol, Russia
Email: kir.vlad33@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5431-9127>
Scopus AuthorID 56525254700

В. В. Майко

Институт археологии Крыма РАН
Симферополь, Россия

**ВИЗАНТИЙСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ БОСПОРА XIII–XIV вв.
(на примере раскопа 2018 г.)**

В статье впервые проанализирована проблема присутствия предметов византийского импорта в материальной культуре Боспора второй половины XIII–XIV вв. До сегодняшнего дня степень «византинизации» приморских городов восточной Таврики, окончательно вошедших в состав Золотой Орды в третьей четверти XIII в. и оставшихся в ее составе до середины XV в., остается одной из актуальных для крымской медиевистики. Если находки византийского производства, представленные по большей части керамикой, обнаруженные в горизонтах и постройках Сугдеи XIII–XIV вв., по большей части введены в научный оборот, то аналогичные артефакты Боспора ни разу не анализировались. Причиной этому была слабая их изученность и практически полное отсутствие опубликованных материалов. Материалы масштабных охранных раскопок, проведенных в Керчи в 2018 г., безусловно, заслуживают внимания. Подавляющее большинство полученных находок датируется периодом VII–XII вв. Тем не менее, четко выделяется материал второй половины XIII – XIV в., ставший предметом настоящего исследования. К сожалению, он сильно фрагментирован, но позволяет определить предметы византийского импорта, сравнить их состав и количество с аналогичными изделиями Сугдеи.

Ключевые слова: средневековый Боспор; материальная культура XIII–XIV вв.; керамический комплекс; византийский импорт

Цитирование: *Майко В. В.* Византийские элементы материальной культуры Боспора XIII–XIV вв. (на примере раскопа 2018 г.) // Античная древность и средние века. 2021. Т. 49. С. 176–192. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.013>

Поступила в редакцию: 12.02.2021

Принята к печати: 11.10.2021

Vadim V. Maiko

*Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences
Simferopol, Russia*

**BYZANTINE ELEMENTS OF THE MATERIAL
CULTURE OF THE THIRTEENTH-FOURTEENTH
CENTURY BOSPOROS
(On the Example of 2018 Excavation Trench)**

This paper is the first to address the problem of the presence of Byzantine imports in the material culture of Bosphoros from the second half of the thirteenth and fourteenth centuries. So far the degree of “Byzantinization” of the coastal towns in the eastern Taurica, which were finally absorbed by the Golden Horde in the third quarter of the thirteenth century and remained in its structure to the mid-fifteenth century, is a topical issue in the mediaeval Crimean studies. Although the greatest part of the artefacts made in Byzantium, represented mostly by ceramic ware and discovered in the thirteenth-fourteenth century horizons and buildings of Sougdaia, has already been introduced into the scholarship, parallel finds from Bosphoros never became the subject of analysis. The reason is the poor studying of the latter and almost complete absence of published materials. The materials of large-scale protective excavations conducted in Kerch in 2018 certainly deserve attention. The vast majority of these finds date from the seventh to twelfth centuries. However, the materials from the second half of the thirteenth and fourteenth centuries stand out to become the subject of this paper. Unfortunately, they are highly fragmented, but allowing the one to determine Byzantine imports and to compare their composition and quantity with similar products of Sougdaia.

Keywords: mediaeval Bosphoros; thirteenth-fourteenth century material culture; ceramic complex; Byzantine import

For citation: Maiko, V. V. (2021). Vizantiiskie elementy material'noi kul'tury Bospora XIII–XIV vv. (na primere raskopa 2018 g.) [Byzantine Elements of the Material Culture of the Thirteenth-Fourteenth Century Bosphoros (On the Example of 2018 Excavation Trench)]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 49, 176–192. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.013>

Submitted: 12.02.2021

Accepted: 11.10.2021

Изучение степени византинизации материальной культуры Таврики второй половины XIII – первой половины XV в., периода нахождения большей части полуострова в составе улуса Золотой Орды, – одна из важнейших проблем крымской медиевистики. При этом очень важно, учитывая отсутствие больших изменений в составе городского населения, проследить сохранение предшествующих имперских традиций, в том числе

количество и состав византийского импорта. Сказанное в полной мере относится и к восточной части этого региона. Если посуда константинопольского производства в составе керамического комплекса Сугдеи постепенно вводится в научный оборот, то относительно Боспора такая попытка делается впервые, да и сама материальная культура города этого време-

Ил. 1. Керчь, 2018. Место расположения раскопа: 1 – раскоп 2018 г.; 2 – храм Иоанна Предтечи; 3 – раскоп 1963–1964 гг.

Fig. 1. Kerch, 2018. The excavation trench location: 1 – 2018 excavation trench; 2 – St. John the Baptist's Church; 3 – 1963–1964 excavation

существующей городской застройки, сформировавшейся еще в конце XIX в. Это обусловило сильную поврежденность и перемешанность особенно верхних интересующих нас стратиграфических горизонтов. К тому же территория участка раскопок была сnivelирована уже в новейшее время. Тем не менее, исследователи выделили пять стратиграфических горизонтов, три из которых были связаны с восемью каменными построй-

ни, в отличие от хазарского и средневизантийского периодов, специально не рассматривалась. Причинами является отсутствие в большинстве случаев четко выделяемых стратиграфических горизонтов данного хронологического этапа и небольшой по объему материал. Тем не менее, он есть и нуждается в публикации.

В этой связи несомненный интерес представляют охранные археологические раскопки, проводившиеся в 2018 г. Крымским региональным центром археологических исследований в городе Керчь по переулку Димитрова, 4. Площадь раскопа, находившегося всего в 65 м к северо-востоку от храма Иоанна Предтечи (ил. 1, 1, 2), была значительна и составила 658,75 кв. м¹.

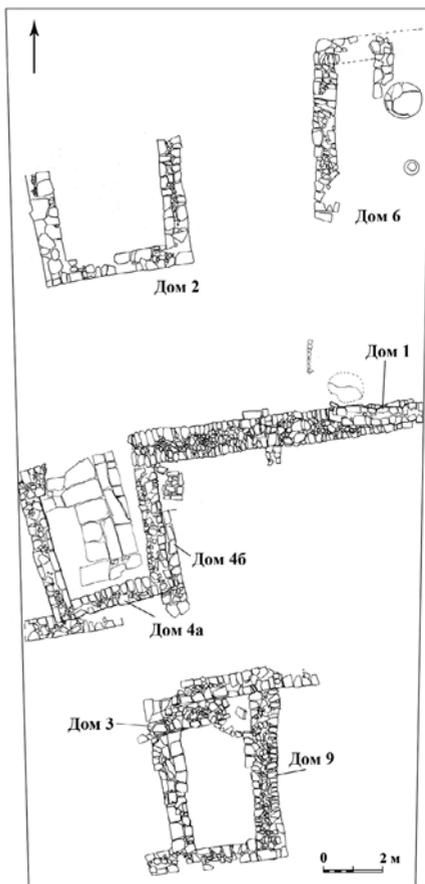
Сразу необходимо оговориться, что, к сожалению, участок раскопок, как и остальные крупные раскопы предшествующих лет, находился в центре

¹ Выражаю глубокую признательность А. В. Шарапе за возможность воспользоваться неопубликованным материалом.

Византийские элементы материальной культуры Боспора XIII–XIV вв.

ками (ил. 2). Интересующий нас материал, естественно, в разных количествах, был отмечен во всех слоях, что лишний раз свидетельствует об их сильной поврежденности. Исходя из полевой документации, невозможно говорить о существовании прослоек золотоордынского, генуэзского и турецкого времени. Приходится ориентироваться на преобладание того или иного материала, имеющего определенные хронологические рамки бытования.

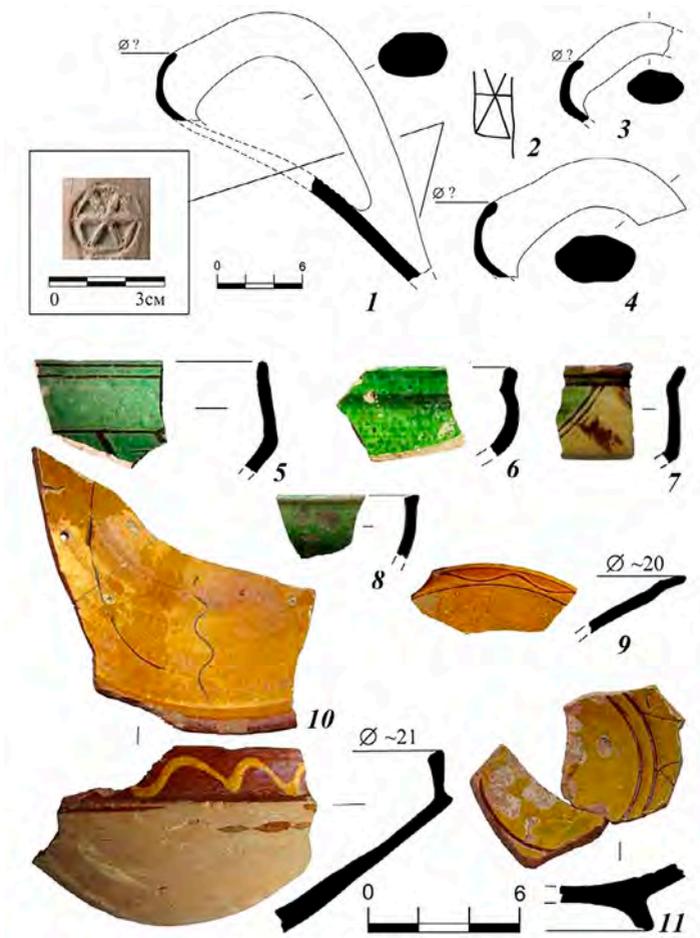
Горизонт 1 мощностью до 0,40 м состоял из строительного мусора нового и новейшего времени, в нижней части которого располагался слой, содержащий переотложенные археологические находки VII–XIX вв. Среди них преобладали все же керамические фрагменты, датируемые не ранее первой половины XVI в. и представленные урнами с горизонтальными ручками турецкого производства, мелкими фрагментами кухонной и столовой керамики. Представительна и коллекция сосудов второй половины XIV – первой половины XV в., в том числе фрагменты поливной керамики Юго-Восточного Крыма с орнаментом «сграффито». Встречены и фрагменты керамики, в том числе поливных красноглиняных мисок под зеленой глазурью (ил. 3, 8), которые датируются второй половиной XV в. К византийскому импорту относится девять мелких фрагментов амфор с дуговидными ручками и один фрагмент веретенообразной амфоры с высокоподнятыми ручками. Особо отметим кольцевой поддон красноглиняной поливной тарелки (ил. 3, 11). Остановимся на его характеристике подробнее.

Ил. 2. Керчь, 2018. План раскопа с указанием построек XIII–XIV вв.

Fig. 2. Kerch, 2018. Excavation plan indicating the thirteenth-fourteenth century buildings

Встречены и фрагменты керамики, в том числе поливных красноглиняных мисок под зеленой глазурью (ил. 3, 8), которые датируются второй половиной XV в. К византийскому импорту относится девять мелких фрагментов амфор с дуговидными ручками и один фрагмент веретенообразной амфоры с высокоподнятыми ручками. Особо отметим кольцевой поддон красноглиняной поливной тарелки (ил. 3, 11). Остановимся на его характеристике подробнее.

Ил. 3. Керчь, 2018. Археологический материал из стратиграфических горизонтов: 1, 2, 5 – слой 2; 3 – слой 3; 4, 6, 9, 10 – слой 4; 7 – слой 5; 8, 11 – слой 1

Fig. 3. Kerch, 2018. Archaeological materials from the stratigraphic horizons: 1, 2, 5 – layer 2; 3 – layer 3; 4, 6, 9, 10 – layer 4; 7 – layer 5; 8, 11 – layer 1

В настоящий момент эта группа византийской импортной керамики проанализирована достаточно полно, что избавляет нас от повторений. Детально рассмотрена история ее изучения и территория распространения, разработана типология, включающая пять основных типов и раз-

Византийские элементы материальной культуры Боспора XIII–XIV вв. личные варианты, в том числе основные орнаментальные мотивы, проведена классификация образцов по их химическому составу и выдвинуты гипотезы происхождения². Технологические исследования доказывают, что центр ее производства окончательно не определен. Известная на сегодняшний день продукция гончарных центров Nikei, имеющая несомненное сходство с анализируемой керамикой, все же технологически отличается. Исходя из этого специалисты справедливо рассматривают данную категорию поливной посуды как самостоятельную группу византийской керамики «*Novy Svet Ware*» в составе керамики типа «Зевксипп» класса I. Не исключено, что хронологически в этом классе она наиболее поздняя. Вероятно, этим фактом можно объяснить ее незначительное количество в Херсонесе и преобладание в комплексах Восточного Крыма.

В настоящий момент можно уверенно утверждать, что время ее появления на полуострове приходится на 60–70-е гг. XIII в. Важно отметить, что в закрытых датированных комплексах и стратиграфических горизонтах Сугдеи она фиксируется практически без примеси сосудов «Зевксипп» класса I³. Добавим, что в Херсонесе керамика группы «*Novy Svet Ware*» найдена в закрытых комплексах, связанных с наиболее «поздними» пожарами, датированными не ранее третьей четверти XIII в. В комплексах «ранних» пожаров этого столетия, насыщенных керамикой типа «Зевксипп» класса I, она практически неизвестна. Для первой половины – середины XIV в., судя по закрытым комплексам Сугдеи, характерны в основном сосуды с усложненной орнаментацией и различные «дериваты» рассмотренной группы.

Горизонт 2, максимальной сохранившейся мощностью до 2,50 м, состоял из серо-черного гумусированного суглинка. Основная масса материала, в том числе и нумизматического, и здесь датировалась XVI–XIX вв. Однако в большом количестве были зафиксированы и переотложенные находки VII–XV вв. Керамическая продукция производства Юго-Восточного Крыма XIV–XV вв. представлена многочисленными фрагментами красноглиняных пифосов с наколами под венчиком, мелкими фрагментами кухонной керамики и отдельными фрагментами красноглиняной поливной керамики с орнаментом «сграффито» (ил. 3, 5). Предметы византийского импорта многочисленнее, чем в предыдущем слое, но состоят исключительно из фрагментов амфор с дуговидными ручками, в том числе с граффити (ил. 3, 2). Несомненный интерес представляет верхняя

² Waksman S. Y., Teslenko I. “Novy Svet Ware”, an Exceptional Cargo of Glazed Wares from a 13th Century Shipwreck near Sudak (Crimea, Ukraine). Morphological Typology and Laboratory Investigations // The International Journal of Nautical Archaeology. 2010. T. 39, No 2. P. 357–375.

³ Майко В. В. Керамика Восточного Крыма второй половины X–XIII вв. Saarbrücken, 2016. С. 107–110.

часть подобного сосуда с клеймом на нижнем прилепе ручки в виде рельефной шестилучевой звезды, обрамленной шестигранником (ил. 3, 1).

Клейма на византийских амфорах с дуговидными ручками неоднократно становились предметом специальных штудий. Для Восточного Крыма почти полностью опубликована коллекция, происходящая из средневековой Сугдеи, причем как из наземных раскопок⁴, так и из подводных исследований⁵. Четко выделяется четыре или пять типов изображений, в том числе императорские монограммы и буквенные символы⁶. Клеймо на керченской амфоре из раскопок 2018 г. относится к разнообразной группе «лучевых», которые в основном содержат восемь лучей⁷. Шестилучевое клеймо с рельефным средоточием в судакских материалах зафиксировано только один раз в материалах раскопок М. А. Фронджоло 1971 г. в слое, вероятно, первой половины XIV в.⁸

Горизонт 3, максимальной сохранившейся мощностью до 1 м, состоял из серого мешаного суглинка. Он также оказался сильно нарушенным хозяйственной деятельностью XIX – начала XX в. На всей площади раскопа он перекрывал остатки фундаментов зафиксированных построек. Археологический материал из этого слоя датировался также VI–XV вв. с явным преобладанием находок второй половины X–XII вв. Вероятнее всего время формирования слоя можно условно определить в рамках второй половины XIII – середины XV в. Амфоры с дуговидными ручками здесь более многочисленны и составляют 48 фрагментов (ил. 3, 3) при трех фрагментах амфор с высокоподнятыми ручками. Единичными находками представлена красноглиняная поливная керамика производства Юго-Восточного Крыма с орнаментом «сграффито». Неоднородность слоя подтверждает акче Менгли Гирея чеканки города Крым 1494 г.

Горизонт 4, максимальной сохранившейся мощностью до 1,20 м, состоял из серо-коричневого мешаного суглинка. Слой содержал в основном находки VI–XII вв. К сожалению, и он оказался сильно поврежденным хозяйственной деятельностью XIX – начала XX в. При стандартном

⁴ Булгаков В. В. Византийские амфорные клейма XIV в. из Солхата, Херсонеса и Судака // Византийские амфоры. URL: <http://archaeology.kiev.ua/byzantine/amphorae/stamps/bulgakov2.htm> (дата обращения: 09.02.2021).

⁵ Зеленко С. М., Морозова Я. И., Тимошенко М. Е. Клейма на амфорах с кораблекрушения XIII в. возле Судака (Крым) // Древняя и средневековая Таврика : сб. ст., посвящ. юбилею Елены Александровны Паршиной / отв. ред. И. Б. Тесленко. Киев, 2015. С. 427–446.

⁶ Волков И. В. Трапезундские керамические клейма из Азова // Морская торговля в Северном Причерноморье / отв. ред. Е. А. Паршина. Киев, 2001. С. 202–215; Майко В. В., Василенко Д. Э., Соков П. В., Тищенко И. Б. Материалы к типологии, хронологии и клеймению некоторых типов византийских амфор XIII–XIV вв. (по материалам восточного Крыма и западного Закубанья) // Боспорские исследования. 2014. Вып. 30. С. 329–343.

⁷ Зеленко С. М., Морозова Я. И., Тимошенко М. Е. Клейма на амфорах... С. 428.

⁸ Булгаков В. В. Византийские амфорные клейма... Рис. 1, 11.

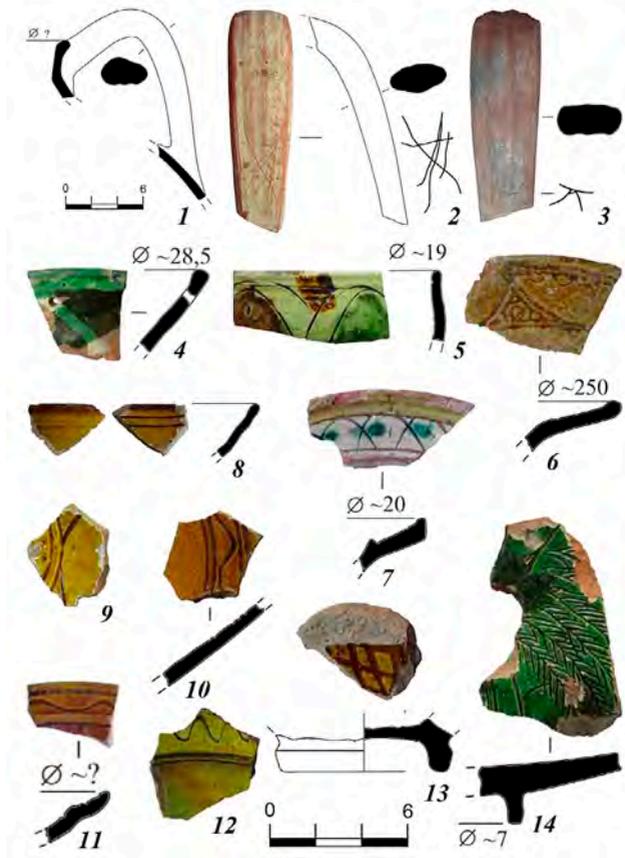
Византийские элементы материальной культуры Боспора XIII–XIV вв. наборе кухонной и столовой поливной керамики (ил. 3, 6) XIV – первой половины XV в. производства Юго-Восточного Крыма, здесь, тем не менее, получено наибольшее количество интересующих нас находок византийского керамического импорта в основном последней четверти XIII в. Общее количество фрагментов амфор с дуговидными ручками (ил. 3, 4) и веретенообразных с высокоподнятыми ручками составляет 27. Показательным является и наличие крупных профильных фрагментов красноглиняных поливных тарелок рассмотренной выше группы «*Novy Svet Ware*» открытых (ил. 3, 9) и биконических (ил. 3, 10) форм.

Горизонт 5, максимальной изученной мощностью до 0,40 м, состоял из серовато-желтого мешаного суглинка. Полное исследование горизонта из-за наличия грунтовых вод произведено не было. Этот горизонт, как и вышележащие, к сожалению, благодаря глубоким перекопам конца XIX – начала XX в., оказался также перемешанным. Подавляющее большинство находок составляли разнообразные материалы, в том числе уникальные закрытые комплексы первой половины VII в. Тем не менее, и в этом слое обнаружены единичные находки второй половины XIII – первой половины XV в., представленные тремя мелкими фрагментами красноглиняных поливных тарелок второй половины XV в. с орнаментом «сграффито» (ил. 3, 7). Византийский импорт характеризуют только 11 мелких фрагментов амфор с дуговидными ручками.

Как уже отмечалось, в ходе проведенных исследований 2018 г. на площади раскопа было изучено восемь построек с каменными стенами. Наиболее фрагментарно сохранился *дом 1* (ил. 2), возведенный, вероятно, в хазарское время на остатках постройки ранневизантийского времени и активно функционировавший во второй половине X – первой половине XIII в. В слое заполнения дома и на уровне его фундаментов зафиксирован единичный археологический материал интересующего нас времени. Он представлен 10 фрагментами стенок и венчиков красноглиняных поливных тарелок с орнаментом сграффито первой половины – середины XIV в. (ил. 4, 6). Византийский импорт состоит только из пяти фрагментов амфор с дуговидными ручками.

Дом 2 (ил. 2) был возведен, вероятно, в ранневизантийское время и заброшен уже в начале хазарского периода. Заполнение внутри строения состояло из темно-серого суглинка, перекрывавшего слой серо-коричневого суглинка (на уровне пола). И в одном, и в другом горизонте был также зафиксирован более многочисленный материал интересующего нас времени. Связано это, скорее всего, с тем, что при разрушении северо-западной части постройки в период строительства современного септика стратиграфические горизонты оказались сильно нарушенными. Помимо мелких фрагментов пифосов отметим также мелкие фрагменты красноглиняных поливных тарелок с орнаментом «сграффито» второй

половины XIV в. Византийский импорт представлен 26 фрагментами амфор с дуговидными ручками (ил. 4, 1), в том числе с граффити (ил. 4, 2), численно преобладающими фрагментами веретенообразных амфор с высоко поднятыми ручками, общее число которых превышает 40, и фрагментом стенки красноглиняной поливной тарелки группы «*Novu Svet Ware*» с линейно-волнистым орнаментом (ил. 4, 10).

Ил. 4. Керчь, 2018. Археологический материал из слоев, в заполнении сооружений:
1, 2 – заполнение горна VII в.; 3–5, 8, 9, 12, 13 – дом 6;
6 – дом 1; 7, 11 – дом 4а; 10 – дом 2; 14 – дом 9

Fig. 4. Kerch, 2018. Archaeological materials from the layers in the filling
of the structures: 1, 2 – the filling of a seventh-century forge; 3–5, 8, 9, 12, 13 – house 6;
6 – house 1; 7, 11 – house 4a; 10 – house 2; 14 – house 9

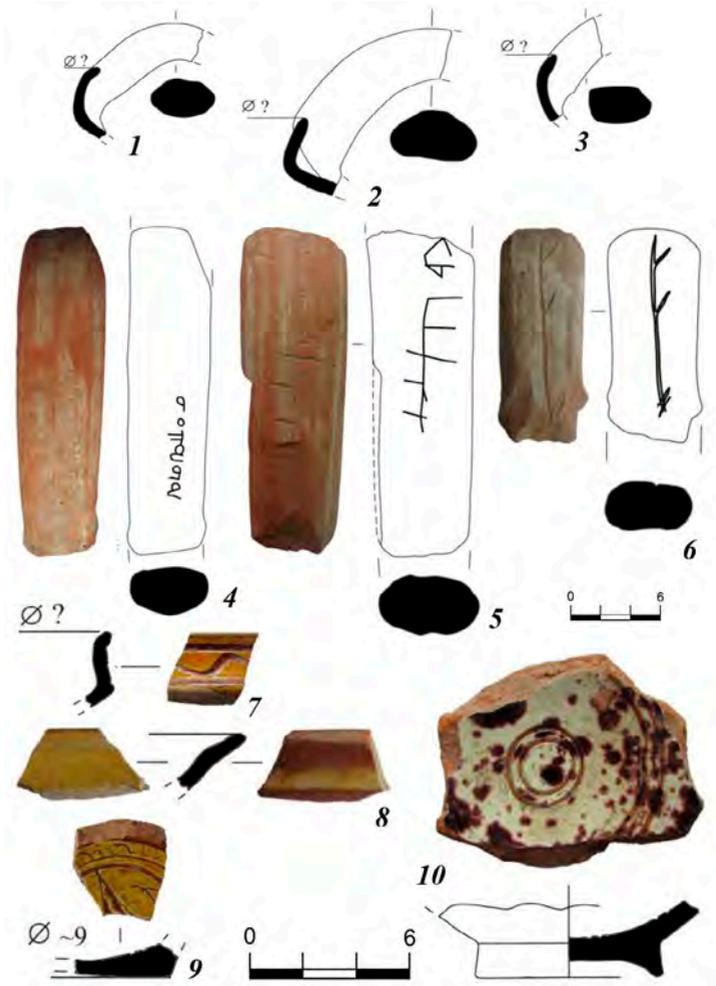
Византийские элементы материальной культуры Боспора XIII–XIV вв.

Для нашей темы несомненный интерес представляет дом 3 (ил. 2), сохранившийся, к сожалению, крайне фрагментарно. По сути дела до нас дошел только северо-восточный его угол с фрагментом восточной стены, которая через прослойку грунта поставлена на остатки стены дома 9 хазарского времени. Для уточнения времени возведения дома 3 важен тот факт, что уровень его фундаментов находится выше плит перекрытия могил располагавшегося тут же некрополя второй половины X – первой половины XIII в. Вероятнее всего это единственная каменная постройка, которую можно отнести к рассматриваемому хронологическому этапу Боспора. Время ее функционирования можно ограничить только самыми общими хронологическими рамками второй половины XIII – XV в. В заполнении дома 3 обнаружены мелкие фрагменты тарных красноглиняных кувшинов второй половины XIV в., синхронные им такие же мелкие фрагменты красноглиняных поливных сосудов с орнаментом «сграффито» местного производства и 21 фрагмент веретенообразных амфор с высокоподнятыми ручками, в том числе с граффити.

Материал на уровне кладки дома 3 многочисленнее и разнообразнее. Помимо отдельных мелких фрагментов поливной красноглиняной керамики с орнаментом «сграффито» второй половины XIV – первой половины XV в. и под монохромной поливой второй половины XV в. здесь присутствует и византийский импорт. Он представлен 37 фрагментами амфор с дуговидными ручками (ил. 5, 1) и веретенообразных с высокоподнятыми ручками. Интересна коллекция красноглиняной поливной керамики. Двумя фрагментами венчиков представлена группа сосудов «*Novy Svet Ware*» (ил. 5, 7, 8) и одним – фрагмент дна плоскодонного колоколовидного кубка со сложным врезным орнаментом, выполненным в выемчатой и сграффито технике, который можно предварительно отнести к группе «*Elaborate Incised Ware*» (ил. 5, 9). Выделим находку кольцевого поддона под светлой поливой с орнаментом в виде концентрических окружностей и пятнами марганца темно-коричневого цвета (ил. 5, 10). Остановимся на характеристике последней находки несколько подробнее.

Группа керамики, декорированной пятнами пурпурно-коричневой краски («брызгами марганца») под слабо окрашенной желтой глазурью, выделена в категорию «*Manganese Painted Plane or Sgraffito Ware*». Четко установлено два способа ее орнаментации: либо в виде исключительно пятен марганца различной конфигурации, либо, как в нашем случае, в сочетании данной раскраски с орнаментом сграффито в виде концентрических кругов. Выделены и характерные отличия формочной массы⁹. Ее византийское происхождение совершенно четко дока-

⁹ Тесленко И. Б. Поливная керамика византийского круга эпохи Палеологов из раскопок крепости в Алуште // МАИЭТ. 2018. Вып. 23. С. 468–469.

Ил. 5. Керчь, 2018. Археологический материал из дома 3 и заполнения дома 4б:
2-6 – дом 4б; 1, 7-10 – дом 3

Fig. 5. Kerch, 2018. Archaeological materials from house 3 and the filling of house 4b:
2-6 – house 4b; 1, 7-10 – house 3

Византийские элементы материальной культуры Боспора XIII–XIV вв. называется находками полуфабрикатов и готовых изделий в гончарных центрах Пергама и Константинополя¹⁰.

Исследователями на основании датированных закрытых комплексов, прежде всего золотоордынского Азака, высказано предположение о начале поступления этой керамики в Северное Причерноморье в конце XIII в. и наиболее массовом распространении в первой половине XIV в.¹¹ В целом хронология ее распространения и бытования совпадает с группой «*Novy Svet Ware*», близка и система орнаментации в виде концентрических окружностей. Однозначно судить о редкости этой керамики для полуострова¹² до полной публикации всех известных материалов пока сложно. Во всяком случае, для восточной и южной Таврики она хорошо известна в Алустоне¹³ и Сугдее¹⁴. Зафиксирована она и на Балканах¹⁵. Процент ее встречаемости в стратиграфических горизонтах и закрытых комплексах, например, Сугдеи, по сравнению с группой «*Elaborate Incised Ware*» примерно одинаков.

Точно так же, как и с керамикой группы «*Novy Svet Ware*», во второй четверти XIV в. появляются многочисленные варианты местных

¹⁰ *Waksman S. Y. The First Workshop of Byzantine Ceramics Discovered in Constantinople / Istanbul: Chemical Characterization and Preliminary Typological Study // Atti del IX Congresso Internazionale sulla Ceramica Medievale nel Mediterraneo, Venezia, 23–27 novembre 2009. Venezia, 2012. P. 148, fig. 2, IST116; Waksman S. Y., Erhan N., Eskalen S. Caractérisation des céramiques produites dans les ateliers de Sirkeci (Istanbul). Résultats de la campagne 2009 // Anatolia Antiqua. 2010. Vol. 18. P. 334–336, fig. 8, IST 116, 117; Waksman S. Y., Spieser J.-M. Byzantine Ceramics Excavated in Pergamon. Archaeological Classification and Characterization of the Local and Imported Productions by PIXE and INAA Elemental Analysis, Mineralogy and Petrography // Materials Analysis of Byzantine Pottery / ed. H. Maguire. Washington, 1997. P. 114–116, fig. 8; Böhlendorf-Arslan B. Glasierte byzantinische Keramik aus der Türkei. Istanbul, 2004. Taf. 186, 2.*

¹¹ *Масловский А. Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 году. 2006. Вып. 21. С. 393–397; Его же. Об одной группе византийской поливной керамики конца XIII – первой половины XIV в. из раскопок золотоордынского Азака // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8 : Золотоордынское время. Донецк, 2010. С. 231–252; Бочаров С. Г., Масловский А. Н. Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII – конец XIV вв.) // Поволжская археология. 2012. Т. 1. С. 26–30.*

¹² *Бочаров С. Г., Масловский А. Н. Поливная керамика с росписью марганцем (Византия и Золотая Орда) // Материалы первого Маджарского археологического форума. Пятигорск – Буденовск, 2012 / ред. Ю. Д. Обухов. Казань, 2016. С. 21.*

¹³ *Тесленко И. Б. Поливная керамика византийского круга... С. 468–469.*

¹⁴ Представительная коллекция данной керамики из многолетних раскопок города еще ждет своей публикации.

¹⁵ *Борисов Б. Поливная керамика из средневекового поселения у с. Полски Градец в районе г. Раднево (Южная Болгария) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / под ред. С. Г. Бочарова и др. Казань ; Кишинев, 2017. Т. 2. С. 291–293.*

изделий Юго-Восточного Крыма¹⁶, являющихся дериватами рассмотренных византийских образцов керамики с «брызгами» марганца. Но и они, судя по находкам на южном берегу Крыма и в Балаклаве, во второй половине XIV в. выходят из употребления.

Интересующие нас материалы были получены и при раскопках комплекса *домов 4а и 4б* (ил. 2). Исходя из стратиграфии, квадратный в плане дом 4а, ориентированный по сторонам света, был возведен не ранее второй половины X в. и продолжал использоваться во всяком случае и во второй половине XIII в. Его южная, восточная и северная стены построены непосредственно на остатках стен дома 4б, сооруженного в период VI – первой половины VII в. и функционировавшего в хазарское время. Заполнение обоих домов оказалось сильно потревоженным строительными работами, и находки второй половины XIII–XV вв. встречались на всех его уровнях. Так, в заполнении дома 4а отмечены фрагменты красноглиняных пифосов с медальонами по налепному валику и поливная красноглиняная керамика Юго-Восточного Крыма с орнаментом «сграффито» (ил. 4, 7). К византийскому импорту относятся 10 фрагментов амфор с дуговидными ручками и веретенообразных с высокоподнятыми ручками и фрагмент венчика красноглиняной поливной тарелки группы «*Novy Svet Ware*» (ил. 4, 11). Более многочисленными оказались находки в заполнении дома 4б. Упомянем фрагменты коричнево-глиняных пифосов с медальонами по налепному валику, мелкие фрагменты кухонной и столовой поливной керамики, красноглиняные поливные тарелки местного производства с орнаментом «сграффито» второй половины XIV в., два фрагмента кашинной посуды с орнаментом, нанесенным черной краской. К византийскому импорту можно отнести только 29 фрагментов амфор с дуговидными ручками (ил. 5, 2, 3) и 19 фрагментов веретенообразных амфор с высокоподнятыми ручками. Среди первых следует упомянуть две ручки с граффити (ил. 5, 5, 6) и одну – с редко встречаемой аккуратно выполненной греческой надписью (ил. 5, 4). Последняя расшифровывается, как τῆν Σολουσίου – «[амфора] Сопусия»¹⁷.

От *дома 5* сохранился только небольшой фрагмент внешнего панциря стены, установить хронологию которой не представляется возможным. Не исключено, что она является продолжением западной

¹⁶ Масловский А. Н. Восточнокрымский поливной импорт в золотоордынском Азаке. Вопросы хронологии // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / под ред. С. Г. Бочарова и др. Казань, 2017. Т. 2. С. 455–489; Тесленко И. Б., Лысенко А. В., Майко В. В., Семин С. В. Новое поселение XIV–XV вв. у западного подножья г. Аю-Даг (Южный Крым) // История и археология Крыма. Симферополь, 2017. Вып. 5. С. 172–196, 242–285.

¹⁷ Прочтение надписи А. Ю. Виноградова.

Византийские элементы материальной культуры Боспора XIII–XIV вв. стены дома 6. Археологический материал интересующего нас времени представлен только фрагментом красноглиняной поливной миски под монохромной зеленой поливой.

К сожалению, и сам *дом 6*, ориентированный строго по осям света, сохранился крайне фрагментарно (ил. 2). Зачищены были только участок западной стены, северо-западный угол и небольшой фрагмент северной стены, полностью разрушенный строительными работами начала XX в. Судя по преобладанию археологического материала, постройка была возведена не ранее второй половины X в. и использовалась до середины XV в. Находки рассматриваемого периода здесь достаточно многочисленны. Они обнаружены как в заполнении самого дома, так и на уровне его фундаментов. Помимо фрагментов красно- и коричнево-глиняных пифосов с медальонами по налепному валику упомянаем коллекцию фрагментов красноглиняной поливной керамики с орнаментом «сграффито» производства Юго-Восточного Крыма (ил. 4, 4, 5, 13). Византийский импорт здесь традиционен и представлен 15 фрагментами амфор с дуговидными ручками, в том числе с граффити (ил. 4, 3), и 8 фрагментами веретенообразных амфор с высокоподнятыми ручками. Тремя фрагментами представлены и красноглиняные поливные тарелки группы «*Novy Svet Ware*» (ил. 4, 8, 9, 12).

Дом 9, сохранившийся достаточно полно, был возведен, вероятно, в ранневизантийское время и в перестроенном виде функционировал в хазарский период. Помещение активно использовалось и во второй половине X–XII вв., о чем свидетельствует достройка внутреннего панциря западной стены помещения и полная перестройка его северной стены. Дом 9 полностью перекрыл дом 10 позднеантичного времени. Археологический материал интересующего нас времени здесь минимален и представлен всего тремя фрагментами красноглиняных поливных тарелок, в том числе с орнаментом «сграффито» (ил. 4, 14).

Таким образом, мы рассмотрели весь немногочисленный материал второй половины XIII–XV вв., обнаруженный в ходе раскопок 2018 г., уделив главное внимание византийскому импорту. Приходится констатировать, что из-за активной строительной деятельности XIX–XX вв. непо потревоженные участки культурного слоя рассмотренного периода, а тем более закрытые комплексы, не зафиксированы. Можно предположить, что после окончательного вхождения Боспора в состав золотоордынского улуса во второй половине XIII в. на этом участке возводится только дом 3 и используются дома 4а и 6, сооруженные в средневизантийское время. Об исторической топографии золотоордынского Боспора на основании этих материалов судить сложно. Важно отметить, что материальная культура города не имеет принципиальных отличий от хорошо изученной материальной культуры, расположенной в этом

же регионе Сугдеи. И ту, и другую можно, с известными оговорками, считать наиболее поздними вариантами провинциально-византийских культур. В пользу этого свидетельствуют и многочисленные местные подражания ведущим типам византийской красноглиняной поливной посуды. И в одном, и в другом случае с третьей четверти XIII в. массовый византийский импорт составляют разнообразные полностью сформировавшиеся амфоры с дуговидными ручками. Веретенообразных амфор с высокоподнятыми ручками встречено меньше. И в Сугдее, и на Боспоре основную массу импортной красноглиняной поливной керамики, по крайней мере, на протяжении третьей четверти XIII – первой половины XIV в., составляют сосуды группы «*Novu Svet Ware*». Они обнаружены практически во всех рассмотренных стратиграфических напластованиях и в заполнении построек. Синхронной керамики группы «*Manganese Painted Plane*» зафиксировано значительно меньше, но, тем не менее, она стабильно присутствует. Таким же небольшим количеством представлена и более поздняя керамика «*Elaborate Incised Ware*». Все это свидетельствует об активных торговых контактах золотоордынских крымских приморских городов, в том числе и Боспора, с Византийской империей. Эти контакты, как свидетельствует археологический материал, не прекращались вплоть до завоевания османами Константинополя.

REFERENCES

Bocharov, S. G., & Maslovskij, A. N. (2012). Vizantiiskaia polivnaia keramika v gorodakh Severnogo Prichernomor'ia zolotoordynskogo perioda (vtoraia polovina XIII – konets XIV vv.) [Byzantine Glazed Ceramics in the Cities of the Northern Black Sea Region of the Golden Horde Period (the Second Half of the Thirteenth – End of the Fourteenth Centuries)]. *Povolzhskaia arheologija*, 1, 20–36.

Bocharov, S. G., & Maslovskij, A. N. (2016). Polivnaia keramika s rospis'iu margantsem (Vizantiia i Zolotaia Orda) [Glazed Ceramics Painted with Manganese (Byzantium and the Golden Horde)]. In Yu. D. Obukhov (Ed.), *Materialy pervogo Madzharskogo arheologicheskogo foruma. Piatigorsk – Budenovsk, 2012* [Materials of the First Major Archaeological Forum. Pyatigorsk – Budenovsk, 2012] (pp. 20–42). Kazan: Kazanskaia nedvizhimost' Publishing House.

Borisov, B. (2017). Polivnaia keramika iz srednevekovogo poseleniia u s. Polski Gradets v raione g. Radnevo (Iuzhnaia Bolgariia) [Glazed Ceramics from a Medieval Settlement near the Village. Polski Gradets in the Area of Radnevo (Southern Bulgaria)]. In S. G. Bocharov (Ed.), *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia X–XVIII vv.* [Irrigation Ceramics of the Mediterranean and the Black Sea Region of the Tenth–Eighteenth Centuries] (Vol. 2, pp. 287–315). Kazan; Kishinev: Stratum Plus; Higher School of Anthropology Press.

Böhlendorf-Arslan, B. (2004). *Glasierte byzantinische Keramik aus der Türkei*. Istanbul: Yayinlari.

Византийские элементы материальной культуры Боспора XIII–XIV вв.

Bulgakov, V. V. (2000). Vizantiiskie amfornye kleima XIV v. iz Solkhata, Khersonesa i Sudaka [Byzantine Amphora Stamps of the Fourteenth Century from Solkhat, Chersonese and Sudak]. In V. V. Bulgakov (Ed.), *Vizantiiskie amfory* [Byzantine Amphora]. Retrieved from <http://archaeology.kiev.ua/byzantine/amphorae/stamps/bulgakov2.htm>

Maiko, V. V. (2016). *Keramika Vostochnogo Kryma vtoroi poloviny X–XIII vv.* [Ceramics of the Eastern Crimea of the Second Half of the Tenth–Thirteenth Centuries]. Saarbürcken: LAP LAMBERT Academic Publishing.

Maiko, V. V., Vasilinenko, D. E., Sokov, P. V., & Tishhenko, I. B. (2014). Materialy k tipologii, khronologii i kleimeniiu nekotorykh tipov vizantiiskikh amfor XIII–XIV vv. (po materialam vostochnogo Kryma i zapadnogo Zakuban'ia) [Materials on the Typology, Chronology and Branding of Some Types of Byzantine Amphorae of the Thirteenth–Fourteenth Centuries (Based on Materials from Eastern Crimea and Western Zakubanye)]. *Bosporskie issledovaniya*, 30, 329–343.

Maslovskij, A. N. (2006). Keramicheskii kompleks Azaka. Kratkaja kharakteristika [Ceramic Complex of Azak. Brief Description]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2004 godu*, 21, 308–472.

Maslovskij, A. N. (2010). Ob odnoi gruppe vizantiiskoi polivnoi keramiki kontsa XIII – pervoi poloviny XIV v. iz raskopok zolotoordynskogo Azaka [About one Group of Byzantine Glazed Ceramics End of Thirteenth – First Half of Fourteenth Centuries from Excavations of the Golden Horde Azak]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia* [Steppes of Europe in the Middle Ages] (Vol. 8: Zolotoordynskoe vremia [Golden Horde Time], pp. 231–252). Donetsk: DonNU.

Maslovskij, A. N. (2017). Vostochnokrymskii polivnoi import v zolotoordynskom Azake. Voprosy khronologii [East Crimean Glazed Import in the Golden Horde Azak. Issues of Chronology]. In S. G. Bocharov (Ed.), *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia X–XVIII vv.* [Irrigation Ceramics of the Mediterranean and the Black Sea Region of the Tenth–Eighteenth Centuries] (Vol. 2, pp. 455–489). Kazan; Kishinev: Stratum Plus: Higher School of Anthropology Press.

Teslenko, I. B. (2018). Polivnaia keramika vizantiiskogo kruga epokhi Paleologov iz raskopok kreposti v Alushte [The Byzantine Influenced Glazed Pottery from the Palaiologean Period Excavated in the Fortress in Alushta]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 23, 459–498.

Teslenko, I. B., Lysenko, A. V., Maiko, V. V., & Semin, S. V. (2017). Novoe poselenie XIV–XV vv. u zapadnogo podnozh'ia g. Aiu-Dag (Iuzhnyi Krym) [New Settlement of the Fourteenth–Fifteenth Centuries at the Western Foot of Ayu-Dag (Southern Crimea)]. *Istoriia i arkheologiya Kryma*, 5, 172–196, 242–285.

Volkov, I. V. (2001). Trapezundskie keramicheskie kleima iz Azova [Trebizond Ceramic Stamps from Azov]. In E. A. Parshina (Ed.), *Morskaia trgovlia v Severnom Prichernomor'e* [Maritime Trade in the Northern Black Sea Region] (pp. 202–215). Kiev: Stilos.

Waksman, S. Y. (2012). The First Workshop of Byzantine Ceramics Discovered in Constantinople / Istanbul: Chemical Characterization and Preliminary Typological Study. In *Atti del IX Congresso Internazionale sulla Ceramica Medievale nel Mediterraneo, Venezia, 23–27 novembre 2009, a cura di Sauro Gelichi* (pp. 147–151). Venezia: Università Ca' Foscari.

Waksman, S. Y., Erhan, N., & Eskalen, S. (2010). Caractérisation des céramiques

В. В. Майко

produites dans les ateliers de Sirkeci (Istanbul). Résultats de la campagne 2009. *Anatolia Antiqua*, 18, 329–337.

Waksman, S. Y., & Spieser, J.-M. (1997). Byzantine Ceramics Excavated in Pergamon. Archaeological Classification and Characterization of the Local and Imported Productions by PIXE and INAA Elemental Analysis, Mineralogy and Petrography. In H. Maguire (Ed.), *Materials Analysis of Byzantine Pottery* (pp. 105–133). Washington D. C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.

Waksman, S. Y., & Teslenko, I. (2010). “Novy Svet Ware”, an Exceptional Cargo of Glazed Wares from a 13th Century Shipwreck near Sudak (Crimea, Ukraine). Morphological Typology and Laboratory Investigations. *The International Journal of Nautical Archaeology*, 39(2), 357–375.

Zelenko, S. M., Morozova, Ya. I., & Timoshenko, M. E. (2015). Kleima na amforakh s korablekrusheniia XIII v. vozle Sudaka (Krym) [Stamps on Amphorae from the Shipwreck of the Thirteenth Century near Sudak (Crimea)]. In I. B. Teslenko (Ed.), *Drevniaia i srednevekovaia Tavrika: sbornik statei, posviashchennyi iubileiu Eleny Aleksandrovny Parshinoy* [The Ancient & Medieval Taurica: the Volume of Collected Papers Presented to Elena Alexandrovna Parshyna] (pp. 427–446). Kiev: Vidavec’ Oleg Filyuk.

Майко Вадим Владиславович
доктор исторических наук, директор
Институт археологии Крыма РАН
295007, Симферополь,
пр. Вернадского, 2
E-mail: vadimmaiko1966@mail.ru

Maiko, Vadim Vladislavovich
Dr. Hab. (History), Director
Institute of Archeology of the Crimea
of the Russian Academy of Sciences
2 Vernadsky Ave, 295007, Simferopol,
Russia
Email: vadimmaiko1966@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1065-4836>
Scopus AuthorID: 57192838791

Э. А. Хайрединова

Институт археологии Крыма РАН

Симферополь, Россия

ФРАГМЕНТЫ КЕРАМИКИ С ХРИСТИАНСКИМИ ГРАФФИТИ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОГРЕБЕНИЙ КРЫМА

В погребениях христиан XIII–XIV вв. из Юго-Западного Крыма и Судака встречаются фрагменты гончарных сосудов и строительной керамики с прочерченными по обожженной глине граффити в виде простого креста (тип 1), креста с вписанной между ветвями двустрочной формулой IC XC NIKA (тип 2) или прописанной в одну строку формулой IC XC NIKA (тип 3). Граффити наносились на керамические черепки специально для погребений, находки подобного рода неизвестны в культурных слоях на поселениях. Граффити типа 1 заменяли носившиеся при жизни нательные кресты и служили своеобразными апотропеями для умерших. В могилах их размещали под нижней челюстью, в области шеи или головы погребенного. Формула IC XC NIKA – частично сокращенная форма греческого Ἰησοῦς Χριστὸς νικᾷ («Иисус Христос побеждает») или Ἰησοῦς Χριστὸς νικᾷ («Иисус Христос побеждает»). Считается, что появившаяся впервые в 720 г. на монетах Льва III и его сына Константина IV формула провозглашала победу византийцев над арабами под защитой Христа и Его Креста. Впоследствии имперские коннотации триумфа и победы уступили место более скромной молитве о помощи и защите от сил зла. В Крыму формула IC XC NIKA, известная с конца VIII в., встречается в строительных надписях, на архитектурных деталях, надгробиях и предметах индивидуального культа. Начиная с XIII в. формула IC XC NIKA в сочетании с крестом или самостоятельно появляется в захоронениях: на плитах, поставленных в восточном торце могилы таким образом, чтобы лицо умершего было обращено к изображению, либо на керамических черепках, которыми прикрывали рот или шею покойного. Предметы с таким изображением помещали в основном в погребения безвременно ушедших людей – детей, подростков либо страдавших при жизни тяжелыми заболеваниями. Обряд помещения керамических черепков с христианскими граффити в захоронения для защиты и отпугивания злых духов, зафиксированный в Крыму в XIII–XIV вв., распространился из Византии, где подобная практика существовала с X в.

Ключевые слова: Византия; Юго-Западный Крым; Судак; христианский погребальный обряд; крест; формула IC XC NIKA

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

Э. А. Хайрединова

Цитирование: Хайрединова Э. А. Фрагменты керамики с христианскими граффити из средневековых погребений Крыма // *Античная древность и средние века*. 2021. Т. 49. С. 193–218. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.014>

Поступила в редакцию 03.09.2021

Принята к печати 11.10.2021

Elzara A. Khairedinova

*Institute of Archeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences
Simferopol, Russia*

CERAMIC FRAGMENTS WITH CHRISTIAN GRAFFITI FROM MEDIAEVAL BURIALS IN THE CRIMEA

The thirteenth and fourteenth century Christian burials in the the south-western Crimea and Sudak contained the fragments of wheel-made vessels and building ceramic ware showing the graffiti drawn on baked clay in the form of a simple cross (type 1), a cross with two-line formula “IC XC NIKA” (type 2) inscribed between the arms, or the formula “IC XC NIKA” written in one line (type 3). These graffiti were applied to ceramic shards specifically for burials; the finds of this kind are not known in cultural layers of the settlements. The graffiti of type 1 replaced underwear crosses worn during the human’s life and served as apotropaic amulets for the dead. In the graves, they were placed under the lower jaw, at the neck or head of the deceased person. The formula “IC XC NIKA” is a partially abbreviated form of the Greek “Ἰησοῦς Χριστὸς νικά” (“Jesus Christ, conquer”) or “Ἰησοῦς Χριστὸς νικά” (“Jesus Christ conquers”). It is accepted that this formula first appeared in 720 on the coins of Leo III and his son Constantine IV and proclaimed the victory of the Byzantines over the Arabs under the protection of Christ and His Cross. Later on, imperial connotations of triumph and victory gave way to a more modest prayer for help and protection from the forces of evil. In the Crimea, the formula “IC XC NIKA” occurred from the late eighth century in building inscriptions, on architectural details, tombstones, and individual worship objects. From the thirteenth century on, the formula “IC XC NIKA” combined with a cross or independently appeared in burials: on slabs placed vertically at the eastern end of the grave so that the face of the deceased was turned to the image, or on ceramic shards that covered the mouth or neck of the deceased. The artefacts featuring this image were placed mainly in the burials of untimely departed persons: children, teenagers, or those who suffered from serious illnesses during their lifetime. The rite of placing ceramic fragments with Christian graffiti into burials for protection and scaring away evil spirits is documented in the Crimea in the thirteenth and fourteenth centuries, though in Byzantium it appeared from the tenth century on.

Keywords: Byzantium; south-western Crimea; Sudak; Christian funeral rite; cross; formula “IC XC NIKA”

Acknowledgements

This study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 20-18-00076 *The Evolution of the Towns on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages and Modern Period*.

Фрагменты керамики с христианскими граффити

For citation: Khairedinova, E. A. (2021). Fragmenty keramiki s khristianskimi graffiti iz srednevekovykh pogrebenii Kryma [Ceramic Fragments with Christian Graffiti from Mediaeval Burials in the Crimea]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 49, 193–218. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.014>

Submitted: 03.09.2021

Accepted: 11.10.2021

В погребениях христианского населения XIII–XIV вв. из Юго-Западного Крыма и Судака встречаются фрагменты гончарных сосудов и строительной керамики с прочерченными по обожженной глине граффити в виде простого креста (тип 1; ил. 1–3), креста с вписанной между ветвями двустрочной формулой IC XC NIKA (тип 2; ил. 4–7) или прописанной в одну строку формулой IC XC NIKA без креста (тип 3; ил. 5, 1).

Фрагменты керамики с граффити в виде креста типа 1 найдены на южном участке могильника у с. Лучистое в склепе и плитовых могилах XIII–XV вв. (ил. 1; 2, 1–3; 3)¹, на плато Эски-Кермен в одном из погребений XIII в. из гробницы 7, расположенной под аркосолием в притворе однефного храма в квартале 2, и в плитовой могиле 1/2018 XIV в. перед главной базиликой (ил. 2, 4)², а также в окрестностях Судака в урочище Димитраки в одной из могил XIII в. около храма в монастыре³. Размеры фрагментов – от 1,5 x 2,1 до 7,5 x 9,3 см. В качестве основы для граффити использовались обломки черепиц – керамид, тарных сосудов – пифосов, высокогорлых кувшинов, амфор⁴ (ил. 2, 3, 4; 3, 1) или столовых кувшинов группы Юго-Западный Крым (ил. 3, 2). Как правило, кресты прочерчивали на фрагментах гладких стенок

¹ Айбабин А. И. Раскопки могильника средневековой Фуны // Археологические открытия 1977 года. М., 1978. С. 187–188. Хайрединова Э. А. Кресты в захоронениях: особенности погребального обряда средневекового христианского населения Юго-Западного Крыма // Археология средневекового храма : материалы науч. конф., посвящ. 170-летию К. К. Косцюшко-Валожинича / отв. ред. Т. Ю. Яшаева. Севастополь, 2017. С. 72–74. Рис. 1.

² Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Плитовые могилы XIV в. на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2019. Вып. 24. С. 256; Хайрединова Э. А. Археологические раскопки центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. // Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. / ред. А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова. Симферополь, 2021. С. 41, 54. Рис. 30, 4.

³ Баранов И. А. Раскопки на мысе Димитраки в 1982 г. // Сугдейский сборник. 2010. Вып. IV. С. 610–612. Рис. 12, 1.

⁴ По определению Н. В. Гинькут, выявленный в плитовой могиле 1/2018 на плато Эски-Кермен фрагмент с прочерченным крестом (ил. 2, 4) принадлежал амфоре испанского производства XIV–XV вв. Находки подобных импортных сосудов известны и на территории генуэзской крепости Чембало. См.: Гинькут Н. В. Некоторые группы тарной керамики XIV–XV вв. из раскопок генуэзской крепости Чембало (предварительный обзор) // XIII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис» : материалы науч. конф. / отв. ред. Н. А. Алексеев. Симферополь, 2021. С. 304–305. Рис. 1, 3.

керамических изделий, иногда использовались и профильные части сосудов – плоское дно (ил. 1, 1), широкая уплощенная ручка (ил. 3, 1) или венчик с рельефным орнаментом (ил. 3, 2а). Граффито могло размещаться как на внутренней, так и на лицевой стороне фрагмента изделия. Изображения наносились по-разному: в одних случаях применялся инструмент в виде стержня с заостренным концом (гвоздь?), оставивший глубокие четкие линии (ил. 2, 1, 4), в других – инструмент с тонким острым лезвием (нож?), которым легко, без сильного нажима были процарапаны тонкие, иногда едва заметные линии (ил. 1; 2; 2, 3). Преобладают кресты в виде двух перекрещенных под прямым углом линий, при этом встречаются и изображения в форме «X» (ил. 1, 1). Нижняя ветвь одного из крестов-граффити из с. Лучистое из могилы 8 пересечена небольшой поперечной черточкой (ил. 1, 2).

В могилах обломки керамики с крестом лежали *in situ* под нижней челюстью, в области шеи или головы погребенного (ил. 1, А1)⁵. В с. Лучистое в 2002 г. на южном участке могильника открыто 10 погребальных сооружений XIII–XV вв.: склеп с выложенной из камня камерой, две грунтовые могилы и семь плитовых могил. Фрагменты керамики с крестом выявлены в склепе и в трех плитовых могилах. В могиле 4 зачищены остатки костяков шести взрослых и пяти детей, среди которых собрано пять фрагментов керамики с прочерченными крестами (ил. 1, 5, 6; 2, 1, 2). В могиле 8 среди костей 12 скелетов выявлено семь фрагментов таких предметов (ил. 1, 2, 3; 2, 3; 3, 2–4). Интересно, что в детских погребениях присутствовали только небольшие фрагменты керамики со слабо прочерченным крестом (ил. 1, 12). Массивные обломки стенок пифосов с крупными крестами происходят в основном из погребений взрослых (ил. 3, 1, 4). На одном черепке из могилы 8 прорезано два креста: один крупный и второй, меньших размеров, помещенный в левом нижнем углу (ил. 3, 3). Возможно, один фрагмент керамики с изображенными двумя крестами предназначался для взрослого и ребенка, погребенных одновременно.

Кресты прочерчивали на обломках битой керамики специально для погребений. Видимо, они заменяли носившиеся при жизни нательные кресты и служили своеобразными апотропеями для умерших. Известно, что в Византии родственники помещали в гроб к покойнику керамические черепки с начертанным крестным знаменем для отпугивания злых духов⁶. Аналогичная практика зафиксирована в христи-

⁵ Баранов И. А. Раскопки на мысе Димитраки... С. 611. Рис. 11, 4.

⁶ Constan N. Death and Dying in Byzantium // Byzantine Christianity. A People's History of Christianity / ed. D. Krueger. Minneapolis, 2006. Vol. 3 P. 135.

Фрагменты керамики с христианскими граффити

анском погребальном обряде X–XVI вв. на территории Греции⁷, а также у оседлого христианского населения Нижнего Поднепровья во второй половине XIII – XIV в.⁸

Фрагменты керамики с граффити в виде креста с формулой IC XC NIKA типа 2 происходят из Эски-Кермена, Гончарного, Голубинки, Ореанды, Аю-Дага, Малого Маяка, Алушты и Судака, из погребений XIII–XIV вв. (Каталог № 1–12; ил. 4–7). Граффити этого типа нанесены в основном на обломки строительной керамики. В четырех случаях использованы крупные фрагменты тарной керамики: пифоса или двуручной амфоры. Под граффити подбирались обломки определенной формы: трапецевидной, ромбической либо в виде неправильного пятигранника, размером от 6,7 x 7,8 до 13,3 x 15,8 см. Чаще всего граффито занимало все поле черепка. В центре изображения размещался крест, образованный пересеченными под прямым углом прямыми линиями одинаковой длины. На двух керамических фрагментах из Эски-Кермена крест прорезан с короткой горизонтальной линией (ил. 4, 1, 4). На концах креста из Алушты прочерчены поперечные черточки (ил. 4, 8), а концы креста на граффито из Гончарного дополнены двумя лучами, расходящимися в разные стороны под углом 45° (ил. 4, 2a).

Формула IC XC NIKA имела разные варианты написания. Полностью она прописана только на трех экземплярах: из Ореанды, Алушты и Судака (Каталог № 8, 11, 12; ил. 4, 6–8). На черепице из Эски-Кермена, из костницы под часовней в квартале 1, в слове NIKA пропущена буква I (Каталог № 1; ил. 4, 1). Лишь первые буквы слов из формулы I X N K прописаны на экземплярах из Гончарного (Каталог № 5; ил. 4, 2) и из Эски-Кермена из могилы 396 около храма «Трех всадников» (Каталог № 3; ил. 6, 1). Одинаково, до IC X N K, сокращена надпись на фрагменте амфоры из Аю-Дага (Каталог № 9; ил. 4, 3) и на обломке черепицы из Эски-Кермена, из гробницы 1 около храма в квартале 2 (Каталог № 2; ил. 5, 2). Обратим внимание на особенность изображения буквы N, которая на четырех граффити (из Ореанды, Алушты, Гончарного и Эски-Кермена) прочерчена зеркально, в виде буквы И (Каталог № 2, 5, 7, 11; ил. 4, 2, 5, 8; 5, 2). Отметим, что так же прорезана буква N на плите с высеченным крестом и формулой IC XC NIKA, стоявшей

⁷ Poulou-Papadimitriou N. Pottery of the Middle Byzantine period and the first centuries of the Venetian occupation from Petras, Siteia // Petras, Siteia – 25 Years of Excavations and Studies / ed. M. Tsipopoulou. Athens, 2012. P. 321. Fig. 10. Note 27; Poulou-Papadimitriou N., Tzavella E., Ott J. Burial Practices in Byzantine Greece: Archaeological Evidence and Methodological Problems for its Interpretation // Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Kraków ; Leipzig ; Rzeszów ; Warszawa, 2012. P. 377, 407, 413. Fig. 20, 3.

⁸ Ельников М. В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989–1992 гг.). Запорожье, 2001. Рис. 12, 2, 10; 19, 6; 21, 5; 22, 4, 6; 27, 2; 30, 16; 31, 7; 32, 1; 35, 8; 36, 9; 38, 3; 39, 3; 40, 7; 41, 2; 42, 5; 44, 2; 45, 6, 7, 9; 47, 2.

в торце одной из плитовых могил XIII–XIV вв. из христианского некрополя у с. Золотое на Керченском полуострове⁹.

Граффити типа 3 – без креста, в виде однострочной формулы «IC XC NIKA», найдены в Судакe и на Эски-Кермене, в одном из погребений XIII в. из гробницы 1 около храма в квартале 2 (Каталог № 13, 14; ил. 5, 1). В обоих случаях надпись была нанесена вдоль края обломков боковых частей калиптеров.

IC XC NIKA – частично сокращенная форма греческого Ἰησοῦς Χριστὸς νίκα («Иисус Христос, победи») или Ἰησοῦς Χριστὸς νικά («Иисус Христос побеждает»)¹⁰. Она восходит к знаменитому ἐν τούτῳ νίκα («Сим побеждай») под знаменем креста из видения Константина Великого на Мильвийском мосту¹¹. Трансформация формулы хорошо прослеживается по данным нумизматики. На фоллисах Константа II (641–658) чеканилась легенда EN TOYTO NIKA, а спустя почти век, в 720 г. на совместных милиарисиях Льва III Исавра и его сына Константина IV, отчеканенных по случаю коронации последнего как соправителя, появилась надпись IHSUS XRISTUS NICA вокруг креста на Голгофе, размещавшаяся на этом типе серебряных монет почти до конца XI в.¹² По мнению К. Уолтера, первоначально изображения на милиарисиях связывались с победами византийцев над арабами и коронацией соправителя, показывавшей уверенность династии в своем будущем. Впоследствии связь изображения с коронацией соправителя была забыта, как были утеряны и имперские коннотации триумфа и победы. Провозглашение победы под защитой Христа и Его Креста уступило место более скромной молитве о помощи¹³.

Для истории возникновения формулы IC XC NIKA показателен и происходящий из Малой Азии амулет VIII в., выполненный из овальной гальки с просверленным отверстием для подвешивания¹⁴. На одной стороне камня прорезана надпись «печать Соломона», на другой – крест с расширяющимися концами, по бокам от которого размещено сокращенное имя Спасителя – IC XC, а снизу фраза EN TOYTO NIKA.

⁹ Орлов Р. С. Из истории сельского населения Керченского полуострова в XIII–XIV вв. // Памятники древних культур Северного Причерноморья / отв. ред. В. Д. Баран. Киев, 1979. С. 119. Рис. 3.

¹⁰ The Oxford Dictionary of Byzantium / ed. A. P. Kazhdan. New York ; Oxford, 1991. Vol. 2. P. 981.

¹¹ Frolov A. IC XC NIKA // BS. 1956. T. XVII/1. P. 100.

¹² Walter Ch. IC XC NI KA. The Apotropaic Function of the Victorious Cross // REB. 1997. T. 55. P. 195–197.

¹³ Ibid. P. 197–198.

¹⁴ Thierry N. Mentalité et formulation iconoclastes en Anatolie // Journal des savants. Avril – juin, 1976. P. 101–104. Fig. 17, a, b.

Фрагменты керамики с христианскими граффити

По мнению Н. Тьерри, амулет принадлежал одному из солдат, участвовавших в бесконечных византийско-арабских войнах, так как на нем изображен крест и слова, привидевшиеся Константину перед победоносной битвой с Максенцием¹⁵. Появление формулы на простом солдатском амулете свидетельствует о том, что она имела широкое распространение и входила в набор «народных» защитных средств.

Надпись IC XC NIKA встречается на некоторых типах бронзовых крестов-энколпионов, производившихся в Константинополе или Анатолии в X–XI вв. На крестах с литым рельефным или гравированным изображением Распятия формула размещалась под руками Христа: на левом конце створки – IC XC, на правом – NHKA¹⁶. На крестах без изображения надпись занимала всю поверхность обратной стороны: вертикально гравировались IC XC, горизонтально – NHKA. На лицевой стороне таких энколпионов прочерчивались дополнительные христианские формулы: Трисагион, «Свет – жизнь» либо обращение «Богородица, помоги!»¹⁷. Б. Питаракис связывает популярность победоносной аккламации в иконографическом репертуаре крестов-реликвариюв X–XI вв. с воинским контекстом: согласно письменной традиции, император зачастую сопровождал свои войска победоносным крестом или фрагментами реликвии Истинного Креста, а у воинов византийской армии было принято выкрикивать *σταυρός νικά* и *σταυρός νενίκηκε* («крест победоносный»)¹⁸.

В IX–XI вв. крест с надписью IC XC NIKA рисовали в манускриптах – перед священным текстом или после его завершения; в XI в. он встречается на изделиях из слоновой кости и на обратной стороне икон¹⁹. Особой популярностью изображение пользовалось в церквях. В Каппадокии, в IX–X вв. его размещали в апсидах²⁰, в Северной Греции с конца XII в. и на территории Сербии в конце XIII – XIV в. – возле дверей или окон, в местах, где, как считалось, могут пройти злые силы²¹. Начиная с XI в. на территории современной Греции кресты с формулой IC XC NIKA стали появляться в гробницах²².

¹⁵ *Thierry N.* Mentalité et formulation... P. 103–104.

¹⁶ *Pitarakis B.* Les croix-reliquaires pectorales en bronze byzantines. Paris, 2006. P. 214–216, 218–219, 257–273, № 91–98, 102–108, 221, 223–236, 241, 242, 244–279.

¹⁷ *Ibid.* P. 383–385, № 626–631, 634, 635.

¹⁸ *Ibid.* P. 105.

¹⁹ *Walter Ch.* IC XC NI KA... P. 201–203.

²⁰ *Jolivet-Lévy C.* Les Églises Byzantines de Cappadoce. Le programme iconographique de l'abside et de ses abords. Paris, 1991. P. 51, 148, 327, 328.

²¹ *Walter Ch.* IC XC NI KA... P. 206–211.

²² *Ibid.* P. 205.

В Крыму изображение креста с формулой IC XC NIKA, помимо публикуемых керамических фрагментов, встречается в строительных надписях, на архитектурных деталях, надгробиях и предметах индивидуального культа. Самая ранняя находка этого типа – происходящая, скорее всего, с Эски-Кермена строительная надпись, датируемая концом VIII – первой половиной IX в.²³ Судя по найденному на Баклинском городище фрагменту каменной арки²⁴, у жителей пещерных городов Юго-Западного Крыма в XII–XIII вв. существовала практика размещать крест с двустрочной надписью IC XC NIKA над дверными или оконными проемами в жилых либо культовых постройках.

На надгробных камнях формулу IC XC NIKA прочерчивали непосредственно на ветвях рельефного креста. Так, на надгробии из некрополя около храма X–XIV вв. в с. Гончарное высечен крест в круге, на боковых ветвях которого прорезаны IC и X, на верхней ветви – NI, а на нижней, отбитой части, скорее всего, располагались буквы KA²⁵. Под Мангупом, в балке Каралез, в вывале камней из внешней кладки северо-восточной стены центральной апсиды трехнефной базилики обнаружена круглая известняковая плита с вырезанным равноконечным крестом в круге. Первоначально на кресте тонкими линиями была вырезана крестограмма ΦΩΣ ΖΩΗ («Свет – жизнь») с омегой в перекрестии и размещенными на концах ветвей остальными буквами. Позже в левой верхней части камня прорезали пять строк граффити «Господи, помоги рабу твоему Константину грешнику», а на кресте, поверх букв крестограммы, – буквы IC NI KA²⁶.

Крымским христианам формула IC XC NIKA была хорошо известна и по надписям на предметах индивидуального культа. На плато Эски-Кермен, около северной стены часовни в квартале 1, в слое разрушения конца XIII в. обнаружена лицевая створка бронзового литого энколпиона, с прямыми, немного расширяющимися концами, с выступающими «слезками» на углах, с изображением Распятия, выполненным тонкими углубленными линиями²⁷. Под руками Христа прорезана надпись: на левом конце створки – IC XC, на правом – NHKA. По тех-

²³ Айбабин А. И. К дискуссии об эпиграфических свидетельствах о деятельности Византии в Горном Крыму в VI в. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 6 (в печати).

²⁴ Соломоник Э. И. Новые греческие лапидарные надписи Средневекового Крыма // Византийская Таврика / отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1991. С. 175–176. Рис. 3.

²⁵ Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. Л., 1970. С. 141–142. Рис. 92, 1.

²⁶ Айбабин А. И. К дискуссии об эпиграфических свидетельствах...

²⁷ Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. 17. С. 454. Рис. 22.

Фрагменты керамики с христианскими граффити

нике исполнения и иконографии изображений энколпион относится к группе так называемых сирийских²⁸ или сиро-палестинских крестов²⁹, бытовавших в X–XIV вв. на широкой территории. Их находки известны в Херсоне – в портовом квартале 2, в слое XIII в. и в помещениях XIII–XIV вв., Сербии, Болгарии – на памятниках X–XI вв., а также в Румынии, в крепости Исакча, в слое XIII–XIV вв.³⁰ Считается, что энколпионы, производившиеся при монастырях и мартириях в Сирии и Палестине, развозили паломники во все концы христианского мира³¹. На Мангупе в одном из погребений в гробнице 3 XIII–XIV вв., открытой в северном нефе Большой базилики, найден крест из рога оленя, скорее всего, местного изготовления, на лицевой стороне которого вертикально прорезаны ИС ХС, горизонтально – НИКА³².

Начиная с XIII в. надпись ИС ХС НИКА в сочетании с крестом появляется в захоронениях крымских христиан: на плитах, поставленных в восточном торце могилы таким образом, чтобы лицо умершего было обращено к изображению³³, а также на керамических черепках, прикрывавших рот или шею покойного (ил. 6, 1) либо подложенных под правый локоть погребенного (ил. 5, 2Б). Судя по находке из гробницы 1 при однефном храме в квартале 2 на плато Эски-Кермен, на шею умершего могли положить и керамический фрагмент с прописанной в одну строку надписью ИС ХС НИКА без креста (ил. 5, 1А).

В погребении мужчины 35–40 лет, датированном XIV в., из могилы в однефном храме на северо-восточном склоне горы Аю-Даг керамический черепок с граффити при захоронении был приложен надписью к устам покойного. По мнению исследовавших могилу И. Б. Тесленко и А. В. Лысенко, погребение принадлежало священнику, а фрагмент сосуда с христианскими граффити символизировал воздух – плат, которым покрывалось лицо священнослужителя³⁴. Такая интерпретация

²⁸ Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб., 2003. С. 13–14.

²⁹ Залеская В. Н. Связи средневекового Херсонеса с Сирией и Малой Азией в X–XII вв. // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV–XVI вв. / науч. ред. А. В. Банк, В. Г. Луконин. Л., 1988. С. 93–95.

³⁰ Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Предметы христианского культа из раскопок 2003–2008 годов на городище Эски-Кермен // ТГЭ. 2013. Т. 69. С. 9, 11. Ил. 3.

³¹ Залеская В. Н. Связи средневекового Херсонеса... С. 94.

³² Душенко А. А. Крест из рога оленя с монограммой из раскопок Большой Мангупской базилики // Боспорские исследования. 2013. Вып. 28. Рис. 4, 1.

³³ Орлов Р. С. Из истории сельского населения... С. 119. Рис. 3.

³⁴ Тесленко И. Б., Лысенко А. В. Погребение священника в одном из средневековых храмов горы Аю-Даг // Духовное наследие Крыма : материалы междунар. церковно-исторической конфер. памяти преподобного Иоанна, епископа Готфийского / отв. ред. Л. А. Ясельская. Симферополь, 2006. С. 137.

находки не объясняет присутствие аналогичных предметов в могилах мирян. Помимо названного погребения, предположительно связанного со священником, керамические фрагменты с надписью зафиксированы *in situ* еще в четырех захоронениях: ребенка (Судак–IX; Каталог № 12), молодого человека 17–18 лет, пол которого не определяется (Эски-Кермен, Каталог № 3), и двух мужчин 30 лет (Эски-Кермен, Каталог № 2, 13). Учитывая возраст первых двух погребенных, можно с уверенностью говорить о том, что они не имели духовного звания. Принадлежность двух 30-летних мужчин мирянам также не вызывает сомнения: они похоронены в семейной усыпальнице, пристроенной к внешней стороне южной стены квартального храма, вместе с женщинами и детьми (ил. 5, А, Б).

Помещение предметов с надписью IC XC NIKA в захоронения, скорее всего, связано с защитной силой, приписываемой изображению. По мнению А. Фролова, эта гибридная эпиграфическая формула, включавшая слова и идеограмму, обозначала победоносный крест, на котором был распят Христос – всемогущий защитник от зла. Она служила своего рода молитвой, провозглашавшей победу Христа и призывавшей к защите Креста от сил зла³⁵. Предметы с таким изображением могли укладываться в погребения безвременно ушедших людей – детей, подростков либо умерших от тяжелой болезни³⁶.

Обратим внимание на то, что в некоторых захоронениях X–XV вв. из Юго-Западного Крыма прослежен обряд, заключающийся в укладывании на верхнюю часть груди, под подбородок либо на нижнюю часть головы покойного куса черепицы или стенки пифоса без каких-либо обозначений или изображений³⁷. В погребении женщины 21–24 лет, похороненной в XIII в. на некрополе около храма «Трех всадников» на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен, на нижней части черепа, прикрывая челюсть, лежал фрагмент центрального поля керамиды с рельефным валиком (ил. 7, А). Граффити на обломке черепицы не обнаружены, но на его лицевой стороне видны полосы сажи (ил. 7, I). Не исключено, что на помещаемые в погребения керамические черепки христианские символы наносились углем или другим органическим материалом, например, мелом, поэтому с течением времени они не сохранились.

³⁵ Frolov A. IC XC NIKA... P. 113.

³⁶ По наблюдению В. Ю. Радочина, проводившего антропологические исследования, на плато Эски-Кермен, в квартале 2, один из погребенных в гробнице при однонефном храме мужчина (костяк 4), умерший в 30 лет, при жизни имел тяжелое заболевание опорно-двигательного аппарата (болезнь Форестье), при котором возникает костная ткань в сухожилиях и связках, что сопровождается постепенным ограничением подвижности, а с течением времени развитием полной обездвиженности (Каталог № 2; ил. 5, Б).

³⁷ Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения... С. 140.

Фрагменты керамики с христианскими граффити

Таким образом, в XIII–XIV вв. у христианского населения Крыма существовал обычай помещать в погребения – под правый локоть, голову, на шею или рот умершего – обломки черепицы либо старой битой керамики с христианскими граффити. Они изготавливались специально для погребений – находки подобного рода неизвестны в культурных слоях на поселениях. Обряд помещения керамических черепков с христианскими граффити в захоронения для защиты и отпугивания злых духов, зафиксированный в Крыму в XIII–XIV вв., распространился из Византии, где подобная практика существовала с X в.

КАТАЛОГ

находок фрагментов керамики с формулой IC XC NIKA из Крыма³⁸

Граффити типа 2

№ 1. Ил. 4, 1

Фрагмент центрального, гладкого поля коричнево-глиняной керамики трапециевидной формы. На лицевой стороне по обожженной глине глубокой, четкой линией прочерчен крест с короткой поперечной перекладиной (высота 6,5; ширина 2,4). Между ветвями креста прорезаны буквы: в верхней части – IC XC под титлами; в нижней – N KA.

Размер: 7,0 x 8,1; толщина 1,3; высота букв 0,7–1,8.

Эски-Кермен, 2007. Квартал 1. Часовня. Костница под апсидой, нижняя часть, среди костей от более сотни скелетов. X–XIII вв.

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2011. Вып. 17. С. 426. Рис. 19, 9.

№ 2. Ил. 5, 2а

Фрагмент центрального поля коричнево-глиняной керамики подпрямоугольной формы. На лицевой стороне по обожженной глине тонкой линией процарапаны равноконечный крест (высота 2,7; ширина 2,5) с расположенными между ветвями буквами под титлами: в верхней части – IC X; в нижней – N K. Буква N прочерчена зеркально, в виде «И» с выносом диагональной галсы.

Размер: 6,7 x 7,8; толщина 1,8; высота букв 0,33–0,95.

³⁸ Сведения в каталоге представлены по следующей схеме: номер по каталогу и ссылка на иллюстрацию; описание изделия; размеры (см); место и год находки; информация о публикации.

Эски-Кермен, 2018. Квартал 2. Однонефный храм. Гробница 1/2018, пристроенная к южной стене храма. Слой 2, погребение 4 мужчины 30 лет, около правой локтевой кости. XIII в.

Публикуется впервые.

№ 3. Ил. 6, 1

Фрагмент центрального поля керамиды подпрямоугольной формы с рельефным водосливным валиком. На лицевой стороне по обожженной глине тонкой линией процарапаны равноконечный крест (высота 6,9; ширина 7,1) и размещенные между ветвями, едва заметные буквы: в верхней части – I под титлом и левая диагональная гаста от X; в нижней – N К. Буква N – с выносом диагональной гасты.

Размер: 8,0 × 12,0; высота букв 1,8–1,9.

Эски-Кермен, 2017. Юго-восточный склон плато. Некрополь около храма «Трех всадников». Могила 396, погребенный 17–18 лет, пол не определен, на нижней части черепа, прикрывая челюсть. XIII в.

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Раскопки некрополя у храма «Трех всадников» на склоне плато Эски-Кермен // ТГЭ. 2019. Т. 99. С. 275, 278. Ил. 10, 3.

№ 4. Ил. 7, 2

Фрагмент стенки коричнево-глиняного пифоса в форме неправильного пятиугольника. На внутренней стороне по обожженной глине четкой линией прочерчен крест с прерывающейся нижней ветвью и короткой поперечной перекладиной (высота 8,0; ширина 4,1). На концах креста – поперечные черточки. В правом нижнем углу прорезаны короткие горизонтальная и четыре вертикальные линии, имитирующие буквы.

Размер 6,5 × 11,5.

Эски-Кермен, 2017. Юго-восточный склон плато. Некрополь около храма «Трех всадников». Натечный слой. XIII в. (?)

Публикуется впервые.

№ 5. Ил. 4, 2

Фрагмент центрального поля керамиды в виде неправильного пятиугольника с прочерченным по обожженной глине по всей поверхности равноконечным крестом (высота 7,8; ширина 5,9) с расходящимися в разные стороны лучами на завершении верхней и боковых ветвей (ил. 4, 2а). Нижняя ветвь креста на завершении перечеркнута горизонтальной линией. Между ветвями креста прорезаны буквы: в верхней части – I X; в нижней – N К. У буквы N отсутствует правая вертикальная гаста.

Размер 7,9 × 8,7; высота букв 0,8–2,2.

с. Гончарное, 1962–1964. Некрополь около трехнефного храма, за апсидой южного нефа. Могила 41 с пятью погребениями. XII–XIII вв.

Фрагменты керамики с христианскими граффити

Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. Л., 1970. С. 140. Рис. 91, 1. (Материалы и исследования по археологии СССР ; № 16).

№ 6

Фрагмент красноглиняного сосуда с граффити в виде креста с формулой IC XC NIKA.

с. Голубинка, 2005. Позднесредневековый могильник на холме Кильсе-Баир.

Не опубликован. Общая информация: *Майко В. В.* Восточный Крым во второй половине X–XII вв. Киев, 2014. С. 80.

№ 7. Ил. 4, 5

Фрагмент центрального поля керамиды неправильной формы с прочерченным по обожженной глине крестом с изогнутой длинной нижней ветвью (высота 8,3; ширина 6,2). Между ветвями креста прорезаны буквы: в верхней части – IC X; в нижней – NH K. Буква N прочерчена зеркально, в виде «И».

Размер 7,0 x 11,6; высота букв 0,5–1,0.

пгт. Ореанда, 1967. Некрополь около однефного храма. Могила 3. XIII–XIV вв.

Паршина Е. А. Средневековый храм в Ореанде // Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев, 1968. С. 66–67. Рис. 1, в.

№ 8. Ил. 4, 6

Фрагмент центрального поля керамиды неправильной формы с прочерченным по обожженной глине равноконечным крестом (высота 6,0; ширина 5,7). Между ветвями креста прорезаны буквы: в верхней части – IC под титлом и XC (?); в нижней – NH KA.

Размер 13,3 x 15,8; высота букв 0,7–1,4.

пгт. Ореанда, 1967. Некрополь около однефного храма. Могила 7. XIII–XIV вв.

Паршина Е. А. Средневековый храм в Ореанде // Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев, 1968. С. 66–67. Рис. 1, в.

№ 9. Ил. 4, 3

Фрагмент стенки амфоры с дуговидными ручками XII–XIV вв. неправильной формы. На внутренней стороне по обожженной глине по всей поверхности прочерчен равноконечный крест (высота 5,2; ширина 6,6). Между ветвями креста прорезаны буквы: в верхней части – IC под титлом и X; в нижней – N под титлом и K. У буквы K отсутствует верхняя диагональная гаста.

Э. А. Хайрединова

Размер 6,8 x 7,0; высота букв 0,6–1,6.

Аю-Даг, северо-восточный склон, поляна Ай-Констант, 1999. Однонефный храм, южная часть, могила № 12, погребение мужчины 35–40 лет, на нижней части черепа. Надписью обращен к лицу покойного. XIV в.

Тесленко И. Б., Лысенко А. В. Погребение священника в одном из средневековых храмов горы Аю-Даг // *Духовное наследие Крыма : материалы Междунар. церковно-исторической конф. памяти преподобного Иоанна, епископа Готфийского / отв. ред. Л. А. Ясельская. Симферополь, 2007. С. 143. Рис. 4, 4; Майко В. В.* Восточный Крым во второй половине X–XII вв. Киев, 2014. Рис. 188, 3.

№ 10. Ил. 4, 4

Фрагмент стенки пифоса неправильной формы с процарапанным на внутренней стороне по обожженной глине тонкой линией крестом с короткой поперечной переключиной (высота 6,2; ширина 3,3). В верхней части размещены буквы I и X, в нижней – три вертикальные линии (III), вероятно, от NI и знак L (?).

Размер 9,3 x 14,5; высота букв 1,0–2,0.

с. Малый Маяк, 2003. Некрополь около однефного храма. Могила 14, заполнение. XIV в.

Тесленко И. Б., Лысенко А. В. Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение // *О древностях Южного берега и гор Таврических : сб. науч. тр. (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П. И. Кеппена) / отв. ред. В. Л. Мыц. Киев, 2004. С. 266, 290. Рис. 13, 3.*

№ 11. Ил. 4, 8

Фрагмент поля красноглиняной черепицы ромбической формы со значительным количеством мелкодробленого шамота в тесте. На лицевой стороне по обожженной глине тонким острием прочерчен равноконечный крест с поперечными черточками на концах (высота 9,3; ширина 7,3). Между ветвями креста прорезаны буквы: в верхней части – IC XC под титлами; в нижней – NI KA. Буква N прочерчена зеркально, в виде «И».

Размер 9,5 x 10,8; высота букв 0,9–1,4.

Алуштинский могильник, 1950. Могила 21 с пятью погребениями, заполнение верхней части. XIV в.

Тесленко И. Б., Александрова И. А. Погребения с керамикой у храма Алуштинского могильника (материалы раскопок 1950–1951 гг. из собрания АИКМ) // *Христианство в археологических и письменных источниках : материалы IX междунар. науч. конф. по церковной археологии / ред.-сост. В. В. Майко, Э. А. Хайрединова, Т. Ю. Яшаева. Симферополь, 2020. С. 144–145. Прим. 9. Рис. 1, 4.*

Фрагменты керамики с христианскими граффити

№ 12. Ил. 4, 7

Фрагмент центрального поля керамиды трапециевидной формы. На лицевой стороне по обожженной глине тонким острием прочерчен равноконечный крест (высота 8,9; ширина 7,2). Между ветвями креста прорезаны буквы: в верхней части – IC под расположенным почти диагонально титлом и XC под титлом в виде двух параллельных горизонтальных черточек; в нижней – NI KA.

Размер 7,8 x 11,5; высота букв 0,9–1,9.

Некрополь Судак–IX, 2008. Могила 61, погребение ребенка, в области шеи. Обращен изображением к погребенному. Вторая половина XIII – первая половина XIV в.

Майко В. В., Джанов А. В. Некрополь Судак–IX на посаде средневековой Сугдеи (по материалам раскопок 2006–2008 гг.) // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 12 : Хазарское время. Донецк, 2015. С. 165. Рис. 6, 7; 9, 22 ; *Майко В. В.* Восточный Крым во второй половине X–XII вв. Киев, 2014. С. 79. Рис. 188, 4 ; *Его же.* Археологические материалы второй половины X–XII вв. в юго-западном Крыму // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского*. Серия «История. Исторические науки». 2016. Т. 2 (68), № 1. С. 135. Рис. 1, 6.

Граффити типа 3

№ 13. Ил. 5, 1

Фрагмент боковой части коричнево-глиняного калиптера трапециевидной формы с процарапанными по обожженной глине тонкой линией в одну строку буквами IC X N.

Размер 10,0 x 10,5; толщина 2,0; длина надписи 4,0; высота букв 0,8–1,4.

Эски-Кермен, 2018. Квартал 2. Однонефный храм. Гробница 1/2018, пристроенная к южной стене храма. Слой 1, погребение 3 мужчины 30 лет, около шейных позвонков. XIII в.

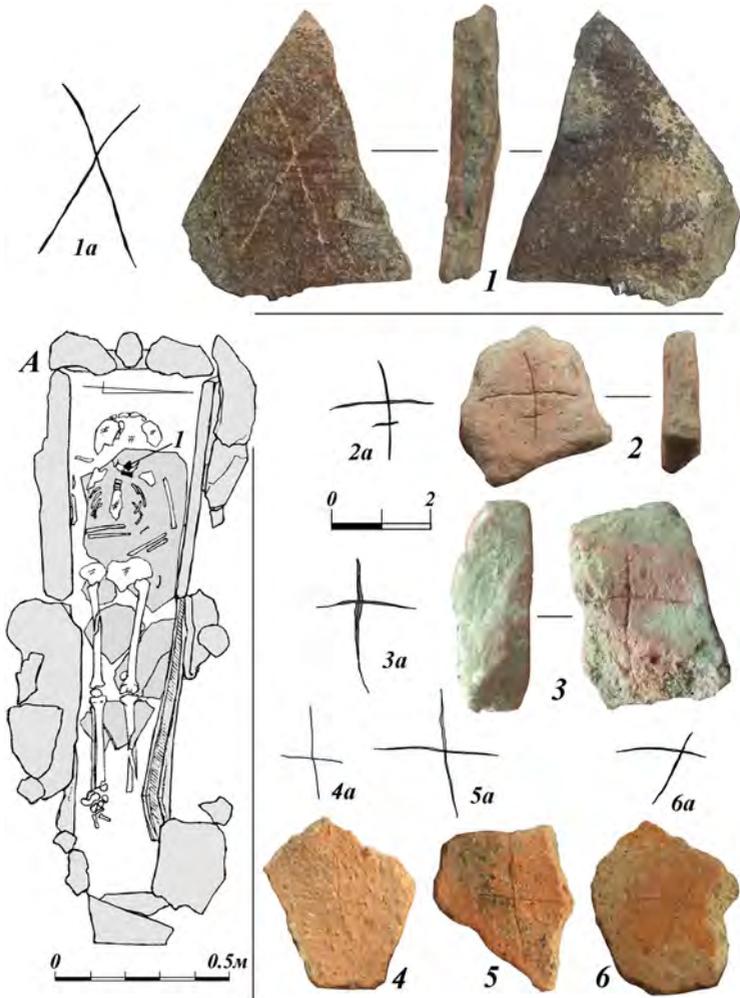
Публикуется впервые.

№ 14

Фрагмент калиптера с процарапанной формулой IC XC NIKA.

Урочище Димитраки в окрестностях Судака, 1983. Некрополь около храма. XIII–XIV вв.

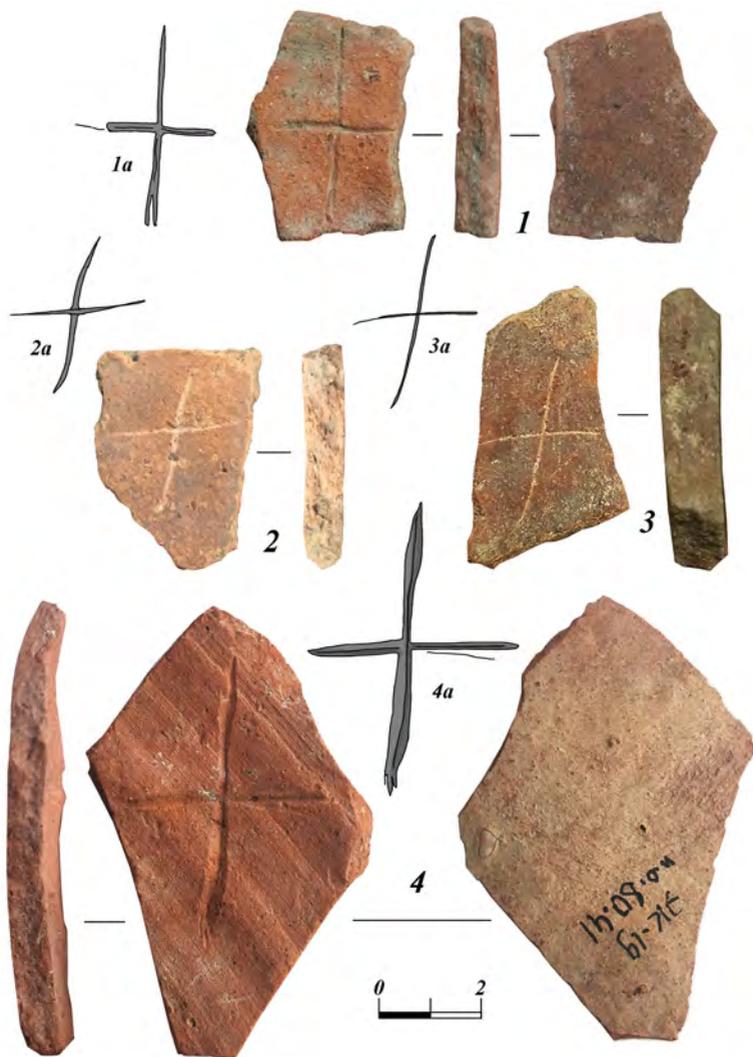
Не опубликован. Общая информация: *Майко В. В.* Восточный Крым во второй половине X–XII вв. Киев, 2014. С. 79.

Ил. 1. Фрагменты керамики с прочерженным крестом из могильника у с. Лучистое: 1, А – могила 9; 2, 3 – могила 8; 4 – могила 3; 5, 6 – могила 4

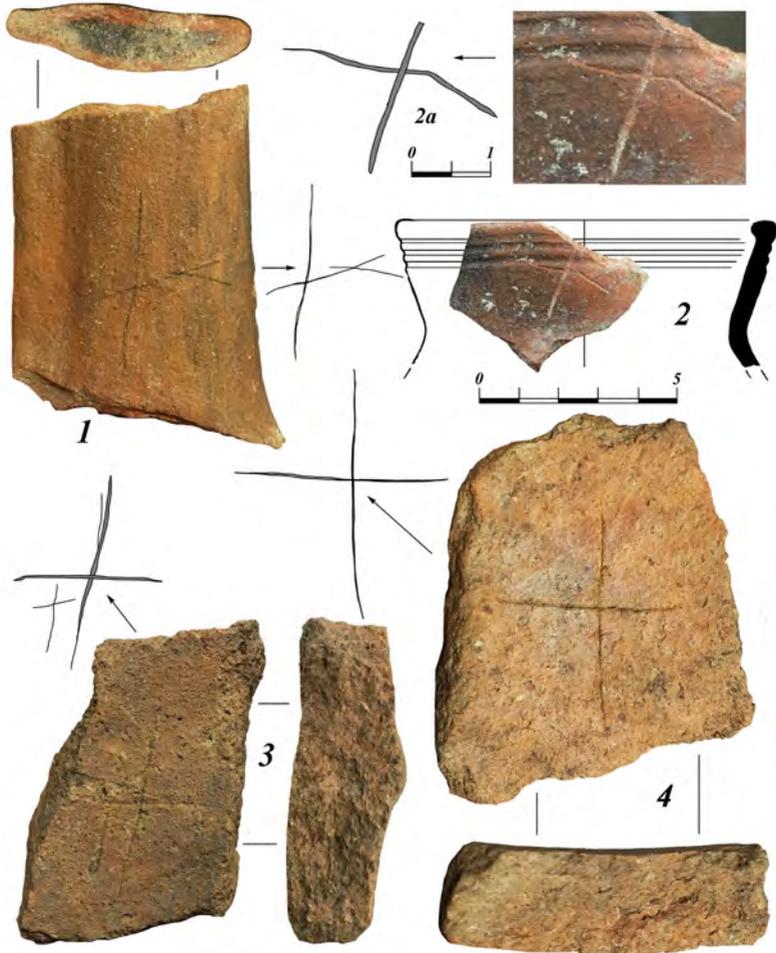
Fig. 1. Ceramic fragments with a drawn cross from the cemetery near the village of Luchistoe: 1, A – grave no. 9; 2, 3 – grave no. 8; 4 – grave no. 3; 5, 6 – grave no. 4

Фрагменты керамики с христианскими граффити

Ил. 2. Фрагменты керамики с прочерженным крестом из могильника у с. Лучистое (1–3) и с плато Эски-Кермен (4); 1, 2 – могила 4; 3 – могила 8; 4 – могила 1/2018

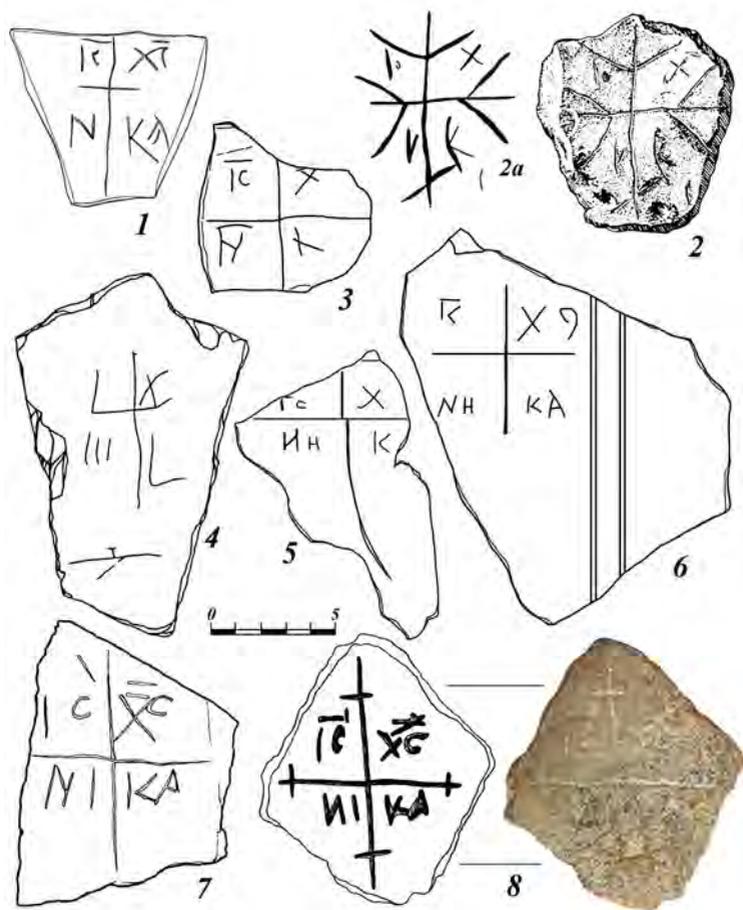
Fig. 2. Ceramic fragments with a drawn cross from the cemetery near the village of Luchistoe (1–3) and from the plateau of Eski-Kermen (4); 1, 2 – grave no. 4; 3 – grave no. 8; 4 – grave no. 1/2018

Ил. 3. Фрагменты керамики с прочерженным крестом из могильника у с. Лучистое:
1 – склеп 1; 2–4 – могила 8

Fig. 3. Ceramic fragments with a drawn cross from the cemetery near the village
of Luchistoe: 1 – burial vault no. 1; 2–4 – grave no. 8

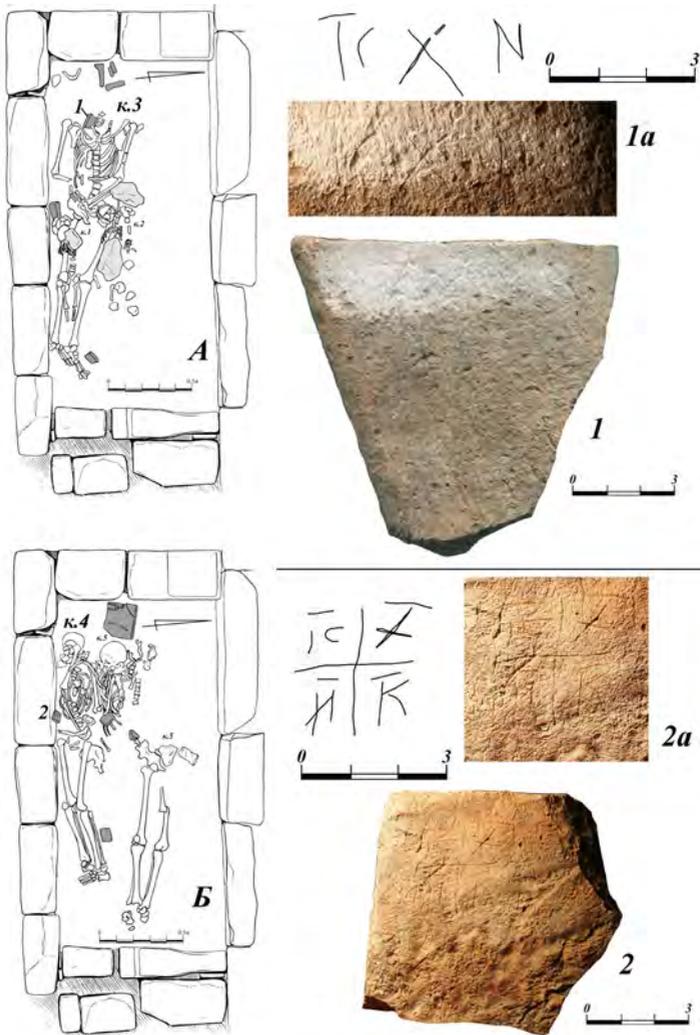
Фрагменты керамики с христианскими граффити

Ил. 4. Фрагменты керамики с прочерженным крестом с формулой IC XC NIKA из Крыма: 1 – Эски-Кермен, квартал 1, храм; 2 – с. Гончарное, могила 41; 3 – Аю-Даг, храм на северо-восточном склоне горы, могила 12; 4 – с. Малый Маяк, могила 14; 5, 6 – пгт. Ореанда, могилы 3 и 7; 7 – Судак–IX, могила 61; 8 – Алуштинский могильник, могила 21

Fig. 4. Ceramic fragments with a drawn cross and the formula IC XC NIKA from the Crimea: 1 – Eski-Kermen, quarter 1, a church; 2 – Goncharnoe, grave no. 41; 3 – Aiu-Dag, a church on the north-eastern slope of the mountain, grave no. 12; 4 – Malyi Maiak, grave no. 14; 5, 6 – Oreanda, graves nos. 3 and 7; 7 – Sudak–IX, grave no. 61; 8 – Alushta cemetery, grave no. 21

Э. А. Хайрединова

Ил. 5. Город на плато Эски-Кермен. Квартал 2, однефный храм. Гробница 1/2018. Погребения 3 и 4 (А–Б) с фрагментами черепицы с христианскими граффити (1–2)

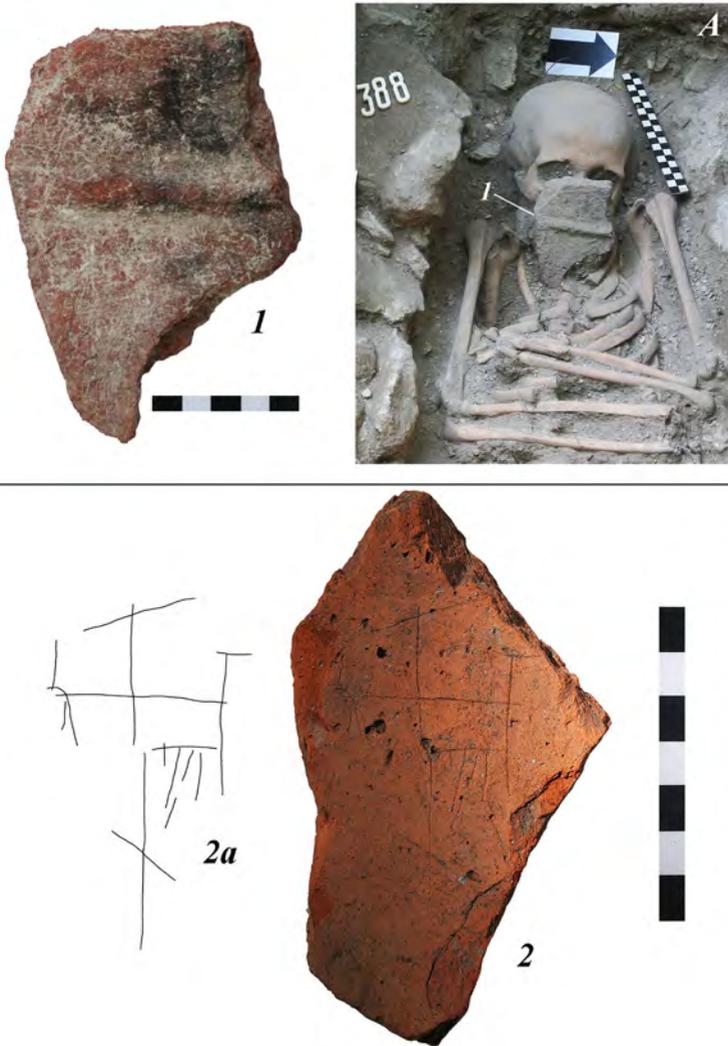
Fig. 5. The town on the plateau of Eski-Kermen. Quarter 2, an aisleless church. Tomb 1/2018. Burials nos. 3 and 4 (A–B) with the roof-tile fragments featuring Christian graffiti (1–2)

Фрагменты керамики с христианскими граффити

Ил. 6. Плато Эски-Кермен. Некрополь у храма «Трех всадников», могила 396

Fig. 6. Eski-Kermen plateau. The cemetery at the “Three Horsemen” Church, grave no. 396

Ил. 7. Плато Эски-Кермен. Некрополь у храма «Трех всадников», могила 388 (1) и находка из натечного слоя (2)

Fig. 7. Eski-Kermen plateau. The cemetery near the “Three Horseman” Church, grave no. 388 (1) and a find from the topsoil (2)

REFERENCES

Aibabin, A. I. (1978). Raskopki mogil'nika srednevekovoi Funy [Excavation of the Burial Ground of Medieval Funy]. *Arheologicheskie otkrytiia 1977 goda* (pp. 187–188). Moscow: Nauka.

Aibabin, A. I. (in print). K diskussii ob epigraficheskikh svidetel'stvakh o deiatel'nosti Vizantii v Gornom Krymu v VI v. [For a Discussion about Epigraphic Evidence of Byzantine Activity in the Mountainous Crimea in the Sixth Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 26(6).

Aibabin, A. I., & Khairedinova, E. A. (2011). Pozdnesrednevekovaiia chasovnia na plato Eski-Kermen [Late Medieval Chapel on the Eski-Kermen Plateau]. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii*, 17, 422–457.

Aibabin, A. I., & Khairedinova, E. A. (2013). Predmety khristianskogo kul'ta iz raskopok 2003–2008 godov na gorodishshe Eski-Kermen [Objects of a Christian Cult from the Excavations of 2003–2008 at the Settlement of Eski-Kermen]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 69, 7–21.

Aibabin, A. I., & Khairedinova, E. A. (2019a). Plitovye mogily XIV v. na plato Eski-Kermen [Fourteenth-Century Slabbed Graves on the Eski-Kermen Plateau]. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii*, 24, 250–276.

Aibabin, A. I., & Khairedinova, E. A. (2019b). Raskopki nekropolia u khrama “Trehk vsadnikov” na sklone plato Eski-Kermen [Excavations of the Necropolis at the Temple of the “Three Horsemen” on the Slope of the Eski-Kermen Plateau]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 99, 266–280.

Baranov, I. A. (2010). Raskopki na myse Dimitraki v 1982 g. [Excavations at Cape Dimitraki in 1982]. *Sugdeiskii sbornik*, 4, 601–617.

Constatas, N. (2006). Death and Dying in Byzantium. In D. Krueger (Ed.), *Byzantine Christianity. A People's History of Christianity* (Vol. 3, pp. 124–145). Minneapolis: Fortress Press.

Dushenko, A. A. (2013). Krest iz roga olenia s monogrammoi iz raskopok Bol'shoi Mangupskoi baziliki [Deer Antler Cross with a Monogram from the Excavations of the Great Mangup Basilica]. *Bosporskie issledovaniia*, 28, 363–375.

El'nikov, M.V. (2001). *Srednevekovyi mogil'nik Mamai-Surka (po materialam issledovaniia 1989–1992 gg.)* [Medieval Burial Ground Mamai-Surka (Based on Research Materials 1989–1992)]. Zaporozhye: Zaporozhskii gosudarstvennyi universitet.

Frolow, A. (1956). IC XC NIKA. *Byzantinoslavica*, 17(1), 98–113.

Gin'kut, N.V. (2021). Nekotorye gruppy tarnoi keramiki XIV–XV vv. iz raskopok genuezskoi kreposti Chembalo (predvaritel'nyi obzor) [Some Groups of Container Ceramics of the Fourteenth–Fifteenth Centuries from the Excavations of the Genoese Fortress Cembalo (Preliminary Review)]. In N. A. Alekseenko (Ed.), *XIII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar “Khersonos themata: imperiia i polis”*: materialy nauchnoi konferentsii [XIII International Byzantine Seminar “ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Empire and Polis”: Materials of the Scientific Conference] (pp. 303–313). Simferopol: ARIAL.

Jakobson, A. L. (1970). Rannesrednevekoveye sel'skie poseleniia Iugo-Zapadnoi Tavriki [Early Medieval Rural Settlements of South-West Taurica]. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 168, 1–224.

Jolivet-Lévy, C. (1991). *Les Églises Byzantines de Cappadoce. Le programme iconographique de l'abside et de ses abords*. Paris: Edition du CNRS.

Kazhdan, A. P. (Ed.). (1991). *The Oxford Dictionary of Byzantium* (Vol. 2). New York: Oxford: Oxford University Press.

Khairidinova, E. A. (2017). Kresty v zakhoroneniakh: osobennosti pogrebal'nogo obriada srednevekovogo khristianskogo naseleniia Iugo-Zapadnogo Kryma [Crosses in Burials: Features of the Funeral Rite of the Medieval Christian Population of Southwestern Crimea]. In T. Yu. Yashaeva (Ed.), *Arkheologiya srednevekovogo khrama: materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 170-letiiu K. K. Kostsiushko-Valyuzhinicha* [Archaeology of a Medieval Temple: Materials of the Scientific Conference Dedicated to the 170th Anniversary of K. K. Kostsiushko-Valyuzhinich] (pp. 72–74). Sevastopol: FGBUK GIAMZ “Khersones Tavricheskii”.

Khairidinova, E.A. (2021). Arkheologicheskie raskopki tsentral'noi chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2018–2020 gg. [Archaeological Excavations of the Central Part of the City on the Eski-Kermen Plateau in 2018–2020]. In A. I. Aibabin, & E. A. Khairidinova (Eds.), *Itogi arkheologicheskikh issledovaniy tsentral'noi chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2018–2020 gg.* [The Results of Archaeological Research of the Central Part of the City on the Eski-Kermen Plateau in 2018–2020] (pp. 26–143). Simferopol: Antikva.

Korzukhina, G. F., & Peskova, A. A. (2003). *Drevnerusskie enkolpiony. Nagrudnye kresty-relikvarii XI–XIII vv.* [Old Russian Encolpions. Reliquary Pectoral Crosses of the Eleventh–Thirteenth Centuries]. St Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.

Maiko, V. V. (2014). *Vostochnyi Krym vo vtoroi polovine X–XII vv.* [Eastern Crimea in the Second Half of the Tenth–Twelfth Centuries]. Kiev: Izdatel' Oleg Filiuk.

Maiko, V. V. (2016). Arheologicheskie materialy vtoroi poloviny X–XII vv. v iugo-zapadnom Krymu [Archaeological Materials of the Second Half of the Tenth–Twelfth Centuries in Southwestern Crimea]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya “Istoriia. Istoricheskie nauki”*, 2(68), 1, 134–148.

Maiko, V. V., & Dzhanov, A. V. (2015). Nekropol' Sudak–IX na posade srednevekovoi Sugdei (po materialam raskopok 2006–2008 gg.) [Necropolis Sudak–IX on the Settlement of Medieval Sugdeya (Based on Materials from Excavations in 2006–2008)]. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia* [Steppes of Europe in the Middle Ages] (Vol. 12: Khazarskoe vremia [Khazar Time], pp. 159–176). Donetsk: DonNU.

Orlov, R. S. (1979). Iz istorii sel'skogo naseleniia Kerchenskogo poluostrova v XIII–XIV vv. [From the History of the Rural Population of the Kerch Peninsula in the Thirteenth–Fourteenth Centuries]. In V. D. Baran (Ed.), *Pamiatniki drevnikh kul'tur Severnogo Prichernomor'ia* [Monuments of Ancient Cultures of the Northern Black Sea Region] (pp. 114–129). Kiev: Naukova Dumka.

Parshina, E. A. (1968). Srednevekovi khran v Oreande [Medieval Temple in Oreanda]. In *Arkheologicheskie issledovaniia na Ukraine v 1967 g.* [Archaeological Research in Ukraine in 1967] (pp. 65–70). Kiev: Naukova Dumka.

Фрагменты керамики с христианскими граффити

Pitarakis, B. (2006). *Les croix-reliquaires pectorales en bronze byzantines*. Paris: Picard.

Poulou-Papadimitriou, N. (2012). Pottery of the Middle Byzantine Period and the First Centuries of the Venetian Occupation from Petras, Siteia. In M. Tsipopoulou (Ed.), *Petras, Siteia – 25 years of excavations and studies* (pp. 315–326). Athens: The Danish Institute at Athens.

Poulou-Papadimitriou, N., Tzavella, E., & Ott, J. (2012). Burial Practices in Byzantine Greece: Archaeological Evidence and Methodological Problems for its Interpretation. In M. Salamon, M. Wołoszyn, A. Musin, & A. Špehar (Eds.), *Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe* (pp. 377–428). Kraków; Leipzig; Rzeszów; Warszawa: Geisteswissenschaftliches Zentrum Geschichte und Kultur Ostmitteleuropas; Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk; Instytut Archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego Publ.

Solomonik, E. I. (1991). Novye grecheskie lapidarnye nadpisi Srednevekovo-go Kryma [New Greek Lapidary Inscriptions of Medieval Crimea]. In P. P. Tolochko (Ed.), *Vizantiiskaia Tavrika* [Byzantine Taurica] (pp. 172–179). Kiev: Naukova dumka.

Teslenko, I. B., & Aleksandrova, I. A. (2020). Pogrebeniia s keramikoi u khrama Alushtinskogo mogil'nika (materialy raskopok 1950–1951 gg. iz sobraniia AIKM) [Burials with Ceramics near the Temple of the Alushta Burial Ground (Excavation Materials 1950–1951 from the AIKM Collection)]. In V. V. Maiko, E. A. Khairedinova, & T. Yu. Yashaeva (Eds.), *Khristianstvo v arkheologicheskikh i pis'mennykh istochnikakh: materialy IX mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po tserkovnoi arkheologii* [Christianity in Archaeological and Written Sources: Proceedings of the IX International Scientific Conference on Church Archaeology] (pp. 142–148). Simferopol: Antikva.

Teslenko, I. B., & Lysenko, A. V. (2004). Srednevekovi khristianskii khran na iuzhnoi okraïne s. Malyi Maiak i ego arkheologicheskoe okruzhenie [Medieval Christian Church on the Southern Outskirts of the Village of Maly Mayak and its Archaeological Environment]. In V. L. Mytz (Ed.), *O drevnostiakh Iuzhnogo berega i gor Tavricheskikh: sbornik nauchnykh trudov (po materialam konferentsii v chest' 210-letii so dnia rozhdeniia P. I. Keppena)* [About the Antiquities of the Southern Coast and the Tauric Mountains: Collection of Scientific Works (based on the Materials of the Conference in Honor of the 210th Anniversary of the Birth of P. I. Keppen)] (pp. 260–296). Kiev: Stylos.

Teslenko, I. B., & Lysenko, A. V. (2006). Pogrebenie sviashchennika v odnom iz srednevekovykh khramov gory Aiu-Dag [Burial of a Priest in One of the Medieval Temples of the Ayu-Dag Mountain]. In L. A. Yasel'skaya (Ed.), *Dukhovnoe nasledie Kryma: materialy Mezhdunarodnoi tserkovno-istoricheskoi konferentsii pamiati prepodobnogo Ioanna, episkopa Gotfiiskogo* [The Spiritual Heritage of the Crimea: Materials of the International Church-Historical Conference in Memory of St. John, Bishop of Gothia] (pp. 132–144). Simferopol: Izdatel'stvo Simferopol'skoi i Krymskoi eparkhii.

Thierry, N. (1976, April – June). Mentalité et formulation iconoclastes en Anatolie. *Journal des savants*, 81–130.

Walter, Ch. (1997). IC XC NI KA. The Apotropaic Function of the Victorious Cross. *Revue des études byzantines*, 55, 193–220.

Э. А. Хайрединова

Zalenskaya, V. N. (1988). *Sviazi srednevekovogo Khersonesa s Siriei i Maloi Aziei v X–XII vv.* [Connections of Medieval Chersonesos with Syria and Asia Minor in the Tenth–Twelfth Centuries]. In A. V. Bank, & V. G. Lukonin (Eds.), *Vostochnoe Sredizemnomor'ie i Kavkaz IV–XVI vv.* [Eastern Mediterranean and Caucasus IV–XVI Centuries] (pp. 93–95). Leningrad: Iskusstvo.

Хайрединова Эльзара Айдеровна
кандидат исторических наук,
заведующая отделом средневековой
археологии
Институт археологии Крыма РАН
295007, Симферополь,
пр. Вернадского, 2
E-mail: khairedinovaz@rambler.ru

Khairedinova, Elzara Aiderovna
PhD (History), Head
Mediaeval Archeology Department
Institute of Archeology of the Crimea
of the Russian Academy of Sciences
2 Vernadsky Ave, 295007, Simferopol,
Russia
Email: khairedinovaz@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1362-757X>
Researcher ID: Y-5905-2019
Scopus AuthorID: 57214224248

А. А. Душенко

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, Россия

САБАТОН ИЗ РАСКОПОК ДВОРЦА МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА

Исследование посвящено саботону – элементу доспеха для защиты стопы, найденному в западной части княжеского дворца Мангупского городища. Предмет изготовлен из семи поперечно-выгнутых железных пластин. Саботон крепился к обуви с помощью шнурков, о чем свидетельствуют сквозные отверстия, сохранившиеся в его центральной и боковой части. Единственной аналогией мангупскому саботону, найденной в археологических условиях, являются два комплекта пластин для защиты стопы из коллективного погребения участников битвы 1361 г. при Висбю (Швеция). Значительное число аналогий удалось обнаружить на миниатюрах рукописей и надгробных памятниках средневековой Европы, в произведениях живописи и скульптуры эпохи Ренессанса. Анализ аналогий показал, что рассматриваемый артефакт представляет собой рыцарский саботон европейского образца, типичный для XIV–XV вв. Археологический контекст находки позволяет установить его датировку в пределах периода функционирования мангупского дворца – 1425–1475 гг. Наиболее вероятным временем попадания саботона в культурный слой являются события осады и штурма Мангупа османскими войсками в 1475 г. Этот вывод подтверждается находками других предметов вооружения и слоями пожара, зафиксированными в западной части дворца. В статье высказаны предположения о личности владельца рассматриваемого саботона. Этот человек относился к числу защитников города и, очевидно, был достаточно обеспеченным, чтобы позволить себе покупку или заказ дорогостоящих доспехов. Потенциальным владельцем саботона мог быть местный аристократ, представитель известного по письменным источникам отряда из 300 «валахов» или один из генуэзских нобилей, бежавших на Мангуп после падения Кафы.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым; Феодоро; Мангуп; дворец; военное дело; доспехи; саботон

Благодарности

Исследование подготовлено при поддержке РФФИ (проект № 19-09-00124 «Дворцовый комплекс Мангупского городища – резиденция правителей

А. А. Душенко

княжества Феодоро в Юго-Западном Крыму. Проблемы хронологии, планировки и архитектурной реконструкции памятника»), а также в рамках реализации проекта госзадания Минобрнауки РФ № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

Цитирование: Душенко А. А. Сабатон из раскопок дворца Мангупского городища // *Античная древность и средние века*. 2021. Т. 49. С. 219–239. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.015>

Поступила в редакцию: 17.05.2021

Принята к печати: 11.10.2021

Anton A. Dushenko

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russia*

SABATON EXCAVATED AT THE PALACE OF THE ANCIENT TOWN OF MANGUP

This research addresses a sabaton, or an armour element protecting the foot, excavated in the western area of the prince's palace of Mangup. The artifact is composed by seven cross-curved iron plates. The sabaton was attached to the shoe with strings, as evidenced by the through-holes in its central and lateral parts. The only archaeological analogy to the sabaton from Mangup is the two sets of plates for foot-protection from the collective burial of the participants of the battle of Visby (Sweden) in 1361. A significant number of analogies appeared among the manuscript miniatures and tombstones of Mediaeval Europe and Renaissance paintings and sculptures. According to the analysis of the analogies, the artifact in question is a knightly sabaton of the European pattern typical for the fourteenth and fifteenth centuries. The archaeological context allowed the one to date the find within the period of the functioning of the Mangup palace in 1425–1475. The most probable date for the sabaton to get into the cultural layer is 1475, when the Ottomans besieged and assaulted Mangup. This statement may be confirmed by the finds of other weapons and layers of fire, recorded in the western part of the palace. The paper presents assumptions about the personality of the owner of the sabaton. This person was one of the defenders of the town and, apparently, was wealthy enough to purchase or order expensive armour. The owner of the sabaton possibly was a local noble, a soldier of the 300 “Wallachians” known from written sources, or one of the Genoese nobles who fled to Mangup after the fall of Kaffa.

Keywords: south-western Crimea; Theodoro; Mangup; palace; warfare; armour; sabaton

Acknowledgements

This study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project no.19-09-00124 *The Palace Complex of the Mangup Settlement – the Residence of the Rulers of the Principality of Theodoro in the South-West Crimea. Problems of Chronology, Planning and Architectural Reconstruction of the Monument*, and with support of the State assignment project No. FZEG-2020-0029 *The Influence of the Byzantine Empire on the Historical Processes in the Medieval Crimea*.

For citation: Dushenko, A. A. (2021). Sabaton iz raskopok dvortsa Mangupskogo gorodishcha [Sabaton Excavated at the Palace of the Ancient Town of Mangup]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 49, 219–239. <https://doi.org/10.15826/adv.2021.49.015>

Submitted: 17.05.2021

Accepted: 11.10.2021

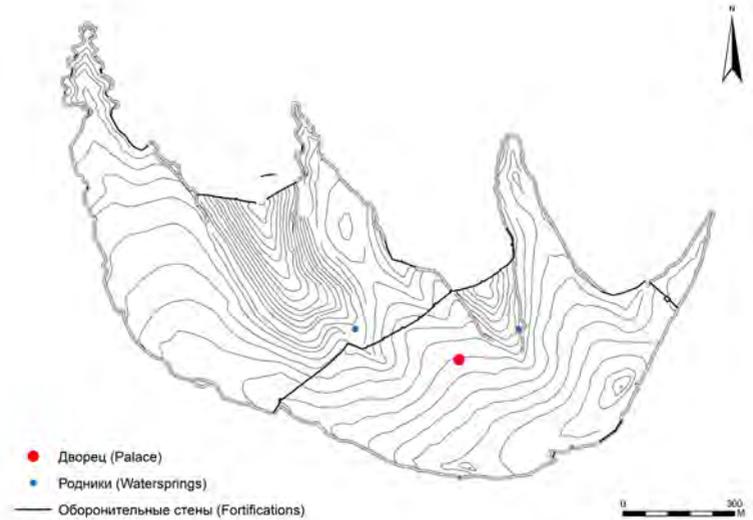
Княжеский дворец расположен в центральной части Мангупского городища (ил. 1). Археологические исследования памятника ведутся с момента его открытия Р. Х. Лепером в 1912 г. История изучения дворца в XX в. подробно освещена в работе А. Г. Герцена и В. Е. Науменко¹, что позволяет избежать повторов. С 2006 г. раскопки дворца стали основным направлением работ Мангупской археологической экспедиции Симферопольского университета (с 2015 г. – Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского) под руководством А. Г. Герцена. К настоящему времени на площади более 2 800 м² исследованы все основные архитектурно-планировочные границы комплекса, сформированы предположения о его стратиграфии и строительной периодизации этого участка городища², достаточно узкой хронологии дворца (1425–1475)³ и его архитектурно-композиционном решении⁴. Материалы исследований Мангупского дворца постепенно вводятся в научный оборот.

¹ Герцен А. Г., Науменко В. Е. Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища // ТГЭ. 2010. Т. 51. С. 388–396.

² Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А. Княжеский дворец Мангупского городища. Стратиграфия участка исследований 2006–2017 гг. (предварительное сообщение) // X Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис» : материалы науч. конф. / отв. ред. Н. А. Алексеенко. Севастополь, 2018. С. 53–58.

³ Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А. Основные итоги и перспективы исследований княжеского дворца Мангупского городища // XX Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований». Симферополь ; Керчь, 2019. С. 139–148.

⁴ Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Иожица Д. В. Княжеский дворец Мангупского городища. Проблемы архитектурно-археологической реконструкции памятника // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма : сб. материалов VI науч.-практ. конф. Симферополь, 2019. С. 60–70.

Ил. 1. План-схема Мангупского городища с указанием местоположения дворца

Fig. 1. Outline of the ancient town of Mangup indicating the palace location

Опубликованы наиболее показательные закрытые комплексы⁵ и отдельные группы находок⁶. Своеобразную серию составляют публикации яр-

⁵ Герцен А. Г., Науменко В. Е. Археологический комплекс третьей четверти XV в.... С. 387–419; Науменко В. Е., Душенко А. А. Княжеский дворец Мангупского городища: помещение Н южного участка комплекса (по материалам коллекции Р. Х. Лепера Государственного Эрмитажа и современных археологических исследований) // МАИЭТ. 2017. Вып. 22. С. 187–238.

⁶ Науменко В. Е., Душенко А. А. Византийская глазурованная керамика из раскопок Дворца правителей княжества Феодоро (Мангуп): по материалам исследований 2006–2010 гг. // Поливная керамика Причерноморья – Средиземноморья как источник по изучению византийской цивилизации : тез. докл. междунар. науч. семинара. Севастополь, 2014. С. 93–95; Душенко А. А. Предметы из кости и рога из раскопок дворца правителей Феодоро (Мангуп) // МАИЭТ. 2015. Вып. 20. С. 233–262; Науменко В. Е., Душенко А. А. Предметы вооружения из раскопок княжеского дворца Мангупского городища (предварительный обзор коллекции) // XI Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис» : материалы науч. конф. / отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь, 2019. С. 159–168; Душенко А. А. Нумизматический комплекс Мангупского княжеского дворца: статистический обзор (раскопки 2006–2018 гг.) // XII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис» : материалы науч. конф. / отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь, 2020. С. 91–98; Его же. Металлические зеркала из раскопок Мангупского княжеского дворца // XXI Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте». Симферополь ; Керчь, 2020. С. 101–109.

Сабатон из раскопок дворца Мангупского городища
ких индивидуальных артефактов, найденных на территории дворца и яв-
ляющихся самостоятельными источниками исторической информации⁷.

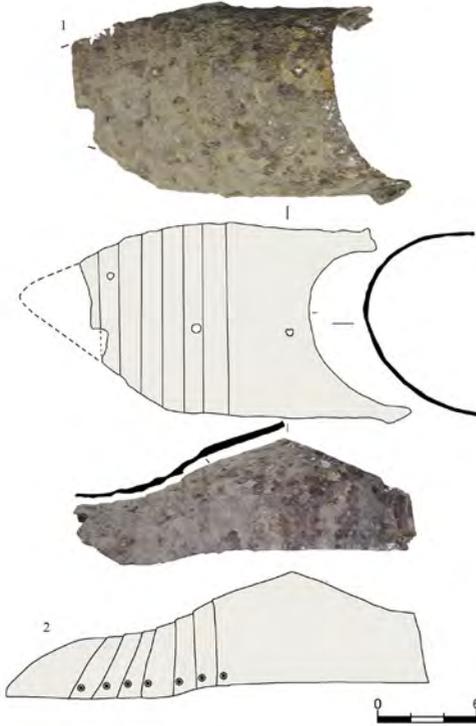

Ил. 2. План-схема дворца с указанием места находки сабатона

Fig. 2. Outline of the palace indicating the findspot of the sabaton

⁷ Герцен А. Г. Сасанидский перстень из раскопок Мангупа // IX Международная Крымская конференция по религиоведению «Небесные патроны и земные служители культа»: тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2007. С. 18–19; *Его же*. Золотоордынское зеркало из раскопок княжеского дворца Мангупа // Откровения древнего Солхата. Керчь, 2010. С. 96–105; Ганцев В. К. Трехручная стеклянная лампада XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища // XXI Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте». Симферополь; Керчь, 2020. С. 84–89; *Его же*. Ротационные жернова IX–XI вв. из раскопок Мангупского княжеского дворца // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 6. С. 131–141; Науменко В. Е. «Латиняне» на Мангупе. Уникальный западноевропейский крест-энколпион из раскопок княжеского дворца Мангупского городища: проблемы атрибуции и датировки // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 6. С. 100–115.

Дворец, как и большинство построек периода княжества Феодоро, подвергся разрушению в ходе событий 1475 г., когда Мангуп был захвачен османскими войсками Мехмеда II Фатиха (1432–1481)⁸.

Ил. 3. 1 – саботон из раскопок мангупского дворца; 2 – реконструкция

Fig. 3. 1 – sabaton excavated at the palace of Mangup; 2 – reconstruction drawing

был идентифицирован как саботон – элемент доспеха, предназначенный для защиты стопы (ил. 3, 1). Предмет собран из семи поперечно-

Об этом свидетельствует слой пожара, зафиксированный на площади помещений В, Ф, Н, I, J, К, L, N и террасах, примыкающих к «южной улице» (ил. 2)⁹. Судя по находкам османских наконечников стрел, свинцовых пуль, фрагментов гранитных ядер и других элементов наступательного и защитного снаряжения, дворец стал одним из локальных очагов сопротивления защитников города¹⁰. Учитывая скудость письменных данных и отсутствие графических источников, эти артефакты становятся ключевыми носителями информации о снаряжении османских солдат и защитников Феодоро.

Объектом данного исследования является уникальная для Крыма находка детали средневекового доспеха, происходящая с территории мангупского дворца. Артефакт

⁸ Подробно об этих событиях см.: Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. 1. С. 148–154; Его же. По поводу новой публикации турецкого источника о завоевании Крыма // МАИЭТ. 2001. Вып. 8. С. 366–386; Рувев В. Л. Турецкое вторжение в Крым в 1475 году. Симферополь, 2014. С. 188–262.

⁹ Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А. Княжеский дворец... С. 57.

¹⁰ Там же; Науменко В. Е., Душенко А. А. Предметы вооружения... С. 160–163.

Сабатон из раскопок дворца Мангупского городища

выгнутых железных пластин различных размеров. Их толщина с учетом коррозионного налета составляет 2–4 мм. Верхняя пластина шириной 49 мм в средней части с вырезом закрывала голеностоп и подъем стопы. Шесть прямоугольных промежуточных пластин шириной 12–15 мм закрывали среднюю часть стопы. Пластина, защищавшая пальцы ноги, практически не сохранилась. Судя по сужающейся форме мангупского сабатона, эта пластина была заостренной (ил. 3, 2).

Реконструируемая длина сабатона составляет 259 мм, ширина – 116 мм. Подобные параметры соответствуют современным размерам обуви 39–40. Изгиб дуги сечения (ил. 3, 1) позволяет предполагать, что предмет использовался для защиты стопы левой ноги. Пластины сабатона собраны внахлест таким образом, чтобы верхняя частично перекрывала нижнюю. Такая конструкция обеспечивала соскальзывание оружия при рубящем ударе¹¹. К моменту находки пластины сабатона спеклись между собой в результате коррозии, однако есть основания полагать, что изначально они были подвижными. Как правило, сабатоны изготавливались таким образом, чтобы минимально ограничивать движения стопы при ходьбе. Для этого пластины скреплялись между собой заклепками на концах. Максимальную подвижность обеспечивали сабатоны с широкой пластиной в средней части стопы и ниспадающими к центру узкими пластинами на подъеме и пальцах (ил. 4, 1)¹². Конструкция мангупской находки несколько проще: очевидно, она должна была несколько стеснять движения ее владельца при пешем передвижении.

Сабатон надевался поверх обычной гражданской обуви и крепился к ней с помощью ремней или шнурков¹³. В Гастингском манускрипте XV в. даны рекомендации использовать в пешем бою обувь из толстой кожи с подошвой, дополнительно укрепленной в районе пятки и средней части стопы шестью шнурками с узлами, к которой привязывается сабатон (ил. 4, 2)¹⁴. Сабатоны св. Димитрия на картине Ортолано, написанной в начале 1520-х гг., прикреплены к обуви с помощью шнурков, продетых в отверстия на носке и завязанных узлом (ил. 4, 3)¹⁵. Мангупский экземпляр, очевидно, также крепился к обуви с помощью шнурков, о чем свидетельствуют сквозные отверстия диаметром 2–3 мм, сохранившиеся в первой и пятой от носка узких пластинах, а также в широкой пластине, закрывающей подъем стопы (ил. 3, 1).

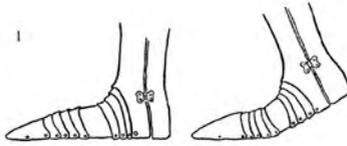
¹¹ *Ffoulkes C. J. The Armourer and His Craft from the XIth to the XVIth Century.* London, 1912. P. 4.

¹² *Ibid.* P. 6–7. Fig. 4, 1–2.

¹³ *Blair C. European Armour circa 1066 to circa 1700.* London, 1958. P. 43–44.

¹⁴ *Volken M. Arming Shoes of the Fifteenth Century // Acta Periodica Duellatorum.* 2017. Vol. 5, No 2. P. 27–28. Fig. 2.

¹⁵ *Ffoulkes C. J. The Armourer and His Craft...* Fig. 57.

Ил. 4. 1 – схема движения пластин саботона при ходьбе (по: *Ffoulkes C. J. The Armourer... Fig. 4, 1–2*); 2 – реконструкция боевой обуви из Гастингского манускрипта, XV в. (по: *Volken M. Arming Shoes... Fig. 2*); 3 – святые Себастьян, Рох и Димитрий (фрагмент), Ортолоно, 1520-е гг. Национальная галерея, Лондон

Fig. 4. 1 – scheme of the sabatons plates in movement (after: *Ffoulkes C. J. The Armourer... Fig. 4, 1–2*); 2 – reconstructed military shoes from the fifteenth-century Hastings Manuscript (after: *Volken M. Arming Shoes... Fig. 2*); 3 – Saint Sebastian with Saint Roch and Saint Demetrius (fragment), Ortolano, 1520s. National Gallery, London

Саботон из раскопок дворца Мангупского городища

Описанный выше саботон был найден на площади квадрата № 31 Западного участка исследований мангупского дворца. С точки зрения планировки комплекса это территория «Первой Западной улицы», проходившей между западной стеной помещения В, северной стеной помещения J и «Западным двором» (ил. 2). Горизонт, содержащий находку (четвертый слой), представлял собой рыхлый, пылевидный грунт серого цвета, насыщенный кусочками древесного угля, комками разложившегося известкового раствора, мелкими окатанными фрагментами керамики. С точки зрения стратиграфии участка, он сформировался после разрушения дворца. Его подстилают брусчатка «Первой Западной улицы» (шестой слой) и слой функционирования улицы, накопившийся за время жизни дворца в 1425–1475 гг.

Несмотря на более позднюю с точки зрения стратиграфии датировку четвертого слоя, подавляющее большинство находок в нем составляли фрагменты керамики XV в., характерные для горизонтов времени функционирования и разрушения дворца. Следует особо отметить фрагменты глазурованных сосудов группы *Miletus ware*, являющиеся хронологическими маркерами комплексов третьей четверти XV в.¹⁶, генуэзский фолеро, выпущенный в Кафе в период 1435–1442 гг., а также два черешковых наконечника стрел с ромбовидным пером. Стрелы с такими наконечниками находились на вооружении османской армии в конце XV в.¹⁷ Их находки на территории Мангупского городища, как правило, рассматриваются в качестве материальных свидетельств событий 1475 г. Таким образом, период 1425–1475 гг. представляется наиболее вероятной датировкой рассматриваемого саботона, исходя из его археологического контекста.

Находки саботонов в археологических условиях чрезвычайно редки, что еще раз подчеркивает уникальность мангупского экземпляра. Нам известны лишь два комплекта пластин, предположительно использовавшихся для защиты стопы. Оба происходят из коллективных захоронений воинов ополчения г. Висбю (о. Готланд, Швеция), погибших в битве с датской армией короля Вальдемара IV Аттердага (1340–1375) в 1361 г. (ил. 5, 1)¹⁸. Гораздо лучше этот элемент защитного вооружения

¹⁶ Герцен А. Г., Науменко В. Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / ред. С. Г. Бочаров, В. Л. Мыц. Киев, 2005. С. 263; Тесленко И. Б. Турецкая керамика с росписью кобальтом в Крыму (проблемы хронологии) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / ред. С. Г. Бочаров, В. Л. Мыц. Киев, 2005. С. 393.

¹⁷ Руев В. Л. Наконечники османских стрел по результатам исследования укрепления № 14 Главной линии обороны Мангупа в 2007 г. // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2011. Т. 24 (63), № 1. С. 111–112.

¹⁸ Thordeman B. Armour from the Battle of Wisby. Stockholm, 1939. Vol. I. P. 115–117. Fig. 110, 112.

А. А. Душенко

известен благодаря произведениям живописи и скульптуры, а также сохранившимся экземплярам из музейных коллекций.

Ил. 5. 1 – саботоны из Висбю (по: *Thordeman B. Armour from the Battle of Wisby...* Fig. 112); 2 – надгробие Уильяма Фицральфа (по: *Blair C. European Armour...* Fig. 15); 3 – саботон Карла VI (по: *Жуков К. А., Коровкин Д. С. Западноевропейский доспех...* Рис. 98); 4 – статуя Кан Гранде дела Скала, Верона, 1320-е гг.

Fig. 5. 1 – sabatons from Wisby (after: *Thordeman B. Armour from the Battle of Wisby...* Fig. 112); 2 – effigy of William Fitzralph (after: *Blair C. European Armour...* Fig. 15); 3 – sabaton of Charles VI (after: *Zhukov K. A., Korovkin D. S. Zapadnoevropeiskii dospekhn...* Fig. 98); 4 – statue of Can Grande della Scala, Verona, 1320s

Саботон из раскопок дворца Мангупского городища

Включение пластинчатых саботонов в состав защитной экипировки европейского рыцаря исследователи средневекового вооружения обычно относят к 1320–1330-м гг.¹⁹ Однако, судя по данным письменных источников, подобные элементы доспеха использовались и во второй половине XIII в. В английском документе 1253 г. упомянута пара наголенников с маленькими железными пластинами для защиты подъема стопы²⁰. Очевидно, внедрение саботонов происходило в рамках общей тенденции укрепления кольчужного доспеха железными пластинами, вызванной развитием поражающих свойств наступательного оружия, в первую очередь лука и арбалета²¹.

Одно из самых ранних изображений саботонов представлено на эфигии сэра Уильяма Фицральфа из Эссекса, датируемой около 1323 г. (ил. 5, 2)²². Защиту ног рыцаря здесь обеспечивают кольчужные чулки-шоссы, усиленные одностворчатыми наголенниками и остроконечными саботонами из пяти пластин, закрепленных шнуровкой и закрывающих верхнюю часть стопы. На близкой по времени статуе правителя Вероны Кан Гранде делла Скала (1291–1329), в настоящее время установленной в музее Кастельвеккьо, саботоны с острым носком закрывают стопу сверху и сбоку (ил. 5, 4). Аналогичную защиту обеспечивала мангупская находка.

Остроконечные саботоны, повторяющие фасон гражданской обуви, были наиболее распространенным приспособлением защиты стопы в течение всего XIV в.²³ Кроме упомянутых выше пластин из Висбю, единственным сохранившимся экземпляром этого времени является детский саботон Карла VI Валуа (1380–1422), входивший в комплект доспехов, подаренных им собору г. Шартр (ил. 5, 3)²⁴. Он состоит из широкой пластины для защиты подъема, четырех промежуточных пластин, одна из которых утрачена, и треугольной в плане остроконечной пластины, закрывающей пальцы. Последняя украшена серебряными накладками в форме геральдических лилий. Пластины скреплены между собой заклепками с шляпками круглой формы. Саботоны из Шартра и мангупского дворца близки по форме и конструкции.

¹⁹ Blair C. *European Armour...* P. 43; Downen K. *The Introduction and Development of Plate Armour in Medieval Western Europe ca. 1250–1350 // Fasciculi Archaeologiae Historicae.* 2017. Vol. 30. P. 21.

²⁰ Downen K. *The Introduction...* P. 21.

²¹ Жуков К. А., Коровкин Д. С. *Западноевропейский доспех раннего ренессанса.* СПб., 2005. С. 9; Downen K. *The Introduction...* P. 19.

²² Blair C. *European Armour...* P. 43. Fig. 15.

²³ Ibid. P. 43; Жуков К. А., Коровкин Д. С. *Западноевропейский доспех...* С. 80.

²⁴ Blair C. *European Armour...* P. 215. No 217; Жуков К. А., Коровкин Д. С. *Западноевропейский доспех...* Рис. 98.

Многочисленные изображения саботонов известны на миниатюрах средневековых рукописей и эффигиях²⁵. Пластинчатые саботоны носят персонажи «Романа об Александре» на иллюстрациях к манускрипту из Бодлеанской библиотеки Оксфорда, созданном в 1338–1344 гг. (ил. 6, 1). Аналогичные доспехи защищают стопы Ласло I (ил. 6, 2) и Св. Стефана (ил. 6, 3) из Венгерской иллюстрированной хроники 1370-х гг.

Ил. 6. 1 – миниатюра из «Романа об Александре», 1338–1344 гг. (по: URL: <https://manuscriptminiatures.com/4373/7013#image> (дата обращения: 18.05.2021)); 2 – миниатюра из Венгерской иллюстрированной хроники, 1370-е гг. (по: URL: <https://manuscriptminiatures.com/4758/7591> (дата обращения: 18.05.2021)); 3 – миниатюра из Венгерской иллюстрированной хроники, 1370-е гг. (по: URL: <https://manuscriptminiatures.com/4758/7580> (дата обращения: 18.05.2021))

Fig. 6. 1 – Miniature from the *Romance of Alexander*, 1338–1344 (image source: URL: <https://manuscriptminiatures.com/4373/7013#image> (accessed: 18.05.2021)); 2 – Miniature from the *Chronica Pictum*, 1370s (image source: URL: <https://manuscriptminiatures.com/4758/7591> (accessed: 18.05.2021)); 3 – Miniature from the *Chronica Pictum*, 1370s (image source: URL: <https://manuscriptminiatures.com/4758/7580> (accessed: 18.05.2021))

²⁵ Наиболее полные подборки миниатюр, эффигий и произведений живописи, содержащих изображения саботонов и других предметов вооружения XIV–XV вв. находятся в свободном доступе в сети Интернет по адресам: <https://manuscriptminiatures.com/>; <https://effigiesandbrasses.com/>; <https://armourinart.com/> (дата обращения: 22.04.2021).

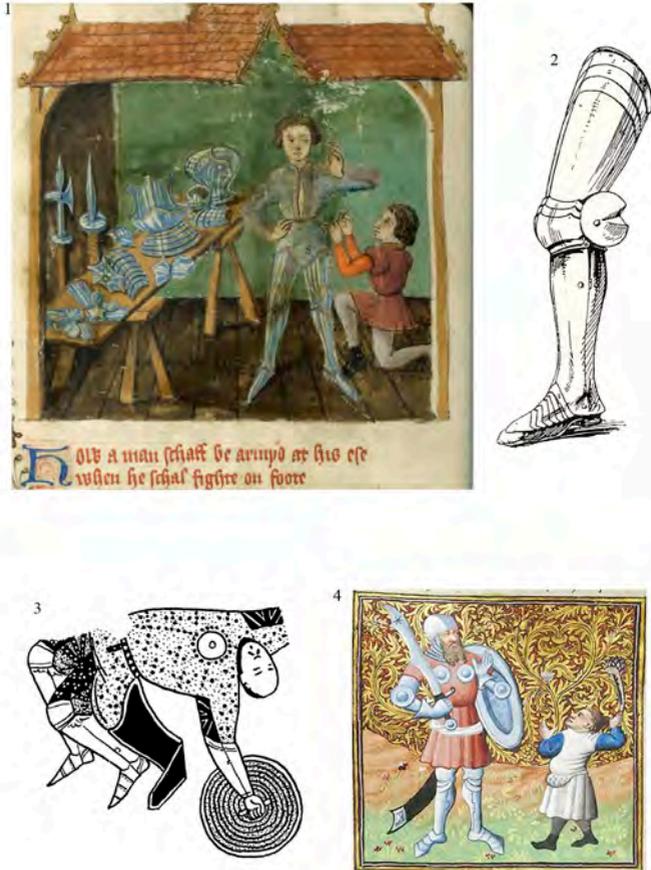
Сабатон из раскопок дворца Мангупского городища

Схожие с мангупским сабатоны изображены на надгробиях Реджинальда, первого барона Кобхема (ум. в 1361 г.) из церкви Св. Петра и Павла в Лингфилде (ил. 7, 1), Эдуарда Вудстока (1330–1376) из Кентерберийского собора (ил. 7, 2), Миклоша Гарай (ум. в 1386 г.) из Францисканской церкви г. Шиклош, Венгрия (ил. 7, 3).

Ил. 7. 1 – надгробие Реджинальда Кобхема, церковь Св. Петра и Павла (Лингфилд); 2 – надгробие Эдуарда Вудстока, Кентерберийский собор; 3 – надгробие Миклоша Гарай, Францисканская церковь (Шиклош, Венгрия)

Fig. 7. 1 – effigy of Reginald Cobham, SS. Peter and Paul' Church (Lingfield); 2 – effigy of Edward Woodstock, Canterbury Cathedral; 3 – effigy of Miklós Garai, Franciscan Church (Siklós, Hungary)

Ил. 8. 1 – миниатюра из Гастингского манускрипта, XV в. (по: *La Rocca D. J. How to Read... Fig. 8*); 2 – саботон Фердинанда Арагонского, около 1480 г. (по: *Boeheim W. Handbuch der Waffenkunde... Fig. 128*); 3 – миниатюра из «Шахнаме», около 1429–1430 гг. (по: *Gorelik M. V. Oriental Armour... Fig. 194*); 4 – миниатюра из Библии, около 1415 г. (по: URL: <http://ica.themorgan.org/icaimages/3/m394.120r.jpg> (дата обращения: 18.05.2021))

Fig. 8. 1 – miniature from the fifteenth-century Hastings Manuscript (after: *La Rocca D. J. How to Read... Fig. 8*); 2 – sabaton of Ferdinand of Aragon, ca. 1480 (after: *Boeheim W. Handbuch der Waffenkunde... Fig. 128*); 3 – miniature from Shahnameh, ca. 1429–1430 (after: *Gorelik M. V. Oriental Armour... Fig. 194*); 4 – miniature from the Bible, ca. 1415 (image source: URL: <http://ica.themorgan.org/icaimages/3/m394.120r.jpg> (accessed: 18.05.2021))

Саботон из раскопок дворца Мангупского городища

Пластинчатые саботоны остроконечной формы продолжают повсеместно использоваться на протяжении большей части XV в. В упомянутом выше Гастингском манускрипте XV в. саботоны входят в комплект доспехов, рекомендуемых для пешего боя (ил. 8, 1)²⁶. Собранные из пяти пластин саботоны защищают ноги Голиафа на миниатюре (ил. 8, 4) из французской Библии, созданной около 1415 г. и в настоящее время находящейся в Библиотеке П. Моргана в Нью-Йорке. Саботоны, надетые поверх кольчужных чулок, изображены на статуе св. Георгия работы Донателло, созданной по заказу гильдии оружейников Флоренции для украшения фасада церкви Орсанмикеле в 1415–1417 гг. (ил. 9, 1). Схожие элементы доспеха известны на картинах Антонио Пизанелло «Мадонна с младенцем и святыми» (1435–1441) (ил. 9, 2) из собрания Национальной галереи в Лондоне и «Святой Георгий» (ок. 1460) работы Андреа Мантеньи (ил. 9, 3) из коллекции Галереи Академии в Венеции. Аналогичные мангупскому саботоны входили в комплект доспехов Фердинанда Арагонского (1452–1516), датированный около 1480 г. (ил. 8, 2)²⁷.

Единственной аналогией мангупскому саботону, обнаруженной за пределами Европы, является миниатюра иллюстрированной рукописи «Шахнаме», созданной в Герате около 1429–1430 гг.²⁸ Доспехи одного из персонажей эпоса включают створчатые наголенники и остроконечные пластинчатые саботоны, схожие с европейскими образцами (ил. 8, 3). Объяснением этого факта может быть отмеченное М. В. Гореликом использование европейских конструкций доспехов иранскими оружейниками первой половины XV в.²⁹

В конце XV – начале XVI в. фасон саботонов меняется, наиболее распространенной становится форма с расширяющимся закругленным концом в виде так называемой «медвежьей лапы»³⁰.

Анализ аналогий демонстрирует, что найденный на территории мангупского дворца элемент доспеха представляет собой типичный для XIV–XV вв. саботон европейского образца. Археологический контекст находки позволяет ограничить ее датировку периодом функционирования дворца, т. е. 1425–1475 гг. При этом утрата достаточно крупного и, очевидно, недешевого снаряжения в условиях мирного времени

²⁶ *La Rocca D. J.* How to Read European Armor. New York, 2017. P. 12. Fig. 8.

²⁷ *Boeheim W.* Handbuch der Waffenkunde. Das Waffenwesen in seiner Historischen Entwicklung vom Beginn des Mittelalters bis zum Ende des 18. Jahrhunderts. Leipzig, 1890. Fig. 128.

²⁸ *Gorelik M. V.* Oriental Armour of the Near and Middle East from the Eight to the Fifteenth Centuries as Shown in Works of Art // *Islamic Arms and Armour* / ed. R. Elgood. London, 1979. Fig. 194.

²⁹ *Ibid.* P. 48.

³⁰ *Boeheim W.* Handbuch der Waffenkunde... S. 118–119; *Blair C.* European Armour... P. 129–130. Fig. 40.

Ил. 9. 1 – Донателло. Святой Георгий, 1415–1417. Церковь Орсанмикеле, Флоренция; 2 – Антонио Пизанелло. Мадонна с младенцем и святыми, 1435–1441. Национальная галерея, Лондон; 3 – Андреа Мантенья. Святой Георгий, около 1460 г. Галерея Академии, Венеция

Fig. 9. 1 – Donatello. Saint George, 1415–1417. Orsanmichele church, Florence; 2 – Antonio Pisanello. The Virgin and Child with Saints, 1435–1441. National Gallery, London; 3 – Andrea Mantegna. Saint George, ca. 1460. Gallerie dell'Accademia, Venice

представляется маловероятной. Более предпочтительной кажется версия потери сабатона его владельцем в чрезвычайной ситуации. К числу таковых, безусловно, относятся события осады и штурма Мангупа войсками Мехмеда II в 1475 г. Косвенными аргументами в пользу этого предположения являются упомянутые выше наконечники турецких стрел, найденные вместе с сабатомом. Материальные свидетельства боевых действий в виде слоя пожара, осколков каменных ядер, наконечников стрел и свинцовых пуль зафиксированы также внутри помещения J, непосредственно прилегающего к «Первой Западной улице» (ил. 2).

Кому же мог принадлежать элемент европейского рыцарского доспеха, утерянный на территории дворца предположительно во время штурма Феодоро османами в 1475 г.? С учетом отсутствия данных о применении османской армией подобных видов защитного вооружения, обладатель сабатона с высокой долей вероятности принадлежал к числу защитников города. Очевидно, этот человек был достаточно обеспеченным и мог позволить себе покупку или заказ дорого-

Саботан из раскопок дворца Мангупского городища

стоящих доспехов. Представляется, что подобными ресурсами могли обладать три группы людей, присутствовавших в столице Феодоро во время его осады и штурма. Потенциальным владельцем саботана мог быть местный аристократ, возможно, представитель правящей династии княжества. Покупка готового комплекта доспехов или изготовление его по индивидуальному заказу могли осуществляться при посредничестве итальянских купцов. Учитывая тот факт, что итальянские оружейные мастерские в XIV–XV вв. были крупнейшими экспортерами доспехов в Европе³¹, а также постоянные контакты Феодоро с генуэзской администрацией Кафы, такое предположение кажется вполне возможным.

Другим возможным носителем рассматриваемого доспеха мог быть один из бойцов отряда 300 «валахов», сопровождавших князя Александра на пути из Молдавии в Феодоро и принимавших участие в обороне города. А. А. Васильев аргументированно отождествил этот отряд с 300 сицилийцами во главе с Михаилом Фанкси, посланными венгерским королем Матьяшем Корвином (1443–1490) к зятю Александра, господарю Молдавии Стефану III (1429–1504)³². Очевидно, в состав этого подразделения входили профессиональные военные, имевшие соответствующую экипировку. Использование венгерскими рыцарями пластинчатых саботанов подтверждается упомянутыми выше миниатюрами (ил. 6, 2–3) и изображением на надгробии Миклоша Гараи (ил. 7, 3).

Третьим потенциальным владельцем рассматриваемого саботана мог быть один из итальянских нобилей, бежавших на Мангуп после падения Кафы и других генуэзских крепостей Крыма. Впервые о присутствии генуэзцев на Мангупе во время событий 1475 г. упомянул М. де Канале³³. Однако эти данные не подтверждены ссылками на источник и, как справедливо отметил А. А. Васильев, требуют дополнительного изучения³⁴. Тем не менее, в нашем распоряжении имеются археологические материалы, которые могут служить подтверждением участия генуэзцев в обороне Феодоро. К ним относятся перстень с родовым гербом Спинола, найденный в 1913 г. в одной из могил мангупской базилики³⁵ и опу-

³¹ *Blair C. European Armour...* P. 79; *Жуков К. А., Коровкин Д. С. Западноевропейский доспех...* С. 23; *La Rocca D. J. How to Read...* P. 16–17.

³² *Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea.* Cambridge ; Massachusetts, 1936. P. 260–261.

³³ *Canale M. G. Della Crimea, del suo commercio e dei suoi dominatori dalle origini fino ai di nostri.* Genova, 1855. Vol. II. P. 147.

³⁴ *Vasiliev A. A. The Goths...* P. 264.

³⁵ *Лепер Р. Х.* Протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии. Заседание 30 января 1914 г. (сообщение Р. Х. Лепера о раскопках на Мангупе в 1913 г.) // ИТУАК. 1914. № 51. С. 298.

А. А. Душенко

бликованный М. Г. Крамаровским³⁶, а также католический энколпион, недавно введенный в научный оборот В. Е. Науменко³⁷.

Высказанные соображения касательно личности владельца сабатона носят гипотетический характер. Рассмотренная находка сабатона, иллюстрирующая наличие у одного из защитников Феодоро рыцарского доспеха европейского образца, является важным источником для реконструкции военного дела княжества на финальном этапе его истории.

REFERENCES

Blair, C. (1958). *European Armour circa 1066 to circa 1700*. London: B. T. Batsford LTD.

Boeheim, W. (1890). *Handbuch der Waffenkunde. Das Waffenwesen in Seiner Historischen Entwicklung vom Beginn des Mittelalters bis zum Ende des 18. Jahrhunderts*. Leipzig: Verlag von E.A. Seemann.

Canale, M. G. (1855). *Della Crimea, del suo commercio e dei suoi dominatori dalle origini fino ai di nostri. Vol. II*. Genova: Co'tipi del R.I. De' Sordo-muti.

Downen, K. (2017). The Introduction and Development of Plate Armour in Medieval Western Europe ca. 1250–1350. *Fasciculi Archaeologiae Historicae*, 30, 19–28.

Dushenko, A. A. (2015). Predmety iz kosti i roga iz raskopok dvortsa pravitelei Feodoro (Mangup) [Artifacts of Bone and Antler Excavated at the Palace of Theodoro Rulers (Mangup)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 20, 233–262.

Dushenko, A. A. (2020a). Metallicheskie zerkala iz raskopok Mangupskogo kniazheskogo dvortsa [Metal Mirrors Excavated at the Prince's Palace of Mangup]. In V. N. Zin'ko, & E. A. Zin'ko (Eds.), *XXI Bosporskie chteniia "Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Ob'ekty iskusstva v arkheologicheskom kontekste"* [The XXI Bosporian Readings "Cimmerian Bosphorus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Objects of Art in an Archaeological Context"] (pp. 101–109). Simferopol; Kerch: Prondo.

Dushenko, A. A. (2020b). Numizmaticheskii kompleks Mangupskogo kniazheskogo dvortsa: statisticheskii obzor (raskopki 2006–2018 gg.) [Numismatic Complex of the Prince's Palace of Mangup: a Statistical Review (Excavations of 2006–2018)]. In N. A. Alekseenko (Ed.), *XII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar "Khersonos themata: imperiia i polis": materialy nauchnoi konferentsii [XII International Byzantine Seminar "ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Empire and Polis": Materials of the Scientific Conference]* (pp. 91–98). Simferopol: Kolorit.

Ffoulkes, C. J. (1912). *The Armourer and His Craft from the XIth to the XVIth Century*. London: Methuen.

Gantsev, V. K. (2020a). Rotatsionnye zernova IX–XI vv. iz raskopok Mangupskogo kniazheskogo dvortsa [Rotary Millstones of the Ninth–Eleventh Centuries from the Excavations of the Mangup Princely Palace]. *Vestnik Volgogradskogo*

³⁶ Крамаровский М. Г. Перстень с родовым гербом семьи Спинола, найденный на Мангупе // АДСВ. 2001. Т. 32. С. 376–386. Рис. 1.

³⁷ Науменко В. Е. «Латиняне» на Мангупе... С. 100–115. Рис. 2.

gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4. Istoriiia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia, 25(6), 131–141. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.9>

Gantsev, V. K. (2020b). Trekhruchnaia stekliannaia lampada XV v. iz raskopok kniazheskogo dvortsa Mangupskogo gorodishcha [Three-Handled Glass Lamp of the Fifteenth Century Excavated at the Prince's Palace of the Ancient Town of Mangup]. In V. N. Zin'ko, & E. A. Zin'ko (Eds.), *XXI Bosporskie chteniia "Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Ob'ekty iskusstva v arkheologicheskom kontekste"* [The XXI Bosporan Readings "Cimmerian Bosphorus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Objects of Art in an Archaeological Context"] (pp. 84–89). Simferopol; Kerch: Prondo.

Gertsen, A. G. (1990). Krepостnoi ansambl' Mangupa [Fortress Ensemble of Mangup]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 1, 87–166, 242–271.

Gertsen, A. G. (2001). Po povodu novoi publikatsii turetskogo istochnika o zavoevanii Kryma [Regarding the New Publication of a Turkish Source on the Conquest of Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 8, 366–387.

Gertsen, A. G. (2007). Sasanidskii persten' iz raskopok Mangupa [The Sassanian Ring from the Excavations of Mangup]. In N. A. Alekseenko (Ed.), *IX Mezhdunarodnaia Krymskaia konferentsiia po religiovedeniui "Nebesnye patrony i zemnye sluzhiteli kul'ta": tezisy dokladov i soobshchenii* [The IX International Crimean Conference on Religious Studies "Heavenly Patrons and Earthly Ministers of Worship": Abstracts] (pp. 18–19). Sevastopol: NZ "Khersones Tavricheskii".

Gertsen, A. G. (2010). Zolotoordynskoe zerkalo iz raskopok kniazheskogo dvortsa Mangupa [The Golden Horde Mirror Excavated at the Prince's Palace of Mangup]. In A. G. Gertsen (Ed.), *Otkroveniia drevnego Solkhata* [Revelations of Ancient Solkhat] (pp. 96–105). Kerch: Bospor.

Gertsen, A. G., & Naumenko, V. E. (2005). Polivnaia keramika iz raskopok tsitadeli Mangupa [Glazed Pottery Excavated at the Citadel of Mangup]. In S. G. Bocharov, & V. L. Myts (Eds.), *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia X–XVIII vv.* [Glazed Pottery of Mediterranean and Black Sea Region in Tenth–Eighteenth Centuries] (pp. 257–287). Kiev: Stilos.

Gertsen A. G., & Naumenko, V. E. (2010). Arkheologicheskii kompleks tret'ei chetverti XV v. iz raskopok kniazheskogo dvortsa Mangupskogo gorodishcha [Archaeological Complex of the Third Quarter of the Fifteenth Century Excavated at the Prince's Palace of the Ancient Town of Mangup]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 51, 387–419.

Gertsen, A. G., Naumenko, V. E., & Dushenko, A. A. (2018). Kniazheskii dvoret Mangupskogo gorodishcha. Stratigrafiia uchastka issledovaniia 2006–2017 gg. (predvaritel'noe soobshchenie) [Prince's Palace of the Ancient Town of Mangup. Stratigraphy of the Area Studied in 2006–2017 (Preliminary Report)]. In N. A. Alekseenko (Ed.), *X Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar "Khersonos themata: imperiia i polis": materialy nauchnoi konferentsii* [X International Byzantine Seminar "XERSONOS THEMATA: Empire and Polis": Materials of the Scientific Conference] (pp. 53–58). Sevastopol: Kolorit.

Gertsen, A. G., Naumenko, V. E., & Dushenko, A. A. (2019). Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniia kniazheskogo dvortsa Mangupskogo gorodishcha [The Main Results and Prospects of Research of the Prince's Palace of the Ancient Town

of Mangup]. In V. N. Zin'ko, & E. A. Zin'ko (Eds.), *XX Bosporskie chteniia "Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniia"* [The XX Bosporian Readings "Cimmerian Bosphorus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Main Results and Prospects of Research"] (pp. 139–148). Simferopol; Kerch: Prondo.

Gertsen, A. G., Naumenko, V. E., Dushenko, A. A., & Iozhitsa, D. V. (2019). Kniazheskii dvorets Mangupskogo gorodishcha. Problemy arkhitekturno-arkheologicheskoi rekonstruktsii pamiatnika [The Prince's Palace of the Ancient Town of Mangup. Problems of Architectural and Archaeological Reconstruction of the Site]. In V. E. Naumenko (Ed.), *Aktual'nye voprosy okhrany i ispol'zovaniia kul'turnogo nasledii Kryma: sbornik materialov VI nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Current Issues of Protection and Use of the Cultural Heritage of the Crimea: Collection of Materials of the 6th Scientific and Practical Conference] (pp. 60–70). Simferopol: Arial.

Gorelik, M. V. (1979). Oriental Armour of the Near and Middle East from the Eight to the Fifteenth Centuries as Shown in Works of Art. In R. Elgood (Ed.), *Islamic Arms and Armour* (pp. 30–63). London: Scholar Press.

Kramarovskii, M. G. (2001). Persten' s rodovym gerbom sem'i Spinola, naidennyi na Mangupe [A Ring with the Coat of Arms of the Spinola Family, Found at Mangup]. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 32, 376–386.

La Rocca, D. J. (2017). *How to Read European Armor*. New York: The Metropolitan Museum of Art.

Leper, R. H. (1914). Protokoly zasedanii Tavricheskoi Uchenoi Arkhivnoi Komissii. Zasedanie 30 ianvaria 1914 g. (soobshchenie R. H. Lepera o raskopkakh na Mangupe v 1913 g.) [Protocols of Meetings of the Tavricheskaya Scientific Archival Commission. Meeting on January 30, 1914 (Report by R. H. Leper on Excavations at Mangup in 1913)]. *Izvestiia Tavricheskoi Uchenoi Arkhivnoi Komissii*, 51, 297–300.

Naumenko, V. E. (2020). "Latiniane" na Mangupe. Unikal'nyi zapadnoevropeiskii krest-enkolpion iz raskopok kniazheskogo dvortsa Mangupskogo gorodishcha: problemy atributsii i datirovki [The "Latins" on Mangup. Unique Western-European Cross-Encolpion from the Excavations of Prince's Palace in Ancient Mangup: Problems of Attribution and Dating]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia*, 25(6), 100–115. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.7>

Naumenko, V. E., & Dushenko, A. A. (2014). Vizantiiskaia glazurovannaia keramika iz raskopok Dvortsa pravitelei kniazhestva Feodoro (Mangup): po materialam issledovaniia 2006–2010 gg. [Byzantine Glazed Pottery Excavated at the Palace of Theodoro Principality Rulers (Mangup): on the Materials of 2006–2010 Studies]. In *Polivnaia keramika Prichernomor'ia – Sredizemnomor'ia kak istochnik po izucheniiu vizantiiskoi tsivilizatsii: tezisy dokladov mezhdunarodnogo nauchnogo seminarara* [Glazed Wares in the Black Sea and Mediterranean as a Source for the Studies of Byzantine Civilization: Abstracts] (pp. 93–95). Sevastopol: Tauric Chersonesos Preserve.

Naumenko, V. E., & Dushenko, A. A. (2017). Kniazheskii dvorets Mangupskogo gorodishcha: pomeshchenie N iuzhnogo uchastka kompleksa (po materialam

Сабатон из раскопок дворца Мангупского городища

kollektzii R. H. Lepera Gosudarstvennogo Ermitazha i sovremennykh arkhеologicheskikh issledovaniï) [The Prince's Palace of the Ancient Town of Mangup: Room H of the Southern Section of the Complex (Based on Materials from the Collection of R. H. Leper of the State Hermitage and Modern Archaeological Research)]. *Materialy po arkhеologii, istorii i etnografii Tavrii*, 22, 187–238.

Naumenko, V. E., & Dushenko, A. A. (2019). Predmety vooruzheniia iz raskopok kniazheskogo dvortsa Mangupskogo gorodishcha (predvaritel'nyi obzor kollektzii) [Weapons Excavated at the Prince's Palace of Ancient Town of Mangup (a Preliminary Review of the Collection)]. In N. A. Alekseenko (Ed.), *XI Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar "Khersonos themata: imperiia i polis": materialy nauchnoi konferentsii* [XI International Byzantine Seminar "ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Empire and Polis": Materials of the Scientific Conference] (pp. 159–168). Simferopol: Kolorit.

Ruev, V. L. (2011). Nakonechniki osmanskikh strel po rezul'tatam issledovaniia ukrepleniia № 14 Glavnoi linii oborony Mangupa v 2007 g. [Ottoman Arrowheads Based on the Study of Fortification No. 14 of the Main Defense Line of Mangup in 2007]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriia "Istoricheskie nauki"*, 24(1), 109–126.

Ruev, V. L. (2014). *Turetskoe vtorzhenie v Krym v 1475 godu* [Turkish Invasion of Crimea in 1475]. Simferopol: Antikva.

Teslenko, I. B. (2005). Turetskaia keramika s rospis'iu kobal'tom v Krymu (problemy khronologii) [Turkish Pottery Painted with Cobalt in the Crimea (Problems of Chronology)]. In S. G. Bocharov, & V. L. Myts (Eds), *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia X–XVIII vv.* [Glazed Pottery of Mediterranean and Black Sea Region in Tenth–Eighteenth Centuries] (pp. 385–410). Kiev: Stilos.

Thordeman, B. (1939). *Armour from the Battle of Wisby* (Vol. I). Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien.

Vasiliev, A. A. (1936). *The Goths in the Crimea*. Cambridge; Massachusetts: The Medieval Academy of America.

Volken, M. (2017). Arming Shoes of the Fifteenth Century. *Acta Periodica Duellatorum*, 5(2), 25–45.

Zhukov, K. A., & Korovkin, D. S. (2005). *Zapadnoevropeiskii dospekh rannego renessansa* [Early Renaissance Western European Armor]. St Petersburg: SPGUTD.

Душенко Антон Анатольевич

кандидат исторических наук, научный сотрудник

Крымский федеральный университет

им. В. И. Вернадского

295007, Симферополь,

пр. Вернадского, 4

E-mail: tnu.dushenko@mail.ru

Dushenko, Anton Anatol'evich

PhD (History), Researcher

V. I. Vernadsky Crimean Federal

University

4 Vernadsky Ave, 295007, Simferopol,

Russia

Email: tnu.dushenko@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7287-0086>

ResearcherID: N-6345-2019

Т. Е. Белоруссова

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОЛИЭТНИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ ПЕЛОПОННЕСА ПОСЛЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ РЕСТАВРАЦИИ 1262 г.

Статья посвящена проблеме греко-латинского фронта на Пелопоннесе во второй половине XIII в. В 1262 г. Византия вернула под свой контроль часть полуострова, что нарушило сложившийся за полвека уклад и изменило расстановку сил в регионе. Автор анализирует трансформации фронтального общества Пелопоннеса в условиях возвращения в регион византийской администрации и особенности интеграционных процессов и социокультурного межэтнического взаимодействия в изменившихся политических реалиях. Источниками для исследования послужили сведения Морейской хроники, латинский и византийский актовый материал. Было выявлено, что в первые годы «византийской реконкисты» борьба между византийцами и франками за территории сопровождалась их соперничеством за политическую лояльность рядового местного населения. Стратегия византийцев, состоявшая в поощрении переселения греков с франкских областей в районы Мистры, принесла определенные плоды, однако миграции не приобрели массового характера и полного обособления греческого населения от латинского не произошло. В условиях интенсивного социокультурного обмена политическая лояльность смешанного населения полуострова обуславливалась либо личными мотивами, либо желанием получить защиту, что было особенно актуально в период военных действий. Несмотря на частые военные конфликты, смешанное греко-латинское общество продолжало существовать и развиваться, а людям, жившим в менявшихся политических и культурных реалиях, зачастую приходилось лавировать между франками и византийцами. Делается вывод, что византийская реставрация на Пелопоннесе не прервала интеграционные процессы, и фронтальное общество сохранило свой особый и сложный уклад, сформировавшийся на границе латинской и византийской цивилизаций.

Ключевые слова: Пелопоннес; Византия; Ахейское княжество; Морейский деспотат; фронт; кросс-культурное взаимодействие; интеграционные процессы

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-39-90019 «Греко-латинский фронт на Пелопоннесе (середина XIII – XIV вв.): политическое и социокультурное взаимодействие».

Интеграционные процессы в полиэтничном обществе Пелопоннеса

Цитирование: *Белоруссова Т. Е.* Интеграционные процессы в полиэтничном обществе Пелопоннеса после византийской реставрации 1262 г. // *Античная древность и средние века.* 2021. Т. 49. С. 240–253. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.016>

Поступила в редакцию 08.08.2021

Принята к печати 11.10.2021

Tatiana E. Belorussova

*Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia*

INTEGRATION PROCESSES IN THE POLYETHNIC SOCIETY OF THE PELOPONNESOS AFTER THE BYZANTINE RESTORATION OF 1262

This paper addresses the problem of the Greek-Latin frontier in the Peloponnesos in the second half of the thirteenth century. In 1262, Byzantium regained control over a part of the peninsula. This action disrupted the order that developed there during fifty years and changed the power balance in the region. The author has analysed the transformation of the frontier society of the Peloponnesos when Byzantine administration returned to the country and the peculiarities of integration processes and socio-cultural interethnic interaction under the changed political realities. The sources for the research were the *Chronicle of Morea* and Latin and Byzantine legislative sources. It has been revealed that in the early years of the “Byzantine reconquest,” the struggle between the Byzantines and the Franks for the territories was accompanied by their rivalry for the political loyalty of the local population. Although the Byzantine strategy of encouraging the Greek resettlement from the Frankish regions to the regions of Mistra had some impact, these migrations did not become widespread; neither did complete isolation of the Greek population from the Latin occur. In the conditions of intensive socio-cultural exchange, the political loyalty of the mixed population of the peninsula was determined either by personal motives or by the wish to have protection, which was especially important in time of military operations. Despite frequent military conflicts, the mixed Greco-Latin society continued to exist and develop, and the persons living in changing political and cultural realities often had to manoeuvre between the Franks and the Byzantines. The conclusion is that the Byzantine restoration in the Peloponnesos did not interrupt the integration processes, and the frontier society kept its special and complex way of life that shaped on the border of the Latin and Byzantine civilizations.

Keywords: Peloponnesos; Byzantium; Principality of Achaia; Despotate of the Morea; frontier; cross-cultural interaction; integration processes

Acknowledgements

This paper is funded by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-39-90019 *Greek-Latin Frontier on the Peloponnese in the Second Half of the Thirteenth – Fourteenth Centuries: Political and Sociocultural Interactions.*

For citation: Belorussova, T. E. (2021). Integratsionnye protsessy v polietnichnom obshchestve Peloponnesa posle vizantiiskoi restavratsii 1262 g. [Integration Processes in the Polyethnic Society of the Peloponnesos after the Byzantine Restoration of 1262]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 49, 240–253. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.016>

Submitted: 08.08.2021

Accepted: 11.10.2021

Изучение фронта и фронтальных обществ (*frontier society*) в последние десятилетия XX в. приобрело популярность в медиевистике¹. Фронт – это не только географическое пространство вокруг территориальных границ, но и контактная зона, в которой происходит встреча цивилизаций, соприкасаются различные религиозные, культурные и языковые традиции, складываются сообщества с особым жизненным укладом². Позднесредневековый Пелопоннес представлял собой яркий пример подобного цивилизационного пограничья. Захват участниками IV крестового похода части византийских владений привел к сосуществованию на полуострове носителей разных культурных, правовых и религиозных традиций. Большая часть греческого населения образовавшегося Ахейского княжества приняла латинян в качестве новой политической элиты³, но не утратила свою идентичность. Взаимоотношения франков и греков базировались на соглашениях крестоносцев с местным населением: за теми, кто признал власть франков, сохранялись их права на имущество и возможность придерживаться православной веры⁴. В отличие от латинского королевства Кипр, где местное население изначально было вытеснено из многих сфер деятельности⁵, греки Пелопоннеса сохранили позиции в местной администрации и торговле, а со временем некоторые греческие архонты и вовсе вошли в число немногочисленной ахейской знати⁶.

Сложившуюся с начала XIII в. политическую ситуацию резко изменило поражение воинов Ахейского княжества при Пелагонии

¹ См.: *Berend N.* Medievalists and the Notion of the Frontier // *The Medieval History Journal*. 1999. Vol. 2. P. 55–72.

² *Ibid.* P. 68.

³ *Lock P.* The Franks in the Aegean, 1204–1500. London ; New York, 1995. P. 290.

⁴ *Angold M.* Greeks and Latins after 1204: The Perspective of Exile // *Mediterranean Historical Review*. 1989. Vol. 4, Iss. 1. P. 80.

⁵ *Близнюк С. В.* Греко-латинское взаимодействие на Кипре в XIII–XV в. // *Византия: Кумуляция и трансляция культур* : тез. докл. IX научных Сюзюмовских чтений (24–27 августа 1997 г.). Екатеринбург, 1997. С. 9.

⁶ *Jacoby D.* The Encounter of Two Societies: Western Conquerors and Byzantines in the Peloponnesos after the Fourth Crusade // *The American Historical Review*. 1973. Vol. 78, No 4. P. 891–892.

Интеграционные процессы в полиэтничном обществе Пелопоннеса

в 1259 г.⁷ Спустя три года, которые ахейский князь Гийом II Виллардуэн (1246–1278) и его сподвижники провели в византийском плену, был заключен договор, по которому в обмен на освобождение франкский лидер передал императору Михаилу VIII Палеологу (1261–1282) свои крепости в южной части полуострова, включая Мистру, Монемвасию и Великую Майну⁸. Утрата франками территорий привела к восстановлению византийского присутствия в регионе, что подвергало опасности целостность княжества и грозило постоянными военными столкновениями с византийцами⁹. Полученные ромеями крепости, в особенности Мистра, стали плацдармом для осуществления «византийской реконкисты» на Пелопоннесе, принявшей характер перманентной приграничной борьбы. Но, несмотря на острые конфликты, мирное взаимодействие и повседневные контакты греков с латинянами не прерывались.

Вопросы функционирования фронтирных обществ Латинской Романии, особенности коммуникаций и примеры мирного сосуществования латинского и византийского населения неоднократно оказывались в поле зрения исследователей¹⁰. Наиболее пристальное внимание историков традиционно привлекала ситуация на Пелопоннесе, где в течение XIII в. сформировалось особое полиэтничное общество мореотов, объединившее в себе ромейские и франкские элементы¹¹. Однако вопрос о характере трансформации, которую испытало население цивилизационного пограничья в первые десятилетия после восстановления византийской власти, остается в историографии открытым. Как повлияла византийская реставрация на интеграционные процессы на Пелопоннесе? Что после 1262 г. определяло политическую лояльность населения? Какие социокультурные процессы происходили на полуострове? Ответы на эти вопросы позволяют показать реалии, в которых существовало смешанное общество Пелопоннеса во второй половине XIII в.

⁷ *Geanakoplos D. J.* Greco-Latin Relations on the Eve of the Byzantine Restoration: the Battle of Pelagonia // DOP. 1953. Vol. 7. P. 134.

⁸ *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 bis zu 1453. München; Berlin, 1932. T. 3. № 1895.

⁹ *Bon A.* La Morée franque: recherches historiques, topographiques et archéologiques sur la principauté d'Achaïe (1205–1430). Paris, 1969. P. 125.

¹⁰ См.: *Lock P.* The Franks in the Aegean...; *Topping P.* Co-existence of Greeks and Latins in Frankish Morea and Venetian Crete // XVe Congrès international d'études byzantines. Rapports et co-rapports. Athens, 1976. Vol. 1. P. 3–23. *Карнов С. П.* Латинская Романия. СПб., 2000.

¹¹ См.: *Ilieva A.* Frankish Morea 1205–1262. Socio-Cultural Interaction Between the Franks and Local Population. Athens, 1991; *Page G.* Being Byzantine. Greek Identity before the Ottomans. Cambridge, 2008; *Dourou-Eliopoulou M.* The image of the “Greek” and the Reality of Greco-Latin Interaction in Romania, according to 13th and 14th-century Latin Sources // Byzantium and the West. Perception and Reality (11th–15th c.) / ed. N. G. Chrissis, A. Kolia-Dermitzaki, A. Papageorgiou. London; New York, 2020. P. 220–229.

Источники сообщают, что атмосфера, царившая на Пелопоннесе в первые десятилетия после восстановления на части территории византийской власти, была напряженной. Крайне тревожным для византийской Лаконии – области, где сталкивались греческие и латинские интересы, – стал период 1262–1264 гг. Эта часть полуострова неоднократно страдала от разорений и опустошений вследствие частых стычек франков с византийцами¹². Греческий текст Морейской хроники содержит несколько пространных пассажей об ожесточенных военных столкновениях, случившихся вскоре после возвращения князя из византийского плена, а византийские акты свидетельствуют о пристальном внимании императора в этот период к ситуации на полуострове¹³. Нужно отметить, что новообетенные византийцами земли на Пелопоннесе вовсе не являлись единым целым, представляя собой скорее анклав внутри франкских владений¹⁴. В силу этого византийской администрации жизненно важно было заручиться поддержкой местного населения. Потому одновременно с борьбой за территории развернулась борьба иного характера: за политическую лояльность рядового греческого и славянского населения.

Как сообщает анонимный хронист, византийский военачальник Макрин (Μακρινός / Μακρινός)¹⁵, прибывший с войсками из Константинополя в 1262 г., первым делом взял курс на сотрудничество с населением горных районов Пелопоннеса¹⁶. Еще весной 1262 г. был издан хрисовул императора Михаила VIII Палеолога (1261–1282), даровавший племенам милингов и цаконцев¹⁷ право ношения оружия, а также освобождавший их «от повиновения любому господину, кроме их

¹² *Armstrong P.* The Survey Area in the Byzantine and Ottoman Periods // *Continuity and Change in a Greek Rural Landscape: the Laconia Survey* / ed. W. Cavanagh, J. Crouwel, R. W. V. Catling, G. Shipley. London, 2002. Vol. 1. P. 368; *Bon A.* La Morée franque... P. 133.

¹³ *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden... Т. 3. № 1907, 1908, 1934.

¹⁴ *Longnon J.* La renaissance de l'hellénisme dans le despotat de Morée // *Journal des Savants*. 1954. Vol. 3. P. 112.

¹⁵ *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit* / erst. E. Trapp, R. Walther, H.-V. Beyer u. a. Wien, 1976–1995. Fasc. 1–12. № 16358 (далее – PLP).

¹⁶ *The Chronicle of Morea (Τὸ Χρονικὸν τοῦ Μορέως): A History in Political Verse, Relating the Establishment of Feudalism in Greece by the Franks in the Thirteenth Century* / ed. J. Schmitt. London, 1904. P. 302–304. 4573–4599.

¹⁷ Милингами (Μηλιγγοί) именовались славянские племена, с VII в. населявшие горные районы Пелопоннеса. Происхождение цаконцев (Τζάκωνες) является дискуссионным в историографии: они были либо автохтонным населением, либо эллинизированным славянским племенем, либо же собирательным наименованием горцев Пелопоннеса. См.: *Glykatzis-Ahrweiler H.* Une mention méconnue des mélingues du Taygète // *Bulletin de correspondance hellénique*. 1962. Vol. 86, № 1. P. 1–10; *Сюзомов М. Я.* Рец. на кн.: Х. Π. Συμεωνίδης. Οι Τζάκωνες και ἡ Τζακωνία. Θεσσαλονίκη, 1972, 188 σελ. // *ВВ*. 1974. Т. 36. С. 210–212.

Интеграционные процессы в полиэтничном обществе Пелопоннеса собственных вождей и императора»¹⁸. Благодаря таким действиям ромеи смогли заручиться лояльностью этих племен, которые восстали против франков Ахейского княжества¹⁹. Византийская политика налаживания диалога с горцами Мореи оказалась, таким образом, весьма продуктивной: под контроль византийцев попали территории Цаконии, Гелоса, Тайгета и Мани, т. е. почти все южное побережье Пелопоннеса с прилегающими горными районами²⁰. Ахейский князь в ответ на предательство горцев приказал своим вассалам разграбить вышедшие из-под его контроля земли Цаконии²¹, что, несомненно, только обострило конфликт и по всей видимости негативно сказалось на репутации князя и ахейского нобилитета в среде рядового населения Лаконии.

Ожесточенные военные столкновения повлекли за собой миграции рядовых жителей Пелопоннеса из зон греко-латинских конфликтов. Особо остро эту проблему ощутили близкие к Мистре лаконские территории, чье население, судя по данным источников, в 1260-е гг. регулярно подвергалось опасности. Согласно греческой и французской версии Морейской хроники, князь и его соратники, прибыв в Лакедемон (Спарту) для отдыха и подготовки к очередной войне с ромеями, обнаружили его в состоянии запустения, вызванного уходом значительной части греческого населения в хорошо укрепленную и оттого более безопасную Мистру²². Французский текст хроники указывает также и на роль византийцев в миграции жителей этого города, называемого в этой версии на франкский манер Кремонией (Сремоние): «большая часть греков, проживавших в городе (Лакедемоне / Кремонии. – Т. Б.), снялись с места и ушли в Мистру, куда их отправили люди императора»²³. Переселение на подконтрольные византийцам территории означало признание мигрировавшими греками власти императора на Пелопоннесе. Остается открытым вопрос, чем была мотивирована эта миграция. Учитывая местоположение Мистры и недавнее укрепление ее оборонительной системы, можно предположить, что переселение сюда греческого населения из зон конфликта могло быть вызвано естественным стремлением людей обезопасить

¹⁸ *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden... Т. 3. № 1907.

¹⁹ *The Chronicle of Morea...* P. 308. 4660–4665; *Chronique de Morée (1204–1305): livre de la conquête de la princée de l'Amorée / publ. par J. Longnon.* Paris, 1911. P. 124–125. 332–333.

²⁰ *Kalligas H.* Byzantine Monemvasia. The Sources / introd. S. Runciman. Monemvasia, 1990. P. 97.

²¹ *The Chronicle of Morea...* P. 320. 4875–4879.

²² *Ibid.* P. 363. 5590–5598; *Chronique de Morée...* P. 150. 387.

²³ *Chronique de Morée...* P. 150. 387.

свою жизнь и имущество²⁴. В то же время переход рядового населения под покровительство византийцев в поисках лучших жизненных условий мог быть связан и с их недовольством франкской администрацией. Эту возможную мотивацию населения нельзя исключать, поскольку непримиримость с иноземными захватчиками была характерной для обособленных юго-восточных районов полуострова²⁵, к которым как раз относились территории вокруг Мистры.

Более поздняя арагонская версия Морейской хроники несколько иначе интерпретирует события этих лет. Мы не можем в точности определить, на какие источники опирался составитель данной версии, но сообщаемые им сведения в некоторых деталях отличаются от информации, содержащейся в греческом и французском варианте хроники, и показывают иную линию поведения греческого населения в первые десятилетия византийской реставрации. Ее текст подтверждает, что византийские военачальники намеревались призвать на свою сторону греков, живших на франкских территориях. При помощи писем императора, склонявших греческое население Каритены к измене, греческим военачальником была предпринята попытка хитростью настроить сеньора Каритены Жоффруа де Бриэля против его греческих вассалов. Эти письма были намеренно подброшены в его покои²⁶. Однако, согласно этой версии, план византийцев обманом склонить греков к предательству сюзерена провалился, те сохранили верность франкскому владельцу и сражались вместе с ним против ромеев²⁷. Одержав победу над греками Мистры, «владыка Каритены возрадовался и устроил большой пир для греков, одарил их прекрасными земельными и иными дарами, а самых благородных из них он возвел в рыцари»²⁸. Этот фрагмент является примером сотрудничества франков и греков в Морее XIII в. Взаимоотношения латинского нобилитета и местной греческой аристократии, таким образом, уже достигли определенного уровня симбиоза.

Не исключено, что к тому времени некоторые высокородные греки Каритены уже были включены во франкскую феодальную иерархию и желали сохранить свои земли и свой статус²⁹. Эти сведения могут говорить в пользу того, что ко второй половине XIII в. процесс интеграции греков в правящие структуры франков принес определенные

²⁴ *Armstrong P.* The Survey Area in the Byzantine and Ottoman Periods... P. 341.

²⁵ *Ilieva A.* Frankish Morea... P. 175.

²⁶ *Libro de los fechos et conquistas del principado de la Morea. Chronique de Morée aux XIIIe et XIVe siècles / publ. et trad. par A. Morel-Fatio.* Genève, 1885. P. 70. 314.

²⁷ *Ibid.* P. 70–74. 312–334; *Bon A.* La Morée franque... P. 129–130.

²⁸ *Libro de los fechos...* P. 74. 331.

²⁹ *Jacoby D.* The Encounter of Two Societies... P. 893.

результаты и основа для межэтнического сотрудничества уже была заложена. За полувековой период сосуществования ромеев и латинян на Пелопоннесе между частью греков и франкской администрацией установились взаимовыгодные деловые отношения. Часть местных архонтов, выступавших связующим звеном между баронами и рядовым населением, возводились в рыцарское звание в статусе вассалов простого оммажа³⁰. Как в случае с владыкой Каритены и его греческими вассалами, греческие подданные князя и его баронов постепенно включались в феодальную элиту княжества. Закономерно, что после восстановления византийского контроля над частью полуострова значительное число греков предпочли остаться верными латинским сеньорам, с которыми их к этому времени связывали крепкие личные интересы³¹.

Византийская сторона, проводя политику обособления греческого населения от франков, апеллировала к общеромейской идентичности пелопоннесских греков, стремясь привлечь на свою сторону как можно больше политически лояльного им населения. Данные греческой версии Морейской хроники действительно подтверждают, что часть мирных жителей с готовностью предпочли выбрать сторону византийцев. Помимо переселения греков из Лакедемона в Мистру, хронист упоминает некоего местного жителя, вероятно, из числа греков, который после поражения ромеев у Приницы (1263) сопровождал великого доместика Константина Палеолога и помог ему незамеченным вернуться в Мистру³². Этот случай показывает, что местное население, жившее уже десятилетиями при латинской власти, сохранило ромейское самосознание и при случае было готово оказать помощь своим соотечественникам. В первое десятилетие после восстановления византийского присутствия на полуострове между ромеями и франками развернулась серьезная борьба за политическую лояльность местного населения, в которой применялись как дипломатические, так и силовые методы. Византийцам удалось склонить на свою сторону греков с приграничных территорий, однако данных источников недостаточно, чтобы определить хотя бы приблизительный процент мигрировавшего населения. Учитывая, что политика привлечения переселенцев с латинских территорий в Мистру и ее окрестности³³ зафиксирована в источниках XIV в., можно сделать вывод, что миграции греческого населения из Ахейского княжества в XIII в. не носили массового характера.

³⁰ Вассалы простого оммажа занимали низшую ступень в феодальной иерархии княжества. См.: *Карпов С. П.* Латинская Романия. С. 19.

³¹ *Lock P.* The Franks in the Aegean... P. 286.

³² *The Chronicle of Morea...* P. 318. 4834–4836.

³³ *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden...1960. Т. 4. № 2438, 2633.

Византийцы постепенно осознали, что в прямом столкновении их отряды малоэффективны против рыцарского войска Ахейского княжества. После поражений в столкновениях 1260-х гг. по приказу императора ромеи отказались от ведения открытых военных действий против тяжело вооруженных латинян в пользу менее радикальных способов расширения своего влияния за пределами Мистры³⁴. Прекращение же активных военных действий на полуострове должно было облегчить передвижения мирного населения и способствовать развитию уже сложившихся греко-латинских коммуникаций. Источники, отражающие события второй половины XIII в., показывают, что обособление местного населения от латинян по этническому признаку с возвращением византийцев на Пелопоннес не усилилось³⁵. Напротив, в данных Морейской хроники содержатся весьма многочисленные свидетельства интеграции греков и франков в общества своих соседей. Чтобы приблизиться к пониманию социокультурных процессов после 1262 г. детально рассмотрим имеющиеся сведения.

С начала XIII в. до рассматриваемых событий в среде латинского нобилитета Ахейского княжества произошли значительные изменения. Франки уже говорили по-гречески и были в достаточной мере интегрированы в культурную среду завоеванного населения³⁶. Помимо культурной и языковой преемственности в пелопоннесском обществе второй половины XIII в. также наблюдался континуитет в области политических институтов. В частности, должность протовестиария (*πρωτοβεστίαριος*)³⁷, имевшую греческое происхождение и сохраненную франками после образования Ахейского княжества, нередко занимали именно греки. В источниках упоминаются некоторые имена греческих протовестиариев: в XIII в. это были Колинет (*Κολλινέτος / Kollinetos*)³⁸ и Кир Василопул³⁹, а в XIV в. – Стефан Каттрулл⁴⁰ и сменивший его Иоанн Мурмурис⁴¹. Сохранение греческой по происхождению должности протовестиария, которая по функциям соответствовала должности камерария во Франции, говорит в пользу

³⁴ The Chronicle of Morea... P. 432. 6660–6674.

³⁵ Page G. Being Byzantine... P. 177.

³⁶ *Dourou-Eliopoulou M.* The image of the “Greek”... P. 226.

³⁷ Должность протовестиария предполагала контроль над доходами от феодальных владений. См.: Documents sur le régime des terres dans la principauté de Morée au XIVe siècle / ed. par J. Longnon, P. Topping. Paris, 1969. P. 21.

³⁸ The Chronicle of Morea... P. 498. 7680–7681; Chronique de Morée... P. 208. 526.

³⁹ Chronique de Morée... P. 328. 829; *Bon A.* La Morée franque... P. 83.

⁴⁰ Documents sur le régime des terres... P. 21. 11.

⁴¹ Ibid. P. 33. 8.

Интеграционные процессы в полиэтничном обществе Пелопоннеса

взаимовлияния на Пелопоннесе двух административных систем и постепенной аккультурации завоевателей. Известны случаи занятия греками и иных должностей в Ахейском княжестве. Так, грек по имени Филокал (Φιλόκαλος / *Philocalos*) занимал должность кастеляна в замке Аракловон и во время попытки захвата замка греками действовал в интересах франков⁴². Присутствие греков во франкской администрации подтверждает, что одним из путей греко-латинской интеграции было проникновение этнических греков в управленческие структуры Ахейского княжества. Эти сведения из хроники также позволяют заключить, что с византийской реставрацией на Пелопоннесе интеграционные процессы не остановились. Несмотря на частые военные конфликты, смешанное общество, проживающее в регионе цивилизационного фронта, продолжало существовать и развиваться в условиях активного социокультурного обмена, а людям, жившим в менявшихся политических и культурных реалиях, зачастую приходилось лавировать между франками и византийцами, соглашаясь с их собственными интересами.

В греческой версии хроники при описании военных действий 1260-х гг. упоминается некий знатный франк, прибывший в Мистру к великому доместику Константину Палеологу из византийской столицы. Этот франк давал советы Константину, как вести войну против князя⁴³, что косвенно может указывать на его весьма высокий статус. Следовательно, укорененность на Пелопоннесе франков, чьи интересы оказались прочно связаны с регионом, а также перспектива карьерного роста вполне могли изменить их политическую лояльность и обеспечить переход некоторых из них на службу к византийцам.

Во французском тексте хроники зафиксирован противоположный пример: знатный грек из Мореи Георгий Сгуромайи (*Quir George Sguromailly*), гасмул по происхождению⁴⁴, вызвался действовать против императора в интересах латинян. После того как в 1293 г. франкская крепость Каламата была захвачена славянами «во имя императора»⁴⁵, в Константинополь отправились послы князя Флориса де Эно (1289–1297). Для решения судьбы этой важной приграничной крепости им предстояло добиться аудиенции Андроника II (1282–1328), который не желал упускать удачное территориальное приобретение на Пелопоннесе. Сгуромайи же, лично заинтересованный в сохранении за франками этой территории⁴⁶, помог им попасть на аудиенцию и заручиться согла-

⁴² The Chronicle of Morea... P. 540. 8330–8335; Chronique de Morée... P. 224. 564.

⁴³ The Chronicle of Morea... P. 322. 4895–4897.

⁴⁴ Гасмулами (γασμοῦλος) именовались дети смешанных греко-латинских браков. См.: Lock P. The Franks in the Aegean... P. 293–294.

⁴⁵ Chronique de Morée... P. 277. 696. См.: Page G. Being Byzantine... P. 227–228.

⁴⁶ Chronique de Morée... P. 287–288. 722.

сием императора на сдачу Каламаты, и даже подсказал, как им занять ее раньше, чем этот приказ императора был отменен. Вскоре раскрытый Сгурوماйи вынужден был оставить Мистру, где ему угрожала опасность преследования со стороны византийских властей⁴⁷. История Георгия Сгурوماйи может свидетельствовать не только о том, что в Мистре проживали пролатински настроенные греки, но и о том, что местное население было обеспокоено присутствием императорских кефалов и их связью со столицей. Учитывая высокую степень региональной обособленности⁴⁸, Сгурوماйи мог действовать не столько в пользу латинян, сколько ради поддержания баланса сил византийцев и франков. Цитата из хроники «если бы вас (франков. – Т. Б.) не было, он (император. – Т. Б.) обращался бы с нами значительно хуже»⁴⁹ подводит нас к пониманию природы отношений местных и константинопольских греков. Пока на Пелопоннесе существовал противовес в виде франкского княжества, византийская администрация, по-видимому, была вынуждена считаться с местными жителями и уважать их привычный образ жизни.

Политическая лояльность морейского населения франкам или византийцам к концу XIII в. могла зависеть и от сугубо личных причин. Согласно французской хронике, на ярмарке (*Panejourns*) в Скорте, посещаемой и греками, и франками, произошел конфликт между Жераром де Реми и греком Коркондилем (*Corcondille*)⁵⁰. Последний, выйдя из спора пострадавшим, спланировал возмездие латинянину за свою обиду. Он договорился со своим родственником, занимавшим должность во франкском замке Св. Георгия и водившим дружбу с сержантом охраны Бонифацием (очевидно, франком), чтобы тот помог византийцам захватить этот ключевой пункт на границе между франкскими и греческими землями⁵¹. В результате как минимум одно должностное лицо латинского происхождения было вовлечено в эту диверсию. Ромей охотно приняли помощь заговорщиков и тайно направили отряды к замку Св. Георгия. Его захват ознаменовал конец семилетнего мира между византийцами и франками (1289–1296)⁵². Из приведенного эпизода следует, что восстановление византийского присутствия создало альтернативу франкскому правлению и возродило ромейскую гордость у греков, которая выражалась и подобным образом⁵³. Население Морей

⁴⁷ Chronique de Morée... P. 296. 745–746.

⁴⁸ Page G. Being Byzantine... P. 242.

⁴⁹ Chronique de Morée... P. 287. 722.

⁵⁰ Ibid. P. 319–320. 802–804.

⁵¹ Ibid. P. 320–323. 805–813.

⁵² Page G. Being Byzantine... P. 228.

⁵³ Lock P. The Franks in the Aegean... P. 297.

Интеграционные процессы в полиэтничном обществе Пелопоннеса

в своей политической лояльности, можно сказать, демонстрировало определенную гибкость. Родственные и дружеские взаимоотношения между рядовым населением в рассмотренной ситуации значили больше, чем их верность франкскому князю или византийскому кефалу, а план по захвату франкской крепости был следствием бытового конфликта франка и грека, а не политической стратегии византийской администрации. Устоявшиеся греко-латинские связи, таким образом, имели большое значение в смешанном обществе Пелопоннеса.

С восстановлением византийской власти территория Пелопоннеса второй раз за XIII в. оказалась в новых геополитических условиях. Несмотря на это, рассмотренные выше случаи позволяют утверждать, что интеграционные процессы после 1262 г. не замедлились или прекратились вовсе, а продолжили развиваться и усложняться. Межэтническое взаимодействие в этом регионе имело много противоречий, но в то же время демонстрировало высокую интенсивность. По всей видимости, эти контакты населения не прерывались даже в условиях перманентной борьбы ромеев и франков в 1260-е гг., а в последующие десятилетия лишь сильнее активизировались. Социокультурная и административная преемственность, сложившиеся традиции тесного сотрудничества и диалога между завоевателями и завоеванными оказали сильное влияние на внутреннюю жизнь этого смешанного общества. В результате византийская реставрация на Пелопоннесе отнюдь не остановила социокультурного обмена, и продвигаемая поначалу византийцами политика обособления греческого населения не получила широкого распространения. На фоне резких политических изменений фронтальное общество Пелопоннеса, таким образом, сохранило свой особый и сложный уклад, сформировавшийся на границе латинской и византийской цивилизаций.

REFERENCES

- Angold, M. (1989). Greeks and Latins after 1204: The Perspective of Exile. *Mediterranean Historical Review*, 4(1), 63–86.
- Armstrong, P. (2002). The Survey Area in the Byzantine and Ottoman Periods. In W. G. Cavanagh, J. Crouwel, R. W. V. Catling, & G. Shipley (Eds.), *Continuity and Change in a Greek Rural Landscape: the Laconia Survey* (Vol. 1, pp. 339–402). London: British School at Athens.
- Berend, N. (1999). Medievalists and the Notion of the Frontier. *The Medieval History Journal*, 2, 55–72.
- Blizniuk, S. V. (1997). Greko-latinskoe vzaimodeistvie na Kipre v XIII–XV v. [Greek-Latin Interaction in Cyprus in the Thirteenth–Fifteenth Centuries]. In *Vizantiia: kumuliatitsia i translatsiia kul'tur: tezisy dokladov IX nauchnykh Stuziumovskikh chtenii (24–27 avgusta 1997 g.)* [Byzantium: Cumulation and Translation of Cultures: Abstracts of IX Scientific Readings in Memory of M. Ya. Syuzumov (August 24–27, 1997)] (pp. 8–9). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

- Bon, A. (1969). *La Morée franque: recherches historiques, topographiques et archéologiques sur la principauté d'Achaïe (1205–1430)*. Paris: E. de Boccard.
- Dölger, F. (1932). *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 bis zu 1453. T. 3: Regesten von 1204–1282*. München; Berlin: Verlag C. H. Beck.
- Dölger, F. (1960). *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 bis zu 1453. T. 4: Regesten von 1282–1341*. München; Berlin: Verlag C. H. Beck.
- Dourou-Eliopoulou, M. (2020). The Image of the “Greek” and the Reality of Greco-Latin Interaction in Romania, according to 13th and 14th-Century Latin Sources. In N. G. Chrissis, A. Kolia-Dermizaki, & A. Papageorgiou (Eds.), *Byzantium and the West. Perception and Reality (11th–15th c.)* (pp. 220–229). London; New York: Routledge.
- Geanakoplos, D. J. (1953). Greco-Latin Relations on the Eve of the Byzantine Restoration: the Battle of Pelagonia. *Dumbarton Oaks Papers*, 7, 99–142.
- Glykatzi-Ahrweiler, H. (1962). Une mention méconnue des mélingues du Taygète. *Bulletin de correspondance hellénique*, 86(1), 1–10.
- Ilieva, A. (1991). *Frankish Morea 1205–1262. Socio-Cultural Interaction between the Franks and Local Population*. Athens: Historical Publications S. D. Basiopoulos.
- Jacoby, D. (1973). The Encounter of Two Societies: Western Conquerors and Byzantines in the Peloponnesus after the Fourth Crusade. *The American Historical Review*, 78(4), 783–906.
- Kalligas, H. (1990). *Byzantine Monemvasia. The Sources*. Monemvasia: Akrotheon.
- Karpov, S. P. (2000). *Latinskaia Romaniia* [The Romanie Latine]. St Petersburg: Aleteiia.
- Lock, P. (1995). *The Franks in the Aegean, 1204–1500*. London; New York: Longman.
- Longnon, J. (Ed.). (1911). *Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la Conquête de la Princesse de l'Amorée*. Paris: Librairie de la Société de l'Histoire de France.
- Longnon, J. (1954). La renaissance de l'hellénisme dans le despotat de Morée. *Journal des Savants*, 3, 111–113.
- Longnon, J., & Topping, P. (Eds.). (1969). *Documents sur le régime des terres dans la principauté de Morée au XIVe siècle*. Paris: Mouton&Co La Haye.
- Morel-Fatio, A. (Ed.). (1885). *Libro de los fechos et conquistas del principado de la Morea. Chronique de Morée aux XIIIe et XIVe siècles*. Genève: Imprimerie Jules-Guillaume Fick.
- Page, G. (2008). *Being Byzantine. Greek Identity before the Ottomans*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Schmitt, J. (Ed.). (1904). *The Chronicle of Morea: A History in Political Verse, Relating the Establishment of Feudalism in Greece by the Franks in the Thirteenth Century*. London: Methuen & Co.
- Syuzumov, M. Ya. (1974). Review of the book: Simeonidis, X. R. (1972). *Oi Tsakones kai he Tsakonia* [Tsakones and Tsakonia]. Thessaloniki, 1972, 188 sel. *Vizantiiskii vremennik*, 36, 210–212.
- Topping, P. (1976). Co-existence of Greeks and Latins in Frankish Morea

Интеграционные процессы в полиэтничном обществе Пелопоннеса
and Venetian Crete. In *XVe Congrès International d'études Byzantines. Rapports et
co-rapports* (Vol. 1, pp. 3–23). Athens: Association internationale d'études byzantines.

Trapp, E., Walther, R., & Beyer, H.-V. u. a. (Eds.). (1976–1995). *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit* (Vols. 1–12). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaft.

Белоруссова, Татьяна Евгеньевна
аспирант, инженер-исследователь
кафедры истории Древнего мира
и Средних веков
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: belorussovaaa@gmail.com

Belorussova, Tatiana Evgenievna
Postgraduate Student, Researcher
Ancient and Medieval History Department
Ural Federal University
51 Lenin Ave, 620000, Ekaterinburg,
Russia
Email: belorussovaaa@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3493-1474>
ResearcherID: ABB-9244-2021
Scopus AuthorID: 57219240275

Д. И. Макаров

¹Уральская государственная консерватория им. М. П. Мусоргского

²Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

ЭЛЕМЕНТЫ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ В «ПАМЯТНЫХ ЗАПИСКАХ» ФЕОДОРА МЕТОХИТА (ГЛ. 1–26; 71)

Цель статьи – комплексное раскрытие темы коммуникации и ее онтологических оснований в «Памятных записках» Феодора Метохита (1270–1332). В своем труде Метохит ориентировался на тех авторов, кто, как Плутарх, стремился обо всех предметах – истории, культуре и бытии в целом – рассуждать на философский манер. То безгласие, на которое автор жалуется в гл. 1 и 9, компенсируется творческой свободой и возможностью, присущей каждому из людей (в первую очередь, интеллектуалов) высказываться на любую тему. Конфликт этих идей образует антиномию коммуникации, занимающую важное место в мысли Метохита. Подобного рода суждения позднесредневековых авторов подготавливали появление третьей антиномии Канта. В то же время тема отсутствия новизны продолжает аристотелевскую топикку. Наконец, жизнь личности, общества и космоса проходит, согласно Метохиту, те же стадии, что и развитие высказывания: история вселенной в ее динамике напоминает речь, точнее – собеседование, диалог. Переплетение идей Аристотеля и Нового Завета образует то самое двуединство византийско-христианского эллинизма, о котором говорил Антонио Гарсиа. Метохит также рассуждает о единстве понятия числа у всех людей, утверждая, что именно математическое знание может выступить основой «соборности» для, по крайней мере, мыслящей части человеческого рода. Это тем более важно, что конечная цель коммуникации – раскрытие онтологической истины вещей.

Ключевые слова: Феодор Метохит; «Памятные записки»; Плутарх; антиномия коммуникации; структура мира и структура фразы; философский язык и стиль речи; «коммуникативная соборность» математиков

Благодарности

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 21-011-44214 «Взаимодействие и взаимопротивление античных и средневековых философско-богословских традиций в трудах Феодора Метохита и Никифора Григоры».

Цитирование: Макаров Д. И. Элементы теории коммуникации в «Памятных записках» Феодора Метохита (гл. 1–26; 71) // Античная древность и средние века. 2021. Т. 49. С. 254–276. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.017>

Поступила в редакцию 02.07.2021

Принята к печати 11.10.2021

Dmitrii I. Makarov

¹*M. P. Mussorgsky Ural State Conservatoire*

²*Ural Federal University*

Ekaterinburg, Russia

**SOME ELEMENTS OF COMMUNICATION THEORY
IN THEODORE METOCHITES' MEMORABLE NOTES
(CH. 1–26, 71)**

This paper is aimed at the complex investigation of the communication and its ontological basis in Theodore Metochites' (1270–1332) *Memorable Notes (Semeioseis gnomikai)*. In the *Memorable Notes* Metochites oriented himself toward those authors who, like Plutarch, tried to discuss everything, including history, culture, and the being in general, in a philosophical manner. The speechlessness as the subject matter of Ch. 1 and 9 is compensated, according to Theodore, with a creative liberty and the possibility to discuss every topic, which is inherent to everybody, but, first and foremost, members of the intellectual elite. The conflict of these two ideas, i. e., of the speechlessness and of the liberty to think and speak, forms the *antinomy of communication*, being of importance for Theodore's thought. Similar opinions of late medieval authors seemed to pave the way for Kant's third antinomy. Moreover, the theme of the lack of something new to discuss and talk over continued the Aristotelian topics. Finally, in Metochites' thought, the life of a human being, like those of society and cosmos as a whole, passes through the same stages as a person's utterance: the cosmos history in its dynamics reminds speech or, more specifically, conversation or dialogue. This intertwining of Aristotle's ideas from *De interpretatione* with those from St. John's Gospel prologue is a hallmark of that Byzantine-Christian Hellenism which was discussed in Antonio Garzya's seminal paper of 1985. Besides, Theodore also discussed the unity of the notion of number among all the people. It means that it is the mathematical knowledge which can get a basis for a "conciliarity", or "all-unity", at least for the thinking part of the humankind. It is particularly important since the ultimate goal of communication is, therefore, a revealing of the ontological truth of things and events.

Keywords: Theodore Metochites; *Memorable Notes*; Plutarch; antinomy of communication; world structure and sentence structure; philosophical style and language; mathematicians' putative "conciliarity" ("all-unity") in communication

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR, project no. 21–011–44214 *The Interplay and Mutual Attraction of Antique and Medieval Philosophical and Theological Traditions in the Works of Theodore Metochites and Nicephorus Gregoras*.

For citation: Makarov, D. I. (2021). Elementy teorii kommunikatsii v "Pamiatnykh zapiskakh" Feodora Metokhita (gl. 1–26; 71) [Some Elements of Communication Theory in Theodore Metochites' *Memorable Notes* (Ch. 1–26, 71)]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 49, 254–276. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.017>

Submitted: 02.07.2021

Accepted: 11.10.2021

Чтобы понять дух византийской культуры, совершенно необходимо с самого начала раскрыть то глубочайшее взаимопроникновение эллинского и христианского начал, которое пронизывает ее абсолютно в каждый момент и абсолютно на каждом уровне.

*Антонио Гарсиа*¹

Введение²

Последние полвека, прошедшие с памятного XIV Международного конгресса византинистов в Бухаресте (1971), ознаменовались ренессансом исследований поздневизантийской интеллектуальной культуры. Сегодня представляется возможным сказать, что «ренессанса» посвященных ему византиноведческих исследований дождался и один из самых ярких представителей новой эллинско-христианской пайдейи³ – Феодор Метохит (ок. 1270–1332)⁴. При этом многие авторы видят в Феодоре провозвестника ряда новейших идей (и мы разделяем данную оценку), указывая, что «Памятные записки»⁵ по сути своей – «открытое произведение»⁶. Так, М. Домарацкий находит в первом из двух видов иронии, выделяемых Метохитом, – в иронии злой и уничтожительной – «своего рода предвестие иронии романтической»⁷.

Мы бы продвинули эти мысли еще далее: нам представляется, что Метохит – и именно как автор ПЗ – согласился бы с положением современного ученого о том, что «язык предназначен не для типичных ситуаций, а для всех вообще ситуаций – реальных или воображаемых»⁸. Он

¹ *Garzya A. Visages de l'hellénisme dans le monde byzantin (IVe–XIIe siècles) // Byz. 1985. Vol. 55/2. P. 465.*

² Автор глубоко благодарит Д. С. Бiryюкова, А. В. Маркова, проф. Луиджи Тарталью (Неаполь) и проф. Рафаэлли Кресчи (Генуя) за помощь с необходимой литературой.

³ См. ее блестящую характеристику в докладе А. Гарсиа: *Garzya A. Visages de l'hellénisme... P. 467, 468, 476, 478, 479*. Одним из важнейших инструментов – и следствий – пайдейи была риторика (ее христианский вариант – гомилетика) (*Ibid.* P. 468, 469).

⁴ Новейшую сводку биографии Метохита см.: *Kermanidis M. Episteme und Ästhetik der Raummodellierung in Literatur und Kunst des Theodoros Metochites. Ein frühpalaiologischer Byzantiner im Bezug zur Frühen Neuzeit. Berlin ; Boston, 2020. (Byzantinisches Archiv ; 37). S. 21.*

⁵ Далее – ПЗ.

⁶ *Kermanidis M. Episteme und Ästhetik... S. 124.*

⁷ *Domaradzki M. Teodor Metochites o ironii filozofów // Peitho. Examina antiqua. 2014. Vol. 1 (5). S. 296.*

⁸ *Успенский Б. А. Ego loquens. Язык и коммуникационное пространство. 2-е изд., испр. и доп. М., 2012. С. 139.*

отражает творческую свободу и богатство индивидуальных риторических стратегий пользующегося им автора.

Видимо, в этом или близком смысле М. Керманидис считает, что палеологовская Византия явила собой парадокс «немодерной модерности»⁹, т. е. либо протомодерна, либо прото-Ренессанса¹⁰. Эта переходность типа мысли, коррелирующая с транзитивностью эпохи в целом, сполна дает о себе знать в творчестве великого логофета. Не вызывает сомнений, что Метохит развил «универсальный язык с присущими ему гносеологическими, литературоведческими и искусствоведческими категориями», который оформился уже в рамках новой поздневизантийской эпистемы и эстетики¹¹.

К творчеству Метохита приложима XXI аксиома Дж. Вико, суть которой в том, что греческая философия ускорила естественный ход развития своей нации¹². Эта мысль находит отражение у самого Феодора в «Слове об образованности»¹³. Но ничего из этого не было бы, не умей греки испокон веков пользоваться благами коммуникации.

В «живом космосе» (*un univers vivant*) христианско-византийского эллинизма¹⁴, сплоченного тысячами нитей устной и письменной коммуникации, тексты Метохита играют далеко не последнюю роль. Это следует подчеркнуть с тем большей силой, что влияние византийской философии на окружавшее ее же общество до сих пор (несмотря на усилия ряда византинистов, например, П. Магдалино¹⁵) прояснено еще слабее, чем влияние византийской литературы. Между тем, «мысли, чувства и образы действия человека, относившего себя к византийской культуре, невозможно понять, если мы станем игнорировать то воздействие,

⁹ *Kermandis M. Episteme und Ästhetik...* S. 11.

¹⁰ *Ibid.* S. 12.

¹¹ *Ibid.*

¹² Вико Джамбаттиста. Основания новой науки об общей природе наций [1725–1744] / пер. с итал. А. А. Губера. М. ; Киев, 1994. (Собрание Латинского клуба). С. 78.

¹³ Феодор Метохит. Слово о нравственных проблемах, или Об образованности / пер. со среднегреч. яз. и вступ. ст. Д. И. Макарова ; коммент. Я. Полемиса, Д. И. Макарова. СПб., 2020. (*Paradeigmata Byzantina* ; 1). Гл. 20, особенно с. 104–107.

¹⁴ *Garza A. Visages de l'hellénisme...* P. 481. В характеристике этого космоса, данной А. Гарсиа, чувствуется влияние концепции *homo byzantinus* А. П. Каждана: этот мир – «строго индивидуалистический, однако лишенный свободы» (*Ibid.* P. 473). Думается, что само появление ПЗ Метохита – акт свободы творческой личности, озабоченной не только перипетиями собственного бытия, но и судьбой икумены и культуры в ней. Именно благодаря совокупности таких актов и их результатам, сохранившимся до наших дней, византийская литература и являет собой то «феноменологическое разнообразие», о котором говорит А. Гарсиа (*Ibid.* P. 474).

¹⁵ *Магдалино П.* Империя Мануила I Комнина (1143–1180) / пер. с англ. А. А. Москательникова. СПб., 2021 (*Paradeigmata Byzantina* ; 3).

которое на все вышеперечисленное оказывала литература»¹⁶. Творчество – литературное и философское – Феодора Метохита является одной из составляющих этого сложного и богатого нюансами процесса, предвзяря собой в то же время эллинство новое, новейшее и современное. И – что касается, по крайней мере, философских идей – не только эллинство.

Значимость избранной нами темы проистекает уже из того достаточно известного обстоятельства, что «греческая культура в общем и целом основывалась на *устном*, а не на *письменном* слове (курсив автора. – Д. М.)»¹⁷. И в самом деле, многое из сказанного (точнее, написанного) Метохитом приходится проецировать на устную речь, т. е. думать о предмете соответствующих рассуждений великого логофета не как об общении с помощью текстов (интертекстуальности¹⁸), а как об общении устным в первейшем значении данного слова и лишь впоследствии записанном (быть может, по следам выступлений на театрах или свободных бесед в кругу единомышленников). В конце концов, и Платон всецело полагался на устное слово¹⁹. Некоторые нюансы построения модальных силлогизмов Аристотелем также наводят на мысль об ориентации философа скорее на устные формулы с их интуитивно ощущаемой семантикой, нежели на письменное слово²⁰.

Кстати, этого нюанса не учел Метохит, увлеченный своей теорией о намеренной неясности, вносившейся Аристотелем в его труды. Так, во «Второй аналитике», рассматривая аподиктическое доказательство, Аристотель, по словам нашего византийца, пишет, «облачаясь в *привычный для себя сумрак затемненности*» (3.5.8)²¹, «умудряясь скрыть

¹⁶ Garzya A. Visages de l'hellénisme... P. 481.

¹⁷ Hintikka J. Time, Truth, and Knowledge in Aristotle and Other Greek Philosophers // Idem. Time and Necessity. Studies in Aristotle's Theory of Modality. Oxford, 1973. P. 88.

¹⁸ См.: Круцева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман [1967] / пер. с фр. Т. К. Косикова // М. М. Бахтин: pro et contra / под ред. К. Г. Исупова. СПб., 2001. Т. 1. С. 215: «...открытие, впервые сделанное Бахтиным в теории литературы: любой текст строится как мозаика цитации, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия intersубъективности встает понятие *интертекстуальности* (курсив автора. – Д. М.)».

¹⁹ Hintikka J. Time, Truth, and Knowledge... P. 89–90.

²⁰ Hintikka J. On Aristotle's Modal Syllogistic // Idem. Time and Necessity... P. 145. В этой ориентации на эффект, оказываемый риторикой на слушателя или читателя, ему следовали и византийцы – хотя в центре их теоретико-риторического дискурса все же стояла фигура автора (*Papaioannou S. Rhetoric and Rhetorical Theory // The Cambridge Intellectual History of Byzantium / ed. A. Kaldellis, N. Siniosoglou. Cambridge, 2017. P. 111*).

²¹ Theodore Metochites on Ancient Authors and Philosophy. Semeioseis gnomikai 1–26 & 71 / a critical ed. with introd., trans., notes, and indexes by K. Hult ; with a contrib. by B. Bydén. Göteborg, 2002 (Studia Graeca et Latina Gothoburgensia ; LXV). P. 42.16–19. Далее ссылки на это издание даются в скобках в основном тексте, с указанием номера главы и раздела (в данном случае – 3.5.8), страниц(ы) и строк(и), а также фамилии издательницы.

[от читателей] несказанное и достойное удивления – то, что для многих превыше [понимания], убегая от нас [и делая это] при помощи совершенно невразумительного объяснения [предмета] (τῷ δυσδοεῦτόν τῆς ἐρημνεΐας)» (3.5.8: р. 42.19–21 Hult). И в этом плане Метохит оказывается бóльшим позитивистом, чем Я. Хинтикка.

Иначе говоря, в случае Аристотеля оказывается нарушенным (хотя и с его стороны намеренно) единство того самого «сообщества говорящих», о наличии которого С. Крипке говорит²² как об условии осуществимости референции – а тем самым и коммуникации вообще (если смотреть на последнюю под прагматическим углом зрения). Сам же Метохит в гл. 1 и 9 «Памятных записок» жалуется о ненамеренном (с его стороны) нарушении того же сообщества, релевантного в его эпоху²³.

Мы видим, что, с позиции Метохита, одной из целей литературы (включая и философскую) оказывается коммуникация²⁴; более того, если это литература философская и историософская (как в случае самого Феодора), то коммуникация, общение с ближними и дальними, равно как и способы этого общения, оказываются в ней одним из главных объектов рассмотрения. Сама же теория коммуникации оказывается, если судить по византийским меркам, одним из подразделений риторики, весьма интеллектуально насыщенным. С. Папаиоанну справедливо подметил, что «...византийской теории риторики есть что предложить заинтересованному читателю... на поле риторической теории слышно множество индивидуальных голосов»²⁵. Труд (и вообще творчество) Метохита – блестящий пример «науки и искусства самопрезентации»²⁶ – лучшее тому подтверждение.

Попытка оценить значение мыслей Метохита о коммуникации вовсе не излишня; именно с этого и начинается свое эссе Б. Бюден:

²² Kripke S. A. Naming and Necessity. Cambridge, MA, 1980. P. 94, 95, 106, 118.

²³ Макаров Д. И. «Сегодня, когда времена уже поздние...»: Феодор Метохит о сильных и слабых сторонах процесса речевой коммуникации // АДСВ. 2020. Т. 48. С. 136–155. Ср., впрочем, замечание И. И. Шевченко: «Византийские литераторы, принадлежавшие к слою элиты, отдавали себе отчет в том, что их контакт с большинством был чем-то эфемерным» (Ševčenko I. Levels of Style in Byzantine Prose // JÖB. 1981. Bd. 31/1. S. 303).

²⁴ Ср. книгу, основанную на коммуникативном подходе к теории литературы: Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. (Язык. Семиотика. Культура). С. 195–418.

²⁵ Papaioannou S. Rhetoric and Rhetorical Theory... P. 104, 106, 111.

²⁶ Ibid. P. 111. Мы сейчас отвлечемся от традиционной социально-политической значимости византийской риторики (ср.: Ibid. P. 108–109), сосредотачивая внимание на иных – экзистенциальных, психологических, духовных – ее составляющих. Ср. аналогичное суждение о ПЗ: Bydén B. The Nature and Purpose of the *Semeioseis gnomikai*: The Antithesis of Philosophy and Rhetoric // Theodore Metochites on Ancient Authors and Philosophy. P. 288.

«Всякая попытка приблизиться к историческому пониманию тех или иных мыслей, выраженных в литературном произведении, должна начаться с общих положений о том, *какую коммуникативную функцию* (курсив наш. – Д. М.) данное произведение, как предполагалось, должно выполнять в том культурном контексте, в котором оно создавалось»²⁷. В собственной писательской деятельности Метохит руководствовался, по словам шведского ученого, теми же принципами, с которыми он подходил к произведениям других писателей²⁸.

Важной вехой в деле изучения темы коммуникации у Метохита явилось наблюдение Л. Тартали: «Он (Метохит. – Д. М.) рассматривает слово с единственной точки зрения: как полезное средство выявления мысли, коль скоро сообщить другим то, что остается потаенным в глубинах ума, возможно лишь с помощью языка»²⁹. Подлинная цель речи, по Метохиту, заключается в четкой формулировке понятий³⁰. Сам Метохит именно так и оценивал стиль своих философских трудов – как простой и безыскусный³¹. В главе 9 ПЗ, однако, Феодор высказывает серьезные сомнения относительно эффективности данного словесного предприятия³².

Об оригинальности ПЗ говорят, по меньшей мере, со времен диссертации Х.-Г. Бека (1949 г., опубликована в 1952 г.³³). Недавно это суждение

²⁷ *Bydén B.* The Nature and Purpose... P. 245.

²⁸ *Ibid.* P. 282.

²⁹ *Tartaglia L.* Il Saggio su Plutarco di Teodoro Metochita // *Ταλαρίσκος*. Studia graeca Antonio Garzya sexagenario a discipulis oblata. Napoli, 1987. P. 356. Ср.: ПЗ 9.2.2 (p. 90.69–92.4 Hult: крайне трудно найти такие слова); и особенно: ПЗ 9.2.3 (p. 92.4–7 Hult); 9.3.4–5 (p. 94.5–16 Hult). Русский перевод этих фрагментов: *Макаров Д. И.* «Сейчас, когда времена уже поздние...» С. 143–146. Ср: Arist. De interpr. I 16a 3–5: высказываемое в речи – «символы претерпеваемого душой (τὰ ἐν τῇ φωνῇ τῶν ἐν τῇ ψυχῇ παθημάτων σύμβολα), а подлежащее записи – символы того, что в речи (καὶ τὰ γραφόμενα τῶν ἐν τῇ φωνῇ)» (*Aristotelis Categoriae et Liber de interpretatione* / ed. L. Minio-Paluello. Oxford, 1961. P. 49). Представление о первичности – даже исходности – речи как таковой перед ее записью с достаточной степенью ясности отразилось в этих известнейших словах.

³⁰ *Tartaglia L.* Il Saggio su Plutarco... P. 356. Так, и по Иосифу Философу, философии подобает естественный и простой стиль, а риторике – элегантный (*Ibid.* P. 358).

³¹ Theodori Metochitae Poema 4, 244–249 // Theodori Metochitae Carmina / ed. I. Polemis. Turnhout, 2015. (CCSG ; 83). P. 93: δὶχα τε πάσης λέξις ὀραν... // ἀτὰρ ἄκομψα... (стр. 248–249); к. т. л. Отмечено (со ссылкой на: Paris. gr. 1776, f. 66^v) в: *Ševčenko I.* Levels of Style... P. 297. Впрочем, высказывая мысли о простоте стиля, присущей философии, Метохит, надо полагать, боролся сам с собой, ибо *de facto* стиль его в ПЗ и других произведениях далек от простоты и заставляет, скорее, вспомнить гермогеновскую категорию «силы» убеждения (δαινότης). К чувствам Метохита, несомненно, относилось осознание того, что, «чем эзотеричнее стиль, тем выше положение соответствующего автора внутри данной (общественно-политической. – Д. М.) элиты» (*Ibid.* P. 304).

³² См. прим. 29.

³³ *Beck H.-G.* Theodoros Metochites. Die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert. München, 1952.

вновь высказал Б. Бюден, отметивший, что это был литературный проект, превосходящий «Опыты» Монтеня³⁴. Автор и там, и тут ожидает, что о нем самом и о его характере будут судить по его произведению³⁵.

Тем важнее рассмотреть представления о коммуникации самого Метохита. Попытка их целостно и в то же время кратко очертить на основании начальных глав «Памятных записок» (гл. 1–26, но также гл. 71 о Плутархе – одной из ключевых в произведении) и станет целью данной работы.

Б. Бюден специально подчеркивает значимость предисловия к ПЗ³⁶. В нашей статье мы также уделим анализу предисловия (= гл. 1) пристальное внимание.

Коммуникация мыслилась Метохитом прежде всего как процесс философский, процесс *ноэтически наполненного общения* с равными ему и превосходящими его авторское *ego* по степени креативности интеллектуалами. Эта мысль вытекает уже из анализа подборки тех авторов, чей стиль великий логофет разбирает в ПЗ. Все они (включая Ксенофонта) тракуются Феодором как философы, на что и обратила внимание издательница части текста К. Хьюлт³⁷. Философия для Метохита – любимый жанр литературы, соответственно, и философский стиль – его любимый³⁸. В гл. 26 ПЗ К. Хьюлт выделяет мысль о том, что если бы можно было общаться напрямую, душа к душе, то именно так и общались бы между собой философы. Однако сейчас мы вынуждены использовать телесный голос и язык, т. е. систему органов речи и самих слов с присущими им значениями³⁹.

В целом, несмотря на тематику Пролога и гл. 9, Метохиту близки авторы с природным талантом к письму⁴⁰, т. е. письменная коммуни-

³⁴ *Bydén B.* The Nature and Purpose... P. 288.

³⁵ *Ibid.*

³⁶ *Ibid.* P. 250.

³⁷ *Hult K.* Theodore Metochites as a Literary Critic // Interaction and Isolation in Late Byzantine Culture. Papers Read at a Colloquium Held at the Swedish Research Institute in Istanbul, 1–5 December, 1999 / ed. J. O. Rosenqvist. Uppsala, 2004. (Swedish Research Institute in Istanbul, Transactions ; 13). P. 53, 56. См. здесь же о причинах включения Ксенофонта и Флавия в эту подборку.

³⁸ *Ibid.* P. 55.

³⁹ *Hult K.* Theodore Metochites... P. 56. Ср.: ПЗ (26.1.6–7: p. 214.9–16 Hult). Главное при общении, согласно мыслителю, – донести сообщение без всякой вычурности, как при ходьбе, когда мы просто переступаем ногами – без всяких странных жестов (*Ibid.*; ср.: *Ibid.* 26.2.5: p. 216.2–3 Hult). В свете современных лингвистических теорий (Дж. Остин, П. Грайс, Н. Д. Арутюнова) можно было бы сказать, что Метохит уделяет недостаточно внимания речеповеденческим актам и импликатурам. Однако вопрос дискуссионен.

⁴⁰ *Hult K.* Theodore Metochites... P. 54. Таковы Флавий, Синезий, Ксенофонт и Плутарх (*Ibid.* P. 55). Ср., например, о Синезии: ПЗ 18.2.8–9 (p. 168.4–13 Hult).

кация для него – один из важнейших способов общения, в том числе между поколениями и эпохами.

В 2020 г. М. Керманидис подчеркнул системность построения и плана ПЗ⁴¹. В свете его наблюдений следует признать предшествующий вывод Б. Бюдена о том, что Метохит писал, следуя, скорее, своим свободным ассоциациям, чем некоторому заранее заданному имманентному плану⁴², подлежащим, по крайней мере, частичному пересмотру.

Для нас важно, что тематика коммуникации, раскрываемая главным образом в первых тридцати главах произведения (но не менее важна и гл. 71), попадает в «сеть дискурсов гносеологического характера»⁴³. В свою очередь, С. Ксенофонтос выделяет как единое целое гл. 3–26, посвященные «натуральной философии, логике, математике, риторике и этике; эссе о древних авторах (Иосиф [Флавий], Филон, Синесий, Дион [Хризостом], Ксенофонт)»⁴⁴. Этот взгляд не слишком противоречит более обобщающим построениям М. Керманидиса. Если принять идею М. Керманидиса о том, что произведение подразделяется на три части, состоящие, соответственно, из 30, 60 и 30 глав и посвященные гносеологии, этике и истории (с политикой)⁴⁵, то необходимо признать тематику коммуникации одной из важнейших составляющих гносеологии.

Само обращение к теоретическим аспектам данной темы достаточно необычно. М. Керманидис, посвятивший немало страниц интересным рассуждениям о «немодерной модерности» и эпистемологическом сдвиге в философии палеологовской Византии, все же полагает, что «творчество данного автора (Феодора Метохита. – Д. М.) следует классифицировать как традиционалистское»⁴⁶. Мы бы сочли, что он находится на перепутье между Высоким Средневековьем и ранним Новым временем. Таков наш ответ на вопрошание этого же скрупулезного исследователя и критика: можно ли назвать великого логофета

⁴¹ *Kermanidis M. Episteme und Ästhetik...* S. 16–126, bes. S. 44. О других попытках упорядочить содержимое ПЗ см.: *Ibid.* S. 44. Anm. 111; S. 45, Anm. 113. К ним необходимо добавить: *Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997.* (Византийская библиотека). С. 35–36.

⁴² *Bydén B. The Nature and Purpose...* P. 248.

⁴³ *Kermanidis M. Episteme und Ästhetik...* S. 44.

⁴⁴ *Xenophontos S. The Byzantine Plutarch: Self-identity and model in Theodore Metochites' Essay 71 of the Semeioseis gnomikai // The Afterlife of Plutarch / ed. J. North, P. Mack. London, 2018. (Bulletin of the Institute of Classical Studies; Supplement ; 137).* P. 39. Впрочем, сама С. Ксенофонтос отмечает, что группировать главы ПЗ можно по-разному (*Ibid.* P. 26, n. 17).

⁴⁵ *Kermanidis M. Episteme und Ästhetik...* S. 44–45.

⁴⁶ *Ibid.* S. 30. К истории дискуссии о новизне сочинений Метохита см.: *Bydén B. The Nature and Purpose...* *Passim*; *Kermanidis M. Episteme und Ästhetik...* S. 31. Anm. 78.

*homo novus*⁴⁷ В вопросе заключена скрытая полемика с бухарестским докладом И. Шевченко⁴⁸, и мы бы, пожалуй, дерзнули изменить угол зрения обоих маститых коллег, указав на предварение Метохитом ряда современных лингвокультурологических теорий.

Впрочем, литературно-эстетической и философско-богословской системам Метохита присущ уже подмеченный исследователями анахронизм. Так, К. Хюльт указывает, что великий логофет в ПЗ пренебрегает собственно византийскими авторами после Синезия (ок. 400)⁴⁹. Византийских критиков – и Фотия – он также игнорирует⁵⁰. Добавим, что причины для игнорирования им Фотия – богословские – более чем очевидны. Впрочем, все дело, быть может, в том, что «византийцы (в отличие от древних эллинов. – Д. М.) не считались достойными подражания – за характерным исключением Каппадокийских Отцов и Гергория Писиды»⁵¹. Однако, ввиду намечающейся близости Метохита, по крайней мере, Пселлу и Влеммиду, некоторые грани этого утверждения, видимо, нуждаются в пересмотре.

Итак, оттолкнемся от наблюдения М. Керманидиса: «Состояние мира определяется Метохитом как одна из важнейших предпосылок культурного, научного, этического и религиозного подъема человеческой *πολιτεία*»⁵². С учетом этого положения попытаемся выделить и проанализировать некоторые базовые положения развиваемой великим логофетом теории коммуникации – письменной и речевой – в человеческом обществе.

Основные положения теории коммуникации Феодора Метохита в ПЗ (гл. 1–26, 71). Антиномия коммуникации

Жизнь всякого человека и живого существа вообще, а также каждого этноса и полиса проходит, по Метохиту, те же стадии, что и развитие высказывания (*ῥῶτηρ ἐπὶ ῥῆτοῖς*): начало, середину («развивается,

⁴⁷ *Kermanidis M. Episteme und Ästhetik...* S. 31.

⁴⁸ Метохит, по его словам, – «относительный *homo novus*, пользующийся полной поддержкой императора» (*Ševčenko I. Society and Intellectual Life in the Fourteenth Century // Actes du XIVe Congrès International des études byzantines (Bucarest, 6–12 septembre, 1971) / publ. par M. Berza, E. Stănescu. Bucarest, 1974. Vol. 1. P. 81*).

⁴⁹ *Hult K. Theodore Metochites as a Literary Critic...* P. 46, 47, 52–53.

⁵⁰ *Hult K. Theodore Metochites...* P. 53. См. богословский комментарий к этой позиции и попытку объяснения: *Makarov D. I. An Irreproachable Dogmatics? Plotinus, Theodore Metochites and the Sixth Chapter of the Letter On Education // Scrinium. 2019. Vol. 15. P. 211–217, esp. P. 216–217*.

⁵¹ *Ševčenko I. Levels of Style...* P. 304–305. Станным образом К. Хюльт в своей работе (*Hult K. Theodore Metochites...* *passim*) не цитирует это соображение.

⁵² *Kermanidis M. Episteme und Ästhetik...* S. 94, Anm. 232.

насколько [это ему] дано»⁵³), завершение и смерть⁵⁴. Это значит, что жизнь вселенной – социума и космоса – в своем функционировании и в своей истории подобна речевому акту. Степень этого подобия достигает прямого изоморфизма⁵⁵. Трактат Аристотеля «Об истолковании» и Пролог Евангелия от Иоанна (Ин. 1: 1–3) достигают в этих словах такой степени диалектической взаимопереплетенности, когда уже невозможно отделить одно от другого без ущерба для архитектоники смысла в целом. Что это, как не видимое проявление того «живого космоса» византийско-христианского эллинизма, о котором говорил Антонио Гарсиа⁵⁶?

Мы не будем сейчас приводить множество цитат из философов XX в., говоривших о значимости языка⁵⁷, ограничившись одной: «В язык вливается вся значительность происходящего в человеческой истории»⁵⁸. Это мысль весьма и весьма метохитовская, ибо почти столь же антикизирующе-схоластичная (а к тому же и хайдеггеровская) по духу.

Однако зададимся следующим вопросом: кем или чем дано развиваться речи или организмам? Очевидно, априорно говорить о Боге в случае мысли Метохита было бы преждевременно; скорее, нужно вести речь о всеобщей и универсальной изменчивой природе. В гл. 2 ПЗ великий логофет писал: «Ибо началом всякой премудрости и познания (ср.: Притч. 1:7) выступает не столько природа, готовая к открытию [нового], сколько память, которая это открытие и совершает (ἐδράζουσα), фиксирует (ιστῶσα) и даже подготавливает (συγκατασκευάζουσα)» (ПЗ 2.1.2: р. 26.17–20 Hult)⁵⁹.

⁵³ πρῶτεισιν εἰς ὅσον δέδοται... (Theodori Metochitae Miscellanea philosophica et historica / ed. Ch. G. Müller, Th. Kiessling. Lipsiae, 1821. P. 751. Cap. 112).

⁵⁴ Ibid. P. 751. На важность этой мысли указал М. Керманидис: *Kermanidis M. Episteme und Ästhetik...* S. 122, Anm. 286. Однако он воздержался от ее лингвофилософской трактовки.

⁵⁵ Ср. о взаимосвязи и взаимообращенности (τὴν ἀλληλουχίαν) всего сущего, раскрытых Пифагором (ПЗ 13.2.11: р. 130.17–19 Hult). Об аристотелевских предьстоках темы ср. также, к примеру: *Платонов Р. С. Общение (ὁμιλία) в этике Аристотеля // Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности: Московская международная конференция по Аристотелю (17–19 октября 2016 г., Институт философии РАН) : материалы к докладам / отв. ред. В. В. Петров. М., 2016. С. 31–32.*

⁵⁶ *Garzya A. Visages de l'hellénisme...* P. 481.

⁵⁷ Как пронизательно заметила Н. Д. Арутюнова: «Философия XX в. развивается под знаком языка» (*Арутюнова Н. Д. Человек и «фигура» (анализ концептов) // Она же. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М., 1999. (Язык. Семиотика. Культура). С. 324.*)

⁵⁸ *Бибихин В. В. Витгенштейн: смена аспекта. М., 2005 (Bibliotheca Ignatiana. Богословие, духовность, наука). С. 105.*

⁵⁹ Пример такой уникальной памяти и являет любезный сердцу Метохита Плутарх.

Это же преобладание понятия «природа» в гл. 67 ПЗ отмечает и Р. Кресчи в специальном исследовании, посвященном данной главе. По словам итальянского ученого, «еще до того, как раскрыть тему данного очерка на конкретных исторических примерах, при самом ее изложении Феодор со всей недвусмысленностью ссылается на одну-единственную силу, и эта сила – φύσις»⁶⁰.

Системной значимостью для рассмотрения темы коммуникации обладают, однако, помимо введения (= гл. 1), главы 2, 9, 22 и 71. В них затрагиваются такие проблемы, которые можно было бы обозначить как соборность коммуникации (применительно к отдельным группам интеллектуальной элиты) и антиномия коммуникации. Гл. 9 ПЗ стала недавно объектом пристального рассмотрения – и частичного перевода – в нашей статье⁶¹, а также у М. Керманидуса⁶².

Из его выводов особенно важны следующие. Глава двухчастна; во второй части обсуждается традиционный со времен «Кратила» вопрос о противоречиях между внутренним, истинным языком мышления и полным лжи и неточностей языком речи и письма. Через эту молчаливую и фрагментированную гипернаррацию автор стремится «указать на истинный, внутренний язык мышления»⁶³. Таким образом, метко указав одну из особенностей философии и литературной эстетики Метохита, М. Керманидис оставляет без внимания тему общения и коммуникации как таковую.

Кроме того, не до конца раскрытым остается и аристотелевский контекст «пессимистических» высказываний из гл. 1 и 9 ПЗ. Соответствующую проблематику нужно рассматривать в контексте более общего положения Феодора о том, что «неизбежный удел нашей

⁶⁰ Cresci L. R. Note critiche sul saggio 67 degli Ὑπομνηματισμοί di Teodoro Metochita // Orpheus. Rivista di umanità classica e cristiana. 1997. Т. XVIII. Fasc. 2. P. 425. Действительно, Метохит начинает главу с того, что по велению судьбы-Тихи практически вслед за всеми великими свершениями словно бы в силу самой природы «произрастают разного рода превратности и перемены (τροπαὶ τινὲς ἐπιφύονται καὶ μεταβολαί)» (Theodori Metochitae Miscellanea philosophica et historica... P. 413. Cap. 67). Лишь сама неустойчивость (τὸ... ἀνίδρωτον) судьбы всех людей и представляет собой ее единственную стабильную черту (Ibid. P. 433; отмечено в: Cresci L. R. Note critiche... P. 425; cf.: Ibid. P. 426, n. 40). Все это близко подходит к постулатам современной «философии процесса», с одной стороны. С другой же стороны, эфемерность и бренность нашего существования подчеркивали еще Гераклит и неоплатоники, а вслед за ними – св. Григорий Богослов и св. Максим Исповедник. См.: Steel C. Le jeu du Verbe. À propos de Maxime, *Amb. Ad Ioh. LXVII* // Philohistôr. Miscellanea in honorem Caroli Laga septuagenarii / ed. A. Schoors, P. Van Deun. Leuven, 1994 (Orientalia Lovaniensia Analecta ; 60). P. 281–293.

⁶¹ Макаров Д. И. «Сегодня, когда времена уже поздние...» С. 136–155.

⁶² Kermandis M. Episteme und Ästhetik... S. 53. Anm. 131.

⁶³ Ibid.

общей природы (τῆς φύσεως τῆς κοινῆς ἀναγκαῖον μοιρίδιον)» – невозможность быть во всем совершенным (ПЗ 10.3.4: р. 100.13–16 Hult). Это положение дополняет одно из важнейших соображений, на которых покоится учение Аристотеля о способностях (Arist. Metaph. IX, 5 1048^a 12–15; см. главу в целом)⁶⁴. Если же не хватает сил к творчеству и построению жизни вообще, то необходима светская аскеза, что Метохит обосновывает на примере Синезия. Последний был не только даровит по природе, но и достиг силы и выразительности языка благодаря «упорству и трудолюбию в занятиях [мудростью] (μονίμῳ τε καὶ φιλοπόνῳ τῆς ἀσκήσεως)» (ПЗ 18.5.6: р. 174.8–9 Hult). Современная наука также числит Синезия среди наиболее видных византийских эпистолографов⁶⁵.

Приобретенная таким образом мудрость позволяет преодолеть безгласие и неконтактность людей и бытия – ту самую «афонию» (τῆς ἀφωνίας) (ПЗ 1.3.1: р. 24.9–10 Hult), или безгласие, от которого мы давно уже страдаем, вынужденно сталкиваясь с замкнутостью или бездействием языка (κάθειρξις)⁶⁶ (ПЗ 1.2.6: р. 22.23–28 Hult). А пока это не достигнуто, нам приходится смиряться с такой судьбой, хотя бы это было и весьма болезненно (ἀνιαρῶς) (ПЗ 1.3.1: р. 24.10–13 Hult).

Так и Иосиф Философ в 1330-е гг. писал в «Обзрении риторики» о том, что мы живем в «нынешние непростые (досл. – запутанные) времена (ἐν τοῖς ἄρτι καιροῖς μκτοῖς)...»⁶⁷

Так и С. С. Аверинцев (по словам Ольги Седаковой) в 1960–1990-е гг. подчеркивал, что «мир кончался уже много раз. Пора подумать о том, что начинается» за этими непростыми временами⁶⁸.

Подобного рода диалог мыслителей поздней Античности, палеологовской Византии и русской современности способен «высечь искру понимания» между культурными эпохами.

Более того, Я. Хинтикка нашел сходный по смыслу пассаж у самого Аристотеля, столь обильно критикуемого Метохитом в ПЗ: «Ведь чуть ли не все уже давным-давно придумано, но одно не слажено,

⁶⁴ Русский перевод: Аристотель. Метафизика / пер. с древнегреч. А. В. Кубицкого // Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 1 / отв. ред. В. Ф. Асмус. М., 1976. С. 239–240.

⁶⁵ Dennis G. T. The Byzantines as Revealed in their Letters // Γόνυμος. Neoplatonic and Byzantine Studies Presented to Leendert G. Westerink at 75 / ed. J. Duffy, J. Peradotto. Buffalo ; New York, 1988. P. 155.

⁶⁶ Одна из возможных аналогий в связи с прочтением данной ситуации (но, в отличие от «горизонтального», культурологического измерения мысли Метохита, скорее вертикально направленная): «Потир земли, потир небес // Испили мы до дна» (Вяч. Иванов, «La selva oscura» – дантовский подтекст очевиден; из «Кормчих звезд»).

⁶⁷ Цит. по: Tartaglia L. Il Saggio su Plutarco... P. 344, n. 21.

⁶⁸ Седакова О. А. Апология рационального // Ее же. Сергей Сергеевич Аверинцев: Воспоминания. Размышления. Посвящения. М., 2020. С. 197.

другое, хотя и известно людям, не находит применения»⁶⁹ (Arist. Polit. II. 5. 1264^a 3–5).

А потому, вообще говоря, Метохит отчасти просто развивает аристотелевскую топику. Ощущение же заката большой исторической эпохи роднит Метохита в том числе и с нашими выдающимися современниками.

Однако этой грусти и этому культурному пессимизму противоречит другое настроение – свободное и утверждающее рациональный полет творческого духа: «Все, что мы только ни пожелаем и ни окажемся в состоянии сказать, – всецело в нашей власти: [здесь] мы свободны от какого бы то ни было принуждения (πρὸς οὐδεμίαν ἀνάγκην παραβάλλομεθα⁷⁰), так что даже если вдруг и не сможем воздать [кому-либо] должное, то ни с кого из нас не взыщут [за это] никакого долга и уж тем менее не станут бранить» (ПЗ 71.1.3: р. 218.8–12 Hult)⁷¹.

С нас не взыщут долга за молчание, именно поэтому мы и можем, а порой и должны молчать, не только принуждаясь судьбой, но и свободно решая поступить именно так. Ценностная функция молчания («невоздаяния должного») также приобретает у Метохита положительное значение⁷². И это примечательно в аспекте сопоставления его антропологии (и мысли в целом) с исихастской.

Конфликт идей, высказанных в ПЗ 1.3.1 и 71.1.3, и образует то, что имело бы смысл назвать антиномией коммуникации, по Метохиту. Конечно, на фоне любой внешней, социально-политической и экзистенциальной ситуации мыслитель утверждает свободу творчества. В масштабах веков (ср. нижеследующую цитату из Ламартина) это совмещение в мысли и тексте Метохита двух, казалось бы, взаимоисключающих положений может рассматриваться как одно из тех соображений, которые подспудно, появляясь на лоне позднесредневековой и ренессансной мысли, подготавливали появление третьей антиномии Канта.

⁶⁹ Пер. С. А. Жебелева, цит. по: Аристотель. Политика / пер. с древнегреч. С. А. Жебелева // Аристотель. Сочинения : в 4 т. / отв. ред. А. И. Доватур, Ф. Х. Кессиди. М., 1984. Т. 4. С. 412. См.: *Hintikka J. Aristotle on the Realization of Possibilities in Time // Idem. Time and Necessity...* P. 112.

⁷⁰ Ср. παραβάλλω, 16-е значение по Димитракопу (Δημητράκος Δ. Μέγα λεξικὸν ὀλης τῆς ἑλληνικῆς γλώσσης. Τ. Α'–ΙΕ'. Αθήναι, 1954. Τ. 11. Σ. 5409).

⁷¹ На это место обратил внимание Л. Тарталья: *Tartaglia L. Il Saggio su Plutarco...* P. 346. Однако, в его понимании мы ближе к К. Хюльту: Theodore Metochites. *On Ancient Authors and Philosophy...* P. 219, п. 4. См. и перевод К. Хюльта указанного фрагмента на р. 219.

⁷² О ценностных функциях молчания и высказывания у Метохита и в общем плане см.: *Макаров Д. И.* Об использовании новейших логик для построения абстрактных моделей коммуникации и о применении последних к философии Феодора Метохита (XIV в.) // *Христианское чтение.* 2021. № 4. С. 258–273.

Как вариант – это отрицательный ответ на вопрос Ламартина из «Озера» (Le Lac, 1817):

Ne pourrons-nous jamais sur l'océan des âges
Jeter l'ancre un seul jour?⁷³

Такой якорь ничего бы не дал Метохиту – мир кончился... и нужно стремиться к новым берегам... Потому что старые давно пройдены и скрылись из виду: ни о Божественном, ни о внешней премудрости уже не осталось чего-то такого, что не было бы сказано другими (ПЗ 1.2.1: р. 22.3–7 Hult)⁷⁴. Особенно это трудно в «божественнейших вопросах» (ПЗ 1.2.9: р. 24.5–6 Hult). Видимо, помимо общего – habituального – значения, в ПЗ 1.2.7 предполагаются и театры как специфический поздневизантийский феномен.

Переориентация с «божественнейших вопросов» на иные, земные реалии влечет за собой повышение интереса к языку и коммуникации в философии и математике сообразно с заветами того же Аристотеля (Arist. Metaph., XIII). Ибо всякое философское или математическое представление может стать объектом коммуникации, если оно выразимо в языке (ПЗ 71.9.3: р. 234.10–14 Hult). Иначе говоря, если язык способен превратиться в систему означающих (сигнификатов) для соответствующих предметов: точнее, если сопоставить мысль Феодора с мыслью Иоанна Солсберийского, номинантов для единичного и сигнификатов для всеобщего⁷⁵. Как точно заметила Н. Д. Арутюнова, «человек представляет собой существо не только говорящее (*homo loquens*), но и значащее (*homo significans*)»⁷⁶. Частью этой обширной традиции «протосемиотики» можно считать и Метохита.

Чтобы возвышенные содержания были выразимы в языке (письменном и устном), он должен быть свободен от какого бы то ни было изящества (τὴν... ἀβρότητα) речи (ПЗ 26.2.5: р. 216.2–3 Hult)⁷⁷. «Ибо

⁷³ Цит. по: *Salinger H.* Time in the Lyric // *Studies in German Literature of the Nineteenth and Twentieth Centuries. Festschrift for Frederic E. Coenen / ed. S. Mews.* Chapel Hill, 1970. (University of North Carolina Studies in the Germanic Languages and Literatures ; 67). P. 159.

⁷⁴ Ср.: «В самом деле, куда ни направляй свой ум, ты не сможешь сказать что-либо нового, но только то, что уже было кем-то осуществлено и достигло ушей слушателей...» (ПЗ 1.2.7; р. 22.28–30 Hult).

⁷⁵ Ср. одно из любимых изречений Чарлза Пирса и Романа Якобсона: *Nominantur singularia, sed universalia significantur*. Цит. по: *Якобсон Р.* В поисках сущности языка / пер. с англ. В. А. Виноградова // *Семиотика : антология / сост. Ю. С. Степанов. М. ; Екатеринбург, 2001. С. 125.*

⁷⁶ *Арутюнова Н. Д.* Модальные и семантические операторы // *Ее же. Язык и мир человека. С. 835.*

⁷⁷ Против излишней риторичности в деле писания писем предостерегал Никобула и св. Григорий Богослов. Эти правила, по сути, стали канонем византийской эпистографии (*Dennis G. T.* *The Byzantines...* P. 156, 158).

первое (навык философствования. – *Д. М.*) соприродно [своему носителю] (αὐτοφύεος), а второе приобретается; кроме того, первое присуще [тем, кому присуще] внутренне (ἐνούσιόν τι), а второе, будучи зависимым от мнения и представления, окрашивается всецело чем-то поверхностным (ἐπιπόλαιον)...» (ПЗ 26.2.6: р. 216.4–7 Hult).

В этом отрывке употреблено немаловажное святоотеческое и логическое выражение ἐνούσιόν τι, в универсуме Метохита восходящее скорее всего к тезаурусу Каппадокийцев или Леонтия Византийского, писавшего: «Не то же самое, уважаемые, – ипостась и воипостасное, как и, в свою очередь, *сущность и то, что при ней* (ἐνούσιον)»⁷⁸. Это четвертое из значений термина, выделяемых в словаре Г. Лэмпя: «об атрибутах, свойствах: присущий натуре, свойственный данной сущности...»⁷⁹

Одним словом, прежде всего необходимо обладать философским складом ума и личности в целом (как писал Раймон Кено: «Но сперва // Родитесь все-таки поэтом»). Внешний лоск не должен заслонять главного – отсутствия духовных смыслов, понимания логосов и видения эйдосов вещей.

Есть ли кто-либо в византийской и мировой истории и культуре, кто бы именно так относился к философии и языку, являл бы собой наглядное воплощение чаяний и упований Метохита? Да, есть; и это Плутарх, которому посвящена 71 глава и ряд замечаний в других главах, «образованнейший во всем» (ПЗ 71.12.7: р. 240.25 Hult; cf. 71.12.4: р. 240.17–18 Hult), «муж во всем наилучший и совершеннейший в премудрости (ἀνδρὸς πάντ' ἀρίστου καὶ περὶ τοῦ τῆν σοφίαν)... вся ученость вообще хранится у Плутарха в уме и – подобно сокровищам – размещается в хранилищах памяти»⁸⁰. Из того, как он судит о грамматике, риторике и строе жизни в целом, становится ясно, что он в высшей степени эффективно всё анализирует и обо всем ведет рассказ (καὶ ρηώτατα διαρεῖ τε καὶ καθίστορεῖ πάντα) (ПЗ 71.12.5–6: р. 240.19–23 Hult).

Херонейскому мудрецу удается совершить невозможное: из сопоставления только что приведенного отрывка с ПЗ 9.2.3, где также используется редкий глагол καθίστορεῖ (р. 92.4–7 Hult), явствует, что он не страдал «философским косноязычием» (или прямой безъязыкостью) и был способен адекватно отразить в слове всю глубину своих познаний и всю силу мысли⁸¹.

⁷⁸ Leontii Byzantini contra Nestorianos et Eutychianos, I // Leontius of Byzantium. Complete Works / ed. and trans., with an introd. B. E. Daley, sj. New York, 2017. (Oxford Early Christian Texts). P. 132.19–20.

⁷⁹ A Patristic Greek Lexicon / ed. G. W. H. Lampe. Oxford, 1961. P. 478.

⁸⁰ Theodorii Metochitae Miscellanea philosophica et historica... P. 740, 741. Cap. 111.

⁸¹ См. перевод последнего отрывка в: Макаров Д. И. «Сегодня, когда времена уже поздние...» С. 144.

Плутарх так пользуется языком не из-за неспособности или природной бездарности (ПЗ 71.11.3: р. 238.12–13 Hult), но как раз в соответствии с философским нравом (р. 238.13–14 Hult). Язык важен для него как средство передачи своих мыслей, ведь иначе, как через язык, нельзя донести эти мысли до других (ПЗ 71.9.3: р. 234.10–14 Hult)⁸². Как отметил Б. Бюден, в этом рассуждении (ПЗ 71.9–10) Метохит излагает и собственные литературные идеалы. Ведь и сам он в ПЗ – не оратор, а автор философской прозы⁸³.

Плутарх силен благодаря здравомыслию (γνώμης εὐεξία) (ПЗ 71.7.5: р. 230.2–4 Hult), т. е., собственно говоря, силе мысли, отличию функционирующему навыку (ἔξις) ее⁸⁴. По сути, он эклектик; в констатации этого факта великий логофет опережает и превосходит современную историографию⁸⁵. Но ведь и Аристотель в рассмотрении большинства вопросов старался рассмотреть мнения своих предшественников, которые относились к тому или иному конкретному случаю⁸⁶. Очевидно, по методу работы – истинно научному и философскому, в представлении Метохита, – Плутарх был во многом схож со Стагиритом, а подобное сравнение делает честь любому мыслителю докантовской эпохи.

Мы не случайно стараемся рассматривать труд Метохита в столь широком контексте – так, как он сам читал Плутарха. В самом деле, восклицает Великий логофет, можно о чем угодно почитать труды одного лишь Плутарха – и там найти всё (ПЗ 71.8.5: р. 232.10–14 Hult). Он не похищает «истину вещей (τὴν τῶν πραγμάτων ἀλήθειαν)» (ПЗ 24.1.5: р. 206.2 Hult) благодаря судебным тяжбам и затянутым словам, как Платон, но пишет (т. е. письменно общается с современниками и потомками) четко и по делу. В сознательной ориентации Метохита на Плутарха⁸⁷ мы не видим чего-либо предосудительного. Истина вещей – онтологичность истины – понимается у Метохита близко к той интерпретации, что была придана греческой философии Хайдеггером (и отчасти Беньямином); в конце концов, «Аристотель был основателем не только логики, но и онтологии...»⁸⁸

⁸² На важность этого места для реконструкции представлений Метохита о языке и стиле обращает внимание и Б. Бюден: *Bydén B. The Nature and Purpose... P. 281–282.*

⁸³ *Ibid.* P. 282.

⁸⁴ Ср. второе определение ἔξις у Аристотеля: «такое расположение (διάθεσις), благодаря которому то, что расположено, расположено хорошо или плохо, при этом или само по себе, или по отношению к другому...» (Arist. *Metaph.* VI, 20 1022^b 10–11; рус. пер.: Аристотель. *Метафизика...* С. 171). Очевидно, что навык мысли – это отношение разума к его предмету.

⁸⁵ *Tartaglia L. Il Saggio su Plutarco... P. 350–351.*

⁸⁶ *Hintikka J. Aristotle and the Ambiguity of Ambiguity // Idem. Time and Necessity... P. 4.*

⁸⁷ *Xenophontos S. The Byzantine Plutarch... P. 23–39.*

⁸⁸ *Васюков В. Л. Аристотель о взаимоотношении логики и онтологии // Аристотелевское наследие... С. 13–14.*

Итак, по косвенным данным (из сопоставления трактовки Метохитом Платона и Плутарха в гл. 24 и 71 ПЗ) можно заключить, что цель устного и письменного общения, по Феодору, – достижение истины, понимаемой как онтологический атрибут вещей, т. е. познание их подлинного состояния.

В заключение статьи – несколько слов о математике и ее значении в гармоничном устройении общества, согласно нашему мыслителю. Независимо от различия языков, у всех людей сложился один тождественный ментальный концепт «числа» (ПЗ 22.2.2–3: р. 196.18–27 Hult). Более того, лица, знакомые с математикой (в ее античном понимании), «обретают в этом знании⁸⁹ некое новое гражданство (κοινοπολιτείαν)⁹⁰» (ПЗ 22.2. 3: р. 196.24–25 Hult).

Отсюда вытекает подобие некой социально-философской утопии: «И если бы все люди своей жизнью принадлежали (ἔζων), так сказать, к этой партии⁹¹, то они бы испытывали не что иное, как *глубокий мир*, житие невозмутимое (ἀστασίαστος) и общность во всем (κοινὰ καθόλου πράγματα), даже если бы было заметно, что один другого в чем-либо превосходит – либо благодаря тому или иному природному превосходству, либо, может статься, благодаря *тренировке* (δι' ἀσκήσεως) или же тому и другому вместе» (ПЗ 22.2.4: р. 196.27–198.1 Hult).

То, о чем говорит здесь Метохит, представляет собой светский аналог идеи соборности. В самом деле, читателю предлагается, по сути, представление о «математической соборности» человеческого рода. В качестве аналога к размышлениям великого логофета отметим высказывавшуюся Бахтиным идею «соборного смеха» на карнавальной площадке, который являет собой, по словам мыслителя, «параллель к молитве всей Церкви»⁹². Идея русского мыслителя также (и даже в большей степени) отмечена, на наш взгляд, флером утопичности.

Завершим эссе следующей цитатой: «Ведь более чем очевидно, что среди тех, кто этим занимается⁹³, господствуют *нераздельность* (τὸ... ἀμέριστον), *безмятежность* (ἀστασίαστος) и *согласие* (ὁμόλογον), и никто из внимающих смыслу [сказанного] и избравших для себя *житие, сообразное с истиной* (μετ' ἀληθείας), не скажет иначе» (ПЗ 22.2.5: р. 198.1–4 Hult).

⁸⁹ Т. е. математическом.

⁹⁰ LBG переводит κοινοπολιτεία как «staatliche Gemeinschaft» (Lexikon der byzantinischen Gräzität / erst. E. Trapp. Bd. 1 : A–K. Wien, 2001. S. 846).

⁹¹ Прим. К. Хюль: математической (Theodore Metochites on Ancient Authors and Philosophy... P. 197, note 4).

⁹² *Бахтин М. М.* Дополнения и изменения к «Рабле» [1944] // Его же. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5 : Работы 1940-х – начала 1960-х годов / под ред. С. Г. Бочарова, Л. А. Готтишвили. М., 1997. С. 114.

⁹³ Т. е. математиков.

Д. И. Макаров

Коммуникация – путь (или даже направленность) жизни индивида и социума как совокупности микросообществ (на примере одного из них – математиков – этот путь только что и был рассмотрен), ведущий и то, и другое к постижению истины. Предпосылки, необходимые для осуществления этого процесса, как и предпосылки философского склада мысли, коренятся в нашей природе; осуществлять его должно в социуме. Чем грамотнее – по образцу логически и грамматически корректного высказывания – построен социум, тем он ближе к истине. Сама истина при этом понимается близко к философам «изначальной» традиции (Платон, Аристотель... Хайдеггер).

И все-таки складывается впечатление, что у Феодора Метохита, в отличие от, по всей видимости, прочитанного им Псевдо-Дионисия Ареопагита⁹⁴, прокловский философ-богослов не «преображается в общину верующих христиан»⁹⁵, а остается созерцательным одиночкой. Великий логофет предпочитает свободный и не стесненный вековыми рамками язык классической онтологии языку христианской литургии⁹⁶. Или, вернее, возвращается к прокловской общине избранных философов⁹⁷. Поэтому было бы уместно назвать учение Метохита теорией об антиномичности коммуникации.

REFERENCES

Arutiunova, N. D. (1999a). Chelovek i “figura” (analiz kontseptov) [A Man and “a Figure”. Analysis of Concepts]. In N. D. Arutiunova, *Iazyk i mir cheloveka* [Language and the World of the Man] (pp. 324–337). Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.

Arutiunova, N. D. (1999b). Modal'nye i semanticheskie operatory [Modal and Semantic Operators]. In N. D. Arutiunova, *Iazyk i mir cheloveka* [Language and the World of the Man] (pp. 830–846). Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.

Bakhtin, M. M. (1997). Dopolneniia i izmeneniia k “Rabelais” [Some Additions and Modifications to the Book on Rabelais] (1944). In M. M. Bakhtin (Auth.), S. G. Bocharov, & L. A. Gogotishvili (Eds.), *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. (Vols. 1–7). (Vol. 5, pp. 80–129). Moscow: Russkie slovari.

Beck, H.-G. (1952). *Theodoros Metochites. Die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert*. München: C. H. Beck.

⁹⁴ Аллюзии на Ареопагита возможны, в частности, в: ПЗ 19.3.3: p. 178.21–22 Hult; ПЗ 71.4.2: p. 222.26–28 Hult.

⁹⁵ *Perzel I. Revisiting the Christian Platonism of Pseudo-Dionysius // Jewish Roots of Eastern Christian Mysticism. Studies in Honor of Alexander Golitzin / ed. A. A. Orlov. Leiden ; Boston, 2020. (Supplements to Vigiliae Christianae ; 160). P. 296–297.*

⁹⁶ В отличие от Ареопагита, заменившего языком литургии язык философии: Ibid. P. 298.

⁹⁷ Ibid. P. 307.

Элементы теории коммуникации в «Памятных записках»

Bekker, I. (Ed.). (1831). Aristotelis Metaphysica. In I. Bekker (Ed.), *Aristoteles Graece ex recensione* (pp. 980–1093). Berolini: Apud Georgium Reimerum.

Bibikhin, V. V. (2005). *Wittgenstein: smena aspekta* [Wittgenstein, or The Asoect Change]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta istorii, filosofii i teologii Sv. Fomy.

Bydén, B. (2002). The Nature and Purpose of the *Semeioseis gnomikai*: The Antithesis of Philosophy and Rhetoric. In K. Hult (Ed. & Trans.), *Theodore Metochites on Ancient Authors and Philosophy. Semeioseis gnomikai 1–26 & 71* (pp. 245–288). Göteborg: Acta Universitatis Gothoburgensis.

Cresci, L. R. (1997). Note critiche sul saggio 67 degli Hypomnematismoi di Teodoro Metochita. *Orpheus. Rivista di umanità classica e Cristiana*, XVIII(2), 420–434.

Daley sj, B. E. (Trans.). (2017). Leontii Byzantini contra Nestorianos et Euty-chianos. In B. E. Daley sj (Ed.), *Leontius of Byzantium. Complete Works* (pp. 125–268). New York: Oxford University Press.

Demetracos, D. (1954). *Mega lexicon holes tes hellenikes glosses* (Vols. 1–15). Athens: Domi A. E.

Dennis, G. T. (1988). The Byzantines as Revealed in their Letters. In J. Duffy, & J. Peradotto (Eds.), *Gonimos. Neoplatonic and Byzantine Studies Presented to Leendert G. Westerink at 75* (pp. 155–165). Buffalo; New York: Arethusa.

Domaradzki, M. (2014). Teodor Metochites o ironii filozofów [Theodore Metochites on the Irony of Philosophers]. *Peitho. Examina antiquae*, I(5), 295–300.

Garzya, A. (1985). Visages de l'hellénisme dans le monde byzantin (IVe – XIIe siècles). *Byzantion*, 55(2), 463–482.

Guber, A. A. (Ed. & Trans.). (1994). *Vico Giambattista. Osnovaniia novoi nauki ob obshchhei prirode natsii* [Vico Giambattista. Foundations of the New Science on the Common Nature of Nations]. Moscow; Kiev: REFL Book.

Hintikka, J. (1973a). Aristotle and the Ambiguity of Ambiguity. In J. Hintikka. *Time and Necessity. Studies in Aristotle's Theory of Modality* (pp. 1–26). Oxford: Clarendon Press.

Hintikka, J. (1973b). Aristotle on the Realization of Possibilities. In J. Hintikka. *Time and Necessity. Studies in Aristotle's Theory of Modality* (pp. 93–113). Oxford: Clarendon Press.

Hintikka, J. (1973c). On Aristotle's Modal Syllogistic. In J. Hintikka, *Time and Necessity. Studies in Aristotle's Theory of Modality* (pp. 135–146). Oxford: Clarendon Press.

Hintikka, J. (1973d). Time, Truth, and Knowledge in Aristotle and Other Greek Philosophers. In J. Hintikka, *Time and Necessity. Studies in Aristotle's Theory of Modality* (pp. 62–92). Oxford: Clarendon Press.

Hult, K. (2004). Theodore Metochites as a Literary Critic. In J. O. Rosenqvist (Ed.), *Interaction and Isolation in Late Byzantine Culture. Papers Read at a Colloquium Held at the Swedish Research Institute in Istanbul, 1–5 December, 1999* (pp. 44–56). Uppsala: Almqvist & Wiksell Tryckeri.

Hult, K. (Ed). (2002). *Theodore Metochites on Ancient Authors and Philosophy. Semeioseis gnomikai 1–26 & 71*. Göteborg: Acta Universitatis Gothoburgensis.

Jakobson, R. (2001). V poiskakh sushchnosti iazyka [Quest for the Essence of Language]. In Ju. S. Stepanov (Ed.), *Semiotika: Antologiya* [Semiotics: An Anthology] (pp. 111–126). Moscow; Ekaterinburg: Akademicheskii proekt.

Kermanidis, M. (2020). *Episteme und Ästhetik der Raummodellierung in Literatur und Kunst des Theodoros Metochites. Ein frühpalaiologischer Byzantiner im Bezug zur Frühen Neuzeit*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter.

Kripke, S. A. (1980). *Naming and Necessity*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Kristeva, J. (2001). Bakhtin, slovo, dialog i roman [Bakhtin, Word, Dialogue, and the Novel]. In K. G. Isupov (Ed.), *M. M. Bakhtin: pro et contra* (Vol. 1, pp. 213–243). St Petersburg: Izdatel'stvo Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii.

Kubitskii, A. V. (Trans.). (1976) Aristotel. Metafizika [Aristotle. Metaphysics]. In V. F. Asmus (Ed.), *Aristotel'. Sochineniia* [Aristotle. Works] (Vols. 1–4) (Vol. 1, pp. 65–367). Moscow: Mysl'.

Lampe, G. W. H. (Ed.). (1961). *A Patristic Greek Lexicon*. Oxford: Clarendon Press.

Magdalino, P. (2021). *Imperiia Manuila I Komnina (1143–1180)* [The Empire of Manuel I Comnenus (1143–1180)]. St Petersburg: Dmitrii Bulanin.

Makarov, D. I. (2019). An Irreproachable Dogmatics? Plotinus, Theodore Metochites and the Sixth Chapter of the Letter On Education. *Scrinium*, 15, 211–217.

Makarov, D. I. (2020). “Segodnia, kogda vremena uzhe pozdnie...”: Feodor Metokhit o sil'nykh i slabykh storonakh protsessa rechevoi kommunikatsii [“Today, when the Times Are too Late...”: Theodore Metochites on the Strengths and Weaknesses of the Speech Communication Process]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 48, 136–155. <https://doi.org/10.15826/adsv.2020.48.009>

Makarov, D. I. (Ed.). (2020). *Feodor Metokhit. Slovo o npravstvennykh problemakh, ili Ob obrazovannosti* [Theodore Metochites. On Morals, or On Education]. St Petersburg: Dmitrii Bulanin.

Makarov, D. I. (2021). Ob ispolzovanii noveishikh logik dlia postroeniia abstraktnykh modelei kommunikatsii i o primeneniі poslednykh k filosofii Feodora Metokhita (XIV v.) [On the Use of the Most Recent Logical Systems for Building Abstract Communication Patterns and on the Applicability of the Latter for Studying Theodore Metochites' (14th Century) Philosophy]. *Khristianskoe chtenie*, 4, 258–273.

Medvedev, I. P. (1997). *Vizantiiskii gumanizm XIV–XV vv.* [Humanism of the Fourteenth and Fifteenth Centuries]. St Petersburg: Aleteiia.

Minio-Paluello, L. (Ed.). (1961). *Aristotelis Categoriae et Liber de interpretatione*. Oxford: Clarendon Press.

Müller, Ch. G., & Kiessling, Th. (Eds.). (1821). *Theodori Metochitae Miscellanea philosophica et historica*. Lipsiae: Sumptibus F. C. G. Vogelii.

Paducheva, E. V. (2010). *Semanticheskie issledovaniia. Semantika vremeni i vida v russkom iazyke; Semantika narrativa* [Studies in Semantics. Tense and Aspect Semantics in Russian; Semantics of Narration]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.

Элементы теории коммуникации в «Памятных записках»

Papaioannou, S. (2017). Rhetoric and Rhetorical Theory. In A. Kaldellis, & N. Siniossoglou (Eds.), *The Cambridge Intellectual History of Byzantium* (pp. 101–112). Cambridge: Cambridge University Press.

Perczel, I. (2020). Revisiting the Christian Platonism of Pseudo-Dionysius. In A. A. Orlov (Ed.), *Jewish Roots of Eastern Christian Mysticism. Studies in Honor of Alexander Golitzin* (pp. 267–307). Leiden; Boston: Brill.

Platonov, R. S. (2016). Obshchenie (homilia) v etike Aristotelia [Communication in Aristotle's Ethics]. In V. V. Petrov (Ed.), *Aristotelevskoe nasledie kak konstituiruiushchii element evropeiskoi ratsional'nosti. Moskovskaia mezhdunarodnaia konferentsiia po Aristoteliiu (17–19 oktiabria 2016 g., Institut filosofii RAN): materialy k dokladam* [The Aristotelian Legacy as a Constituent of the European Rationality. Proceedings of the Moscow International Aristotle Conference, October 17–19, 2016] (pp. 31–32). Moscow: Akvilon.

Polemis, I. (Ed.). (2015). *Theodori Metochitae Carmina*. Turnhout: Brepols.

Salinger, H. (1970). Time in the Lyric. In S. Mews (Ed.), *Studies in German Literature of the Nineteenth and Twentieth Centuries. Festschrift for Frederic E. Coenen* (pp. 157–173). Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Sedakova, O. A. (2020). Apologiia ratsional'nogo [An Apology for the Rational]. In O. A. Sedakova, *Sergei Sergeevich Averintsev: Vospominaniia. Razmyshleniia. Posviashcheniia* [Sergei Sergeevich Averintsev: Recollections, Considerations & Dedications] (pp. 181–218). Moscow: Izdatel'stvo Sviato-Filaretovskogo instituta.

Ševčenko, I. (1981). Levels of Style in Byzantine Prose. *Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik*, 31(1), 289–312.

Ševčenko, I. (1974). Society and Intellectual Life in the Fourteenth Century. In M. Berza, & E. Stănescu (Eds.), *Actes du XIVe Congrès International des études byzantines (Bucarest, 6–12 septembre, 1971)* (Vol. 1, pp. 69–92). Bucarest: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

Steel, C. (1994). Le jeu du Verbe. À propos de Maxime, Amb. Ad Ioh. LXVII. In A. Schoors, & P. Van Deun (Eds.), *Philohistôr. Miscellanea in honorem Caroli Laga septuagenarii* (pp. 281–293). Leuven: Peeters.

Tartaglia, L. (1987). Il Saggio su Plutarco di Teodoro Metochita. In U. Criscuolo (Ed.), *Talariskos. Studia graeca Antonio Garzya sexagenario a discipulis oblata* (pp. 339–362). Napoli: M. D'Auria editore.

Trapp, E. (Ed.). (2001). *Lexikon der byzantinischen Gräzität* (Vol. 1: A–K). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Uspenskij, B. A. (2012). *Ego loquens. Iazyk i kommunikatsionnoe prostranstvo* [Ego loquens. Language and the Space of Communication]. Moscow: Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta.

Vasyukov, V. L. (2016). Aristotel' o vzaimootnoshenii logiki i ontologii [Aristotle on the Relationship between Logic and Ontology]. In V. V. Petrov (Ed.), *Aristotelevskoe nasledie kak konstituiruiushchii element evropeiskoi ratsional'nosti. Moskovskaia mezhdunarodnaia konferentsiia po Aristoteliiu (17–19 oktiabria 2016 g., Institut filosofii RAN): materialy k dokladam* [The Aristotelian Legacy as a Consi-

Д. И. Макаров

tuent of the European Rationality. Proceedings of the Moscow International Aristotle Conference, October 17–19, 2016] (pp. 13–14). Moscow: Akvilon.

Xenophontos, S. (2018). The Byzantine Plutarch: Self-identity and Model in Theodore Metochites' Essay 71 of the Semeioseis gnomikai. In J. North, & P. Mack (Eds.), *The Afterlife of Plutarch* (pp. 23–39). London: University of London.

Zhebeliov, S. A. (Trans.). (1984). Aristotel. Politika [Aristotle. Politics]. In A. I. Dovatur, & F. H. Kessidi (Eds.), *Aristotel'. Sochineniia* [Aristotle. Works], (Vols. 1–4) (Vol. 4, pp. 375–644). Moscow: Mysl'.

Макаров Дмитрий Игоревич

доктор философских наук, доцент

1) заведующий кафедрой общих
гуманитарных дисциплин

Уральская государственная
консерватория им. М. П. Мусоргского
620014, Екатеринбург, пр. Ленина, 26

2) профессор кафедры истории
Древнего мира и Средних веков
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: dimitri.makarov@mail.ru

Makarov, Dmitrii Igorevich

Dr. Hab. (Philosophy), Associate Professor

1) Head of the General Humanities
Department

M.P. Mussorgsky Ural State Conservatoire
26 Lenin Ave, 620014, Ekaterinburg, Russia

2) Professor
Ancient and Medieval History Department
Ural Federal University

51 Lenin Ave, 620000, Ekaterinburg, Russia

Email: dimitri.makarov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3902-6190>

ResearcherID: G-7126-2019

Н. Г. Пашкин

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

ВИЗАНТИЯ И ЗАПАД НА ПУТИ К КОНСТАНЦСКОМУ СОБОРУ

В статье исследуются отношения Византии и латинского Запада накануне Констанцского собора (1414–1418). Собор в Констанце рассматривается в контексте столкновения между королем Сигизмундом Люксембургом и Венецианской республикой. Проект церковного собора возник с целью разрешения данного конфликта при посредничестве папы римского. В этом же был заинтересован и византийский император Мануил II Палолог, так как европейский конфликт сопровождался попыткой Сигизмунда организовать крестовый поход против османов. Однако идея короля о союзе против турок шла вразрез с интересами Византии, которая в тех условиях стремилась сохранить нейтралитет. Высказывается предположение, что настоящей целью византийского императора было содействие посреднической миссии папы. Контакт между ними был возможен в форме переговоров о церковной унии. Под этим углом зрения освещается визит в Констанц в 1415 г. византийского дипломата Мануила Хрисолоры. По мнению автора, ситуация осложнялась тем, что до начала собора не сложились предпосылки разрешения конфликта между западными государствами. Это актуализировало обсуждение на Констанцском соборе проблемы латинской схизмы и сделало неизбежным низложение антипапы Иоанна XXIII. Таким образом, решение проблемы, которая стояла перед греками, отодвигалось до выборов нового римского понтифика.

Ключевые слова: Византия; Венеция; Флоренция; Констанцкий собор; Сигизмунд Люксембург; антипапа Иоанн XXIII; турки

Цитирование: *Пашкин Н. Г.* Византия и Запад на пути к Констанцскому собору // Античная древность и средние века. 2021. Т. 49. С. 277–304. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.018>

Поступила в редакцию 06.08.2021

Принята к печати 11.10.2021

Н. Г. Пашкин

Nikolai G. Pashkin

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

BYZANTIUM AND THE WEST ON THE WAY TO THE COUNCIL OF CONSTANCE

This paper examines the connections of the Byzantine Empire and the Latin West on the eve of the Council of Constance. This Council has been analysed in the context of the conflict of King Sigismund of Luxembourg and the Republic of Venice. The project of the church council appeared in order to solve the conflict with the Roman pope as the mediator. Byzantine Emperor Manuel II Palaiologos had the same interest as the European conflict was accompanied with Sigismund's attempt of arranging an anti-Ottoman crusade. However, the King's idea of an anti-Turk alliance contradicts to the interests of Byzantium which tried to keep neutrality under the current conditions. The author suggests that the Byzantine Emperor's real aim was to assist the pope's intermediary mission. Their contact was possible as negotiations concerning the church union. Byzantine diplomatist Manuel Chrysoloras' visit to Constance has been analysed from the said standpoint. The situation was complicated by the fact that the prerequisites for solving the conflict of Western powers did not develop before the Council started. Therefore, the discussion of the Latin schism became topical at the Council of Constance, and the deposition of the Antipope John XXIII became inevitable. Thus, the solution of the problem facing the Greeks was postponed until the election of a new Roman pontiff.

Keywords: Byzantium; Venice; Florence; Council of Constance; Sigismund of Luxembourg; Antipope John XXIII; Turks

For citation: Pashkin, N. G. (2021). Vizantiia i Zapad na puti k Konstantsskomu soboru [Byzantium and the West on the Way to the Council of Constance]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 49, 277–304. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.018>

Submitted: 06.08.2021

Accepted: 11.10.2021

В истории Констанцского собора (1414–1418) отношения Византии и Запада оставили едва заметный след¹. Он затмевается такими известными событиями, как ликвидация Великой латинской схизмы (1378–1417), положившая конец троепапству, суд над Яном Гусом и,

¹ О византийском присутствии на Констанцском соборе см.: Пашкин Н. Г. Византия в европейской политике первой половины XV в. Екатеринбург, 2007. С. 59–63; Brandmüller W. Das Konzil von Konstanz 1414–1418. Paderborn, 1997. Bd. 2. S. 185–199; Kolditz S. Byzanz und das Konstanzer Konzil (1418–1418). Beobachtungen zur griechischen Präsenz und zur vorkonziliaren Korrespondenz Sigismunds und Manuels II // JÖB. 2017. Bd. 67. S. 43–64.

наконец, церковная реформа. Само появление греков в Констанце историография обычно рассматривает как одно из многочисленных звеньев в последующей цепочке контактов, целью которых была церковная уния между Константинополем и Римом. Традиционно считается, что таким способом византийцы стремились заручиться поддержкой западных христиан в своей борьбе против турок. Однако анализ международных отношений, подготовивших собор, позволяет прийти к выводу, что в действительности проблема гораздо сложнее. Вопросы встают уже при тщательном знакомстве с документом, послужившим основанием для приезда византийского посольства в немецкий город, расположенный на берегу Боденского озера.

Констанцский собор в своих истоках был результатом политики короля Сигизмунда Люксембурга (венгерский король в 1387–1437 гг., с 1410 г. – римско-германский король, с 1433 г. – император)². Из его же канцелярии летом 1414 г., за несколько месяцев до открытия церковного форума, вышло письмо, адресованное византийскому императору Мануилу II Палеологу (1391–1425)³. Именно в нем содержалось официальное предложение направить в Констанц миссию из Константинополя. Это обращение Сигизмунда на самом деле было продолжением его политических контактов с Востоком, начавшихся несколькими годами ранее. Два предыдущих послания короля, хорошо известные в историографии, были отправлены в Константинополь не позднее весны 1412 г.⁴ В обоих документах автор ставил перед правителем Византии вопрос о церковной унии и о возможном союзе против турок. В письме, которое уверенно можно отнести к марту-апрелю 1412 г., имела место также попытка использовать Византию в военном конфликте короля с Венецией (1411–1413).

Письмо от 1414 г., как следует из его содержания, являлось реакцией Сигизмунда на визит византийского дипломата Иоанна Хрисолоры. При беглом рассмотрении цель посольства выглядит лежащей на поверхности. Текст источника позволяет сделать внешне вполне закономерный вывод, что Византия искала на Западе помощи против турок. По словам Сигизмунда, от Хрисолоры он узнал о тяжелых бедствиях, которые переживала греческая столица. Ответ, данный королем, в таком случае должен был пробудить надежду на Востоке. Люксембург сообщал императору Мануилу II о предстоящем соборе в Констанце, назначенном на ноябрь

² О роли короля Сигизмунда в подготовке Констанцского собора см.: *Brandmüller W.* Das Konzil von Konstanz 1414–1418. Paderborn, 1990. Bd. 1. S. 116–127.

³ *Acta Concilii Constanciensis / Hrsg. H. Finke.* Münster, 1896. Bd. 1. № 113. S. 399–401 (далее – АСС).

⁴ АСС. Bd. 1. № 111. S. 391–394; № 112. S. 394–399. К вопросу о датировке этих источников см.: *Kolditz S.* Byzanz und das Konstanzer Konzil... S. 46–50.

того же года, и рекомендовал отправить туда византийскую миссию. Он считал нужным подчеркнуть, что будет рад снова увидеть во главе нее Иоанна Хрисолору либо же иного посланника⁵. Автор утверждал, что на открывающемся соборе он рассчитывает обсудить меры по борьбе с турками⁶. Речь, таким образом, шла о вероятном проекте Крестового похода, в котором Византия, по его мнению, могла принять участие.

Однако встает вопрос: действительно ли цель визита Иоанна Хрисолоры на Запад, вытекающая из такой трактовки источника, соответствовала характеру военно-политической обстановки на Востоке? К моменту его приезда прошел примерно год с того времени, как там завершился период османского «междоусобия» (1402–1413). На престол в Адрианопле взошел Мехмед I (1413–1421), которого Византия поддержала в борьбе с предыдущим турецким правителем – Мусой Челеби (1411–1413). Впервые после битвы при Анкаре (1402) держава османов вновь приобрела формально единого лидера. Положение Мехмеда I, правда, не было прочным. После номинального утверждения в Румелии ему еще предстояло обеспечить себе твердое признание в Анатолии. Но тем меньше оснований могло у него быть для расторжения союзных отношений с Константинополем. Между Византией и султаном царил мир. Конечно, император мог рассматривать его как временную передышку и спешить с поиском союзников на Западе. Но можно допустить, что альтернативой такому пути был курс на закрепление, а не разрушение мира.

Отношения византийского правителя с новым предводителем османов напоминали фундамент, на котором строился договор, заключенный в Галлиполи в 1403 г. после битвы при Анкаре с его братом Сулейманом (1402–1411)⁷. Он просуществовал несколько лет и был уничтожен лишь по причине междоусобицы внутри османской династии. По ее окончании договор связывал Мехмеда I не только с Византией. Союзником султана был сербский деспот Стефан Лазаревич (1389–1427). Мирные отношения установились у него даже с недавним противником – валашским господарем Мирчей I (1386–1418)⁸. Из опыта десятилетней давности вполне могла возникнуть идея включения в эту систему и латинских государств, имеющих интересы

⁵ ACC. Bd. 1. S. 401 (см. сноску № 3): «...nobilem Johannem Chrissoloram... ad vestram presentiam redeuntem vestre celsitudini commendamus. Et... vel mittere decreveritis alios nuncios... eos gratanter videbimus...»

⁶ Ibid.: «Concilium profecto generale sollicitudinis nostre cura dirigente in Alamania in civitate Constanciensi... providimus convocandum... in quo... speramus contra infideles paganos et precipue Turcos remedia vobisque et... civitati Constantinopolitane de magnificis studiis providere».

⁷ Dennis G. The Byzantine-Turkish Treaty of 1403 // OCP. 1967. Vol. 33. P. 72–88.

⁸ Jorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches. Gotha, 1908. Bd. 1. S. 362.

Византия и Запад на пути к Константинопольскому собору

на Востоке. В их числе, безусловно, находились Венгерское королевство и Венецианская республика.

Сложность решения задачи заключалась в противоречиях, сталкивающих эти две силы на Балканах и уже спровоцировавших первую вспышку военного конфликта между ними в 1411–1413 гг. Но именно поэтому перед Византией открывалась возможность, используя союзный договор с султаном и собственный нейтралитет, выступить в роли универсального посредника. Играя эту роль, император оказывался бы, с одной стороны, стоящим между османами и условным Западом, а с другой – между силами, входившими в него. Предложение о посредничестве действительно было сделано императором. О нем известно по реакции венецианского Сената, имевшей место в январе 1414 г.⁹ Воцарение Мехмеда I произошло в июле предыдущего года. Если предположить связь между этими событиями, то необходимо задать вопрос: чего же выжидал византийский правитель в течение нескольких месяцев? Ответ на него следует искать в текущей ситуации на Западе. Но прежде необходимо завершить перечень проблем, возникающих при знакомстве с источником.

Текст документа отличает особенность, на которую обратил внимание еще его издатель Г. Финке, сопоставляя последнее перед Константинопольским собором послание короля в Константинополь с двумя предыдущими обращениями его к императору Мануилу II¹⁰. На этот раз Сигизмунд даже не коснулся вопроса о церковной унии. Позиция короля каким-то образом изменилась за те два года, в течение которых было подписано его перемирие с Венецией и решен вопрос о месте и времени проведения собора. Говоря об этом, нельзя пройти мимо еще одного факта, над которым заставляет задуматься источник. Хотя организация собора была абсолютной заслугой Сигизмунда, формально он все-таки созывался папой Иоанном XXIII (1410–1415). Поскольку западная церковь продолжала жить в условиях Великой латинской схизмы, то последний был одним из трех антипап наряду с такими фигурами, как Григорий XII (1406–1415) и Бенедикт XIII (1394–1417). В одном из предыдущих посланий на Восток Сигизмунд, поднимая вопрос о церковной унии, делал хорошо заметный акцент на признании им исключительной легитимности Иоанна XXIII (*unicus, verus papa*)¹¹. Напротив, письмо с приглашением византийского посольства на Константинопольский собор, кроме того, что оно не касается униатской тематики, не содер-

⁹ Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 bis 1453. München ; Berlin, 1965. Bd. 5. № 3335; Régestes des délibérations du sénat de Venise concernant la Romanie / ed. F. Thiriet. Paris, 1959. T. 2. № 1514; Jorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades XVe siècle. Paris ; Bucarest, 1899. Bd. 1. P. 217.

¹⁰ ACC. Bd. 1. S. 400. Anm. 2.

¹¹ Ibid. S. 393 (см. сноску 4).

жит также ни одного упоминания о понтифике. В тот момент никаких официальных перемен в отношениях между ним и королем не наблюдалось, из-за чего молчание Люксембурга о папе выглядит странно.

Ко всему сказанному остается добавить деталь, которая только на первый взгляд не вызывает вопросов. Сигизмунд пожелал увидеть в качестве вероятного представителя императора на Констанцском соборе Иоанна Хрисолору, с которым он провел последние переговоры. За его упоминанием последовала, как может показаться, тактичная оговорка о том, что в этой роли могут прибыть и другие лица. Надо заметить, одно из таких неназванных лиц было автору письма очень хорошо знакомо и имело не меньше шансов стать будущим послом. Но почему-то король не назвал его имени.

Речь идет о старшем родственнике Иоанна Хрисолоры – Мануиле, который в тот момент был недалеко. Иоанн, скорее всего, встречался с Сигизмундом на северо-западе Италии в местечке Понтестура. Известно, что там 15 июня 1414 г. король принял его в состав своего двора, присвоив византийскому послу почетный титул *comes palatinus*¹². Сообщая о проведенных переговорах в Константинополь, Сигизмунд упоминал дипломата в этом качестве, тем самым подчеркивая свое особое доверие к нему. В Константинополе могли бы оценить это. Тем примечательнее, что через полгода в Констанц отправится все-таки не Иоанн Хрисолора, а именно Мануил. Последний с 1407 г. находился на Западе, а с самого начала понтификата Иоанна XXIII входил в его окружение¹³. Мануил, кроме того, встречался с Сигизмундом, находясь в составе папского посольства в момент принятия ключевых решений о созыве Констанцкого собора. Имелись, таким образом, основания ожидать, что точно так же вместе с папой он явится на собор. Однако загадочный язык королевского письма словно просил византийского императора назначить для этой миссии Иоанна. Дело, конечно, было вовсе не в самой личности будущего посла, которого Сигизмунд хотел бы встретить на Констанцском соборе. Можно предположить, что молчание о Мануиле проистекало из умолчания короля о папе, возле которого долгое время находился Хрисолора. Иными словами, Люксембург избегал упоминания его имени, так как

¹² Regesta Imperii XI: Die Urkunden Kaiser Sigmunds (1410–1437) / Hrsg. W. Altmann. Innsbruck, 1896–1897. Bd. 1. № 981. По имеющимся данным, такой же титул король одновременно пожаловал и Мануилу Хрисолоре, хотя о пребывании последнего в Понтестуре ничего не известно (см.: Regesta Imperii XI... № 983). В связи с этим еще сильнее обращает на себя внимание тот факт, что Сигизмунд не упомянул о нем в письме императору.

¹³ Thorn-Wickert L. Manuel Chrysoloras. Eine Biographie des byzantinischen Intellektuellen vor dem Hintergrund der hellenistischen Studien in der italienischen Renaissance. Frankfurt/M., 2006. S. 73–87.

Византия и Запад на пути к Констанцскому собору

косвенно оно указывало на понтифика. Этим он исключал любую нарек на свое отношение к последнему. Возможно и другое объяснение, не исключающее, а дополняющее первое. Король давал понять императору о своем желании, чтобы тот, принимая решение об отправлении посольства на церковный собор, отказался от политического курса, который каким-то образом ассоциировался с фигурой Мануила Хрисолоры. Чтобы получить ответ на поставленные вопросы, необходимо обратиться к самым истокам собора в Констанце.

Собор берет свое начало в недрах европейской политики, где в это время разыгрывался конфликт Сигизмунда Люксембурга с Венецией. Поводом к нему стали притязания морской Республики на Далмацию, считавшуюся владением венгерской короны. После избрания Сигизмунда римским королем (1410/1411) борьба перешла в плоскость противостояния Венеции со Священной Римской империей, из-за чего ее главной ареной стали не Балканы, а Италия. В результате особое значение здесь приобретал папа. В его руках была возможность признать права Люксембурга на императорскую корону. Потенциальный союз понтифика с Сигизмундом оказывался дамкловым мечом, который висел над Венецией, и есть серьезные основания считать, что манипулировать этим мечом пытался еще один участник тех событий – Флоренция¹⁴. Впрочем, последняя, в свою очередь, сама рисковала оказаться под ударом такого серьезного игрока, как неаполитанский король Владислав Дураццо (1386–1414).

На политической доске папа фактически был управляемой фигурой. Опыт истории латинской схизмы, тянувшейся с 1378 г., уже подсказывал, что такую фигуру можно попросту создать и ввести в игру. Именно это продемонстрировал собор в Пизе 1409 г., созданный под благовидным предлогом ликвидации церковного раскола на Западе¹⁵. Главными творцами собора стали Флоренция и французская корона. По своей природе он был зеркалом этого политического альянса, который поддержали группы кардиналов, вышедшие из партий обоих антипап – «авиньонского» Бенедикта XIII и «итальянского» Григория XII. В Пизе те были заочно низложены, после чего первый сохранил покровительство лишь в Испании, а второй до лета 1412 г.

¹⁴ О происхождении и развитии конфликта Сигизмунда с Венецией сквозь призму интересов итальянских государств см.: Пашкин Н. Г. Средиземноморский вектор международных отношений в зеркале конфликта Сигизмунда Люксембурга с Венецией (1411–1413) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. URL: <https://history.jes.su/s207987840015139-1-1/>

¹⁵ *Girgensohn D.* Von der konziliaren Theorie des späteren Mittelalters zur Praxis: Pisa 1409 // *Vorträge und Forschungen.* 2007. Bd. 67 : Die Konzilien von Pisa (1409), Konstanz (1414–1418) und Basel (1431–1449). S. 61–94.

находился под защитой неаполитанского короля Владислава и имел значительную группировку своих сторонников в Германии. Пизанский собор провозгласил новым законным папой Александра V (1409–1410), которого уже через год сменил кардинал из его круга Бальтазар Косса, принявший имя Иоанна XXIII. Его выдвижению опять поспособствовала Флоренция¹⁶. При ее же участии силами герцога Анжуйского у неаполитанского короля был отбит Рим, куда понтифик въехал весной 1411 г. Правда, закрепиться в Италии французы не смогли.

В результате Пизанского собора латинская схизма не исчезла, приняв теперь форму «троепапства». Однако очевидный смысл произошедшего был не в попытке ее ликвидации, а в том, что еще один созданный папа стал источником напряжения между Римом и Неаполем. Вскоре он же явился одной из знаковых фигур в начавшемся конфликте между Венецией и королем Сигизмундом. Через два месяца после Пизанского собора Республика св. Марка заключила сделку с правителем Неаполя Владиславом, оспаривавшим у Люксембурга венгерскую корону и вместе с ней принадлежавшие ей номинальные права на адриатические порты Далмации. Выкупив эти права у Владислава, Венеция лишь после этого присоединилась к «пизанскому» церковному лагерю¹⁷. Следом началась сложная политическая интрига, в которой морская Республика могла рассчитывать на использование понтифика в деле соглашения с Сигизмундом. С одной стороны, папа был в состоянии способствовать избранию последнего римским королем, узаконить его права на императорскую корону и заключить с ним союз против общего врага – Неаполя. Но для гипотетического похода в Италию наиболее надежный маршрут лежал через венецианскую терраферму. Венеция в такой ситуации была вправе ожидать, что папа признает претензии Сигизмунда на корону не ранее, чем тот договорится с морской Республикой.

За развитием отношений в треугольнике, связавшем венгерского короля, «пизанского» папу и Венецию, пристально следили из Константинополя, поскольку в конфликте латинских государств, очевидно, начинала разыгрываться турецкая карта. Это выразилось в одновременном обострении опасной для Византии борьбы между османскими династиями – Сулейманом и Мусой. В июне 1410 г. византийские дипломаты Мануил и Иоанн Хрисолоры оказались в Болонье. Здесь состоялась первая встреча посланника от Сигизмунда с «пизанским»

¹⁶ О роли Флоренции в избрании и утверждении папы Иоанна XXIII см.: *Brandmüller W.* Papst und Konzil im Grossen Schisma (1378–1431). Studien und Quellen. Paderborn, 1990. S. 71–84.

¹⁷ К вопросу о церковной политике Венецианской республики после Пизанского собора см.: *Girgensohn D.* Kirche, Politik und adelige Regierung in der Republik Venedig zu Beginn des 15. Jahrhunderts. Göttingen, 1996. Bd. 1. S. 337–343.

Византия и Запад на пути к Констанцскому собору

папой, на место которого всего за несколько недель до этого вступил Иоанн XXIII¹⁸. Византия, вероятно, уже тогда стремилась к посредничеству в урегулировании конфликта. В присутствии греков Сигизмунд имел возможность предложить на рассмотрение папы проект церковной унии и в этой форме выразить гарантированное признание понтифика, получив от него взамен права на императорскую корону. Но согласие Византии на переговоры об унии могло быть обусловлено обязательством самого папы перед Венецией признать претензии короля лишь после соглашения его с Республикой. Такой подход был вполне разумным: Сигизмунд получал бы корону, папа – защиту от Неаполя, Венеция – Далмацию, а Византия – урегулирование на Балканах в форме, скорее всего, близкой к договору 1403 г. Однако мир так и не был достигнут. В сентябре 1411 г. Сигизмунд, отвергнув все предложения Венеции, объявил ей войну. Это произошло через два месяца после того, как лояльные именно «пизанскому» папе курфюрсты провозгласили его римским королем¹⁹.

На пике военной фазы конфликта в апреле 1412 г. папа открыл церковный собор в Риме, который можно считать предтечей будущего форума в Констанце²⁰. На этом соборе Сигизмунд рассчитывал получить императорскую корону, что стало бы основанием для его похода в Италию. В планы Люксембурга уже тогда входил союз с византийским императором, которому он предлагал обсудить с понтификом вопрос о церковной унии²¹. Одновременно в близком по содержанию письме английскому монарху Генриху IV (1399–1412) король называл своей конечной целью крестовый поход против турок²². Фактически Венеции навязывался выбор. С одной стороны, эта была перспектива продолжения войны с Сигизмундом, грозившим собрать северную коалицию и с благословения папы начать поход за Альпы. Внешний контроль над Миланом и Неаполем не оставил бы Венеции никаких шансов на успех. С другой стороны, она могла избежать этого в форме

¹⁸ *Beckmann G.* Der Kampf Kaiser Sigmunds gegen die werdende Weltmacht der Osmanen. Gotha, 1902. S. 25–27, 35–36, 117–118. По окончании встречи Иоанн должен был вернуться на родину, а Мануил оставался на Западе в окружении папы Иоанна XXIII (см.: ACC. Bd. 1. S. 234; *Thorn-Wickert L.* Manuel Chrysoloras... S. 82–83). Об обстоятельствах, подготовивших эту встречу и сопутствующих ей см.: *Пашкин Н. Г.* О византийской реакции на Пизанский собор 1409 г. // АДСВ. 2019. Т. 47. С. 224–247; *Его же.* К вопросу о цели византийской атаки на Галлиполи 1410 г. // АДСВ. 2020. Т. 48. С. 156–171.

¹⁹ Первое избрание Сигизмунда состоялось еще в сентябре 1410 г. при участии сторонников антипапы Григория XII. См.: *Hoensch K. J.* Kaiser Sigismund. Herrscher an der Schwelle zur Neuzeit 1368–1437. München, 1996. S. 148–156.

²⁰ Об истории Римского собора 1412–1413 гг. см.: ACC. Bd. 1. S. 108–168.

²¹ ACC. Bd. 1. S. 393–394 (см. сноску 4).

²² *Ibid.* № 21. S. 88–92.

почетной капитуляции, поддержав идею крестового похода. По-видимому, именно на такой результат рассчитывал другой участник той сложной игры – Флоренция. Контакт ее с понтификом предшествовал решению, с которого события приняли новый оборот²³.

3 марта 1413 г. папа объявил о созыве нового собора, назначенного на декабрь. Однако вопрос о месте его созыва был временно оставлен открытым²⁴. Принятое решение означало, что вероятность скорого похода Сигизмунда вглубь Италии откладывается. На этом фоне ситуация несколько разрядилась, благодаря чему 17 апреля 1413 г. между Люксембургом и Венецией было подписано перемирие сроком на пять лет²⁵. Интрига состояла в том, что неопределенность с местом проведения будущего собора подразумевала возможность его созыва вне Италии. Отсюда следовало, что собор будет предшествовать итальянскому походу Сигизмунда, а не станет его триумфальным завершением, склоняющим Венецию к миру на условиях короля. У него был лишь определенный резерв времени, чтобы попытаться отстоять именно последнюю возможность и подготовить для такого похода надежный плацдарм. Его роль должна была сыграть Ломбардия. В результате немедленно после перемирия, заключенного с Венецией, объектом устремлений Сигизмунда стал Милан.

Формально Люксембург мог требовать подчинения себе миланского правителя Филиппо Мария Висконти (1412–1447), так как Милан считался номинальным владением империи. Но в 1395 г. при правлении Джан Галеаццо (1395–1402) он получил статус герцогства, пожалованный королем Венцелем (1376–1400, чешский король в 1378–1419 гг.). Это стало решающей причиной, вызвавшей задолго до описываемых событий конфликт последнего с курфюрстами и доившей его короны²⁶, обладателем которой теперь был его брат Сигизмунд. В отношениях между ним и Миланом отныне стоял вопрос о том, признает ли новый король герцогский титул за Филиппо Мария. Сигизмунд стремился избежать этого. Во-первых, возникала угроза возбудить недовольство курфюрстов и повторить судьбу Венцеля. Во-вторых, не в интересах

²³ Herre H. Die Beziehungen König Sigmunds zu Italien von Herbst 1412 bis zum Herbst 1414 // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. 1902. Bd. 4. S. 19. Anm. 3.

²⁴ Собор, созванный в Риме в апреле 1412 г., был распущен. Место нового собора папа обещал назначить в течение трех месяцев, но в действительности это произошло осенью 1413 г. См.: ACC. Bd. 1. № 40. S. 165–167.

²⁵ Regesta Imperii XI... № 464; Schiff O. König Sigmunds italienische Politik bis zur Romfahrt (1410–1431). Frankfurt/M, 1909. S. 31.

²⁶ После низложения Венцеля Люксембурга в 1400 г. римским королем был провозглашен Рупрехт III Пфальцский (1400–1410).

Византия и Запад на пути к Констанцскому собору

самого Люксембурга было признание за новым миланским правителем права на воссоздание державы Джан Галеаццо, а потому он готовился решать проблему подчинения Милана силой.

Угроза вторжения Сигизмунда в Ломбардию немедленно привела в движение Неаполь. В мае 1413 г. Владислав нарушил договор с папой, начал движение на Рим и уже 8 июня овладел городом. Курия бежала во Флоренцию. Последняя, не желая провоцировать неаполитанского правителя, разрешила понтифику пребывание лишь вне городских стен. Тем временем ее представители вступили в переговоры с Сигизмундом, чей двор находился тогда у границ Ломбардии. На переговорах рассматривалась возможность объединения усилий папы, Флоренции и короля против Владислава. Итогом стало знаковое решение понтифика. В июле 1413 г. он напрямую обратился к Сигизмунду. Папа предлагал вместе с Люксембургом решить вопрос о месте проведения церковного собора²⁷. 25 августа для переговоров по этому предмету он назначил миссию из двух кардиналов, в которую был включен Мануил Хрисолора, уже давно и неотступно сопровождавший понтифика²⁸. Так на пути, ведущем к Констанцскому собору, появился византийский след.

6 сентября посольство папы выехало на встречу с королем, которая впоследствии состоялась в местечке Тессерете в южной Швейцарии. Факт его прибытия туда зафиксирован 13 октября. Судя по времени, делегация не торопилась и, следовательно, дата начала переговоров зависела от меняющихся на ходу обстоятельств, которые можно проследить. Более чем за месяц произошли действительно серьезные события. 12 сентября Сигизмунд, находясь в швейцарском Куре, заключил союз с герцогом Карлом Орлеанским²⁹. Всего несколькими неделями ранее группировка орлеанистов пришла к власти в Париже. Таким образом, было заложено основание союза между Люксембургом и французской короной. Другим событием стал союз между Флоренцией и папой, заключенный 26 сентября³⁰. Фактически он был обращен против Неаполя. В те же дни Сигизмунд переступил границу Ломбардии. Всё шло к тому, что запланированные переговоры в Тессерете, на которых предстояло связать римского короля с понтификом, завершат процесс создания альянса в составе империи, Франции, Флоренции и папы. Сила этого

²⁷ ACC. Bd. 1. № 42. S. 237–239; Göller E. König Sigismunds Kirchenpolitik vom Tode Bonifaz' IX bis zur Berufung des Konstanzer Konzils (1404–1413). Freiburg/Br., 1902. S. 141.

²⁸ Thorn-Wickert L. Manuel Chrysoloras... S. 99; Herre H. Die Beziehungen König Sigmunds zu Italien... S. 29.

²⁹ Reitemeier A. Aussenpolitik im Spätmittelalter: Die diplomatischen Beziehungen zwischen dem Reich und England 1377–1422. Paderborn, 1999. S. 266.

³⁰ Herre H. Die Beziehungen König Sigmunds zu Italien... S. 33; Schiff O. König Sigmunds italienische Politik... S. 47. Anm. 4.

альянса должна была изолировать Милан, сдержать Неаполь и повлиять на позицию Венеции, вынудив ее пойти на уступки Люксембургу.

Неудивительно, что к переговорам Сигизмунда с папскими дипломатами в Тессерете добавилась встреча короля с посольством из Милана. 23 октября 1413 г. представители понтифика и сопровождавший их Мануил Хрисолора стали свидетелями принесения присяги на верность Люксембургу от имени Филиппо Мария Висконти³¹. Общим итогом переговоров явилось решение о месте проведения церковного собора. Его предстояло открыть в Констанце 1 ноября следующего года. 30 октября 1413 г. король опубликовал соответствующую грамоту³². Таким образом, местом форума провозглашался город, располагающийся все-таки к северу от Альп. Данное решение подразумевало, что поход Сигизмунда и его союзников в Италию откладывается и ставится в зависимость от итогов будущего собора. Но главный сигнал тем самым посылался Венеции. До начала конгресса Республике предоставлялась возможность достижения с королем соглашения о мире.

Здесь необходимо задаться вопросом о том, какой же смысл таился в присутствии Мануила Хрисолоры на переговорах в Ломбардии. Исследователи не находят оснований считать, что Хрисолора располагал наряду с кардиналами, присланными папой, статусом такого же дипломата, представлявшего интересы понтифика. Нет никаких данных и об участии его в переговорах³³. Следовательно, официально он не выступал и в качестве собственно византийского посла. Несмотря на это, Мануил упоминается в грамоте Сигизмунда о созыве собора как лицо, присутствовавшее при принятии соответствующего решения вместе с кардиналами (*nobilis Manuel, miles Constantinopolitanus*). Правда, о каком-либо предполагаемом участии греков в предстоящем событии там ничего не говорилось. Но имеется и другой документ. Это письмо Сигизмунда с приглашением на собор французскому королю Карлу VI (1380–1422)³⁴. Считается, что оно появилось одновременно с королевской прокламацией в последние дни октября 1413 г. Одной из задач будущего собора в том послании была названа церковная уния с Востоком³⁵. Хроника из Сен-Дени сообщает, что через

³¹ Herre H. Die Beziehungen König Sigmunds zu Italien... S. 31; Thorn-Wickert L. Manuel Chrysoloras... S. 100.

³² Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio / ed. J. D. Mansi. Paris ; Leipzig. 1903. Vol. 28. P. 1–2 (далее – Mansi).

³³ Thorn-Wickert L. Manuel Chrysoloras... S. 100–101.

³⁴ Mansi. Vol. 28. P. 3–6.

³⁵ Ibid. P. 6: «Agetur communi Concilio etiam de sedando vetustissimo antiqua et antiquata peste dissidio, quo universalis Ecclesiae unitatem Orientalis seu Græcorum dissensio damnabiliter secuit».

Византия и Запад на пути к Констанцскому собору

десять дней после переговоров в Ломбардии оттуда в Париж вернулось посольство с соответствующим докладом. Именно оно, таким образом, должно было доставить письмо от Люксембурга. Но автор хроники утверждал и то, чего в том письме не было. По его словам, он лично слышал от приехавших дипломатов, что Сигизмунд допускает возможность вызова на собор всех трех антипап³⁶. Как минимум, такое решение могло быть продиктовано необходимостью подтверждения легитимности одного из них³⁷. Однако Иоанн XXIII в тот момент пользовался безусловным признанием короля. К тому же этому папе и предстояло созывать собор.

По-видимому, все то, о чем идет речь, имело прямое отношение к появлению на октябрьских переговорах Мануила Хрисолоры. Именно ему были предназначены слова Сигизмунда о церковной унии, помещенные в послание Люксембурга французскому королю. Для этого достаточно было сделать открытым его содержание. Сам же способ трансляции объясняется тем, что разработкой повестки будущего собора занимался Парижский университет. Что касается другого заявления, дошедшего до нас через сообщение хрониста, то оно могло быть неофициально сделано в присутствии грека на встрече Сигизмунда с парижским посольством. Как ни странно, всего через полгода в его письме к византийскому императору тема церковной унии полностью исчезнет вместе с любым упоминанием о папе. Вместе с тем король словно забудет о старшем Хрисолоре, хотя Мануил был рядом с ним на исторической встрече, открывшей путь к Констанцскому собору. Отсутствие признаков наличия у византийца официального статуса не помешало королю вписать его имя в постановление от 30 октября.

Можно предположить, что в неофициальном характере присутствия и заключалась загадочная роль, которую играл Мануил в ходе предшествующих переговоров. В этом были заинтересованы все – папа, римский король и сам византийский император. Известный для всех факт заключался в том, что Хрисолора был близким другом последнего. Следовательно, через него можно было подать любой знак правителю в Константинополе. Именно эту цель преследовало заявление о церковной унии, сделанное Сигизмундом таким необычным образом. По-видимому, какое-то особое значение для византийцев имел и его тонкий намек на то, что в скором будущем положение «пизан-

³⁶ *Brandmüller W.* Das Konzil von Konstanz 1414–1418. Bd. 1. S. 119; ACC. Bd. 1. S. 219. Anm. 1.

³⁷ Существует опубликованное письмо короля антипапе Григорию XII с приглашением явиться на собор, которое также датируется в литературе концом октября 1413 г. (см.: Mansi. Vol. 28. P. 3). Однако о контактах Сигизмунда с ним в этот период нет никаких данных. Не исключено, что в тот момент письмо не было отправлено адресату.

ского» папы может пошатнуться. Сигизмунд явно зондировал почву на Востоке, рассчитывая получить положительный отзыв оттуда. Но присутствие Мануила Хрисолоры как частного лица означало необязательность ответной реакции из Византии на то, что он узнал. В лучшем случае грек был вправе заявить, что при удобном случае ознакомит императора с информацией, способной его заинтересовать. При этом за последним оставалась свобода в выборе формы и времени ответа, включая возможность отреагировать многозначительным молчанием. Таким образом, после октября 1413 г. можно было ожидать отклика из Византии параллельно с какими-то важными событиями, от исхода которых, вероятно, зависела судьба папы Иоанна XXIII.

Действительно, еще одним результатом переговоров, прошедших в октябре 1413 г., стала договоренность о личной встрече папы с Сигизмундом, запланированной на конец ноября в Лоди³⁸. Участие в ней также готовились принять итальянские союзники короля, делегаты от Флоренции и от герцога Карла Орлеанского, представлявшего французскую корону. Таким образом, на самом деле встреча превращалась в настоящий международный конгресс. Формально в его задачи входило закрепление решений по церковному собору путем личного обмена гарантиями между понтификом и Люксембургом. В политической плоскости конференция обещала стать местом соглашения ее участников против Неаполя. Но, как оказалось, конечная цель была в другом. По инициативе Флоренции в повестку был добавлен вопрос о мире между Сигизмундом и Венецией. Флоренция же начала вести переговоры с Республикой св. Марка о возможности ее участия в готовящемся мероприятии³⁹. Последняя не сразу дала согласие. Сигизмунд и папа Иоанн XXIII в конце ноября уже встретились в Лоди. Венеция же выдала назначение своим делегатам лишь 4 декабря⁴⁰. Можно считать неслучайным, что спустя пять дней папа Иоанн XXIII выпустил буллу о созыве собора в Констанце⁴¹. Тем самым он подтвердил октябрьские договоренности и вытекающий из них сценарий, по которому церковный собор должен был предшествовать гипотетическому походу Сигизмунда в Италию, а не наоборот. Теперь до открытия собора появлялся шанс урегулировать отношения между Венецией и римским королем. Для Византии это был принципиально важный момент, дававший ей возможность принять участие в процессе.

³⁸ *Göller E. König Sigismunds Kirchenpolitik... S. 160.*

³⁹ *Herre H. Die Beziehungen König Sigmunds zu Italien... S. 33–34.*

⁴⁰ *Ibid. S. 35; Schiff O. König Sigmunds italienische Politik... S. 48–49.*

⁴¹ *Mansi. Vol. 27. P. 537–541.*

Византия и Запад на пути к Константинопольскому собору

Мануилу Хрисолоре оставалось лишь использовать всю информацию, которой он теперь располагал. Едва ли перед ним стояла задача донести все сведения лично до императора. Скорее всего, у последнего заранее был готов план примирения участников европейского конфликта. Как отмечалось выше, он мог быть основан на опыте договора, подписанного в Галлиполи в 1403 г. Чтобы в нужный момент запустить в действие механизм его исполнения, от Мануила должен был исходить сигнал дипломату, уже находящемуся поблизости. По одной из гипотез, имеющих место в историографии, еще в 1413 г. на Западе появился его племянник⁴². Не случайно следы местонахождения самого Мануила для историков теряются с середины ноября того же года⁴³. Из Ломбардии он мог отправиться на встречу с Иоанном. Если исходить из этого допущения, то последний был тем самым греком, который выступил в венецианском Сенате с предложением о посредничестве императора в конфликте Республики с Люксембургом.

Теперь становится понятно, почему это предложение последовало лишь на рубеже 1413–1414 гг., а не сразу после воцарения на Востоке нового султана Мехмеда I. Византийская инициатива была совмещена с политическим конгрессом в Лоди, проходившим с конца 1413 г. Оттуда переговоры переместились в Кремону, где завершились во второй половине января. Однако положительных результатов они не достигли⁴⁴. Венеция и Люксембург продолжали упорно отстаивать свои притязания на побережье Далмации. Не было принято и предложение Республики в обмен на уступку поддержать короля флотом, если он вступит в войну с турками. Очевидно, с политическим поражением на Балканах для Сигизмунда исчез бы и смысл крестового похода. Византийский ответ явно не оправдывал его ожиданий. Люксембург мог рассчитывать, что император отзовется на идею церковной унии, дав королю повод обратиться с этим вопросом к папе. Тогда у Иоанна XXIII появлялось бы безупречное основание связать себя с Сигизмундом. Если бы план короля сработал, то Венеция могла получить крайне невыгодную для себя картину. С одной стороны, явился бы союз Люксембурга с Византией на Востоке, благословленный папой и направленный против турок, а с другой – союз Сигизмунда с понтификом против Неаполя. В первом случае Республика рисковала потерять преимущества перед венгерской короной на Балканах, во втором – столкнуться в Италии с растущими амбициями Флоренции.

⁴² *Mureşan D. N. Une histoire de trois empereurs. Aspects des relations de Sigismond de Luxembourg avec Manuel II et Jean VIII Paléologue // Emperor Sigismund and the Orthodox World / ed. E. Mitsiou. Wien, 2010. P. 69–70.*

⁴³ *Thorn-Wickert L. Manuel Chrysoloras... S. 101.*

⁴⁴ *Schiff O. König Sigmunds italienische Politik... S. 49.*

Однако Византия явно была слабым местом в планах короля, поскольку не собиралась играть в европейской политике на его стороне. Крестовый поход как способ достижения целей одними силами на Западе за счет других не обещал Константинополю ничего хорошего. Поэтому сигнал, исходивший от Сигизмунда на октябрьских переговорах в присутствии Хрисолоры, император попросту проигнорировал. Вместо положительного отзыва на идею церковной унии последовало предложение о посредничестве. Венецианский Сенат отреагировал на него 8 января 1414 г.⁴⁵ В это время переговоры, начавшиеся в Лоди и продолженные в Кремоне, еще шли, но их безрезультатный исход уже был предсказуем. Ответ Республики, данный дипломату, в роли которого можно предполагать младшего Хрисолору, на первый взгляд, не вызывает вопросов. Формально Венеция отклонила предложение императора на том основании, что миссия посредника уже передана папе. Внешне это заявление вписывалось в текущую обстановку. Действительно, соглашения о церковном соборе подразумевали, что на нем понтифик будет вправе признать Люксембурга римским королем, обещать ему императорскую корону и благословить на поход в Италию.

Однако отныне все, включая византийцев, имели право задуматься над тем, о чем пока никто не говорил открыто: какие могли быть гарантии, что на церковном соборе папой останется Иоанн XXIII? Опыт Пизанского собора 1409 г. подсказывал, что под прикрытием борьбы со схизмой всех антипап можно низложить вне зависимости от степени их признания. В этом случае посредническая функция автоматически должна была перейти к следующему папе, но его выборы под разными предложениями могли просто затянуться. Вероятность именно такого развития событий, очевидно, предвидел Сигизмунд уже в октябре 1413 г., накануне конференции в Лоди. Потому-то он и связал в присутствии Мануила Хрисолоры тему церковной унии со странным намеком, что на будущем соборе может быть заново поставлен вопрос о латинской схизме. В форме церковной унии он рассчитывал получить не только стратегически важный союз с Византией. Уния могла стать для него еще и серьезным средством легитимации «пизанского» папы.

После провала попыток достичь соглашения с Сигизмундом на рубеже 1413–1414 гг. Венеция перешла к решительным действиям на итальянской политической арене. Республика, которая до последнего избегала необходимости связывать себя обязательствами, в феврале начала переговоры с Миланом. 10 марта 1414 г. два государства заключили оборонительный союз на пять лет⁴⁶. Как минимум, до на-

⁴⁵ См. сноску 9.

⁴⁶ *Schiff O. König Sigmunds italienische Politik... S. 52.*

чала собора было воздвигнуто серьезное препятствие для Сигизмунда в его попытках построить себе плацдарм в Ломбардии. Вслед за тем для Венеции наступил момент, чтобы разрушить альянс Флоренции с папой. Договор венецианцев с Миланом ограничил ее способность заигрывать с Сигизмундом в вопросе о помощи против Неаполя. В результате немедленно оживилась активность неаполитанского короля Владислава. Уже 14 марта он был в Риме, откуда папа был изгнан им почти двумя годами ранее. В апреле его силы медленно, но уверенно двинулись на север. В конце весны Флоренция была вынуждена начать переговоры с Неаполем и 22 июня подписала с Владиславом мирный и союзный договор⁴⁷. Ее альянс с папой был расторгнут. Рим оставался под властью неаполитанского правителя, пообещавшего лишь не посягать на Болонью. Стратегия Сигизмунда на итальянском направлении, таким образом, потерпела серьезное поражение.

В изменившейся ситуации, когда его позиции по отношению к Венеции серьезно пошатнулись, возрастала вероятность того, что король все-таки пойдет по пути компромисса. Именно тогда, в июне 1414 г., в Понтестуре на северо-западе Италии и состоялась встреча Сигизмунда с Иоанном Хрисолорой. Как теперь ясно, византийского дипломата вела туда та же самая цель – попытка посредничества между королем и Венецианской республикой. Все сказанное позволяет понять и причину, по которой Сигизмунд в ответном письме императору не поднимал вопрос о церковной унии. Недавняя реакция Византии уже обнаружила позицию Константинополя. Не касаясь проблемы унии, король в письме не мог коснуться и папы, хотя здесь, по-видимому, все обстояло еще сложнее. Сигизмунд не сослался на Иоанна XXIII не просто в связи с отсутствием в письме униатской тематики. Он не упомянул о нем даже в нейтральном контексте. Что-то не позволяло сказать хотя бы о том, что папа будет крайне рад встретить в Констанце гостей с Востока. Объяснение этому теперь есть. Соглашения о церковном соборе, достигнутые в конце 1413 г., с одной стороны, основывались на признании роли понтифика как посредника между римским королем и Венецией. Но с другой стороны, они же негласно допускали, что сам Иоанн XXIII до этой миссии допущен не будет, если Констанцкий собор откажет ему в признании. У Сигизмунда не было никакой уверенности в том, что ему удастся поставить церковный форум на службу своим интересам.

Благодаря Мануилу Хрисолоре византийская дипломатия не могла не замечать тучи, начавшие сгущаться над головой «пизанского» понтифика. Весной 1414 г. к Сигизмунду обратился кардинал Доминичи,

⁴⁷ Schiff O. König Sigmunds italienische Politik... S. 56; Herre H. Die Beziehungen König Sigmunds zu Italien... S. 45.

входивший в состав курии «итальянского» антипапы Григория XII⁴⁸. От него исходил проект добровольного отречения всех участников Великой схизмы, а в случае отказа – низложения их церковным собором. Сигизмунду было трудно игнорировать подобные инициативы. В Германии сохранялась немалая группировка сторонников Григория XII. Далеко не все князья одобряли политику Люксембурга, которая из-за интересов венгерской короны втянула империю в конфликт с Венецией. А потому для него становилось тем более недопустимым любое упоминание папы в письме византийскому императору летом 1414 г. В противном случае на Востоке могли усмотреть в этом готовность короля любой ценой не допустить отречения Иоанна XXIII, что грозило бы неминуемым обострением его конфликта с Венецией. Одна из задач Иоанна Хрисолоры, по-видимому, и состояла в том, чтобы сделать выводы о позиции, занимаемой Сигизмундом по отношению к папе. В связи с этим заслуживает безусловного внимания решение Люксембурга, принятое в конце июня или начале июля 1414 г., когда византийский дипломат, скорее всего, еще находился у короля.

Этим решением явилось назначение доверенного лица для переговоров с антипапой Григорием XII⁴⁹. Речь шла о вызове последнего на предстоящий церковный собор. Местом его пребывания в тот момент был Римини – владение графа Малатеста. Важно отметить и другое. Назначенный королем посол должен был совместить свою миссию с визитом в Венецию. Его целью был запрос о намерении Республики присутствовать на Констанцском соборе. 19 июля 1414 г. Сенат давал ответ королевскому агенту. Велика вероятность, что одновременно с ним в Венеции находился Иоанн Хрисолора. Скорее всего, именно он в те же дни вступил в контакт с Сенатом, о чем будет сказано ниже. Если дело обстояло так, то пути обоих дипломатов, берущие начало при дворе Люксембурга, шли параллельно друг другу. В эту картину ложится и еще один факт. 19 июля, в день встречи с посланником короля, венецианский Сенат вынес также решение о посольстве к султану Мехмеду I⁵⁰. Перед миссией на Восток была поставлена задача восстановления с новым османским правителем соглашения, которое ранее Республика подписала с Мусой⁵¹. Трудно допустить случайный характер этих совпадений. Какие же выводы можно из них сделать?

⁴⁸ ACC. Bd. 1. № 67. S. 272–275; Göller E. König Sigismunds Kirchenpolitik... S. 162–164.

⁴⁹ ACC. Bd. 1. S. 196–197; Göller E. König Sigismunds Kirchenpolitik... S. 167–168.

⁵⁰ Régestes des délibérations... № 1538.

⁵¹ Договор Венеции с Мусой Челеби был подписан летом 1411 г. См.: *Kastritsis D. J. The Sons of Bayezid: Empire Building and Representation in the Ottoman Civil War of 1402–1413.* Leiden ; Boston, 2007. P. 177–178.

Византия и Запад на пути к Констанцскому собору

Сигизмунд, вступая в контакт с антипапой Григорием XII на виду у Венеции и византийского дипломата, тем самым показывал, что он принимает неизбежность вынесения на церковный собор вопроса о латинской схизме. Однако эта внешняя демонстрация едва ли вызывала доверие других сторон. Настораживало обещание, данное королем византийскому императору, рассмотреть на соборе проблему борьбы с турками. Планы Люксембурга организовать крестовый поход на фоне незавершенного конфликта с Венецией едва ли вызывали положительную реакцию на Востоке. Но они не могли не тревожить и Венецию. В результате королевскому послу, направлявшемуся к Григорию XII, Сенат ответил, что говорить о гарантиях венецианского присутствия на будущем соборе еще рано⁵². Подобное заявление фактически служило предупреждением, что попытка Люксембурга превратить собор в орудие своей политики заставит Республику не признавать его. Одновременно – и словно демонстративно – Венеция запустила в одностороннем порядке процесс переговоров с османским султаном. Для Византии это был явно плохой знак, который мог наблюдать Иоанн Хрисолора. 24 июля Сенат выразил византийскому дипломату благодарность за стремление императора к налаживанию мира между Республикой и венгерским королем, а также заявил, что соглашение возможно на почетных условиях⁵³. Однако реальность вовсе не вселяла уверенности в скором умиротворении.

В июле 1414 г. в Венеции засвидетельствовано появление и старшего Хрисолоры – Мануила⁵⁴. После осенних встреч в Ломбардии местом его пребывания, возможно, была Болонья, служившая временным пристанищем курии Иоанна XXIII. Сам понтифик вернулся туда же в феврале после переговоров с Сигизмундом в Лоди и Кремоне. Таким образом, в Венеции оба византийца имели возможность встретиться. Историография допускает также, что Мануил мог сопровождать Иоанна, возвращавшегося на родину с посланием от Сигизмунда. Теперь в подтверждение этой версии появляется еще один аргумент. В складывающихся обстоятельствах перед императором стояла задача принципиального выбора: кого из двух родственников отправить на Констанцкий собор? В назначении того или другого прочитывался его ответ королю. Между тем для встречи с византийским правителем грекам не было необходимости следовать в Константинополь. В июле того же года Мануил II Палеолог выехал из своей столицы. Осенью он находился в Фессалонике. Дорога в Констанц, которая вскоре предстояла одному из его дипломатов, тем самым тоже становилась короче.

⁵² ACC. Bd. 1. № 72. S. 293–294.

⁵³ *Régestes des délibérations...* № 1544.

⁵⁴ *Thorn-Wickert L. Manuel Chrysoloras...* S. 102.

Иоанн Хрисолора перед отъездом от Сигизмунда, скорее всего, успел стать свидетелем и еще одного важного решения. В местечке Трино (Пьемонт), куда в конце июня переместился двор короля из Понтестуры, Люксембург встретился с посланником маркграфа Феррары. С ним было достигнуто соглашение о том, что в ноябре послы Люксембурга проведут там новые переговоры с Венецией⁵⁵. Время встречи было выбрано совсем не случайно. В ноябре папа Иоанн XXIII уже обязан был находиться в Констанце. Таким образом, от исхода назначенных переговоров в Ферраре зависела его судьба. Положительный результат означал бы, что собор подтвердит пизанские постановления 1409 г. В ином случае следовало ожидать добровольного или принудительного отречения всех антипап.

Сам понтифик прекрасно осознавал, что его готовят на роль потенциальной жертвы в дипломатической игре, по правилам которой в Констанце ему, возможно, предложат добровольно отречься. Правда, одно обстоятельство дало Иоанну XXIII слабую надежду избежать этого. 6 августа неожиданно для всех в результате скоротечной болезни в возрасте 39 лет скончался неаполитанский король Владислав Дуратцо. Для папы исчезла формальная необходимость в политическом союзе с Люксембургом. Теперь он считал возможным уклониться от личного присутствия на церковном соборе. Но, как видно, понтифик хорошо знал, где на самом деле решается его судьба. Уже через несколько дней его представитель явился в Венецию. Посол не только огласил соответствующие пожелания папы, но и предложил Республике союз с ним, который якобы надежно закроет Италию от вмешательства с севера⁵⁶. Попытка понтифика в изменившихся условиях договориться с Венецией за счет римского короля выглядит удивительно. Но производит впечатление и реакция Республики, которая отклонила его просьбу. Все говорит о том, что Венецию папа интересовал не в качестве союзника против Люксембурга, а как посредник, способный обеспечить ей соглашение с королем. В противном случае готовился сценарий, в котором фигура понтифика должна была уйти с политической арены на время, в течение которого действовал договор о пятилетнем перемирии 1413 г. Не случайно Констанцкий собор впоследствии избрал папу Мартина V (1417–1431) за несколько месяцев до истечения этого срока.

Летом 1414 г., когда момент открытия собора стремительно приближался, ситуация начала меняться не только в Италии как эпицентре международной политики. Знаковые движения происходили за

⁵⁵ *Herre H.* Die Beziehungen König Sigmunds zu Italien... S. 46. Anm. 4.

⁵⁶ *Schiff O.* König Sigmunds italienische Politik... S. 42.

Альпами, где Сигизмунд предпринимал небезуспешные попытки создать северную коалицию. Большое значение для него имело сближение с герцогом Людовиком Анжуйским – претендентом на неаполитанский престол. 25 июня в названном выше местечке Трино король укрепил союз с орлеанистами и через них с французской короной. Союз формально был направлен против герцога Бургундского⁵⁷. Уже в июле 1414 г. Люксембург обратился с письмом к английскому монарху Генриху V (1413–1422), которого убеждал в заманчивых перспективах, открываемых союзом трех заальпийских корон – римской, французской и английской⁵⁸. Послание в Лондон появилось примерно в то же время или чуть позже его ответа на миссию Иоанна Хрисолоры. Но в этом письме король уже не уклонился от вопроса, касавшегося понтифика. Здесь он открыто допускал явку на собор всех трех антипап – Бенедикта XIII, Григория XII и Иоанна XXIII. Правда, лишь на последнего из них Люксембург указал как на действительного понтифика, упомянув остальных под их личными именами. Автор считал возможным отказ их всех от присутствия на соборе, но уверял, что при согласии трех северных монархов это не мешает успеху будущего церковного форума. Таким образом, фактически было выражено признание того, что в повестке собора окажется проблема схизмы. Но дальше напрашивались вполне определенные выводы. Как видно, Сигизмунд рассматривал два желательных варианта. Первый подразумевал отстаивание исключительной законности «пизанского» папы Иоанна XXIII. В случае гипотетической неявки последнего альтернативой могло быть только его низложение и избрание там же нового понтифика, лояльного римскому королю. Впрочем, вскоре такая возможность отпала, как только стало ясно, что даже кончина неаполитанского правителя не освободила Иоанна XXIII от необходимости отправления в Констанц.

Папа прибыл на открытие форума в последние дни октября 1414 г. Его соперник Григорий XII был представлен заочно. Бенедикт XIII, находившийся под покровительством арагонского короля, собор не признал. Впрочем, главной интригой становился вопрос о судьбе первой из этих трех фигур. Основное значение теперь имели итоги дипломатической встречи, одновременно начавшейся в Ферраре, где собрались посольства от Сигизмунда и Венеции при посредничестве представителей папы, Флоренции и немецких курфюрстов. Переговоры быстро завершились провалом, и внешне причина была очень проста. Кризис

⁵⁷ *Reitemeier A. Aussenpolitik im Spätmittelalter... S. 268.*

⁵⁸ *ACC. Bd. 1. № 103. S. 375–377; Kintzinger M. Westbindungen im spätmittelalterlichen Europa: Auswärtige Politik zwischen dem Reich, Frankreich, Burgund und England in der Regierungszeit Kaiser Sigmunds. Stuttgart, 2000. S. 77.*

носил двойной характер. С одной стороны, он содержал в себе конфликт между морской Республикой и империей в Италии, с другой – спор между Венецией и венгерской короной на Балканах⁵⁹. Ведущее значение имел именно второй фактор, но на встрече в Ферраре делегаты от Сигизмунда изъявили готовность к мирному соглашению только в первой части. Неудивительно, что Венеция отвергла навязываемую ей формулу. Мир с Люксембургом был для нее приемлем только в обеих плоскостях – на Востоке и на Западе.

Провал переговоров в Ферраре сделал практически неизбежным вынесение на церковный собор вопроса о латинской схизме. Тем самым судьба Иоанна XXIII, уже открывшего собор, была предрешена. Правда, соответствующий разворот совершался постепенно по мере наполнения собора прибывающими участниками. Теоретически Сигизмунд еще мог силой своего авторитета направить выбор решения по пути подтверждения статуса «пизанского» понтифика. Однако вскоре на соборе начали раздаваться явно подготовленные голоса, которые оспаривали право римского короля вмешиваться в дела церкви, отводя ему лишь функцию ее защитника⁶⁰. На практике особенно ярко этот подход продемонстрировала расправа с Яном Гусом, который был взят под стражу уже в декабре, вопреки гарантиям Люксембурга. Прецедент с чешским реформатором играл на руку и тем, кому было выгодно разобщение между папой и королем. Иоанн XXIII поддержал решение об аресте Гуса. Противопоставляя себя Сигизмунду, чьи возможности отстоять его становились все более сомнительными, он еще мог надеяться сохранить свою легитимность, пытаясь возглавить собор и контролировать его. Однако вскоре здесь все-таки возобладало мнение о необходимости отречения папы во имя восстановления единства западной церкви.

Впрочем, в первые месяцы 1415 г. еще не было уверенности в том, как дальше поведут себя сам папа, король Сигизмунд и собственно собор. Именно в этой обстановке, пожалуй, можно отыскать решение одной историографической проблемы, которая заключается в определении времени начала византийского дипломатического присутствия в Константинополе. Известным фактом является пребывание на соборе Мануила Хрисолоры, который скончался там же в апреле 1415 г.⁶¹ Гораздо труднее определяется момент, с которого можно вести отсчет его миссии. Между

⁵⁹ *Wakouning M.* Dalmatien und Friaul. Die Auseinandersetzungen zwischen Sigismund von Luxemburg und der Republik Venedig um die Vorherrschaft im adriatischen Raum. Wien, 1990. S. 116.

⁶⁰ *Frenken A.* Der König und sein Konzil. Sigismund auf der Konstanzer Kirchenversammlung // АНС. 2004. Bd. 36. S. 232–233.

⁶¹ *Thorn-Wickert L.* Manuel Chrysoloras... S. 111.

Византия и Запад на пути к Констанцскому собору

тем с этим связан и далеко не простой вопрос о ее назначении. Ведь Хрисолора до самого конца так и не сделал никакого заявления.

В историографии некогда имела место точка зрения Р.-Ж. Ленерца, что Хрисолора прибыл в Констанц вместе с папой Иоанном XXIII в конце октября 1414 г.⁶² Однако эта версия, скорее всего, исходила из факта присутствия византийца в окружении папы с момента его избрания. Между тем, по имеющимся данным, Хрисолора летом 1414 г. уже был в Венеции, откуда мог выехать на встречу с императором в сопровождении своего племянника Иоанна. В подтверждение последней гипотезы, как отмечалось выше, теперь можно привести дополнительные основания. Также нельзя ничем подтвердить, что путь Мануила в Констанц лежал через Болонью, а потому современные исследователи скептически относятся к утверждению Р.-Ж. Ленерца и рисуют более сложную картину. В соответствии с ней первое свидетельство, упоминающее о прибытии на Констанцкий собор неназванного посланника из Константинополя, относится к январю 1415 г.⁶³ Позднее визит некоего византийского дипломата был зафиксирован в письме анонимного чешского участника конгресса. В соответствии с ним, он датируется 3 марта 1415 г.⁶⁴ Тот же Р.-Ж. Ленерц предполагал, что в последнем случае это мог быть обычный курьер, доставивший Мануилу Хрисолоре инструкции императора. Однако более убедительна точка зрения С. Кольдица, согласно которой речь в источнике все-таки идет о самом Хрисолоре⁶⁵. По мнению Г.-Г. Бека, Хрисолора находился на соборе и раньше, но лишь 3 марта мог официально выступить в статусе посла⁶⁶. Для доказательства того, что он являлся тем же лицом, прибытие которого в Констанц имело место уже в январе, требуется ответить на вопрос: могла ли быть причина, способная на несколько недель отсрочить начало его официальной миссии, и при каких условиях она стала возможной не ранее начала марта 1415 г.?

Проделанный выше анализ уже позволяет сделать вывод, что византийский император совершенно неслучайно проигнорировал желание Сигизмунда, просившего его, хотя и крайне мягко, отправить на Констанцкий собор младшего Хрисолору – Иоанна. Внешне ничего не значившая просьба таила в себе особый смысл, как и загадочное

⁶² *Loenertz R.-J.* Les Dominicains Byzantins Théodore et André Chrysobergés et les negotiations pour l'union des grecque et latine de 1415 a 1430 // AFP. 1939. Vol. 39. P. 14.

⁶³ *Thorn-Wickert L.* Manuel Chrysoloras... S. 107; *Kolditz S.* Byzanz und das Konstanzer Konzil... S. 53.

⁶⁴ *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden... № 3345.

⁶⁵ *Kolditz S.* Byzanz und das Konstanzer Konzil... S. 53.

⁶⁶ *Beck H.-G.* Byzanz und der Westen im Zeitalter des Konziliarismus // Vorträge und Forschungen. 1965. Bd. 9 : Die Welt zur Zeit des Konstanzer Konzils. S. 144.

молчание в том же послании о церковной унии, которая еще совсем недавно служила одним из главных мотивов предыдущих обращений Люксембурга. В ситуации, имевшей место летом 1414 г., из тактико-дипломатических соображений он не мог предлагать Византии ничего, что подразумевало бы участие папы, так как судьба последнего висела на волоске и зависела от исхода предстоящей в ноябре вышеупомянутой встречи в Ферраре. Ее итогов должен был дожидаться и византийский император, прежде чем выбрать и отправить дипломата. Сигизмунду же оставалось лишь надеяться, что даже в случае провала переговоров в Италии император Византии протянет ему руку, выразив согласие с провозглашенными в письме намерениями короля о борьбе с турками. Сами греки, скорее всего, не только не просили о военной помощи против османов, но в действительности и не желали ее. Однако если бы они отреагировали именно так, то у Сигизмунда действительно появилось бы основание вынести на собор вопрос о церковной унии. Она не только скрепила бы его союз с Византией, но и помогла бы предотвратить угрозу отречения Иоанна XXIII. В случае же низложения «пизанского» папы задача унии с Востоком способна была оправдать срочный порядок избрания нового понтифика в интересах римского короля.

Судя по всему, в Византии на всё смотрели по-другому. Поэтому, несмотря на пожелание Сигизмунда встретить на соборе Иоанна Хрисолору, в Констанц отправился Мануил. Выбор, сделанный императором, был сигналом для короля. В нем прочитывался отказ Византии играть по его сценарию. И если Мануил прибыл в январе, согласно имеющемуся свидетельству, то это значит, что император принимал решение после того, как ему стали известны результаты ноябрьских переговоров в Ферраре. Следовательно, Хрисолора на самом деле не мог прибыть на церковный собор в сопровождении понтифика. Однако были причины, по которым и после прибытия ему сначала действительно полагалось находиться там в качестве частного лица. Тем самым Византия демонстрировала свой нейтралитет в игре, которая шла уже за кулисами церковного собора. Не вступая в роль дипломата, Мануил был вправе никак не реагировать на последнее обращение Люксембурга и не принимать новые предложения в подобном же духе. Византийский император попросту давал понять, что никакой контакт, который может быть интерпретирован как попытка установления союзных отношений, для него принципиально неприемлем. Но с какой же тогда целью Мануил вообще прибыл в Констанц, и какое условие требовалось ему, чтобы лишь в определенный момент выложить верительную грамоту?

Приезд Хрисолоры на Констанцкий собор фактически был продолжением его миссии, которую прежде он исполнял при папе Иоанне XXIII. Визит был предназначен для того, чтобы принять приглашение

Византия и Запад на пути к Константинопольскому собору

к переговорам о церковной унии не от римского короля, а от понтифика. Но для Византии оно имело бы смысл только при наличии двух условий. Инициатива должна была исходить от папы, имевшего твердое признание со стороны обеих сил, между которыми он стоял, – короля Сигизмунда и Венеции. К концу 1414 г. это условие уже становилось невыполнимым. Второе условие было гораздо более серьезным. Оно не реализовалось на протяжении всего периода понтификата Иоанна XXIII, из-за чего Хрисолора пребывал рядом с ним опять же лишь в качестве неофициального агента императора. Византийцы были готовы к переговорам, если бы папа был способен гарантировать дипломатическое соглашение между вышеупомянутыми политическими игроками. Переговорный процесс в таком случае должен был соединить его как посредника, стоящего между римской короной и Венецией на Западе, с византийским императором как посредником между морской Республикой и венгерской короной на Востоке. Церковная уния оказывалась здесь тем инструментом, который связал бы стороны европейского конфликта с Константинополем не напрямую, а через понтифика. Подобный механизм гарантировал нейтралитет императора по отношению к ним. Этим нейтралитетом, во-первых, исключалось его собственное участие в военной акции против турок, грозившей нарушением международного равновесия. Во-вторых, тот же принцип был призван удержать на расстоянии друг от друга те силы, чье гипотетическое объединение обещало воплотиться в форме антитурецкого альянса. И если бы император получил в свои руки средство, способное предотвратить такую возможность, то под его ситуативный союз с султаном мог быть заложен надежный фундамент. Сама идея крестового похода, таким образом, изначально была несовместима с византийской стратегией, которая лежала в основе проекта церковной унии с латинянами. По-видимому, его содержанием был все-таки политический прагматизм, а не стремление к сомнительному союзу с абстрактным Западом против османов.

На Константинопольском соборе посредническая миссия понтифика имела возможность реализоваться во взаимодействии с восточным императором. Весь вопрос был в том, с каким папой грекам вскоре предстоит иметь дело. В момент назначения Мануила Хрисолоры правителю Византии уже было ясно, что Константинопольский собор действительно поставит вопрос о низложении Иоанна XXIII. К моменту избрания нового папы участники конфликта могли прийти либо в готовности заключить мир, либо в решимости возобновить войну. На исходе 1414 г. никаких предпосылок к мирному соглашению не возникло, а потому следовало ожидать, что не только состоится отречение Иоанна XXIII, но и выборы следующего понтифика будут отсрочены, давая возможность обеим сторонам набраться сил к моменту истечения перемирия.

Все сказанное означает, что Мануилу Хрисолоре после приезда на Констанцкий собор, перед тем как официально заявить о себе, сначала требовалось дождаться момента, который внесет окончательную ясность в вопрос о судьбе «пизанского» папы. Дипломат мог вступить в свои права в двух ситуациях. Во-первых, в случае подтверждения церковным собором статуса Иоанна XXIII и признания латинской схизмы законченной. Но надежды на это уже практически не было. Оставался второй вариант, который требовал дождаться момента, когда легитимность понтифика будет полностью исчерпана. Последнее и объясняет причину, по которой аккредитация посла могла состояться именно 3 марта 1415 г. Ровно за день до этого на генеральной сессии Констанцкого собора Иоанн XXIII поклялся в том, что добровольно отречется от тиары⁶⁷.

В данной версии находит также объяснение причина, по которой Хрисолора и далее не делал никаких заявлений. До весны 1415 г. его задача сводилась к пассивному присутствию на соборе подобно тому, как прежде он на протяжении нескольких лет находился рядом с Иоанном XXIII. Но вступив в официальный статус сразу же после заявления последнего о своем отречении, посол тем самым давал понять, что ожидает получить приглашение к переговорам о церковной унии от следующего папы. Это был и сигнал о том, что император заинтересован в скорейшем его избрании. Ведь отсроченные выборы означали бы, что в ближайшее время текущий конфликт не будет разрешен. Предположительный ответ императора, скорее всего, Хрисолора уже имел при себе. Он мог быть утвердительным, если бы предложение исходило от понтифика одновременно с обязательствами, которые должны были связать его с Венецией и римским королем. Иными словами, заявление об унии с латинской стороны ожидалось в качестве жеста, приглашающего императора к посреднической миссии вместе с папой.

Хрисолора не дождался выборов нового папы. Но задача следующего византийского посольства в Констанц едва ли могла быть иной. Всё осложнялось тем, что ни события на церковном соборе, ни международная обстановка, окружающая его, не давали грекам надежду на скорое политическое урегулирование на Западе. С одной стороны, перемирие между Венецией и Люксембургом еще удерживало их от прямого столкновения, а удаление понтифика с политической арены в результате низложения Иоанна XXIII временно стабилизировало политический климат в Италии. Однако, с другой стороны, теперь внутренние пружины конфликта грозили обострением ситуации за Альпами и на Балканах. Не случайно накануне Констанцкого собора византийский император отправился из Константинополя в Фессалонику и на

⁶⁷ Mansi. Vol. 27. P. 567–568.

Византия и Запад на пути к Константинопольскому собору

Пелопоннес. Сам же собор надолго стал объектом его внимания, свидетельствуя о том, что в стремлении решить проблемы на Востоке правитель ромеев находил их истоки в лабиринтах европейской политики.

REFERENCES

- Altmann, W. (Ed.). (1896–1897). *Regesta Imperii XI: Die Urkunden Kaiser Sigmunds (1410–1437)* (Vol. 1). Innsbruck: Wagner.
- Beck, H.-G. (1965). Byzanz und der Westen im Zeitalter des Konziliarismus. *Vorträge und Forschungen*, 9, 135–148.
- Beckmann, G. (1902). *Der Kampf Kaiser Sigmunds gegen die werdende Weltmacht der Osmanen*. Gotha: Perthes.
- Brandmüller, W. (1990). *Papst und Konzil im Grossen Schisma (1378–1431). Studien und Quellen*. Paderborn: Schöningh.
- Brandmüller, W. (1991–1997). *Das Konzil von Konstanz 1414–1418* (Vols. 1–2). Paderborn: Schöningh.
- Dennis, G. (1967). The Byzantine-Turkish Treaty of 1403. *Orientalia Christiana Periodica*, 33, 72–88.
- Dölger, F. (1965). *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 bis 1453* (Vol. 5). München; Berlin: C. H. Beck.
- Finke, H. (1896). *Acta Concilii Constanciensis* (Vol. 1). Münster: Druck und Verlag der Regensburgschen Buchhandlung.
- Frenken, A. (Ed.). (2004). Der König und sein Konzil. Sigismund auf der Konstanzer Kirchenversammlung. *Annuario Historiae Conciliorum*, 36, 177–242.
- Girgensohn, D. (1996). *Kirche, Politik und adelige Regierung in der Republik Venedig zu Beginn des 15. Jahrhunderts* (Vol. 1). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Girgensohn, D. (2007). Von der konziliaren Theorie des späteren Mittelalters zur Praxis: Pisa 1409. *Vorträge und Forschungen*, 67, 61–94.
- Göller, E. (1902). *König Sigismunds Kirchenpolitik vom Tode Bonifaz IX bis zur Berufung des Konstanzer Konzils (1404–1413)*. Freiburg/Br.: Caritas-Druckerei.
- Herre, H. (1902). Die Beziehungen König Sigismunds zu Italien von Herbst 1412 bis zum Herbst 1414. *Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken*, 4, 1–62.
- Hoensch, K. J. (1996). *Kaiser Sigismund. Herrscher an der Schwelle zur Neuzeit 1368–1437*. München: C. H. Beck.
- Jorga, N. (1899). *Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades XVe siècle* (Vol. 1). Paris: E Leroux; Bucarest: Ed. de l'Académie roumaine.
- Jorga, N. (1908). *Geschichte des Osmanischen Reiches* (Vol. 1). Gotha: Perthes.
- Kastritsis, D. J. (2007). *The Sons of Bayezid: Empire Building and Representation in the Ottoman Civil War of 1402–1413*. Leiden; Boston: Brill.
- Kintzinger, M. (2000). *Westbindungen im spätmittelalterlichen Europa: Auswärtige Politik zwischen dem Reich, Frankreich, Burgund und England in der Regentschaft Kaiser Sigismunds*. Stuttgart: Thorbecke.
- Kolditz, S. (2017). Byzanz und das Konstanzer Konzil (1418–1418). Beobachtungen zur griechischen Präsenz und zur vorkonziliaren Korrespondenz Sigismunds und Manuels II. *Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik*, 67, 43–64.

Loenertz, R.-J. (1939). Les Dominicains Byzantins Théodore et André Chrysobergés et les negotiations pour l'union des grecque et latine de 1415 a 1430. *Archivum Fratrum Praedicatorum*, 39, 5–61.

Mansi, J. D. (Ed.). (1903). *Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio* (Vols. 27–28). Paris; Leipzig: Welter.

Murešan, D. N. (2010). Une histoire de trois empereurs. Aspects des relations de Sigimond de Luxembourg avec Manuel II et Jean VIII Paléologue. In E. Mitsiou (Ed.), *Emperor Sigismund and the Orthodox World* (pp. 41–101). Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Pashkin, N. G. (2007). *Vizantiia v evropeiskoi politike pervoi poloviny XV v. (1402–1438)* [Byzantium in the European Politics of the First Half Fifteenth Century (1402–1438)]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Pashkin, N. G. (2019). O vizantiiskoi reaktcii na Pizanskii sobor 1409 g. [On Byzantine Reaktion to the Council of Pisa in 1409]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 47, 234–257. <https://doi.org/10.15826/adv.2019.47.016>

Pashkin, N. G. (2020). K voprosu o tseli vizantiiskoi ataki na Gallipoli 1410 g. [Aims of the Byzantine Attack on Gallipoli in 1410]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 48, 156–171. <https://doi.org/10.15826/adv.2020.48.010>

Pashkin, N. G. (2021). Sredizemnomorskii vector mezhdunarodnykh otnoshenii v zerkale konflikta Sigismunda Liuksemburga s Venetsiei (1411–1413) [Mediterranean Vector of International Relations in the Mirror of Sigismund of Luxembourg's Conflict with Venice (1411–1413)]. *The Journal of Education and Science "Istoriya" ("History")*, 12. Retrieved from <https://history.jes.su/s207987840015139-1-1/>. <https://doi.org/10.18254/S207987840015139-1>

Reitemeier, A. (1999). *Aussenpolitik im Spätmittelalter: Die diplomatischen Beziehungen zwischen dem Reich und England 1377–1422*. Paderborn: Schöningh.

Schiff, O. (1909). *König Sigmunds italienische Politik bis zur Romfahrt (1410–1431)*. Frankfurt/Main: J. Baer & Co.

Thiriet, F. (Ed.). (1959). *Régestes des délibérations du sénat de Venise concernant la Roumanie* (Vol. 2). Paris: Mouton & Co.

Thorn-Wickert, L. (2006). *Manuel Chrysoloras. Eine Biographie des byzantinischen Intellektuellen vor dem Hintergrund der hellenistischen Studien in der italienischen Renaissance*. Frankfurt/Main: Lang.

Wakouning, M. (1990). *Dalmatien und Friaul. Die Auseinandersetzungen zwischen Sigismund von Luxemburg und der Republik Venedig um die Vorherrschaft im adriatischen Raum*. Wien: VWGÖ.

Пашкин Николай Геннадьевич

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории Древнего мира
и Средних веков
Уральский федеральный университет
620000 Екатеринбург, ул. Ленина, 51
E-mail: ngpaschkin@yandex.ru

Pashkin, Nikolai Gennadievich

PhD (History), Associate Professor
Ancient and Medieval History Department
Ural Federal University
51 Lenin Ave, 620000, Ekaterinburg, Russia
Email: ngpaschkin@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0615-568X>

А. К. Шагинян

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

НОВЫЕ ИЗЫСКАНИЯ ПО ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ИСТОРИИ ВОЕННОГО ДЕЛА

Рец. на кн.: *Мехамадиев Е. А.* Военная организация поздней Римской империи в 253–353 гг.: эпоха Константина I Великого и его династии (306–353). СПб. : Петербургское востоковедение, 2019. 424 с.

В статье отмечается, что книга Е. А. Мехамадиева является фундаментальным исследованием по военной организации позднего Рима и ранней Византии, в котором сделан особый акцент на данные эпиграфики и папирологии. Их привлечение позволило автору реконструировать историю отдельных войсковых подразделений, их территориальные перемещения, участие в различных военных кампаниях, изменения рангов. Хронологические рамки книги охватывают позднеримский период с 306 по 353 г. Ученый рассмотрел внутреннюю (организационную) структуру всех региональных армий в эпоху императора Константина I Великого (306–337) и его сыновей, не ограничиваясь исследованием отдельных и узких сюжетов, связанных с историей отдельно взятой провинции. Он проанализировал данные как по восточным, так и по западным регионам империи, выявил их тесную взаимосвязь, указал на постоянные перемещения войсковых подразделений с запада на восток и в обратную сторону в зависимости от геополитической и внутривосточной ситуации.

Ключевые слова: Е. А. Мехамадиев; позднеримская империя; ранняя Византия; военная история поздней Античности

Цитирование: *Шагинян А. К.* Новые изыскания по позднеантичной истории военного дела. Рец. на кн.: *Мехамадиев Е. А.* Военная организация поздней Римской империи в 253–353 гг.: эпоха Константина I Великого и его династии (306–353). СПб. : Петербургское востоковедение, 2019. 424 с. // Античная древность и средние века. 2021. Т. 49. С. 305–317. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.019>

Поступила в редакцию 25.03.2021

Принята к печати 11.10.2021

А. К. Шагинян

Arsen K. Shahinyan

Saint Petersburg State University
St Petersburg, Russia

NEW RESEARCHES ON THE LATE ANTIQUE HISTORY OF WARFARE

Review of the book: Mekhamadiev, E. A. (2019). *Voennaia organizatsiia pozdnei Rimskoi imperii v 253–353 gg.: epokha Konstantina I Velikogo i ego dinastii (306–353)* [Military Organization of the Late Roman Empire in 253–353 AD: The Age of Constantine I the Great and His Dynasty (306–353)]. St Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 424 p.

This paper states that E. A. Mekhamadiev's book is a fundamental study on the military organization of the Late Rome Empire and Early Byzantium, with particular emphasis on epigraphy and papyrology. The use of the said data allowed the author to reconstruct the history of individual military units, their territorial movements, participation in various military campaigns, and changes of their ranks. Chronologically, the book studies the Late Roman Period from 253 to 305 AD. The researcher has examined the internal (organizational) structure of all regional armies in the age of Emperor Constantine I the Great (306–337) and his sons, not restricting himself to the study of individual and narrow plots related to the history of a particular province. He has analyzed the data relating to both the eastern and western regions of the Empire, uncovered their close relations, and revealed the permanent movements of the military units from the west to the east and in the opposite direction, depending on the geopolitical and domestic political situation.

Keywords: E. A. Mekhamadiev; Late Roman Empire; Early Byzantium; military history of the Late Antiquity

For citation: Shahinyan, A. K. (2021). *Novye izyskaniia po pozdneantichnoi istorii voennogo dela* [New Researches on the Late Antique History of Warfare]. Review of the book: Mekhamadiev, E. A. (2019). *Voennaia organizatsiia pozdnei Rimskoi imperii v 253–353 gg.: epokha Konstantina I Velikogo i ego dinastii (306–353)* [Military Organization of the Late Roman Empire in 253–353 AD: The Age of Constantine I the Great and His Dynasty (306–353)]. St Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 424 p. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 49, 305–317. <https://doi.org/10.15826/adv.2021.49.019>

Submitted: 25.03.2021

Accepted: 11.10.2021

В 2019 г. молодой специалист в области военной истории поздней Античности и раннего Средневековья Е. А. Мехамадиев¹ опубликовал две обширные монографии с единым заголовком «*Военная организация поздней Римской империи в 253–353 гг.*». Подзаголовок первой книги, рецензию на которую мы опубликовали², звучит «*От реформ императора Галлиена до периода Тетрархии (253–305)*», второй книги – «*Эпоха Константина I Великого и его династии (306–353)*». В настоящей рецензии мы рассматриваем вторую монографию³.

Ученый взялся за скрупулезный труд – свести воедино дошедшие до нас многочисленные документальные источники, в которых упоминаются различные позднеримские войсковые соединения. Речь идет о новонайденных за последние десятилетия надписях и папирусах⁴, которые опубликованы на латинском или древнегреческом языках, а в случае если оригинал документа был составлен на семитских языках, то, как правило, он опубликован в переводе на один из западноевропейских языков. При этом Е. А. Мехамадиев осуществляет комплексный анализ надписей и папирусов с широким привлечением тех сведений нарративных и житийных сочинений, которыми традиционно пользовались антиковеды и византилисты. Правда, многие его предшественники – П. Бреннен, Д. Вудс, С. Жаньяр, А. С. Левин, К. Мозиг-Вальбург, К. Цукерман, Р. Шарф или М. П. Шпайдель – также обращались к документальным источникам. Но, видимо, из-за того, что надписи и папирусы никогда не были собраны и опубликованы единым сводом, эти и другие специалисты по позднеримской и ранневизантийской истории не задавались целью изучать их воедино, дабы получить единый образ римских вооруженных сил III–IV вв.

Таким образом, в распоряжении антиковедов, а также византистов и востоковедов – капитальный труд, посвященный военной организации

¹ В 2014 г. вышла в свет первая его монография (*Мехамадиев Е. А.* Армянские войсковые подразделения в ранневизантийской армии IV–VII вв. СПб., 2014), а в 2020 г. – последняя (*Мехамадиев Е. А.* Военная организация Византийской империи в VII – первой половине IX в.: административно-территориальный и социальный аспекты развития. СПб., 2020).

² *Шагинян А. К.* О новом исследовании по военной истории позднего Рима и ранней Византии. Рец. на кн.: *Мехамадиев Е. А.* Военная организация поздней Римской империи в 253–353 гг.: от реформ императора Галлиена до периода Тетрархии (253–305). СПб.: Петербургское востоковедение, 2019. 406 с. // АДСВ. 2020. Т. 48. С. 408–421.

³ *Мехамадиев Е. А.* Военная организация поздней Римской империи в 253–353 гг.: Эпоха Константина I Великого и его династии (306–353). СПб., 2019.

⁴ Все материалы, находившиеся к 1969 г. в распоряжении антиковедов, были собраны и изучены Д. Хоффманном, см.: *Hoffmann D.* Das spätömische Bewegungsheer und die Notitia Dignitatum. Düsseldorf, 1969. Bd. I. После 1969 г. попытки комплексного и системного обобщения обнаруженных археологами новых надписей и папирусов не осуществлялись.

поздней Римской империи (или ранней Византийской) в период с 306 по 353 г.⁵, в котором автор акцентировал внимание на сведениях, сообщаемых в надписях и папирусах. Ведь прежде специалисты обращались в основном к сюжетам, которые детально описаны в нарративных источниках. Используемые Е. А. Мехмадиевым виды источников на этом не исчерпываются. Он широко привлек законодательные и нумизматические памятники позднеримского и ранневизантийского периода.

В этом и заключается научная новизна рецензируемой книги. Обращение к новому кругу первоисточников – надписям и папирусам, которые предшественниками не были использованы должным образом, позволило Е. А. Мехмадиеву раскрыть совершенно новые аспекты военной области позднего Рима: историю отдельных войсковых подразделений, их территориальные перемещения, участие в различных военных кампаниях и изменения рангов в полувековую эпоху правления императора Константина I Великого (306–337) и его сыновей: Констанция II, Константа I и Константина II.

Кроме того, Е. А. Мехмадиев продолжил изучение всех значимых военных кампаний позднего Рима полувекового периода. Речь идет о войнах как с внешними врагами – Сасанидским Ираном, германскими племенами, варварами из восточноевропейских степей, так и с внутренними – против узурпаторов императорской власти.

Автор задался целью рассмотреть внутреннюю (организационную) структуру всех региональных экспедиционных и пограничных армий позднего Рима и ранней Византии в так называемую эпоху династии Константина Великого (306–353). Основная цель заключалась в изучении войсковых подразделений в римских армиях и прослеживании смены их состава.

Что касается структуры книги, то нам бы хотелось выделить четкий и логический метод рассуждения и исследования, которому неукоснительно следовал автор, хотя кое-где бросаются в глаза погрешности в хронологии⁶.

Введение (с. 7–15) посвящено характеристике использованных источников, так как остальное автор подробно излагал в предыдущей книге.

⁵ Как известно, ряд ведущих византинистов предлагает вести отсчет византийской истории не с раздела Римской империи в 395 г., как это делали еще римские современники, а со времени перенесения в 330 г. Константином I Великим столицы в древнегреческий город Византий, переименованный в Константинополь.

⁶ После § 2 гл. I «Войны Константина с Лицинием в 316 и 324 гг.: становление балкано-дунайской полевой (экспедиционной) армии» следует § 3 «Провинция Малая Армения и ее военная организация в 305–314 гг.». После § 3 гл. II «Эпоха Констанция II: гражданская война с узурпатором Магненцием в Галлии (350–353) и возникновение подразделений *seniores* и *iuniores* в позднеримской армии» следует § 4 «Великая Армения и Римская империя в 338/339–351 гг.».

Новые изыскания по позднеантичной истории военного дела

Он привлек большой круг литературы народов христианского и мусульманского Востока по агиографии и историографии, которые создавались в раннее Средневековье на сирийском (среднеарамейском) и византийском языках, древнеармянском грабаре и новоперсидском фарси.

Из сирийских памятников широко используются две поздние хроники – одна ошибочно приписываемая католикосу-патриарху Сирийской яковитской церкви Дионисию Теллмахрскому (817–845), другая – более позднего первосвященника Михаила I Великого (1166–1199). Но почему-то Е. А. Мехмадиев не привлек литературный памятник VI в. на том же среднеарамейском языке – «Церковную историю Иоанна Эфесского», первые две книги которой посвящены ранней Византии.

Е. А. Мехмадиев, выдвигая ряд новых теорий, часто ссылается на поздние армянские источники. Среди них – «История Тарона» Псевдо-Ованеса Мамиконяна (Йовханнэса Мамиконяна), повествование в которой завершается 130 г. арм. э. (681/682 г.). Сам исследователь – сторонник той версии, что данный писатель жил в X в. (с. 9, 138–141). Он подкрепляет некоторые свои выводы ссылками даже на армянского переводчика «Хроники» Михаила Сирийца – Вардана Аревелци, который творил в Армении и Киликии в эпоху монгольских завоеваний.

При создании настоящего исследования, к сожалению, не были привлечены капитальные труды отечественных специалистов по странам и народам Христианского Востока – Н. Г. Адонца⁷ и Н. В. Пигулевской⁸.

Е. А. Мехмадиев не привлек ряд зарубежных монографий – датского специалиста по доисламскому Ирану А. Э. Кристенсена⁹, американского специалиста по доисламской истории арабов-христиан И. А. Шахида¹⁰, а также двухтомное издание «War and Warfare in Late Antiquity»¹¹ коллектива антиковедов и византинистов. Последнее вобрало в себя исследования по ключевым факторам, определившим ход и исход войн в позднем Риме и ранней Византии в III–VII вв., в том числе в отдельно взятых провинциях на Западе, Балканах, в Армении и на Арабском Востоке.

Основной текст рецензируемой монографии разбит на две главы. Первая из них – *«Экспедиционные армии императора Константина I Великого и военная организация провинции Малая Армения в 312–*

⁷ Ряд глав посвящен вопросам исторической географии малоармянских земель, включенных в состав Рима в 72 г., и их военной организации (Адонц Н. Г. Армения в эпоху Юстиниана. Политическое состояние на основе нахарарского строя. СПб., 1908. С. 66–126).

⁸ Пигулевская Н. В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв. М.; Л., 1964.

⁹ Christensen A. L'Iran sous les Sassanides. 2nd ed. Copenhagen, 1944.

¹⁰ Shahid I. A. Byzantium and the Arabs in the Fourth Century. Washington D.C., 1984.

¹¹ War and Warfare in Late Antiquity. Current Perspectives : in 2 vols. / ed. A. K. Sarantis, N. Christie. Leiden, 2013.

337 г.» (с. 16–183) – состоит из трех параграфов; второй и третий – подразделяются на две части.

Автор установил, что новая полевая (экспедиционная) армия позднего Рима, регулярная, была сформирована в 312 г. Константином I Великим для организации борьбы против узурпатора власти в Италии Максенция. В ее состав входили отряды (вексилляции) далматской кавалерии, подразделения катафрактариев (тяжеловооруженной конницы), вексилляции, выделенные из старых легионов (II Италийского и IV Флавия), а также два новых полноценных легиона – Иовианы и Геркулианы.

Е. А. Мехмадиев продемонстрировал, как Константин I активно вербовал в армию наемников из племен франков и алеманнов. Он раскрыл организационную структуру армий, против которых боролся Константин, сопоставил эпиграфический и папирологический материалы, а также повествования нарративных источников, включая малоиспользуемые в науке. Среди них – «Церковная история» Геласия Кизикийского – автора второй половины V в., опиравшегося на одноименный труд Геласия Кесарийского, епископа Кесарии Палестинской второй половины IV в.

В третьем параграфе Е. А. Мехмадиев уделил внимание роли Малой Армении в оборонительной системе римлян в восточной периферии, а также предложил оригинальную трактовку развития геополитической ситуации на Армянском нагорье. Он детально изучил (с. 134–150) малоосвещенную в литературе военную кампанию Цезаря Максимиана II Дазы, правителя Востока (305–313). Вопреки мнениям Г. Кастритиуса, К. Цукермана, К. Мозиг-Вальбург и К. Элинга, настаивавших на том, что Максимиан воевал с одним из армянских нахараров (сатрапов) в Верхней Месопотамии, который, будучи христианином, отвергал языческие культы, Е. А. Мехмадиев выдвинул свою гипотезу. Она заключается в том, что в пределах Великой Армении Цезарь осуществлял военную экспедицию против гуннов, которые опустошали земли подвластного Риму по Нисибинскому миру (298) царства.

Новая гипотеза базируется на сведениях ряда греко-латинских (Евсевий Кесарийский, Квинт Аврелий Симмах) и древнеармянских (Агафангел, Псевдо-Йовханнэс Мамиконян и Вардан Аревелци) авторов. Однако из армянских писателей для данного периода лишь к Агафангелу, который творил не позднее V в., можно отнестись с доверием. По утверждению самого Агафангела, он приходился двоюродным братом первому епископу Великой Армении Григорию Просветителю (302–325) и служил секретарем при дворе первого крещеного царя Великой Армении Тиридата III (288–330).

Трудно согласиться с Е. А. Мехмадиевым в том, что «История Тарона» Псевдо-Ованеса Мамиконяна (Йовханнэса Мамиконяна) – «вполне заслуживающий доверия» источник (с. 139). Ведь этот труд

Новые изыскания по позднеантичной истории военного дела

доказанно базируется на народных сказаниях жителей великоармянской области Тарон, собранных местным епископом. Нашему автору следовало подкреплять свои доводы относительно антигуннского похода римлян в Великую Армению при Тиридате, ссылаясь и на других писателей «Золотого века» (V в.) армянской литературы – Павстоса Бузанда, повествование которого охватывает период с 330-х гг. до римско-персидского раздела Великой Армении (387), и Мовсэса Хоренаци.

Е. А. Мехамадиеву необходимо также быть предельно осторожным в своих высказываниях касательно поздней датировки «Истории Армении» «отца армянской историографии» (с. 142–143). Теория о том, что Мовсэс Хоренаци – автор VIII в., была выдвинута полвека назад американскими кавказоведами и арменистами К. Л. Тумановым и Р. У. Томсоном и нашла поддержку у византиниста Н. Г. Гарсояна. Однако она не получила признания¹², подвергшись серьезной критике¹³.

В предложенной Е. А. Мехамадиевым трактовке Максимин Даза вступил в Великую Армению осенью 312 г. по призыву царя Тиридата III. Успешная антигуннская кампания была осуществлена в два этапа: осенью 312 г. и весной 313 г.

В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос: быть может, мы имеем дело с карательным походом Цезаря против Тиридата III, который осмелился впервые в мире провозглашать христианство в качестве единственного государственного культа в Великой Армении, а не против гуннов, вторгшихся туда? Тем более что современная наука оспаривает официальную позицию Армянской церкви относительно крещения Великой Армении в 301 г., мотивируя тем, что до Миланского эдикта 313 г. римский вассал Тиридат III не мог пойти на подобный шаг. Что касается упоминаний о вторжении в Великую Армению гуннов, то о нашествиях кочевников со стороны Северного Кавказа в эпоху поздней Античности регулярно пишут греко-римские, сирийские, древнеармянские и византийские авторы.

По мнению Е. А. Мехамадиева, с гуннами в Великой Армении войну вел дукс Малой Армении, под командованием которого действовали три легиона: XII Молниеносный, XV Аполлонов и I Понтийский. Ссылаясь на агиографическую литературу, исследователю удается

¹² См., к примеру, выводы американских литературоведов: *Hacikyan A. J., Basmajian G., Franckuk E. S., Ouzounian N.* The Heritage of Armenian Literature: From the Oral Tradition to the Golden Age. Detroit ; Michigan, 2000. Vol. 1. P. 305–306.

¹³ В поддержку критики приведем следующий довод: Анастас Таронаци, который по поручению Двинского собора 554 г. составил находящийся в обращении ныне армянский церковный календарь (584), в авторской «Хронографии» свидетельствует: «474 (год. – А. Ш.), Мовсес Хоренаци, философ и историк» (см.: *Матевосян А. С.* Мовсес Хоренаци и хроника Атанаса Таронаци // Историко-филологический журнал. 1989. № 1. С. 226).

уточнить, что должность дукса Малой Армении могла быть учреждена в период между 305 и 314 гг., а звали первого дукса Лисий (с. 164).

Там же ученый показывает, что провинция Малая Армения выделялась из состава Каппадокии в период между 305 и 312 гг. (с. 158–160). Однако общепринятой в научной литературе датой является 296 год.

На с. 176–180 Е. А. Мехмадиев доказывает, что в 335 г. Константин наделил двух своих племянников – Далмация и Ганнибалиана – званием Цезаря, назначив на командные должности разного уровня: Далмаций получил командование экспедиционной армией во Фракии, заняв должность *magister militum*, в то время как Ганнибалиан стал дуксом Месопотамии, т. е. занял должность, которая по рангу находилась ниже магистра армии. Возникает другой вопрос: мог ли Ганнибалиан получать должность регионального генерала, будучи обладателем исключительного титула *rex regum* (букв.: «царь царей», по аналогии с титулом шахиншаха в Иране). Наличие титула, по убеждению Е. А. Мехмадиева, предполагает, что полномочия Ганнибалиана могли распространяться за пределы верхнемесопотамской провинции Рима, охватывая клиентские государства – Великую Армению и Иберию (с. 182).

На с. 135–136 Е. А. Мехмадиев, цитируя отрывок из «Хроники» Псевдо-Дионисия Теллмахрского, столкнулся с административной единицей *Armenia interior*. В результате он попытался рассмотреть отсутствующий в топонимике Передней Азии термин «нижняя Армения» и локализовать его среди армянских сатрапий в Верхней Месопотамии (с. 138), мотивируя тезис тем, что в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского ничего подобного нет. Между тем, речь, бесспорно, идет о римской провинции, которая была сформирована в 389 г. с центром в Феодосиполе из Высокой Армении – великоармянской области, которая досталась империи по миру с Сасанидами 387 г. Поэтому умерший в 340 г. Евсевий не мог о ней знать.

Увлеченно ссылаясь на «Всеобщую историю» упомянутого Вардана Аревелци (XIII в.), дабы подкрепить доводы о кампании Максимиана Дазы против гуннов, Е. А. Мехмадиев с удивлением обнаружил сведения о наличии фем в Великой Армении (с. 148). Напомним, что в X – первой половине XI в., когда Византия присоединяла армянские государства и смежные области Грузии, были сформированы фемы Тарон, Иберия и Ани и др.

Вторая глава «Проблемы межгосударственных отношений и римской военной политики в последние годы Константина (324–337) и в период правления Констанция II (337–353)» (с. 184–343) состоит из четырех параграфов, каждый из которых подразделяется на две части.

На с. 185 Е. А. Мехмадиев пишет, что цитируемая им надпись 334 г. из Багдада является первым упоминанием на латыни термина

Saraceni. Но мы встречали его в форме *Araceni* в «Naturalis historia» (ок. 77 г.) Плиния Старшего¹⁴. Данный этноним в древнегреческой форме Σαρακηνοί можно также встретить среди племен «Аравии Феликс» (Εὐδαίμων Ἀραβία) у Клавдия Птолемея (ок. 90–168)¹⁵.

Ссылаясь на Д. Графа, исследователь считает, что этноним восходит к арабскому «šarikat – “союз”, “объединение”, “сообщество”»¹⁶. В качестве довода Д. Граф приводил существование договорных отношений между имперскими властями и арабскими вождями. Однако этимология его в науке установлена: она восходит к арабскому *прилаг.* شرقي [šarqī], от *гл.* شرق [šarqa] («восходить») ¹⁷. У Е. А. Мехмадиева есть и другие версии со ссылкой на арабистов (с. 185–186, прим. 3). Например, šarqa («переселяться во внутреннюю пустыню»), хотя верный перевод *гл.* II породы (شرق) «отправляться на Восток»¹⁸. Как нам кажется, этноним *Saraceni* мог также восходить к другому арабскому слову – *сущ.* سارق [sāriq] («вор») ¹⁹.

Далее Е. А. Мехмадиев отмечает, как Константин I в 325–326 гг. пополнял пограничные гарнизоны в Аравии Петрейской и Сирии отрядами арабской кавалерии, заключив союз с вождем Лахмидов. Это был Имру' ал-Кайс – второй царь Лахмидов (295–328), которые до него в Нижней Месопотамии, у границ Ирана и под сюзеренитетом Сасанидов, добились государственности. Считаем, что автору необходимо было уточнить, как данный союз повлиял на организационную структуру иранского фронта. Готовясь к иранской кампании, мог ли Константин I привлечь пограничные войска Сирии или же он опирался только на подразделения из Фракии, где располагалась его экспедиционная армия?

На с. 197–219 говорится, как весной 337 г., незадолго до смерти, Константин запланировал персидский поход, в связи с чем он перевел подразделения экспедиционной армии из Фракии в Вифинию. Сама же восточная армия до 337 г. продолжала оставаться пограничной, а центром обороны оставалась Малая Армения. Здесь же Е. А. Мехмадиев доказывает, что два воина-мученика – Боноз и Максимилиан, казнённые в 362 г., – поступили на службу еще в 337 г. Они сопровождали

¹⁴ Pliny. *Natural History with an English Translation* / ed. & transl. H. Rackham. London, 1938–1962. Vol. 6. P. 456, 457.

¹⁵ Claudii Ptolemaei. *Geographia* / ed. C. F. A. Nobbe. Lipsiae, 1843–1845. T. 2. P. 102.

¹⁶ От *гл.* شرك [šaraka] («иметь долю, часть, быть участником»), см.: *Гиргас В. Ф.* Арабско-русский словарь к Корану и хадисам. Казань, 1881. С. 406; *Баранов Х. К.* Большой арабско-русский словарь. 12-е изд. М., 2008. Т. 1. С. 402.

¹⁷ *Баранов Х. К.* Большой арабско-русский словарь... С. 401.

¹⁸ *Гиргас В. Ф.* Арабско-русский словарь... С. 405; *Баранов Х. К.* Большой арабско-русский словарь... С. 401.

¹⁹ *Гиргас В. Ф.* Арабско-русский словарь... С. 359.

Константина в персидском походе и присутствовали на церемонии его предсмертного крещения. По мнению ученого, оба были зачислены в придворные легионы Иовианы и Геркулии. Можем ли мы признать сведения «Мученичества Боноза и Максимилиана» достоверными и, вообще, можем ли мы полностью принимать на веру данные агиографии?

Е. А. Мехамадиев пишет (с. 219–249), что когда в 337 г. власть на Востоке досталась сыну Константина I, Констанцию II (324–361), тот присоединил к своим владениям Фракию, а значит, экспедиционную армию отца. Констанцию достались также подразделения, размещавшиеся в Вифинии и под Константинополем. Поскольку в 338 г. персы угрожали восточным провинциям, Констанций перевел часть подразделений в Месопотамию и Аравию Петрейскую, пополняя ряды пограничных гарнизонов. Среди них – вексилляция Аврелиаков (*Aureliaci*), отряд мавров из Иллирика, вексилляция далматской конницы и отряд рекрутов из Фракии.

Документальные источники позволили автору заключить, что ситуация на персидском фронте осложнялась прогрессирующим дезертирством, раздроблением пограничных легионов на вексилляции, а также обложением налогами крупных землевладельцев Сирии. Последних, так же как и поселенцев-ветеранов, принуждали финансировать строительные работы по укреплению персидской границы. Тем не менее, в 338–339 гг. Констанций II успешно провел в Великой Армении экспедицию против вторгшихся туда персов по истечении срока сорокалетнего мира в Нисибине. После войсковые подразделения были перебросены в смежную Месопотамию.

Сопоставив сведения Мовсэса Хоренаци, Павстоса Бузанда, Феофана Исповедника и ряд надписей, Е. А. Мехамадиев пришел к выводу, что основную роль в победе над Сасанидами сыграли два войсковых контингента – римские регулярные подразделения, переведенные из Вифинии, и отряды крупных армянских нахараров, имевших про-римскую ориентацию.

Автор проследил развитие военного конфликта на Западе, в Галлии, где в 350 г. офицер Магн Магненций провозгласил себя императором (с. 249–309). На основании эпиграфических источников ученый раскрыл состав армий Констанция II и Магненция, показал численное соотношение сторон и особенности военной организации Галлии к середине IV столетия.

На с. 327 Е. А. Мехамадиев со ссылкой на персидского историка Бал'ами (X в.)²⁰ отмечает существование государства арабского племени

²⁰ Речь идет о новоперсидской версии 963 г. «Истории пророков и царей» «отца мусульманской историографии» ат-Табари (838–923), который, в свою очередь, изложил с арабской переработкой сочинения из сасанидской официальной историографии начала VII в.

Новые изыскания по позднеантичной истории военного дела

Гассанидов уже при шахиншахе Шапуре II (309–379). Однако это царство с центром в Джабийи, южнее Дамаска, и вассальное от Византии, будет сформировано лишь в VI в. Речь в отрывке Бал’ами идет о племенном союзе Гассанидов, которые с середины III в. мигрировали из юго-западной периферии Аравийского полуострова в пределы римской провинции Аравии Петрейской.

Представляет немалый интерес заключение Е. А. Мехамадиева о том, что Великая Армения временно в 313–314 гг. входила в состав Римской империи (с. 340).

В разделе «Заключение» (с. 344–389) нами обнаружено некорректное высказывание: «...на территорию Атропатены, т. е. на западный берег Каспийского моря, где сегодня размещается Азербайджан» (с. 378). Получается, что Азербайджанскую Республику на Южном Кавказе Е. А. Мехамадиев локализует на месте античной Атропатены, в то время как последняя по большому счету соответствует современной территории Иранского Азербайджана. Кстати, в основном тексте (с. 321) данный пассаж интерпретируется ученым вполне корректно.

В завершение уместно отметить, что Е. А. Мехамадиеву удалось реализовать поставленную перед ним основную задачу – рассмотреть внутреннюю (организационную) структуру всех региональных армий, которые действовали в Римской империи в эпоху Константина Великого и его династии. При этом он не ограничился исследованием узких сюжетов, связанных с историей лишь одного взятого региона. В равной мере исследователь представил дошедшие до нас материалы как по восточным, так и по западным провинциям Рима, выявляя тесную взаимосвязь периферий, постоянные переброски войск с запада на восток и/или наоборот.

Автор мог бы убрать из основного текста полные переводы огромного числа документальных источников с восточных языков на западноевропейские, а также цитируемых отрывков из нарративных источников, сохранив при этом собственные русские переводы. Тем более что при переводах, да еще и вторичных, не исключена вероятность утраты каких-то важных нюансов в передаваемой информации, а самое главное – разнобоя в передаче иноземных имен собственных и терминов²¹.

Все высказанные замечания и рекомендации, а также озвученные вопросы ни в коей мере не умаляют значение выполненного Е. А. Мехамадиевым капитального исследования. Рецензируемая монография

²¹ Յովհաննէս Մամիկոնեան [Йовханнэс Мамиконян] зафиксирован у Е. А. Мехамадиева как «Ованес Мамиконян». В результате собственного перевода на русский язык пассажа из сочинения арабского путешественника ал-Мас’уди (896–956) через французский перевод К. Барбиера де Мейнара название племени Бану Ййад Е. А. Мехамадиев передал как «Бену-Ййад» (с. 327, 328).

является оригинальным, актуальным и заслуживающим внимания специалистов исследованием. Она отличается научной новизной, выполнена на достаточно высоком теоретическом уровне, так как ее автор обосновал свои выводы и полностью доказал выдвинутые базисные положения.

REFERENCES

Adonts, N. G. (1908). *Armenia in the Period of Justinian: the Political Conditions Based on the Naxarar System*. St Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk.

Baranov, Kh. K. (2008). *Bol'shoi arabsko-russkii slovar' [Big Arabic-Russian Dictionary]* (12th ed., Vol. 1). Moscow: Zhivoi iazyk.

Christensen, A. E. (1944). *L'Iran sous les Sassanides*. Copenhagen: Levin and Munksgaard.

Garsoïan, N. (1997). Byzantine Armenia and the Reforms of Justinian I (527–565). In R. Hovannisian (Ed.), *The Armenian People from Ancient to Modern Times* (Vol. 1). New York: St. Martin's Press.

Girgas, V. F. (1881). *Arabsko-russkii slovar' k Koranu i Khadisam [Arabic-Russian Dictionary of the Quran and Hadith]*. Kazan: Tipogr. Imp. universiteta.

Hacikyan, A. J., Basmajian, G., Franchuk, E. S., & Ouzounian, N. (2000). *The Heritage of Armenian Literature: From the Oral Tradition to the Golden Age*. Detroit, Michigan: Wayne State University Press.

Hoffmann, D. (1969). *Das spätrömische Bewegungsheer und die Notitia Dignitatum* (Vol. 1). Düsseldorf: Rheinland-Verlag.

Matevosian, A. S. (1989). Movses Khorenatsi i khronika Atanasa Taronatsi [Movses Khorenatsi and Chronicle of Atanas Taronatsi]. *Istoriko-filologicheskii zhurnal*, 1, 220–234.

Mekhamadiev, E. A. (2014). *Armijskie voiskovye podrazdeleniia v rannevizantijskoi armii IV–VII vv. [The Armenian Military Units within the Early Byzantine Army of Fourth–Seventh AD]*. St Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.

Mekhamadiev, E. A. (2019). *Voennaia organizatsiia pozdnei Rimskoi imperii v 253–353 gg.: epokha Konstantina I Velikogo i ego dinastii (306–353) [A Military Organization of the Late Roman Empire in 253–353 A.D.: The Reign of Constantine I the Great and His Dynasty (306–353)]*. St Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.

Mekhamadiev, E. A. (2020). *Voennaia organizatsiia Vizantijskoi imperii v VII–pervoi polovine IX v.: administrativno-territorial'nyi i sotsial'nyi aspekty razvitiia [A Military Organization of Byzantine Empire in the Seventh – the First Half of the Ninth Centuries: Administrative, Territorial and Social Aspects]*. St Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.

Nobbe, C. F. A. (Ed.). (1843–1845). *Claudii Ptolemaei Geographia*. Lipsiae: Sumptibus et Typis Caroli Tauchnitii.

Pigulevskaya, N. V. (1964). *Araby u granits Vizantii i Irana v IV–VI vv. [The Arabs on the Byzantine and Iranian Frontiers in Fourth–Sixth Centuries]*. Moscow; Leningrad: Nauka.

Новые изыскания по позднеантичной истории военного дела

Rackham, H. (Ed.). (1938–1962). *Pliny. Natural History with an English Translation*. London: William Heinemann.

Sarantis, A.K., & Christie, N. (Eds.). (2013). *War and Warfare in Late Antiquity. Current Perspectives*. Leiden; Boston: Brill.

Shahid, I. A. (1984). *Rome and the Arabs. A Prolegomenon to the Study of Byzantium and the Arabs*. Washington D. C.: Dumbarton Oaks.

Shahinyan, A. K. (2020). O novom issledovanii po voennoi istorii pozdnego Rima i rannei Vizantii [New Research in the Military History of the Late Rome and Early Byzantium]. A review of: Mekhamadiev, E. A. (2019). Voennaia organizatsiia pozdnei Rimskoi imperii v 253–353 gg.: ot reform imperatora Galliena do perioda Tetrarkhii (253–305) [A Military Organization of the Later Roman Empire in 253–353 AD: From Emperor Gallienus' Reforms to the Age of the Tetrarchy (253–305)]. St Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 406 p. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 48, 408–421. doi: 10.15826/adsv.2020.48.024

Шагинян Арсен Карапети

доктор исторических наук,
профессор
Санкт-Петербургский
государственный университет
199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7/9
E-mail: a.shaginyan@spbu.ru

Shahinyan, Arsen Karapeti

Dr. Hab. (History), Professor
Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Emb.,
199034, St Petersburg, Russia
Email: a.shaginyan@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8992-6464>
Researcher ID: J-9819-2013
Scopus AuthorID: 57190294466

Т. В. Куц

¹Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

²Институт всеобщей истории РАН
Москва, Россия

К ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ: ПИСЬМА М. Я. СЮЗЮМОВА К З. В. УДАЛЬЦОВОЙ

Настоящая публикация представляет собой комментированное издание писем основателя Уральской школы византиноведения Михаила Яковлевича Сюзюмова к главе советского византиноведения Зинаиде Владимировне Удальцовой. Следы их многолетнего эпистолярного общения сохранились в Архиве Российской академии наук и Государственном архиве Свердловской области, где выявлено 55 посланий М. Я. Сюзюмова и 6 писем З. В. Удальцовой. Их переписка, длившаяся почти 30 лет, позволяла уральскому ученому быть в курсе всего происходившего в отечественном византиноведении и оперативно решать организационные вопросы. В корреспонденции затрагивались различные темы, связанные с научной и преподавательской деятельностью Сюзюмова: организация защиты его докторской диссертации, подготовка и публикация статей и книг, обсуждение вышедших научных трудов, организация конференций и участие в них, работа в редколлегиях журнала «Византийский временник» и коллективного труда «История Византии», отношения с коллегами, ходатайство за учеников, текущие университетские дела и пр. В письмах нашли также отражение отстаиваемая Сюзюмовым концепция генезиса феодализма и его позиция по ряду дискуссионных вопросов византиноведения и медиевистики. Публикация основного массива корреспонденции двух византинистов XX в. позволяет пролить дополнительный свет на многие страницы истории советского византиноведения.

Ключевые слова: М. Я. Сюзюмов; З. В. Удальцова; советское византиноведение; уральская школа византиноведения; историография

Благодарность

Автор благодарит А. Г. Цыпкину за помощь в подготовке публикации.

Цитирование: Куц Т. В. К истории советского византиноведения: письма М. Я. Сюзюмова к З. В. Удальцовой // Античная древность и средние века. 2021. Т. 49. С. 318–392. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.020>

Поступила в редакцию 15.10.2021

Принята к печати 11.11.2021

Письма М. Я. Сюзюмова к З. В. Удальцовой

Tatiana V. Kushch

¹*Ural Federal University*
Ekaterinburg, Russia

²*Institute of World History of Russian Academy of Sciences*
Moscow, Russia

ON THE HISTORY OF THE SOVIET BYZANTINE STUDIES: THE CORRESPONDENCE OF M. JA. SJUZJUMOV TO Z. V. UDAL'TSOVA

This publication comprised the letters of Mikhail Jakovlevich Sjuzumov, the founder of the Ural school of Byzantine Studies, to Zinaida Vladimirovna Udal'tsova, the head of the Soviet Byzantinology, with appropriate comments. The traces of their long-lasting epistolary communication reside in the Russian Academy of Sciences Archive and the State Archive of the Sverdlovsk Region as 55 letters by M. Ja. Sjuzumov and 6 letters by Z. V. Udal'tsova. This almost 30-year-long correspondence enabled the Ural scholar to keep abreast of all what happened in the Soviet Byzantinology and to deal efficiently with organisational matters. The correspondence in question covered various topics related to Sjuzumov's scholarly and educational works: the organization of the defence of his doctoral dissertation, the preparation and publication of his articles and books, the discussion of his published academic works, the organization of conferences and his participation in them, the work in the editorial boards of *Vizantiiskii Vremennik* and collective volumes of the *History of Byzantium*, relations with colleagues, patronage of students, current university matters, etc. These letters also uncover Sjuzumov's concept of the genesis of feudalism and his position related to some disputable issues of the Byzantine and Mediaeval Studies. The publication of the main body of correspondence of the two twentieth-century Byzantologists sheds additional light on many pages in the history of Soviet Byzantine studies.

Keywords: Mikhail Ja. Sjuzumov; Zinaida V. Udal'tsova; Soviet Byzantine studies; Ural school of Byzantine studies; historiography

Acknowledgements

The author is grateful to A. G. Tsyapkina for her assistance in preparing of the publication.

For citation: Kushch, T. V. (2021). K istorii sovetskogo vizantinovedeniia: pis'ma M. Ja. Sjuzumova k Z. V. Udal'tsovoi [On the History of the Soviet Byzantine Studies: The Correspondence of M. Ja. Sjuzumov to Z. V. Udal'tsova]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 49, 318–392. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.020>

Submitted: 15.10.2021

Accepted: 11.11.2021

Научная биография Михаила Яковлевича Сюзюмова (1893–1982), одного из самых ярких советских византинистов, наиболее полно представлена в серии работ его ученицы М. А. Поляковской, показавшей масштаб личности ученого и его вклад в развитие отечественного византиноведения¹. Она же первой начала публиковать корреспонденцию Михаила Яковлевича², поскольку, как она отмечала, письма позволяют реконструировать события истории отечественной науки и «ощутить своеобразие личности эпистолографа»³. Эпистолярное наследие М. Я. Сюзюмова, основателя Уральской школы византиноведения, весьма значительно – только в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО), где находится фонд Сюзюмова, хранятся 38 дел, содержащих копии его писем различным адресатам, а также 80 дел, составленных из поступившей к нему корреспонденции. Наличие копий объясняется тем, что свои послания ученый часто писал или печатал под копирку, оставляя у себя второй экземпляр, чтобы не потерять нить эпистолярного диалога и не забыть, какие темы и вопросы были ранее затронуты. Благодаря этой привычке, столь распространенной в среде интеллигенции прошлого века, некоторые письма М. Я. Сюзюмова, оригиналы которых утрачены, дошли до нас в копиях, что, безусловно, никоим образом не умаляет их ценности. Сами же письма Михаила Яковлевича осели в некоторых российских и зарубежных архивах, в фондах которых находятся личные бумаги известных ученых, являвшихся его адресатами⁴. Послания Сюзюмова сохранились и в домашних архивах ныне здравствующих византинистов, когда-то состоявших с ним в переписке⁵. Введение в на-

¹ Поляковская М. А. Оценка периода генезиса византийского феодализма в трудах М. Я. Сюзюмова (к 95-летию со дня рождения) // АДСВ. 1988. Вып. 24. С. 7–19; *Ее же*. Ученый и время: К 100-летию со дня рождения М. Я. Сюзюмова // ВВ. 1994. Т. 54. С. 170–182; *Ее же*. М. Я. Сюзюмов: парадоксы жизни и творчества // Известия Уральского государственного университета. 1996. № 4. С. 51–54; *Ее же*. Михаил Яковлевич Сюзюмов: ученый и время // Сюзюмов М. Я. Византийские этюды. Екатеринбург, 2001. С. 5–22; *Ее же*. Из истории отечественной византистики: М. Я. Сюзюмов и А. П. Каждан (по материалам эпистолярия) // Мир Александра Каждана. СПб., 2003. С. 69–83; *Ее же*. Михаил Яковлевич Сюзюмов (1893–1982) // Портреты историков: время и судьбы / отв. ред. Г. Н. Севостьянов ; сост. В. Я. Головин. М., 2010. Т. 5. С. 132–143.

² Поляковская М. А. Византия, византийцы, византинисты. Екатеринбург, 2003. С. 300–319.

³ Там же. С. 297.

⁴ Так, в Архиве Сербской академии наук и искусств в фонде Г. А. Острогорского найдены 5 писем М. Я. Сюзюмова, которые недавно были опубликованы: Романчук А. И. Из эпистолярного наследия М. Я. Сюзюмова: письма к Г. А. Острогорскому // Документ. Архив. История. Современность. 2017. Вып. 17. С. 536–550.

⁵ Письма М. Я. Сюзюмова к бывшему его ученику, ныне академику РАН И. П. Медведеву в свое время были переданы нам для публикации: Куц Т. В. «Чтобы не рассыпалась наша свердловская семейка византинистов»: письма М. Я. Сюзюмова к И. П. Медведеву // АДСВ. 2015. Вып. 43. С. 4–30.

учный оборот этих писем может не только дополнить новыми сведениями биографию ученого, но и пролить свет на некоторые малоизвестные страницы истории советской исторической науки, подтверждением чему и служит данная публикация.

В силу жизненных обстоятельств М. Я. Сюзюмов оказался в провинции вдалеке от столичных библиотек и научной среды. Живя в индустриальном Свердловске, он остро ощущал недостаток живого общения с друзьями и коллегами, нехватку свежей литературы и научных событий, на что неоднократно сетовал в письмах. Ученый старался по мере возможности регулярно приезжать в Москву, чтобы поработать в библиотеках, выступить на конференции, присутствовать на заседаниях сектора истории Византии (в то время являвшегося ведущим центром советского византиноведения) или редколлегии «Византийского временника», в которой он состоял с 1955 г. Неудивительно, что организации московских поездок посвящено немало строк в публикуемых ниже письмах. Но такие визиты в столицу (особенно с возрастом) случались не столь часто, как того хотелось бы ученому, а потребность решить какие-то текущие вопросы, обсудить научные планы или обменяться мнениями существовала постоянно. Выручали письма. Сам М. Я. Сюзюмов был страстным эпистографом – он много и охотно писал и даже имел привычку завершать рабочий день составлением писем: «Письма пишу всегда перед сном, иначе не могу заснуть (нужно отвлечение!)»⁶. Безусловно, переписка была для уральского византиниста лишь паллиативным средством, но все же она позволяла преодолевать оторванность от научной среды и ощущать вовлеченность в жизнь корпорации. Широкий круг корреспондентов свидетельствует о плотной интеграции М. Я. Сюзюмова в мир византинистов второй половины XX в.

К числу постоянных его корреспондентов принадлежала Зинаида Владимировна Удальцова (1918–1987)⁷, многие десятилетия руководившая советским византиноведением. Следы их многолетнего эпистолярного общения сохранились в Архиве Российской академии наук (АРАН) и ГАСО, где выявлено 55 посланий М. Я. Сюзюмова (4 из них являются копиями несохранившихся писем) и 6 писем З. В. Удальцовой. Их переписка длилась почти 30 лет: самое раннее из сохранившихся писем датировано 31 января 1953 г., последнее же – короткое письмо-

⁶ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 17 об.

⁷ Алтатов В. М. Удальцова Зинаида Владимировна (1918–1987) // Портреты историков: время и судьбы / отв. ред. Г. Н. Севостьянов; сост. В. Я. Головин. М., 2010. Т. 5. С. 144–162; Лебедева Г. Е., Пиотровская Е. К., Слядзь А. Н. З. В. Удальцова как организатор советского византиноведения (к 100-летию члена-корреспондента Академии наук СССР З. В. Удальцовой) // *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2018. Вып. 4 (2). С. 9–27.

записка – написано 19 января 1981 г., за несколько лет до кончины Михаила Яковлевича. Очевидно, что сохранившиеся письма – это лишь часть (хоть и значительная) их обширной и регулярной корреспонденции, но и они позволяют судить о характере их отношений, уточнить некоторые детали научной биографии обоих ученых, проникнуться атмосферой научных дискуссий 1950–1970-х гг., узнать малоизвестные факты из истории советской медиевистики и византиноведения.

При чтении писем сразу отмечаешь их дружественный тон – оба корреспондента проявляли доброжелательность и демонстрировали расположение друг к другу. Однако нельзя не заметить, как со временем менялась интонация писем Сюзюмова – игривость и шутки, присутствовавшие в ранних письмах, постепенно исчезли, уступив место подчеркнутой учтивости и акцентированному выражению дружеских чувств. Такие перемены в стилистике писем были связаны с быстрым карьерным продвижением Зинаиды Владимировны, исключавшим вольности в деловой переписке. Михаил Яковлевич, всегда строго соблюдавший иерархию, это понимал и со временем изменил тон своих посланий. Неизменным же оставалось его уважительное отношение к корреспонденту, выраженное, в частности, в обычном для начала письма обращении: «глубокоуважаемая дорогая Зинаида Владимировна». Впрочем, М. Я. Сюзюмова всегда отличали прекрасные, скорее даже старомодные манеры, в которых угадывалось его дореволюционное воспитание.

Начало их переписки относится к тому периоду, когда завершалось институциональное оформление советского византиноведения⁸. В 1955 г. существовавшую при Институте истории АН СССР группу по византиноведению, в которую З. В. Удальцова была принята в 1949 г., преобразовали в сектор истории Византии. Фактическим организатором сектора стала Зинаида Владимировна, которую поддерживал ее учитель Евгений Алексеевич Косминский, согласившийся номинально возглавить новый сектор. После смерти Е. А. Косминского в 1959 г. З. В. Удальцова стала исполняющей обязанности заведующего, а после утверждения ее докторской диссертации в 1961 г. – полноправной заведующей сектором⁹. Она же, будучи сперва ответственным секретарем (с 1949 г.), а затем заместителем ответственного редактора (с 1956 г.), играла заметную роль в судьбе возрожденного «Византийского временника»¹⁰. Так, в 1950-е гг. укреплялось положение Зинаиды

⁸ *Сашанов В. В.* Становление советского византиноведения в 40-е–50-е годы XX века: институциональный аспект // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2016. Т. 158, № 3. С. 848.

⁹ *Лебедева Г. Е., Пиотровская Е. К., Слядзь А. Н.* З. В. Удальцова как организатор советского византиноведения... С. 13–14.

¹⁰ Там же. С. 12–13.

Владимировны в отечественной науке – постепенно она становилась главой фигурой в советском византиноведении, которым будет деятельно руководить вплоть до своей смерти.

Для М. Я. Сюзюмова 1950-е гг. тоже были временем важных перемен – его научная карьера находилась на подъеме. На первых порах ему, правда, пришлось преодолевать определенные трудности, связанные с его отдаленностью от столицы. Пытаясь организовать защиту докторской диссертации, завершенной к концу 1952 г.¹¹, Михаил Яковлевич столкнулся с бюрократическими проволочками. Содействие оказала З. В. Удальцова, к которой свердловский ученый и обратился с просьбой о помощи – об этом свидетельствуют публикуемые ниже письма. При ее поддержке «застрявшая» более чем на год диссертация¹² была наконец защищена 17 мая 1954 г. в Институте истории АН СССР. Осенью 1955 г. Сюзюмов перешел из Свердловского пединститута в Уральский государственный университет; в 1956 г. он был избран заведующим кафедрой всеобщей истории¹³. В это же время ему поступило предложение перебраться в столицу и стать сотрудником только что созданного сектора истории Византии. Вероятно, именно от З. В. Удальцовой исходила инициатива пригласить в сектор уральского византиниста, но тот отказался – человеку, уже перешагнувшему 60-летний рубеж, трудно было решиться на переезд. На место же, предназначавшееся для М. Я. Сюзюмова, был принят А. П. Каждан¹⁴. В конце 1950-х гг. закладывался фундамент будущей «школы Сюзюмова»: была сформулирована идея континуитета, ставшая концептуальной основой дальнейших исследований ученого, появились первые ученики, начала действовать Крымская археологическая экспедиция, был подготовлен первый выпуск сборника научных трудов «Античная

¹¹ В автобиографии, составленной 24 октября 1953 г., М. Я. Сюзюмов указал: «В 1953 г. в январе с. г. закончил диссертацию на соискание докторской степени» (ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 270. Л. 3). Однако письмо З. В. Удальцовой от 31 января 1953 г. позволяет уточнить, что уже в начале декабря 1952 г. было направлено официальное обращение в Институт истории АН РАН с просьбой принять работу к защите (АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 1).

¹² В письме от 10 января 1954 г. М. Я. Сюзюмов писал: «Сейчас я нахожусь в весьма возбужденном состоянии, ведь уже пятнадцатый месяц со дня официального обращения в Институт истории по делу моей диссертации. Что-то диссертация опять застряла, и на этот раз как будто на мертвой точке: Институт истории ждет... рецензий от оппонентов, а оппоненты ждут сообщения о сроке защиты... Я очень волнуюсь, прямо-таки ничего не идет на ум, ведь при таком положении можно прождать годами» (Там же. Л. 3 об.-4).

¹³ *Поляковская М. А.* Михаил Яковлевич Сюзюмов: ученый и время... С. 12. «Мне пришлось принять заведование кафедрой и сразу же масса забот...»: АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 8.

¹⁴ Из писем А. П. Каждана // *Поляковская М. А.* Византия, византийцы, византилисты... С. 338.

древность и средние века» (АДСВ)¹⁵. Все эти стороны научной и организационной деятельности М. Я. Сюзюмова нашли отражение в его переписке с З. В. Удальцовой.

В письмах немало места отведено важным событиям византиноведения 1950–1970-х гг. Корреспонденты обсуждали организацию, проведение и результаты всероссийских сессий византинистов, участие советских ученых в международных конгрессах, работу над трехтомником «История Византии»¹⁶, содержание «Византийского временника» и «Античной древности и средних веков», выход книг и публикацию рецензий, подготовку монографий и работу над переводами источников. Письма проливают свет на некоторые малоизвестные факты. Так, из них становится известно, что для первого тома «Истории Византии», вышедшей в 1967 г., М. Я. Сюзюмов написал главу «Источники», которая должна была открывать коллективный труд, однако на обсуждении в секторе текст «зарубили». В письме, написанном по «горячим следам» обсуждения, не присутствовавший на заседании сектора автор пытался объяснить свою концепцию главы и ответить на выдвинутые обвинения¹⁷. В итоге первый том начинается с главы, подготовленной З. В. Удальцовой. И только один небольшой раздел в этой главе был написан ею в соавторстве с М. Я. Сюзюмовым¹⁸.

Из переписки мы узнаем о некоторых планах уральского византиниста, которым, к сожалению, так и не суждено было реализоваться. Во второй половине 1950-х гг. Михаил Яковлевич готовил к публикации докторскую диссертацию¹⁹ – фундаментальное исследование проблемы византийского города и генезиса феодализма²⁰. Понимая, что издать данный труд целиком вряд ли удастся, М. Я. Сюзюмов, вероятно, планировал опубликовать его частями. Так, ученый просил Зинаиду Владимировну включить в пятилетний план изданий Академии наук его монографию «Имущественные отношения в византийском городе» объемом в 15 печатных листов²¹. Однако книга так и не вышла, как, впрочем, не была опубликована и вся диссертация – ее отдельные части увидели свет лишь в виде статей. Переиздать «Книгу епарха», вышедшую в 1949 г. в малодоступном издании, М. Я. Сюзюмову удалось только

¹⁵ О школе см.: *Жуцалова Н. Э. Fuga temporum: об Уральской школе византиноведения // Vox medii aevi. 2015. № 2–3 (13–14). С. 130–138.*

¹⁶ *История Византии* : в 3 т. / отв. ред. С. Д. Сказкин. М., 1967.

¹⁷ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 20–21.

¹⁸ *История Византии...* Т. 1. С. 63–65.

¹⁹ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 6 об.

²⁰ Об основных положениях его работы см.: *Пихоя Р. Г. Михаил Яковлевич Сюзюмов (К 80-летию со дня рождения) // АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 8–10.*

²¹ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 7.

в 1962 г., хотя он собирался завершить работу к концу 1956 г.²² Михаил Яковлевич мечтал и об академическом издании «Морского закона», перевод которого был отпечатан ротопринтом в 1969 г. на страницах «родного» АДСВ, по замечанию ученого, «для “внутреннего употребления”, т. е. для спецсеминара»²³.

В письмах раскрываются сложности, с которым византинист сталквался при публикации своих работ. В силу новаторского характера и полемической заостренности его статьи часто провоцировали критику и резкие рецензии. Не без чувства удовлетворенности (или горькой иронии?) ученый писал: «Везет мне – почти ни одна статья не обходится без немедленного отклика. Прямо я могу гордиться, потому что истинно новое всегда встречают в штыки»²⁴. В письмах, как и в исследовательских работах, проявлялся присущий М. Я. Сюзюмову полемический настрой. В примечании к его статье «О характере и сущности общины по Земледельческому закону», в которой он дискутировал с выводами и наблюдениями ленинградской исследовательницы Е. Э. Липшиц, редакторы «Византийского временника» указали, что статья печатается в порядке обсуждения²⁵. Это вызвало бурную реакцию Сюзюмова – его задело не то, что редакция тем самым отмежевалась от его позиции, а то, что примечание сопровождало только его статью, ведь он искренне считал каждый материал, опубликованный на страницах ежегодника, поводом для обсуждения. С присущей ему темпераментностью Михаил Яковлевич писал: «Да кстати: почему под моими статьями значится “в порядке обсуждения”? Разве остальные статьи обсуждению не подлежат? Разве остальные статьи представляют собою КРЕДО советских византинистов? Я, грешным делом, полагаю, что любой труд подлежит обсуждению, невзирая на лица, и что если этого до сего времени нет в отношении некоторых лиц, то ничего хорошего в этом тоже нет»²⁶. В письмах З. В. Удальцовой он не раз отвечал на критику коллег, приводил аргументы в пользу своих выводов, оспаривал приведенные оппонентами доводы.

Публикуемые письма проясняют и методологические подходы М. Я. Сюзюмова. Будучи сторонником позитивизма, он полагал, что в исследованиях и научной дискуссии нужно опираться прежде всего на всю совокупность фактов, а потому считал недопустимым подгонять их под концепцию или игнорировать данные источников из идеологи-

²² АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 8.

²³ ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 163. Л. 10.

²⁴ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 13 об.

²⁵ Сюзюмов М. Я. О характере и сущности общины по Земледельческому закону // ВВ. 1956. Т. 10. С. 27.

²⁶ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 10 об.

ческих соображений²⁷. Подобную методологическую aberrацию, к которой прибегали в своих исследованиях некоторые советские историки, он называл «детской болезнью левизны»²⁸. Ее проявления в византиноведении он видел в вольном обращении с фактами в угоду «идеологической выдержанности», пренебрежении достижениями дореволюционных византинистов и современной зарубежной историографии, что, на его взгляд, вело к самоизоляции советского византиноведения²⁹. Нужно было обладать немалой смелостью и внутренней свободой, чтобы тогда (а письмо написано в 1958 г.!) клеймить конъюнктурных историков и защищать работы дореволюционных русских византинистов и современных буржуазных авторов.

М. Я. Сюзюмов везде – в статьях, докладах, дискуссиях и частных беседах – отстаивал выдвинутую им концепцию генезиса феодализма, в основе которой лежала идея преемственности античных структур в процессе складывания новой формации. В письмах З. В. Удальцовой он не раз излагал ее в сжатом виде, когда упоминал о своем споре с германистами, отрицавшими роль античных институтов и видевшими истоки феодализма исключительно в трансформации варварского строя. В изложении Сюзюмова, суть их теории сводилась к следующему тезису: «германцы принесли в Европу чистый феодализм, возникший из их родоплеменных институтов»³⁰. Сам же он яростно отвергал «теорию спонтанного роста феодализма в общине варваров»³¹, которой придерживались многие медиевисты, и даже упрекал Зинаиду Владимировну в том, что она разделяла эту позицию: «Ведь я ломал себе все время голову, как Вы при Вашем взгляде на роль Византии в мировом процессе истории и значении античной культуры сочувствуете отрицанию этого значения (что, безусловно, содержится в признании бессинтезности и самобытности)»³². В письмах излагаются и другие оригинальные идеи М. Я. Сюзюмова – его трактовка «дофеодального периода»³³, видение проблемы византийского города³⁴, оценка классово-вой борьбы в ранней Византии³⁵, замечания о характере прониции³⁶ и др.

²⁷ «Так и у нас в истории был период приукрашивания в ущерб действительных фактов»: АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 16.

²⁸ Там же. Л. 16 об.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 34 об.

³¹ Там же. Л. 46.

³² Там же. Л. 46 об.

³³ Там же. Л. 32–32 об.

³⁴ Там же. Л. 35.

³⁵ Там же. Л. 2 об.–3, 38–38 об., 41–41 об.

³⁶ Там же. Л. 10 об.

Письма М. Я. Сюзюмова к З. В. Удальцовой

М. Я. Сюзюмов обсуждал с З. В. Удальцовой свои взаимоотношения с другими людьми. Он писал о сложных отношениях с А. П. Кажданом, которого высоко ценил как исследователя и достойного оппонента, но споры с которым иногда приобретали излишне ожесточенный характер: «У меня какие-то странные отношения с Кажданом – дружеские письма соединяются с взаимной руганью»³⁷. Упоминал он и об испорченных отношениях с Б. Т. Горяновым³⁸, с которым расходился в трактовке прони, и Е. В. Гутновой, с которой вел полемику по проблеме феодализма³⁹. То, что М. Я. Сюзюмов делился с З. В. Удальцовой своими проблемами в общении с коллегами, свидетельствует о доверительном характере их переписки.

Как показывает корреспонденция, византинист всегда находил поддержку З. В. Удальцовой, касалось ли это дел самого Михаила Яковлевича или же речь шла о помощи его ученикам. Со слов М. А. Поляковской, Зинаида Владимировна всегда хорошо принимала уральцев в Москве и покровительствовала им, в чем проявлялось ее уважение к М. Я. Сюзюмову. Это подтверждает и публикуемая корреспонденция. Имена учеников часто упоминаются в письмах – учитель описывал их успехи, сообщал о результатах их исследований и будущих планах, договаривался о публикациях или оппонировании диссертаций. З. В. Удальцова принимала деятельное участие в становлении уральского византиноведения, выступая в качестве оппонента на защитах свердловских ученых, принимая их работы для публикации в «Византийском временнике», организовывая для них стажировки, приглашая с докладами на конференции. В одном из писем Зинаида Владимировна писала М. Я. Сюзюмову, имея в виду его учеников, что те «могут присылать свои работы в “Византийский временник”, и мы всегда рады их напечатать»⁴⁰. Делясь с Михаилом Яковлевичем своими впечатлениями от выступлений его воспитанников на X Всесоюзной сессии византинистов в Москве (1975), она заметила: «Вообще Вы можете сильно гордиться Вашими учениками»⁴¹.

Письма помогают понять, с какими трудностями постоянно приходилось сталкиваться ученому, занимавшемуся наукой в провинции: невозможность опубликовать свои работы («Как трудно сейчас издаваться историку... Мы на задворках!»⁴²), нехватка бумаги и низкое ти-

³⁷ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 4 об.

³⁸ Там же. Л. 4.

³⁹ Там же. Л. 52.

⁴⁰ ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 253. Л. 5.

⁴¹ Там же. Л. 6.

⁴² ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 163. Л. 10 об.

пографское качество изданий («издание – “дешевка”»⁴³), отсутствие литературы («я в Свердловске почти отрезан от литературы и тематика моих работ крайне ограничена материалом»⁴⁴). Есть в письмах и интересные факты, характеризующие жизнь Уральского университета, – сообщение о студенческих волнениях в 1956 г.⁴⁵, о спорах на факультете по поводу концепции В. В. Адамова, главы уральской школы «нового направления» в советской исторической науке⁴⁶. Есть в корреспонденции и упоминания о дисциплинах, которые преподавал М. Я. Сюзюмов, методике работы со студентами, особенностях организации образовательного процесса, министерских попытках реформирования высшего образования.

В письмах содержатся и автобиографические ремарки, дополняющие портрет историка. В связи с очередной годовщиной Октябрьской революции М. Я. Сюзюмов в поздравительной открытке написал следующее: «Я ведь как раз в это время был в Петрограде, работал над диссертацией, увы! незавершенной. А сейчас я уже... почти слепой, почти глухой»⁴⁷. Михаил Яковлевич вспоминал, как в 1920 г. заведовал трудовой школой в г. Златоуст и играл на пианино для агитбригады «Синяя блуза», отмечал энтузиазм молодежи и ее вовлеченность в общественно-политическую работу⁴⁸. Он не раз упоминал и о своих златоустовских учениках, связь с которыми сохранял всю жизнь⁴⁹. В письмах 1970–1980-х гг. М. Я. Сюзюмов доверительно сообщал Зинаиде Владимировне о проблемах со здоровьем и не скрывал свою физическую немощь – он жаловался на усилившуюся глухоту и подступающую слепоту: «Я чувствую себя плохо. Почти слепой, полуглухой, головокружения. Но хожу быстро, бегаю по лестнице, читаю лекции, спорю! Работа без конца»⁵⁰. Даже в старости он сохранял энтузиазм и страстное стремление к деятельной жизни. В одном из последних писем М. Я. Сюзюмов писал: «Но увы, время идет! Сейчас мне уже 88 год жизни! Но всё еще работаю в университете как профессор-консультант...

⁴³ ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 163. Л. 10.

⁴⁴ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 6.

⁴⁵ Там же. Л. 12.

⁴⁶ Там же. Л. 69–70 об. О критике школы В. В. Адамова см.: *Камынин В. Д.* Из истории исторической науки на Урале на рубеже 1960-х–1970-х гг. // История и современное мировоззрение. 2019. Т. 1, № 3. С. 66–67.

⁴⁷ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 80.

⁴⁸ Там же. Л. 79.

⁴⁹ Там же. Л. 64.

⁵⁰ Там же. Л. 77.

Собираюсь опять читать лекции: римское право классическое и право как элементы феодального строя после введений Константина, включая право Юстиниана... и римляне, и варвары... Новый учебник! Много думать! По-разному»⁵¹. Несмотря на безжалостность Хроноса, отбивавшего у него силы, Михаил Яковлевич до конца сохранил желание работать.

К сожалению, иногда возникавшая у Михаила Яковлевича Сюзюмова мысль записать свои воспоминания так и осталась нереализованным желанием («так хочется написать мемуары, но, видать, до этого не доживу»⁵²). Человеку, олицетворявшему живую связь с русской дореволюционной школой и принадлежавшему к числу ведущих советских византинистов, было что поведать следующим поколениям историков. И хотя мемуары так и не были написаны, остались его письма – эти своеобразные дневники его научной жизни, запечатлевшие мир византинистов и отечественной интеллигенции XX в. в целом.

* * *

Публикуемый корпус писем М. Я. Сюзюмова к З. В. Удальцовой представлен 49 документами. Сохранившиеся в архивном деле АРАН 6 открыток, содержащие стандартные поздравительные фразы, решено не включать в данную публикацию. Дополняют подборку писем М. Я. Сюзюмова 6 посланий Зинаиды Владимировны, хранящиеся в ГАСО. Письма публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Отдельные опечатки и пропуски исправлены, но специально не комментируются. Встречающиеся в тексте сокращения раскрыты в квадратных скобках. Пропуски отмечены многоточием в угловых скобках. Сохранено авторское написание слов заглавными буквами, подчеркивание и разрядка. Комментарий к упомянутым в письмах именам собственным приведен в подстрочных примечаниях; там же даны необходимые пояснения по тексту. Полагаясь на эрудицию читателя и его осведомленность в византийских реалиях, автор публикации отказался от комментариев исторических имен, событий, латинских слов и крылатых выражений, встречающихся в письмах. Для удобства письма пронумерованы.

⁵¹ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 84 об.–85.

⁵² Там же. Л. 79.

Т. В. Куш

ПИСЬМА М. Я. СЮЗЮМОВА К З. В. УДАЛЬЦОВОЙ

№ 1⁵³

Свердловск, 31 января 1953 г.

Глубокоуважаемая Зинаида Владимировна,

Вчера купил новый учебник истории Средних веков⁵⁴, в котором Вы приняли такое живое участие. Должен Вас поздравить с большим успехом, хотя отдельные моменты мне и сильно не нравятся – и Вы, конечно, догадываетесь, какие – Юстиниан... Но это деталь – в основном учебник много выигрывает по сравнению со старым... Теперь, хотите – не хотите, а Вашу карточку Вы мне присылайте. Я хочу выставку устроить со студентами: «Новый учебник истории средних веков и его авторы». Выставка предполагает: 1. Учебник. 2. Фото всех авторов. 3. Ученые труды авторов. 4. (IN SPE) рецензии и протоколы разборов учебника. Так что, пожалуйста, CARISSIMA Зинаида Владимировна, спешно шлите Ваше фото. Или лучше две: одну мне в кабинет в виде прекрасномудрой Афины-Паллады, а другую студентам на выставку в виде головы МЕДУЗЫ, – лучше, если студенты придут в ужас, по принципу ODERINT DUM METUANT с большим страхом приступят к изучению написанных Вами глав...

Недоволен я написанной Косминским⁵⁵ страницей 32: эта страница – позор для советской науки, я никак не могу поверить, что такой глубокий ученый, как Евгений Алексеевич, мог написать такую антинаучную дичь... Это, вероятно, какие-либо тех.-лит. правщики прибавили от себя, а Е. А., доверяя им, подписал не читая... Эту страницу нужно выдрать, сжечь и заменить новой...

Я очень волнуюсь, до сего времени не получаю ответа от Института истории, примет ли Институт истории мою работу по соискание докторской степени... В начале декабря послана официальная бумага директором педагогического института. Я очень и очень Вас просил бы разузнать, как обстоит с моей просьбой. Я хотел бы уже прислать на просмотр работу (вышла большая – 1300 страниц...). Как Вы дума-

⁵³ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 1. Машинопись.

⁵⁴ История средних веков : учебник для исторических факультетов вузов. Т. 1 / под ред. акад. Е. А. Косминского. М., 1952.

⁵⁵ Косминский Евгений Алексеевич (1886–1359) – советский историк-медиевист, академик АН СССР.

Письма М. Я. Сюзюмова к З. В. Удальцовой

ете, кого просить дать отзыв о работе... У меня уже переплетены три экземпляра работы и я мог бы уже прислать, но я не знаю, как и кому... Очень буду обязан Вам, если в этом деле Вы сможете ускорить.

Желаю Вам всего-всего хорошего, искренно преданный Вам (подпись)

№ 2⁵⁶

Свердловск, 10 января 1954 г.

HONESTISSIMA, GRATIOSISSIMA ЗИНАИДА ВЛАДИМИРОВНА,

Вот уже новый 1954 год. Думаю, что все мы встретили его подобающим образом, но не знаю, будет ли новый год обращаться с его почитателями подобающим образом. Пока что новый год не отличается от старого: такая же масса работы, пока что одолевали заочники, с завтрашнего дня – экзамены студентов института, так что забот полный рот. Получил VII том «Византийского временника», мне жалко, что нет рецензии моей на Жанэна⁵⁷, ведь в ней много конкретных указаний на недостатки, и это мне досталось большим трудом, – найти конкретную ошибку, недостаток гораздо труднее, чем общими положениями отмечать характер труда. Но, делать нечего, жалко, что не сообщили раньше, что рецензия не пойдет, я бы с легкими изменениями направил в «Вестник древней истории». Читал я рецензию на мою работу о зрелищах⁵⁸, она <...> вся основана на весьма простеньком приеме: я сделал исследование о политической борьбе вокруг зрелищ, а Курбатов⁵⁹ обвинял меня, как если бы я писал о классовой борьбе в Восточно-Римской империи вообще. Меня, кроме того, поразило неумение Курбатова разбираться в понятиях политическая и классовая борьба, полное забвение того простого факта, что помимо борьбы бедных и богатых существовала борьба внутри господствующего класса, тех прослоек, которые стояли упрямо на сохранении старинных форм общественных отношений и надстройки и тех прослоек, которые хотели приспособиться к новым пробивающимся отношениям и вводить (хотя и в своих узких интересах) новые формы политической и идеологической структуры надстройки. Курбатов вообще как-то наивно полагает, что вся политическая

⁵⁶ ДРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 2–5. Машинопись.

⁵⁷ Речь, вероятно, идет о рецензии на книгу Р. Жанэна (*Janin R. Constantinople byzantine. Paris, 1950*), которая была подготовлена М. Я. Сюзюмовым, но так и не была опубликована.

⁵⁸ *Курбатов Г. Л.* Рец. на: М. Я. Сюзюмов. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV в. Ученые записки Уральского государственного университета им. А. М. Горького. 1952. Вып. 11, стр. 84–134 // ВВ. 1953. Т. 7. С. 306–314.

⁵⁹ Курбатов Георгий Львович (1929–2003) – ленинградский византист.

история объясняется борьбой бедных и богатых. Все остальное объясняется тем, что Курбатов не принял во внимание интересы товарного производства, которое, по его рассуждениям, не должно приниматься в расчет... В общем чувствую, что если бы Курбатов писал после труда Сталина об экономических проблемах, то он к своим выводам ни в коем случае не пришел бы. Мне жалко также, что моя статья о классовой борьбе в восточно-римском городе IV века не была в свое время помещена в «Византийском временнике» – ведь в той статье я как раз приводил те самые факты, которые с такою претенциозностью мне сообщает Курбатов. Возмутился я только в одном месте – там, где Курбатов <...> исправлял меня относительно Кирилла⁶⁰. Разумеется, не Кирилл был представителем греческого населения, наоборот, Орест и Ипатия и соответствующие круги были представителями греческой верхушки, а Кирилл опирался, как мы знаем из церковной истории, на фанатическое местное коптское монашество – мы знаем, что продолжатели дела Кирилла были монофизиты – сепаратисты. Особенно пришлось улыбаться, что основную мою тему – политическую борьбу вокруг зрелищ – Курбатов прямо-таки не заметил. Я хотел бы Вас, Зинаида Владимировна, дать мне совет: стоит ли мне выступать с ответом на рецензию. Мои товарищи по кафедре, которым я объяснил смысл возражений, советуют мне писать ответ, но мне что-то не хочется – рецензия фактически моих положений не затрагивает, в научном отношении она мне не вредит, так как ни одно из положений о политической борьбе вокруг зрелищ в IV веке не опровергается и притом рецензия так примитивна, что мне отвечать нет охоты. Но я все-таки прошу Вас совета, может быть, действительно стоит ответить. Мне хотелось бы, чтобы была помещена статья о характере классовой борьбы в византийском городе IV века, я бы исправил старую статью с учетом труда Сталина об экономических проблемах и с попутной критикой в примечаниях положений Курбатова. Есть ли смысл заняться этим делом? Сейчас я нахожусь в весьма возбужденном состоянии, ведь уже пятнадцатый месяц со дня официального обращения в Институт истории по делу моей диссертации. Что-то диссертация опять застряла, и на [этот] раз как-будто на мертвой точке: Институт истории ждет, как мне сообщила Жаботинская⁶¹, рецензий от оппонентов, а оппоненты ждут сообщения о сроке защиты. Пигулевскую⁶² как-то странно вообще забыли оповестить об утверждении ее оппонентом. Елена Эмануиловна⁶³ пишет, что не знает, нужно ли представлять

⁶⁰ Патриарх Александрийский (412–444).

⁶¹ Жаботинская Е. А. – сотрудница сектора средних веков Института истории АН СССР.

⁶² Пигулевская Нина Викторовна (1894–1970) – ленинградский историк, специалист по истории Ближнего и Среднего Востока и Византии, член-корреспондент АН СССР.

⁶³ Липшиц Елена Эмануиловна (1901–1990) – ленинградский византист.

новую рецензию, раз она уже представляла. Я очень волнуюсь, прямо-таки ничего не идет на ум, ведь при таком положении можно прождать годами... Из Ленинграда я имею много писем, а из Москвы – ничего... Я очень жалею, что Каждана⁶⁴ нет в Москве, он иногда мне сообщал новости. Жалею также, что года три назад отношения с Горяновым⁶⁵ стали как-то совершенно холодными, он в свое время писал мне о всех новостях, теперь же я совсем от Москвы оторван. Я недоволен, что Каждан вклинил свою работу в то время, когда разбирается моя работа, все-таки две работы приблизительно на смежные темы и с различными точками зрения на разные вопросы приведут к тому, что в ВАКе создадутся трудности для утверждения и той, и другой. Он мог бы немного подождать, ведь ему только 30 лет. Мне, увы, уже 60 паспортных лет (утешаю себя, что только DE IURE).

Я ему написал, то он еще не PATERFAMILIAS, так как не имеет собственного дома, а живет на попечении отца и не имеет самостоятельных забот. Он еще FILIUSFAMILIAS, а как таковой по римскому праву не может получить высшие HONORES, что сначала он должен обзавестись в Великих Луках квартирой, перевести семью, жить, как все, с заботами о семье и т. д., а то он пока как птичка Божия забот не знает... Он мне написал, что пробьет себе дорогу так же, как и в отношении напечатания книги, которую он напечатал, несмотря на нежелание всех...

Я написал рецензию на его диссертацию, положительную, но с указанием на целый ряд, по моему мнению, неправильных положений... У меня какие-то странные отношения с Кажданом – дружеские письма соединяются с взаимной руганью. Я прочитал рецензию Левченко⁶⁶ на работу Каждана. Нахожу немного слишком строгой. Я в свое время написал на 20 машинных листах рецензию на его работу (положительную, но со множеством исправлений – ошибки в переводах, неправильные ссылки, тенденциозные, неправильные понимания текста документов и т. д.). Но рецензию я не послал, так как получил от Левченко письмо о том, что он послал рецензию.

Не знаю, будет ли что из моих работ в «Византийском временнике» т. VIII?

Вот видите, какое большое Вам письмо написал. Уже три часа ночи, нужно кончать. <...>

Искренне преданный Вам (подпись)

⁶⁴ Каждан Александр Петрович (1922–1997) – московский византист, сотрудник сектора истории Византии Института истории АН СССР.

⁶⁵ Горянов Борис Тимофеевич (1897–1977) – московский византист, сотрудник сектора истории Византии Института истории АН СССР.

⁶⁶ Левченко Митрофан Васильевич (1890–1955) – ленинградский византист.

Свердловск, 24 октября 1955 г.

Глубокоуважаемая Зинаида Владимировна,

Большое, большое спасибо за Ваше милое письмо, за присланный Вами доклад Ваш на конгрессе. Вы так часто упоминали мое имя, что мне стало даже неловко, я вовсе не играю такой роли в нашем византиноведении, как это представлено у Вас в докладе, я в Свердловске почти отрезан от литературы и тематика моих работ крайне ограничена материалом. Но во всяком случае я очень польщен, что в Царьграде⁶⁸ Вы тепло отозвались о моих работах. Ваше письмо с описанием конгресса я получил уже после того, как я имел сведения от зарубежных моих корреспондентов, а также от москвичей, слышавших Ваш доклад. Мне пишут, что Грегуар⁶⁹ прямо-таки влюбился в Вас, что даже его восторженная какая-то ученица косо поглядывала на Вас. Что даже PATER REVERENTISSIMUS V. L.⁷⁰ заглядывался на Вас во время Вашего выступления и отворачивал глаза, вероятно шепча NE INFERAS NOS IN TENTATIONEM...

Как будто какой-то ловкий фотограф сумел снять Вас, когда Вы купались у берегов старинной Трои, и готовит напечатать рисунок с надписью – делегатка конгресса византиноведения в Стамбуле талантливая советская византистка, продолжательница традиций В. Г. Васильевского⁷¹ и А. А. Васильева⁷² – мадемуазель Удальцова... В такой надписи правда будет находиться в разумной пропорции с неправдой.

Конечно, это все шутки. Очень интересно, конечно, было видеть святую Софию, другие памятники. Доклады вряд ли могли быть очень интересны – ведь тематика мелкая, дискуссий не было... Но личные встречи были важнее. Личный контакт очень важен. Я очень завидую Вам, но надеюсь, что в 1958 году⁷³ все-таки и мне удастся

⁶⁷ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 6–7. Машинопись.

⁶⁸ Речь идет о X Международном конгрессе византийских исследований, проходившем в Стамбуле 15–22 сентября 1955 г.

⁶⁹ Грегуар Анри (1881–1964) – бельгийский византист.

⁷⁰ Лоран Витальен (1896–1973) – французский византист.

⁷¹ Васильевский Василий Григорьевич (1839–1899) – русский византист, академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук.

⁷² Васильев Александр Александрович (1867–1953) – русский византист, арабист, востоковед, один из основоположников византиноведения в США.

⁷³ В тексте допущена опечатка – 1938 г.

Письма М. Я. Сюзюмова к З. В. Удальцовой

попасть в Мюнхен, где надеюсь за старинным немецким шоппеном пива поболтать и с Дэльгером⁷⁴.

Готовлю статью к XI номеру. Понемногу стараюсь подготовить к печати свою диссертацию, но, конечно, в основном нужно отшлифовать в Москве. Надеюсь, что удастся приехать в ноябре (если это к концу месяца).

Всего-всего наилучшего, простите за шуточный тон письма. С самым сердечным поклоном, искренно Ваш⁷⁵

Можно ли надеяться включить в пятилетний план издательства Института истории по будущему сектору византиноведения:

1. Имущественные отношения в византийском городе, монография 15 печ. листов.

2. Книга епарха, монография, греческий текст и русский перевод, 12 печ. листов.

Как мне и кому писать, чтобы возбудить ходатайство?

№ 4⁷⁶

Сочи, 5 августа 1956 г.

Глубокоуважаемая Зинаида Владимировна,

Пишу Вам из Сочи. Как мне писал БТ⁷⁷, Вы в этом году отдыхаете в окрестностях Москвы, поэтому, думаю, письмо Вас застанет. Поехал в Сочи после дурно произведенной операции. Долгое время повышенная нервозность от незалеченной раны и болей. И много работы в связи с глупейшими неувязками университетской программы. Мне пришлось принять заведование кафедрой и сразу же масса забот, особенно с путаной организацией заочного образования.

Надеюсь к декабрю закончить переиздание «Книги епарха» и надеюсь, что можно будет ее издать в совсем другом виде. Ведь старое издание изобилует мелкими опечатками и ошибками, и, вообще, во многом должен изменить общие положения. Думаю, что Вы и Ваша семья отдыхаете хорошо.

Самые дружественные приветы и поклоны. Всегда Ваш (подпись)

⁷⁴ Дэльгер Франц (1891–1968) – немецкий византист.

⁷⁵ Подпись отсутствует.

⁷⁶ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 8. Открытка. Рукопись.

⁷⁷ Б. Т. Горянов.

Свердловск, 23 сентября 1956 г.

Глубокоуважаемая Зинаида Владимировна!

Давно не получал я от Вас весточек. <...> Я последние месяцы почему-то очень нервничал и многое выводит меня из нормального состояния – и по университету, и по чтению... Я, например, совершенно разнервничался, читая № 7 «Вопросов истории»... Конечно, многое очевидно, – но эта очевидность существовала и прежде, – а если люди писали против очевидности, то виноваты были именно «установочные» статьи «Вопросов истории» – и как раз нужно было бы и указать, где, когда, в чем были неправильны установки – а тогда все само собой разумелось бы... А новая «установочная» редакционная статья о действии экономических законов совсем меня поразила своей бесцеремонностью: неправильность Сталина доказывается цитатой, вовсе не о том говорящей, а когда передается фактический материал, то статья сама себя бьет... (стр. 66–67). В статье о Шамиле явная тенденциозность – говорится о фактах, которые можно истолковать различным образом, а громадный том фактов, из которых следовало, что султан помогал Шамилю (но не больше, чем агенту), замалчивается... Как и прежде, история остается «политикой, опрокинутой в прошлое». В критике «Истории исторической науки в СССР» «Вопросы истории» обвиняют авторов в смешении истории с историей общественной мысли. Это шаг к весьма важному и нужному размежеванию истории и опирающейся на исторический материал публицистики...

Я очень волнуюсь относительно начавшегося похода против лекционной системы – как будто воскресают недоброй памяти 28-9 года. Слово «самостоятельность» склоняется и спрягается во всех падежах, видах и наклонениях... А того и не замечают, что самостоятельность можно проявлять в науке, ТОЛЬКО ИЗУЧИВ ОПЫТ ПРОШЛОГО, а в изучении опыта прошлого все-таки самый эффективный и рентабельный способ – лекции. Не всякая самостоятельность похвальна – а самостоятельность ради самостоятельности вовсе не есть нужный лозунг... Самостоятельно разрешать проблемы, не изучив предварительно фактов, связанных с проблемой, и не узнав, как разрешали проблему предшествующие научные работники, не полезно, а вредно... А именно это изучение могут дать только лекции самым экономным в смысле затраты времени образом...

Вот видите, как я расписался по волнующему меня вопросу.

⁷⁸ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 9–11 об. Машинопись.

Сожалею, что получил X том «Византийского временника» очень поздно, до направления моей работы... Кое в чем следовало бы критикнуть статью АПК⁷⁹. Его юридические высказывания совсем неприемлемы для всех, кто более или менее знаком с «Дигестами»... (стр. 54–55).

Когда будет защита Горянова? У меня будет, очевидно, острый спор о прони, так как Горянов в еще большей степени, чем Каждан, игнорирует византийские юридические источники... Слишком упрощенно понимает право частной собственности по римскому праву... Отсюда и поспешные выводы о прони.

Да кстати: почему под моими статьями значится «в порядке обсуждения»? Разве остальные статьи обсуждению не подлежат? Разве остальные статьи представляют собою КРЕДО советских византинистов? Я, грешным делом, полагаю, что любой труд подлежит обсуждению, невзирая на лица, и что если этого до сего времени нет в отношении некоторых лиц, то ничего хорошего в этом тоже нет... Мне очень и очень нравится Ваша статья в X т. Если отбросить некоторые модные фразы, то в Вашей статье разоблачается легенда о прогрессивном значении готского завоевания, говорится о (насколько для завоевателей возможным) восстановлении римских порядков, о ненависти народных масс к готскому правительству, о том, что так называемые «германские элементы» в управлении имели целью только закрепить господство завоевателей, а не вводить принципиально новое... Все это я воспринимаю с восторгом. Отсюда – византийцы вовсе не несли с собою рабовладельческую реакцию – это делало за них правительство Теодориха... В чем же тогда суть византийского наступления? Только в изгнании варварских завоевателей из Италии... Юстиниан был предтечей и прообразом итальянских патриотов XVI века, которые (Макиавелли, Гвиччардини и другие) говорили – «вон варваров из Италии!» Как-то раз в телевизоре смотрел на фильм «Овод» Войнич... И мне представлялась картина 6 века. Ведь Овод героически боролся за то дело, которое хотел, но не сумел выполнить Юстиниан... Война Юстиниана была справедливой войной... Но мало справедливой цели, важны и методы осуществления этой цели. Негодные методы дискредитировали и сорвали дело Юстиниана... Я не знаю, какие будут дальнейшие выводы Вашей работы – но (если не считать некоторых фраз-положений, которые навеяны не столько фактами, сколько модой) Ваша работа логически приведет к громовому удару по слащавой легенде о «прогрессивных» готах и по благочестивой сказке о «реакционности»

⁷⁹ А. П. Каждан.

Т. В. Куц

византийцев. Вы, вероятно, теперь поймете, с каким искренним восторгом я читал почти каждую строчку Вашей статьи...

Но нужно наконец иметь конец моему письму. Всего-всего наилучшего. Привет Вашему супругу, всегда Ваш (подпись)

№ 6⁸⁰

Свердловск, 25 ноября 1956 г.

Глубокоуважаемая Зинаида Владимировна!

Наконец то я сумел закончить обещанный Вам доклад. Не знаю, не поздно ли...

Но у нас в университете много непредвиденных неприятностей. Никогда даже во сне не приходилось думать, что придется иметь дело с давно забытым сочетанием слов «студенческие волнения»... Конечно, дело не стоило бы и выеденного яйца, если бы у нас на кафедрах КПСС, философии, п-э⁸¹ были лица, имеющие стаж работы с поколением молодым, у которого не сформировалось мировоззрение, т. е. поскольку у наших студентов мировоззрение еще не отшлифовалось, постольку воспитательные методы, применяемые в средней школе, в основном пригодны в вопросах политического воспитания и в высшей школе, – я бы на месте министерства не допускал бы в университеты на кафедры общественных наук (которые в основном ведут политвоспитательную работу) совершенно лиц, не проработавших минимум пять лет в средней школе. А то наши «теоретики» подходят к выступлениям студентов сразу же «теоретически», определяют классовую сущность какой-либо глупой мысли, и вместо того, чтобы терпеливо разъяснять, требуют немедленного отказа от мысли студента, коль скоро «теоретик» «вскрыл» «классовую сущность» положения, не желая и разговаривать по существу выступления, а сразу клеймя выступление как «вылазку». С другой стороны – говорю с возмущением – в университете все время не обращали внимание на развязность в поведении студентов, а развязность в поведении (особенно в отношении к преподавателям) приводит к развязности в мышлении (а у нас часто развязных людей принимают за развитых), что приводит к идеологическому хулиганству, а всякое хулиганство, особенно в мышлении (а иногда его считают «самостоятельностью»,

⁸⁰ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 12–13 об. Машинопись.

⁸¹ Политэкономии.

самокритичностью») с неизбежной закономерностью приводит к антисоциальным моментам, т. е. принимает враждебно-политический характер. И такой хулиган мысли может влиять на неотшлифованное мировоззрение окружающих. Вот такая связь развязности в поведении с политическими выступлениями... К сожалению, наши воспитатели именно на это не обращают внимания, а ищут каких-то чуть ли не агентов заграницы... Еще одно обстоятельство: мысль студенчества развивается в тепличной обстановке – студента «оберегают» от чужих влияний... Воспитанный в такой обстановке, как Будда молодой, студент делается совершенно беспомощным, когда встречается неожиданно с такими фактами, которые не укладывались в схему – и делает скорые выводы... Византийцы употребляли хорошую поговорку: «хорошая наковальня не боится удара молота»... А у нас в результате тщательного оберегания студента от чуждой литературы наковальня получилась очень недоброкачественная... Вот видите, Зинаида Владимировна, какими мыслями я теперь занят как заведующий кафедрой. Думаю, что и у Вас в Москве студенты болеют такой же эпидемией (ведь причины одинаковые). Надеюсь (?), что это поветрие скоро пройдет, конечно, если подход будет и воспитательным, и решительным. Но довольно об этом.

Горянов мне писал, что Чайковская⁸² написала резкую статью против моей статьи в «Вопросах истории». Везет мне – почти ни одна статья не обходится без немедленного отклика. Прямо я могу гордиться, потому что истинно новое всегда встречают в штыки... Вот Вы, дорогая Зинаида Владимировна, совершенно несчастная женщина – сколько статей и работ выпустили в печать и никто еще Вас не выругал ни разу. Вы недаром учились балетному искусству – искусству нравиться – и потому и Ваши статьи всем нравятся... Вот моя самонадеянная теория, почему Ваши статьи до сих пор не встречали ни от кого резких выступлений и всем нравились...

Ну, я опять начал болтать... Всего-всего наилучшего, искренно Ваш (подпись)

⁸² Чайковская Ольга Георгиевна (1917–2012) – московский медиевист.

Свердловск, 13 апреля 1958 г.

Глубокоуважаемая Зинаида Владимировна!

Одновременно получил и Ваше письмо, и 13 выпуск «Византийского временника» с Вашей статьей о Тотиле. Меня Ваша статья восхитила. Наконец появилось подлинно объективное, научное изображение Тотилы и его окружения! А то до сих пор этот образ давался сусально-сладкий – сначала германскими шовинистами, потом нашими марксистами, во всяком случае теперь после Вашего исследования ясно, что никакого освобождения рабов Тотила не предпринимал, что он сохранял рабство, что только конфискованные имения без господ фактически превращались в государственные поместья, которые затем жаловались готской знати!

Но и у Вас еще имеются родимые пятнышки эпохи приукрашивания истории! Во-первых: никакого «освобождения рабов» Тотилой не было, это явствует из Вашей же статьи! Но отдельные лица в тяжелый для Тотилы момент принимались в качестве воинов и им только Тотила давал специальное обещание не возвращать их господам⁸⁴. Если бы был акт освобождения, то данное место из Прокопия было бы бессмысленным. Никаких данных о том, что Тотила чем-то привлекал на свою сторону население из трудящихся, ни у Прокопия, ни в Прагматической [санкции] нет. Снижение налогов – натяжка; заключение, что прежние налоги и оброки господам заменены уплатой «точно установленных, определенных податей в пользу остготского г[осударст]ва», противоречит источнику, так как в нем говорится, что все осталось по-старому, только платить нужно было не господину, а г[осударст]ву (разумеется, до тех пор, пока Тотила не пожалует поместье кому-либо из своего окружения!) Статья 10 Прагматической санкции совершенно определенно, не допуская никаких сомнений, говорит о увеличении Тотилой налогов, а не об ослаблении налогового гнета. Также нигде не говорится о восстановлении Юстинианом льгот для знати... Приказ уплачивать подати в казну совершенно естествен и ни о каких снижениях Тотилой налогов не говорит. Вывод о том,

⁸³ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 14–17 об. Машинопись. В левом верхнем углу автограф З. В. Удальцовой: «Посылаю тебе письмо Сюзомова, тебе надо подумать над его замечаниями как автору и редактору будущей книги. Основные замечания выпиши. (неразборчиво) можешь выбросить. Целую, подпись».

⁸⁴ От руки дописано: «желая изменить свой фатус, рабы шли куда угодно. И в монастырь! и в любую армию (если их принимали)».

что во время Тотилы смешанные браки рабов и свободных допускали на том основании, что Юстиниан приказывал следовать детям статусу матери, так же мало говорит о свободе смешанных браков, как и закон 530 года свидетельствует о свободе смешанных браков в Византии до того времени. В общем: не рассмотрены причины поражения Тотилы. Мой вывод: никаких облегчений для трудящихся Тотила не предпринимал, ничего не делал для привлечения на свою сторону населения. Да население вовсе и не поддерживало остготов – стоило только внести Нарзесу дисциплину в свою армию – и тотчас остготы были покинуты населением! Никакой поддержки народных масс Тотила не имел – разве только отдельные рабы принимались в его армию. А вот стремление Тотилы привлечь на свою сторону знатных римлян – это довольно четко можно установить!

Переходили на сторону Тотилы воины, только поскольку им не платили, а Тотила платил! Но стоило только Нарзесу начать аккуратно платить – и тотчас никто не стал перебежать! Вы развенчали Тотилу как «вождя» «народного восстания», но остановились на полдороге! Миф о революции рабов должен быть окончательно развеян: Тотила, Кассиодор, Теодорих – люди-носители новых производственных отношений, которые стремились ускорить создание феодальных институтов, задержка в развитии которых осуществлялась Юстинианом. Восставали против византийцев не рабы, а феодализирующаяся знать (разумеется, не своими руками, а привлекая иногда и рабов в свои отряды⁸⁵). Восторженное отношение Прокопия к Тотиле именно объясняется тем, что он тоже принадлежал к лицам типа Кассиодора, т. е. к феодализирующейся знати (как видите, я стою все на своих старых позициях).

Да, был целый период в нашей историографии, когда ради подтверждения априорно, на веру принятой схеме, подводились факты, приукрашивая историю. Этой болезнью страдала не только история – биология еще более страдала. Такие факты, как выступления с сенсационными открытиями, которые подтверждали бы окончательно победу материализма на самом важном участке – происхождении жизни, делались Бошьяном⁸⁶ и Лепешинской⁸⁷. Оба они весьма идеологически выдержанно, но без фактов стремились работать в пользу материализма, но принесли только вред. Конечно, Лепешинская не обманщица – но она так убеждена была в правоте точки зрения материализма, что

⁸⁵ От руки написано: «И, конечно, используя недовольство населения тяжестью рабовладельческого государственного аппарата. В этом революционный переход!»

⁸⁶ Бошьян Геворк Мнацаканович (1908–1997) – советский биолог, автор лженаучных теорий в области микробиологии и иммунологии.

⁸⁷ Лепешинская Ольга Борисовна (1871–1963) – советский биолог, автор лженаучной клеточной теории.

у нее наука превратилась в своего рода религию материализма, и как в средние века ведьмы, она начала страдать галлюцинациями! Так и у нас, в истории, был период приукрашивания в ущерб действительных фактов. Классический пример: Дмитрев⁸⁸ с очень идеологически выдержанным (но не выдержанным с точки зрения фактов) анализом действий багаудов и скамаров и Алариха...

В нашей историографии тоже была своеобразная «болезнь левизны» – очень прилипчивое инфекционное заболевание, которым страдали в большей или меньшей мере мы все. Я, например, не могу без стыда вспомнить некоторые положения из «Книги эпарха» и особенно мою рецензию на Фогта⁸⁹. Заболевание «детской болезнью левизны» в византиноведении, по-моему, имело следующие проявления: 1. Вольное обращение с фактами в угоду «идеологической выдержанности». 2. Пролеткультовское пренебрежение к дореволюц[ионному] византиноведению и стремление заострять внимание на то, чего не дали старинные византинисты (вопреки Ленину, который учил, что нужно расценивать по тому, что дали нового). 3. Пренебрежение к определенным достижениям зарубежной историографии, самоизоляция нашего византиноведения. 4. Перенесение марровского⁹⁰ отрицания миграций из области языкознания на историю культуры. Изгнанные из языкознания марровские ревизионисты обосновались в истории культурных учреждений, отрицая, вопреки исторической правде, глубочайшее влияние материально-культурных, идейных, религиозных институтов. Я затратил много времени, чтобы найти у Ленина хоть что-либо отдаленное приближающемуся к подобной трансляции марризма в область истории культуры, но не нашел ничего подобного – да и не мог найти – потому что это не марксизм, а ревизия. Думаю, что все эти проявления болезни понемногу изживаются и что медленно, но неуклонно ленинские позиции восстанавливаются и в историографии. Внешние проявления этой болезни в историографии исходят от внутреннего поражения, а именно: вместо единой марксистско-ленинской методологии истории заболевшие болезнью историкки переходят на признание незыблемыми отдельных толкований исторических процессов, превращая их в догматы и, как в Сорбонне 13 века, стремясь подтвердить эти догматы всяческими соображениями. Необходим *kátharsis*, *perurgatio* исторических работ, которые появлялись в период болезни (т. е. от выступления пролеткультовских мракобесов до примерно

⁸⁸ Речь идет о работе: *Дмитрев А. Д.* Движение багаудов // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 101–114.

⁸⁹ *Сюзюмов М. Я.* Рец. на кн.: J. Vogt. Constantin der Grosse. München, 1949 // ВВ. 1953. Т. 7. С. 330–337.

⁹⁰ Марр Николай Яковлевич (1864–1934) – филолог, историк, этнограф, автор учения о языке.

Письма М. Я. Сюзюмова к З. В. Удальцовой

20 съезда). Этот ἀνακάρσις начинает Корсунский⁹¹ с одной стороны, Вы с другой стороны (хотя и робко). Вот, видите, дорогая Зинаида Владимировна, как я делюсь с Вами своими методологическими выводами! И забыл написать, что получил от Юрченко⁹² Льва Дьякона и начал сличать перевод: но я ведь работаю медленно и университет отнимает массу сил и времени. Письма пишу всегда перед сном, иначе не могу заснуть (нужно отвлечение!).

Всего-всего наилучшего! Привет Вашему супругу. Искренно преданный Вам (подпись)

№ 8⁹³

Свердловск, 10 марта 1961 г.

Глубокоуважаемая дорогая Зинаида Владимировна,

Наконец я взялся за Константина Успенского⁹⁴ – прочитал и сделал массу замечаний (на полях).

Я совсем другого мнения о Константине Успенском. Может быть, это происходит от того, что я нахожусь под влиянием оценки его профессурой того времени в Юрьеве... Но что-то не согласен почти ни с одним Вашим признанием значения К. У. для исторической науки.

Следовало бы сначала дать настоящую монографию о крупном ученом Панченко⁹⁵. Без понимания значения Панченко трудно судить о том, что давалось под его мощным влиянием. Я все думаю об этом, но нет времени. Панченко – действительно подлинный позитивист – у него нет никаких намеков на махизм, неокантианство, ничего, что характеризует упадничество. Это выдумка – относить его к историкам, отходящим от позитивизма. Он, наоборот, стремился очистить (в позитивистском духе) от соображений, привнесенных славянофильским романтизмом (ошибка его в том, что видел славянское влияние только на ФОРМЕ землевладения, и, правильно не усмотрев здесь славянского влияния, полностью отверг его, не видев этого влияния в более важной стороне: количественный рост общины, ее внутреннее укрепление привело к КАЧЕСТВЕН-

⁹¹ Корсунский Александр Рафаилович (1914–1980) – советский медиевист, специалист по раннесредневековой Испании.

⁹² Идентифицировать не удалось.

⁹³ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 18–19. Машинопись.

⁹⁴ Успенский Константин Николаевич (1874–1917) – русский византист.

⁹⁵ Панченко Борис Амфианович (1872–1920) – русский византист.

НОМУ СДВИГУ: сокрушению мощи крупного, связанного с рабовладельческими традициями землевладения). Панченко не знал теории формаций, иначе ему все оказалось ясно. Мне хочется как-нибудь выяснить, кто первый пустил эту версию включить Панченко в свору махистов, агностиков, неокантианцев, всяких разновидностей будущей покровщины, богдановщины и пролеткультовщины. Неужели Вайнштейн⁹⁶? У Панченко нет ничего общего и с идеалистической реакцией – Мелиоранским⁹⁷, потом Острогорским⁹⁸ 20-х и 30-х годов... Нужно как-нибудь очистить память крупного ученого и выяснить солидный вклад в науку, который он действительно принес. Разве можно сравнить подлинно научную критику Прокопия у Панченко с натяжками и домыслами К. Успенского в его критике Феофана?

Но довольно о Панченко. Рано или поздно, он будет реабилитирован. Теперь о Константине Успенском. Он был очень популярен среди барышнёшек Высших женских курсов. У него был удивительный талант так читать лекции, что самые ходячие теории у него звучали как его собственные открытия! И его считали гениальным, – конечно, не в кругу профессуры. Как он умел рисоваться. Меньше всего его можно упрекнуть в фактологии! Он на это был абсолютно неспособен. Трудно сказать, что он ВНЕС нового в науку. А как раз в свете существовавшей в то время историографии иконоборчества и следует расценивать его роль. Его концепции граничат с фальсификацией истории. Как он старается доказать свою априорную мысль, что иконоборчество – борьба против монастырей даже при Льве III (хотя никаких данных об этом не было и нет в источниках). Такие натяжки, произвольные догадки совершенно обесценивают его источниковедческий труд (посмертно изданный).

Я все хочу опубликовать уже почти готовую статью – историография иконоборчества от 16 века до настоящего времени, но все нет времени – там на базе всех теорий иконоборчества совершенно ясно станет, какое место в историографии занимает Константин Успенский. Вы приписываете ему слишком много нового и в древней истории, и в иконоборчестве... На полях я старался отмечать, что все эти «вклады» – не вклады, а ловкие выклады чужих теорий рисующегося перед барышнями лектора. Как видите, он даже Вас увлек!!!

Конечно, статью об Успенском следует написать, но не думаю, что нужно его идеализировать – для этого нет ни научных, ни по-

⁹⁶ Вайнштейн Осип Львович (1894–1980) – советский медиевист, историограф.

⁹⁷ Мелиоранский Борис Михайлович (1870–1906) – русский византинист, историк церкви.

⁹⁸ Острогорский Георгий Александрович (1902–1976) – югославский византинист.

Письма М. Я. Сюзюмова к З. В. Удальцовой

литических причин. Стиль и зазнайство К. Успенского совершенно походят на Покровского⁹⁹ – уж очень много с ним общего. Но главное – К. Успенский вовсе не старался продумать то, что писал – такая масса противоречий – (это естественно было бы), но только недостаточной продуманностью и неувязкой между высказанными общими положениями и дальнейшим исследованием.

Вот мое мнение об К. Успенском – не знаю, как Вы отнесетесь к нему. Левченко К. Успенского очень уважал.

Ожидаю от Вас письма относительно судьбы охридских статей.

Всего-всего наилучшего! Привет Михаилу Антоновичу¹⁰⁰. Всегда Ваш (подпись)

№ 9¹⁰¹

Свердловск, 30 апреля 1962 г.

Глубокоуважаемая Зинаида Владимировна!

Давно не писал Вам – сегодня получил письмо от Зины Самодуровой¹⁰² относительно обсуждения моих глав. Конечно, жаль, что не мог присутствовать. Относительно главы об источниках – у меня материал подобран именно с точки зрения идеологической борьбы: на первом плане стоит та группа источников, которая идеологически шла за «новатором», за «сокрушителем основ» – т. е. за Константином. Иначе нельзя – новое должно стоять на первом плане. Затем шла оппозиция. Мне оппозиция представляется идейно совершенно бедной – это реакция, никаких своих идей она не могла иметь. Но как источники – очень ценные – они подмечали недостатки правления императоров – преемников Константина... Правда, в недостатках тоже их позиция была бедной – все недостатки, которые они отмечали, были характерны вообще для всех монархических правлений столько же 4, 5, сколько 17 и 18 веков... Ломка старого происходила при ужасающих страданиях всех прослоек населения империи – и оппозиционеры именно тем и ценны, что дали конкретные факты страданий населения, а насчет их политических идей и взглядов – нет особенного смысла передавать сегования людей, которые плакали,

⁹⁹ Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) – советский историк-марксист.

¹⁰⁰ Алпатов Михаил Антонович (1903–1980) – советский историк, писатель, муж З. В. Удальцовой.

¹⁰¹ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 20–21 об. Машинопись.

¹⁰² Самодурова Зинаида Гавриловна (1931–2001) – московский византист, сотрудник сектора истории Византии Института истории АН СССР.

что... власть находится не в их руках... Конечно, можно дать много об оппозиции, но это не оппозиция со стороны прогресса.

Конечно, можно много сказать и об отцах церкви. Но я убежден, что в дальнейшем это придется вычеркнуть – опыт энциклопедии¹⁰³ показал это. Относительно агиографии, конечно, написано мало – с удовольствием написал бы много, но не пойдет ли это все в корзину?

В главе относительно церкви – догматику я ввел в главу о внутренней политике: ведь тогда догматические споры были политическими лозунгами! А соборы были крупнейшим событием во внутривосточной жизни страны с отражением и на внешнюю политику... Так что это я внес в основные главы – в тех добавлениях, которые я прислал... Там догматики много...

О монашестве, разумеется, интересно было бы очень много написать и написано очень много интересного, но политическая роль монашества в государстве мною введена в разделы отношения государства и церкви. Я дал в главе «Церковь» только об организационной ее структуре, трудно будет сейчас дополнять главы, ведь теперь пора дипломников, госэкзамены, где мое присутствие обязательно (прослушать защиты 130 дипломников!) К тому же Совет по координированию исторических работ по Уральскому региону по всем высшим школам грандиозного района. Это отнимает массу времени, а я председатель по исторической секции. Составлять поручения при отсутствии данных... читать лекции заочникам! С ума можно сойти. Я начинаю считать, что это было роковой ошибкой моей жизни, что взялся работать по «Истории Византии» – а там пойдут обсуждения «общественности» по макетам при современной конъюнктуре (наиболее убийственной для исторической науки со времен 20-х годов), начнутся выступления самовлюбленных верхоглядов в духе Покровского...

А такие, как дорогой коллега БТГ¹⁰⁴, опять будут посылать подметные письма, которые для некоторых будут звучать очень убедительно... Предстоит большая никому ненужная трепка нервов. «Книга епарха» продвигается. Я подписал 10 печатных листов, хотя и очень боюсь за опечатки в греческом тексте. Одни исправят, другие появятся... Опечатки в русском тексте меня не тревожат – большой беды не причинят, поругают меня за издательство и все, а в греческом тексте опечатки пройдут в научные работы! А диссертации я так и не коснулся еще – все время тратил на главы по «Истории Византии», на статью для энциклопедии и на «Книгу епарха» – составлял указатели, правки

¹⁰³ Речь идет о «Советской исторической энциклопедии», для которой М. Я. Сюзюмов писал статьи в начале 1960-х гг.

¹⁰⁴ Б. Т. Горянов.

Письма М. Я. Сюзюмова к З. В. Удальцовой

текста... и как на зло бесконечные заседания по координированию работ! Но все проходит и как-нибудь да закончится!

Всего-всего наилучшего! Привет Михаилу Антоновичу. Всегда Ваш (подпись)

№ 10¹⁰⁵

Свердловск, 6 января 1965 г.

Глубокоуважаемая Зинаида Владимировна,

Еще раз примите мои наилучшие пожелания к Новому Году!

Надеюсь, что новый год после ужасного для историков 1964 года будет лучше и залечит раны, которые нанес прошлый год...

Я хотел бы с Вами условиться по трудному вопросу. Сейчас я работаю над заключительной главой к «Истории Византии» «Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории». Я хочу изобразить то колоссальное значение, которое имеет Византия в истории человечества, ту роль, которую она сыграла на прямой дороге, генеральном пути развития к коммунизму... Пишу... и несколько редакций уже разорвал... Но надеюсь, через неделю или две пошлю Вам эту статью – это заключительная глава и, конечно, Вам важно просмотреть ее концепцию. Разумеется, глупую сказку, которую выдумали Монтескье и Вольтер об имманентно присущей Византии реакционности, я отвергаю, хотя в сер. XIX века ее повторяли почтенные лица, но, увы, совершенно не занимавшиеся Византией... Я старался показать прогрессивность роли Византии... Конечно ПЕРЕЖИТКИ рабовладельческого общества губительно отражались на прогрессе, хотя и не в той мере губительно, как ПЕРЕЖИТКИ РОДОПЛЕМЕННОГО общества на Западе! Трудности заключаются и в том, что я боюсь повториться, ведь я не читал предыдущие главы! Глава рассчитана на один лист, но так много материала. Я очень просил бы Вас, Зинаида Владимировна, прочитать, чтобы я смог кое-что и переделать, чтобы сделать главу соответствующей общему направлению «Истории Византии».

Еще у меня слезное к Вам обращение... Вот уже третий год, как я не могу на месте опубликовать готовые статьи аспирантов – Кучмы¹⁰⁶, Чудиновских¹⁰⁷ и др. Идет необъяснимое гонение на местную истори-

¹⁰⁵ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 23–23 об. Машинопись.

¹⁰⁶ Кучма Владимир Васильевич (1938–2011) – ученик М. Я. Сюзюмова, волгоградский византист.

¹⁰⁷ Чудиновских Э. И. (1936–1970) – ученица М. Я. Сюзюмова, специалист по Далмации.

Т. В. Куц

ческую печать. В редакцию «Византийского временника» аспирантка (уже кончившая) Чудиновских недавно послала статью о греческих ПОРТУЛАНАХ 14–16 веков. Статья лежала у меня уже больше года – думал напечатать ротاپринтом... Но, увы, нет разрешений, вычеркивается из издательского плана... Нельзя ли как-нибудь, может быть, поручив сильно сократить и т. д., все-таки поместить в качестве сообщения в «Византийском временнике». Диссертация у Чудиновских о торговле далматинских городов (гл. обр. Трогира, Котори) готова, но напечатанного ничего нет и нельзя ставить на защиту... И она, и я в растерянности от неожиданной обстановки. Надеюсь, что многое будет отменено... хотя кто знает? Вельможи и в наше время подражают Юстиниану, полагая, что тот, который сомневается в их абсолютной мудрости, совершает святотатство!

Простите, что так прямо обращаюсь к Вам – но полагаю, что Вы пойдете навстречу моим просьбам!

Всего-всего наилучшего. Всегда преданный Вам (подпись)

№ 11¹⁰⁸

Глубокоуважаемая дорогая Зинаида Владимировна,

Приобрел первый том «Истории Византии». В восторге о появлении такого солидного достижения для нашего византиноведения. Этот успех придется в первую очередь приписать Вам лично! Думаю, что историография в будущем (лет через 20!) оценит Ваш героизм, как Вы в самых тяжелых условиях рецидива покровщины, во время Вальпургиевой ночи всех наших современных дюрингианцев, махистов, пролеткультовцев, покровщины, изичевщины, благодаря Вашему умению, гибкости, а может быть и Вашей обаятельности – сумели не только сохранить наше византиноведение от наступления наших хунвейбинов, но и произвести успешно контр наступление в виде издания «Истории Византии». Конечно, наше современное положение неудачно для выпуска коллективного труда «Истории Византии» – так сильны в окружении элементы покровщины. Но издание «Истории Византии» можно оценить как талантливо проведенную активную оборону византиноведения. И в этом история покажет, насколько Вы смогли одержать победу, думаю, что Вам эта «История» стоила так много жизненных сил, здоровья, я думаю, что это полагают и все

¹⁰⁸ ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 163. Л. 4. Машинописная копия. Сохранилась только первая страница письма. Судя по содержанию, письмо написано в 1967 г.

Письма М. Я. Сюзюмова к З. В. Удальцовой

прочие византилисты и не станут отрицать значения Вашей самоотверженной работы! Конечно, «История Византии» написана РАНО, не вовремя – еще не удалось преодолеть псевдомарксистских элементов покровщины. Конечно, «История Византии» – не последнее слово нашего византиноведения! Но это гигантский ледокол, который прорезал лед для дальнейших исследований о сущности роли Византии в истории человечества!

Восторг и радость у меня соединились прямо-таки с физической болью. Опечатки. Два раза я поправлял не «прибывающие», а «пребывающие» (стр. 157). Все время меня исправляли, как некогда моих «акроатов» в типографии упорно переделывали в «акробатов». Еще хуже – позор на весь мир – на стр. 153 появились «ипереволаны», несмотря на то, что я много писал о «параволанах», даже поместил сноску о дискуссии относительно параволанов в примечании. В верстке я увидел «ипереволанов» и ИСПРАВИЛ! Но это исправление не было принято в типографии! Это ужас. Третий удар сердечный нанесен уничтожением моих сносок. В главе о церкви было 44 сноски – осталось 11, а в последующих главах почти все сноски исключены. В верстке я не протестовал, думал, что это общее для всех статей – мне писали на вопрос мой – «поменьше сносок!» Но к моему удивлению это уничтожение сносок коснулось только МОИХ глав! В прочих главах сносок сверхдостаточно!..

№ 12¹⁰⁹

Свердловск, 12 октября 1967 г.

Глубокоуважаемая, дорогая Зинаида Владимировна!

Давно уже не писал. Так много дел в юбилейном году – особенно мне, как председателю совета координации по истории по всему Уралу – проведение итоговой юбилейной конференции, отчеты, статьи в местных газетах и т. д. Так что в этом году я почти ничего не мог сделать, хотя и нужно было бы...

Раиса Анатольевна¹¹⁰ писала, что именно сейчас очень удобный момент. Я вряд ли смогу сейчас в условиях текучки, новых учебных планов, редактирования двух юбилейных сборников! 21 ноября будет редколлегия. Я хотел бы приехать и если будет «вызов» на редколлегию или на доклад, то я нашел бы времени и местных средств на командировку. Так что я просил бы дать мне «вызов» с 15 по 25 ноября – я ведь очень давно не бывал в Москве.

¹⁰⁹ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 24–25. Рукопись.

¹¹⁰ Наследова Раиса Анатольевна – московский византист.

Т. В. Куц

Лето я провел в Ялте и бывал в Херсонесе, много плавал – погода была замечательна. Отдохнул хорошо, но сразу же по приезде попал как в крошечный ад – так много работы, ничего общего с наукой не имеющей.

Очень ожидаю 3 том «Истории Византии». Как Вы живете? Надеюсь, что и здоровье, и энергия, и очарование, которое как радиация действует на всех Вас окружающих, остается прежним.

Всего-всего наилучшего. Всегда Ваш (подпись). Сердечный привет Вашему супругу.

№ 13¹¹¹

Свердловск, 10 июня 1969 г.

Глубокоуважаемая дорогая Зинаида Владимировна,

Посылаю проект программы¹¹². Не знаю, как Вы посмотрите. Я поставил гипотетически и как начальное Ваше выступление – извините за наглость. Но решающее слово за Вами, программу я даю только как проект.

У нас сейчас самое напряженное время. И простите за небрежность – печатал сам, машинистке давать – двойная работа.

Готовиться к докладу буду после этой ужасной текучки. За время подготовки к ленинским торжествам решил посмотреть все ленинские труды и нашел многое, что объясняет разные проблемы. Это отняло у меня много времени, но как будто с пользой даже для византиниста.

Несколько позднее буду хлопотать о гостиницах – это самое трудное, потому что у нас в Свердловске постоянно разные совещания и съезды. Но наша парторганизация обещала помочь в этом.

Надеюсь получить от Вас весточку. С сердечным приветом (подпись).

Постскриптум: АПК на меня дуется, что я поддерживаю Данилова¹¹³ в его выступлении против структуралистов. Но эта кампания давно назрела. Сам АПК по своим методическим воззрениям и в своей практике вовсе не структуралист, а очень хороший исследователь по конкретным фактам и в динамике исторического процесса. Он только временно подпал под дикую моду – захотел стать модницей и заставить других следовать моде. Хорошо, что Данилов окатил модниц ушатом холодной воды. Во всяком случае структуралисты не признают основного принципа ленинского ИСТОРИЗМА, обязательного в любом анализе исторического феномена. Но, надеюсь, все будет хорошо...

¹¹¹ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 26–26 об. Машинопись.

¹¹² Речь идет о программе VIII Всесоюзной сессии византинистов, проходившей 21–23 октября 1969 г. в Свердловске.

¹¹³ Данилов Александр Иванович (1916–1980) – советский историк-марксист.

Глубокоуважаемая, дорогая Зинаида Владимировна,

В отношении сессии работа у нас идет – есть оргкомитет, который утвержден и рассмотрен по функциям в партбюро. Я был относительно гостиниц в горсовете, потом после резолюции о броне много делала Маргарита Адольфовна¹¹⁵ – была и в Обкоме (на всякий случай, если еще в чем потребуется помощь), нам дали лучшую гостиницу «Большой Урал» – 8 люкс, 24 комнаты обычных. Тревога одна – а вдруг не придут. Имеются ли положительные данные – желающих как будто много, но точных сведений у меня пока-то нет. Если будет больше, чем 32 – это ничего, хоть 100 – лишь бы не меньше! Как будто придут археологи греческих городов Сев. Причерноморья. Наши студенты уже вернулись из Херсонеса – очень много интересного в отношении окружения города, при чем как раз данные VIII века.

Я очень хотел бы пригласить Москаленко¹¹⁶ – он собирает биографии старых византинистов – и мог бы интересно выступить, но боюсь – он <...> не выдержан. Но послал приглашения. Как Вы думаете? Вы ведь лучше знаете Москаленко, чем я – стоит ли пригласить? Конечно, он обижается... Не послал я пока и Соколову¹¹⁷ из Горького – он, конечно, мог бы сказать о византино-венецианских отношениях. Не послал я и Хвостовой¹¹⁸, хотя для просмотра она предоставила свой доклад Геннадию Григорьевичу¹¹⁹. Вам виднее, приглашать ли... Я послал Брайчевскому¹²⁰ в Киев, считая, что Украина блещет своим отсутствием... Не знаю, правильно ли сделал.

Относительно своего доклада – я, конечно, стою на своих позициях, находя в сочинениях Ленина полную поддержку. Так же, как и в 1943 году, стою на своем объяснении «дофеодального периода», тоже находя параллель в сочинении Ленина. Конечно, я против структуралистов и полагаю, что дальше мы сами движемся в развитии, тем более в свете настоящего мы можем понимать прошлое, а не обратно, как думают они. Будут споры – а когда я выступал, не вызывая споров?

¹¹⁴ ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 163. Л. 1–1 об. Машинопись. Копия. Судя по содержанию, письмо написано осенью 1969 г.

¹¹⁵ Поляковская Маргарита Адольфовна (1933–2020) – ученица М. Я. Сюзюмова, свердловский (екатеринбургский) византинист.

¹¹⁶ Москаленко Анатолий Евсеевич (1909–1984) – воронежский историк-славист.

¹¹⁷ Соколов Николай Петрович (1890–1979) – горьковский медиевист.

¹¹⁸ Хвостова Ксения Владимировна (1934–2021) – московский византинист.

¹¹⁹ Литаврин Геннадий Григорьевич (1925–2009) – московский византинист.

¹²⁰ Брайчевский Михаил Юлианович (1924–2001) – киевский историк-славист, археолог.

Т. В. Куц

Я очень хотел бы, чтобы Вы и другие московские византинисты – ядро сессии – приехали бы самолетами так, чтобы прибыть сюда днем, чтобы обо всем спланировать, ведь будут изменения в программе, предварительно поговорить о сессии с ректоратом и партийной организацией.

Очень просил бы Вас написать мне. Сметанин у нас ответственный за встречу! Имеются ли уже какие-нибудь отказы приехать? Это меня тревожит, если только в последний момент это выяснится (из-за гостиниц – номера забронированы с 20–23). Заботимся, как бы представить возможность ознакомиться с желающими посетить оперу или оперетку – посмотреть на наши достопримечательности – да и желательно, если захотят члены сессии устроить банкет на прощание.

Относительно печатания тезисов – я полагаю, что краткие тезисы можно отпечатать после конференции в качестве отчета о сессии. При некотором нажиме и с Вашей помощью можно будет ускорить печатание этого отчета о сессии. Я подал заявку на 6 печатных листов, но полагаю, этого мало будет. Конечно, лучше было бы предварительно печатать тезисы, но это не под силу у нас – так много юбилейных изданий!...

Всего-всего наилучшего в ожидании (подпись)

№ 15¹²¹

Свердловск, 13 декабря 1969 г.

Глубокоуважаемая дорогая Зинаида Владимировна,

Сдал отчет о сессии Обкому, учебной части и т. д. Готовлю альбомчик снимков сессии для сектора и для кафедры. Понемногу получаем бумагу. Присылаю несколько карточек.

У меня положение тяжелое вследствие болезни Полины Александровны¹²². Сегодня наконец ее выписали, но чрезвычайно слабую. Приходится ухаживать... К концу недели пришлю доклад. А сами мы в 1971 издадим краткий отчет с основными положениями и прениями, примерно в 6 печ. листов.

В декабре 22–25 будет конференция. Я очень хочу выступить там, но не знаю, как будет со здоровьем Полины.

¹²¹ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 27–27 об. Машинопись.

¹²² Вагина Полина Александровна – вторая жена М. Я. Сюзюмова.

Письма М. Я. Сюзюмова к З. В. Удальцовой

В. В. Кучма мне писал. Он готов был бы работать над своей темой, чтобы выпустить книжку. Можно ли надеяться на включение в план сектора? Он Вам тоже напишет. Кучма очень положительный человек, безусловно, он сумеет дать все последнее о тактике, уверен, что книга будет очень интересная. Может и некоторые моменты связать с военным делом славянских государств, с древнерусским военным делом, если это может оказаться интересным для издательства. Я думаю, что его работа в МВД является относительно временной, что он в дальнейшем полностью перейдет на Византию.

Собираюсь написать материал для «Вопросов истории», хотя теперь и очень тяжело в связи с болезнью жены.

Всего всего наилучшего, здоровья и удачи! Всегда Ваш (подпись)

Привет Михаилу Антоновичу

№ 16¹²³

Свердловск, 21 января 1970 г.

Глубокоуважаемая дорогая Зинаида Владимировна,

Пышляю обещанную маленькую статью для «Византийских очерков» – не знаю, не опоздал ли я. Но в связи с неприятностями по кафедре, в связи с уходом Сурова¹²⁴ отнята у моей кафедры ставка – это меня привело в ужасное состояние, в первую очередь, та аргументация, с которой проводится это «мероприятие» – подтянуть другие. Очевидно (хоть это и энергично отрицается), успех всесоюзной сессии в октябре для кафедры отразился весьма печально. Ставка Сурова передана другой кафедре, конечно, заявляют, что осенью будет восполнена. Во-вторых, приходится полностью перестраивать весь план, так что все время нахожусь в самом тяжелом, нервном состоянии. Конечно, можно было бы (отвлеченно говоря) переносить это спокойнее, но все-таки у меня это не выходит и очень отражается на научной работе. Но делать нечего, нужно выходить из общих положений. Все еще не имел времени просмотреть для 34 выпуска «Византийского временника» свой доклад! Но надеюсь, дня через два пришло. <...>

Всего-всего наилучшего! Всегда Ваш (подпись)

¹²³ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 28–28 об. Машинопись.

¹²⁴ Суров Евгений Георгиевич (1912–1975) – свердловский историк, археолог.

Т. В. Куц

№ 17¹²⁵
26 января 1970 г.

Глубокоуважаемая дорогая Зинаида Владимировна!

Наконец смог закончить мой доклад – он у меня был в сыром виде, теперь отшлифовал, много времени прошло для анализа текста, при проверке пришлось вставлять.

Конечно, было бы хорошо 34 номер после Ваших мой доклад поставить, но не знаю, не опоздал ли я же...

Так много у меня всяких дел. С годовщиной Ленина творится нечто несуразное везде, всюду – что делаете, что сделали, как кафедра, как студенты – мало, мало? Это уже хватают излишнее!

Ну, все будет в конце концов хорошо, но нервы напряжены до пределов. Я думаю, у Вас в Москве не так фанатично, как у нас...

Всего-всего наилучшего! Самый сердечный привет! Ваш (подпись)

№ 18¹²⁶
23 марта 1970 г.

Глубокоуважаемая дорогая Зинаида Владимировна,

Давно не писал – уж очень много работы – веду 3 курса: 1) «Техническая хронология», 2) «Производственные отношения по римскому праву» и 3) «Историография средних веков» (поскольку принцип у меня преемственность – то начиная с Полибия). И, кроме того, опять много дипломников (на базе спецкурсов). И кроме того – Полина Александровна все еще больна – хоззаботы на мне!

Посылаю Вам наши «Ученые записки» – три года в печати... издание – «дешевка».

Мой «Морской закон» так же, как первое издание «Книги епарха» – для «внутреннего употребления», т. е. для спецсеминара. Но издать «Морской закон» так же, как «Книгу епарха» – не по силам в настоящее время. Нет предисловий (они осложнили бы спецсеминар), мало параллелей. Не переведены положения «Корпус Юрис»! Нужно было бы перевести и всю книгу «Василик», часть которой – «Морской закон»... Все это в плане было и остается в записях...

¹²⁵ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 29–29 об. Рукопись.

¹²⁶ ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 163. Л. 9–10 об. Машинопись. В деле нарушен порядок – сперва идет л. 10, затем л. 9. Впервые письмо (с лакунами) было опубликовано М. А. Поляковской: *Поляковская М. А.* Византия, византийцы, византинисты... С. 316–318.

Сейчас занят перепиской с Копыленко¹²⁷ – споры относительно перевода... Копыленко очень славный человек. Уже накопился целый архив писем! А впереди – целая корреспонденция. Я все-таки хочу, чтобы Лев Дьякон был бы таким, каким он мне представляется, а иногда отдельные выражения не так соответствуют этому...

Отмечаю работу Сметанина как исключительно красивую, но не место ей в «Ученых записках» – полезнее было бы такого рода помещать в «Византийском временнике». В настоящее время он подробно [ее] развивает (почти с аннотациями важнейших писем!). У него подготовлена уже в основном работа на 20 листов – очень полезный был бы труд «Византийская эпистолография XIII–XIV–XV вв.». Был бы очень полезен для всех византинистов! Но как его издать?!

У нас возможностей нет – ни бумаги, ни возможностей в один год распространить (это для нас обязательно), но оплата ротاپринт – и боюсь, что эта работа останется «для себя»... Как трудно сейчас издаваться историку... Мы на задворках!

Тревожусь и относительно августовского международного конгресса. Смогу ли вообще поехать из-за болезни Полины Александровны – если не поправится... Еще более тревожит меня выбор тематики выступления... Какая установка – показать, что у нас в СССР полное единство в исторической науке, в недрах марксизма-ленинизма нет расхождений в деталях или же выступать против представления, что в СССР будто бы нет борьбы мнений в рамках марксистской историографии... , будто все канонизировано?

Я не буду выступать по первому докладу (Вашему и Евгении Владимировны¹²⁸), мне очень хотелось бы узнать тематику других докладов по Византии – можно ли узнать? Если можно, то очень просил бы. Можно ли совершенно отдельный доклад, например, «Модернизация и сепаратизация в византиноведении»? Если нужно, то мог бы и по-немецки сделать доклад, но такая тема затронет не только зарубежных, но и некоторых наших... Лучше выступить по какому-нибудь докладу в прениях...

Очень просил бы Вас черкнуть мне несколько строк об установках конгресса...

Всего-всего наилучшего. Полагаю, что у Вас сейчас такой же «цейтнот», как и у многих наших! Разница в масштабах...

Привет Михаилу Антоновичу и Всегда Ваш (подпись)

¹²⁷ Копыленко Моисей Михайлович (1920–1997) – алма-атинский филолог, лингвист, переводчик.

¹²⁸ Гутнова Евгения Владимировна (1914–1978) – московский медиевист.

Т. В. Куц

№ 19¹²⁹
Свердловск, 6 декабря 1970 г.

Глубокоуважаемые дорогие Зинаида Владимировна
и Михаил Антонович.

Очень тронут Вашей телеграммой сочувствия по случаю моего горя. Мне, разумеется, очень тяжело лишиться такой преданной, хорошей, доброжелательной, умной жены! Право, эти дни я нахожусь в каком-то трансе – слезы рвутся все время, когда я один. Теперь в квартире как-то все пусто-пусто и как-то мистически жутко делается, особенно по ночам.

Правда, я хорошо знал, что рак ужасная болезнь. Но все-таки некоторые выздоравливали народными средствами, травами и т. д. Я верил в чудо – тем более, что два раза она совсем как бы выздоравливала! И вдруг быстрая развязка!

Но делать нечего, нужно работать, хотя теперь прибавилось беготни и т. д. Ведь почти год я мало что сделал в научном отношении... А планы колоссальные.

Собираюсь в Эривани¹³⁰ выступить с докладом «Дофеодальный период».

Хотел бы узнать подробности, как поехать в Бухарест. Позволят ли по случаю болезни (у меня грыжа – операция была неудачна, а на повторную не решаюсь). Какие условия туристической группы? Ведь у нас философы часто бывают на заграничных конференциях, но у них особые как будто условия...

Провожу спецсеминары по историографии у выпускников. Использую Вашу последнюю книгу... Очень выходит интересно, когда организуем дискуссии и когда мне приходится защищать свою концепцию.

Михаил Антонович! Стараюсь распространять читать Ваш роман, но мне мешает первая страница – аннотация романа – прочитают аннотацию первым делом и машут рукой – слишком много идеологической выдержанности. В аннотации нет о людях – есть теория. «Слишком много идеологии, говорят, идеологическое заедает эмоциональное». Я этого не заметил, но аннотация не предрасполагает многих к чтению. В аннотации нужно было бы дать драматическое... Ну, это мое мнение в результате попыток рекламирования романа... Будете издавать другой роман – то не нужно такого рода аннотации. Ну, я записался... Ночь... уже делается жутко...

Всего-всего наилучшего. Новых успехов! Здоровья!

Ваш всегда (подпись) <...>

¹²⁹ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 30–31 об. Рукопись.

¹³⁰ Речь идет о IX Всесоюзной сессии византистов в Ереване (11–13 мая 1971 г.).

Глубокоуважаемая дорогая Зинаида Владимировна!

Получил Вашу телеграмму и сразу же засел за резюме. Трудно было содержание выложить в краткое резюме... Но думаю, что основное в концепцию у меня вложено. Доклад вовсе не отрицает типологию, но только я стремился выступить против тех, которые считают, что феодализм существовал извечно до капитализма. Я стою полностью на периодизации исторического процесса по Марксу. Я всегда спорил с Неусыхиным¹³², что он считал военный коммунизм как бы зерном для феодализма. Гораздо больше основ считать этот строй ранне-рабовладельческим, и саксов, и франков, и вандалов – это что-то в духе римских квиритов по их внутренне демократическим учреждениям и как кровавые эксплуататоры-грабители... Я несколько иначе воспринимаю «Салическую» и прочие «Правды», но думаю, что это в рамках марксистского понимания феодального способа производства. Дофеодальный период считаю созданием УСЛОВИЙ для феодализма, потому этот строй раннефеодальным назвать нельзя (иначе старую Россию, где созревали условия для феодализма – мощный пролетариат для диктатуры пролетариата – нужно было бы назвать такое «раннесоциалистическим», что нелепо, так же и в отношении дофеодального периода – это самостоятельная ситуация). Я даже не понимаю, как это у нас могло развиваться представление о феодализме чуть ли не с борьбы детей Адама и Евы – Каина и Авеля, если пародизировать это направление! Не знаю, как отнесутся к моей дерзости, но мне придает духу то, что я смогу везде опереться на Маркса, Ленина... Но, очевидно, борьба будет с такими, как Бокщанин¹³³ – ужасная! Он, видите ли, назвал на конгрессе всякое признание, что античное лежит в основе развития Европы – допшианством!!! Но ведь это выдумал не Допш¹³⁴! Это Энгельс!

Конечно, структуралисты, которые сепаратизируют одну структуру от другой, они могут отрицать закономерное спиралевидное развитие феодализма от рабовладельческого строя, но ведь это не марксизм!

Как-никак, я все-таки считаю, что энгельсо-сталинское определение о существовании особого периода, когда основой общества был свободный крестьянин – это и есть «дофеодальный период»...

¹³¹ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 32–33 об. Машинопись.

¹³² Неусыхин Александр Иосифович (1898–1969) – советский медиевист, специалист по социально-экономической истории раннего Средневековья.

¹³³ Бокщанин Анатолий Георгиевич (1903–1979) – советский антиковед.

¹³⁴ Допш Альфонс (1868–1953) – австрийский медиевист.

Т. В. Куц

Получил и отправил правку «Трудовых конфликтов»¹³⁵ для «Очерков», но очень давно была написана статья, много такого (в стиле), что характерно было для периода господства структуралистов... Но думаю, все будет благополучно. Очень жалею, что не удалось поспорить в Румынии... Неудачная операция навеки лишила меня возможности этого...

Всего всего хорошего Вам! Приятного отдыха. Я все поражаюсь Вашей героической работой!!! Привет Михаилу Антоновичу... Большой сердечный привет от Александры Владимировны¹³⁶. Мы так часто вспоминаем Вас и всех византинистов в Эрвани...

Всегда искренне Ваш (подпись)

№ 21¹³⁷

Глубокоуважаемая дорогая Зинаида Владимировна!

Я совершенно опечален, что так получилось: Ваше приглашение присутствовать на редколлегии ВВ¹³⁸ пришло только 11 д[екабря] к концу дня в канцелярию, у ректора утром 12-го, а потом известили и меня – поздно. Канцелярия И.В.И.¹³⁹ отправила 6-го простым письмом! Очень жалею... Ведь хочется повидаться, поболтать и поспорить!

У меня много дел. Не считаю кафедральных – тут борьба за сохранение античной и средней истории – идут попытки снизить роль их в нашем университете! Это нервотрепка – защищать официальный учебный план от разных прожектеров (напр., «долой латинский язык» и т. д.). Пока что окончилось относительно благополучно... Сажу над Львом Дьяконом, но мало – уж очень много забот по изданию сборников. А ведь нужно дать и объект отображения Львом действительности и субъект, отображающий действительность, т. е. Льва и его источников...

Но вторая забота («цель моей жизни») – борьба против теорий извечности феодализма – что равносильна германизму в историографии. Началось еще в 1943 г. с многодневных моих споров с Неусыхиным! Какой он был хороший человек, но «извечность феодализма» и убеждение, что германцы принесли в Европу чистый феодализм, возникший из их

¹³⁵ См.: *Сюзюмов М. Я.* Трудовые конфликты в Византии // Византийские очерки. М., 1971. С. 26–74.

¹³⁶ Третья жена М. Я. Сюзюмова.

¹³⁷ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 34–34 об. Рукопись. Судя по содержанию, письмо датируется серединой декабря 1971 г.

¹³⁸ «Византийский временник».

¹³⁹ Институт всеобщей истории РАН образовался в 1968 г. в результате разделения Института истории АН СССР.

Письма М. Я. Сюзюмова к З. В. Удальцовой

родоплеменных институтов, никак не покидало его! И вот, когда появилась теория, что великая античная культура – это «извращение» на прямом пути к феодализму, я не мог даже прийти в себя! В результате – доклад в Эривани! Хотел поместить в «Вопросы истории», но редакция, которая помещала в духе Неусыхина ряд статей, очевидно, не пожелала помещать, т. к. прошло уже много времени. Читаю 3 тома Βυζαντινά, которые мне прислал Караянопулос¹⁴⁰. 3-й том особенно неинтересен (почти все об идее императорской власти в Византии!). Хочется написать рецензию, но не напишу – я не умею писать рецензии – они выходят что-то резкими. В Свердловске жестокие морозы – днем вчера –42°. Александра Владимировна так хотела поехать в Москву со мной, когда узнала, что было приглашение – и прямо-таки разругала почту за опоздание! Она шлет особый привет Вам, Зинаида Владимировна.

Примите мои сердечные приветы Вам, Вашему супругу и сыну! Всего-всего наилучшего. Ваш (подпись)

№ 22¹⁴¹

Свердловск, 9 февраля 1972 г.

Глубокоуважаемая, дорогая Зинаида Владимировна,

С глубоким смущением посылаю Вам свой вариант рецензии на Ваш труд. *Feci quod potui, dixi quod mihi videtur, quae existimo exponi*. Конечно, я, византинист с 1912 года, могу представлять Византию только с точки зрения континуитета как в культуре, в праве, идеологии позднеримской империи... Конечно, я считаю, что больше всего страдали от варваров массы крестьянства (знать еще могла вступать в контакты с варварами...). И что ни о каком союзе масс с варварами не могло быть [и речи]. Конечно, я везде придерживаюсь генетического метода и считаю структуриализм извращением...

Я очень пропагандировал Вашу книгу – студенты восхищаются ею... Но *pro domo mea*. Я на практических занятиях по историографии, конечно, противопоставлял свою аргументацию... вот почему я с таким смущением посылаю Вам мою рецензию. Я неделю работал над ней – первый период разросся в 15 страниц – уничтожил и перешел к краткости... Так что Ваше последнее слово о предложенном

¹⁴⁰ Караянопулос Иоаннис (1922–2000) – греческий византинист.

¹⁴¹ ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 163. Л. 5–6. Машинопись. Напечатано заглавными буквами на машинке с греческим шрифтом. В деле нарушен порядок – сперва идет л. 6, затем л. 5. Впервые письмо опубликовано М. А. Поляковской: *Поляковская М. А.* Византия, византийцы, византинисты... С. 318–319.

Т. В. Куц

варианте рецензии. Я в плохом настроении – Гросман¹⁴² не хочет печатать мои статьи в «Вопросах истории», в том числе и эриванский доклад... Много у меня непропущенных статей – может быть, кое-что по-смертно напечатают в университете... На кафедре неважно... Маргарита лежит неподвижно, тазовые кости раздроблены. Но надеемся, что вылечат... Посылаю Вам свой кое-как изданный учебничек – для практических занятий по хронологии. Новый выпуск АДСВ в типографии и выйдет не раньше лета. Получаю отзывы из-за границы о Льве Дьяконе, пишут – Лев представляется теперь совсем другим...

Мои аспиранты были в Ленинграде, присутствовали на разборе нового его труда по просопографии XII века. Как поживает Ваша аспирантка, я что-то не помню, посылала ли она свой автореферат... А я с увлечением перечитываю введение в «Новеллы» Юстиниана. Это не ложь, это искренность бывшего крестьянина... Но... я люблю болтать, не хочу отнимать от Вас времени... Вряд ли смогу приехать в Москву в ближайшее время. Трудности – Поляковская больна и т. д.

Александра Владимировна шлет Вам самый сердечный привет...

Как поживают Ваш Михаил Антонович и молодой ученый¹⁴³?.. Самые добрые пожелания и привет

Ваш всегда Вам благодарный и признательный (подпись)

Μετὰ βαθέως ὑπολήψεως καὶ σεβασμοῦ.

Простите, что пишу на греческой машинке – русская сломалась...

№ 23¹⁴⁴

Свердловск, 12 февраля 1972 г.

Глубокоуважаемая дорогая Зинаида Владимировна!

Пишу опять Вам. Несколько задержались с курбатовской рецензией. Его тезис, что город только «центр ремесла и торговли», совсем не можем принять и придется углубить рецензию. Такое упрощенчество – отрывать ремесло и торговлю от государства, формаций, общества, состояния культуры, отрывать от основных функций города, о которых говорил Маркс – это экономический материализм. Конечно, это в рецензии не будет! Город – центр экономики (в широком смысле) и культуры (тоже в широком смысле), центр восприятия и распрост-

¹⁴² Гроссман Александр Соломонович (1927–2008) – историк, специалист по новейшей истории, член редакционной коллегии журнала «Вопросы истории».

¹⁴³ Сын З. В. Удальцовой.

¹⁴⁴ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 35–36 об. Рукопись. Копия письма, написанного под копирку, сохранилась в фонде М. Я. Сюзюмова (ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 163. Л. 7–8 об.).

Письма М. Я. Сюзюмова к З. В. Удальцовой

ранения идеологии, достижений... А отсюда выступает рецензент против многих выводов Курбатова. Рецензия разрастается. Козлов¹⁴⁵ очень дельный молодой человек. Как Вы посоветуете – вступить в дискуссию или же покороче? без дискуссии!

Да, о своей рецензии (вернее, I-м варианте) – жду Ваших указаний.

Кстати, относительно генетической истории, вместо всем известной цитаты В. И. Ленина я мог бы сослаться на «ВИ» 1972, № 1, стр. 37 об основной роли генетической истории (статьи Анатолия Килунова, моего бывшего ученика, с которым нахожусь все время в переписке).

С 14.П начинаются занятия. У меня большая нагрузка, читаю: 1) «Историографию средних веков» (начинаю с Полибия!). 2) «Производственные отношения по римскому праву», 3) «Хронологию» на 3-х курсах. А если Маргарита Адольфовна не выйдет к концу апреля, то и за нее что-либо... и много дипломников! Ужас... А так хочется работать над темами... Но теперь наступили дурные моменты. Сильно сокращаются ассигнования на командировки. А московские библиотеки новую литературу ранее 3 лет, как правило, не высылают. Да еще глупая манера – вместо книги – микрофильм. И так глаза портятся и использовать почти невозможно. Давно не был в московских библиотеках. Но что же делать... Да и печатать сейчас многим труднее! Вот Гросман не печатает мои статьи. Да и не пишет, почему. Я сам ведь часто отклоняю статьи, как отв. редактор. Но когда я отклонял, не говоря о причинах? Ведь это было бы невозможно. А Гросман как «екатерининский вельможа» даже не отвечает на письма. Это уж совсем mauvais ton... Ведь я могу ответить рецензенту, и, может быть, перейти в наступление! Все это меня мучает... Вы простите меня, Зинаида Владимировна. Но я всегда с Вами полностью искренен. Привет от Александры Владимировны.

Всего-всего благополучного, удачного! Желаю Вам «все выше и выше», Зинаида Владимировна! Ваш всегда Вам признательный (подпись)

№ 24¹⁴⁶

17 апреля 1972 г.

Дорогая глубокоуважаемая Зинаида Владимировна,

Получил Ваше любезное письмо. Ваши письма всегда меня ободряют. Очень рад, что рецензию на книгу Курбатова Вы решили разместить в 34 номере «Византийского временника». Козлов очень способный

¹⁴⁵ Козлов Александр Сергеевич – ученик М. Я. Сюзюмова, свердловский (екатеринбургский) византинист.

¹⁴⁶ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 37–40 об. Машинопись.

и весьма трудолюбивый и общительный молодой человек. Он делает крупные успехи. Без всяких переводов читает ряд греческих византийских источников, например, Зосиму. И целый ряд источников. Имеет у себя отпечатанные на «Веге» греческие тексты почти всех источников ранней Византии, особенно связанных с варварскими вторжениями. Думает даже написать о Зосиме (как я формулирую его будущую статью) «Негативное и конструктивное у Зосимы в его “Истории”». Но это дела будущего, нужно еще сдавать экзамены по философии...

Сметанин¹⁴⁷ работает как вол!!! Уже в мае планирует подать первый вариант докторской диссертации – на письмах 14 века! Новый материал. Вокруг него кружок. Я теперь уже кружка не веду – это передал Сметанину. Девушки особенно его окружают и охотно работают в кружке по греческим источникам. Правда, у нас плохо с палеографией... и завидуем вашим москвичам. Но «омниа темпорибус суис!» Маргарита уже чувствует себя многим лучше, даже была на кафедре, но слишком рано – побледнела, еле-еле ушла (уехала). Но думается, что недельки через две совсем поправится. Аспирант Степаненко¹⁴⁸ на кафедре сделал доклад – рецензию на № 23 «Палестинского сборника». Очень критиковал Гусейнова¹⁴⁹, отметил неправильную передачу армянского источника, но слишком резко, так что я не отправил Вам. Но можно было бы включить в коллективную рецензию, ведь статьи разные... «Византийский временник» № 32 интересен. Ваша статья о Малале. Я понимаю так, что по Вашим конкретным фактам и настроению Малалы можно видеть, что народные массы неплохо относились к Юстиниану, что они поняли, как знать натравливает народ на выступления, потому что политика Юстиниана, бывшего крестьянина, не совсем угодна была знати! И все будущие после Ники¹⁵⁰ [восстания], (где знати удалось вовлечь народ, а потом предать его!) лозунгом «против плохого царя и за хорошего», то есть призывом к апостасии, народные массы увлечь уже было нельзя! Конечно, драк болельщиков, внутренних склок в населении, особенно столицы, было много; но разным заговорщикам не удалось вовлечь на восстание против ИМПЕРАТОРА. Вообще народные массы могли выступать за хорошего против плохого царя, но и всё! Сколько угодно ДЕСТРУКТИВНОГО и НУЛЬ КОНСТРУКТИВНОГО! Я считаю, что это прямо соответствует

¹⁴⁷ Сметанин Валентин Александрович – ученик М. Я. Сюзюмова, свердловский (екатеринбургский) византинист.

¹⁴⁸ Степаненко Валерий Павлович – ученик М. Я. Сюзюмова, свердловский (екатеринбургский) византинист.

¹⁴⁹ Гусейнов Рауф Алишерович – советский и армянский историк, кавказовед, сириолог.

¹⁵⁰ Восстание Ника 532 г.

марксизму. Без народных масс НИЧТО не удастся, но народ своих конструктивных целей не мог тогда иметь.

Думаю, что Чекалова¹⁵¹ преуменьшает роль синклита и недоучитывает взрывчатую психику любителей спорта – болельщиков! Рад, что наших уральцев трое (с половиной – Медведева¹⁵² тоже считаем наполовину своим)¹⁵³. В отношении статьи АПК и Заборова¹⁵⁴ я считаю, что они исходят из неправильных позиций, что говорит о переносе на чужое понимание своего. Путешественник чаще отмечает СПЕЦИФИКУ ЧУЖОГО! Иногда представляет себе даже вольность писать много фантастического, а не переносить свое. Если называет своими терминами то, что действительно похоже, то в чем же тут плохо, если мы называем японского микадо «императором»? Выходит, что своим тезисом авторы «оглуляют» путешественников (в начале статьи). Но потом все-таки для Вильгельма Тирского сделали исключение, чему я рад! Статью Зимина¹⁵⁵ я даже не читал – я его не люблю – я выбросил из своей библиотеки все его книги после того, как он выступил с «теорией» о том, что «Слово о Полку Игореве» – подлог! От такого гиперкритика нечего ждать правдивого! Полякова¹⁵⁶ занимается той же тематикой, что и Маргарита Поляковская. Очень интересны статьи о монетах, особенно о последних находках, ведь эти монеты – «темных веков». Очень интересны рецензии. Но все-таки нам еще не догнать старый «Виз[антийский] временник» с его обзором, аннотациями литературы!

Слишком много по искусству! Это дает шик и все-таки не так уж. Хорошо было бы побольше публикаций. Вот ВДИ¹⁵⁷ в этом отношении очень много дает! Хотя бы ряд переводов актов!

Я застрял на Льве Дьяконе. Такая глупость, что я взялся. Пришел в тупик по вопросу 971 или 972 год? (мир Святослава с Цимисхием). Если судить по полнолунию, то это 972 год. По дню недели – 971!!! Ломаю голову: полнолуние при описании ночного события – очень убедительный аргумент.

¹⁵¹ Чекалова Александра Алексеевна (1943–2017) – московский византист.

¹⁵² Медведев Игорь Павлович – ученик М. Я. Сюзюмова, византист.

¹⁵³ Речь идет о публикациях уральских исследователей в Т. 32 «Византийского временника».

¹⁵⁴ Заборов Михаил Абрамович (1920–1987) – советский медиевист, специалист по истории крестовых походов.

¹⁵⁵ Зимин Александр Александрович (1920–1980) – советский историк, специалист по русскому Средневековью.

¹⁵⁶ Полякова Софья Викторовна (1914–1994) – ленинградский филолог-классик, византист.

¹⁵⁷ Журнал «Вестник древней истории».

Т. В. Куц

Я в ужасе, что министерство предпринимает 25 апреля совещание о переделке учебного плана! В настоящее время снова появились эпигоны покровщины и прожектеров превращения исторических факультетов (если не по названию, то на деле) в факультеты общественных наук (ФОН 20-х годов!!!). Неужели Институт истории не пошлет своих представителей, которые бы защитили древнюю историю, медиэвистику и Византию от мракобесов, считающих, что наша история что-то «неполноценное!» Ведь так было при переходе на четырехлетку. Покойная Пигулевская говорила «за», успокоившись, что Москвы и Ленинграда «реформа» хрущевская не коснется! Очень важно несколько вразумлять прожектеров, которые все ближе и ближе хотя с красивыми модными словами приблизиться к ФОНу.

Ну, кажется я надоел писанием...

Всего-всего хорошего. Все-таки Ваш Малала очень хорош. Нужно его перевести (хотя он так легко читается), но для студентов нужно иметь такой источник – это действительная жизнь.

Простите за бесконечное письмо.

Всего-всего наилучшего... Ваш всегда (подпись)

Я в восторге от Вашего плана [написать] «Историю византийской культуры». Но только чтобы византийцев не огулпяли и не обедняли византийскую культуру, а то есть такие наметки (см. «У врат Царьграда», А. П. Каждан здесь явно и огулпял и обеднял Византию, а жалко, он ведь очень много дает!!!). Лучше обобщения хороших сторон, чем «казусы» принимать за «узус»! и тем извращать сущность. Историю культуры нужно дать, но чтобы понять именно вклад в мировую культуру. Представить как многонациональную культуру.

Ну, об этом будет много споров.

Вы, Зинаида Владимировна, спрашиваете, печатать ли в [т.] 34 мой свердловский доклад. Я так много труда потратил, безусловно, хочу, чтобы в печати в «Византийском временнике» и явился мой доклад в Свердловске и доклад в Эривани хоть в 35¹⁵⁸.

Жаль, что не принимаю участия в рецензиях, ведь теперь очень трудно с литературой. Пока я стараюсь получить, уж в Москве АПК напечатает рецензию. Хотя очень люблю писать рецензии...

Ну еще раз всего хорошего.

По Лебедевой¹⁵⁹ все сделал: 23 марта собрал ученый совет, где утвердили мою рецензию, и послал. Очень хотел бы знать подробности, но полагаю, Медведев напишет!

Ваш всегда (подпись)

¹⁵⁸ Речь идет о публикации в номерах «Византийского временника».

¹⁵⁹ Лебедева Галина Евгеньевна (1935–2021) – ленинградский (санкт-петербургский) византист. Речь идет об отзыве на ее кандидатскую диссертацию.

Глубокоуважаемая дорогая Зинаида Владимировна,

Посылаю Вам на всякий случай рецензию на автореферат Вашей воспитанницы¹⁶¹ – лишняя рецензия не повредит!

Очень и очень доволен, что В. В. Кучма будет оппонировать... До сего он первый, который выступает из моих аспирантов на защите. Конечно, могли бы быть и другие, но политика москвичей не приглашать провинциалов мешает этому.

Мне нравятся некоторые положения Чекаловой, хотя и идеализация люмпенов налицо (против Ф. Энгельса, который очень скептически относился к ним). Я даже думаю, если хватит сил, написать «Экстремизм и люмпен-пролетариат в истории народных движений в Византии». Опыт человечества дает много ясного именно в настоящее время говорить об этом. Люмпены приводят движения в погром! Деструктивные мероприятия против ОТЖИВШЕГО у люмпенов и экстремистов приводят к уничтожению всего ценного! – абсолютизирование деструктивного!

Но об этом нужно много думать и говорить, я уверен, что на ОПЫТЕ истории будет наконец в истории время, когда будут, в первую очередь, ценить конструктивное, хотя во времени деструктивное практически предшествует именно из-за наличия таких союзников, которым дела нет до конструктивного... А конструктивного у люмпенов Ники¹⁶² ничего и в помине не было.

Но всего-всего наилучшего. Надеюсь, что Чекалова защитит блестяще. Она, вероятно, волнуется. Это закономерно, не волнуются только халтурщики! Желаю полной удачи!

Ваш всегда (подпись)

Глубокоуважаемая дорогая Зинаида Владимировна!

Надеюсь, застану Вас в Москве. Очень хотел бы Вас попросить вызвать меня в Москву на время с 15 по 28 сентября 1972 г. Мне так нужно для завершения Льва Дьякона. Я очень прошу Вас написать ректору

¹⁶⁰ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 41–41 об. Машинопись. Судя по содержанию, письмо написано в 1972 г.

¹⁶¹ Речь идет о А. А. Чекаловой.

¹⁶² Речь идет о восстании Ника.

¹⁶³ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 43–43 об. Рукопись. Судя по содержанию, письмо написано в конце августа – начале сентября 1972 г.

Т. В. Куц

Уральского ордена Трудового Красного знамени Государственного университета им. А. М. Горького, чтобы разрешил на это время командировку в Москву. Кроме того очень просил бы заказать (забронировать) комнату для мужа и жены (поеду с Александрой Владимировной). Если это возможно, я приеду – только этот срок для меня практически возможен. Нужно просмотреть много новой литературы.

Кроме того, меня беспокоит 34 номер ВВ, что с ним. Ведь уже 2 года назад разбирали его. Я был в то время.

Лев Дьякон идет туго. Нагрузка велика! Едва вырываешь время. Да и годы идут! Уже чаще болит голова после нескольких часов работы... Всего-всего наилучшего. Ваш всегда (подпись)

№ 27¹⁶⁴

Свердловск, 9 сентября 1972 г.

Глубокоуважаемая дорогая Зинаида Владимировна,

Должен Вам сообщить, что у меня не выходит то, что я планировал – не могу приехать в Москву в сентябре. Много причин и обстоятельств, особенно я узнал, что почти весь сектор уезжает 20-х чисел в Гродно на недельную конференцию, где Вы будете выступать совместно с Гутновой. У меня кроме того много дел в библиотеке на Фрунзе, а там, мне передавали, еще и ремонт, а в Ленинке ужасно трудно заниматься!

Я кончил Льва Дьякона – по крайней мере поставил заключительную точку. Но, конечно, нужно еще все перепечатать. У меня вышло всего на примерный минимальный расчет – свыше 650 страниц. И пришел в ужас! Как перепечатывать, ведь считаясь с иностранным текстом, не меньше 350 рублей вынь да положи! Да 2 000 листов бумаги, которую негде купить и достать в университете нельзя – сам страдает. План книги: Введение – 2 стр. Источники Льва и источники для понимания Льва – 12 стр. Византийское общество второй половины X века – 15 стр. Биография Льва – 16 стр. Мироззрение Льва – 12 стр. Рукопись 1712 – 11 стр. Перевод Льва Дьякона – 160 стр. (перевод Копыленко у меня в таком экземпляре тускло написанном, что я едва его разобрал, а как машинистки перепечатают, не знаю). Хороший экземпляр, вероятно, у Вас. Комментарии (502 сноски) – около 200 страниц. Перевод Энкомиа – 6 страниц. Приложения: Перевод Кедрина о Святославе – 20 стр. Перевод из Книги церемоний о коронации Никифора Фоки – 6 стр. Указатель собственных имен у Льва Дьякона – 18 стр. Указатель литературы (условно: Хонигман 1935, 64 в тексте, в Указателе под этим словом

¹⁶⁴ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 44–45 об. Машинопись.

приводится полное название труда – всего около 30 стр.) Подстрочных сносок не будет. Таких трудов и сокращений 314 – так что всего около 500 страниц. Это у меня, а когда будут печатать машинистки с полями, то не меньше чем 650–700 страниц... Наш университет не даст ни лент, ни бумаги, ни машинисток, да и денег свободных у меня сейчас нет и не скоро будут. Так я жалею, что согласился на издание. Никто не верит (в том числе и жена), что такие вещи – издание книги – и все на свой счет! Но не знаю, как делают это в Москве, но у нас это так...

Появился контрольный [номер сборника] «Античная древность и средние века» № 8, опять выкупать издание всем авторам. Да на такой бумаге, что стыд и срам посылать за границу. Нам в университет другой бумаги для «провинциальной науки» не присылают! Там моя статья, как всегда я на позиции Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, трактую, как все время, о том, что признание самобытного перехода из недр родоплеменного общества (без воздействия передовой страны) совершенно немислимо. Так я считал в 1943 г. в споре с Неусыхинным, а теперь еще больше убедился в том. Глубоко уверен, что это восторжествоет, хотя я, может быть, до этого не доживу. Господствующая школа сильна – ведь марровщина тоже долго господствовала.

Дорогая Зинаида Владимировна, как я страдаю, что у меня с Вами по этому вопросу, который вовсе не исходит от Ваших отправных положений, такое разногласие! Да, с тяжелым нервным состоянием пишу, не все выходит так, как душа рвется. С 14 выхожу на работу... Хотя работа у меня перманентна!

Всего-всего наилучшего, дорогая Зинаида Владимировна. Большой привет от Александры Владимировны и сожаление, что не сможет в сентябре свидеться...

Ваш всегда (подпись)

№ 28¹⁶⁵

Свердловск, 9 октября 1972 г.

Глубокоуважаемая дорогая Зинаида Владимировна,

Сегодня утром получил Ваше письмо и прямо преобразился – мне стало так легко и приятно. Я все время тяготился воображением, что своими выступлениями я доставляю Вам досаду и неприятности, что выступаю против Вас – не в развитие и новую постановку вопросов, а как бы против. Сейчас я вполне успокоился. Я, конечно, и раньше никак не мог

¹⁶⁵ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 46–47 об. Машинопись.

идентифицировать неусыхинскую теорию спонтанного роста феодализма в общине варваров с Вашими исследованиями – это было нелепо, то же и с бессинтезным самобытным переходом в феодализм – какой может быть бессинтезный переход, если христианство ломало быт, организовывало и давало идеологию в духе позднеримской самым широким массам. Семейное право, понятие греха (= норма поведения), образованность, отношение светской и духовной власти – все это ведь не самобытное развитие с принятием христианства, притом проводимого силой сверху. Какая там «бессинтезность» и в Дании, и в Польше, и особенно в Саксонии...

Получив Ваше письмо, я как-то совсем встал на ноги. Ведь я ломал себе все время голову, как Вы при Вашем взгляде на роль Византии в мировом процессе истории и значении античной культуры сочувствуете отрицанию этого значения (что, безусловно, содержится в признании бессинтезности и самобытности). Но теперь, конечно, мне все понятно – Вы разъяснили. Конечно, на конгрессе эта конвергенция была хорошим шагом для привлечения многих иностранцев к передовой методологии, хоть и с некоторым подходом... Но я думаю, что Вы не против, если я выступаю как поборник единства марксистской периодизации всемирной истории. Я Вам посылаю свою статью. Конечно, я мог бы обставить ее большим количеством выписок из варварских правд, из канонического права, из фактической истории христианизации и связи христианства с ведущим классом варварского общества, а возможно, если бы был в Москве – из новейшей литературы, а то я ограничился доступными у меня... Наша кафедра – «ведущая», т. е. внешний отзыв на диссертацию Слонимского¹⁶⁶. Там он тоже выступает о невозможности прямого самобытного перехода к феодализму отсталых народностей при наличии передовых культур... Защита этой докторской будет в декабре.

Я полагаю, что в дальнейшем попытка германских шовинистов и квасных славянофилов доказать самобытность в разрез с марксистской периодизацией в конце концов не удастся ни в теории развития города, ни в организации классового общества вообще. В отношении Юстиниана общий тон оценки его деятельности у меня почти совпадает с Вами – и я даю студентам при начале курса римского права читать Ваши статьи в «Византийском временнике». Вот теория Липшиц ни как не подходит к моему «Дофеодальному периоду».

Кстати, моя аспирантка Романчук¹⁶⁷ по теме «Херсонес в темные века» защитила диссертацию весной и теперь утверждена кандидатом... Я очень рад, потому что континуитет города явно доказывается, хотя и при наличии упадка...

¹⁶⁶ Слонимский Михаил Маркович (1917–1977) – советский историк-антиковед.

¹⁶⁷ Романчук Алла Ильинична – ученица М. Я. Сюзюмова, свердловский (екатеринбургский) археолог.

Письма М. Я. Сюзюмова к З. В. Удальцовой

Другой вопрос – начинать ли мне печатать «начисто» Льва Дьякона? Как обстоит с правилами, требованиями к рукописи, включением в план?

Но я так и не получил микрофильм Парижского кодекса 1712 и даже мне не отвечали на запрос. Но придется, хоть и очень жалко, обойтись и без него... Очень рад, что Вы стали чувствовать себя лучше, а то Поляковская очень меня испугала сообщением о тяжелой болезни...

Всего-всего наилучшего, великого благополучия и БЛЕСТЯЩИХ успехов!!! Привет Вашему милому супругу! Ваш всегда (подпись)

№ 29¹⁶⁸

Глубокоуважаемая дорогая Зинаида Владимировна,

Получил Ваше письмо... Не знаю как, но настроение не улучшилось – я знаю, что с Вашей стороны я встречаю только полную поддержку, ведь с Вами я не имею никаких противоречий в концепциях, ни в делах, ни в жизни...

Но прочитав письмо, еще больше убедился, что против меня организована интрига с целью не пропускать никаких моих трудов в печать и особенно моих докладов в Свердловске и Эривани. Откуда злобный ветер, не понимаю, хотя и стараюсь догадаться... Мои все выступления направлены против той части типологии перехода к феодализму, с которой выступала Гутнова. Я выступал против этих частей на всех конференциях и, насколько смог проследить, нигде не напечатали, хотя меня просили дать подробное изложение выступлений и я давал... Но не печатали... Да, вспоминаю, в дискуссии об основном законе феодализма Гутнова написала самую резкую критику на мое выступление. Это было давно... Было заседание факультета в педагогическом институте, где я тогда работал. Вдруг является Н. А. Б.¹⁶⁹ из университета, где он работал, просит слова и, пересказав и частично прочитав рецензию Гутновой, заявил – можно ли такого человека, который так превратно рассуждает, допускать к воспитанию студенчества... Мне пришлось отвечать. Я политэкономии когда-то преподавал в партшколе и знаю ее... Я обвинил Гутнову (заочно) в том, что она совершенно не разбирается в закономерностях простого товарного воспроизводства и воспроизводстве производственных отношений и не поняла мою концепцию. А о словах Н. А. Б. сказал, что удивляюсь, как он может преподавать

¹⁶⁸ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 52–53. Машинопись. Судя по содержанию, письмо написано в 1972 г. Копия письма хранится в ГАСО (ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 163. Л. 2–3).

¹⁶⁹ Бортник Наум Абрамович (1911–1977) – свердловский медиевист.

Т. В. Куц

в таком высоком учреждении, как университет, покритиковав его некоторые обвинения... Н. А. Б. понял, что не вышло обвинение, начал замазывать... и кончилось ничем. Я написал письмо Гутновой, как это она мне приписала, что я, следуя Марксу, «вольно или невольно» провозжу буржуазные идеи? О... какой полный надменности написала мне ответ! Письма храню... может быть, после смерти в архиве кто-либо прочитает... Но это забыто. Я очень уважаю Гутнову за ее блестящие работы по английскому парламенту и инцидент был забыт... Я забыл, но забыла ли она... Трудно сделать добро, но как легко сделать зло... Но я не знаю, факт остается фактом: то, что Гросман Вам сказал, что он отвергает мою работу как неактуальную, смеху подобно. Ведь статьи о дофеодальном периоде в «Вопросах истории» напечатаны... Почему же неактуальна критика этих статей... Ни я не знал Гросмана, ни он меня... Интрига ясна – хорошо, что обвинил в неактуальности – можно будет написать многим высоким лицам, неужели древняя и средняя история стали неактуальны... Неужели в специальном историческом журнале вопрос о переходе в новую формацию неактуален... Что это – рецидив пролеткультовщины, или просто *car tel est notre plaisir*, или интрига... Да, предстоит нервотрепка. Конечно, я был тронут вашим обещанием поместить доклад в ВВ № 35, но такое утешение для семидесятидевятого старца обещание напечатать через пять лет... Да, аракчеевский режим школы принял сейчас формы нелегальных черных списков... Но я утешаю себя – мы живем в Советском Союзе и боремся против аракчеевского режима школы и можно, и должно: тем более, что я борюсь за марксистскую периодизацию истории... Но я все-таки надеюсь, что все окончится благополучно... Я еще недельки через две напишу Гросману...

Александр Владимировне ничего не говорю, но она чувствует мою нервозность. Посылает Вам привет. Поздравляем Вас сердечно и поздравляем матрон сектора с *dies matronalis*.

Привет Вашему милому семейству... Ваш всегда (подпись)

№ 30¹⁷⁰

18 апреля 1973 г.

Глубокоуважаемая дорогая Зинаида Владимировна!

Простите, что отнимаю от Вас время. Я хотел бы справиться по одному вопросу. Мой аспирант Козлов (я уже писал когда-то об этом) помимо своей диссертации занимается Зосимой. Он перевел полностью с греческого «Историю» Зосимы, надеется через 5–6 лет представить

¹⁷⁰ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 54–55. Рукопись.

Письма М. Я. Сюзюмова к З. В. Удальцовой

к изданию перевод с комментариями. Кроме того, у него налаживается статья о мировоззрении Зосимы. Я и хотел бы узнать, свободна ли эта тема? Может быть, уже есть договоренность с кем-либо и по изданию перевода, и по статье о мировоззрении. Он (Козлов) очень трудолюбив – не хочется, чтобы он лишнюю работу взял, которая не будет использована. Можно ли включить в план?

У меня тяжелая пора – дипломники, а теперь острее требования (все еще у нас лихорадит политическая дискуссия, перенесенная из Москвы. Завтра «страшный суд»...) Дипломники по большей части по Византии. Сметанин обучил группу греческому языку, и студенты пишут, самостоятельно переводя письма... Но всюду и везде используется Ваш основной для дипломников труд – 50 лет византиноведению!

Получил «Byzantinische Zeitschrift» 1973 и глазам своим не поверил... В немецком журнале ни одной статьи на немецком, 3 по-английски, 1 по-русски! Что стало с Беком¹⁷¹?

Поздравил АП¹⁷² с победой – пробиться на русском языке в ВЗ¹⁷³ – это очень ярко!

У меня Сметанин завершает докторскую – он очень много работает. Можно поражаться его трудоспособности. Сейчас он канд. КПСС... Придется скоро Вас просить – челом бить – быть оппонентом... У него кружок, постоянно переводят непереуведенные письма XIV в. Накопится – будем издавать как студенческие работы.

Пока кончаю. Всего-всего наилучшего. Здоровья! Радостей! Успехов!
Ваш всегда (подпись)

№ 31¹⁷⁴

Пермь, 2 июля 1973 г.

Глубокоуважаемые дорогие Зинаида Владимировна
и Михаил Антонович!

Пишу из Перми, где я, как член Совета по присуждению докторских степеней, слушаю диссертации уже несколько дней. Имею некоторый перерыв в ужасающем свердловском цейтноте. Сегодня последняя диссертация и еду с Александрой Владимировной (она тоже была со мной) обратно в Свердловск.

¹⁷¹ Бек Ганс-Георг (1910–1999) – немецкий византист.

¹⁷² А. П. Каждан.

¹⁷³ Журнал «Byzantinische Zeitschrift».

¹⁷⁴ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 56–57 об. Рукопись.

Т. В. Куц

Я спланировал отпуск так, чтобы быть в Москве вторую половину сентября. Надеюсь, что тогда будете в Москве и Вы, и другие византилисты из сектора. Я очень прошу Вас известить меня, будете ли Вы в Москве тогда (15–28 сентября)? Затем, можете ли Вы официально вызвать меня с докладом [и] т. д.? И особенно важно, можно ли рассчитывать тогда на комнату в гостинице на меня и Александру Владимировну?

Мне очень хотелось бы обязательно побывать в Москве. Как со Львом Дьяконом? Да и хочется поговорить. Все-таки у меня цель – полностью подчинить свою оставшуюся жизнь проблеме: может ли самостоятельно какой-либо и где-либо народ перепрыгнуть сразу из родоплеменного общества, минуя рабовладельческий, прямо в более прогрессивное, чем рабовладельческое общество – в феодальное? Закономерна ли периодизация Маркса? Если, по Штаерман¹⁷⁵, рабовладельческое общество – извращение от пути развития, то периодизация Маркса должна быть отвергнута. Если же сохранить ее, то почему некоторые народы ПРЯМО ПЕРЕПРЫГИВАЮТ на 2 ступень прогрессивности? Если как гениальные племена – то это расизм... Если по географическим условиям – это Монтескье. Но не марксизм. Если «под влиянием более передовых соседей» – то это понятно, но тогда нет речи о «самобытном» перепрыгивании прямо через формацию, а есть могучий vis major передовой культуры и идеологии, которые сломали институты родоплеменного общества и, опираясь на верхушку племенного строя, насильно перевели на базе передовых соседей в новое общество... Никакое насилие, никакая агрессия не имеет столько прав на успех, как насилие со стороны передовой культуры. Мы видим, как под влиянием христианизации повсюду ломался родовой быт (напр. Норвегия!!!), менялось семейное общество, вводилась мораль позднеримского общества IV века, вводились новые институты. И только язык (и то не полностью) и некоторые обряды, кое-где костюм и т. д. (да и то переосмысленные) сохраняли специфику народа, племени. Много, много хотелось бы сказать. Да успею ли? Ведь nil est temporis velocius. Время сверхзвуковой скоростью летит!!!

Да, дорогая Зинаида Владимировна... Кое в чем расхожусь с Вами, но прогресс не в тавтологии, а в единстве противоречий! Думаю, что у нас единство одно!

Завтра буду снова в гуще кафедральной сутолоки! <...>

Всегда Ваш (подпись)

¹⁷⁵ Штаерман Елена Михайловна (1914–1991) – ленинградский историк-антиковед.

Глубокоуважаемая дорогая Зинаида Владимировна,

Посылаю Вам согласно обещанию рецензию на последний труд Курбатова. Рецензия несколько разрослась, но хотелось бы дать полную оценку труда, – конечно, Курбатова задерживает в выводах ШКОЛА, все его предпосылки должны были бы привести к положениям континуитета... Все еще господствует странно-упрямая тенденция равнять понятие континуитета с эволюционностью! Ведь Ленин считал, что отрицание старого предполагает и связь с ним, и сохранение достижений. А ведь ГОРОД – разве это не самое блестящее достижение античности? Город, но не полис. Упадок полиса – не упадок города. Всякое прогрессивное связано с деструктивными моментами (упадок) и конструктивными (подъем). Вот Курбатов все сводит к критике эволюции, а диалектическое понимание континуитета не принимает. Но это потому, что на Западе под континуитетом понимают перпетуитас – фактически эволюцию...

Я очень виноват перед Вами, дорогая Зинаида Владимировна. Трогательное письмо Киры Александровны¹⁷⁷ меня прямо-таки взволновало до самого сердца. Так, прошу прощения за мою нервозность. Но я считаю, что имею право в духе марксизма-ленинизма проводить концепцию, я для того и живу, и когда сообщили о том, что хотят не пустить мои доклады на конференциях (особенно поведение Гросмана), я действительно разнервничался, предполагая все худшее...

Еще раз прошу прощения. Я прекрасно понимаю, как много Вы сделали для меня в прошлом... Всего-всего наилучшего. Ваш (подпись)

Свердловск, 14 сентября 1973 г.

Глубокоуважаемая дорогая Зинаида Владимировна,

Сегодня вышел на работу – отпуск закончился, предстоит многотрудный год. Особенно не отдохнул. В квартире ремонт, в университет тоже приходилось постоянно ходить.

Думал поехать в сентябре в Москву, но не вышло. Получили сборник № 9¹⁷⁹, там моя старинная статья. Все спорно, как и все на свете!

¹⁷⁶ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 58–58 об. Машинопись.

¹⁷⁷ Осипова Кира Александровна (1925–1988) – московский византист.

¹⁷⁸ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 60–61 об. Машинопись.

¹⁷⁹ Речь идет о вып. 9 сборника научных трудов «Античная древность и средние века».

Но считаю, что теория налога требует еще многого. Так подходить к налогу, как подходили Сальвиан и Прокопий¹⁸⁰, нельзя. А если считать налог земельной рентой, то мы за классовыми интересами не видим национального вопроса – стремление народности к самосохранению, а иногда и потребности вести наступательную войну или укрепление, автаркию... Все подчинено классовым интересам, но не все двигающие силы классовы! Я возмущен, когда читал у Сапрыкина¹⁸¹, что налог – разновидность ренты... Если считать, что рента = вообще платеж, тогда это верно, но когда говорят о аграрных отношениях, то это глубоко неверно. Особенно в периоды, когда стране грозят нашествия варваров, соседей, в освободительных войнах (например, Юстиниана освободить Италию от варваров).

Я немного отдохнул в Красном Яре около Перми, там было много ягод... Целых 12 дней ничего не делал, читал только старинную беллетристику... И очень от фар ниенте¹⁸² устал. С ума схожу от понятия исторический СИНТЕЗ, перечитываю все, что у меня есть. Перечитал снова всего Фюстеля де Куланжа¹⁸³ и не понимаю, за что мы считаем это слово чуть ли не ругательным... Что немцы-шовинисты и марровцы завывали от злости, понятно, почему у нас, непонятно: ведь он на все изменения государства смотрел с точки зрения интересов господствующего класса. Деятельность королей тоже только в интересах господствующего класса. Экономическим вопросам, характеру собственности (= производственные отношения) придавал основное значение. Он признавал колоссальное перемещение собственности, считал, что в переменах и разрушениях в городах принимали [участие] в основном недовольные – рабы и др. Признавал частную собственность («аллодиальных собственников»). Завоеватели стали «аллодистами». Так и по Неусыхину... Он эволюционист, но какой же он эволюционист, когда так картинно обрисовал ужасы периода внутреннего хаоса и перемещения собственности? Его КРЕДО теоретическое и политическое не соответствует приведенным им процессам развития!

Но простите, Зинаида Владимировна, заболтался. Как Вы отдохнули и Ваши дорогие члены семейства? На юге, конечно, хорошо было, но мне и Александре Владимировне уже юг противопоказан! К моему ужасу!

¹⁸⁰ Речь идет о христианском писателе V в. Сальвиане Марсельском и византийском историке VI в. Прокопии Кесарийском.

¹⁸¹ Сапрыкин Юрий Михайлович (1913–1988) – московский медиевист.

¹⁸² *far niente* (ит.) – ничегонеделание.

¹⁸³ Фюстель де Куланж Нума Дени (1830–1889) – французский медиевист.

Письма М. Я. Сюзюмова к З. В. Удальцовой

Много забот дали летом наши археологи. Я все хочу, чтобы они могли показать археологически правдивость «Записок Топарха»¹⁸⁴.

Ведут раскопки у Баклы, где пути на юг к морю (в стороне Бахчисарая). Нашли на Бакле следы пожарищ в слое X века. Совсем подход на Топарха... Но конечно, это для Шевченко будет неубедительно... А мне совсем неубедительны его доводы (он мне прислал свою новую статью как оттиск из Думбартон Оакс)¹⁸⁵. Но... я опять заболтался. <...> Ваш всегда (подпись)

№ 34¹⁸⁶

22 октября 1973 г.

Глубокоуважаемая дорогая Зинаида Владимировна,

Давно потерял связь с Москвой. Работы много – у меня три аспиранта, которые кончают. Кроме того кафедра, лекции! Все больше воспитательных задач! А годы все-таки чувствуются.

Заканчиваю свою статью – доказать, что единственной страной почти бессинтезно, почти самобытно-закономерно прошла генезис феодализма только Византия (и ни в коем случае так называемые «бессинтезные» страны). Надеюсь отработать стилистически...

Пока посылаю работу Козлова о Зосиме – он очень подробно вник в его текст. Козлов видит в Зосиме представителя юристов, возмущавшихся произволом императоров, но его идеалы в духе классического римского права и принципата...

Диссертация его о готах в Византии и их влиянии уже подготавливается. И скоро я буду челом бить взять смелость просить Вас быть оппонентом (через год) на защиту диссертации его...

Я еще ничего не слышу о Льве Дьяконе. Теперь появилось кое-что, что можно прибавить в комментарии... Но, конечно, многие славянофилы (в духе XIX века) будут недовольны, что Святослава¹⁸⁷ я изобразил в духе Левченко, а не Тихомирова¹⁸⁸... Но это историческая истина, от которой византинисту нельзя отступать.

¹⁸⁴ «Записка готского топарха» – анонимный греческий текст, который, как установил американский византинист И. И. Шевченко (1922–2009), был фальсифицирован его публикатором К. Б. Газе.

¹⁸⁵ Речь идет о статье: *Ševčenko I. The Date and Author of the So-Called Fragments of Toparcha Gothicus // DOP. 1971. Vol. 25. P. 115–188.*

¹⁸⁶ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 62–63 об. Рукопись.

¹⁸⁷ Речь о великом князе киевском Святославе Игоревиче.

¹⁸⁸ Тихомиров Михаил Николаевич (1893–1965) – советский историк-славист.

Т. В. Куц

Вероятно придется кое о чем поспорить, особенно с Карышковским¹⁸⁹, с которым я абсолютно не согласен в его оценке русско-византийских войн.

Получил № 34, статья Штаерман как-то для меня производит странное впечатление. Почему даже нет упоминаний о статье Левченко в В.СЛ.¹⁹⁰ 1945? Это и самостоятельно яркая статья, и в свете ее что не так у Елены Михайловны! Ведь в Византии были элементы интеграции! Слишком схематично выглядит «античная собственность». Понимать так узко античную собственность значит недооценивать всё величие античной цивилизации! Но... это вопрос может показаться субъективным... Будем еще говорить.

Я слышал, что Вы заканчиваете новую книгу. Желаю Вам восторженного успеха!...

Всегда Ваш (подпись)

№ 35¹⁹¹

Свердловск, 23 ноября 1973 г.

Глубокоуважаемые дорогие Зинаида Владимировна,
Михаил Антонович.

Очень благодарен за Ваше поздравление к годовщине моей 80! Конечно, я мечтал как *rium desiderium*, что увижу Вас на юбилее, но, понятно, в Вашем положении это не так легко. Юбилей прошел исключительно торжественно. Прикрепили мне орден «Знак почета», который мне очень дорог! Масса подарков, торжественных энкомиев в стихах и прозой, от своих коллег, от византинистов, от своих учеников, окончивших школу 2 ступени в Златоусте в 20-х годах (уже очень пожилых, но с которыми не порывал связей). Выступили филателисты, которые считают меня основоположником советской филателии. Два банкета (второй с бывшими учениками 2 ступени 20-х годов. Из них приехало около 30 человек из всех концов СССР!)

Юбилейный сборник еще не готов. Верстка готова, ожидаю к концу декабря или в январе! Чистые листы верстки (неправленной) в виде книги я получил на банкете... До того времени я не имел никакого представления о сборнике, хотя и знал о его подготовке. Конечно, очень лестно. 56 статей – много иностранцев. Но я еще не успел прочесть его...

¹⁸⁹ Карышковский Петр Осипович (1821–1988) – одесский историк-антиковед, византинист.

¹⁹⁰ Журнал «Byzantinoslavica».

¹⁹¹ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 64–64 об. Рукопись.

Письма М. Я. Сюзюмова к З. В. Удальцовой

Ожидаю «Византийский временник» № 35. Надеюсь, в начале нового года все-таки выйдет.

Посылаю Вам энкомию, напечатанную в газете «Уральский университет».

Всего-всего наилучшего, желаю Вам успехов в Вашей научной деятельности, надеюсь видеть скоро Вашу новую книгу...

Ваш (подпись)

Кончил свою статью о синтезе и о классическом спонтанном генезисе феодализма в Византии, но пока не знаю, куда направить – 50 стр. машинописи...

№ 36¹⁹²

Глубокоуважаемая дорогая Зинаида Владимировна,

давно Вам не писал – все еще отклики юбилея, еще не вышел Festschrift, еще не ответил на все 103 телеграммы и 81 письмо и открытку. А дел в университете очень много. Сильные холода...

Я хочу Вам послать рецензию на «Мистру» Медведева¹⁹³. Не знаю, может быть уже и имеется рецензия и моя окажется лишней. При том, конечно, рецензию с точки зрения преемственности. Приехав в Ленинград, Медведев поддался настроениям против преемственности и за это отступление я его ругаю в рецензии. Поздняя Византия – это чисто греческая империя и, конечно, имя «лакедемоняне» и «Спарта» было для населения действительно, и они дорожили им, а слово «мистриоты» вряд ли вообще употреблялось, кроме как узколокальное понятие вроде «Кремль» в Москве.

Я хотел бы Вас попросить, можно ли как-нибудь оформить у Вас в секторе требуемое нашим университетским начальством и особенно министерством как обязательное прохождение «повышения квалификации» в форме «стажировки» на один месяц, приехать с женой, иметь комнату, чтобы можно было поработать в библиотеке, а то я уже оторван от заграничной литературы... И к издаваемому Льву Дьякону сделать кое-какие поправки... «Стажировка» и «повышение квалификации» для имеющих большой стаж работников понимаю как *non sens!* Но дисциплина должна быть соблюдена...

¹⁹² АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 65–66 об. Рукопись. Судя по содержанию, письмо написано в 1973 г. В левом верхнем углу рукой З. В. Удальцовой приписка: «ответ послан».

¹⁹³ Речь идет о книге: *Медведев И. П.* Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973.

Т. В. Куц

Хотелось бы устроить в конце мая до конца июня, когда более свободен от лекций и когда тепло.

Я как-то в смущении о том, что до сих пор ни слуху ни духу о Льве Дьяконе. Я уже полагаю, что работа попала для рецензии в руки самобытников с их благоглупостями в отношениях Святослава. Очень и очень умоляю Вас, если будут соответствующие рецензии, чтобы я мог дать достойный ответ, умоляю прислать мне эти рецензии. В отношении деталей, конечно, можно дать бесконечно больше, м[ожет] б[ыть], и точнее! Общая характеристика Льва Дьякона у меня тоже не такая, как у Карышковского...

И концепция резко против возможностей самобытно прийти в условиях асинхронного развития от родового общества к феодальному. Так что не хочется говорить неправду о Святославе!

Еще одно обстоятельство. Я до сих пор не знаю, принята ли статья Козлова о Зосиме. Если кое-что поправить, то он исправит. Ведь не все, на что указывает А. П. К., может быть принято. В настоящее время завершает диссертацию. Сидит над письмами Либания (только по-гречески!). Очень прошу Вас распорядиться переслать для исправления и Бакалинской-Белоус¹⁹⁴ ее работу: или ей, или мне...

Вот видите, как много у меня тревог в одном письме! Очень извиняюсь. Желаю всего наилучшего Вам, Михаилу Антоновичу, всей Вашей семье.

Привет от Александры Владимировны.

Ваши Михаил Яковлевич

Александра Владимировна

№ 37¹⁹⁵

Глубокоуважаемые дорогие Зинаида Владимировна
и Михаил Антонович!

Сердечно поздравляем мы с Александрой Владимировной с Новым 1974 годом. <...>

Все еще не кончились у меня юбилейные заботы. 14 декабря по телевидению передан фильм (на 30 минут) «Доктор Истории», где меня снимали во всех видах – дома, на лекции и т. д. Но все еще не готово издание моего юбилейного сборника. Пробный экземпляр я уже получил на банкете 23 XI, но напечатать никак не можем. Хотя обком КПСС дал

¹⁹⁴ Бакалинская-Белоус Ольга Юрьевна – аспирантка М. Я. Сюзюмова.

¹⁹⁵ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 67. Рукопись. Поздравительная открытка с Новым 1974 годом.

указание выдать бумагу № 1, но фактически никак не удастся получить эту бумагу! Сметанин совсем измаялся – не ожидал, что в последний момент такая задержка. Я надеялся к Новому году будет все готово, но не так все легко.

Очень благодарю Вас за присланный ВВ № 35. В Свердловске он еще не поступил в продажу, ожидаем на днях. Выпуск очень содержательный! Но Маргарита Адольфовна недовольна за слишком широкое сокращение – все, что касается производства, выпущено.

Всего-всего наилучшего (подпись)

№ 38¹⁹⁶

Глубокоуважаемая дорогая Зинаида Владимировна,

я очень взволновался, когда получил письмо Маргариты Адольфовны с извещением о том, что Вы заболели. Вы совершенно не бережете себя. Ведь вряд ли кто продельывает так много работы, как Вы. Вы всюду и везде, на страницах всевозможных журналов и сборников, на конгрессах, конференциях, совещаниях – и везде выступаете как основной докладчик или рецензент! Во всей византистике и, пожалуй, медиевистике не было такой активной и яркой фигуры, такого деятельного исследователя и руководителя, как Вы. Я это говорю вполне искренно и Вы сами сознаете, что это правда – такая самоотверженность и активность и притом при наличии образцовой семейной жизни. И вот Ваш недостаток – Вы совсем не обращаете внимания на свое здоровье...

Я Вам писал письмо в тяжелом настроении, вероятно, писал, как всегда пишу откровенно о своих неудачах...

Собираюсь печатать на машинке Льва Дьякона, но предварительно ожидаю, какие требования имеются в издательстве для рукописи, какая требуется бумага, какие особые капризы типографий и издательства...

И еще относительно плана издательства – как обстоит дело? Я полагаю, если особых фантастических (в наших условиях) не будет, то к ноябрю пришло.

Конечно, кое-что не нравится... но многое и мне не нравится из того, что пишут о времени Льва Дьякона.

Желаю Вам здоровья и продолжения Вашей блистательной жизненной и научной карьеры. Всегда Ваш (подпись)

¹⁹⁶ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 68. Машинопись.

Глубокоуважаемая дорогая Зинаида Владимировна!

Я только что получил повестку об утверждении диссертации на докторскую степень Сиротенко¹⁹⁸ – после 50-месячной трепки его нервов! Конечно, в основном, я знаю, нужно благодарить Вас за положительную рецензию его работы. Без этой рецензии германисты не дали бы ему ходу. Да, нужно вести борьбу с германистами в нашей литературе! Основываясь на том, что при Марксе-Энгельсе не было известно ни о каком ином другом феодализме, как в германских или частично германских странах, феодализм Маркс и Энгельс называли «германским» способом производства и прочими выводами – наши некоторые медиэвисты пошли на поводу германизма! И научились от немцев и наши славянофилы и самобытники! И получилась всеильная школа – германисты – Петрушевский¹⁹⁹, Неусыхин, Гутнова! Милый человек был Александр Иосифович²⁰⁰! Как много говорил я с ним! Но не хотел он отойти от варварских правд! И как в английской историографии все сводилось к «свободе», так и у Неусыхина – все к «градуированной свободе»! А не к собственности, эксплуатации, не к развитию производительных сил, не к наследию, не к ведущей роли христианства, ломавшего отношения. А самое главное, германисты отрицают несомненное – что германские варвары сами по себе, самобытно – стремились к рабовладельческому строю и рабство после германского завоевания и у вестготов, и франков, и саксов, и поляков возрастало, а не снижалось... Все варварское право – формально в «вирах» (неоплатимых), в действительности вели к порабощению! Но не «виры» двигали жизнь! Фюстель де Куланж – великий писатель. Но в угоду господствующей школы – эволюционизма – он отвергал завоевание, фактически фальсифицируя! Он смело пошел против германизма, в этом его мировая заслуга. Но его стремление завоевание превратить нечто в хулиганство рабов, конечно, глупость...

Сиротенко напечатал первый том своей диссертации. Надеюсь, Вам он уже этот том, посвященный документам, преподнес. Ожидая

¹⁹⁷ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 69–70 об. Рукопись. На полях приписки сверху: «Машинка сломалась и пишу от руки», снизу: «Я получил от Раисы Анатольевны письмо о снижении размеров “Виз. временника”», рекомендовала написать Жукову и Наследову. Я сразу же написал им письмо. Потом получил известие, что все стало благополучно, значит писал им напрасно...». Судя по содержанию, письмо написано в 1975 г.

¹⁹⁸ Сиротенко Василий Трофимович (1915–2006) – советский историк-антиковед.

¹⁹⁹ Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1863–1942) – русский медиэвист.

²⁰⁰ А. И. Неусыхин.

Письма М. Я. Сюзюмова к З. В. Удальцовой

сведений о Льве Дьяконе, но при теперешних зверских требованиях издательств и типографий это будет не скоро! <...>

В связи с «новым этапом» в высшей школе масса работ. Да и «лихорадка» критики Волобуева-Адамова²⁰¹ (наш преподаватель завкаф СССР, не считающий уральских рабочих пролетариатом (!!!)) Резкая статья в газете! Резкие споры! Что будет, не знаем. Но нервнотрепно. Не понимаю позиции Волобуева. Везде споры! Но без противоречий нет прогресса...

Всего всего наилучшего. Самый сердечный привет от Александры Владимировны. Ваш всегда (подпись)

№ 40²⁰²

Глубокоуважаемые дорогие Зинаида Владимировна
и Михаил Антонович

Сердечно поздравляем вас с новым 1975 годом! Так быстро идет время! Мы желаем вам дальнейших сверхуспехов! <...>

Как жаль, что пока не могу приехать в Москву. Мне так это нужно, но ожидаю, когда выздоровеет Александра Владимировна. Много дел в университете – все больше и больше нужно обращать внимание всех кадров на политвоспитание.

Жду новый выпуск АДСВ с моей статьей «Модернизация и сепаратизация», написана уже давно. Жду «ВизВр» № 36.

Козлов готовится к защите. Какие новости у Вас? Очень волнуюсь о Льве Дьяконе – уже кое-что нужно (немало) добавить. Нужна ли карта? М[ожет] б[ыть], рисунки из летописей?

Ожидаем хороших новостей о Ваших успехах. Ваш (подпись)

№ 41²⁰³

Свердловск, 21 октября 1976 г.

Глубокоуважаемые дорогие Зинаида Владимировна
и Михаил Антонович,

Сердечно поздравляю Вас с успехом «под светлым небом Эллады»! Очень хотелось бы подробнее узнать о Вашей деятельности среди афинян!

Посылаю Вам с трепетом новую книжку АДСВ. Я по-прежнему считаю, что в отношении институтов синтез – борьба! Что делать? Никак

²⁰¹ Речь идет о «новом направлении» в советской историографии, которое в 1970-е гг. подверглось критике, и его представителях П. В. Волобуеве и В. В. Адамове.

²⁰² АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 72. Рукопись. Поздравительная открытка.

²⁰³ Там же. Л. 73–73 об. Рукопись.

Т. В. Куш

не могу понять, какой может быть синтез римского права и «суда Божья» варваров. Синтез – не диалектика, которая считает, что противоречия взаимно связаны в закономерном развитии, необязательно для феодализма чужеземное завоевание и гибель народности... Но... я заболтался.

Я все еще работаю, хотя тяжело. Особенно, что не могу быть в Москве и пользоваться новейшей литературой. Утвердили завкафедрой на 1976–1980! Хотя некоторые на кафедре и враждебно восприняли.

Как подвигаются вперед члены сектора? Думаю, что молодежь уже начинает «омолаживать» сектор. У меня трудное положение – Романчук на учебный год в Болгарии, а Сметанин в ИПК²⁰⁴... Так что никак не смогу поехать в Москву – никого на кафедре.

Александра Владимировна часто вспоминает Вас и удивляется и восхищается Вашим успехам. Шлет свой сердечный привет.

Всего-всего наилучшего. Ваши Александра Владимировна, Михаил Яковлевич

№ 42²⁰⁵

Глубокоуважаемые дорогие Зинаида Владимировна
и Михаил Антонович!

Сердечно поздравляем (Александра Владимировна и я) Вас и Ваше милое семейство с праздником Великого Октября. От всей души желаем Вам доброго здоровья, дальнейших успехов и проявлений всех радостей нашей советской жизни, и безоблачного счастья!

Очень жалею, что никак не могу поехать в Москву. Так хотелось бы поговорить обо всем. Посмотреть новые книги, зарубежные журналы, особенно познакомиться с Институтом информации – очень много говорят. Но конкретно пока еще не вижу, как можно желаемых теперь новых статей получить.

Будут из наших на конференции Романчук, Козлов, Сметанин и, м[ожет] б[ыть], Маргарита²⁰⁶ (она еще, кажется, вокруг света туристкой!).

Очень просил бы помочь Сметанину, у него давно готова работа – нужен внешний отзыв, может быть, кому-либо от имени сектора можно дать отзыв (внешний).

Надеюсь, что конференция пройдет великолепно.

Ваш всегда (подпись)

²⁰⁴ Институт повышения квалификации.

²⁰⁵ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 74 об. Рукопись. Поздравительная открытка.

²⁰⁶ М. А. Поляковская.

Глубокоуважаемая дорогая Зинаида Владимировна!

Очень благодарен за присылку отзыва на Сметанина. Он теперь весь в счастливых мечтах – рыться в архивах византийских писем в оригинале! Он считает: работает колоссально, но проку здесь мало! Правда, Сметанин такой человек: никогда не отказывается и не отваливает от поручений, и у него поэтому без конца работ (от обкома, от ректората, от деканата и от... меня). Кроме того, масса работ со студентами, кружок, работа по сборнику, лекции среди населения. Кто много работает, тому еще больше дают работ! Так что это отвлекает его от науки. Он счастливо чувствует теперь, надеется на возможность «по-настоящему» поработать 2 года! Конечно, мне труднее без него, но поскольку это так, я старался помочь ему.

Я чувствую себя плохо. Почти слепой, полуглухой, головокружения. Но хожу быстро, бегаю по лестнице, читаю лекции, спорю! Работа без конца. Александра Владимировна болеет, но дома работает, ведет все хозяйство. Вы пишете, что у Вас плохое настроение. <...> Я понимаю Ваше подавленное настроение: ведь «Византийский временник» полностью пропитан статьями и рецензиями АПК²⁰⁸! Очень трудно будет мне давать задания дипломникам – ведь почти по всем темам есть работы АПК!?? А я с ним вел постоянно переписку с научными спорами – ведь вопрос о верховной собственности государства, о централизованной ренте, о «Книге епарха» (подмастерьев), о Панченко, о пронии и т. д. и т. д. – все эти споры везде – и в переписке он часто писал о своих новых работах, что так много новых книг получает, касается буквально всех вопросов истории Византии – и, конечно, я не удивлялся, что по количеству своих работ – он был на первом месте среди византинистов всего мира – ведь во всем мире ни у кого нет таких возможностей для научной работы, как у АПК!

Жаль, что не могу побывать в Москве... И это отражается на моей научной работе. Без Москвы, новой литературы – невозможно. К тому же почти слепой с трудом читаю тысячи тысяч своих записей!

Скоро выйдет сборник № 14 (давно готов, но не получили готовые экземпляры). № 15 сборник уже гранки готовы, № 16 принят в печать и готовится сборник № 17.

Трудно, трудно... hohes Alte ist kein hohes Wohl... Но нужно работать, еще мало сделано...

Всегда Ваш (подпись)

²⁰⁷ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 77–78. Рукопись.

²⁰⁸ Речь идет об эмиграции А. П. Каждана.

Т. В. Куц

№ 44²⁰⁹
15 ноября 1978 г.

Глубокоуважаемые дорогие Зинаида Владимировна
и Михаил Антонович!

Александра Владимировна и я – мы в восторге получили статью-мемуары Михаила Антоновича. Александра Владимировна первая стала читать и очень заинтересовалась. Я еще полностью не прочитал, но просмотрел. Очень много мне знакомо! Ведь моим учеником был шестнадцатилетний Первухин – один из первых организаторов комсомола в 1920 году в Златоусте. Я тогда был завшколой (трудоустрой) и помню хорошо тот энтузиазм, с которым проводили свою общественную работу молодые! Как я играл на пианино для «Синей блузы», какие были разные самостоятельные выступления, как живая политическая жизнь соединялась с обучением. Ведь до сих пор я имею постоянную переписку с моими учениками – активистами. Да, так хочется написать мемуары, но видать, до этого не доживу. Сейчас я почти слепой и глухой – еще читаю лекции, пишу статьи для 17-го сборника АДСВ. Еще раз очень благодарю за книжку, особенно за чрезвычайно интересную статью.

Всего-всего благополучного, счастливого, удачливого!

Ваш уважающий Вас Михаил Яковлевич
Александра Владимировна

Р.С. Вызов в Москву на 1–2 ноября (от 26.X) получил только 10 ноября! Так долго письмо шло по почте! Но вряд ли смог приехать... А если бы получил статью для рецензии, я смог бы дать.

№ 45²¹⁰

Глубокоуважаемые дорогие Зинаида Владимировна
и Михаил Антонович!

Я и Александра Владимировна сердечно поздравляем Вас и Вашу семью с важным праздником 62-летия Октябрьской Социалистической Революции!

Я ведь как раз в это время был в Петрограде, работал над диссертацией, увы! незавершенной. А сейчас я уже... почти слепой, почти глухой. Но так часто вспоминаю эту великую дату!

²⁰⁹ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 79–79 об. Рукопись.

²¹⁰ Там же. Л. 80. Рукопись. Поздравительная открытка. 1979 г.

Письма М. Я. Сюзюмова к З. В. Удальцовой

Желаю вам здоровья, великих достижений и удач в науке, и счастья в жизни!

Ваши всегда (подпись)

№ 46²¹¹

Глубокоуважаемые дорогие Зинаида Владимировна
и Михаил Антонович!

Сердечно поздравляем Вас с Новым 1979 годом. И я, и Александра Владимировна желаем Вам великого благополучия, здоровья, успехов, достижений в жизни, общественном, науке и безоблачного счастья.

Очень признателен за теплое блистательное поздравлением мне с 85 годовщиной. Теперь я получил звание «ветеран труда» – на должности профессора-консультанта и с пенсией. Пока что работаю не меньше, а даже больше! Хотя я и полуслепой уже. Но это делает время. Хронос безжалостен.

Всегда Ваш (подпись)

№ 47²¹²

Глубокоуважаемая дорогая Зинаида Владимировна,

Александра Владимировна и я – наш привет и Вам, и Михаилу Антоновичу, и Володе²¹³. В первую очередь, с опозданием приносим Вам поздравление с Вашим новым положением в управлении нашей исторической наукой. Вы действительно показали свое научное величие в нашей Великой Родине. Ведь именно это – Ваше движение «впереди вперед» – гордость нашей родине в истории!

Я очень опоздал поздравить Вас, ведь начиная с июля месяца я вышел из строя – в июле я в больнице испытал операцию [на] глаза, и до сего почти времени ощущаю тяжелое положение – недавно определили «очки». Никуда без помощи моего пасынка – сына Александры Владимировны не могу самостоятельно ходить. Я еще заканчиваю сидеть как больной, только с 21 октября иду в университет начинать свою работу «профессора-консультанта».

²¹¹ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 81. Рукопись. Поздравительная открытка к Новому 1979 году.

²¹² Там же. Л. 83–83 об. Рукопись.

²¹³ Сын З. В. Удальцовой.

Т. В. Куц

Хотя я еще не чувствую себя здоровым, думаю, что сумею, не считаясь с моим 87-летним возрастом, все-таки продолжать читать лекции. Я доставил большую заботу Александре Владимировне ухаживать за мной, следить, делать то, что мне нужно. Конечно, сейчас оба глаза еще не видят в полной мере для занятий историей, но начинаю писать.

За время болезни узнал, что в № 7 журнала «Вопросы истории» 1980 напечатана (в сокращенном виде) статья-рецензия на работу Елены Михайловны Штаерман – критическая рецензия.

Ожидаю печататься о элементах капитализма в классическом римском праве. Как пойдет моя работа дальше, еще не знаю, много разных начал, мало новейших исследований.

Все надежды на глаза – и левый, и правый.

Александра Владимировна тоже поздравляет Вас, приносит привет и Вашему супругу, и сыну.

Всего-всего хорошего

Глубоко уважающий Вас и всегда выражаю чрезвычайную благодарность за все, в чем я получил от Вас помощь в течение всей моей работы
Ваш всегда (подпись)

№ 48²¹⁴

Глубокоуважаемые бесценно дорогие, так много давшие нам в нашей жизни Зинаида Владимировна и Михаил Антонович!

От всей души и сердца я и Александра Владимировна поздравляем Вас с Новым 1981 годом! <...>

Но увы, время идет! Сейчас мне уже 88 год жизни! Но все еще работаю в университете как профессор-консультант...

Собираюсь опять читать лекции: римское право классическое и право как элементы феодального строя после введений Константина, включая право Юстиниана... и римляне, и варвары... Новый учебник! Много думать! По-разному. <...>

Желаем Вам счастья

Александра Владимировна

Михаил Яковлевич Сюзюмовы

²¹⁴ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 84–85. Рукопись. Поздравительная открытка с Новым 1981 годом.

№ 49²¹⁵
19 января 1981 г.

Глубокоуважаемая Зинаида Владимировна,

Только что получил потрясающее для нас известие о скоропостижной смерти Михаила Антоновича, Вашего супруга. И мы оба, и я, и Александра Владимировна это несчастье ужаснуло, как неожиданное горе. Мы оба приносим Вам наше глубокое соболезнование и сочувствие Вашему тяжелому бедствию, Вашему любимому спутнику Вашей жизни.

У меня сохранилось несколько ученых трудов Михаила Антоновича, которые я с любовью стал перечитывать с его сердечной надписью, которые я очень ценю. Очень тяжело это известие потрясло Александру Владимировну, которая не раз прочитывала Ваши письма. Еще раз наше сочувствие и соболезнование.

Желаем Вам продолжать Ваше дальнейшее участие в управлении нашей исторической науки в Академии наук нашей Великой Родины.

Ваши Александра Владимировна и Михаил Яковлевич Сюзюмовы

ПИСЬМА З. В. УДАЛЬЦОВОЙ К М. Я. СЮЗЮМОВУ

№ 1²¹⁶
18 января

Дорогой Михаил Яковлевич!

Сердечное спасибо за Ваше милое письмо и новогодние поздравления. От души желаю Вам и всем Вашим родным здоровья, счастья, радости, успехов в Новом году.

Передайте, пожалуйста, Вашим ученикам, что они могут присылать свои работы в «Византийский временник», и мы всегда рады их напечатать. Жду Вашу заключительную главу к «Истории Византии», уверена, что она, как все Ваши работы, будет очень интересна.

²¹⁵ АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 133. Л. 86. Рукопись.

²¹⁶ ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 253. Л. 5. Рукопись. Письмо написано 18 января 1965 г. и является ответом на послание Сюзюмова (№ 10 в данной публикации).

Т. В. Куц

У нас очень много дел. Особых новостей нет. Шлю Вам наилучшие пожелания. Приезжайте на каникулы в Москву, будем очень рады.

С уважением Ваша (подпись)

№ 2²¹⁷

Глубокоуважаемый Михаил Яковлевич,

В связи с большой переверсткой Ваших глав 1-го тома «Истории Византии» по калькуляции бухгалтерии издательства «Наука» Вам необходимо внести 22 руб. 60 коп. Деньги просим переслать М. А. Заборову <...>. Бухгалтерия требует внести всю сумму сразу, поэтому деньги решено передать М. А. Заборову, а он внесет их в кассу Издательства.

С глубоким уважением

Главный редактор 1-го тома «Истории Византии» /З. В. Удальцова/

Дорогой Михаил Яковлевич!²¹⁸

Первый том уже готов, скоро появится в магазинах. Получился очень красивым. Но, увы, со всех нас требуют равную сумму за переверстку и правку в тексте и особенно в аппарате. Ничего сделать нельзя. Жму Вашу руку.

Ваша (подпись)

№ 3²¹⁹

4 ноября 1970 г.

Дорогие Полина Александровна и Михаил Яковлевич!

Поздравляю Вас с наступающими праздниками. Все самое хорошее, что есть в моем сердце, шлю Вам. Большое спасибо за добрые слова о романе М. А.²²⁰ Для нас всех это большая радость. У нас в секторе все спокойно, мы довольны, что вернулись в старый институт. Здесь нам значительно лучше. Напишите нам, кто из Ваших учеников, а прежде всего Вы сами, хочет поехать на конгресс 71 г. в Бухарест. Мы думаем организовать туристическую группу. В мае 71 г. будет византийская сессия в Ереване – напишите Зине Самодуровой темы Вашего доклада и всех учеников.

Привет всем от М. А. и Вовы. Полину Александровну обнимаю и крепко целую.

Всегда ваша (подпись)

²¹⁷ ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 253. Л. 4. Машинопись. Судя по содержанию, письмо написано в 1967 г.

²¹⁸ Приписка от руки.

²¹⁹ Там же. Л. 1–1 об. Рукопись.

²²⁰ М. А. Алпатов.

Дорогой Михаил Яковлевич!

Получила Ваше печальное письмо. От всего сердца сочувствую Вашему горю и глубоко Вас понимаю. Ведь недавно я похоронила своего отца и мы все еще не можем прийти в себя от этой утраты. Но у Вас осталось и после ухода Полины Александровны много хорошего в жизни: работа, интересная и нужная людям, любовь друзей, близких, учеников, творчество и многое-многое другое.

Надеюсь, что быт Ваш как-либо устроится к лучшему, мир не без добрых людей, Вам помогут Ваши друзья. Ведь Вас в Свердловске так почитают и любят, мы это видели во время сессии.

Теперь о делах: I. поездку в Бухарест надо оформлять и скорее. Надо прислать на адрес национального комитета историков (сектор византиноведения) ходатайство от Уральского университета о включении Вас и Ваших учеников в туристическую группу для поездки на 14 конгресс византи[нистов] в Бухарест в сентябре 1971 г. Бумаги должны быть подписаны ректоратом. Относительно возраста ограничений нет, но надо, как обычно, получить справку от врача. Документы надо следующие – 1) характеристика, 2) 8 фотокарточек для загранпаспорта, 3) анкету (объективку), 4) справку о здоровье.

Я думаю, что все это легко сделать. Мы будем рады ехать с Вами и будем отстаивать всех свердловчан.

II. Мы ввели Вас в оргкомитет по подготовке 9 сессии византинистов в Ереване (10–17 мая 1971 г.). На днях бюро отделения утвердит этот комитет и мы хотим собрать редколлегию «Виз. Вр.» и одновременно оргкомитет Ереванской сессии где-то в январе, Ваше присутствие очень и очень желательно и на редколлегии, и на заседании оргкомитета. Очень прошу срочно сообщить мне, когда в январе Вы сможете приехать, чтобы мы могли согласовать время с армянами. Но затягивать эти дела нельзя: лучше всего было бы встретиться где-то в середине января. Шлю Вам от меня и М. А. новогодние поздравления и наилучшие пожелания. Привет всем.

Ваша (подпись)

²²¹ ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 253. Л. 2–2 об. Рукопись. Судя по содержанию, письмо написано в ноябре 1970 г.

Т. В. Куц

№ 5²²²

Москва, 3 июня 1971 г.

Дорогие Михаил Яковлевич и Александра Владимировна,

С большой теплотой вспоминаем наши встречи в Ереване. От души рады, что и доклад Михаила Яковлевича, и его выступления имели такой большой успех у слушателей. Нас всегда радует, дорогой Михаил Яковлевич, постоянно теплое и внимательное отношение Ваших учеников.

Спешим сообщить Вам, что по интересующему Вас делу В. Т. Сиротенко мы сделали все, что смогли. Сейчас сектор занят подготовкой к Конгрессу в Бухаресте и составлением пятилетнего плана. Недавно подписали к печати сигнал 31 том ВВ, идет корректура «Византийских очерков» (скоро Вы получите свою часть).

Все мы немного устали и думаем о летнем отдыхе. Где Вы думаете отдыхать?

Сердечный привет от Михаила Антоновича и всех византинистов. Очень рады были познакомиться с Александрой Владимировной. Желаем Вам, дорогая Александра Владимировна, всего, всего хорошего, здоровья и благополучия.

Искренне Ваши З. Удальцова, К. Осипова

№ 6²²³

Дорогие Михаил Яковлевич и Александра Владимировна!

От души поздравляю Вас с праздником, желаю здоровья, радости, новых свершений в науке! Письмо Ваше получила, сердечно за него благодарю. Благодарю особо и за Ваши поздравления с наградой. Для меня это большая радость. Сессия византинистов²²⁴ прошла очень хорошо, все Ваши ученики выступили успешно! Особенно мне понравился доклад Романчук, Сметанина я не слыхала. Очень вырос Кучма, прекрасно стал говорить, радует и Игорь Медведев. Вообще Вы можете сильно гордиться Вашими учениками.

Все жалели, что Вас не было в Москве, вспоминали наши предшествующие встречи в Свердловске и Ереване.

Следующая сессия будет в Херсонесе или Киеве в 1977 г. (весной).

У нас все хорошо, все здоровы!

Привет Маргарите Поляковской, жаль, что она не смогла приехать.

Привет от Мих[аила] Ант[оновича] и Володи.

Ваша З. Удальцова

²²² ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 253. Л. 3. Рукопись.

²²³ Там же. Л. 6–6 об. Рукопись. Судя по содержанию, письмо написано в конце 1975 г.

²²⁴ Речь идет о X Всесоюзной сессии византинистов в Москве (3–5 ноября 1975 г.).

REFERENCES

- Alpatov, V. M. (2010). Udal'tsova Zinaida Vladimirovna (1918–1987). In G. N. Sevost'yanov, & V. Ya. Golovin (Eds.), *Portrety istorikov: vremia i sud'by* [Portraits of Historians: Time and Fate] (Vol. 5, pp. 144–162). Moscow: Nauka.
- Dmitrev, A. D. (1940). Dvizhenie bagaudov [The Bagaudae Movement]. *Vestnik drevnei istorii*, 3–4, 101–114.
- Janin, R. (1950). *Constantinople byzantine*. Paris: Institut français d'études byzantines.
- Kamynin, V. D. (2019). Iz istorii istoricheskoi nauki na Urale na rubezhe 1960-kh–1970-kh gg. [From the History of Historical Science in the Urals at the Turn of 1960s–1970s]. *History and Modern Perspectives*, 1(3), 63–71.
- Kosminsky, E. A. (Ed.). (1952). *Istoriia srednikh vekov. T. 1: Uchebnik dlia istoricheskikh fakul'tetov vuzov* [History of the Middle Ages. Vol. 1: Textbook for Historical Faculties of Universities]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury.
- Kurbatov, G. L. (1953). Review of: Sjujzjumov, M. Ja. (1952). *Politicheskaja bor'ba vokrug zrelishev v Vostochno-Rimskoi imperii IV v.* [The Political Struggle over Circuses in the Eastern Roman Empire of the IVth Century]. *Uchenye zapiski Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta im. A. M. Gor'kogo*, 11, 84–134. *Vizantiiskii vremennik*, 7, 306–314.
- Kushch, T. V. (2015). “Chtoby ne rassypalas' nasha sverdlovskaja semeika vizantinistov”: pis'ma M. Ja. Sjujzjumova k I. P. Medvedevu [“To Prevent Our Sverdlovsk Family of Byzantinologists from Falling to Pieces”: M. Ja. Sjujzjumov's Letters to I. P. Medvedev]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 43, 4–30.
- Lebedeva, G. E., Piotrovskaya, E. K., & Slyadz', A. N. (2018). Z. V. Udal'tsova kak organizator sovetskogo vizantinovedeniia (k 100-letiiu chlena-korrespondenta Akademii nauk SSSR Z. V. Udal'tsovoi) [Z. V. Udal'tsova as an Organizer of the Soviet Byzantine Studies (by the 100-Anniversary of the Corresponding Member of the Academy of Sciences of the USSR Z. V. Udal'tsova)]. *Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture*, 4(2), 9–27.
- Medvedev, I. P. (1973). *Mistra. Oчерки istorii i kul'tury pozdnevizantiiskogo goroda* [Mystra. Essays on the History and Culture of the Late Byzantine City]. Leningrad: Nauka.
- Pikhoya, R. G. (1973). Mikhail Jakovlevich Sjujzjumov (K 80-letiiu so dnia rozhdeniia) [Mikhail Jakovlevich Sjujzjumov (to the 80th Anniversary of his Birth)]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 10, 4–20.
- Poljakovskaja, M. A. (1988). Otsenka perioda genezisa vizantiiskogo feodalizma v trudakh M. Ja. Sjujzjumova (k 95-letiiu so dnia rozhdeniia) [Evaluation of the Genesis Period of Byzantine Feudalism in the Works of M. Ja. Sjujzjumov (to the 95th Anniversary of his Birth)]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 24, 7–19.
- Poljakovskaja, M. A. (1994). Uchenyi i vremia: K 100-letiiu so dnia rozhdeniia M. Ja. Sjujzjumova [The Scientist and the Time: To the 100th Anniversary of the Birth of M. Ja. Sjujzjumov]. *Vizantiiskii vremennik*, 54, 170–182.
- Poljakovskaja, M. A. (1996). M. Ja. Sjujzjumov: paradoksy zhizni i tvorcestva [M. Ja. Sjujzjumov: Paradoxes of Life and Creative Activity]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 4, 51–54.

Poljakovskaja, M. A. (2001). Mikhail Jakovlevich Sjuzumov: uchenyi i vremia [Mikhail Jakovlevich Sjuzumov: The Scientist and the Time]. In M. Ja. Sjuzumov, *Vizantiiskie etiuudy* [Byzantine Studies] (pp. 5–22). Yekaterinburg: Ural University Press.

Poljakovskaja, M. A. (2003a). Iz istorii otechestvennoi vizantinistiki: M. Ja. Sjuzumov i A. P. Kazhdan (po materialam epistoliarrii). In *Mir Aleksandra Kazhdana* [The World of Alexander Kazhdan] (pp. 69–83). St Petersburg: Aleteiia.

Poljakovskaja, M. A. (2003b). *Vizantiia, vizantiitsy, vizantinisty* [Byzantium, Byzantines, Byzantinists]. Yekaterinburg: Ural University Press.

Poljakovskaja, M. A. (2010). Mikhail Jakovlevich Sjuzumov (1893–1982). In G. N. Sevost'yanov, & V. Ya. Golovin (Eds.), *Portrety istorikov: vremia i sud'by* [Portraits of Historians: Time and Fate] (Vol. 5, pp. 132–143). Moscow: Nauka.

Romanchuk, A. I. (2017). Iz epistoliar'nogo naslediiia M. Ja. Sjuzumova: pis'ma k G. A. Ostrogorskomu [From the Epistolary Heritage of M. Ja. Sjuzumov: Letters to G. A. Ostrogorsky]. *Dokument. Arkhiv. Istoriiia. Sovremennost'*, 17, 536–550.

Sashanov, V. V. (2016). Stanovlenie sovetskogo vizantinovedeniia v 40-e–50-e gody XX veka: institutsional'nyi aspekt [Formation of Soviet Byzantine Studies in the 1940–1950s: Institutional Aspect]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnykh nauk*, 158(3), 840–850.

Ševčenko, I. (1971). The Date and Author of the So-Called Fragments of Toparcha Gothicus. *Dumbarton Oaks Papers*, 25, 115–188.

Sjuzumov, M. Ja. (1953). Review of the book: Vogt, J. (1949). Constantin der Grosse. München. *Vizantiiskii vremennik*, 7, 330–337.

Sjuzumov, M. Ja. (1956). O kharaktere i sushchnosti obshchiny po Zemledel'cheskomu zakonu [On the Nature and Essence of the Community according to the Farmer's Law]. *Vizantiiskii vremennik*, 10, 27–47.

Sjuzumov, M. Ja. (1971). Trudovye konflikty v Vizantii [Labor Conflicts in Byzantium]. In *Vizantiiskie ocherki* [Byzantine Essays] (pp. 26–740). Moscow: Nauka.

Skazkin, S. D. (Ed.). (1967). *Istoriiia Vizantii* [The History of Byzantium] (Vols. 1–3). Moscow: Nauka.

Zhigalova, N. E. (2015). *Fuga temporum: ob Ural'skoi shkole vizantinovedeniia* [Fuga temporum: about the Ural School of Byzantine Studies]. *Vox medii aevi*, 2–3 (13–14), 130–138.

Куш Татьяна Викторовна

доктор исторических наук
1 заведующая кафедрой истории
Древнего мира и Средних веков
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
2 главный научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский пр., 32а
E-mail: tkushch@yandex.ru

Kushch, Tatiana Viktorovna

Dr. Hab. (History)
1 Head of the Ancient and Medieval History
Department
Ural Federal University
51 Lenin Ave, 620000, Ekaterinburg, Russia
2 Chief Researcher
Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences
32a Leninski Ave, 119334, Moscow, Russia
Email: tkushch@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9097-5466>
ResearcherID: H-9248-2017
Scopus AuthorID: 57214235683

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

LIST OF ABBREVIATIONS

- АДСВ – Античная древность и средние века
- АРАН – Архив Российской Академии наук
- БИАС – Бахчисарайский историко-археологический сборник
- ВВ – Византийский временник
- ВДИ – Вестник древней истории
- ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
- ГАСО – Государственный архив Свердловской области
- ГМИИ – Государственный Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
- ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
- ЗРВИ – Сборник радова Византолошког института
- ИАК – Известия Археологической комиссии
- ИИАК – Известия Императорской Археологической комиссии
- ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- ИРАИК – Известия Русского археологического института в Константинополе
- ИРАИМК – Известия Российской академии истории материальной культуры
- ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
- НА ИА НАНУ – Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины
- ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
- ПС – Палестинский сборник
- РА – Российская археология

СА – Советская археология
СВ – Средние века
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
ХС – Херсонесский сборник
AFP – Archivum Fratrum Praedicatorum
АНС – Annuarium Historiae Conciliorum
BS – Byzantinoslavica
Byz – Byzantion
CCSG – Corpus Christianorum. Series graeca
DOC – Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection / ed. A. R. Bellinger, Ph. Grierson. Washington D.C. : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1993.
DOP – Dumbarton Oaks Papers
JNES – Journal of Near Eastern Studies
JÖB – Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik
LBG – Lexikon zur byzantinischen Gräzität, besonders des 9.–12. Jahrhunderts / hrsg. von E. Trapp u. a. Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2001–2017.
LSJ – *Liddell H. G., Scott R. et al.* A Greek-English Lexicon. Oxford : Clarendon Press, 1996.
MGH, AA – Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi
MGH, Ep. – Monumenta Germaniae Historica. Epistolae
OCP – Orientalia Christiana Periodica
PG – Patrologiae Cursus Completus, Series Graeca / ed. J.-B. Migne. Paris : Imprimerie Catholique, 1857–1866. Vol. 1–161.
REArm – Revue des Etudes Armeniennes
REB – Revue des Études Byzantines
RIC – The Roman Imperial Coinage / ed. H. Mattingly, E. A. Sydenham. London : Spink & Son, 1972. Vol. 5.
SBS – Studies in Byzantine Sigillography
SNG – Silloge Nummorum Graecorum. London : British Museum, 1993.

Научное издание

АНТИЧНАЯ ДРЕВНОСТЬ И СРЕДНИЕ ВЕКА

2021

ТОМ 49

Научный редактор *Т. В. Куц*
Редактор и корректор *А. А. Макарова*
Редактор перевода *Н. И. Храпунов*
Компьютерная верстка *А. Ю. Матвеев*

На обложке: Печать Елены, супруги Иоанна V Палеолога. Аверс. XIV в. Гос. Эрмитаж
(по: *Соколова И. В.* Печати византийских императоров. Каталог коллекции.
СПб., 2007. С. 105. № 208)

Свободная цена

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1 федерального закона РФ от 29.12.2010 № 436-ФЗ как содержащий научную информацию.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС7776540 от 09 августа 2019 г.

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
620002, Екатеринбург, пр. Мира, 19

Дата выхода в свет 28.12.2021. Формат 60 x 84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 27,24. Усл. печ. л. 23,02. Тираж 300 экз. Заказ № 300.
Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7(343)389-94-76, 350-90-13
Факс: +7(343)358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
www.print.urfu.ru